История русских революций в лицах
1900–1917

ИМПЕРИЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ

Михаил Зыгарь

Автор бестселлера «Вся кремлевская рать»

Annotation

Революции не происходят неожиданно, империи не гибнут ни с того ни с сего. Главный урок, который мы можем вынести из революции 1917 года, – понимание того, почему император и его окружение в обстановке, которая требовала кардинальных внутренних реформ, не только на эти реформы не решились, но, наоборот, всеми силами пытались повернуть развитие страны вспять, усиливая опору на «традиционные ценности», православие и армию. Глава за главой, через живые истории людей, Михаил Зыгарь показывает, как империя неуклонно движется к катастрофе и почему ничто не может ее спасти. Главный герой этой книги – российское гражданское общество. Оно зарождается в первые годы XX века, развивается на глазах у читателя и на его же глазах исчезает вскоре после 1917 года. Узнавая хронику событий столетней давности, читатель может понять, что происходит сегодня, и попробовать заглянуть в будущее. Отзывы Книга Михаила Зыгаря необыкновенно увлекательна, оторваться от нее невозможно. Важнейший момент в истории России становится понятным благодаря тому, что люди, творившие эту историю, показаны совершенно живыми; порой хотелось в голос говорить им: «Нет, не надо, это ошибка, вы губите Россию!» Не могу вспомнить ни одной книги – ни российского, ни зарубежного автора, – которая бы столь полно, точно и мощно представила читателю суть ключевого исторического события. Тем, кто стремится понять, почему произошло то, что произошло, чтение этой книги обязательно. Владимир Познер Это именно такое изложение истории, которое лично мне больше всего нравится: безэмоционально-беспартийное, взвешенное, аналитическое – и при этом не скучное. Довольно редкое сочетание. Борис Акунин Странно, что такая книга не была написана раньше. Спокойное, внятное, но при этом крайне увлекательное изложение того, что случилось 100 лет назад. Эту книгу надо читать сегодня, потому что написана она для человека, живущего в 2017 году, и апеллирует к нашим нынешним представлениям о том, как крутятся механизмы власти, как делается история страны и как ее можно потерять. Фёкла Толстая В замечательной работе Михаила Зыгаря очень подробно рассказывается, как Россия катилась к своему краху, какие ошибки и преступления (часто с предпочтением силы уму) делали этот крах неизбежным. Творцам сегодняшней истории хорошо бы почитать, подумать, извлечь урок. Владимир Войнович

- Михаил Зыгарь
  -
  - Предисловие
  - Глава 1
    - Новый век
    - Старый пророк
    - Неотвратимая казнь
    - Настоящий Каренин
    - Великая ложь
    - Высокий покровитель
    - Бессмысленные мечтания
    - Великое переселение
    - Не молиться
    - Убийца в окне
    - Казанская битва
    - Два царя
    - Война и мир искусства
    - «Церковь на троих»
    - Хипстеры XX века
    - За железный занавес
    - Плохой монах
    - Приготовление к переходу
    - Два писателя, две актрисы
    - «Левочка умирает»
  - Глава 2
    - «Русь» или рубль
    - Хамелеон
    - Золотая молодежь
    - Московские олигархи и питерские либералы
    - Опера, драма, трагедия
    - Роман с госзаказом
    - Художники и рабы
    - Царьград наш
    - Невеликие великие князья
    - «Все-таки мы далеко ушли от Китая»
    - Китайский император Николай
    - Желтороссия
    - Борьба со смертью и борьба с режимом
    - Модный священник

        - Адмирал Тихого океана
    - Глава 3
        - Новогоднее пожелание
        - Наследник чайной империи
        - Старая партия
        - Психологическая дуэль
        - Якутск – Париж
        - После Дрейфуса
        - Москва без революции
        - Свои евреи, чужие евреи
        - Лидер и его двойник
        - Новая столица русской эмиграции
        - Три товарища и диктатор
        - Маленькая Россия
        - Время подлеца
        - Выдумки интеллигентов
        - Боевая организация
        - Возвращение врага
        - «Черный передел» сегодня
        - Враг государства номер один
        - Оседлать беса
        - Первые сто рублей
        - Два мира – два немца
        - Потопить всех евреев в Черном море
        - Заговор царя Соломона
        - Еврейская самооборона
        - Дом номер тринадцать
        - Погром на весь мир
        - Ледяная пустыня
        - Неаполитанский узник
        - «Папа приедет завтра»
        - Смертельный ужас
        - Марионетки вырываются
        - Заговор двух реформаторов и одного консерватора
        - Одесса волнуется
        - Орел рассержен
    - Глава 4
        - Самый популярный марксист
        - Настоящий аскет

- Молодые фанатики
- «На их мнение плюет»
- Столица русской оппозиции
- Начало Освобождения
- Тюрьма и уроки английского
- Донкихот самодержавия
- Лидер оппозиции
- Генеральное сражение с цензурой
- Овации на дне
- Не балерина, не утопленник
- Знание – деньги
- Три жены
- «Конец Горького»
- «Бесит своими куцыми взглядами»
- Великий раскол
- Ленинцы и мартовцы
- Политический курорт
- Война и Германия
- «Уф»
- Рождение бонапартика
- Последний бал
- Маленькая победоносная войнишка
- Макаки, медведи
- Двоевластие
- «Зачем мы забрались сюда?»
- Ненужная помощь земства
- Молитва, чай и танцы
- Смертный приговор
- Предатель где-то рядом
- Убить Плеве
- Террористы и поэты
- Вечер был чудный

Глава 5

- Новая вошь
- Любимая внучка, будущая королева, жена Джека-потрошителя
- Черная невеста
- «Опять девочка»
- Христос из Лиона

        - Святой из Сарова
        - Странник из Сибири
        - Шампанское и устрицы
        - Жулики и воры
        - Всеобщая радость
        - Парижский съезд
        - Доверие к обществу
        - Генеральные штаты
        - «Третий элемент»
        - Дядя самых честных правил
        - Вычеркнуть интеллигенцию из словаря
        - «Я вас поздравляю, господа!»
        - Поражение
    - Глава 6
        - Кошмар после Рождества
        - Выстрел на Неве
        - Христос в пустыне
        - Красный платок, белый платок
        - Войска в городе
        - «Нет больше Бога»
        - «Убитые – да, не смущают»
        - Секретный диктатор
        - Собачий холод в Кремле
        - Нелепая бессребреница
        - Бегство Гапона
        - Анти-Гапон
        - Рождение политики
        - Смерть в Кремле
        - Любой ценой
        - «Жена того, кого вы убили»
        - «Бристоль»
        - Гастроли в Европе
        - Паника в Китае
        - «Дуб с корнем выворачивает»
        - Что такое конституция
        - «За разрушенные стены прекрасных дворцов!»
        - Георгий Объединитель
        - Портрет над входом в буфет
        - «Россия сошла с ума»

        - «Уезжайте обратно и плачьте»
        - Борщ и водка
        - Гапоны вместо Романовых
        - Осмысленные мечтания
        - Американские гастроли
        - Рождение Думы
        - «Джон Графтон»: начало
        - Американцы плачут
        - «Джон Графтон»: финал
    - Глава 7
        - Добрый доктор
        - Власть в руках Трепова
        - Бесконтрольная свобода
        - «Ну, уезжайте, а мы погибнем»
        - «Повесят?»
        - Рождение Советов
        - Московский инсульт
        - Революция Витте
        - Германия – мать порядка
        - Театральный бунт
        - Кадеты и женщины
        - Конституция или смерть
        - «Завтра на улицах будут христосоваться»
        - Жиды сбросили корону
        - Союз русских
        - Реформа или ловушка
        - «Тяжкое преступление, достойное смерти»
        - Свинья, жаба и другие министры
        - Активный гражданин и активный полицейский
        - Правительство Витте
        - Святой и бунт
        - Новые союзники
        - Враг справа
        - Конец Советов
        - Французская рулетка
        - Восстание детей
        - Московская бойня
        - Красноярская республика
        - Партия власти

        - Изобретение фашизма
        - Родина или государство
        - «Грязно и прочее»
        - Партийный суд
        - Товарищеский суд
        - Смерть предателя
        - На дачу
        - Знакомство со знаменитостью
        - Пора валить
        - Ревущие кошки, моченые яблоки
        - В гостях у капитализма
        - Антиамериканизм
        - Что делать
        - «Вся Россия – сплошной сумасшедший дом»
    - Глава 8
        - Знакомство с народом
        - Новый министр
        - Прачечная и оранжерея
        - Живопырня
        - Кошмары революционеров
        - Генерал-демократ
        - Два неубитых медведя
        - Земельный вопрос
        - Поездка в Выборг
        - Правый террор
        - Взрыв на Аптекарском острове
        - Модный терроризм
        - Диктатор в опале
        - Приглашение на казнь
        - «Новый! Новый!»
        - Аграрная реформа
        - Бочка с капустой
        - Петросовет в суде
        - Бомба в дымоходе
        - Правая сила
        - Первый административный ресурс
        - Молодой человек из Кутаиси
        - Суд над Лениным
        - Суд над бизнесом

        - Оскорбление чувств
        - Заговор социалистов
        - «Берегите Думу»
        - «Бесстыжий» закон
        - Лучшая подруга
        - «Слава Богу, нет парламента»
    - Глава 9
        - Русский шик в Париже
        - Святой террор
        - Жизнь за царя
        - Ленин на тонком льду
        - Масоны. Инсталляция
        - Масоны против заговора
        - Устал и уходит
        - Турецкий образец
        - Трагедия Юсуповых
        - Убить императора
        - Крах веры
        - Много шума из-за Азефа
        - Проститутки и хрусталь
        - Грязные танцы
        - Двое верующих и их чувства
        - Секта на Капри
        - Интеллигенция и педократия
        - Рейдерский захват русского народа
        - Нерусский русский балет
        - Епископы и светские дамы
        - Цензура на страже Распутина
        - Завещание Толстого
        - Красный треугольник
        - Эпидемия самоубийств
        - Певец на коленях
        - Дерзостное неуважение к власти
        - Победа и унижение Столыпина
        - Ритуальное расследование
        - Выстрелы в антракте
        - Локальный апокалипсис
        - Вернуться в Россию
    - Глава 10

- Миллионер против правительства
- Их расстреляли
- Человек, который воюет
- Семь тысяч двести граммофонов
- Царевич умирает
- Романовы 300 лет спустя
- «Перестаньте! Образумьтесь!»
- Кто убил Андрея Ющинского
- Весна скандальная
- Новая Америка
- Сектанты и провокаторы
- Ничего не зависит
- Четыре убийцы
- Хроника растущего патриотизма
- Зверства и пораженцы
- Чернорабочие соловьи
- Польский вопрос
- Украинский вопрос
- Армянский вопрос
- Новые герои
- Могущественная Вырубова
- Воспоминания в банке
- Князь Андрей
- Шпионы и патроны
- Императрицу – в монастырь, Распутина – повесить
- Все для победы
- Московская оргия
- «Общество вас ненавидит»
- Кабинет обороны

- Глава 11
  - Икона с колокольчиком
  - Новогодний сюрприз
  - Убить Распутина
  - Рождение шпиона
  - Прощай, Стамбул
  - Фактор здоровья
  - Переход в наступление
  - Политический туризм
  - Американское чудо

        - Незамеченная резня
        - Польша и печать дьявола
        - Две теории заговора
        - Новый хозяин Черного моря
        - Сумасшедший министр
        - Американский психопат
        - Идите спать
        - Глупость или измена
        - В брюках императора
        - Мечты о заговоре
        - Младотурецкий сценарий
        - Стать героем
        - Легенда о распутной вдове
        - Револьвер, дубинка, прорубь
        - Императрица нарушает закон
        - Одинокий Новый год
        - Занавес
    - Глава 12
        - Утро новой жизни
        - Конец Думы
        - В Ставке все спокойно
        - Солдаты у ворот
        - Правительство в осаде
        - Правительственный павильон
        - «У мятежников нет никакого плана»
        - Четыре полка и пулеметная команда
        - Кто здесь власть
        - Кто безобразит
        - Утро после бури
        - Уже не царское село
        - Остановить императора
        - День победы
        - Новое правительство
        - Солдаты против офицеров
        - Реформы генерала Алексеева
        - Либералы против социалистов
        - Самый важный телефонный разговор в истории России
        - Керенский на грани нервного срыва
        - «Никаких этикетов»

- Выбор Керенского
- Первое отречение
- Второе отречение
- Новая юстиция
- «Царь на Руси необходим»
- Михаил II
- Россия без царя
- «В них сидит какой-то микроб»
- Прощание императора
- Военная развязка
- Толстовская власть

- Глава 13
  - Выбраться из Швейцарии
  - Вернуться из Сибири
  - Министерство искусств
  - Да здравствует дубинушка
  - Без попов
  - «Церетели не каждый день приезжает»
  - «Кто наш спаситель? Керенский!»
  - Двоевластие
  - Неэффективный менеджер
  - Бабочки под колесами автомобиля
  - Поэт в тюрьме
  - Страшный социалист в концлагере
  - «Ничего безнравственного»
  - Вагон, очерченный мелом
  - Броневик в лучах прожектора
  - Жизнь бывших
  - Казнь на майдане
  - Узники Царского Села
  - Конец карьеры Ленина
  - Без аннексий и контрибуций
  - «Есть, пить, гулять»
  - «Мы больше не в состоянии»
  - Армия больна
  - Нота Милюкова
  - Диктатор, коалиция и собака Баскервилей
  - Нет такой партии
  - Парад в Париже

        - Главноуговаривающий
        - «Ни бунта, ни покорности»
        - Конец либеральной мечты
    - Глава 14
        - Звезда цирка
        - Слабое звено
        - К толпе в пасть
        - Анатомия протеста
        - Брать или не брать
        - Конец большевикам
        - Князь Мышкин
        - Бегство с поля боя
        - В Разлив
        - 13 речей в день
        - Твердая рука
        - Правительство, ответственное перед Керенским
        - Финская обида
        - В Тобольск
        - Правосудие и милосердие
        - Отдых окончен
        - Родина. Враг. Мрак
        - «Горцам все равно кого резать»
        - Президент или наркоман
        - Испорченный телефон Владимира Львова
        - Роковой чат
        - Августовский путч
        - Конец путча
        - Печальный Пьеро революции
        - Новый Петросовет
        - Склизь и девальвация
        - Назад в Грузию
        - Провинциальный стратег
        - Сдать Петроград немцам
        - Троцкий вместо Распутина
        - Жребий брошен
        - Ленин и его больной зуб
        - Споры близоруких
        - Силы на исходе
        - Отъезд под американским флагом

        - 13 обреченных
        - Обыватель просыпается
        - Развязка
    - Эпилог
    - Источники
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111

- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127

Михаил Зыгарь
Империя должна умереть

Михаил Зыгарь

Империя должна умереть

История
русских
революций
в лицах.
1900–1917

альпина
паблишер

Москва
2017

Редактор *Карен Шаинян*

Литературный редактор *Анна Шур*
Архивный редактор *Павел Красовицкий*
Научный консультант *Кирилл Соловьев*
Главный редактор и руководитель проекта *С. Турко*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *Е. Чудинова, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*

© Михаил Зыгарь, 2017
© ООО «Альпина Паблишер», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

*** * ***

Предисловие

Я не историк, а журналист. И эту книгу я писал по всем правилам журналистики: как если бы все герои были живы и я мог взять у них интервью. Примерно так же, как предыдущую мою книгу «Вся кремлевская рать».

К счастью, большинство моих героев рассказали свои истории – они оставили подробные дневники, письма и воспоминания, а также показания на допросах (список источников – в конце книги). К сожалению, многие из них врали (особенно в мемуарах), но большинство врали искренне, не сомневаясь в том, что говорят правду.

Увидеть Россию начала XX века глазами людей того времени – такова моя главная цель. Когда я начал писать книгу, у меня не было готового ответа на вопрос, почему погибла Российская империя. У меня не было теории, которую я хотел бы доказать читателю и ради которой подбирал бы факты. Наоборот, мне потребовалось много труда, чтобы очистить картинку от предубеждений, наслоений, стереотипов, которые оставили за собой десятки профессиональных историков. Уверенных в том, что революции в России были единым и необратимым процессом.

Мои герои ничего про это не знают. Каждый из них живет своей жизнью, даже не подозревая, что спустя много лет его сочтут песчинкой или, наоборот, движущим механизмом в историческом процессе.

Я начинаю книгу на рубеже XIX и XX веков. Это очень интересное время. Многие молодые столичные интеллектуалы – поколение нулевых – еще аполитичны, они очень отличаются от поколения старых диссидентов. Они считают политику чем-то вчерашним, неинтересным и немодным. Но политика резко вторгается в их жизнь, власти вмешиваются в свободу творчества, запрещая и закрывая все, что их не устраивает. Так постепенно начинаются первые в российской истории массовые митинги протеста – и то, как их подавляют, привлекает к ним все больше внимания. В течение нескольких лет в России возникает гражданское общество – активное, требовательное и сознательное.

Российские интеллектуалы возмущены расстрелом демонстрации рабочих 9 января 1905 года – после этого протестные настроения растут так быстро, что, кажется, их уже ничем не сдержать. Креативный класс требует всеобщих выборов, создания парламента, свободы слова, равенства перед законом – и уверен, что добьется своего. Эйфория продолжается

почти год: сначала власти будто бы удовлетворяют часть требований, а потом нарушают почти все свои обещания. Вчерашний оптимизм в обществе сменяется тяжелым разочарованием. В России «закручивают гайки», многие считают, что пора валить.

Этот период – между 1905 и 1914 годами – одни современники видят самым благополучным временем Российской империи, «тучным» десятилетием, а другие – мрачными годами репрессий, фальсификаций на выборах, ручного управления судами. Большое влияние в России приобретают религиозные радикалы и мракобесы, требующие сурово наказывать деятелей культуры, оскорбляющих представителей власти или чувства верующих. Многие интеллектуалы эмигрируют – и уже в Европе продолжают бесконечно обсуждать судьбы родины. Здесь же живут представители царской семьи и двора, шокируя европейцев показным богатством.

Эта беззаботная для одних и безнадежная для других жизнь заканчивается внезапно: с началом Мировой войны, которой никто не ждет. Даже не сама война становится для России трагедией – а то, что государство, армия чиновников и бюрократов, не в состоянии с ней справиться. Все первые успехи на фронте заканчиваются из-за коррупции и некомпетентности.

Постфактум история всегда выглядит очень логично. Задним числом прослеживается замысел, разоблачается заговор, видна злая или добрая воля. Но если пытаться проживать историю шаг за шагом, день за днем, вместе с ее участниками, стройные концепции рассыпаются. Ничто не выглядит предрешенным. Все герои все время ошибаются. Никто не может предугадать будущее даже на пару дней вперед. Никто не может спланировать даже собственную жизнь – потому что обстоятельства все время меняются, а от тебя как будто ничего не зависит.

Восстанавливая картину мира и логику действий своих героев, я не старался написать полную историю Российского государства с 1901 по 1917 год. Мне кажется, российская история и так зациклена на государстве, точнее даже, на Государе. Мы привыкли видеть нашу историю как совокупность биографий вождей – и за этим стройным рядом царей, генсеков и президентов совершенно не видно общества. Что хотели люди? Чего боялись? Что они делали и планировали? Все это для меня важнее, чем решения обитателей Царского Села или Кремля. Эта книга – попытка написать биографию российского общества. Изучить, к чему оно стремилось и почему под его напором империя должна была умереть.

В качестве главных героев я выбрал самых ярких представителей

общества, лидеров общественного мнения – не только политиков, но и писателей, журналистов, художников, проповедников.

Эта книга – вовсе не академический труд. Я старался использовать язык, который кажется современным в России начала XXI века, – ради того, чтобы читателям было проще и понятнее. К примеру, сто лет назад должность, которая сейчас называется «замминистра», именовалась «товарищ министра», тогда как слово «заместитель» имело совсем другой смысл – «преемник». Зная подобные тонкости, я все же намеренно стараюсь не путать читателя и не перегружать его неважными архаичными подробностями.

В интересах читателя я позволяю себе использовать не только современную лексику, но и современные географические названия. При этом, отступая от сложившейся традиции, я называю героев так, как они называли сами себя и друг друга, а не так, как принято называть их в исторической литературе. Например, человек, которого обычно называют Евно Азеф, представлялся Евгением, а великого князя Александра Михайловича в кругу семьи звали Сандро, и так же он подписывал свои письма.

С той же целью – говорить с читателем на понятном языке – я представил современные эквиваленты для всех денежных сумм. Важно оговориться, что эти расчеты не претендуют на точность экономического исследования, а лишь призваны показать примерный порядок цифр.

Эта книга – результат усилий огромного количества людей. В первую очередь это мои друзья и коллеги, которые работают вместе со мной в креативной студии «Свободная история». За два года нам удалось создать Проект1917 (project1917.ru) – уникальную базу дневников, писем, воспоминаний, статей, написанных людьми в 1917 году. Все эти материалы структурированы как соцсеть или текстовый сериал, онлайн-драма, которая позволяет каждый день смотреть внутрь 1917 года и видеть мир глазами его обитателей.

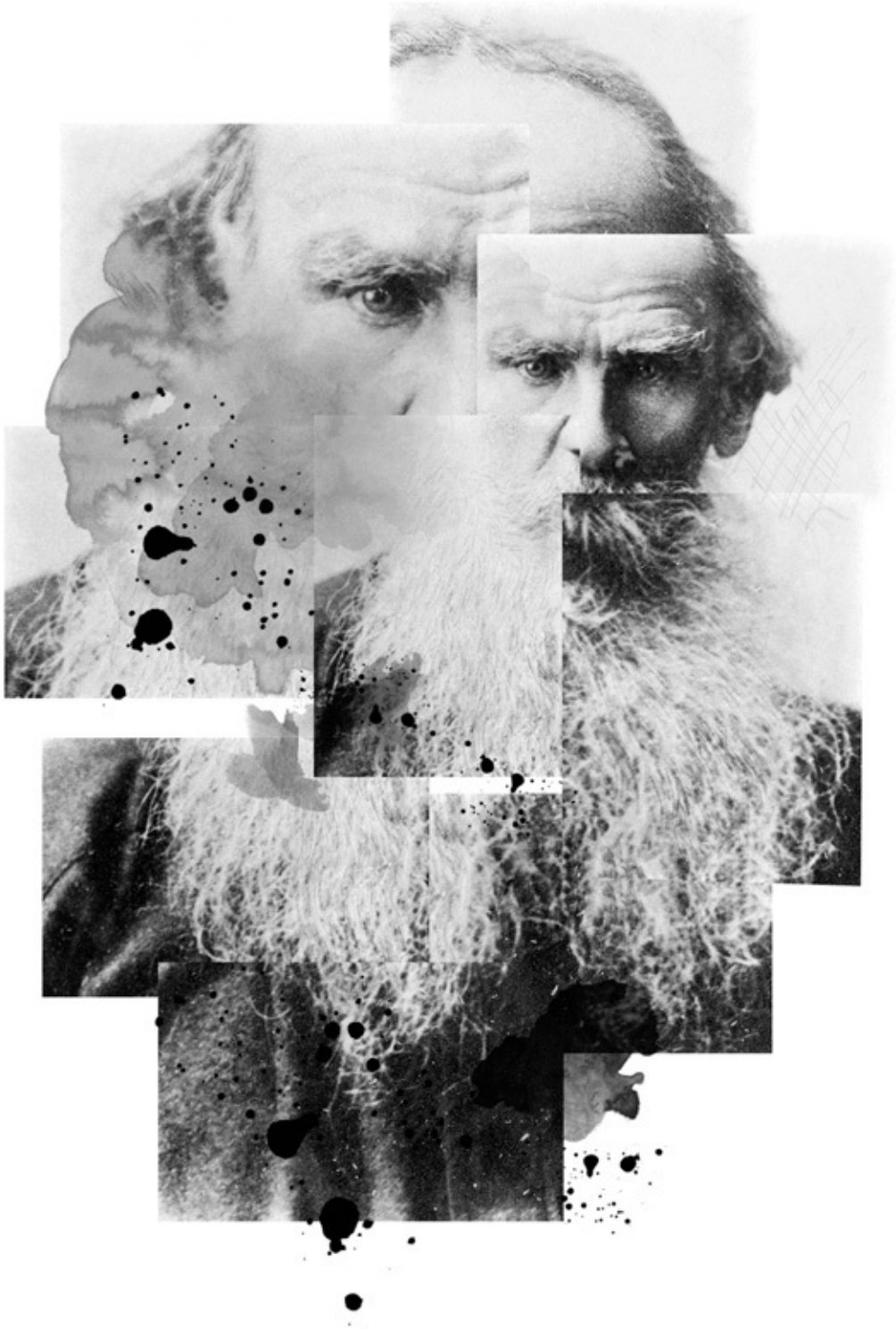
Эта книга не была бы написана без редакторского руководства Карена Шаиняна, без упорной работы редактора Анны Шур, без помощи Павла Красовицкого, который провел колоссальную исследовательскую работу в архивах, а также без организаторских способностей Веры Макаренко. Я хочу поблагодарить Алексея Ильина и издательство «Альпина Паблишер» за терпение и профессионализм. Я бесконечно признателен Александру Коляндру, Евгению Алексееву, Михаилу Черномордикову и Георгию Макаренко за помощь. В написании этой книги мне очень помогли профессиональные советы замечательных историков Кирилла Соловьева,

Алексея Кузнецова и Бориса Колоницкого.

Еще я хочу выразить поддержку Кириллу Серебренникову, современником и другом которого мне посчастливилось быть. Я очень не хотел бы, чтобы этот выдающийся режиссер повторил судьбу кого-либо из героев моей книги.

Наконец, я хочу посвятить эту книгу своей дочери Лизе. Надеюсь, что она будет интересна ей и ее поколению. И они смогут избежать всех ошибок, которые совершили мы и наши предшественники сто лет назад.

Михаил Зыгарь



Глава 1
В которой Лев Толстой становится символом борьбы с режимом и главным идеологом оппозиции

Новый век

24 февраля 1901 года газета «Церковные ведомости», официальный печатный орган РПЦ, публикует текст «Определения Святейшего Синода о графе Льве Толстом», в котором говорится об «отпадении» от церкви самого известного писателя России.

Петербургское общество негодует. «Телеграфу, кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие, – иронизирует приятель Толстого, журналист и писатель Владимир Короленко. – "Отлучение[1] от церкви", передаваемое по телеграфной проволоке, – парадокс, изготовленный историей к началу XX века». Православная церковь больше ста лет ни с кем так не поступала, при том что XIX век в России вовсе не был таким уж тихим и благочестивым временем. А тут вдруг решилась.

На следующий день, 25 февраля, текст из «Церковных ведомостей» перепечатывают все газеты, и о своем отлучении узнает Лев Толстой. Он в Москве, в своей усадьбе в Хамовниках. Граф, по словам его жены Софьи Андреевны, подавлен, вся семья в растерянности: чего теперь ждать?

К этому моменту 72-летний Толстой уже много лет живет даже не вне закона, а выше закона. Его книги запрещены, за их печать и распространение людей ссылают и сажают. Изгнан из России Владимир Чертков – любимый ученик, издатель и верный помощник писателя. Однако самого Толстого пока никто не трогал.

Русская православная церковь не отделена от государства, а значит, отпадение от веры – это уголовное преступление. За это могут и должны наказывать по законам светским: например, тюремным заключением. В последние двадцать лет то и дело появлялись слухи, что Толстого собираются отправить в Суздальский монастырь, действующую тюрьму для религиозных преступников, в которой сидят, например, иерархи старообрядческой церкви. Станет ли «Определение» Синода началом настоящих репрессий против писателя – неизвестно.

Прежде считалось, что Толстому покровительствует сам император Александр III, с детства любивший читать его произведения. Но император умер еще семь лет назад, в 1894 году. Зато жив его бывший учитель, многолетний идеолог империи Константин Петрович Победоносцев, ровесник Толстого (даже на год старше) и его заклятый враг. Новому императору Николаю II Победоносцев годится в дедушки – и имеет на него

влияние, поскольку был и его учителем.

Многие при дворе считают, что отлучение – это личная месть Победоносцева. «Прочитал сейчас указ Синода о Толстом. Что за глупость. Что за удовлетворение личного мщения. Ведь ясно, что это дело рук Победоносцева и что это он мстит Толстому…» – пишет юрисконсульт кабинета императора Лебедев.

Граф Толстой, узнав о постановлении Синода, отправляется в Москву. В городе беспорядки. Они не связаны с отлучением: студенческие волнения в Москве и Петербурге начались еще в 1899 году, когда ректор Петербургского университета приказал исключать самых политически активных студентов (отчисленных студентов потом призывали в армию). Второй год подряд в двух столицах то и дело вспыхивает университетская война. Толстой доезжает до Лубянки и натыкается на потасовку студентов с полицией. Новость об отлучении уже облетела город, писателя сразу узнают, и молодежь устраивает ему овацию.

Но аплодисментами дело не ограничивается. «Вот дьявол в образе человека», – кричат Толстому на Лубянской площади. «Настроение толпы было столь двойственно, что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспешил сесть на извозчика и уехал» – так описывает этот день московский жандарм Александр Спиридович. «Если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили», – вспоминает Толстой.

Дома графа ждут письма от незнакомцев. Открыв несколько наугад, он понимает: это начало травли. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь после смерти в вечное мучение и издохнешь как собака… старый черт, проклят будь!» «Если правительство не уберет тебя, мы сами заставим тебя замолчать». «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, у меня найдутся средства…» «Признаки такого же озлобления после постановления Синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми», – пишет Толстой.

Наряду с проклятьями приходят и слова поддержки, но к ним Толстой привык и в дневнике не цитирует.

Министерство внутренних дел запрещает любые публикации на тему отлучения Толстого – и наступает тишина, порождающая массу слухов. Владимир Чертков в Англии буквально сходит с ума, прослышав, что Толстой якобы арестован, – и забрасывает его телеграммами. Софья Андреевна пишет письмо петербургскому митрополиту Антонию – именно его подпись стоит первой под «Определением». Толстой продолжает читать все приходящие ему письма – а еще внимательно следит за последними новостями о студенческих беспорядках.

Победоносцев называет все разговоры об отлучении «тучей озлобления», поднятой ненавистной ему интеллигенцией. Крайне недоволен происходящим вокруг Толстого Николай II – царь не любит скандалов. Он вызывает старого Победоносцева и раздраженно спрашивает, почему никто не обсудил с ним решение об отлучении Толстого. Обер-прокурор Синода (фактически «министр церкви») Победоносцев улыбается: как же, приходил, докладывал, показывал проект «Определения». Просто император прослушал.

Победоносцев, воспитавший двух императоров, не самого высокого мнения о Николае II. Он нередко вспоминает, что в юности государь усердно ковырял в носу, когда ему пытались рассказать, как функционирует государство.

Старый пророк

К моменту отлучения от церкви положение Льва Толстого в России удивительно. Ему 72 года, он один из самых известных людей в стране – и последние двадцать лет враждует с властью.

«Оппозиционная деятельность» писателя начинается с духовного переворота в 1880 году. «Православие отца кончилось неожиданно, – вспоминает сын Толстого Илья. – Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем-то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит:

– Илюша, подай-ка мне эти котлеты. Нет, не забыл, я больше не буду поститься, и, пожалуйста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех, он ел и похваливал. Видя такое отношение отца, скоро и мы охладели к постам, и наше молитвенное настроение сменилось полным религиозным безразличием».

Эти съеденные в пост котлеты по влиянию на мировую культуру можно сравнить разве что с табличками, которые Мартин Лютер в 1517 году якобы прибил к дверям Виттенбергской церкви. С отрицания поста Лев Толстой начал собственную реформацию христианства.

Толстой, еще в 1870-м начавший изучать древнегреческий, меньше чем за два года, в 1880–1881 годах пишет собственную версию Нового Завета: «Соединение и перевод четырех Евангелий». По сути это психологический роман о юноше Иисусе, который, конечно, не сын Бога, – просто Мария родила его не от своего мужа Иосифа, а «неизвестно от кого». Это не секрет для самого героя, но причина глубокой внутренней драмы. Все разговоры Иисуса с дьяволом – это внутренние диалоги, спор героя с самим собой. Толстой исключает из текста все чудеса, поскольку не верит в них, а заканчивает свое Евангелие смертью Иисуса на кресте – ни о каком воскрешении речи нет. Христос для Толстого – обычный человек, но при этом учитель, философ, моральный ориентир. Главный завет Христа, по версии Толстого, состоит в любви к людям, умении прощать и отказе от насилия, а вовсе не в церковных обрядах.

Толстой отрицает церковь как таковую и все ее ритуалы, поскольку считает, что они лишь разъединяют многочисленных христиан всего мира.

Себя он видит создателем универсального христианства, освобожденного от примесей. Любопытно, что в своем Евангелии слово «фарисеи» Толстой меняет на «православные».

Толстой прекрасно понимает, что «Соединение и перевод четырех Евангелий» не может быть опубликовано в России – эту книгу печатают в Швейцарии. В России она выйдет в 1906 году, да и то не полностью. После перевода Евангелий Толстой пишет «Исповедь», позже статью «В чем моя вера?» и другие религиозные труды. Духовный переворот полностью меняет его жизнь и приводит к разладу с женой: Софья Андреевна не принимает новую религию Толстого, перестает быть его творческим напарником. С этого момента «духовным партнером» писателя и главным пропагандистом его идей становится Владимир Чертков. Взаимная ревность и ненависть между Чертковым и Софьей Толстой начинается в 1880-е – и будет продолжаться всю жизнь.

Меняется отношение Толстого и к творчеству, положению и успеху. Авторские права на все произведения, напечатанные до 1881 года, он передает семье, а все, что написано после, объявляет общим достоянием, за которое ему не нужно платить гонораров. Произведения, созданные до «переворота», в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину», он считает менее значимыми. Много лет спустя в ответ на восхищение гостя Ясной Поляны его романами Толстой скажет: «Это всё равно что к Эдисону кто-нибудь пришёл и сказал бы: "Я очень уважаю вас за то, что вы хорошо танцуете мазурку"». Только свои религиозные труды граф считает достойными внимания.

И именно религиозные труды делают его подпольным писателем – печатать Толстого в России больше нельзя. Тем не менее его учение распространяется. Все чаще призывники отказываются от службы в армии, объясняя, что они последователи Толстого и насилие противоречит их религиозным убеждениям. Число толстовцев растет год от года, несмотря на то что они вне закона.

Неотвратимая казнь

1 марта 1881 года в Петербурге группа молодых людей из организации «Народная воля» убивает императора Александра II. Бомбу в царя бросает 25-летний поляк Игнатий Гриневицкий. Но руководит терактом 27-летняя дочь бывшего губернатора Петербурга Софья Перовская – это она машет белым платком, подавая сигнал убийце.

Смерть императора шокирует петербургскую элиту. На тот момент многие уверены, что Россия находится в двух шагах от принятия конституции. Еще за два месяца до убийства, в январе 1881 года, министр внутренних дел Михаил Лорис-Меликов пишет и приносит императору «всеподданнейший доклад» с изложением плана политических реформ. Через несколько десятилетий историки его назовут «конституция Лорис-Меликова». Проект предусматривает реформу Госсовета, фактически превращение его в подобие парламента, Александр II его одобряет, а утром 1 марта – за час до смерти – сообщает Лорис-Меликову, что через четыре дня документ будет принят Советом министров. Сын императора, будущий Александр III, конечно, знает об этих планах, так как участвует во всех обсуждениях.

Внезапная смерть царя все меняет. Все в растерянности, и, кажется, только Победоносцев точно знает, что делать. Он срочно пишет письмо новому императору, своему бывшему ученику. «Час страшный и время не терпит. Или теперь спасать Россию и Себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, – о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может ещё играть в двойную игру. Если Вы отдадите Себя в руки ему, он приведёт Вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вёл игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет… И он – не патриот русский». В последней фразе Победоносцев, конечно, намекает на то, что Лорис-Меликов – армянин.

На совещании 8 марта Победоносцев произносит еще более страстную речь против либеральных реформ – его противники ошеломлены напором. Вскоре после этого Лорис-Меликова увольняют. «Слава Богу, этот преступный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический

проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным большинством», – с удовлетворением пишет Александр III.

Лев Толстой поражен убийством императора. Он в Ясной Поляне, почти в тысяче километров от Петербурга. Новость о теракте в столице доходит туда только 3 марта. Толстой ничего не знает о том, какие интриги плетутся при дворе, но предвидит казнь цареубийц. Она кажется ему преступлением против сути христианства. И он пишет два письма: одно – Александру III, а второе – Победоносцеву, с просьбой передать первое. Пишет он их мучительно, почти целую неделю, и отправляет только 15 марта. В это время его терзают ночные кошмары: ему снится, что это он, а не Александр III казнит террористов.

В письме Толстой хочет объяснить императору, что казнь не только противоречит принципам христианства, но и не является эффективным способом борьбы с терроризмом: «Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40».

Победоносцев, конечно, царю этого письма не показывает. Такой соперник для него слишком опасен. Учитель Александра III знает то, чего не знает сам Толстой, – новый император очень любит писателя, вырос на его произведениях, зачитывался «Севастопольскими рассказами» в детстве, обожает «Войну и мир».

Победоносцев пишет императору сам: «Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет… Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия»[2].

Александр III успокаивает Победоносцева: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Однако император ошибается. Друг Толстого Федор Страхов, который и привез письмо писателя Победоносцеву, предпринимает еще одну попытку выполнить просьбу Толстого – передает копию письма младшему брату царя, 23-летнему великому князю Сергею. И тот, в свою очередь, приносит письмо императору.

Удивительно, что через два десятилетия история повторится, но уже с другим концом. Сам великий князь Сергей будет убит террористами ровно так же, как и его отец Александр II. Жена Сергея, Елизавета, последует совету Толстого: она пойдет в камеру к убийце и будет просить помиловать

его.

Однако в 1881-м ходатайства Толстого и младшего брата императора оказываются бесполезными. Александр III отвечает, что, если бы покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца не имеет права простить. 3 апреля пятерых убийц Александра II вешают.

Шестой осужденной, Гесе Гельфман, предоставляют отсрочку, поскольку она беременна. Она становится мировой знаменитостью – письма Александру III с просьбой пощадить Гесю пишут со всего мира, в ее поддержку выступает, например, Виктор Гюго[3]. Но вскоре после родов она все равно умирает, не получив достаточной медицинской помощи.

«Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним», – пишет Толстой в апреле 1881 года, не зная, что цареубийцы уже казнены. А Победоносцев действительно медлит и три месяца тянет с ответом Толстому.

Зато 30 апреля он пишет свою «антиконституцию», манифест о незыблемости самодержавия. Так могла бы называться половина всех законов, когда-либо принятых в России: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

Суть документа проста: больше никаких либеральных реформ, никакой конституции, никакого парламента, никакой представительной власти.

В своем отчете императору Победоносцев признает, что «в среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением», зато «все здравые и простые люди несказанно радуются». Впрочем, это фирменный стиль Победоносцева – он всегда уверяет, что точно знает мнение народа и говорит от имени истинно русских людей. На самом деле его манифест становится предметом шуток – он входит в фольклор благодаря фразе «…а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления». За это его зовут «ананасным».

Настоящий Каренин

Начинается эпоха Победоносцева, которая продлится больше двух десятилетий.

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна.

Это через тридцать лет напишет про Победоносцева Александр Блок.

Только в июне 1881 года Победоносцев отвечает на мартовское письмо Толстого: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос. – Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение».

Победоносцев и Толстой ни разу в жизни не встречались. Но у «министра церкви» есть основания ненавидеть писателя. В этот момент, в 1881 году, петербургская общественность все еще зачитывается последним романом Толстого «Анна Каренина» (он был опубликован всего три года назад). Читатели пытаются найти прототипов. В Константине Левине ясно угадывается сам писатель. Кто же Каренин? Высокопоставленный чиновник (влиятельный, но без титула), чья жена неверна и эта измена общеизвестна. «Победоносцев!» – так думают все. Тем более жена Победоносцева Екатерина младше мужа на 21 год, и, говорят, у нее роман на стороне. Больше того, после выхода книги она начинает подражать Карениной в манере одеваться. Впрочем, возможно, все параллели между Победоносцевым и Карениным – это светская сплетня, по крайней мере, сам Толстой этого не подтверждал.

Великая ложь

К концу правления Александра II почти ни у кого в Петербурге не было ни малейших сомнений в том, что движение к конституционной монархии неизбежно, что перемены уже необратимы. Но индивидуальное усилие Победоносцева смогло все развернуть. Наиболее полно идеология Победоносцева выражена в его статье «Великая ложь нашего времени», написанной в 1884 году. Это он о демократии.

«Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия… идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастию, в русские безумные головы».

Победоносцев вовсе не считает, что у России особый путь и демократическое развитие не подходит именно ей. Он убежден, что демократия во всем мире уже обнаружила свою несостоятельность: «Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят, не давая себе труда вглядеться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола[4], которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

Петербургское дворянство смеется над Победоносцевым, его презрительно обзывают «поповичем». Эта неприязнь взаимна: Победоносцев считает, что главная проблема страны заключается в образовании: самая неблагонадежная и нелояльная часть населения – это интеллигенция, то есть студенты, профессора и даже чиновники. Система знаний, которые они получают, не способствует развитию верности императору. Другое дело – церковно-приходские школы. Образование должно ограничиваться грамотой и Законом Божьим, считает Победоносцев. И создание сети подобных церковно-приходских школ

становится делом его жизни.

Высокий покровитель

Несмотря на вражду с «министром церкви», «Определение» Синода и запрет на публикацию произведений, самого Толстого по-прежнему не трогают. Такая ситуация невероятно злит писателя: все вокруг него под ударом, а он как будто в вакууме. В 1890 году Толстой разговаривает с религиозным философом Константином Леонтьевым, своим убежденным противником. «Жаль, Лев Николаевич, что у меня мало фанатизма, – сердится Леонтьев. – А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим даже и посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны». «Голубчик, Константин Николаевич! – отвечает писатель. – Напишите, ради бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите».

От репрессий Толстого оберегает Александр III, который, с одной стороны, ценит его творчество, а с другой – резонно полагает, что мученичество лишь поспособствует распространению толстовства. Но популярность писателя продолжает расти – в том числе благодаря его общественной деятельности. В 1891 году в Центральной России и Поволжье начинается голод. Толстой едет в Рязанскую губернию, открывает там сеть бесплатных столовых, собирает огромные средства в помощь голодающим. Во время одной из поездок он узнает, что на железнодорожной станции местный священник выступает перед голодающими крестьянами и уговаривает их не брать ничего у Толстого, потому что он антихрист. Поначалу крестьяне действительно отказываются: «Иди, иди, матушка, со своим хлебом, не надо нам антихристова подаяния», – вспоминает дочь Толстого Татьяна слова голодающих. Но затем все же принимают помощь.

Бессмысленные мечтания

В 1894 году покровитель Толстого Александр III умирает, не дожив до 50. Его преемнику Николаю II 26 лет, он не интересуется ни политикой, ни престарелым Толстым, ни его ровесником Победоносцевым, который раздражает и пугает молодого императора. Впрочем, главный тезис Победоносцева Николаю близок, он тоже уверен, что власть царя – от Бога, а всякая конституция – от дьявола.

Правление Николая II начинается со скандала. В начале 1895 года он принимает делегации от разных губерний. Во время встречи представители Тверской губернии в своем поздравлении говорят о необходимости увеличить роль общества в управлении государством. В своей ответной речи император называет их просьбу неожиданно резко: «бессмысленными мечтаниями».

Выражение «бессмысленные мечтания» немедленно становится крылатым. В высшем обществе обсуждают, как и почему молодой царь позволил себе такую неаккуратную формулировку. Известная петербургская светская дама генеральша Богданович записывает в дневнике популярный в столице юмористический стишок:

И нахмурив очи строгие,
Чтоб скорее зло пресечь,
Корифеям демагогии
Царь сказал такую речь:
«За благие пожелания
я вас всех благодарю.
Но бессмысленны мечтания
власть урезать мне, царю!
Вы о вольностях все грезите,
Как Дантон или Марат,
И с суконным рылом лезете
Sans façons, в зеркальный ряд.
Или вы воображаете
(в самом деле – как умно),
Что собою представляете
Вы парламента зерно.
Далеко зерну до колоса,

Не пришла еще пора.
Дам пока вам право голоса
Лишь для возгласа "ура!"».

Столичная молодежь относится к словам императора без улыбки. Сын пермского губернатора, недавний выпускник Петербургского университета, а теперь популярный публицист Петр Струве пишет «Открытое письмо к Николаю II». Письмо распространяется в виде листовок и, конечно, без подписи автора. «До сих пор Вы были никому неизвестны, со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места "бессмысленным мечтаниям". Вас обманули, Вас запугали представители той именно придворной бюрократической стены, с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек».

25-летний Петр Струве пишет 26-летнему Николаю о том, что интеллигенция наивно полагала, что царь и бюрократия – разные силы, а услышав про «бессмысленные мечтания», поняла, что это одно и то же: «Если самодержавие на словах и на деле отожествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества… – дело его проиграно, – оно само себе роет могилу и, рано или поздно, – падет под напором живых общественных сил… Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности…; у других – она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать».

Не меньше Струве словами императора возмущен граф Толстой, хоть и не обещает императору немедленной революции. Он пишет статью «Бессмысленные мечтания» – пожалуй, наиболее полное изложение своей политической позиции; статью очень резкую и оскорбительную для молодого императора:

«Необдуманный, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества».

Осуждая «нахальство молодого барчука», Толстой переходит к выводу, что монархия как таковая опасна для России:

«Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что

кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он – внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатными племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей».

От монархии Толстой переходит к критике чиновничества:

«В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что если они прямо не воруют, как воровали те, которых обличили и прогнали, – они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные. Так что управляет государством не самодержавная власть – какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, – а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять сам один».

В завершение статьи Толстой прямо называет Победоносцева, который, по его мнению, является символом режима, «одуряет и развращает» народ. Это новый вызов государству; Толстой будто бы нарочно старается уязвить власть – и добиться наказания.

В 1897 году в России проходит перепись населения, и несколько тысяч человек называют себя толстовцами. Учение объявлено вредной сектой. Борьбу с ней возглавляет сам всесильный «министр церкви» Победоносцев.

Великое переселение

В первые годы правления Николая II Толстой начинает еще одну мощнейшую общественную кампанию – в защиту духоборов. Это христианская секта, очень близкая ему идейно: они отвергают обрядовую часть православия и любое насилие. В 1895 году духоборы, живущие недалеко от Тбилиси (тогда – Тифлис), протестуя против принудительного призыва в армию, собирают в кучу все имеющееся в местной общине оружие и сжигают. После этого репрессии против духоборов только усиливаются: их сажают в тюрьмы, отдают в дисциплинарные батальоны, ссылают.

Толстой и Чертков вступаются за духоборов, и вскоре о них начинает писать вся мировая пресса. И тогда у Толстого возникает идея вывезти духоборов туда, где их не будут преследовать. Рассматриваются разные варианты: Китай, Кипр, Гавайи.

Он начинает сбор денег и ради этого даже пересматривает собственное решение отказаться от гонораров. Специально побыстрее дописывает «Воскресение», чтобы все деньги от публикации романа отдать на помощь духоборам.

Правозащитная деятельность самого Толстого остается безнаказанной, но Черткову грозит ссылка в Сибирь. Благодаря связям удается сменить приговор на высылку за границу, и в 1897 году Чертков отправляется в Англию. Публицист, свободно владеющий английским, становится рупором Толстого в западном мире. И именно в Лондоне Чертков находит способ помочь духоборам. Новоявленный политэмигрант приходит к другому выходцу из России – князю Петру Кропоткину; тот живет в эмиграции уже больше 20 лет, с 1876 года. Знаменитый ученый-географ, открывший такое явление, как ледниковый период, и одновременно классик мирового анархизма берется помочь духоборам. Кропоткин не раз ездил в научные экспедиции в Канаду (и пришел к выводу, что эта территория геологически родственна Сибири). Туда он и предлагает переправить духоборов.

Историческое переселение начинается в 1898 году. Больше восьми тысяч человек в Батумском порту садятся на зафрахтованные Толстым корабли и отправляются в Квебек и Галифакс. К 1900 году колоссальная операция по спасению духоборов от репрессий заканчивается. Толстой демонстрирует, что он в состоянии жить в государстве и быть практически независимым от него.

Кстати, в романе «Воскресение» Толстой наносит еще один удар по Победоносцеву. Это уже не отдаленное сходство, как в случае с Карениным, – здесь есть персонаж, в котором Победоносцев угадывается безошибочно. Это абсолютное зло, «министр церкви» Топоров.

«Топоров… относился к поддерживаемой им религии так, как относится куровод к падали, которою он кормит своих кур: падаль очень неприятна, но куры любят и едят ее, и потому их надо кормить падалью».

Цензура, конечно, всю девятую главу, где содержится этот фрагмент, к печати не допускает. Но все заинтересованные лица, включая Победоносцева, читают полную версию.

Не молиться

Толстой раздражает и власть, и церковь. Но никто не решается на резкие шаги – и так продолжается до тех пор, пока он не начинает тяжело болеть. В 1899 году в газетах появляются рассуждения о том, что писатель может скоро умереть. Высшие чины Святейшего Синода совещаются: как поступать с Толстым, когда он умрет? Один из церковных иерархов, архиепископ Харьковский, даже пишет проект постановления об отлучении Толстого от церкви. В 1900 году митрополит Киевский рассылает секретное письмо, запрещающее всем священникам страны поминать Толстого. Но писатель выздоравливает. Зато скоропостижно умирает сам киевский митрополит.

Петербургский митрополит Антоний, несмотря на свою репутацию либерала, решает вопрос с Толстым закрыть. Раз уж принято тайное решение об отлучении Толстого – надо сделать его публичным. Он собирается просто обнародовать секретный циркуляр, но сперва решает утвердить его у государственного куратора церкви – Победоносцева. Тот переписывает текст и ужесточает его. Именно этот, отредактированный Победоносцевым, текст и попадает в «Церковные ведомости»[5]. Он подписан семью иерархами: Антонием и еще шестью митрополитами. Подписи «церковного министра» там нет.

По пунктам перечисляются все претензии к Толстому: проповедует свержение всех догматов православной Церкви, отрицает божественность Христа, непорочное зачатие, воскрешение, загробную жизнь, Страшный суд и все таинства Церкви. Следовательно, Толстой «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью», поэтому церковь не считает его своим членом, пока он не раскается. Заканчивается документ короткой молитвой за Толстого, с просьбой к Богу вразумить его.

Убийца в окне

8 марта 1901 года, всего через две недели после «отлучения» Толстого, обер-прокурор Синода Победоносцев сидит у окна в кабинете своего казенного особняка. Окна выходят на Литейный. Победоносцев, как обычно, работает допоздна, и его нетрудно заметить с улицы. Поздним вечером к окну подходит 25-летний Николай Лаговской, мелкий провинциальный чиновник, статистик из Самарской земской управы. Он достает револьвер и шесть раз стреляет в Победоносцева.

Первые пять пуль попадают в потолок, шестой выстрел дает осечку – Лаговской промахивается. Начинается шум, выбегают дворники, террорист пытается бежать, но его хватают.

Столичная полиция встает на уши, тем более что за неделю до этого убит министр народного просвещения Николай Боголепов. Это первое громкое покушение за двадцать лет; со смерти Боголепова и покушения на Победоносцева в России начинается эпидемия политических убийств.

По всей стране устраивают молебны за здравие Победоносцева. Не везде, однако, они проходят гладко: в Рязани, например, местные студенты устраивают скандал в момент службы «за здравие инквизитора». 74-летний Победоносцев – наверное, самый ненавистный чиновник в России, самый главный враг всех оппозиционеров: и студентов-революционеров, и петербургской интеллигенции. Лаговской на допросе говорит, что хотел «истребить его, как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе», а главной виной Победоносцева считает «распространение в народе суеверия и невежества посредством церковно-приходских школ».

Лаговского приговаривают к шести годам каторги, он не доживет до освобождения, умрет в Сибири. Победоносцев переживет его, на него будут еще несколько раз покушаться.

Казанская битва

Через неделю после отлучения Толстого, 4 марта 1901 года, на площади около Казанского собора толпятся люди. Здесь не только студенты, но и столичные знаменитости, например два молодых писателя-социалиста. Они – полная противоположность друг другу. Один – молодой человек из хорошей семьи, сын пермского губернатора Петр Струве, второй – юноша из низов, Алексей Пешков, подписывающий свои произведения псевдонимом Максим Горький. Струве профессионально занимается политикой в стране, где нет политики. Это он писал анонимное «Открытое письмо Николаю II» шесть лет назад. А за год до этого он с единомышленниками, среди которых Владимир Ульянов, создал первую в стране социалистическую газету «Искра». Горький еще не читал «Искру», еще не знаком ни со Струве, ни с другими ее основателями. Зато он уже написал несколько рассказов, принесших ему огромную популярность среди молодежи. Но пока не переехал в столицу – живет в Нижнем Новгороде. Струве 31 год, Горькому – 32, он ровесник царя Николая II.

Митинг у Казанского собора – это, наверное, первая массовая политическая манифестация в истории России. Отличие от всех предыдущих студенческих волнений принципиальное: это не студенты борются за свои права, а представители самых разных сословий выходят, чтобы заступиться за студентов. Собравшиеся требуют отменить «временные правила», позволяющие любого политически активного студента отчислить и призвать в армию.

«Мы на площади; шумно оживленная, нервно возбужденная толпа – и ни одного полицейского, – вспоминал позже студент математического факультета Разумник Иванов, которому в этот момент 22 года. – Полиция, пешая и конная, вместе с отрядами казаков, до поры до времени запрятана во дворах прилегающих с площади домов. Ждем сигнала. Ударила полуденная пушка – и началось… В середине площади, в густой толпе молодежи, развернулся красный флаг – и в ту же минуту распахнулись ворота домов на Казанской улице и Екатерининском канале, отряды казаков врезались в толпу, работая наотмашь нагайками. Вопли боли и ярости, кровь, стоны раненых; крики негодования зрителей, которых пешая и конная полиция, разгоняя, избивала на тротуарах».

В избиваемой толпе не только молодежь, но и столичная элита. Горький вспоминает, что многие офицеры отказываются подчиняться

градоначальнику Клейгельсу, который командует разгоном, некоторые даже вступают в бой с казаками.

«Одного из этих офицеров я видел в момент, когда он прорвался сквозь цепь жандармов. Он весь был облит кровью, а лицо у него было буквально изувечено нагайками, – вспоминает Горький в письме другу Антону Чехову. – Другой кричит: "Они не имеют права бить нас, мы публика!" Во все время свалки офицерство вытаскивало женщин из-под лошадей, вырывало арестованных из рук полиции и вообще держалось прекрасно».

Струве приходит в исступление, вспоминает подруга его жены, участница митинга Ариадна Тыркова: «Это черт знает что такое! Как они смели? Как они смеют меня – меня! – по ногам колотить нагайкой!» – кричит он, завидев знакомых. Мы все были возбуждены, но, слушая его нелепый, нескладный, несколько раз повторенный выкрик – меня! Меня! – я чуть не рассмеялась».

Негодование Струве и других свидетелей понятно: в начале XX века российские полицейские еще не бьют людей – даже арестованных, а дворян тем более. Это запрещено законом: телесные наказания применимы только к одному сословию, крестьянам, составляющим, впрочем, 80 % населения.

Главным героем митинга у Казанского собора становится князь Леонид Вяземский, бывший астраханский губернатор и член Государственного совета. Когда начинается избиение, он подбегает к столичному градоначальнику Клейгельсу и кричит на него, что это превышение полномочий и нужно немедленно прекратить зверство. Тот не реагирует.

Студент Иванов вспоминает, что митингующие разгромлены, избиты, оттеснены к ступеням Казанского собора, куда они и вваливаются всей толпой, поддерживая раненых; их складывают на мраморные скамьи около гробницы Кутузова. «В соборе заканчивалось воскресное богослужение, прерванное нашим появлением, шумом и криками, – вспоминает Иванов. – Из алтаря появился командированный священником дьякон:

– Звери вы или люди? Врываетесь, безбожники, во храм, где идет божественное служение, фуражек не снимаете, бесчинствуете… Устыдитесь!

– Отец дьякон, не мы бесчинствуем, а полиция, – взгляните на окровавленных и раненых; нас загнали в собор, мы не доброю волей сюда вошли…»

После чего в собор входит полицейский полковник и заявляет, что у митингующих есть полчаса на то, чтобы разойтись и тем доказать, что они люди законопослушные. «Не для того мы шли на демонстрацию, чтобы

доказать свою гражданскую благонамеренность!» – вспоминает Иванов. За полчаса из собора уводят раненых, а остальных (500–600 мужчин и около сотни женщин) арестовывают.

Горький пишет Чехову, что, по официальным данным, убито четыре человека, избито 62 мужчины и 34 женщины, полицейских, жандармов и казаков ранено 54. «Я вовеки не забуду этой битвы! Дрались – дико, зверски, как та, так и другая сторона. Женщин хватали за волосы и хлестали нагайками, одной моей знакомой курсистке набили спину, как подушку, досиня, другой проломили голову, еще одной выбили глаз. Но хотя рыло и в крови, а еще неизвестно, чья взяла», – вспоминает писатель.

Струве арестован и сослан в Тверь, Горький избежал ареста. Князь Вяземский отправлен в свое имение. Многие участники митинга попадают в тюрьму, но, по воспоминаниям Ариадны Тырковой, столичная молодежь не очень боится заключения: «Мы твердо знали, что в русских тюрьмах не пытают. Никто и мысли не допускал, что в наш просвещенный век в Петербурге заключенных могут подвергать средневековым мучениям. В тюрьму вошли без страха. Ну, подрались немного с казаками на площади, показали правительству, что умеем протестовать против насилия. Посидим в кутузке, велика беда»[6].

Два царя

Толстой, находящийся в Москве, поражен произошедшим. Спустя несколько дней после разгона митинга он пишет письмо «Царю и его помощникам» – самый важный свой публицистический текст со времен «Бессмысленных мечтаний», в котором излагает предложение политических реформ, состоящее из трех пунктов.

Во-первых, «уравнять крестьян во всех их правах с другими гражданами» (в частности, «уничтожить бессмысленное позорное телесное наказание»). Во-вторых, реформировать правоохранительные органы, поскольку нынешнее всевластие полиции поощряет «доносы, шпионство, грубое насилие», «не применять развращающую людей, противную христианскому духу русского народа и не признанную до этого в нашем законодательстве смертную казнь, составляющую величайшее, запрещенное богом и совестью человека преступление». «В-третьих – уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию».

Это письмо Толстой сначала отправляет в Лондон Черткову, посоветоваться. Тот вносит стилистические правки и советует требовать еще и свободы слова и печати. Толстой принимает все рекомендации, но про свободу слова писать отказывается. По его словам, он нарочно не упомянул о ней – простому народу это требование будет непонятно, большинство населения под ним не подпишется.

Толстой отправляет письмо в Петербург. Его, естественно, нигде не публикуют, и прислушиваться к его требованиям никто не собирается. Однако столичная интеллигенция, конечно, письмо читает – оно распространяется подпольно, как и остальные запрещенные произведения графа, опубликованные Чертковым за границей.

Алексей Суворин, издатель провластной газеты «Новое время», прочитав письмо Толстого, пишет в дневнике: «Два царя у нас: Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост. Герцен громил из Лондона. Толстой громит в Лондоне из Ясной Поляны и Москвы, громит в России при помощи литографий, которые продаются по 20 коп. Новое

время настает, и оно себя покажет. …Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен и совсем не надо бури, чтоб он повалился. Обыкновенный ветер его повалит».

Из-за отлучения Толстой снова входит в моду. Московский жандарм Спиридович с недоумением вспоминает, что до этого проблем из-за Толстого у московской полиции никогда не было: «Не разрекламируй в то время Толстого Святейший Синод, Толстой, как учитель жизни, продолжал бы оставаться спокойно в стороне и в тени» – так полагает жандармский офицер, работа которого – бороться с толстовцами.

Война и мир искусства

Утром 15 марта 1901 года 28-летний Сергей Дягилев открывает газету и из рубрики «Правительственные новости» узнает о собственном увольнении из дирекции императорских театров «без прошения и пенсии по третьему пункту». Это самая страшная формулировка, которую может себе представить российский чиновник, позорное изгнание с волчьим билетом. Дягилев не верит своим глазам, ведь он считал, что на его стороне сам император и масса других влиятельных людей. А теперь все разрушено одним росчерком пера его упрямого начальника.

До этого утра Дягилев числился главным редактором сразу двух модных столичных журналов. Один из них – эстетский «Мир искусства» – он придумал сам и издавал на деньги миллиардера Саввы Мамонтова и других спонсоров. Второй – государственное, официозное издание «Ежегодник императорских театров». Известность в столице Дягилев получил, конечно, благодаря первому.

Еще в 1898 году 26-летний выпускник юрфака Дягилев вместе с другом-однокурсником Александром Бенуа нашел деньги на выпуск журнала о современном искусстве. Два молодых юриста планировали бросить вызов традиционному российскому культурному сообществу. Творчество передвижников, живых классиков конца XIX века, казалось им скучным и устаревшим. Дягилев и Бенуа совершенно не интересовались ни политикой, ни социальной проблематикой. Они хотели нового, модного и провокационного искусства – как на Западе – и собирались делать журнал именно об этом. В мае 1898 года Дягилев и его спонсор Мамонтов вместе дают программное интервью. «Журнал должен совершить в нашем артистическом мире переворот почти такой же, как и в публике, кормившейся до сих пор остатками надоевших уже Европе течений», – нагло говорит будущий редактор.

В редакцию «Мира искусства» входят также двоюродный брат и любовник Дягилева 26-летний Дима Философов и 35-летний художник Леон Бакст. Одновременно Дягилев организует выставки прогрессивных художников: Бенуа, Бакста, Михаила Врубеля, Константина Сомова.

И выставки, и первый же номер журнала старшее поколение деятелей культуры считает оскорбительными. Правда, обижаются не все, главный художник страны, Илья Репин, наоборот, относится к молодежи с симпатией и даже обещает присылать статьи в «Мир искусства». Но,

например, классик-пейзажист Василий Поленов просто вне себя. От имени разгневанных стариков выступает Владимир Стасов, самый влиятельный художественный критик страны, близкий друг и Льва Толстого, и покойного Федора Достоевского. Он негодует, что молодое поколение столь несознательно и бессмысленно (никакого социально-политического содержания в их работах действительно нет). «Оргия беспутства и безумия», «декадентские нелепости и безобразия» – так Стасов описывает все, что делает «Мир искусства», а Дягилева называет «декадентским старостой».

Возмущение стариков увеличивает интерес к Дягилеву и его команде, но отпугивает спонсоров. Деньги заканчиваются. Помощь приходит откуда не ждали. Валентин Серов, художник, казалось бы, не дягилевского круга, решает спасти молодых провокаторов и их журнал. В свои 35 Серов – самый востребованный портретист страны и самый популярный при дворе художник. Весной 1900 года он пишет портрет Николая II и во время работы рассказывает императору о проблемах Дягилева. «Я в финансах ничего не понимаю», – наивно замечает Серов. «И я тоже», – поддакивает император. И распоряжается выделить «Миру искусства» пятнадцать тысяч рублей[7].

Поддержка царя неожиданно превращает Дягилева из скандалиста-маргинала в признанного новатора. Почуяв, что «Мир искусства» набирает вес, чиновники от культуры становятся внимательнее к Дягилеву и уже осенью его назначают на важный пост: чиновником по особым поручениям при дирекции императорских театров. В его обязанности входит выпускать ежегодный журнал, и он превращает официозный альманах в роскошный художественный буклет.

Карьера Дягилева складывается блестяще. Он придумывает себе новые неожиданные проекты, решает сам в качестве режиссера поставить балет – «Сильвию» Лео Делиба. Директор императорских театров Сергей Волконский дает добро, но все же очень боится, что на него накинется «культурная общественность», поэтому в пресс-релизе пишет, что постановщиком нового балета будет он сам, а о Дягилеве не упоминает.

Амбициозный Дягилев уступать не собирается. Считая, что пользуется покровительством самого императора, он сообщает начальству, что, если его не назначат официально, он и балетом заниматься не будет, и новый ежегодник редактировать откажется. Философов, Бакст и Бенуа поддерживают Дягилева и обещают уйти вместе с ним. Молодежь уверена в собственной неуязвимости, ведь один из великих князей, симпатизирующих Дягилеву, постоянно ходатайствует о нем лично

императору, да и Николай II якобы говорит, что «Дягилеву незачем уходить». Однако Волконский и его сторонники оказываются настойчивее, чем переменчивый император, и в итоге о собственном увольнении Дягилев узнает из газеты.

«Церковь на троих»

В Чистый четверг 29 марта 1901 года ровно в полночь супруги Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, известные петербургские журналисты и литераторы, запирают двери своей квартиры и начинают двигать мебель. Они молча все выносят из гостиной, оставив там только стол и стулья. Стол накрывают новой белой скатертью, ставят на него три трехсвечника, кладут длинный тонкий нож, соль, хлеб, цветы и виноград. Заранее куплены церковная чаша, свечи, красный атлас, золотая тесьма – все это лежит наготове в соседней комнате.

Закончив приготовления, Мережковский умывается, надевает чистое белье, а Гиппиус вместо платья облачается в новую белую сорочку. Они расходятся по своим комнатам и ложатся спать. Но в двадцать минут второго к ним приходит гость. Это Дима Философов.

Мережковский, Гиппиус и Философов собираются вокруг стола. «Спросим себя в последний раз, может быть, лучше не надо?» – говорит Мережковский. После этого они втроем надевают кресты и начинают странный ритуал: целуют друг другу руки, зажигают свечи, читают молитву, режут хлеб и опускают его в чашу с вином. Пьют вино по очереди. Этим обрядом они создают новую церковь – «церковь на троих». Сами они называют ее «Церковью Третьего завета».

Молодые провинциалы Мережковский и Гиппиус переехали в столицу еще в 1889 году и довольно быстро прославились своей публицистикой. Они – представители нового поколения интеллигенции, которое демонстративно не интересуется политикой. В этом их бунт против старшего поколения.

«Старики», чья молодость и зрелость пришлась на реформы Александра II, то есть 1860-е и 1870-е годы, читают и пишут бесконечные тексты о политике, обсуждают правительство, цензуру, печать и, конечно, делят всех на «рукопожатных» и «нерукопожатных». Так, столичная либеральная интеллигенция этого поколения знает, что можно ходить в гости, скажем, к поэту Плещееву, который хоть и беден, но прогрессивен. А вот к поэту Майкову приходить неприлично, потому что он государственник и мракобес. Появляться у поэта Полонского и вовсе за гранью допустимого, ведь он работает цензором.

На этом фоне поколение 90-х держится крайне аполитично. Многие приехали в столицу из провинции и не собираются сразу распределяться по

лагерям. Зинаида Гиппиус пишет, что журналист должен выбрать, в какой мешок залезть: на одном мешке написано «либералы», а на втором – «консерваторы». Но сама Гиппиус демонстративно плюет на все «мешки» и условности. Они с Мережковским нарочно ходят и к Плещееву, и к Майкову, и даже к Полонскому, чтобы продемонстрировать окружающим отсутствие политических предрассудков.

Однажды в очередных «нерукопожатных» гостях Гиппиус замечает, что ее внимательно изучает какой-то незнакомый старик. Только после его ухода она спрашивает у хозяина, кто был тот странный человек. Оказывается, что это сам Победоносцев.

Увлечения Гиппиус и ее мужа сильно контрастируют с тем, чем принято заниматься в столичном обществе. Их прельщают мистические и сексуальные эксперименты. Мережковский называет это «философией пола» – и, когда заводит романы на стороне, объясняет жене, что таким образом изучает свои религиозные чувства («Плотское влечение он оправдывает мыслями о святости пола и о святой плоти», – вспоминает Гиппиус). У Гиппиус и Мережковского крайне свободные отношения. Она часто влюбляется (причем не только в мужчин) и свои влюбленности тоже воспринимает как часть религии.

Гиппиус – секс-символ нового поколения петербуржцев. Она ходит в мужском костюме, любит эпатировать общество высказываниями вроде «люблю себя, как Бога».

В ходе своих экспериментов Гиппиус вступает в секту хлыстов – подпольное мистическое христианское течение, преследуемое церковью. Собрания хлыстов проходят по ночам (иногда в банях), во время богослужений верующие занимаются самобичеванием, кружатся в танце и входят в состояние транса, подобно дервишам. По слухам, хлысты отвергают брак и практикуют групповой секс, за что и подвергаются гонениям. Все это только разжигает любопытство Гиппиус, она даже входит в «думу» – руководящий орган столичной хлыстовской общины.

В 1899 году Дмитрий Мережковский придумывает, что они с женой должны создать свою собственную «внутреннюю» церковь – потому что обычная не соответствует их представлениям о Боге. Так появляется замысел «Церкви Третьего завета» или «Плоти и Крови», которая могла бы удовлетворить людей их круга, ответить на их вопросы. К этому обсуждению Гиппиус и Мережковский привлекают всех своих друзей: в первую очередь таких же самоуверенных экспериментаторов, как и они сами, издателей журнала «Мир искусства» – Сергея Дягилева и его друзей.

Из всей компании мистическими поисками Мережковских всерьез

увлекается только Дима Философов. Сначала они просто собираются и разговаривают «про пол» – то есть про секс, возводя его в мистическую философию. «И всё тут смешалось, стало смешным и ужасным, и нельзя уж было понять, где грех», – вспоминает Гиппиус. Трудно разобраться, кто в этой троице как к кому относится. Гиппиус, очевидно, влечет к Философову (в дневниках она это отрицает), гомосексуала Философова – скорее к Мережковскому. «У меня нет любви к вам, лично к вам, и даже нет желания любви», – говорит Философов Зинаиде. «И мысленно: "Напрасно ты в меня влюблена"», – добавляет она.

Завершая ритуал, под утро трое целуют друг друга крестообразно: в лоб, в уста и глаза. Троебратство создано. Светает. Философов уходит, и Гиппиус говорит мужу: «Почти сделан первый шаг на пути, возврата с которого нет, остановка на котором – гибель».

Хипстеры XX века

8 октября 1901 года к Победоносцеву приходит группа молодых людей. Молодыми они, конечно, кажутся Победоносцеву – им всем за 30, они ровесники царя. Сами визитеры считают себя известными журналистами, но в присутствии серого кардинала Российской империи теряются. Самому старшему из них уже 45 лет, это Василий Розанов, философ и публицист. Самому младшему – Философову – 29. Но говорит в основном 35-летний Дмитрий Мережковский.

Цель их визита состоит в том, чтобы добиться разрешения на публичные дебаты между столичной интеллектуальной элитой и духовенством. Цель на первый взгляд наивная: в стране действует церковная цензура, обсуждение религиозных вопросов под запретом, ни одна книга Толстого о религии не опубликована легально. И вдруг молодые люди приходят к главному душителю свобод, чтобы просить о снятии установленного им же запрета. Главного идеолога цензуры они просят ввести точечную свободу слова и свободу собраний. И Победоносцев их не прогоняет.

Эти молодые люди видят Победоносцева совсем не так, как старшее поколение российской интеллигенции. Для них это вовсе не средневековый инквизитор, который полгода назад отлучил от церкви Толстого. Да и к старику Толстому эта модная молодежь особенного пиетета не испытывает. Мережковский как раз публикует в «Мире искусства» у Дягилева статью «Л. Толстой и Достоевский», в которой противопоставляет земное начало, «человеческую правду» Толстого духовному началу, «Божеской правде» Достоевского. Самому автору, конечно, намного ближе Достоевский.

Победоносцев ничего не знает про эту компанию. Он вряд ли читал статьи Мережковского, точно не слышал про их с женой сексуально-мистические эксперименты. Скорее всего, Победоносцев не знает и о романах из цикла «Христос и Антихрист» Мережковского, в которых автор подходит к тому, что Христос – это и есть Антихрист.

Старый «министр церкви» неожиданно добр. Он отправляет молодежь к митрополиту Антонию – пусть тот и решает. Вся компания едет в Александро-Невскую лавру: после согласия Победоносцева уговорить либерального митрополита оказывается совсем не сложно. Публичные дискуссии о религии разрешены.

Идея принадлежит Зинаиде Гиппиус. В сентябре 1901 года, через

несколько месяцев после создания «церкви на троих», Зинаида и Дмитрий гуляют в лесу около своей летней дачи под Лугой, обсуждают скорое возвращение в столицу. «Что ты думаешь делать эту зиму? Продолжать эти наши беседы?» – спрашивает она. Мережковский кивает.

Под «беседами» Гиппиус имеет в виду еженедельные собрания столичной богемы в их квартире на Литейном, 24, в доме Мурузи. К Мережковским приходят известные молодые журналисты и литераторы. А каждую среду вся компания, включая Мережковских, сидит у Дягилева, в редакции журнала «Мир искусства», которая располагается прямо в его огромной квартире. Квартиры Дягилева и Мережковских – это два главных адреса актуального Петербурга, там собираются самые интересные люди, ведутся самые интересные разговоры об искусстве, литературе, религии – обо всём, кроме политики.

Сергей Дягилев и его друзья интересуются искусством, Дмитрий Мережковский – религией и философией, но они бунтуют вместе – не против властей, а против старшего поколения, против скучного социального пафоса, против старомодной публицистики. В центре их внимания – они сами.

Но Гиппиус сложившийся формат домашних посиделок разонравился. «Разве ты не видишь, – говорит она мужу, – что все эти беседы ни к чему нас не ведут? Говорим о том же, с теми же людьми, у которых у каждого своя жизнь, и никакого общения у нас не происходит. То есть внутреннего, настоящего общения. Не думаешь ли ты, что нам лучше начать какое-нибудь реальное дело в сторону, но пошире, чтоб были… ну, чиновники, деньги, дамы, чтобы разные люди сошлись, которые никогда не сходились и не сходятся».

За железный занавес

«Мир духовенства был для нас новый, неведомый мир, – вспоминает Зинаида Гиппиус. – Мы смеялись: ведь Невский у Николаевского [Московского] вокзала разделен железным занавесом. Что там, за ним, на пути к Лавре? Не знаем: terra Incognita».

Единственный человек в их богемной компании, кто знаком не понаслышке с духовенством, это Василий Розанов – тоже известный журналист и критик, хоть и человек немного не их круга. Он не любит большие сборища и никогда не говорит на публике. Зато в более камерной обстановке даже с незнакомым собеседником немедленно начинает общаться близко и тесно, подчеркнуто интимно. Розанов почти всегда юродствует, иронизирует, провоцирует и троллит собеседника и читателя. Он не считает зазорным писать гадости о знакомых и, что особенно экстравагантно для того времени, писать очень откровенные и нелицеприятные вещи о себе самом. Розанов не стесняется внутренних противоречий в своих рассуждениях, часто отстаивает противоположные точки зрения. «Нравственность? Даже не знал никогда, как это слово пишется».

Отчасти одиозность Розанова объясняется его личной драмой. Он был женат на Аполлинарии Сусловой, бывшей любовнице его кумира, Федора Достоевского. Суслова сильно его старше и обладает деспотичным характером. Все семь лет совместной жизни она терроризировала и била Розанова, а потом бросила, не дав официального развода. Со своей новой женой и матерью его пятерых детей Розанов вынужден жить гражданским браком.

Розанов – не светский персонаж, живет довольно бедно, даже став известным журналистом, все равно вынужден подрабатывать чиновником в контрольном ведомстве – а в промежутках писать свои бесконечные статьи во все журналы подряд, даже в «нерукопожатные» («Детишкам на молочишко» – так, извиняясь, говорит Розанов о своем журналистском творчестве).

Для Мережковских Розанов ценен тем, что к нему в гости заходят не только богемные литераторы, но и священники. Именно у него дома, по словам Гиппиус, «понемногу наметилась дорожка за плотный занавес».

Мережковские рекламируют свою затею как «сближение интеллигенции с церковью». От самого Розанова все приготовления держат

в строжайшем секрете, чтобы не проболтался. У него же они знакомятся с Василием Скворцовым, помощником Победоносцева и главным редактором церковного журнала «Миссионерское обозрение». Скворцов готовит «министра церкви» к визиту журналистов и уговаривает не отказывать им с порога. При помощи новых звездных знакомых сам Скворцов хочет попасть в высшее общество и превратить свое «Миссионерское обозрение» в настоящий «журнал».

Итак, разрешение получено. Первое заседание происходит 29 ноября 1901 года в малом зале Географического общества. В самом помещении стоит огромная статуя, подаренная обществу после недавней экспедиции. Но, чтобы она не смущала участников, ее заматывают тканью. Зинаида Гиппиус по очертаниям предполагает, что это статуя Будды – и именно так называет ее во всех своих воспоминаниях. Но она ошибается. Любопытный Александр Бенуа решает проверить, кто же немой свидетель дебатов, – и обнаруживает, что это «вовсе не Будда, а страшный монгольский шайтан, с рогами, клыками, весь мохнатый и огромного роста».

Председателем собраний назначают надежного человека, ректора духовной академии епископа Сергия (Страгородского). Спустя 42 года, во время Великой Отечественной войны, он станет «сталинским» патриархом Московским и всея Руси. Но в 1901 году епископу всего 34, он представитель того же поколения, что и Мережковский с Гиппиус, хотя фактически представляет вождя из прошлого века, Константина Победоносцева.

Участвуют почти все крупнейшие иерархи тогдашней РПЦ. Собрания производят интеллектуальную революцию: впервые культурная элита страны получает возможность дискутировать с представителями власти, хоть и не государственной, но церковной. Формально собрания не считаются публичными мероприятиями, то есть не требуют надзора полиции: участвовать в них могут обладатели членского билета. Но на самом деле учредители, то есть Мережковские и компания, раздают членские билеты всем желающим.

Представители либерального мейнстрима относятся к собраниям с некоторым осуждением, вспоминает Гиппиус, поскольку все, что связано с религией, кажется им отсталым и реакционным. Молодые эстеты и идеалисты из «Мира искусства» со своим отказом от политики их раздражают.

Плохой монах

Мережковский с единомышленниками – не единственные молодые просители, которые приходят к Победоносцеву. Еще летом 1898 года в кабинете «министра церкви» появляется отчаявшийся священник из Полтавы, который очень хочет поступить в Петербургскую Духовную академию – ту самую, которую возглавляет будущий патриарх епископ Сергий. У священника на руках неудовлетворительный аттестат, который ему выдали после окончания семинарии. С таким документом можно работать в глубинке, но не более того.

Проситель понимает, что без личного разрешения Победоносцева путь к дальнейшему образованию ему заказан. Он долго ждет «министра церкви» в пустом кабинете.

«Что вам угодно? – внезапно раздался сзади меня голос, – вспоминает священник. – Я оглянулся и увидел "великого инквизитора", подкравшегося ко мне через потайную дверь, замаскированную занавескою. Он был среднего роста, тощий, слегка сгорбленный и одет в черный сюртук.

– Кто ваш отец? Вы женаты? Есть у вас дети? – Вопросы сыпались на меня, причем голос его звучал резко и сухо. Я ответил, что у меня двое детей.

– А, – воскликнул он, – мне это не нравится; какой из вас будет монах, когда у вас дети? Плохой монах, я ничего не могу для вас сделать, – сказал он и быстро отошел от меня».

Молодой священник шокирован резкостью Победоносцева, но начинает кричать ему вслед: «Вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается – это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу. Я не могу примириться с отказом».

В голосе просителя звучит такое отчаяние, что Победоносцев почему-то останавливается. Меняет гнев на милость и начинает подробно расспрашивать его:

– Напомните, как вас зовут?

– Георгий Гапон.

Победоносцев, конечно, уже слышал о Гапоне и навел справки перед его приходом. Гапон – пламенный толстовец, и именно в этом причина всех его проблем. И Победоносцев знает это.

Непригодный аттестат полтавской семинарии был у Гапона вовсе не

потому, что он плохо учился, наоборот, он был лучшим учеником, просто слишком дерзким. Еще когда Гапону было 15 лет, один из его преподавателей в полтавском духовном училище, видный толстовец и даже друг графа, Иван Трегубов, дал ему почитать религиозные труды Толстого. Эти книги оказали мощное воздействие на юношу. «В первый раз мне стало ясно, что суть религии не во внешних формах, а в духе, не в обрядностях, а в любви к ближнему», – вспоминает Гапон. Он так увлеченно погрузился в толстовство, что передумал становиться священником. Когда его предупредили, что вот-вот лишат стипендии, он сам демонстративно от нее отказался и стал зарабатывать на жизнь частными уроками.

После окончания семинарии Гапон собрался жениться, и будущая жена убедила его, что можно быть священником и не изменяя своим принципам. «Доктор, – говорила она, – лечит тело, а священник укрепляет душу… в последнем люди нуждаются гораздо больше, чем в первом». В итоге Гапон соединил в себе и то и другое, став священником-толстовцем. Почти пять лет он служил в сельской кладбищенской церкви в Полтавской губернии и стал популярен настолько, что к нему приходила паства из соседних приходов. Но в 1898 году его жена умерла, и Гапон решил начать новую жизнь. Он оставил маленьких детей родителям и поехал в Петербург, к самому Победоносцеву, просить, чтобы его, в виде исключения, приняли в академию.

Все соприкосновения с церковным истеблишментом Гапона ужасают. В Троице-Сергиевой лавре, куда он заезжает по дороге в Петербург, он наталкивается на свиту московского митрополита, состоящую из «жирных монахов», которые обмениваются шутками во время церковной службы. «Их лицемерие в доме проповедника правды св. Сергия наполняло меня негодованием, и я ушел, не дождавшись конца всенощной и не преклонив колени перед мощами, так как считал богохульством сделать это на глазах этих фарисеев», – вспоминает Гапон.

В Петербурге, прежде чем попасть к Победоносцеву, Гапон идет к его заместителю Саблеру. «Мы знаем о вашем плохом поведении в семинарии, – такими словами встречает Гапона заместитель Победоносцева, – мы знаем, какие идеи вы в то время имели. Но епископ написал мне, что вы совершенно изменились с тех пор, как стали священником, и оставили все ваши глупые понятия. Да, да, мы вас примем, и мы надеемся, что вы будете думать только о том, как бы сделаться верным слугой церкви, и будете работать исключительно для нее». Гапон кивает. Он решает скрыть от церковных чиновников свои истинные

взгляды. И его принимают в столичную академию.

Однако уже через год Гапон полностью разочаровывается в учебе. Его мечта никак не реализуется: он ходит на встречи священников с рабочими столичных окраин и видит, что проповеди, как правило, ограничиваются рассказами о Страшном суде. Он выдвигает свои идеи, но церковное начальство против. У него начинается депрессия, а еще врачи подозревают туберкулез, и Гапон едет лечиться в Крым. Но селится не в глуши, а в монастыре около Ялты, одного из самых роскошных городов империи. На тот момент Ялта – это центр российской светской жизни; в Ливадийском дворце находится летняя резиденция императора, и весь двор на лето приезжает отдыхать сюда. «Рядом с роскошными домами, в которых царили богатство и величие, в городе были тысячи несчастных существ – голодных, холодных и бесприютных. И действительно, город поражает человека впечатлительного контрастом между роскошными дворцами центра и ужасными лачугами предместий» – так пишет Гапон. При этом сам он интересуется дворцами не меньше, чем лачугами, завязывая знакомства и с бедняками, и с отдыхающей богемой. Ближе всего он сходится с Василием Верещагиным, на тот момент самым известным в мире русским художником.

Верещагин в зените своей славы, и, в отличие от большинства своих коллег, он очень политизирован. Столетие спустя он наверняка стал бы фоторепортером – основной специализацией Верещагина были путешествия в горячие точки. Он ездит по местам боевых действий и запечатлевает увиденное на холстах. Его антивоенные картины выставляются по всему миру. При этом на родине его обвиняют в отсутствии патриотизма и сочувствии к врагу.

Когда Верещагину было 32 и он открыл свою первую выставку в Петербурге, будущий император Александр III сказал о нем так: «Его тенденциозность противна национальному самолюбию, и можно по ней заключить одно: или Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек». Летом 1899-го Верещагину уже 57, и он относится к Гапону по-отечески.

«Я ясно вижу, что и вы пережили какую-то драму, и хочу вам сказать, что я об этом думаю. Сбросьте рясу! – убеждает художник священника во время одной из совместных прогулок. – Не надо ее! В свете так много работы, требующей затраты всей нашей энергии». К совету звезды Гапон не прислушивается, рясу не сбрасывает и, отдохнув, в октябре 1899 года возвращается в Петербург. Верещагин отправляется путешествовать: сначала на Филиппины, потом в США и на Кубу, через четыре года – в

Японию.

Приготовление к переходу

В августе 1901 года, через полгода после отлучения, Толстой начинает серьезно болеть. Семья вновь боится, что зимы он уже не переживет. Его решено отправить в Крым – в надежде, что тамошний климат поможет писателю поправиться.

Графиня Панина, поклонница творчества Толстого, сдает ему свою дачу в Гаспре, которая с одной стороны граничит с крымским поместьем самых богатых людей в России, князей Юсуповых, а с другой – с Ай-Тодором, имением друга детства императора, великого князя Александра (родственники зовут его Сандро). Чуть поодаль – Ливадия, летняя резиденция императора. Отлученный от церкви изгой едет с семьей отдыхать на самый элитарный курорт империи.

Толстой едет на поезде. По дороге, когда поезд останавливается в Харькове, на вокзале ему устраивают овацию. Вообще, аплодисменты в честь Толстого – традиция этого года. На «отлучение» Толстого от церкви столичная публика реагирует тем, что его поклонники собираются в картинной галерее перед его портретом работы Ильи Репина – и устраивают шумную овацию. Сразу после этого портрет снимают, а выставку закрывают.

О переезде Толстого в Крым пишет короткую заметку «Петербургская газета» – министр внутренних дел Дмитрий Сипягин запрещает розничную продажу этого номера. Издатель Алексей Суворин пишет в дневнике, что министр обиделся на Толстого за то, что тот упомянул его в «Письме царю и его помощникам». «Сипягин зол на характеристику, сделанную Толстым, и преследует газеты, которые смеют говорить о нем. Глупый министр», – пишет в личном дневнике Суворин, крайне лояльный к власти издатель популярнейшей газеты «Новое время».

Молодому писателю Максиму Горькому не так везет, как графу Толстому. Еще в апреле его судят за статью о «Казанской битве» – и приговаривают к ссылке в уездный город Нижегородской губернии (то есть недалеко от родного дома, но подальше от больших скоплений народа). Горький пишет апелляцию с просьбой разрешить ему отбыть ссылку в Крыму, поскольку у него туберкулез. И ему разрешают, но с оговоркой, что нельзя жить в Ялте, на виду у столичной элиты. Именно в Ялте в это время живет Антон Чехов, а в Гаспре селится Толстой. Горький выбирает себе домик под Алупкой, по соседству с Толстым и неподалеку от летних

резиденций великих князей.

В Крыму здоровье Толстого продолжает ухудшаться. Ему ставят диагноз «малярия» – смертельно опасное на тот момент заболевание. Толстому уже 73 года. Он уверен, что вот-вот умрет, и называет свое состояние «приготовлением к переходу»: не встает, страдает от лихорадки. Проститься с великим писателем съезжаются все, кто только осмеливается.

12 сентября к Толстому приезжает Антон Чехов. Потом по-соседски заезжает и великий князь Николай Михайлович, двоюродный дядя царя, которому, как и Чехову, всего 42 года. У него, историка и писателя, репутация самого просвещенного члена царской семьи. Толстой все время недоумевает, чего от него хочет царский родственник. Потом, когда Толстому становится лучше, Чехов привозит с собой Максима Горького. Толстого навещает еще один классик, 48-летний Владимир Короленко, главный российский репортер.

Толстой старше Чехова на 32 года, а Горького – и вовсе на 40. Он считает их лучшими молодыми писателями России, относится к ним тепло и покровительственно. «Рад, что и Горький, и Чехов мне приятны, особенно первый», – записывает Толстой после их визита 29 ноября.

Насчет «перехода» Толстой ошибается: болезнь отступает. Три великих русских писателя проводят зиму 1901–1902 года вместе. Горький в этот момент пишет «На дне», пьесу, которая принесет ему мировую славу. Чехов уже придумал свою последнюю пьесу «Вишневый сад» и начинает работу над ней (она продлится три года). Толстой медленно дописывает «Хаджи-Мурата».

Два писателя, две актрисы

Чехов и Горький оба больны туберкулезом, поэтому уже несколько лет подряд они стараются проводить в Крыму как можно больше времени. Здесь же Чехов переживает театральные провалы своих пьес: «Чайка», поставленная в Петербурге в 1896 году, была освистана публикой – драматург уехал в Крым и даже думать не хотел о новой постановке.

Впрочем, два года спустя приятель Чехова режиссер Владимир Немирович уговаривает его согласиться на постановку пьесы в Москве. Писатель хорошо знает новый театр, который затевают Немирович и его партнер Константин Алексеев (выступающий на сцене под псевдонимом Станиславский), и соглашается. К тому же Чехову очень нравится 30-летняя артистка Ольга Книппер, которая должна играть главную роль в новой постановке. «Я бы женился на ней, если бы жил в Москве», – как бы шутит Чехов.

Постановка «Чайки» в Художественном театре становится триумфом, а Ольга Книппер – главной звездой театральной Москвы. В 1900 году театр специально приезжает на гастроли в Крым, чтобы показать спектакль не выезжающему отсюда Чехову. Писатель очень доволен «Чайкой», они с Горьким ходят и на остальные спектакли. После постановки «Гедды Габлер» Ибсена Чехов и Горький идут за кулисы, чтобы познакомиться с исполнительницей главной роли Марией Андреевой.

«Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете», – очень смущается при виде актрисы молодой, но уже очень модный писатель Горький и со всей силы трясет ее руку. «А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. Не таким я его себе представляла, – вспоминает Андреева. – И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце. Нет! Он именно такой, как надо, чтобы он был, – слава богу!»

После этого знакомства они начинают чаще встречаться. В следующий раз Горький приходит к Андреевой со своим другом, 27-летним оперным певцом Федором Шаляпиным – они собирают деньги на духоборов, чтобы помочь Толстому отправить преследуемую секту в Канаду.

Чехов, в свою очередь, все чаще встречается с Ольгой Книппер. В 1901 году они женятся – и проводят медовый месяц в туберкулезном санатории в Башкирии. Впрочем, вскоре супруги разъезжаются: он большую часть времени проводит в Ялте, она – в Москве, работая в театре.

Толстой к молодежи относится тепло, снисходительно, но критически. Про «Чайку», например, говорит: «Нагорожено чего-то, а для чего оно, неизвестно. А Европа кричит "превосходно". Чехов самый талантливый из всех, но "Чайка" очень плоха». Когда Горький читает ему первые сцены из пьесы «На дне», тот слушает внимательно, а потом спрашивает: «Зачем вы пишете это?»

Чехов и Горький буквально трепещут перед Толстым. Чехов всегда подолгу и очень тщательно подбирает одежду, когда едет к своему кумиру. «Вы только подумайте, – говорит он Горькому, – ведь это он написал: "Анна чувствовала, что ее глаза светятся в темноте"».

Атеист Горький почти обожествляет Толстого: «Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на этакого русского бога, который "сидит на кленовом престоле под золотой липой. И хотя не очень величествен, но, может быть, хитрей всех других богов. Я, не верующий в Бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, немножко боязливо, смотрю и думаю: "Этот человек – богоподобен!"»

Горькому кажется, что по воле Толстого могут расступаться волны в море. А еще он вспоминает, как однажды Толстой едет по дороге в Гаспру и обнаруживает, что дорога перекрыта: прямо посреди нее стоят трое великих князей, дяди императора: Сандро, Георгий и Петр. Толстой «уставился на Романовых строгим, требующим взглядом», рассказывает Горький, Романовы отворачиваются, но конь одного из них, помявшись на месте, отходит немного в сторону, пропуская Толстого. «Узнали, дураки, – говорит граф. – Лошадь поняла, что надо уступить дорогу Толстому».

«Левочка умирает»

В январе 1902 года, после долгой прогулки в холодный ветреный день, Толстой простужается. У него начинается воспаление легких. Толстой торопится писать, но здоровье не позволяет.

26 января Софья Андреевна пишет в дневнике: «Мой Левочка умирает». 27 января газеты пишут об «опасной, кажется, безнадежной болезни» Толстого. Находящийся в Петербурге Суворин отмечает в дневнике, что все кругом говорят только о здоровье Толстого. Он отправляет телеграмму Чехову: как здоровье Льва Николаевича? Тот отвечает: «Воспаление легких, положение опасное, но есть надежда». И только после этого знакомый объясняет Суворину, что ему случайно повезло получить весточку из Крыма: вся корреспонденция с упоминанием Толстого изымается, о нем, по приказу МВД, нельзя писать не только в газетах, но и в письмах и телеграммах.

Кроме того, вспоминает Суворин, выпущено несколько приказов на случай смерти Толстого: некрологи и статьи о его творчестве печатать можно, но упоминать его отлучение от церкви запрещено. Также министерство требует, «чтобы во всех известиях и статьях о гр. Толстом была соблюдаема необходимая объективность и осторожность». Родственники в панике. Рукописи и письма на случай обыска после смерти Толстого собраны в чемодан и переданы на хранение Горькому. Начинаются переговоры о приобретении земли в Крыму для погребения Толстого без ведома властей.

У умирающего Толстого свой замысел – написать «политическое завещание», письмо императору Николаю II. Он вспоминает про навещавшего его великого князя Николая Михайловича и отправляет ему телеграмму с вопросом: готов ли выступить посредником между Толстым и Николаем II? Князь сразу соглашается. Буквально из последних сил Толстой заканчивает письмо императору. Это уже не политическое послание, скорее поучение старца молодому человеку, послание из прошлого века нынешнему.

«Любезный брат! – пишет граф. – Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату. Кроме того еще и потому, что пишу вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти… Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его

представителю – царю, то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками "ура" бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, – это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем. Часто же эти люди, которых вы принимаете за выразителей народной любви к вам, суть не что иное, как полицией собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный вам народ, как это, например, было с вашим дедом в Харькове, когда собор был полон народа, но весь народ состоял из переодетых городовых. Если бы вы могли, так же как я, походить во время царского проезда по линии крестьян, расставленных позади войск, вдоль всей железной дороги, и послушать, что говорят эти крестьяне: старосты, сотские, десятские, сгоняемые с соседних деревень и на холоду и в слякоти без вознаграждения с своим хлебом по нескольку дней дожидающиеся проезда, вы бы услыхали от самых настоящих представителей народа, простых крестьян, сплошь по всей линии речи, совершенно несогласные с любовью к самодержавию и его представителю».

Впрочем, ясно, что быть услышанным у Толстого нет никакой возможности – воспитанный Победоносцевым император свято верит в самодержавие.

«Самодержавие есть форма правления отжившая, – пишет Толстой, – могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением. И потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Дальше он переходит к теме ликвидации частной собственности на землю. «В наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение ее поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства. Думаю тоже, что эта мера, несомненно, уничтожит все то социалистическое и революционное раздражение».

31 января 1902 года Суворин узнает, что министр внутренних дел запретил выставлять портреты Толстого. «Совсем не надо 50 лет, чтоб Толстой дождался памятника, а Сипягин позорного клейма на свой

идиотский лоб, – возмущается в своем дневнике Суворин. – Неужели этот господин с кем-нибудь советуется и ему поддакивают в его глупых распоряжениях?»

Следом идут другие указания: как быть с вероятными похоронами Толстого. Процессии и шествия запретить, поместить гроб в грузовой вагон, затянутый черным сукном и перевезти в Ясную Поляну.

Но Толстой вновь выздоравливает. Смерть отступает – но никакого ответа от царя Толстой так никогда и не получит.

Глава 2
В которой Сергей Витте не может удержать Россию от вторжения в Китай и захвата Пекина

«Русь» или рубль

Зима 1895 года, утро, Петербург. Министру финансов Сергею Витте приносят свежеотчеканенные золотые монеты. Он разглядывает их и очень доволен. Витте сам придумал название для новой российской валюты – «русь».

В России к этому моменту одновременно ходят золотые рубли и ассигнации, то есть бумажные деньги. Ассигнации не обеспечены золотом, потому что бюджет не сбалансирован и требует больше денег, чем есть в казне. За импортные товары приходится платить золотом, а вот на внутреннем рынке расчеты производятся в ассигнациях. Поэтому золотой рубль стоит 4 франка, а бумажный – в полтора раза дешевле. Россия быстро развивается, но ее рост сдерживают дорогие кредиты. Внутренних денег не хватает, а приток капитала из стран с дешевым кредитом (Франции, Британии, Бельгии) сдерживает неконвертируемость и неустойчивость бумажного рубля. Франция, главный партнер и союзник России, предлагает присоединиться к биметаллической системе (к валютному союзу стран, использующих золото и серебро). Но Витте хочет взять пример с Британии, США и Германии, использующих золотой стандарт. Он девальвирует рубль, уравнивая бумажный и золотой, «чтобы жизнь была подешевле». Реформа выгодна и промышленникам, которые покупают станки за границей, и государству, которое выплачивает проценты по кредитам.

Полюбовавшись новыми монетами, он думает о том, что противодействие реформе будет очень серьезным. У него нет сторонников среди чиновников – все члены Государственного совета по разным причинам критикуют план Витте. Против все землевладельцы, продающие сельхозтовары за границу, – им текущий курс выгоден. Не понравится его идея и важнейшим внешним партнерам и кредиторам России – французам.

Витте едет в Париж, чтобы обсудить свои планы с французскими министрами и с Альфонсом Ротшильдом, главой финансовой империи. Ротшильд настроен в отношении планов Витте критически. Он считает переход на золото ошибочным и советует Витте обеспечить новую валюту серебром. Но Витте не доверяет серебру, уверен, что оно скоро обесценится и перестанет считаться благородным металлом. Французский премьер-министр Жюль Мелин тоже против, он даже пишет письмо русскому царю, чтобы тот переубедил Витте, но министр финансов твердо стоит на своем.

«Против этой реформы была почти вся мыслящая Россия, –

вспоминает Витте. – Во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке, и в-третьих, по личному, хотя и мнимому интересу некоторых классов населения. Таким образом, мне приходилось идти против общего течения в России, как бы желавшего не нарушать то положение, которое существовало».

Когда Витте понимает, что придуманная им реформа может просто не состояться, он решает поступиться малым и отказаться от названия «русь». Пусть будет рубль, как и раньше, тогда все пройдет максимально незаметно для населения: решено девальвировать рубль, но оставить название прежним.

Одного императора убедить проще, чем целый Государственный совет, и Витте идет на хитрость: просит Николая II лично утвердить денежную реформу. Николай делает это: авторитет Витте в экономических вопросах очень велик, ведь он – любимый министр Александра III, доставшийся новому императору по наследству. К тому же Витте очень уважает Мария Федоровна, мать Николая II. 15 января 1897 года император подписывает указ о чеканке нового золотого рубля. «В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие Императора», – вспоминает Витте.

Сам Витте в начале правления Николая II тоже обладает некоторым влиянием. Во второй половине XIX века Россия тесно связала себя с мировыми финансовыми рынками, поэтому вес министра, добывающего для страны деньги, существенно вырос. Один из его коллег говорит: «Витте нас всех презирает, потому что знает, что всякого из нас может купить».

Предшественники Витте много занимали за рубежом. После унизительного поражения в Крымской войне российские власти осознали, что империя отстает от европейских соседей и ей срочно нужны деньги для модернизации экономики. Финансировать модернизацию России согласились сначала немецкие, а потом французские банкиры. Император Александр III немцев не любил, зато очень симпатизировал французам. Встречая французскую эскадру в Кронштадте в 1891 году, он с непокрытой головой слушал революционный гимн «Марсельезу», за исполнение которого в России вообще-то сажали. Деньги совершили чудо.

Именно Александр III назначил Витте министром финансов. И тот оказался еще большим прагматиком, чем его предшественники. В будущем многие (в том числе Николай II) станут называть Витте хамелеоном. Впрочем, политические взгляды Сергея Витте действительно сильно изменились за 30 лет политической карьеры.

Хамелеон

Убийство Александра II стало для молодого провинциала Сергея Витте переломной точкой. В марте 1881 года Витте еще не перешел на госслужбу, он работает одним из руководителей частной корпорации, управляющей железными дорогами на юго-западе империи (территория современной Украины). Но смерть императора все меняет: молодой карьерист Витте едет в Петербург, горя идеей создать тайное общество, которое будет защищать монархию и уничтожать противников режима. Витте не единственный, кто хочет бороться с нигилистами их методами: так возникает «Святая дружина», секретная организация самых верных слуг царя, поставившая своей целью уничтожать противников режима.

Александр III знает о существовании организации и выделяет на нее немалые деньги из бюджета. «Святая дружина» существует всего два года и никаких результатов не приносит, кроме того, что ее активисты попадаются на глаза царю. Самую блистательную карьеру из всех дружинников делает железнодорожник Витте.

В 1889 году он переходит в минфин, а в 1892 году становится министром путей сообщения. Именно Витте начинает строить Транссиб – и в ту пору он имеет репутацию упорного почвенника и славянофила. Люди из консервативного окружения Александра III, которые лоббируют назначение Витте, надеются, что он тоже будет приверженцем консервативной политики. Однако, очутившись в кресле министра финансов, Витте начинает брать на Западе даже больше, чем его предшественники, и вкладывать эти деньги в промышленную модернизацию. Он открывает страну для иностранного капитала.

Российская экономика начинает активно развиваться, денег много, и Витте придумывает создать нечто вроде стабфонда – отложить часть доходов на черный день, например на случай войны.

«Вопрос о том, что я держал значительную свободную наличность, служил предметом постоянной критики, – вспоминает Витте. – Многие, в особенности газеты, находили, что это неправильная система и что лучше эту свободную наличность употреблять на производительные цели; говорили, что нигде такой системы накопления наличности не существует, причем ссылались, обыкновенно, на страны с вполне благоустроенными финансами – на Францию, Англию и даже Германию. Я эти мнения никогда не разделял и нахожу, конечно, и теперь, что Российская Империя имеет

такие особенности, что держать свободную наличность в несколько сот миллионов рублей[8] не только всегда полезно, но часто и необходимо».

Еще одна реформа, придуманная министром финансов, – введение госмонополии на торговлю водкой. И у этой реформы тоже очень мало сторонников. Водочное лобби пытается сопротивляться, предупреждая, например, брата царя, великого князя Владимира, что в столице могут произойти волнения. Но Витте убеждает великого князя и царя, что волнений не будет. «В России необходимо проводить реформы быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются», – вспоминает Витте и, действительно, оказывается прав – никаких волнений в столице нет. Но в Москве введение госмонополии удается отсрочить. По словам издателя Суворина, брат императора, великий князь Сергей, берет у столичных торговцев взятку в два миллиона рублей[9], чтобы оттянуть введение питейной монополии. И Витте, и император знают об этом, уверен Суворин.

Начинавший политическую карьеру в «Святой дружине» Сергей Витте со временем становится более либеральным. Но не во всем. Например, хорошо осведомленный в правительственных делах Суворин утверждает, что именно Витте был одним из вдохновителей репрессий против студентов 1899–1901 годов: будто бы даже старик Победоносцев возражал против таких жестких мер: «Нет, Сергей Юльевич, так нельзя».

В своих воспоминаниях Витте выставляет себя главным либералом страны. Впрочем, он и правда им станет, но позже – в 1905 году ему придется написать первую российскую конституцию. Но пока он просто опытный бюрократ, который колеблется вместе с пожеланиями императора.

Золотая молодежь

Благодаря экономическому подъему, во второй половине XIX века разрастается купеческое сословие, которое в России играет роль буржуазии. Новый русский средний класс – это недавние крестьяне, которые занялись торговлей и разбогатели. Впрочем, по переписи населения 1897 года, купцы – это всего 0,5 % населения, даже дворян в России больше – 1,5 %. Как правило, самые мощные купеческие династии – московские, и принадлежат они к старообрядческим кланам.

Купеческие династии появились в России лишь в начале XIX века. Основателем династии Морозовых был Савва Морозов, крепостной крестьянин, который разбогател и смог себя выкупить. Он заработал огромное состояние на производстве тканей – этому обстоятельству способствовали союз России с наполеоновской Францией и участие в континентальной блокаде Англии. Из-за блокады в России исчезло дешевое английское сукно, и импортозамещение быстро обогатило отечественных производителей. (Савва Морозов-старший купил английские ткацкие станки и начал хлопчатобумажное производство, которое позже превратилось в текстильную империю.)

В купеческой среде царит гораздо более суровая атмосфера, чем в любой самой патриархальной дворянской семье. Староверы консервативны и в быту, и в экономической политике: они за протекционизм и поддержку отечественного производителя, против проникновения западного капитала. Иностранные банкиры – их прямые конкуренты. Воспоминания о том, как старые купцы отстаивали традиционные ценности, наводят ужас.

Жена Саввы Морозова-старшего, родившая сына Тимофея в 45 лет, молилась, чтобы он скорее умер и избавил ее от такого позора (перестала просить Бога об этом, только когда сыну исполнилось 20). Внук основателя династии, сын Тимофея, которого тоже звали Савва Морозов, навсегда поссорился с родителями, когда решил жениться на разведенной женщине. Отец его возлюбленной Зинаиды, тоже богатый старообрядец Зимин, работавший на одной из фабрик, принадлежащих династии Морозовых, узнав, что она разводится с первым мужем, чтобы выйти за Савву Морозова, сказал единственной дочери: «Лучше б ты умерла, чем такой срам». Тот факт, что дочь перестала поститься, казался ему едва ли не признаком помешательства: «Вы, сударыня, скоро пойдете вверх ногами», – вспоминает Зинаида слова отца. Родители нового мужа, Саввы Морозова,

впрочем, отнеслись к невестке-разведенке довольно толерантно по тем временам. Свекор лишь укорял ее за то, что она ходит с непокрытой головой («А вам, душечка, очень идет платочек»), а свекровь была «крайне нелюбезна» только первые 20 лет совместной жизни.

Словом, в XIX веке нравы и моральные принципы купцов оставались гораздо ближе к крестьянским, чем к дворянским. «У купечества почти у всех не было близости с детьми, – вспоминает Зинаида Морозова. – Я думаю, оттого, что в крестьянстве этой близости не было, а требовали только уважения к родителям… страха перед Богом и перед родителями».

Ситуация меняется на рубеже веков: появляется новое поколение купцов. На смену пионерам российского бизнеса, которые стали миллиардерами во время реформ Александра II, приходит новое поколение, «золотая молодежь», совершенно не похожая на детей полуграмотных «торгующих крестьян». Они хорошо образованны, бывают на Западе и совсем иначе видят свое положение в мире.

Наследник империи текстильных магнатов Морозовых, Савва Морозов, учится в Кембридже. Третий сын торговца водкой и «короля госзаказов», строителя железных дорог Ивана Мамонтова, тоже Савва, так увлекается театром, что едет в Милан учиться пению и даже выступает на сцене Ла Скала. Дети суровых старообрядцев открывают и для себя, и для всей Европы импрессионистов, делают это направление дорогим и модным. Первыми в мире коллекционировать современную французскую живопись начинают Сергей Щукин, сын фабриканта Ивана Щукина, и двоюродные братья Саввы Морозова Иван и Михаил. Тем временем наследник «бумажной империи» Третьяковых Павел Третьяков и производитель шелка Козьма Солдатенков (по прозвищу Козьма Медичи) собирают огромные коллекции русской живописи.

Дальше всех в своем увлечении искусством заходит сын купца Сергея Алексеева, близкого родственника Мамонтовых и Третьяковых, Константин. Он решает совсем не заниматься семейным бизнесом (может себе позволить – у него девять братьев), а посвятить свою жизнь театру. Алексеев становится актером и режиссером – и берет себе псевдоним Станиславский.

Зинаида Морозова вспоминает, что к началу XX века именно купечество становится высшим светом в Москве: «Дворянство уже начало понемногу сходить со сцены. Купечество начало интересоваться искусством. Филармония почти вся состояла из членов купечества. Дамы купеческие были красивы, хорошо одевались, ездили за границу, детей учили языкам, давали балы».

Такая радикальная перемена в образе жизни, отмечает Зинаида Морозова, оказывает сильное воздействие на психику золотой молодежи, внуков основателей купеческих династий. «Культура была не постепенной, а слишком быстрой. Деды не умели читать и писать, вышли из крепостничества, были "самородки", создали большие фабрики, детям взяли гувернеров, отдали детей учиться, и мозг не мог с этой нагрузкой справиться».

Психологический диссонанс между внешней свободой и семейным патриархальным укладом, который переживают представители «третьего поколения», наверное, можно сравнить с состоянием современной молодежи, скажем, в Саудовской Аравии, где молодым людям надо как-то сочетать вынужденное уважение к традициям собственной страны и очарованность западной поп-культурой. «В некоторых семьях оставалась еще дикость, но притом было еще и быстрое вырождение, которое выражалось в большой нервности, – констатирует Зинаида Морозова, – старики верили в Бога, у них был нравственный устав (конечно, не у всех), а молодые все отвергли, а нового себе ничего не нашли».

Конфликт поколений в купечестве ярко выражается, например, в отношениях между Саввой Морозовым и его родителями. Отец, Тимофей Морозов, сын основателя семейной корпорации, Саввы-старшего, – крайне жесткий управленец, его рабочие трудятся в нечеловеческих условиях, их постоянно штрафуют и унижают. Все заканчивается бунтом рабочих и затем судебным процессом, который Тимофей Морозов проигрывает. Это подрывает его здоровье, и он уступает управление производством сыну. Савва, в противоположность отцу, проявляет максимальную лояльность к трудовому коллективу: сокращает рабочий день до девяти часов, строит дома для сотрудников, организует корпоративные культурные мероприятия, на которые приглашает популярных певцов, даже Шаляпина. Родители новшества сына осуждают, хотя его инвестиции и окупают себя – прибыль растет. Тем не менее за пару лет до смерти Тимофей Морозов вообще хочет продать фабрику, но жена не дает этого сделать, – и тогда он переписывает компанию на нее. Сын выполняет обязанности управляющего на семейных фабриках.

Московские олигархи и питерские либералы

Золотая купеческая молодежь, в отличие от своих родителей, вовсе не считает, что всем обязана власти. Эти молодые люди спорят с чиновниками, отстаивают свои интересы и становятся головной болью для министра финансов Витте. Отношения между «питерскими либералами» из правительства во главе с Витте и московскими «олигархами» становятся все напряженнее.

В 1896 году в Нижнем Новгороде проходит съезд промышленников, на котором обсуждаются таможенные пошлины. Участвует и 68-летний Дмитрий Менделеев (знаменитый химик и автор закона о таможенных тарифах), который, желая поставить всех противников на место, заявляет, что спорить с ним бесполезно, так как с ним согласен император. Зал смущенно замолкает. Но вдруг один из молодых участников говорит: «Выводы ученого, подкрепляемые мнением царя, не только теряют свою убедительность, но и компрометируют науку».

Сидящий в зале 28-летний нижегородский журналист и писатель Максим Горький изумленно спрашивает соседей: кто этот наглый человек? Ему объясняют, что это наследник текстильной империи Савва Морозов. Морозову 34 года, он вдвое младше Менделеева.

Спустя буквально пару дней Морозов становится инициатором еще одного скандала – на Нижегородской ярмарке. Это главное событие в деловом мире России, в форуме участвуют все заметные бизнесмены страны, а также представители правительства. Незадолго до ярмарки становится известно, что министр финансов Витте отказал комитету промышленников в продлении сроков кредитов госбанка. Сначала Морозов произносит вызывающую речь: «Теперь государство надо строить на железных балках… Наше соломенное царство не живуче… Когда чиновники говорят о положении фабрично-заводского дела, о положении рабочих, вы все знаете, что это – "положение во гроб…"» – так вспоминает его выступление Горький. Потом Морозов вызывается написать ответную – куда более резкую – телеграмму Витте с требованием кредита. Остальные бизнесмены, хоть и считают текст вызывающим, одобряют его. На другой день Витте удовлетворяет их просьбу.

Опера, драма, трагедия

Константин Станиславский вспоминает, что, когда он был совсем молодым, в Москве было два популярных домашних театра: один – алексеевский (то есть принадлежавший его семье), второй – мамонтовский, в котором главным режиссером был сам миллиардер Савва Мамонтов. Именно в мамонтовском театре под псевдонимом Станиславский вышел на сцену сам начинающий 17-летний актер Костя Алексеев.

«У Мамонтова была удивительная способность работать на народе и делать несколько дел одновременно, – вспоминает Станиславский. – И теперь он руководил всей работой и в то же время писал пьесу, шутил с молодежью, диктовал деловые бумаги и телеграммы по своим сложным железнодорожным делам, которых он был инициатор и руководитель. В результате двухнедельной работы получался своеобразный спектакль, который восхищал и злил в одно и то же время. С одной стороны – чудесные декорации кисти лучших художников [например, Виктора Васнецова], отличный режиссерский замысел создавали новую эру в театральном искусстве и заставляли прислушиваться к себе лучшие театры Москвы. С другой стороны – на этом превосходном фоне показывались любители, не успевшие не только серепетировать, но даже выучить свои роли».

По словам Станиславского, Мамонтову все время не хватает терпения: он сначала увлекается, потом теряет интерес к делу, не успевая довести его до совершенства. «Странно, что сам Мамонтов – такой чуткий артист и художник – находил какую-то прелесть в самой небрежности и поспешности своей театральной работы. На этой почве мы постоянно спорили и ссорились с ним, на этой почве создалась известная конкуренция и антагонизм между его спектаклями и нашими», – пишет Станиславский.

Однако, увлекшись итальянской оперой, «железнодорожник» Мамонтов решает создать собственный частный оперный театр, то есть покуситься на государственную монополию: до этой поры вся опера в стране принадлежит государству.

Это звездный час Мамонтова. Оформлять декорации для нового театра он приглашает своих друзей-художников: Валентина Серова, Михаила Врубеля и Константина Коровина. Поют у него в основном итальянцы. Исключение составляет оперная дива Татьяна Любатович (с которой у него роман), а также 23-летний Федор Шаляпин, с которым Мамонтов

знакомится в 1896 году и сразу приглашает к себе.

«Феденька, вы можете делать в этом театре всё, что хотите! Если вам нужны костюмы, скажите, и будут костюмы. Если нужно поставить новую оперу, поставим оперу!» – так вспоминает слова хозяина театра Шаляпин.

В 1897 году вторым дирижером Мамонтов приглашает в свой театр 25-летнего Сергея Рахманинова. «Мамонтов был большой человек и оказал большое влияние на русское оперное искусство, – вспоминает Рахманинов. – В некотором отношении влияние Мамонтова на оперу было подобно влиянию Станиславского на драму. Мамонтов был рождён режиссёром. Много раз я слышал, как Мамонтов давал советы даже Шаляпину. Советы эти обычно бывали очень краткими: вскользь брошенное замечание, общая мысль, короткая фраза. Шаляпин сразу схватывал».

Одновременно «своими» театрами обзаводятся наследники других богатых купеческих семей. В 1898 году 35-летний Константин Алексеев-Станиславский знакомится с 39-летним драматургом Владимиром Немировичем – и они придумывают создать частный драматический театр, свободный от напыщенности и наигранности, с актуальным современным репертуаром. На премьеру первого спектакля «Царь Федор Иоаннович» приходит 36-летний наследник текстильной империи Савва Морозов. Морозову так нравится спектакль, что он выкупает практически все акции театра у прочих инвесторов (акционерами остаются только Морозов, Станиславский и Немирович), начинает финансировать его, строит для театра новое здание.

Московский художественный общедоступный театр (будущий МХТ) – так называют свое детище Станиславский и Немирович. Они ставят современную драму: Чехова, Толстого, Ибсена. С Толстым больше всего проблем – каждую его пьесу приходится пробивать у цензуры.

Впрочем, для Морозова театр – это отдых. Он так вымотан работой во время Нижегородской ярмарки, в частности борьбой с разгоревшейся эпидемией холеры, что теряет всякое желание заниматься бизнесом. Сначала, по словам жены, он лежит в своем кабинете и говорит: «Я устал и работать не могу». А потом увлекается театром – и уже занимается только им.

Зинаида Морозова недовольна. «Пойми, Савва, я признаю Художественный театр как отдых для тебя, но чтобы ты для него бросил фабрику и народ, который тебя ценит и любит, для которого ты много можешь сделать, я с этим не могу примириться, – говорит Зинаида мужу. – Ты столько можешь сделать на фабрике добра и пользы и остывать к ней ты

не имеешь права». Он отвечает: «Я делаю то, что чувствую». Зинаида, по ее словам, настаивает, что «у людей кроме чувства, есть долг». Но Савва заканчивает разговор фразой: «Я устал».

Только в театре он не устает, сам следит за строительством, помогает ставить декорации, занимается освещением и даже разводит краски для того, чтобы добиться «правильного лунного света» во время спектакля. Наконец, увлеченный Савва Морозов влюбляется в восходящую звезду МХТ – актрису Марию Андрееву.

Роман с госзаказом

Общественная деятельность и благотворительность приносят Морозову и Мамонтову славу не только в Москве, но и в Петербурге. Молодые купцы сближаются с Витте, и каждый старается использовать знакомство с министром с пользой для себя: Морозов добивается разрешения цензурного комитета на постановку запрещенных пьес, а Мамонтов получает для своей компании новые госзаказы на строительство железных дорог. В том числе выигрывает конкурс на продление построенной его отцом Ярославской железной дороги до Архангельска. За этот проект Витте очень благодарен Мамонтову – и даже договаривается о присвоении ему ордена Святого Владимира четвертой степени.

В 1899 году Мамонтов решает создать лучшую в стране газету, бросая вызов «нерукопожатному» Алексею Суворину, владельцу самой популярной газеты страны «Новое время». Он переманивает у Суворина лучшего журналиста, Александра Амфитеатрова, пригласив его редактором. Новая газета называется «Россия».

Впрочем, бизнес у Мамонтова, несмотря на связи с Витте, идет не слишком удачно, возможно, потому, что слишком много денег и внимания он отдает театру, а не компании. Железная дорога до Архангельска хоть и важна для развития Севера, но прибыли не приносит. Тем временем Мамонтов задумывает мощную корпорацию, которая включала бы не только железные дороги, но также вагоностроительный и судостроительный заводы и металлургический комбинат.

На модернизацию предприятий нужны деньги, и Мамонтов изымает их со счетов одних своих предприятий, прогоняя через другие. Чтобы поддержать компании на плаву, Мамонтов (или, вероятнее, его помощники) используют серые схемы.

«Путем разных комбинаций, в которых главную роль играли фиктивные сделки, фиктивные счета и такие же записи в книгах, они умудрялись перебрасывать деньги из кассы дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности» – так описывает ситуацию тогдашний прокурор Москвы Алексей Лопухин.

Вскоре близость к Витте помогает Мамонтову найти выход еще лучше. Его компания «Общество Московско-Ярославской дороги» выигрывает концессию на строительство железной дороги Петербург – Вологда – Вятка. Результаты конкурса утверждены Госсоветом, Мамонтов уверен, что

высокая доходность новой дороги компенсирует его убытки от архангельского проекта. Однако поскольку денег на строительство у него нет, он берет кредит под залог еще не построенной дороги.

Внезапно в 1899 году меняется экономическая конъюнктура[10]. В Америке разоряются несколько железнодорожных компаний, в Европе начинается биржевой кризис. «Банки затрещали. Золотая валюта трещит. Витте трещит вместе с нею», – пишет в своем дневнике Суворин.

Чтобы спасти свое положение, а вместе с ним банковскую систему, Витте идет в наступление против вчерашнего друга Саввы Мамонтова. Он требует, чтобы банк забрал у Мамонтова кредит. А если тот не сможет расплатиться – пусть отдает вятскую концессию.

«По инициативе Витте против Мамонтова и его коллег было возбуждено уголовное преследование за те самые противозаконные финансовые комбинации, о которых министерство финансов не только прекрасно знало, но которые оно покрыло ходатайством перед Государственным советом о передаче выгодной концессии в руки тех самых людей, которых оно затем решило посадить на скамью подсудимых, – вспоминает прокурор Лопухин. – Они представлялись людьми, гораздо более зарвавшимися в предпринимательстве, чем нечестными. Защищать нравственность их поступков, конечно, было невозможно, но и выбор министерством финансов именно их в качестве дани правосудию казался непонятным»[11].

Дальше все похоже на либретто плохой оперы. Савва Мамонтов не может выплатить кредит банку, Витте требует принудительно продать государству акции железной дороги от Москвы до Архангельска по символической цене. Мамонтов разорен и обвинен государством в хищениях и растрате. Его арестовывают и пешком проводят через всю Москву, чтобы посадить в Таганскую тюрьму.

Мамонтов пытается спасти бизнес, его друзья, в первую очередь Савва Морозов, готовятся внести за него залог, но власти ставят палки в колеса. Сумма залога непомерная даже для успешных купцов – пять миллионов рублей[12].

Друзья-художники – Серов, Врубель, Репин, Суриков, Поленов, Левитан, Васнецов – публично выступают в защиту Мамонтова. Валентин Серов даже идет к Николаю II, чтобы просить отпустить больного Мамонтова под домашний арест, – император говорит, что уже распорядился, но ничего не происходит. Федор Шаляпин, покинувший мамонтовскую оперу, наоборот, уклоняется от поддержки опального

бизнесмена.

Перед судом Мамонтова все-таки переводят под домашний арест. В зал суда приходит Горький. В письме Чехову он так описывает свои впечатления: «Видел я Мамонтова – оригинальная фигура! Мне совсем не кажется, что он жулик по существу своему, а просто он слишком любит красивое и в любви своей – увлекся».

Судьбу Мамонтова решают присяжные. В зале, затаив дыхание, вердикта ждет Станиславский. Когда присяжные объявили Мамонтова невиновным, «зал дрогнул от рукоплесканий. Толпа бросилась со слезами обнимать своего любимца», – вспоминает эту сцену режиссер Художественного театра. Впрочем, это последняя овация Мамонтова. Он банкрот – и уже не в состоянии вернуться ни в бизнес, ни в театр, ни к жене, которая не простила ему романа с оперной певицей.

Для Витте, впрочем, эта игра тоже не заканчивается успехом. Ему не удается избежать кризиса – в российской экономике начинается депрессия, из которой страна начнет выбираться только после 1907 года, когда самого Витте уже не будет в правительстве.

Художники и рабы

Сергей Дягилев, хоть и уволен из дирекции императорских театров, не остался без должности – финансирование его журнала продолжается. В июле 1902 года официально объявлено, что субсидирование «Мира искусства» продолжится – из личных средств императора, правда, уже в размере 10, а не 15 тысяч[13]. Но теперь проблемы все чаще возникают внутри самого объединения художников. Дягилев считает, что молодые силы должны вместе выступить против отживающих авторитетов: таков, по его словам, общемировой культурный тренд. Он пытается убедить молодых русских художников в том, что все они должны сплотиться именно вокруг него, потому что он принесет им славу. «Я хочу выхолить русскую живопись, вычистить ее и, главное, поднести ее Западу, возвеличить ее на Западе», – пишет он своему другу Александру Бенуа. Но даже Бенуа это кажется фантазией и бредом.

Все сильнее отдаляется от Дягилева Дима Философов – в отношениях с супругами Мережковскими он чувствует себя свободнее. Освободиться от «дягилевского рабства» мечтает не только его двоюродный брат. Многие участники считают выставки «Мира искусства» диктаторскими, особенно возмущены московские художники, которым всегда достается меньше места в экспозиции, чем петербургским друзьям Дягилева.

16 февраля 1903 года, после очередной выставки, в редакции «Мира искусства» (то есть в квартире Дягилева) собираются все лучшие молодые художники страны: и московские, и петербургские. Собрание превращается в восстание: все говорят про диктаторские замашки Дягилева, требуют создать постоянное жюри, которое отбирало бы работы. Главный удар для Дягилева: сторону бунтовщиков принимают самые близкие ему люди – Бенуа и Философов. Первый говорит, что пора создать новое общество. А второй резюмирует: «Ну и слава богу, конец значит».

Дягилев понимает, что спасти свой проект может, только пригласив на место уходящих звезд новых. Он забрасывает письмами Антона Чехова: хочет, чтобы модный драматург стал литературным редактором «Мира искусства». Чехов отвечает на каждое письмо Дягилева – длинными и очень вежливыми отказами. Причин в целом две: он не может по состоянию здоровья переехать в Петербург и не сможет работать вместе с сотрудником журнала Мережковским – из-за отношения к религии. «Как бы я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует

определенно, можно сказать, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего».

Но Дягилев не сдается. Ему так и не удается заманить к себе Чехова, но все же Диму Философова он у Мережковских отбивает. Весной 1902 года после долгих уговоров и скандалов Философов фактически сбегает из дома Мурузи, оставив супругам записку: «Я выхожу из нашего союза не потому, что не верю в дело, а потому, что я лично не могу в этом участвовать». Дягилев счастлив. Они с Философовым уезжают вдвоем в долгое путешествие по Италии.

Царьград наш

От отца новому императору Николаю II достаются в наследство весь двор, все правительство, все военное командование и все накопленные страной проблемы. Первым испытанием для Николая становится идея военной операции по захвату Стамбула (тогда город официально называется Константинополь, а для многих русских патриотов – это былинный «Царьград»).

Проект «возвращение Царьграда» (никогда России не принадлежавшего) был одним из самых популярных в российском обществе конца XIX века. Российские войска уже однажды остановились в шаге от Константинополя – в 1878 году, во время Русско-турецкой войны, в конце правления Александра II. Патриоты-славянофилы мечтали завладеть Константинополем, этот вопрос постоянно обсуждала пресса, и самым известным фанатом этой идеи был Федор Достоевский: «Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я, – писал Достоевский. – И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы».

Витте вспоминает, что еще со времен Александра II в генштабе существовал план захвата черноморских проливов и турецкой столицы – русские войска должны были приплыть к Босфору на плотах. Однако Александр III решил воздержаться от каких-либо войн с Турцией (в целом, он был не против, но считал, что момент неудачный). Появление Николая II открыло новые возможности для давних поклонников идеи «водрузить православный крест над Святой Софией».

Вскоре после коронации Николая правительство собирается, чтобы обсудить первоочередной вопрос: стоит ли готовиться к захвату Константинополя? Инициатор обсуждения – посол России в Турции Александр Нелидов. Он предсказывает скорую политическую катастрофу в Османской империи, которой России непременно стоит воспользоваться и захватить Босфор.

Почти все участники заседания выступают «за»: глава генштаба, военный и морской министры, глава МИД, симпатизирует идее и сам Николай II. Против только Витте, он говорит, что «эта затея приведет, в конце концов, к европейской войне и поколеблет то прекрасное

политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую Империю Император Александр III».

Николай II выслушивает все доводы – и дает добро на начало операции. Решено подготовить десант, который должен отправиться в Турцию из Одессы и Севастополя, и спровоцировать в Константинополе волнения, которые могли бы стать предлогом для ввода войск. Министр финансов просит занести в протокол заседания его особую позицию: все это «крайне рискованно, а потому может иметь гибельное последствие».

Император на особое мнение Витте не обращает никакого внимания. Но Сергей Витте опытный бюрократ, он давно в правительстве, хорошо знает двор, в теплых отношениях с матерью императора. Он отправляется жаловаться на царя старшим. Сначала – дяде царя, великому князю Владимиру, командующему гвардией и Петербургским военным округом. Владимир участвовал в предыдущей Русско-турецкой войне, в которой российские войска так близко подошли к Константинополю. С одной стороны, князь Владимир – самый авторитетный из военных страны, с другой – человек культурный, любит искусство и возглавляет Академию художеств.

Поговорив с дядей, Витте отправляется к Победоносцеву. Воспитатель императора хоть и близко дружил с покойным Достоевским, но никогда не разделял его идею, что Россия как «предводительница Православия» и «столица Всеславянства» должна завладеть Царьградом. «Помилуй нас Бог», – пишет Победоносцев Витте, прочитав о санкции царя на военную операцию. Победоносцев боится любых потрясений.

Усилия Витте приносят плоды, старшие переубеждают Николая. Приехав в Константинополь, посол Нелидов получает указания ничего не предпринимать. Война отменяется, но Николай очень зол на Витте и едва ли не перестает разговаривать с ним. Императору очень хочется славы и новых достижений, а интриган Витте все портит. С одной стороны, царь не решается ослушаться дядю и Победоносцева и отменяет захват Константинополя, с другой – не может простить Витте своей собственной нерешительности.

Невеликие великие князья

«Что я буду делать?! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!» – так, по воспоминаниям великого князя Александра (Сандро), говорил ему Николай II сразу после смерти отца, Александра III. Шел октябрь 1894 года, Ники (так звали Николая в кругу семьи) было только 26 лет, но он совершенно не думал о государственных делах.

Отец, император Александр III, не воспринимал наследника всерьез. Один из чиновников вспоминает, как на ужине, где обсуждались государственные дела, как только молодой Ники пытался принять участие в разговоре, отец начинал бросать в него хлебные шарики.

В 1894 году Николаю было тем более не до политики: он влюбился. Весной того года он поехал в Германию делать предложение молодой немецкой принцессе Аликс. О помолвке было объявлено 7 апреля, почти все лето Николай провел у невесты в Лондоне, вернулся на родину в сентябре. Александр III сильно болел, и врачи рекомендовали ему ехать поправлять здоровье в Крым. Но он сначала не послушался – и отправился охотиться в Польшу. Там его состояние ухудшилось. Тогда императорская семья все же поехала в Крым.

Однако там 49-летнему императору стало еще хуже, в Ливадию вызвали лучших врачей России, потом родственников, потом привезли отца Иоанна Кронштадтского, самого популярного столичного священника с репутацией целителя-чудотворца. Срочно приехала к Ники и его невеста Аликс.

20 октября 1894 года Иоанн Кронштадтский причастил Александра III, после чего тот умер. Скоропостижная смерть сильного и совсем не старого императора стала для всех шоком, и, как вспоминает великий князь Сандро, наследник престола паниковал.

Даже через пять лет после коронации, в 1901 году, Николай II по-прежнему чувствует себя неуверенно. После смерти отца Николай вовсе не стал главой семьи. У Александра III четыре брата: великие князья Владимир, Алексей, Сергей и Павел. Помимо них у Николая есть еще двоюродные дяди – внуки императора Николая I, их больше десяти. (Кстати, и ближайший друг детства, Сандро, тоже приходится Ники двоюродным дядей, хотя он и старше племянника всего на два года.)

И если на людях дяди ведут себя уважительно, то в кругу семьи дистанция пропадает. У каждого из великих князей есть своя специализация. Дядя Владимир – командующий гвардией и президент Академии художеств, дядя Алексей – командующий флотом, дядя Сергей – генерал-губернатор Москвы. Каждый из них считает себя намного более компетентным, нежели племянник, и совершенно не стесняется ему это объяснить. А молодой император боится перечить.

Витте вспоминает, что в первые дни правления Николая собирался утвердить у него приказ о закладке новой главной базы российского флота в том месте, где сейчас находится город Мурманск. Это решение принял еще Александр III, о чем наследник знал. Однако в дело вмешался дядя, великий князь Алексей, который предлагал основать базу в Лиепае (тогда – Либаве). Молодой император сначала заверил Витте, что не отступится от решения отца, а потом, едва ли не втайне от министра, подписал приказ, принесенный дядей. (Спустя много лет это решение окажется роковой ошибкой: во время Первой мировой войны главная база российского флота будет заперта в Балтийском море немецким флотом, к Мурманску не будет проложена железная дорога, и все основные британские поставки в Россию будут идти через Архангельск; Мурманскую железную дорогу будут строить ускоренными темпами и успеют только к ноябрю 1916-го.)

«Об одном только можно пожалеть, что вообще великие князья играют часто такую роль только потому, что они великие князья, – пишет в своих воспоминаниях Сергей Витте. – Между тем как роль эта совсем не соответствует ни их знанию, ни их талантам, ни образованию. Когда же они начинают влиять на Государя, то из этого большею частью всегда выходят одни только различные несчастья». Впрочем, Витте не гнушается максимально использовать великих князей в собственных интересах.

«Все-таки мы далеко ушли от Китая»

Сергей Витте считает себя знатоком Дальнего Востока и гордится тем, как он умеет налаживать отношения с китайцами. Еще в должности министра путей сообщения Витте начал строительство Транссиба, тогда называвшегося Великим Сибирским путем. Став министром финансов, Витте продолжает курировать свое детище (на которое все время нужны новые деньги – смета постоянно растет). Отказаться от этого проекта он никак не может: еще покойный император Александр III поручил ему строительство железной дороги – и Витте воспринимает это поручение в самом широком смысле.

В 1895 году заканчивается война между Китаем и Японией; китайские войска терпят поражение, императрица Цыси стремится заключить перемирие до своего 60-летия и подписывает Симоносекский мирный договор: Китай уступает Японии два небольших кусочка земли. Один из них – Тайвань, остров, название которого сейчас известно всем. А второй – Ляодунский полуостров, маленький полуостров в Желтом море рядом с Кореей, и сейчас, и в конце XIX века в России о нем мало кто слышал.

Это все очень далеко от российской территории, но Витте все равно считает, что ситуация опасная. Любое проникновение Японии в материковый Китай – угроза для строящегося Транссиба. Тем более что у Витте есть два варианта, как строить дорогу. Можно провести ее только по российской территории, огибая Амур, через Читу и Хабаровск (именно так Транссиб идет сейчас). Но можно срезать: кратчайшее расстояние между Иркутском и Владивостоком – через Монголию и Китай. Второй вариант нравится Витте намного больше.

Поэтому Витте предлагает выдвинуть Японии ультиматум: она не должна нарушать территориальную целостность Китая и, вопреки подписанному только что договору, должна вернуть Ляодунский полуостров обратно китайцам. Прочие члены правительства к его предложению равнодушны, но Николай II его поддерживает. Он не любит японцев – еще будучи наследником престола, он съездил в Японию, и там на него было совершено покушение. Идея Витте ущемить Японию нравится императору.

К российскому ультиматуму присоединяются Франция и Германия – европейские державы не хотят усиления Японии. Япония подчиняется: уходит с уже завоеванного полуострова, ограничившись денежной

компенсацией. А Витте помогает китайскому правительству взять кредит во французских банках, чтобы расплатиться с Японией.

Вскоре Витте проводит очень удачные переговоры с представителем китайского императора Ли Хунчжаном: решено, что Транссиб будет построен по кратчайшему маршруту через Китай, при этом дорога останется в российской собственности и будет охраняться российскими военными. Эта договоренность (принципиально важная для Витте) становится частью большого российско-китайского оборонительного союза – Россия обещает защищать Китай в случае, если на него нападет Япония.

Переговоры Витте и Ли Хунчжана сопровождаются одним очень показательным эпизодом. Формальный повод для визита китайского чиновника – участие в коронации Николая II. 30 мая 1896 года, вскоре после коронации, происходит страшная давка на Ходынском поле недалеко от Москвы. И Витте, и Ли Хунчжан оказываются почти очевидцами трагедии.

Витте вспоминает, что еще до приезда Николая II на Ходынское поле там началась раздача подарков и угощений, толпа стала напирать, многие попадали в ямы и были задавлены. Всего пострадало две тысячи человек. Витте мучают два вопроса. Первый: «Как поступят с трупами убитых людей, успеют ли поразвозить по больницам тех, которые еще не умерли, а трупы свезти в какое-нибудь такое место, где бы они не находились на виду у всего остального, веселящегося народа, Государя, всех его иностранных гостей и всей тысячной свиты?» Второй: не прикажет ли император отменить торжества, заменив их панихидой?

Одновременно с Витте на место трагедии приезжает и китайский посланник Ли Хунчжан. «Неужели об этом несчастье будет подробно доложено императору?» – спрашивает он. «Уже доложили», – отвечает Витте. «У вас государственные деятели неопытные. Вот я, когда был губернатором и в моей области была чума и поумирали десятки тысяч людей, а я всегда писал императору, что у нас все благополучно. И когда меня спрашивали: нет ли каких-нибудь болезней, я отвечал: никаких болезней нет, все население находится в полном порядке. Для чего я буду огорчать императора сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего государя, я, конечно, все от него скрыл бы» – так передает Витте слова китайского посланника. «Ну, все-таки мы далеко ушли от Китая», – с удовлетворением констатирует для себя министр финансов.

Однако никакие празднества не отменены, оркестр играет так, как

будто ничего не случилось. Правда, по словам Витте, император выглядит грустнее, чем обычно.

Вечером того дня, 30 мая, назначен бал у французского посла графа Монтбелло. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей, дядя царя, рассказывает Витте, что императору советовали попросить посла отменить этот бал или хотя бы не приезжать на него самому. Но Николай не согласился. По его мнению, несчастье не должно омрачать коронации; ходынскую катастрофу надлежит в этом смысле игнорировать. Витте немедленно вспоминает слова Ли Хунчжана и осознает, что все-таки Россия не так далеко ушла от Китая, как ему казалось утром. Император и императрица приезжают на бал, царь танцует первый контрданс с графиней Монтбелло, а царица – с графом.

Китайский император Николай

Почти одновременно с китайским соглашением Россия подписывает еще и договор с Японией – о совместных действиях в Корее. Фактически Корея, которая до недавних пор считалась протекторатом Китая, теперь входит в зону общих экономических интересов России и Японии.

По словам Витте, молодому царю не терпится распространить влияние России на Дальний Восток: «У него никакой определенной программы не сложилось; было лишь только стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами».

Витте, конечно, этому потворствует, красочно расписывая императору, как Дальний Восток может стать для Российской империи тем же, чем для Британской стала Индия. Николай, по воспоминаниям Витте, уже воображает, как добавит к своему титулу императора российского титул китайского императора или князя корейского, а может быть, еще и императора японского.

Впрочем, вскоре происходит неприятность. С первым официальным визитом в Петербург приезжает германский император Вильгельм II. Кайзер гостит в Петергофе. Однажды два монарха едут вместе в экипаже и Вильгельм внезапно спрашивает, нужен ли России китайский порт Циндао – небольшой город на противоположном от Ляодуна берегу Желтого моря. Царь смущается, а кайзер объясняет, что российские корабли никогда не заходят в этот порт, а Германии, наоборот, он очень нужен, потому что мог бы стать стоянкой германских судов. Но, конечно, Германия никогда не посягнет на Циндао без согласия русского императора. Николаю II неловко отказать, он соглашается.

Спустя несколько недель в Петербурге узнают, что немецкий флот захватил Циндао. Император собирает комитет министров – и министр иностранных дел граф Муравьев предлагает последовать примеру немцев: захватить один из китайских портов на Ляодунском полуострове, например Порт-Артур. «Друг китайцев» Витте возражает, что Россия не может так грубо нарушить недавно подписанный договор с Китаем. Кроме того, это будет очевидным вызовом Японии, ведь Россия не дала ей захватить Ляодунский полуостров, требуя «соблюдать территориальную целостность Китая». Если Германия захватила китайский порт, это еще не повод, чтобы Россия поступала так же, – рассуждает министр финансов. Император принимает сторону Витте.

Спустя несколько дней, когда Витте приходит к Николаю II с докладом, тот как бы невзначай сообщает: «А знаете ли, Сергей Юльевич, я решил взять Порт-Артур и Да-лянь-ван и направил уже туда нашу флотилию с военной силой. Я это сделал потому, что министр иностранных дел мне доложил после заседания, что, по его сведениям, английские суда крейсируют в местностях около Порт-Артура и Да-лянь-ван и что если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане».

Вскоре император назначает нового военного министра – им становится активный и популярный в прессе генерал Куропаткин, в прошлом начальник штаба легендарного генерала Скобелева. Алексей Куропаткин известен как горячий сторонник захвата Константинополя. Но, став министром, он быстро начинает ориентироваться в ситуации. Теперь он интересуется Дальним Востоком и требует не просто захватить Порт-Артур, но и оккупировать все прилегающие территории – а именно весь Ляодунский полуостров, иначе защитить порт не будет никакой возможности. Россия отправляет Китаю требование передать России полуостров в безвозмездную аренду на 25 лет.

Витте вспоминает, что он сопротивляется этим планам – будто бы даже подает в отставку в знак протеста. Впрочем, это противоречит воспоминаниям других чиновников. Они уверяют, что Витте тоже вдохновлен идеей освоения Дальнего Востока и министерство финансов выделяет огромные суммы на строительство нового порта в Китае, на месте крошечного поселка Да-лянь-ван. Витте даже придумывает ему название – «Дальний».

Получив приказ императора обеспечить оккупацию Порт-Артура, министр финансов выделяет 500 тысяч рублей[14] на взятки китайским чиновникам, в том числе Ли Хунчжану. (По словам других чиновников, это было традицией – все договоры, которые подписывал Витте с китайцами, были проплаченными. Сам Витте это отрицает.) В результате китайское правительство подписывает соглашение о передаче полуострова России на 25 лет. Российские войска немедленно высаживаются в Порт-Артуре и оккупируют всю область. Ни единого выстрела не произведено – китайские адмиралы из Порт-Артура тоже довольствуются небольшими взятками.

Желтороссия

На рубеже XIX и XX веков Российская империя хоть и не слишком благополучна, но многие великие империи переживают куда более сложный период. И тяжелее всех тысячелетней Китайской империи, южному соседу Российской. Как и в России, правящая династия сохраняет власть уже три века – это Цин, китайские Романовы. Большую часть XIX века империя охвачена борьбой между сторонниками реформ, модернизации и открытых отношений с Западом и приверженцами изоляции, традиций и особого китайского пути. Свободная и неограниченная торговля с Западом приносит Китаю очень много проблем. Население Китая повально подсаживается на курение опиума, который привозят британские и индийские корабли. Эпидемия наркомании сопровождается оттоком твердой валюты (то есть серебра) – простые китайцы тратят почти все свои доходы на покупку импортного опиума.

В 1839 году партия противников опиума одержала верх, и империя перешла к другой крайности – все порты Китая были объявлены наглухо закрытыми для иностранцев. В ответ британский флот приготовился к высадке у Нанкина, южной столицы страны. Китайская армия не могла помешать британцам – она была оснащена в основном средневековым холодным оружием. В 1842 году Китайская и Британская империи подписали договор: все основные китайские порты открылись для англичан, а Гонконг и вовсе стал английской колонией. Нанкинский договор – первое, но не последнее унизительное соглашение, которое пришлось подписать китайскому руководству в XIX веке.

С руководством, кстати, тоже проблемы. Последний взрослый император Даогуан умирает в 1850 году (в возрасте 68 лет). После этого более полувека Китаем правят очень молодые и не слишком подготовленные люди. Сяньфэн становится императором в 19 лет, умирает в 30. Тунчжи становится императором в 5 лет, умирает в 19. Гуансюй становится императором в 4 года, а в 27 его отстраняют от власти и помещают под домашний арест. Наконец, Пу И будет императором с 2 до 6 лет.

На фоне сменяющих друг друга детей страной реально правит императрица Цыси – бывшая наложница императора, сумевшая взять власть в свои руки. Она случайно оказалась на троне, но быстро уверовала в свою богоизбранность, а также в то, что ее личные интересы, подозрения,

жажда власти и страх за собственную жизнь – это и есть те принципы, которыми нужно руководствоваться в управлении государством.

В 1890-е годы китайские власти состоят из двух противоборствующих групп. Консерваторы (окружение регентши, императрицы Цыси) не хотят реформ и ориентируются на помощь России. Другая, более малочисленная группа хочет модернизации и предпочитает ориентироваться на Британию и Японию, которая открылась Западу в 1860–1880-е годы благодаря императору Мэйдзи. К этой группе относится и воспитатель монарха. Император Гуансюй – почти ровесник Николая II. Он очень хочет преобразований, но боится свою приемную мать, императрицу Цыси.

Переломным моментом становится оккупация Циндао немцами – китайское общество возмущено. Поднимается патриотическое движение, философ Кан Ювэй пишет воззвание, обращенное к императору, с планом необходимых либеральных реформ. Фактически он предлагает молодому императору конституционную монархию (в одном из писем Кан Ювэй призывает императора брать пример с российского императора Петра I). И уже через полгода Гуансюй начинает действовать. Осторожно, чтобы не напугать Цыси, начиная с июня 1898 года император начинает издавать реформаторские указы: о создании Пекинского университета, о строительстве железных дорог, о реорганизации китайской армии по европейскому образцу, о срочном переводе иностранных книг, о закупке паровых машин и популяризации машинной техники, о борьбе с незаконными поборами, о публикации госбюджета и так далее. Реформы продолжаются сто дней – и в сентябре заканчиваются. Императрица Цыси совершает переворот – императора арестовывают и сажают под домашний арест. Почти все указы, изданные за «сто дней реформ», отменяются, начинается волна антиреформаторских репрессий. Ближайших советников императора казнят без суда.

Россия всячески поддерживает переворот – министр иностранных дел Муравьев сообщает императрице Цыси, что она может рассчитывать на помощь в борьбе с прозападными реформаторами.

Репрессии против сторонников реформ набирают силу. Императрица и ее двор обвиняют во всех проблемах внешних врагов, навязывающих Китаю унизительные договоры и болезненные реформы. Начинается так называемое восстание ихэтуаней (отрядов гармонии и справедливости); на самом деле не совсем восстание, а дирижируемая властями волна погромов и нападений на иностранцев и на национал-предателей – китайских христиан. «Пусть каждый из нас приложит все усилия, чтобы защитить свой дом и могилы предков от грязных рук чужеземцев. Донесём эти слова

до всех и каждого в наших владениях», – говорится в указе императрицы Цыси. Европейцы называют восставших «боксерами». Ситуация очень скоро выходит из-под контроля: в Пекине начинают убивать дипломатов, по всей стране жгут христианские храмы.

Узнав о начавшихся волнениях в Пекине, Витте говорит, что это как раз последствия захвата Ляодунского полуострова. Но Куропаткин, наоборот, очень рад. Он считает, что волнения – это хороший повод перестать поддерживать Цыси и захватить еще большую часть Китая, Маньчжурию, область, граничащую с Кореей и российским Дальним Востоком. Этот регион особенно важен еще и потому, что это родина правящей в Китае династии Цин. Витте утверждает в своих воспоминаниях, что он – противник присоединения Маньчжурии. Ему больше по душе экономическая экспансия в Корею.

«Боксерское восстание» в Китае разгорается, европейская пресса едва ли не ежедневно описывает чудовищные погромы. Создается международная коалиция для вторжения в Китай и подавления ихэтуаней. Свои войска в Китай посылают Россия, Британия, Франция, Германия, Италия, Австро-Венгрия, США и Япония. 20 июня ихэтуани начинают осаду посольского квартала в Пекине. Власти поначалу им просто покровительствуют, но 21 июня императрица Цыси объявляет войну всем восьми иностранным государствам, которые ввели войска. В ночь с 23 на 24 июня в Пекине происходит «китайская Варфоломеевская ночь»: зверски истреблены почти все христиане, проживающие в Пекине.

Военный министр Куропаткин настаивает на том, что российские войска должны быть введены в Пекин, чтобы наказать зачинщиков погромов. Витте возражает, говоря, что не надо настраивать против себя китайцев – пусть экзекуцию в столице устраивают японцы. Император принимает сторону Куропаткина, российские отряды входят в китайскую столицу, грабят дворцы. Кроме них в Пекин заходят американцы и британцы. Императрица Цыси бежит из города, захватив с собой и арестованного ею императора-реформатора. Как вспоминает Витте, командующий российскими войсками генерал Линевич, получивший за взятие Пекина Георгия на шею, привозит оттуда 10 сундуков награбленных ценностей.

Тем временем усиливаются антироссийские волнения в Маньчжурии, все чаще происходят нападения на строителей железной дороги, которую прокладывают в сторону Порт-Артура. Теперь уже Витте, куратор железнодорожников, требует усилить воинский контингент в Маньчжурии. Куропаткин выполняет свою давнюю мечту – Маньчжурия оккупирована.

Официально объявлено, что оккупация продлится только до тех пор, пока не закончится боксерская смута. Но военные вовсе не собираются покидать Маньчжурию, несмотря на то что их миссия выполнена.

Завершается первая, самая удачная и самая неизвестная война Николая II, так называемый китайский поход. Россия де-факто захватывает северо-восток Китая, император счастлив, поскольку начал увеличивать свои владения. В его окружении уже фантазируют о том, как осваивать «Желтороссию» (так начинают называть этот регион): надо ли переселять в эту зону русских колонистов, стоит ли создавать там местный казачий корпус?

Возмущен лишь Лев Толстой. Он пишет «Обращение к китайскому народу»: «К вам пришли европейские вооруженные люди и безжалостно, как дикие звери, набросились на вас: разоряя, грабя, насилуя и убивая вас. Люди эти называют себя просвещенными и страшно сказать – христианами. Не верьте им». Толстой уверяет, что все захватчики Китая, а также «их начальники, парламенты, министры, короли и императоры», которые санкционировали эту войну, – «злейшие враги христианства».

Борьба со смертью и борьба с режимом

В марте 1902 года молодой писатель Максим Горький получает телеграмму из столицы: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук избрало его своим почетным членом. Писателю почти 33, он самый молодой академик в стране. Он немедленно сообщает радостную новость соседям по Крыму – академикам Антону Чехову и Льву Толстому.

Толстому уже лучше. Температура снижается, но он по-прежнему не выходит. Родные и друзья обсуждают, не сделать ли заграничные паспорта, чтобы уехать лечиться за границу? Однако до этого не доходит: только поправившись после воспаления легких, граф заболевает брюшным тифом. Болезнь 72-летнего писателя продолжается десять дней, и он идет на поправку. В третий раз за три месяца он стоит на пороге смерти – и в третий раз выживает.

Чехов и Горький продолжают навещать выздоравливающего Толстого. В конце марта Горький приходит к графу со странным известием. Крымский губернатор прислал телеграмму с просьбой вернуть уведомление об избрании Горького почетным академиком. Отдыхающие в Крыму писатели пока не могут понять, что происходит.

Тем временем в Петербурге грандиозный переполох. Узнав об избрании академиком находящегося под следствием Горького, министр внутренних дел Сипягин приносит императору справку о деятельности писателя. Николай II изучает документ (самого Горького он, конечно, не читал) и ставит резолюцию: «Более чем оригинально». А следом диктует письмо министру просвещения:

«Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании, понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточное наличие причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием. И такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избирать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объявить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состояние умов в Академии».

Министром просвещения (после убитого Боголепова) в этот момент работает 79-летний генерал Петр Ванновский, в недавнем прошлом

военный министр. Он в жутком смущении сообщает о решении царя президенту Академии наук России, великому князю Константину.

Великий князь Константин – не только дядя царя, но и довольно известный в стране поэт, публикующий свои произведения под псевдонимом К. Р. Впрочем, он не заступается за коллегу-литератора, не идет объяснять племяннику, в чем заслуги молодого Горького. Напротив, он пишет крымскому губернатору и просит отобрать у писателя телеграмму, извещающую его об избрании почетным академиком. Горький отказывается: он говорит, что отдаст уведомление, только если его попросит сама Академия.

Первым не выдерживает 47-летний Владимир Короленко, тоже почетный академик, главный поклонник творчества Горького. Он пишет письмо в Петербург с требованием провести повторное заседание Отделения русского языка и вновь рассмотреть вопрос об избрании Горького. Его просьбу в Академии игнорируют и аннулируют свое решение.

Короленко и Чехов пишут письма в Петербург, отказываясь от звания почетных академиков в знак протеста против исключения Горького. Всегда аполитичный Чехов предлагает Толстому присоединиться к демаршу, но граф отвечает, что не хочет участвовать в странных бюрократических склоках – и вообще не считает себя академиком.

Чехов, никогда раньше не интересовавшийся политикой и не участвовавший ни в каких политических акциях, страшно обижается. «Толстой человек слабый, – жалуется он своему другу Суворину. – Я знаю, что он считает себя академиком». В качестве доказательства Чехов вспоминает тот факт, что еще в 1900 году Толстой голосовал за то, чтобы принять в академики литератора Боборыкина.

Модный священник

30-летний священник Георгий Гапон возвращается в Петербург. Он восстанавливается в Духовной академии и отправляется служить в церковь в Галерной гавани – очень неблагополучном районе неподалеку от Балтийских верфей, где живут рабочие окрестных фабрик, а также нищие, бездомные и безработные, словом, персонажи горьковского «На дне». Эти люди ценят проповеди Гапона, на его службу каждый раз набивается полная церковь, а он не жалеет времени, чтобы пообщаться с паствой и выслушать ее жалобы. После службы Гапон ходит по ночлежкам и пытается придумать, как помочь живущим там людям (в том числе и материально), но его идеи отвергаются церковным начальством.

Одновременно Гапон становится преподавателем и настоятелем в двух детдомах, в том числе в Ольгинском детском приюте. Это особенный детдом, его патронирует императрица, а в попечительский совет входят многие богатые дамы. Так молодой священник из-под Полтавы начинает знакомиться со столичным высшим светом. Светские львицы тоже быстро проникаются симпатией к Гапону – он красив, харизматичен, хорошо говорит и – как выражаются его поклонницы – «похож на Христа».

Один из новых знакомых священника – сенатор Николай Аничков, главный попечитель детских приютов, фактически начальник Гапона. Он часто приглашает священника к себе в гости, говорит с ним о благотворительности, кормит ужинами, угощает роскошными винами и рассказывает о том, что все эти продукты ворует его дядя, который заведует хозяйственной частью Зимнего дворца. Гапон долго недоумевает, зачем тот так откровенен.

Гапон, в свою очередь, шокирует своих светских знакомых – особенно дам – рассказами о жизни нищих. Не ради эпатажа: с неизменной страстью он рассуждает, как можно облегчить участь бедняков, привлекая их к общественным работам. Почитательницы Гапона доносят слухи о молодом священнике до петербургского градоначальника Клейгельса, который вызывает Гапона к себе и просит его написать доклад о социальной реабилитации безработных.

Гапон пишет труд под названием «К вопросу о мерах против босяцкого нищенства и тунеядства». По сути это подробная программа создания исправительных колоний для бездомных. Доклад делает Гапона еще более известным, текст передают из рук в руки просвещенные чиновники, а

особенно их жены, и вскоре он даже доходит до императрицы, которой тоже нравятся идеи священника. Александра планирует провести специальное заседание, чтобы обсудить предложения Гапона. Толстовец из-под Полтавы в шаге от своего звездного часа – он почти выполнил свою мечту.

Однако никакого серьезного обсуждения идей Гапона не происходит. Спустя несколько месяцев светские дамы увлекаются какой-то другой темой, а он выходит из моды. «Я имел случай наблюдать жизнь высшего общества и нашел ее далеко не завидной, – вспоминает Гапон. – Как в разговорах своих, так и в поступках люди эти никогда не были искренни. Вся жизнь их была нудная, скучная и бесцельная. Их интерес к благотворительности был порывист и поверхностен».

Впрочем, так Гапон напишет позже – а в 1902 году ему нравится светское общество, он уверен, что сможет использовать его. Церковное начальство новая жизнь Гапона раздражает – и у них начинаются конфликты. В итоге священник решает уйти из детских приютов, чтобы устроиться на работу к одной из новых знакомых придворных дам. 2 июля 1902 года он произносит патетическую прощальную проповедь: «Братцы, меня отсюда выгоняют, но ничего. Я был здесь мучеником; но за все мои страдания Господь услышал мою молитву и послал место. Это недалеко отсюда. Приходите туда».

Но ничего не выходит. Сенатор Аничков, выяснивший за ужинами подробности личной жизни Гапона, пишет на него донос. Очевидно, он обижен на то, как нелестно в своем знаменитом докладе Гапон отозвался о его детских приютах. И теперь он раскрывает и церковному начальству, и светским дамам всю правду о настоящей жизни Гапона. Оказывается, священник соблазнил одну из сирот – воспитанниц приюта, 18-летнюю Александру Уздалеву. Более того, они даже начали жить вместе. А ведь по церковным законам жениться второй раз вдовец Гапон никак не может.

Донос Аничкова становится ударом по репутации Гапона: в июле 1902 года его выгоняют из Духовной академии и вот-вот должны лишить сана. Священник был так близок к цели – и потерял все. Однако, почти погубив Гапона, Аничков его нечаянно спасает. Для верности он пишет на него второй донос – в тайную полицию. К Гапону приходит агент по фамилии Михайлов, чтобы неформально допросить. Это разговор сыграет определяющую роль в судьбе Гапона. Михайлов предлагает ему сотрудничество.

Еще в детстве большое впечатление на Гапона произвел рассказ о святом Иоанне Новгородском, который якобы оседлал беса и слетал на нем

в Иерусалим (этот же сюжет прославил земляк Гапона Николай Гоголь в «Ночи перед Рождеством»). По собственным воспоминаниям, маленьким мальчиком Гапон мечтал о том дне, когда ему удастся «оседлать беса». И это день настает. Он начинает сотрудничать с тайной полицией.

Агент Михайлов не только дает священнику положительную характеристику, но пишет письмо столичному митрополиту Антонию с предложением восстановить Гапона в Духовной академии. Митрополит Антоний поступает как нормальный чиновник, привыкший подчиняться Победоносцеву. Рекомендацию спецслужб он выполняет немедленно, Гапона восстанавливают, сана не лишают. С этого момента он начинает самостоятельную жизнь и больше уже не оглядывается на церковное начальство.

Адмирал Тихого океана

Удача в китайской войне окрыляет императора. Николай II жаждет новых приключений и новых побед. Он все меньше прислушивается к предостережениям и все больше – к авантюрным прожектам.

Например, отставной офицер Александр Безобразов придумывает план «ползучей оккупации» Кореи – по его идее, Россия должна постепенно скупить как можно больше земли в этой стране, чтобы поскорее взять ее под свой контроль – пока этого не сделала Япония. Для начала Безобразов создает частное предприятие – Русское лесопромышленное товарищество, которое начинает осваивать леса в бассейне реки Ялу, между Кореей и Китаем.

Витте вспоминает, что первым Безобразов убедил в перспективности своей идеи великого князя Сандро, друга детства императора. Сандро был моряком, в 20 лет совершил кругосветное путешествие, неплохо знал Дальний Восток и не любил Японию. У него было извечное убеждение, что Япония опасна и враждебна России, поэтому надо готовиться к войне с ней. Проект Безобразова очень нравится великому князю – и он знакомит его с императором. Николаю эта идея тоже симпатична, и он приказывает оказывать Безобразову всяческое содействие. Чем дальше, тем больше он хочет стать императором не только «Великой, Малой и Белой», но и «Желтой».

Витте, хоть и ратует за российскую экономическую экспансию, но в своих воспоминаниях утверждает, что идея Безобразова ему не по душе и он отказывается выделять на нее деньги из бюджета.

Впрочем, общественное мнение уверено в обратном – будто Витте тоже поклонник этой идеи. Это он «ухлопал миллионы на постройку города Дальнего и создал на казенные деньги Русско-Китайский банк, финансировавший дальневосточные аферы таких дельцов, как адмирал Абаза, сумасшедший Безобразов и их дружок Вонлярлярский», – пишет в своих воспоминаниях офицер Алексей Игнатьев.

Летом 1902 года император едет в Таллин (тогда – Ревель) на морские маневры. В июне к нему присоединяется германский император Вильгельм II. Витте вспоминает, что при расставании, когда яхта Вильгельма отходит, она дает сигнальный гудок. Текст послания такой: «Адмирал Атлантического океана шлет привет Адмиралу Тихого океана». «Сигнал, если перевести его на обыкновенный язык, значил, – вспоминает Витте, – я

стремлюсь к захвату или к доминирующему положению в Атлантическом океане, а, мол, тебе советую и буду поддерживать в том, чтобы ты принял доминирующее положение в Тихом океане».

По словам Витте, Николай смущен, но идея стать тихоокеанским владыкой ему нравится. Корейская экспансия продолжается – при этом Россия совершенно игнорирует Японию, все попытки японских дипломатов начать переговоры о сотрудничестве в Корее остаются без ответа. Японцы все больше чувствуют себя оскорбленными – они еще готовы, возможно, согласиться с русской оккупацией Ляодунского полуострова, но терпеть превращение в российскую провинцию всей Маньчжурии не намерены.

Осенью 1902 года Витте, понимая, что самое важное и перспективное направление в российской политике – это Дальний Восток, отправляется в большое турне, заезжая во Владивосток, Порт-Артур и Дальний. Изучив ситуацию на месте, он едет в Крым, где отдыхает император. Витте готовит доклад по итогам поездки: главная его мысль в том, что действовать надо аккуратнее – и обязательно договориться с Японией.

Но Николай II не слушает доклад Витте (просит прислать почтой) – он доверяет Безобразову, считает, что все под контролем и вмешательство Витте совершенно излишне. То, что министр финансов лезет куда не просят, императора раздражает. 6 мая 1903 года он назначает Безобразова статс-секретарем императора. Мнение нового доверенного лица Николая II по поводу ситуации на Дальнем Востоке известно: войска из Маньчжурии выводить нельзя, любые уступки Японии нецелесообразны, следует бороться за усиление российского влияния в Корее.

В июле 1903 года Николай выполняет еще одну идею Безобразова – бывшие китайские территории преобразуются в Дальневосточное наместничество. К тому моменту подобный статус есть только у Кавказа – особого региона Российской империи, где как раз полным ходом проводится политика русификации. Россия официально начинает осваивать Китай.

На редкие вопросы императору, не опасается ли он, что его действия приведут к войне с Японией, он всякий раз отвечает: «Войны не будет, потому что я ее не хочу».

Глава 3
В которой евреи выходят на тропу войны: Михаил Гоц и Григорий Гершуни создают самую мощную оппозиционную партию в России

Новогоднее пожелание

31 декабря, в канун нового, 1900 года, в квартире у 29-летнего минского фармацевта Григория Гершуни вечеринка. На праздник приходят его друзья-революционеры. Заглядывает и пожилая соседка – 56-летняя Екатерина Брешко-Брешковская по кличке Бабушка, легендарная диссидентка, большой авторитет для всех присутствующих.

Молодые люди спорят: может ли такое случиться, что революционеры снова, как в былые годы, обратятся к террору? Гершуни спрашивает Бабушку – и ее ответ удивляет многих: «И мы в свое время мучились тем же вопросом и говорили евангельскими словами "Да минует нас чаша сия". Вот и ныне приходится выстрадать ответ. Опять идем мы к срыву в бездну, опять мы вглядываемся в нее, а бездна вглядывается в нас. Это значит, террор опять становится неизбежным». Гершуни полностью с ней согласен, он тоже считает, что снова пришло время убивать.

На новогодней вечеринке у всех приподнятое настроение, но в конце праздника Бабушка отводит Гершуни в сторонку и говорит: «С такими рвущимися наружу мыслями в голове ты чего ждешь? Чтобы тебя изъяли из жизни и замучили в Петропавловке или на каторжных рудниках? Надо менять паспорт, надо менять место, надо нырнуть в подполье. И не очень медлить!» После этого разговора Бабушка навсегда уезжает из Минска – ей не привыкать, она путешествует по стране с подложными документами уже много лет.

Наследник чайной империи

Несколько недель спустя, в конце января 1901 года на поезд в Одессе садится богатый молодой еврей. Ему 36 лет, и он один из самых знаменитых людей города – наследник богатейшей российской династии производителей чая, очень эффективный топ-менеджер семейной корпорации и глава ее одесского филиала. Зовут его Михаил Гоц, и он едет в Париж.

Михаил родился в Москве – среди московских миллионеров есть не только старообрядцы, но и евреи. Чайный рынок контролируют Рафаил Гоц и его шурин Давид Высоцкий. Условия ведения бизнеса для евреев еще более жесткие, чем для староверов, но Высоцкий и Гоц достигли невероятных высот: в начале XX века их компания обладала капитализацией в 10 миллионов рублей и годовым оборотом в 45 миллионов[15]; пройдет всего несколько лет и будут открыты филиалы в Нью-Йорке и Лондоне.

Высоцкий и Гоц – настоящие еврейские знаменитости. В конце XIX века в Москве ходит анекдот. «Еврей из отдаленного местечка приезжает в Москву, родственник его водит по городу и приговаривает: "Это вот магазин Высоцкого и Гоца, а это – фабрика Высоцкого и Гоца, а вот это – контора Высоцкого и Гоца". Оказавшись на Красной площади, приезжий спрашивает, показывая на памятник Минину и Пожарскому: "А это кто?" – "Как кто? Это и есть Высоцкий и Гоц". – "А что за цифры под ними: 1, 6, 1 и 3?" – "Наверное, номер телефона"».

Как это произошло и в купеческих семьях, золотая молодежь, третье поколение московских миллионеров (основателем династии был дед Михаила Гоца Вульф Высоцкий), не оправдала надежды стариков. Племянник Давида Высоцкого и сын Рафаила Гоца, Михаил Гоц увлекся не бизнесом и даже, в отличие от Морозова или Мамонтова, не театром – в 18 лет (в 1884 году) он вступил в подпольный кружок революционеров. Члены кружка собирались в библиотеке, в которой работал бывший одноклассник Гоца Сергей Зубатов. В 1886 году в библиотеку ворвалась полиция. Облава закончилась для Гоца тяжелой десятилетней ссылкой в Сибирь, где он едва не погиб. Однако сейчас все это в прошлом, и наследник чайной империи занимается семейным бизнесом в Одессе, поскольку приезжать в столицы ему запрещено.

После каторги у Гоца очень слабое здоровье, и семья уговаривает его

лечиться во Франции. Однако больной планирует увидеться не только с врачами: из Парижа пришла новость о том, что легендарный революционер Петр Лавров при смерти. Гоц очень хочет познакомиться с кумиром своей юности, но не успевает – опаздывает даже на его похороны.

Старая партия

Похороны Лаврова становятся съездом народников – некогда грандиозного движения, которое во второй половине XIX века власть объявила главным врагом Российской империи. Основу движения составляли интеллигенты, считавшие своим долгом «ходить в народ»: просвещать необразованные сословия, то есть в первую очередь крестьян, рассказывать им об их правах и о том, что единственный выход – это революция. Одной из постоянных тем бесед был неминуемый «черный передел» – заветный день, когда вся земля будет отнята у дворян и роздана крестьянам. Народники создавали свои кружки в столице и провинции. Они первыми начали заниматься политическим террором – убийцы Александра II состояли в мощной тайной организации под названием «Народная воля». В кружки народников входили все звезды российской несистемной оппозиции XIX века: и идеолог анархизма Михаил Бакунин, и демонический убийца Сергей Нечаев, и князь-анархист Петр Кропоткин, и первый марксист России Георгий Плеханов, и Бабушка Брешко-Брешковская.

Но во время правления Александра III народничество пошло на спад. Все террористические группировки были разгромлены, пропаганда среди крестьян ни к чему так и не привела. Народники увлеклись «теорией малых дел» – работой на местах, которая могла бы облегчить жизнь крестьян. По сути, народники почти прекратили политическую деятельность. Бывшие лидеры уехали за границу: Петр Лавров – в Париж в 1870 году, Петр Кропоткин – в Лондон в 1876 году, Георгий Плеханов – в Швейцарию в 1880-м. Активной работой в России продолжила заниматься только легендарная Брешко-Брешковская. Она треть жизни провела на каторге и в ссылке, вышла по амнистии в год коронации Николая II и начала ездить по деревням и агитировать крестьян.

К началу XX века от движения народников почти ничего не осталось: подпольные кружки разрознены и почти не связаны друг с другом. Несмотря на, казалось бы, тотальную неудачу, народников безгранично уважает большая часть молодого поколения революционеров.

Попав в Париж, Гоц знакомится с эмигрировавшими туда народниками – его принимают радушно, все-таки богатый наследник. И он загорается идеей объединить подпольные кружки российских революционеров, вдохнуть жизнь в зачахшую оппозиционную партию.

Парижская квартира Гоца превращается в популярное место встреч для народников. Проведя во Франции почти год, он бросает семейный бизнес – но пока никакого успеха на новом революционном поприще не добивается.

Психологическая дуэль

Как раз в это время, в июне 1900 года, в Минске полиция устраивает массовую облаву: находит подпольную типографию и задерживает всю местную ячейку революционеров. Арестовывают и ее руководителя, фармацевта Григория Гершуни. Его отправляют в Москву на допрос к тому самому Сергею Зубатову, руководителю московской тайной полиции, самому странному силовику в Российской империи.

Зубатов начинает с арестованным многодневную игру. Агентурных данных, в том числе о связях с Бабушкой, достаточно, чтобы отправить Гершуни в Сибирь, но Зубатову интересен этот молодой революционер, и он берется его перевоспитать.

В этот момент Зубатову 36 лет. У него есть собственный метод работы с «политическими»: он не столько сыщик, сколько проповедник, главный романтик на службе у государства.

В детстве Зубатов увлекался идеей революции, даже создал в гимназии свой кружок, где они с друзьями читали Маркса, Писарева и Чернышевского. Когда Зубатову было 20, о его увлечении узнал отец и настоял, чтобы тот прекратил обучение. Начитанный юноша пошел работать библиотекарем и обнаружил в хранилищах огромное количество запрещенных книг. Он стал охотно выдавать эту литературу читателям. Так его библиотека стала центром подпольной жизни, а читателями оказались молодые революционеры – в том числе наследник чайной империи Михаил Гоц. Они подружились, и поначалу, вспоминает Гоц, Зубатов всерьез и искренне относился к своему кружку. Но потом к Зубатову пришла полиция. На первом же допросе он узнал, что друзья-революционеры вовсе ему не доверяли и использовали его библиотеку «втемную» для подпольных собраний, на которые его не звали. Зубатов обиженно заявил, что понятия не имел, кем были его читатели. И предложил полиции свою помощь.

Следствие продолжалось несколько лет. Михаила Гоца и его друзей по кружку, молодых столичных образованных евреев, которые собирались в библиотеке, читали запрещенные книги и вели смелые разговоры – и ничего более, – приговорили к десяти годам ссылки на Колыме.

Когда революционеры объявили Зубатова провокатором и начали на него охоту, он вышел из подполья и стал штатным сотрудником полиции. Карьера его была головокружительной – уже через семь лет он дослужился

до начальника московской тайной полиции.

Идейный государственник, Зубатов не жалеет времени на долгие проповеди собственным подчиненным (которых, кстати, беспокоит тот факт, что ими управляет гражданский, а не офицер): «Без царя не может быть России, счастье и величие России – в ее государях и их работе. Возьмите историю. Так будет и дальше. Те, кто идут против монархии в России – идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

После каждого группового ареста Зубатов подолгу говорит с заинтересовавшими его арестантами. Это не столько допросы, сколько беседы за чаем о неправильности пути, которым идут революционеры, и наносимом ими вреде. Во время этих разговоров Зубатов предлагает собеседникам помогать правительству в борьбе с революционными организациями. Некоторые соглашаются, а некоторые, смущенные беседой с Зубатовым, просто оставляют революционную деятельность.

Свои беседы Зубатов использует в том числе для того, чтобы собрать аргументы для начальства и убедить начать диалог с обществом: «Удовлетворите их потребности, и они не только не полезут в политику, а выдадут вам всех интеллигентов поголовно».

Григорию Гершуни Зубатов предлагает сделку: в обмен на свободу тот подпишет подробные признательные показания, в которых будет сказано, что он не являлся членом тайной организации, но был доведен до отчаяния притеснениями евреев. Гершуни притворно соглашается. Вообще-то революционная мораль запрещала такое малодушие – как член подпольной организации, Гершуни должен признаться, что он убежденный революционер. Но он якобы решает сыграть с Зубатовым в его игру. Он подписывает все, что предлагает ему Зубатов. Тот торжествует. Он считает, что Гершуни сломлен и больше никогда не вернется к революции, и молодого фармацевта отпускают домой в Минск.

Освободившись, Гершуни, очевидно, стыдится своего поведения: когда Бабушка расспрашивает его, как ему удалось выйти на волю, он бормочет что-то невразумительное: «Да вот, бог не выдал, свинья не съела».

Якутск – Париж

Зубатов ошибается. На свободе Гершуни не отказывается от своих революционных планов, а, наоборот, активизируется. Он, как и советовала Бабушка, обзаводится фальшивыми документами и едет в Париж, туда, где живет большинство его единомышленников. И там знакомится с Михаилом Гоцем. Гоцу и Гершуни есть что обсудить – хотя бы нового общего знакомого, Сергея Зубатова.

Гоц старше всего на четыре года, но для 30-летнего Гершуни он такая же легенда, как и парижские старики, народники старшего поколения. Судебный процесс Гоца и ссылка в Сибирь сделали его знаменитостью среди российских революционеров.

Выехав из Москвы в мае 1889 года, Гоц и другие ссыльные добрались до Якутска лишь к ноябрю. Здесь они остались зимовать, чтобы весной отправиться в Среднеколымск, город в трех тысячах километров к северо-востоку от Якутска.

В Якутске много ссыльных народовольцев, и в честь вновь прибывших товарищей они устроили настоящий банкет. Встретились два поколения революционеров: старые каторжники, попавшие сюда после разгрома «Народной воли» около десяти лет назад, и молодые евреи, новые носители народовольческих идей. 23-летний Михаил Гоц – один из самых юных.

Всего через несколько месяцев, в марте, освоившимся на новом месте ссыльным объявили, что ждать, пока сойдет снег, не положено и нужно продолжить свой путь. При 50-градусном морозе двухмесячное путешествие по почти необитаемой местности равносильно смерти, говорили ссыльным и жители Якутска, и даже местные чиновники. Но таково было требование, пришедшее из Петербурга, – не задерживать группу ссыльных евреев в Якутске. Михаил Гоц пытался выступить переговорщиком – но безуспешно.

Ссыльные начали спорить, что делать. Обсуждались разные предложения: всем вместе бежать «в Россию», оказать вооруженное сопротивление, постараться привлечь внимание мировой общественности, наконец, убить якутского губернатора. Некоторые говорили, что все варианты плохи: в Петербурге закручивают гайки, на горстку евреев, возмутившихся в Якутии, никто не обратит внимания – а результатом их бунта наверняка будет насилие. Тем более что связь со столицей – только через Иркутск, ближайший город, где есть телеграф. А Иркутск на 3000 км

южнее Якутска, путь на санях занимает минимум две недели в одну сторону. В итоге ссыльные решили написать прошения на имя губернатора, каждый от себя, и в каждом из прошений объяснить, почему ехать в Среднеколымск нельзя.

21 марта 25 ссыльных пришли к отделению полиции. Начальник сначала отказался принимать прошения, а потом все-таки взял и пообещал дать ответ на следующий день. Сказал, чтоб ссыльные ждали его в 11 утра в здании клуба. Мятежные евреи сразу заподозрили, что добром дело не кончится, и на всякий случай приготовили все оружие, которое смогли найти: 10 револьверов и винтовку.

На следующее утро в 10 часов клуб окружил взвод солдат. Ссыльные ждали такого поворота. Началась перестрелка. Один офицер получил легкое ранение, шестеро ссыльных было убито на месте. Четверо получили ранения, в том числе Гоц – ему прострелили легкое.

Суд, продлившийся до августа, приговорил всех мятежников, включая женщин, к смертной казни. Судья ходатайствовал о смягчении приговора для всех, кто не стрелял в полицейских. В итоге троих повесили, остальных отправили на каторгу.

Тяжелораненый Михаил Гоц, по мнению врачей, не должен был выжить, но все же поправился – чтобы попасть на пожизненную каторгу. Его заковали в кандалы и перевели в Вилюйскую тюрьму – ту самую, из которой всего лишь семь лет назад, в 1883 году, освободился кумир всех революционеров Николай Чернышевский.

Несмотря на отдаленность Якутии от всего остального мира и отсутствие нормальной связи, якутский бунт неожиданно получил очень большой резонанс. О произошедшем узнал американский журналист Джордж Кеннан. В 1891 году, после путешествия по России, он написал серию статей о жизни русских политзаключенных, а потом выпустил книгу «Сибирь и ссылка»; в нее вошел и рассказ о якутском бунте. Западная общественность была шокирована – британский парламент даже отправил в Петербург официальный запрос по поводу инцидента в Якутске.

В поддержку репрессированных начали выступать другие политзаключенные, но Гоц в письмах призывал воздержаться от протестов. «Довольно жертв! – писал он. – Надо было или вовсе не начинать конфликта или, начав, тут же закончить» – то есть убить виновника бойни, якутского губернатора.

После смерти Александра III, в 1894 году, приговоры якутским бунтовщикам аннулировали, и им оставалось лишь досидеть десятилетний срок, к которому их приговорили после зубатовского доноса. В 1898-м Гоц

вышел на свободу и отправился в четвертый по величине город империи, ее южную морскую столицу – Одессу, где его ждало место руководителя филиала семейной компании.

Богатый наследник Гоц, треть жизни проведший в Сибири, и скромный фармацевт Гершуни, избежавший ссылки благодаря сделке с Зубатовым, неожиданно находят общий язык. С их свидания в Париже начнется новая эпоха в российской политической истории: именно они возродят «Народную волю» под новым названием – партия социалистов-революционеров (СР). Эсеры на ближайшие два десятилетия станут главными врагами царского режима.

После Дрейфуса

В 1900 году власти не считают народников опасными. В отличие от БУНДа – первой подпольной политической партии России в XX веке. Полное название этой мощной организации в переводе с идиша – «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России».

В конце 90-х годов XIX века во всем мире евреи становятся самой политически активной нацией. Поворотный момент в жизни многих европейских евреев – дело Альфреда Дрейфуса, офицера французской армии, которого осудили по обвинению в шпионаже в пользу Германии. В декабре 1894 года капитан Дрейфус был признан виновным и приговорен к пожизненной ссылке. Но это было не концом, а началом истории: следующие пять лет вся европейская интеллектуальная элита провела в ожесточенных спорах, виновен Дрейфус или нет. Французские военные (а вместе с ними и все антисемиты Европы) не сомневались в его вине. Все французские социалисты доказывали, что он случайная жертва. Самыми ярыми борцами за Дрейфуса были лидер французских левых Жан Жорес и писатель Эмиль Золя, который в январе 1898 года написал знаменитую статью «Я обвиняю…». В ней он доказывал, что настоящим шпионом был не еврей Дрейфус, а француз майор Фердинанд Эстерхази, которого покрывали сослуживцы-патриоты. Золя был признан виновным в клевете и даже бежал из Франции. Позже выяснилось, что писатель был прав. В 1899 году дело Дрейфуса было отправлено на пересмотр, а год спустя его помиловали.

В России дело Дрейфуса вызвало не менее ожесточенные споры, чем во Франции. Антон Чехов был убежден в невиновности Дрейфуса, он ужасно поссорился со своим другом, издателем Алексеем Сувориным, который, наоборот, писал в своем «Новом времени», что еврей Дрейфус, конечно, виноват. Зато с Сувориным был согласен Лев Толстой. «Я не знаю Дрейфуса, но я знаю многих Дрейфусов, и все они были виновны», – говорил он в интервью журналистам.

Дело Дрейфуса перемалывает многих. Огромное впечатление оно произвело на австрийского журналиста Теодора Герцля, который работал парижским корреспондентом либеральной венской газеты *Neue Freie Presse*. После обвинительного приговора Дрейфусу Герцль, услышав выкрики «Смерть евреям!» на парижских улицах, пришел к выводу, что евреям надо уезжать из Европы. И начал писать книгу «Еврейское

государство», которую опубликовал в Вене в 1896 году. В том же году книга была переведена на английский, французский и русский языки, а на следующий год Герцль создал Всемирную сионистскую организацию. Его конечная цель – отдельное еврейское государство.

Изначально Герцль и не мечтал о Палестине. Был проект, например, построить государство в Африке – сочувствующие евреям британские политики предлагали территорию современной Кении. Однако большая часть сторонников Герцля считала эти земли непригодными для жизни. И тогда он решил, что евреи должны поселиться в Палестине. Никаких проблем с арабским населением Герцль не предвидел: в тот момент территория Палестины принадлежала Османской империи, и он был уверен, что арабы будут только рады прибывающим еврейским поселенцам.

Ровно в то же время, когда Герцль создавал свою сионистскую организацию и вынашивал планы вывезти евреев из неблагополучной Европы, политически активные евреи Российской империи решили идти другим путем. В 1897 году, в год рождения сионизма, в России был создан БУНД. В отличие от Герцля и его последователей, участники БУНДа полагают, что нужно не уезжать, а бороться за свои права на родине. Их лозунг: «Там, где мы живём, там наша страна». Они говорят на близком к немецкому идише, тогда как сторонники Герцля возрождают древний иврит. Активисты БУНДа – совершенно светские и очень левые, как и большинство политизированной европейской молодежи, взбудораженной несправедливыми обвинениями в адрес Дрейфуса.

Одним из участников первого съезда БУНДа в 1897 году был Григорий Гершуни. Впрочем, он не согласился с большинством участников съезда: ему не нравилась идея бороться исключительно за права евреев, он стремится к политической борьбе за права всех народов России. Гершуни не вступает в БУНД, а создает свой кружок в Минске, где и знакомится с Бабушкой Брешко-Брешковской.

Москва без революции

Еще в 1898 году в России был принят закон, ограничивающий рабочий день 11,5 часа в дневное время и 10 часами в праздничные дни и ночью. Главным лоббистом этого закона считался министр финансов Витте – он, естественно, покровительствует крупным промышленникам и не допускает радикального сокращения рабочего дня. В свою очередь министерство внутренних дел прилагает все усилия, чтобы сократить рабочий день, – его крупный бизнес не волнует, но волнуют регулярные забастовки. Силовики видят, как настойчиво активисты БУНДа и прочие революционеры начинают вести агитацию среди рабочих.

Руководитель московской тайной полиции Сергей Зубатов считает, что полицейские должны взять в свои руки борьбу за приемлемые условия труда. Если МВД встанет на сторону рабочих в конфликте с работодателем, ему будет намного проще пресекать антиправительственную агитацию. Ситуация может показаться парадоксальной – руководитель спецслужб фактически принимается за правозащитную деятельность, искренне полагая, что это уменьшит число недовольных режимом.

Зубатов начинает так называемую легализацию рабочего движения: создает профсоюзы под эгидой МВД. Это вызов не только работодателям, но и министерству финансов, в сферу компетенции которого входят трудовые отношения. Витте недоволен затеей Зубатова, но сначала закрывает на нее глаза, поскольку она реализуется только в Москве. Да и вмешиваться в московские дела ему трудно: Зубатову покровительствует хозяин Москвы – великий князь Сергей.

«Когда царь надпартиен и не заинтересован по преимуществу ни в одном сословии, рабочие могут получить все, что им нужно, через царя и его правительство. Освобождение крестьян – лучшее тому доказательство» – так описывает ход мысли Зубатова его подчиненный и ученик Александр Спиридович. «Его умственному взору рисовалась перспектива "социальной монархии", единения царя с рабочим народом – при котором революционная пропаганда теряла под собой всякую почву», – рассказывает другой коллега Зубатова.

Зубатов подбирает соответствующую литературу и начинает создавать рабочие кружки, в которые приходят читать лекции университетские профессора, а в случае конфликта с работодателями членам кружков помогают юристы из полиции. Зубатовское движение кажется очень

успешным. Особенную славу ему приносит масштабная демонстрация 22 февраля 1902 года: 45 тысяч человек участвуют в шествии прямо в Кремль. Они доходят до Кремлевского холма, где с 1898 года стоит памятник императору Александру II, и возлагают венок. Там же рядом проходит панихида, на которой присутствует сын Александра II, великий князь Сергей. Полиции нигде нет, утверждает жандарм Спиридович, рабочие сами обеспечивают безопасность.

У манифестации есть очевидная политическая цель – Зубатов организует ее как раз в разгар очередных студенческих беспорядков, чтобы показать, что рабочие лояльны как никогда. И ему это удается.

Потом рабочие Москвы еще и отправляют нескольких человек в Петербург, чтобы те возложили серебряный венок на могилу Александра II в Петропавловской крепости. Вместе с ними в столицу доходит и слава Зубатова. Недовольны лишь московские промышленники. Они то и дело жалуются Витте на полицию, но тот ничего не может поделать.

В этот момент Москва считается самым спокойным городом в империи. Революция здесь задушена, рабочие послушны. Московские власти слывут самыми эффективными в стране. Фактически в Москве есть свой царь – это генерал-губернатор великий князь Сергей, дядя императора, женатый на Элле, сестре императрицы. Его правая рука – глава московской полиции Дмитрий Трепов. А правая рука Трепова – руководитель тайной полиции Сергей Зубатов. Под управлением этих трех человек Москва выглядит максимально лояльной.

Свои евреи, чужие евреи

После всех своих задушевных споров с молодыми арестованными Зубатов приходит к выводу, что большая часть революционеров – вовсе не фанатики, просто у них нет никакой другой возможности проявить себя, кроме как присоединиться к подполью.

Опираясь на успех системы профсоюзов, Зубатов придумывает аналогичный способ борьбы с БУНДом. Он создает анти-БУНД, партию-спойлер, которая должна перетянуть к себе всех политически активных российских евреев. Так возникает главное детище Зубатова – Независимая еврейская рабочая партия[16]. Фактически первая легальная партия в России – создаваемая государством и на деньги государства, однако при этом совсем не проправительственная, а, наоборот, пытающаяся бороться за права евреев.

Зубатов вспоминает, что главная цель новой партии – «замена революции учением эволюции, а следовательно, отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия». По сути, Зубатов планирует стать Толстым для евреев.

Зубатов добивается успеха – в течение нескольких месяцев в Минске, одном из оплотов БУНДа, 600 из 800 его членов переходят в зубатовскую Независимую еврейскую рабочую партию. Впрочем, такой успех был бы невозможен без постоянных репрессий против руководителей БУНДа – почти все они оказываются в тюрьме.

Лидер и его двойник

Российская полиция эффективно борется не только с БУНДом. В 1900 году кружок народников в финской Куоккале пытается издать подпольную газету под названием «Революционная Россия». В 1900-м газета выходит только один раз, и еще один раз в 1901-м, уже в Томске. Планируется еще один номер, но в сентябре полиция арестовывает типографию и всех ее сотрудников.

Арест – очень ловкая операция, произведенная благодаря донесению нового тайного агента полиции, внедренного в ряды народников. Это 30-летний еврей, сын бедного портного из Гродненской губернии, выучившийся на инженера и даже получивший диплом в немецком Карлсруэ. Его зовут Евно Азеф, но он поменял себе имя на более благозвучное для русского уха – Евгений.

Жизненный опыт Азефа очень похож на бэкграунд Гершуни – тот тоже из очень бедной еврейской семьи, тоже вырос в черте оседлости. Гершуни и Азеф были почти соседями, сейчас Гродно – это территория Белоруссии, а современный Каунас – это Литва, но между ними всего 170 км. Гершуни вырос как раз в Ковенской губернии. Азеф учился сначала в Ростове, потом в Карлсруэ, а Гершуни – в Киеве. Но в итоге и инженер, и бактериолог приехали работать в Москву, Гершуни – в институт микробиологии, а Азеф – в представительство немецкой фирмы Ратенау.

Гершуни и Азеф – ровесники. С самых юных лет они присоединились к подпольным революционным кружкам народников. Но только успехи у них разные: Гершуни – душа компании, прирожденный лидер, хороший оратор и всеобщий любимец, а толстый и неуклюжий Азеф никому не нравится, ему не доверяют даже ближайшие товарищи. Примерно также Гоц и его друзья не доверяли библиотекарю Зубатову – и он от обиды донес на них в полицию. Азеф тоже, уезжая из Ростова в Германию, написал донос на старых товарищей в тайную полицию и попросил за сотрудничество 50 рублей[17].

Пока Азеф учился в Карлсруэ, толку от него было немного, но уже в Москве он стал куда более ценным сотрудником – писал донесения лично Зубатову. А тот учил подчиненных: обращайтесь с агентом, «как с женщиной, с которой вы состоите в тайной связи, – одно неосторожное движение и вы ее опозорите».

Наверное, Азеф остался бы заурядным полицейским осведомителем,

рано или поздно опозорился и – как и Зубатов в свое время – перешел бы на штатную работу в полицию. Но в декабре 1901 года он, во время командировки в Берлин, знакомится с Гершуни. Обоим по 31.

«В Берлин приехал один господин, который живет уже давно в России нелегально… Этот господин очень деятелен. Он объезжает всю Россию несколько раз в год. Ему удалось объединить теперь воедино все группы с.-р. – Харьков, Киев, Саратов, Тамбов и Козлов… Он предложил нам присоединиться к партии с.-р.», – пишет он своему полицейскому куратору после первой встречи с новым знакомым. Обаяние Гершуни оказывается так велико, что Азеф в своих донесениях начинает писать не всю правду, а только те сведения, которые не повредят Гершуни. Когда ему присылают фотографию Гершуни для опознания, он подтверждает его личность, но пишет, что «брать его ни под каким видом не следует пока». Азеф не только оберегает Гершуни от полиции, но становится его верным помощником.

Знакомство с Гершуни производит на Азефа настолько сильное впечатление, что он начинает вести двойную жизнь. С одной стороны, он сотрудничает с полицией, искренне считает, что это правильно, и не хочет отказываться от приличного заработка. С другой стороны, ему нравится Гершуни. Он не может предать этого человека и искренне хочет быть ему полезным. Азеф настолько искренне считает себя честным и в отношении полиции, и в отношении эсеров, что это похоже на раздвоение личности. Более того, он искренне обижается, когда его подозревают в обратном.

Активность Гершуни, о которой пишет в своих донесениях Азеф, действительно поражает. Гершуни почти год занимается челночной дипломатией, путешествует по всей России с фальшивым паспортом, встречаясь с разными кружками народников. И в 1902-м ему удается невероятное: все самые крупные организации народников и в России, и за рубежом во Франции и в Швейцарии договариваются объединиться.

Новая столица русской эмиграции

Завершая свою успешную миссию, Гершуни приезжает в Париж к Гоцу. Они обсуждают неудачу оппозиционной прессы в России – арест типографии в Томске. Гоц говорит, что выпускать подпольную газету на родине не имеет смысла – газета, которая выходит раз в год, это не СМИ, а только «крик "ау" в пустоте». Уже получивший опыт руководства крупной компанией в Одессе, Гоц решает, что надо брать «Революционную Россию» в свои руки – и издавать ее в Европе.

Выбирая место для новой редакции, он останавливается на Женеве – там находится старая типография «Народной воли», которой вполне можно воспользоваться. В Женеве нет никого из видных народников – но это не проблема, решает Гоц, переедут.

Гершуни советует Гоцу обратиться к молодому талантливому журналисту Виктору Чернову, который недавно переехал из Тамбова в швейцарский городок Берн. Чернов тоже прошел через руки Зубатова. Полгода он провел в отделении полиции на Пречистенке, где Зубатов пытался убедить его сотрудничать. Но Чернов отказался – и его перевели на полгода в Петропавловскую крепость. А потом отправили в ссылку в Тамбов.

Гоц приезжает к Чернову в Берн. Во время первой же встречи объясняет малознакомому молодому человеку, что там делать нечего, а новую газету они вместе будут издавать в Женеве. «Если понадобится, хоть завтра», – немедленно соглашается Чернов.

Впрочем, Женева тоже не самое популярное место среди русских эмигрантов конца XIX века. Как и Берн, это глушь, в которой ничего не происходит и настоящим политикам и публицистам не с кем общаться.

Политэмигранты живут обычно в крупных городах. Первый вариант – Лондон, именно там Герцен начал издавать «Колокол», легендарный русский оппозиционный журнал начала XIX века, там до сих пор живет Петр Кропоткин – патриарх и идеолог анархистов. Второй – Париж; там жил покойный лидер народников Петр Лавров, там очень мощное левое движение, которое по мере сил поддерживает русских товарищей. Третий вариант – города Германии, в первую очередь Мюнхен; немецкие классики социализма (Маркс, Энгельс, Бебель) – почти святые для многих русских революционеров, многие хотят находиться поближе к авторитетам.

Три товарища и диктатор

В Женеве, которую Гоц выбирает новой столицей оппозиционной эмигрантской России, уже живет один довольно известный персонаж – это 46-летний Георгий Плеханов.

Он тоже когда-то был народником, вступил в «Народную волю» на десять лет раньше Гоца. Потом создал свою подпольную организацию «Черный передел», но в 1880 году (то есть за год до убийства Александра II и разгрома «Народной воли») эмигрировал в Швейцарию. Тут он пересмотрел свои взгляды, увлекся марксизмом – и стал первым российским проповедником этого учения. Плеханов один из немногих революционеров, который не пострадал за свои убеждения.

В 1901 году, когда Гоц решает взять на себя издание «Революционной России», в Женеву приезжают три молодых журналиста, три друга. Они тоже хотят издавать газету – но только не народническую, а марксистскую. И собираются к своему кумиру, Плеханову, за благословением. Он живая легенда русского марксизма, почти как покойный Лавров для народников.

Трое приезжих часто публикуются в подпольной прессе. Первый – самый известный из них на тот момент, подписывается псевдонимом Мартов, он еврей, его настоящее имя Юлий Цедербаум, ему 28 лет. Второго друга зовут Александр Потресов, он самый опытный революционер, ему уже 32. А третий публикуется под псевдонимом Петров. Ему 31 год. Его настоящее имя Владимир Ульянов. Он пока не придумал себе нового псевдонима, под которым его узнает весь мир, – Ленин.

Однако встреча с легендарным Плехановым не оправдывает их ожиданий. Товарищи рассчитывают, что патриарх поддержит их и, воспользовавшись его авторитетом, они смогут издавать в Женеве свою газету под названием «Искра». Но Плеханов хочет командовать новой газетой сам и рассчитывает, что молодежь будет ему беспрекословно подчиняться.

Поговорив с ним, трое поспешно уезжают, чтобы открыть редакцию в Мюнхене. Деньги у них на это есть – найти спонсора помог Петр Струве еще год назад.

Главную роль играет, конечно, Мартов, который пишет больше всех. Регулярно присылает свои статьи и Плеханов, несмотря на их размолвку в Женеве. А Петров занят скорее черновой работой. Тогда как его звездные товарищи вдохновенно пишут, он, фанатичный трудоголик, занимается

редактурой, корректурой, версткой и заказывает новые тексты.

Плеханов приезжает навестить редакцию в Мюнхен и остается доволен. По крайней мере – будущим Лениным. «Петров – славный малый, я в этом и прежде не сомневался, а после поездки в Мюнхен и того менее, – пишет он другу, – жаль только, что чисто административная работа мешает ему много читать и писать».

Маленькая Россия

1902 год – переломный в российской политике. Но, что удивительно, в российской столице этого почти не замечают, поскольку основные перемены происходят за границей. И в конце XIX века в Европе жили российские политэмигранты. Однако до сих пор они были и ощущали себя изгоями, которые никак не влияют на ситуацию на родине. В 1902 году все меняется.

Количество русских политэмигрантов становится так велико, что впору говорить о появлении «маленькой России», альтернативного российского гражданского общества – причем состоящего из очень образованных и активных людей. Русскоязычная община в Европе погружается во внутренние споры, конфликты и дебаты. И постоянно пополняется новыми эмигрантами: к 1902 году в Европе живет около 35 тысяч российских подданных.

Важнейшая дискуссия о будущем России разворачивается именно в Европе, она становится полигоном разработки тех идей, которые будут воплощаться в России спустя пятнадцать лет.

В январе 1902 года «Революционная Россия» триумфально объявляет о создании объединенной партии социалистов-революционеров. Более того, ее новые лидеры Гоц и Гершуни решают, что партии – преемнице «Народной воли» надо вернуться к тому, что принесло ей славу в предыдущем веке, – к террору.

Гоц пишет устав Боевой организации эсеров и предлагает Гершуни начать уничтожение российских чиновников.

«Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свобод, – говорится в уставе. – Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй».

Время подлеца

В марте 1902 года министр финансов Сергей Витте и министр внутренних дел Дмитрий Сипягин приходят обедать к князю Мещерскому, самому близкому к власти журналисту в России. Мещерский был дружен еще с императором Александром III и добился от него огромных ежегодных субсидий на издание журнала «Гражданин» – символа проправительственной печати. Редактором журнала был Достоевский (в 1873–1874 годах), в нем печатался Победоносцев. Князь Мещерский всегда был ультрапатриотом, почвенником, врагом либералов. Поначалу Николай II не любил Мещерского. Однако за пару лет опытному конъюнктурщику удается втереться в доверие к молодому императору. Огромные субсидии на издание «Гражданина» возобновляются. Правда, газета по-прежнему продается мизерными тиражами – об успехе, как у «Нового времени» Алексея Суворина, Мещерскому не приходится и мечтать.

На обеде у князя глава МВД Сипягин жалуется, что устал. Император все время его обманывает, принимает решения за его спиной. Министр внутренних дел говорит, что планирует подать в отставку. Витте критикует его за чрезмерную жесткость, которая только раздражает общественное мнение и усиливает революционные настроения. «Если бы ты знал, что от меня Государь требует. Государь считает, что я весьма слаб», – сетует Сипягин.

Но уйти в отставку он не успевает. 2 апреля Сипягин приезжает в Мариинский дворец (где в тот момент заседает правительство). К нему подходит офицер и протягивает конверт – говорит, что это письмо от московского генерал-губернатора великого князя Сергея. Сипягин хочет взять его, но офицер достает пистолет и стреляет. На шум выходят остальные министры.

«Будь у него несколько револьверов, он всех бы нас перестрелял», – вспоминает министр путей сообщения. Защитить чиновников и правда некому – охраны в передней нет, только швейцар и лакей Сипягина (его ранили, но он выжил). «Офицером» оказывается отчисленный из университета студент Степан Балмашев. Сипягин умирает по дороге в больницу.

В столице распространяют листовки, разъясняющие мотивы убийства и подписанные «Боевой организацией партии социалистов-революционеров». Приведен девиз организации: «По делам вашим

воздается вам». Организатор этого убийства – Григорий Гершуни.

«Покойный не был умен и не знал, что делать, – пишет в дневнике издатель Суворин. – Его поставили на трудный пост и во время чрезвычайно трудное, когда и сильному уму трудно найти путь в самодержавном государстве». «Ужасно, но поделом вору и мука», – говорит приятелю другой консерватор, будущий министр юстиции Иван Щегловитов.

Витте поражен даже не столько убийством Сипягина – сколько реакцией общества. Оказывается, что все министра ненавидели и многие не скрывают радости по поводу его смерти. Десять дней спустя Суворин застает Витте в депрессии: «Никогда я не видал его таким подавленным, совсем мокрая курица. Говорил, что если б был приличный повод, он вышел бы в отставку. Очевидно было из его речей, что у него довольно смутные средства для того, чтоб теперь управлять. Вспоминал о Сипягине. Как частный человек – по мнению Витте – "прекрасный и благородный". Действовал искренне и иначе не мог. Он не играл комедию, не притворялся».

Витте вспоминает последний разговор с Сипягиным в доме князя Мещерского. Во время того обеда они долго обсуждали, кто бы мог стать новым главой МВД. «Только не Плеве», – говорил Сипягин. И Мещерский, и Витте соглашались с ним, кивали. Но буквально на следующий день после смерти Сипягина Мещерский пишет императору письмо, в котором говорит, что лучший кандидат на пост министра – Вячеслав фон Плеве.

Назначение Плеве министром в такой сложный момент и правда очень логично. У него самый большой опыт борьбы с террористами – в 1881 году, сразу после убийства Александра II, именно он стал директором департамента полиции и возглавил следствие. Считается, что именно благодаря его быстрым и жестким действиям была в кратчайшие сроки разгромлена террористическая организация «Народная воля».

Карьерист из МВД, Плеве мечтает стать министром и уже десять лет считается при дворе вероятным претендентом на этот пост. Когда в 1894 году Николай II колебался между кандидатурами Плеве и Сипягина, Победоносцев охарактеризовал их: «Плеве – подлец, а Сипягин – дурак». И порекомендовал своего человека, тогдашнего замминистра внутренних дел Ивана Горемыкина. Горемыкин, поначалу совершенно бесцветный (как и его покровитель Победоносцев), Николаю не понравился – поэтому он его уволил, сменив «дураком» Сипягиным. Это потом Николай присмотрится к Горемыкину – тот станет главным долгожителем его правительства, в любой непонятной ситуации Николай будет назначать Горемыкина

премьер-министром. Но в 1902 году, после убийства Сипягина, Горемыкин даже не рассматривается. Николай II, однажды уже сделавший выбор в пользу «дурака», на этот раз решает, что пришло время «подлеца».

Плеве ненавидит Витте и считает, что именно из-за интриг министра финансов ему пришлось так долго ждать своего назначения. Но и Витте ненавидит Плеве, считая его абсолютно беспринципным человеком.

Выдумки интеллигентов

На самом деле у Плеве есть принципы. Он – профессиональный полицейский. Став министром, он немедленно и очень энергично начинает внедрять собственную систему борьбы с революционными организациями. По его замыслу, в каждой террористической группировке должен появиться агент полиции, чтобы лучше узнать врага, подобраться к нему максимально близко, взять его под контроль.

Вскоре после назначения Плеве встречается в Москве с Зубатовым, который делает ему подробный доклад о революционном движении и своем плане борьбы с ним. «Плеве был одушевлен тогда одной идеей: никакой революции в стране нет. Все это выдумки интеллигентов. Широкие массы рабочих и крестьян глубоко монархичны. Надо выловить агитаторов и без колебания расправиться с революционерами», – вспоминает Александр Герасимов, в тот момент руководящий харьковской полицией.

Сам Зубатов вспоминает, что во время знакомства у них с Плеве выходит спор: министр уверяет, что «в России нет общественных сил, а есть только группы и кружки, стоит хорошей полиции обнаружить настоящий их центр и арестовать его, и всю эту видимую общественность как рукой снимет»[18]. Плеве убежден в своей правоте, потому что таким способом он покончил с «Народной волей». «Со всем жаром убежденного практика, я протестовал против этой ошибки, но дождался лишь за это иронической клички "Маркиза Позы", – пишет Зубатов, – Обаятельность личности Плеве была тогда так велика, столько ждали от его ума и характера, что я все же остался в глубине души убежденным, что от ближайшего соприкосновения с действительностью он "перемелется"… и поехал в Петербург».

В первую очередь Плеве интересуют зубатовские ноу-хау вербовки провокаторов и организации наружного наблюдения, чтобы распространить эти методы по всей России. Он перевозит в Петербург все руководство московской полиции: Зубатов становится заведующим особым отделом департамента полиции, а его помощники разъезжаются по стране, получив назначения руководить силовыми структурами во всех важнейших регионах.

Боевая организация

В день похорон министра Сипягина три человека идут на кладбище. Они без цветов и им совсем нет дела до покойного. Зато они знают Степана Балмашева, его убийцу. Годом раньше Балмашева отчислили из Киевского университета за участие в демонстрации протеста и отправили в солдаты. Потом, правда, помиловали и даже приняли в университет обратно. Но поздно – он уже увлекся идеей террора ради будущего страны.

Эти трое – Григорий Гершуни, поручик Григорьев и его жена Юлия Юрковская. Все они члены Боевой организации социалистов-революционеров и все очень недовольны случившимся.

Гершуни придумал всю операцию, но, по его замыслу, это должно было стать двойным убийством: в то время как к Сипягину должен был подойти «молодой адъютант от великого князя Сергея» (эту роль исполнял Балмашев), к Победоносцеву направлялся «старец генерал флигель-адъютант». Но Победоносцев случайно спасся – как вспоминает Гершуни, «телеграф перепутал две буквы фамилии адресата телеграммы, в которой назначалось свидание к известному часу. Телеграмма, вследствие этого, не была получена». Для Гершуни это огромное разочарование. Он вспоминает, что «в то время, как весь Петербург ликовал по поводу удачного акта Степана Балмашева, организация испытывала муки нелепого провала – победоносцевской неудачи».

После провала с двойным терактом Гершуни принимает решение быстро отправить всех членов Боевой организации подальше из Петербурга – шансов на вторую попытку нет, 2 апреля было последним днем заседания комитета министров перед каникулами.

Григорьев и Юрковская тоже разочарованы, но тем, что Гершуни не взял их в дело и Сипягин был убит без их участия. 3 апреля Гершуни приходит к Григорьеву и Юрковской, чтобы поторопить их с отъездом. Юрковская встречает его «мрачная как ночь». Она мечтала принять участие в теракте: «Я ведь думала, если будет дело, то мне поручат… Почему же от меня скрыли и не доверили мне это сделать?.. А я так надеялась, так жила этим…»

В итоге супруги говорят Гершуни, что теперь они совершат новое убийство самостоятельно. Руководитель Боевой организации решает помочь: вместе они планируют новое двойное убийство на похоронах Сипягина. Григорьев в форме офицера должен убить Победоносцева, а его

жена – столичного градоначальника Клейгельса, виновника побоища у Казанского собора.

Вечером накануне покушения Григорьев и Юрковская жгут документы и пишут в гостиничном номере свои краткие биографии и предсмертные письма – обращения к потомкам. Такое же письмо – тоже по просьбе Гершуни – перед убийством Сипягина писал и Балмашев.

Гершуни доводит обоих до кладбища и уходит. Но никаких новостей об убийстве Победоносцева нет – ни в этот день, ни в следующий. Гершуни идет к домой к Григорьеву и Юрковской, те оправдываются, что не увидели Победоносцева – или его не было, или не удалось пробраться к нему. Тогда Гершуни уезжает из Петербурга, надеясь никогда больше их не увидеть.

О готовившемся покушении Победоносцев узнает еще не скоро. Убийца Сипягина студент Балмашев приговаривается к повешению. Его мать обращается к императору с просьбой о помиловании, но Николай II решает, что отменит смертную казнь, только если с прошением обратится сам приговоренный. Балмашев отказывается.

Сестра императрицы Элла (теперь ее чаще называют великой княгиней Елизаветой Федоровной) внимательно следит за этим судебным процессом и возмущается. «Неужели нельзя судить этих животных полевым судом? – пишет она Николаю II. – Необходимо сделать все, чтобы не допустить превращения их в героев… чтобы убить в них желание рисковать своей жизнью (я считаю, что пусть бы он лучше заплатил своей жизнью и таким образом исчез!) Но кто он и что он, пусть никто не знает». Совсем скоро она изменит свои взгляды и даже будет просить о помиловании другого террориста.

Возвращение врага

Убийство Сипягина повергает российскую полицию в замешательство: они никогда не слышали про Боевую организацию, взявшую на себя ответственность за теракт. И предпочли бы считать это делом одиночки Балмашева.

«Все старания полиции были направлены на то, чтобы доказать, что террористические акты являются не результатом широко охватившего массы, вследствие правительственных зверств, боевого настроения… а результатом злой воли и озорства нескольких лиц и, само собой разумеется, евреев», – вспоминает Гершуни. Плеве «не понимал широкого общественного характера» революционных движений, соглашается его подчиненный, жандарм Александр Спиридович, новый министр видел в них, как некогда, в эпоху «Народной воли», «лишь проявление злой воли кучки энергичных революционеров. Он думал, что достаточно только изъять их из обращения – и революция будет побеждена».

«Народная воля», та самая группировка, которая подготовила убийство Александра II в 1881 году, действительно была ликвидирована Плеве еще в 1880-е. Народники были дезорганизованы, но никуда не делись.

В 1902 году старая грозная «Народная воля» возвращается. В январе российские власти узнают из выпуска «Революционной России», что народники объединились в партию социалистов-революционеров и что последствия не заставили себя ждать. Убийство министра внутренних дел Сипягина – это первая и крайне впечатляющая рекламная акция новой партии.

С этого момента слово «эсеры» становится символом борьбы с режимом. Власти понимают, что главная опасность – вовсе не БУНД, а реинкарнация «Народной воли», которая готова продолжать прежний метод борьбы – террор.

Во главе обновленных народников оказывается молодежь: Михаил Гоц, Григорий Гершуни, Виктор Чернов. Старшее поколение почти сошло со сцены, кроме знаменитой Бабушки Брешко-Брешковской.

«Черный передел» сегодня

Бабушка начиная с 1896 года постоянно переезжает с места на место, не задерживаясь ни в одной деревне больше месяца. Она знает, чего хотят крестьяне: они ждут, когда им отдадут землю, которая все еще принадлежит помещикам. Она вспоминает, что крестьяне часто говорили ей, что Александр II был хороший царь, он дал крестьянам волю; хотел дать и землю – за это его дворяне и убили. А еще они верят, что грядет «черный передел» – передача всех дворянских земель крестьянским общинам.

В 1902 году Бабушка, а также ее ученики, киевские студенты, достигают определенных успехов. Среди крестьян Киевской, Полтавской и Харьковской губерний они распространяют листовки, в которых говорится о праве крестьян на землю. Те, судя по всему, понимают текст листовок слишком буквально и начинают прогонять помещиков. Брешко-Брешковская описывает это так. Жители деревни идут к помещику и говорят ему: издан приказ, чтобы он отдал свою землю крестьянам, а сам уезжал в город и поступил на государственную службу; его дом следует превратить в школу, а все прочее раздать крестьянам. После этого крестьяне забирают ключи от всех построек, предлагают помещику и его семье взять все, что они смогут увезти, а потом уехать в город и не возвращаться. «Крестьяне не делали ничего грубого и оскорбительного, поскольку искренне верили, что их поступок абсолютно законен, – уверяет Бабушка. – Все происходило в таких масштабах, что полиция не успевала вмешаться». Так начинается движение, которое войдет в историю как «беспорядки в Харьковской и Полтавской губерниях».

Но власти, по словам Бабушки, «не оценили той откровенности, с которой действуют крестьяне, а, напротив, воспользовались их миролюбивым настроением, чтобы обрушиться на них со всей жестокостью». Харьковский губернатор князь Оболенский направляет войска на усмирение беспорядков; те начинают пороть крестьян, иногда до смерти, а князь лично ездит по деревням и следит за тем, как секут бунтовщиков. Приезжает полюбоваться усмирением восстания и министр внутренних дел Плеве – и одобряет действия губернатора. Кроме того, власти заставляют крестьян компенсировать в двойном размере все, что они взяли в усадьбах. Обе губернии разорены.

Брешко-Брешковская не чувствует никакой вины за то, что она и

студенты дезинформировали крестьян. Она вспоминает, что легенды о «беспорядках» в Полтаве и Харькове распространяются по всей России, причем основной вывод, который делают крестьяне, таков: «Было глупо оставлять гнезда нетронутыми. Надо было выжечь их. Мы оставили помещикам дома, и те вернулись. Если бы мы сожгли дома, им бы пришлось оставаться в городе».

Враг государства номер один

Тем временем единомышленники Бабушки, Григорий Гершуни и его Боевая организация, тоже не сидят сложа руки. Гершуни подбирает добровольца, крестьянина Фому Качуру, который готов убить харьковского губернатора князя Оболенского. Для Гершуни важно, чтобы убийцей был именно крестьянин. Качура стреляет дважды, но промахивается.

Полиция сбивается с ног, чтобы найти тех, кто организовал теперь уже серию преступлений. Требуется почти год расследования, чтобы прийти к выводу, что главные организаторы террора – это Гершуни и Брешко-Брешковская.

Для полицейских Гершуни – демоническая фигура, тайный организатор всех политических убийств, способный затуманивать разум террористам и отправлять их на преступление против воли. «Рядом продуманных действий, постепенно, но верно втягивал Гершуни в террор намеченных им лиц, и тем не оставалось ничего иного, как исполнить его веления, – описывает его жандарм Спиридович. – Есть что-то сатанинское в этом давлении и влиянии Гершуни на свои жертвы. Всегда снабженный несколькими подложными паспортами, Гершуни казался неуловимым».

Полиция долго не может вычислить, кто стоит за Гершуни. У руководителя Боевой организации и его старшего товарища Михаила Гоца разработан особый шифр. Они регулярно обмениваются открытками, однако текст в них совершенно не важен. Смысл имеет только картинка: если на открытке изображена женщина (как правило, это были популярные итальянские оперные певицы), это означает, что новости плохие – операция на грани провала или уже провалилась. Мужская фигура символизирует успех – обычно невольными вестниками террора выступают популярные писатели: Максим Горький, Леонид Андреев и Антон Чехов.

Оседлать беса

Развивая по всей стране свою сеть агентов-провокаторов, Сергей Зубатов приобретает огромное влияние на министра Плеве. Одновременно Зубатов уговаривает министра поддержать и свой главный эксперимент – сеть профсоюзных кружков. Не забывает он упомянуть и о том, что министр финансов Витте – горячий противник этой идеи. Плеве с радостью дает добро на запуск эксперимента в крупных городах: в первую очередь в Петербурге, Минске, Одессе, Киеве.

Зубатов начинает поиск организаторов для своих кружков. И вот в столице к нему приводят перспективного кандидата на роль профсоюзного лидера петербургских рабочих – священника Георгия Гапона.

«Я сам ставлю единственною целью своей жизни помощь рабочему классу, – говорит Зубатов Гапону при первой встрече в департаменте полиции. – Вы, может быть, слышали, что я сперва пробовал это сделать, находясь в революционном лагере, но скоро убедился, что это был ложный путь. Тогда я сам стал организовывать рабочих в Москве и думаю, что я успел. Там у нас организация твердая. Они имеют свою библиотеку, чтение лекций и кассу взаимопомощи. Доказательством того, что мне удалась организация рабочих, служит то, что 50 тысяч рабочих возложили 19 февраля венок на памятник Александру II[19]. Я знаю, что и вы интересуетесь этим делом, и хотел бы работать вместе с вами».

В своих воспоминаниях Гапон утверждает, что никогда не доверял Зубатову: «Упоминание о венке меня неприятно поразило, так как от самих рабочих я слышал, что это была только комедия верноподданничества». Однако на следующий день они проговорили до трех часов ночи, и так или иначе вскоре священник начинает работать на Зубатова.

«Наше счастье в том, что у нас самодержец, – убеждает Гапона Зубатов, – он выше всех классов и сословий, и, будучи совершенно независим на этой высоте, он может быть противовесом власти. До сих пор царя окружали люди высших классов, которые влияли на него в свою пользу. Нам же надо организовать так, чтобы и народ мог влиять на царя и быть противовесом влиянию высших классов, и тогда царствование его будет беспристрастно и благодетельно для нации».

Зубатов не скрывает от Гапона своей ненависти к революционерам: «Вот яд, который они распространяют в народе», – говорит он, показывая номера конфискованной «Революционной России», газеты, напечатанной в

Женеве и нелегально ввезенной в страну. Священнику очень любопытно – он просит у полицейского почитать номер газеты со статьей Кропоткина, и тот не отказывает. В ответ Гапон обещает ему съездить на Рождество в Москву и посмотреть, как там устроены зубатовские кружки.

В Москве Гапон встречается с журналистом, который объясняет ему истинный смысл профсоюзов Зубатова. «Этот союз, – рассказывает журналист, – хитрая ловушка, организованная полицией для того, чтобы отделить рабочий класс от интеллигенции и таким образом убить политическое движение. Он подрывает силу рабочих. Организаторы с помощью тайной полиции делают все, чтобы отвлечь внимание рабочих от политических идей. Они предоставляют рабочим ограниченное право собраний, но во время разговоров агенты тайной полиции выуживают наиболее интеллигентных и передовых, которых затем арестовывают. Таким образом они надеются отнять у движения его естественных руководителей… Вначале я не понял настоящего смысла этого дела и согласился… читать лекции рабочим, но когда мы поняли, в чем дело, то ушли из этой организации».

После этого Гапон идет на крещенское богослужение и видит там всех московских высших чинов во главе с начальником московской полиции Дмитрием Треповым, покровителем Зубатова. «Вместо искренней молитвы, исходящей из чистых сердец, я видел лишь парадные мундиры, и казалось, что никто не думал о значении этого великого дня, а только о собственной позе или же о своих соседях. Полиция с простым народом обращалась самым бесцеремонным образом, и я должен был вступиться за одного бедного человека, которого городовой без всякого повода ударил по лицу. Вот, подумал я, как эти самозваные народные защитники, притворяющиеся, что организовывают рабочих для улучшения их быта, на самом деле обращаются с ними, как со скотами».

Гапон приходит к выводу, что все высшие чины РПЦ служат агентами тайной полиции: донесения пишут и редактор «Миссионерского обозрения» Скворцов, и сам Победоносцев. «Русские попы – просто чиновники охранного отделения; пожалуй, даже хуже – ведь полиция ловит только тела своих жертв, тогда как священники улавливают их души; они-то и есть настоящие враги трудящихся и страдающих классов» – к такому выводу приходит Гапон. Однако, верный своей мечте «оседлать беса», решает, что и он может попытаться сыграть в эту игру: «Сделав вид, что я примкнул к зубатовской политике, достигнуть собственной цели в деле организации подлинного союза рабочих».

Первые сто рублей

Зубатов, во многом как и Гапон, действительно одержим идеей более справедливого и стабильного общества, он искренне надеется создать эффективное профсоюзное движение. Проблема в том, что его непосредственный начальник, глава МВД Плеве, видит в Зубатове всего лишь провокатора. Он считает, что все эти кружки нужны исключительно для того, чтобы выводить на чистую воду революционеров и вовремя их арестовывать.

Зубатову такая роль кажется слишком мелкой. Он считает своим потенциальным союзником Витте и надеется преодолеть его сопротивление. Сначала он отправляет к министру финансов делегацию рабочих с письмом, в котором говорится, что создание профессиональной организации рабочих будет очень полезно для экономики.

«Это вы писали, братцы?» – говорит министр делегации рабочих, пришедших к нему с письмом. Они кивают. «В таком случае, вам бы сделаться журналистами», – иронизирует министр финансов.

На самом деле письмо – по заказу Зубатова – написал Гапон. И даже получил гонорар. Зубатов предложил ему 200 рублей[20]. «Я не смел отказаться от денег, – вспоминает священник, – чтобы не возбудить подозрения, но сказал, что мне слишком много, и взял только сто рублей». Зубатов, впрочем, уверяет, что с того момента платил Гапону по 100 рублей[21] каждый месяц.

Впрочем, Гапон тратит деньги не на себя: сам он живет очень скромно, а все сэкономленное или отправляет родителям в Полтаву, или вносит в рабочие кассы взаимопомощи. Эти гонорары вполне соответствуют его плану «оседлать» полицию.

Два мира – два немца

Как и Зубатов, Плеве верит, что, если взять общественность под плотный контроль, она успокоится. Однако представления о контроле у них разные. Еще до назначения министром внутренних дел Плеве был назначен статс-секретарем великого княжества Финляндского, где вместе с генерал-губернатором Бобриковым проводил политику русификации. Стараниями Плеве языком делопроизводства и администрации в этом регионе (впервые за 90 лет после присоединения Финляндии к России) стал русский. Затем был принят закон о военном призыве жителей Финляндии и об ужесточении цензуры.

Став главой МВД, Плеве продолжает русификацию повсеместно. Возникает вопрос о русификации Кавказа и репрессивных мерах против местного коренного населения. Большая часть комитета министров, включая Витте и Победоносцева, против – «за» только Плеве. Но его поддерживает Николай II, решение принято.

Плеве становится постоянным антагонистом Витте – они борются за влияние на императора, за близость к телу. И один, и другой умеют менять свою точку зрения в зависимости от желания императора. Они оба – государственники и монархисты, однако Витте и Плеве находятся в постоянной борьбе, все время соревнуются, а значит, вынужденно отстаивают разные точки зрения.

И Витте, и Плеве – по происхождению немецкие дворяне из православных семей, но с очень разными жизненными путями. Витте родился в Тбилиси (Тифлисе), потом переехал в Кишинев, учился в университете в Одессе, работал в Одессе и в Киеве. В 1871 году, когда Витте только окончил Одесский университет, в городе случился еврейский погром. Многие студенты были евреями, и именно они пытались организовать отряд еврейской самообороны. Студентов-евреев арестовывала полиция, зато погромщикам стражи порядка не мешали. Симпатии молодого Витте, очевидно, были на стороне сокурсников.

У Плеве был более травматичный опыт. Он родился в Варшаве и там же учился в гимназии – вплоть до момента, когда в 1863 году в Польше началось восстание против Российской империи. Детство Вячеслава Плеве было крайне тревожным: в начале 1860-х жители Варшавы выражали свой протест, срывая надписи на русском языке, присылая русским письма с угрозами и совершая набеги на православные кладбища, где они топтали

могилы и рвали цветы. До 17 лет Плеве ощущал себя «русским оккупантом».

В 1863 году он переехал к родственникам матери в Калужскую губернию, там окончил гимназию, затем поступил на юрфак Московского университета. В университете он считался немцем, но все время старался выглядеть русским и доказывать свою русскость.

Вот что пишет про Плеве ненавидящий его Витте: «Как всегда бывает с ренегатами, он начал проявлять особенно неприязненное чувство ко всему, что не есть православное. Я не думаю, чтобы он верил более в Бога, нежели в чорта, но тем не менее, он, чтобы понравиться наверху, а также Московскому генерал-губернатору Великому Князю Сергею Александровичу, проявлял свою особую набожность; так, как только он сделался министром внутренних дел, он отправился на поклонение в Сергиевско-Троицкую Лавру».

Потопить всех евреев в Черном море

В начале своей бюрократической карьеры Плеве не демонстрирует особенной ксенофобии, но по мере продвижения вверх все сильнее мимикрирует под начальство и начинает с большим подозрением относиться к национальным меньшинствам. Особенно – к евреям.

В XIX веке антисемитизм – общепринятое явление среди российских бюрократов. И Плеве, и Витте если иногда и выглядят антисемитами, то делают это не по воле сердца, а потому, что так принято. Их карьера начиналась при Александре III, который был искренним сторонником борьбы против «еврейского засилия».

Численность еврейского населения начала резко увеличиваться еще в XVIII веке, при императрице Екатерине II, когда к Российской империи были присоединены некоторые части Польши. Однако повсеместное ограничение прав евреев началось только в XIX веке.

В начале XIX века многие в России верили в «кровавый навет», то есть в распространенную в Западной Европе еще в Средние века легенду, будто бы евреи совершают ритуальные убийства христианских младенцев (с XV века в Западной Европе также был распространен миф, что кровь христианских детей входит в рецепт приготовления мацы). Император Александр I даже отдал на пересмотр дело об убийстве трехлетнего ребенка в городе Велиже (недалеко от Смоленска). Несколько десятков евреев проходили по этому делу и были оправданы, но победитель Наполеона Александр I приказал не закрывать дело, а все-таки найти виновных, и суд начался по новой. Все те же обвиняемые были оправданы повторно. Они снова были оправданы – уже во время правления Николая I, но и этот император, подписывая решение Государственного совета, добавил свое «особое мнение», что он совсем не уверен в невиновности евреев.

Именно Николай I стал инициатором серии антиеврейских законов в Российской империи, он же ввел понятие черты оседлости: евреям разрешалось жить только в западных и юго-западных губерниях империи (то есть на территории современных Белоруссии, Молдавии, Литвы, Польши и части Украины), но запрещалось жить в сельской местности и крупных городах. В 1826 году евреи были выселены из Петербурга. На следующий год было принято решение выселить евреев из Киева (при том что Киевская губерния входила в черту оседлости), позже им было

запрещено жить в Ялте, Севастополе и Николаеве. В 1835 году было принято Положение о евреях – закон, который окончательно закреплял за ними статус пораженного в правах народа. Николай I запретил ношение еврейской одежды. А также ввел рекрутирование в армию евреев не с 18-летнего возраста, как остальных подданных, а с 12-летнего. Наконец, при нем все евреи были разделены на «полезных» и «бесполезных», которых надо было привлечь к «полезному труду». «Бесполезными» считались, к примеру, торговцы.

При Александре II, авторе важнейших реформ XIX века, произошли некоторые послабления. Родителям вернули всех несовершеннолетних призывников. Селиться вне черты оседлости получили право евреи с высшим образованием, ювелиры, зубные техники и другие ремесленники, владевшие редкими профессиями, а также купцы первой гильдии. Чтобы стать купцом первой гильдии, надо было платить 575 рублей[22] в год; первые десять лет купец-еврей должен был прожить в черте оседлости, а на одиннадцатый год (то есть заплатив уже шесть тысяч рублей[23]) мог переезжать. Высоцкие и Гоцы удовлетворяли этим требованиям, поэтому они жили в Москве и пользовались благами, совершенно недоступными прочим евреям.

В XIX веке в язык входит словосочетание «еврейский погром»: первый известный погром происходит в Одессе в 1821 году. Мощная волна погромов прокатилась по стране после убийства императора Александра II. После убийства отца Александр III инициировал и целую серию антиеврейских законов. В 1882 году были изданы «Временные правила», запрещавшие евреям приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов в черте оседлости, а также торговать по воскресеньям и в христианские праздники. И погромы, и антиеврейские законы имели немалый резонанс в Европе, к примеру, активным членом французского комитета помощи российским евреям был Виктор Гюго. Среди консерваторов подобные организации уже тогда воспринимались как часть масштабного антироссийского заговора.

Так что Витте и Плеве оба демонстрировали антисемитизм, потому что это соответствовало генеральной линии. При этом в своих воспоминаниях Витте уверяет, что он был едва ли не защитником евреев. К примеру, он приводит такой диалог: будто император Александр III однажды спросил его: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» На это Витте, по его словам, отвечал так: «Я спросил Государя, может ли он потопить всех русских евреев в Черном море. Если может, то я понимаю такое

решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными Государя».

Впрочем, даже если Витте приукрашивает воспоминания, у него точно была личная причина выступать в поддержку прав евреев: в 1891 году он женится второй раз – на крещеной еврейке Матильде Исааковне (Ивановне) Лисаневич. Тот факт, что Матильда Ивановна – разведенная еврейка, становится серьезным препятствием для того, чтобы она была принята при дворе. Витте – несмотря на должность – так и не удается добиться этого. Его жена – персона нон грата. Для него не секрет, что и сам Николай II, и его дядя великий князь Сергей имеют предубеждение против евреев. В 1895 году, когда императору принесли уже готовое решение Государственного совета о послаблениях в отношении евреев, он отклонил документ, написав резолюцию: «Сделаю, когда захочу».

По мнению Витте, многочисленные антиеврейские законы усугубляют коррупцию: «Ни с кого администрация не берет столько взяток. В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнического налога на жидов. Само собою разумеется, что при таком положении вещей вся тяжесть антиеврейского режима легла на беднейший класс, ибо чем еврей более богат, тем он легче откупается, а богатые евреи иногда не только не чувствуют тяжесть стеснений, а напротив, в известной мере, главенствуют, они имеют влияние на высших чинов местной администрации».

В итоге, пишет Витте, притеснение евреев «способствовало крайнему революционированию еврейских масс и в особенности молодежи. Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет 30 тому назад, явились люди, жертвующие своею жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами, разбойниками… Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, но несомненно, что ни одна национальность не дала в России такой процент революционеров, как еврейская».

Заговор царя Соломона

В апреле 1902 года один из самых известных журналистов России, Михаил Меньшиков, публикует в суворинской газете «Новое время» статью «Заговоры против человечества». В тексте он рассказывает о читательнице, которая написала ему очень лестное письмо и, ссылаясь на тяжелую болезнь, попросила навестить ее, чтобы она передала ему «документы безграничного значения». Меньшиков соглашается, едет и потом высмеивает старушку в статье. Все «вещи мировой важности, внушенные ей свыше», которые сообщила журналисту читательница, кажутся ему обычным старческим бредом. Между тем этот курьез становится первым в истории упоминанием «Протоколов сионских мудрецов».

Старушку зовут Юстинья Глинка, ей 66 лет, она была дочерью российского посланника в Бразилии, потом стала фрейлиной, много лет прожила за границей и – по ее словам – вывезла из Ниццы («которая давно избрана негласною столицей еврейства») план еврейского заговора, написанный еще в 929 году до Рождества Христова в Иерусалиме. Меньшиков, хоть и имеет репутацию консерватора и даже националиста (поэтому Глинка обращается к нему), ее документы не публикует. Он совершенно не верит в их подлинность и пересказывает их содержание в ироническом тоне: «Испугавшись чтения, я просил рассказать мне вкратце суть дела, – пишет он. – Я услыхал ужасные вещи. Вожди еврейского народа, оказывается, еще при царе Соломоне решили подчинить своей власти все человечество и утвердить в нем царство Давида навеки. Заключен был тайный союз для овладения прежде всего торговлею и промышленностью всех народов. Рассыпавшись по земле, евреи обязывались подрывать и материальное, и нравственное благосостояние народов, обязывались сосредоточить в своих руках капиталы всех стран для того, чтобы ими как щупальцами окончательно высосать и поработить народные массы. Более чем с иезуитскою, – прямо-таки с дьявольскою хитростью евреи обязывались пропагандою либерализма, космополитизма, анархии подтачивать устои порядка и христианственности и затем, когда они окончательно добьются власти, должны закабалить все человечество в самом жестоком, какой видел мир, деспотизме. Потребовалось полторы тысячи лет, чтобы разрушить древние языческие царства, теперь близко крушение и христианства. Еврейство, по уверению дамы, есть тот самый

змей, который предсказан в Апокалипсисе, и этот змей ползет от одной страны к другой. В его кольцах замыкается уже Франция, Германия, Англия. Теперь голова змея находится как раз над Петербургом. Все события последних лет, покушения, беспорядки, золотая валюта, китайская смута – все это внушено и осуществлено силами этого ужасного существа, силами ползущего по земле еврейства. Проглотив Петербург, голова змея потянется, по словам дамы, на Москву, Киев, Одессу и Константинополь. Когда она вновь доберется до Иерусалима, человечество будет захвачено, наконец, в вечный плен. Евреи утвердят свое всемирное царство, и ему не будет конца. Род человеческий не будет догадываться, в чьей он власти, но будет нести ярмо ее безропотно, как несут его домашние животные».

Меньшиков не старается выяснить, кто настоящий автор текста – настолько бредовым кажется он публицисту. При этом он отмечает, что копия таких же протоколов имеется еще у одного петербургского журналиста, а может даже и не у одного. Спустя несколько лет эти журналисты еще дадут о себе знать – но пока, высмеянные Меньшиковым, «Протоколы» остаются лежать на полке[24].

Еврейская самооборона

В 1903 году слухи о предстоящих погромах наводняют города и местечки черты оседлости, в том числе один из самых еврейских городов Российской империи – Одессу. Журналист Владимир Жаботинский из газеты «Одесские новости» вспоминает, что одни говорят, что это просто болтовня и вздор и полиция не допустит; другие же, наоборот, шепчут, что полиция как раз и собирается организовать погром. Все очень встревожены – ничего подобного не было в Одессе больше двадцати лет.

Жаботинский решает, что нужно готовиться к обороне, и начинает писать письма разным влиятельным одесским евреям – убеждает их собрать деньги, купить оружие и попытаться защититься от погрома. Все письма остаются без ответа – но спустя несколько недель к Жаботинскому приходит друг детства. Во-первых, говорит он, не стоило писать письма богатым евреям, они так напуганы, что не сдвинутся с места. Во-вторых, отряды самообороны и так готовятся – и Жаботинский может помочь их созданию.

Жаботинский включается в работу: в течение нескольких дней ему и его новым товарищам удается собрать больше 500 рублей[25] (огромные деньги) и целый арсенал: револьверы, ломы, кухонные ножи, ножи для убоя скота. Параллельно отряд печатает листовки – на русском языке и на идише: «Их содержание было очень простым: две статьи из уголовного кодекса, в которых написано ясно, что убивший в целях самообороны освобождается от наказания, и несколько слов ободрения к еврейской молодежи, чтобы она не давала резать евреев как скот».

Жаботинский поначалу удивляется, почему на активное вооружение евреев так спокойно смотрит полиция. Но потом понимает – отрядом самообороны на самом деле руководит Генрик Шаевич, глава зубатовской ячейки в Одессе, лидер местного отделения Независимой еврейской рабочей партии.

В итоге никакого погрома в Одессе не происходит – он случается в Кишиневе. Жаботинский вспоминает, что поначалу о кишиневском погроме в Одессе не говорят. Однако вскоре в его газету приходят пожертвования от европейских евреев в пользу кишиневцев. И Жаботинский едет на место трагедии.

Спустя несколько месяцев он становится делегатом от Одессы на всемирном сионистском конгрессе. Так начинается международная карьера

Жаботинского. В 1918 году он уедет в Палестину, где начнет бороться за создание еврейского государства.

Дом номер тринадцать

Один из обладателей неопубликованных еще «Протоколов сионских мудрецов» – это Павел Крушеван, молдаванин по происхождению, издающий две газеты: «Знамя» в Петербурге и «Бессарабец» у себя на родине в Кишиневе. «Бессарабец» – популярная ежедневная газета в провинциальном Кишиневе, где евреи составляют более сорока процентов населения. Еврейская угроза – постоянная тема «Бессарабца».

В конце марта 1903 года «Бессарабец» сообщает о том, что в селе Дубоссары евреи совершили ритуальное убийство 14-летнего подростка-украинца.

Следствие в считаные дни находит убийцу, которым оказался двоюродный брат мальчика. Однако городские власти запрещают газетам освещать это дело, и публикации в «Бессарабце» остаются без опровержения. В пасхальное воскресенье 6 апреля в городе происходит еврейский погром. Новость о начале погрома немедленно разлетается по городу, но полиция не вмешивается – губернатор ждет какого-то приказа.

Вот как описывает события лучший репортер России на этот момент, Владимир Короленко, в своем очерке «Дом № 13»: «Около 10 часов утра появился городовой "бляха № 148", человек хорошо, конечно, известный в данной местности, который, очевидно, заботясь о судьбе евреев, громко советовал всем им спрятаться в квартиры и не выходить на улицу. Городовой "бляха № 148", отдав свое благожелательное распоряжение, сел на тумбу, так как ему явно больше ничего не оставалось делать, и, говорят, просидел здесь все время в качестве незаменимой натуры для какого-нибудь скульптора, который бы желал изваять эмблему величайшего из христианских праздников в городе Кишиневе. А рядом, в нескольких шагах от этого философа, – трагедия еврейских лачуг развертывалась во всем своем стихийном ужасе. Толпа явилась около 11 часов, в сопровождении двух патрулей, которые, к сожалению, тоже не имели никаких приказаний. Она состояла человек из пятидесяти или шестидесяти, и в ней легко можно было заметить добрых соседей с молдаванскими фамилиями. Говорят, они прежде всего подступили к винной лавке, с хозяином которой, впрочем, поступили довольно благодушно. Ему сказали: "Дай тридцать рублей, а то убьем". Он дал тридцать рублей и остался жив, конечно, спрятавшись куда было можно, чтобы все-таки не быть на виду и не искушать снисходительность дикой толпы… Последняя же приступила к погрому.

Площадь в несколько минут покрылась стеклом, обломками мебели и пухом».

В самом известном эпизоде очерка Короленко три еврея – двое мужчин и девочка – забираются на чердак и, услышав шум погони, начинают ломать крышу, чтобы выбраться наверх. «Нужно было много отчаяния, чтобы в несколько минут смертельной опасности голыми руками пробить это отверстие. Но это им удалось: они хотели во что бы то ни стало взобраться наверх. Там был опять свет солнца, кругом стояли дома, были люди, толпа людей, городовой "бляха № 148", патрули…» – пишет Короленко. Трое выбираются на крышу – и толпа начинает над ними издеваться. Сначала им под ноги закидывают синий умывальный таз. («Таз ударялся о крышу и звенел, и, вероятно, толпа смеялась…») Потом всех троих сбрасывают вниз. Девочка падает в гору пуха и выживает, мужчин убивают.

«Раненые Маклин и Берлацкий ушиблись при падении, а затем подлая толпа охочих палачей добила их дрючками и со смехом закидала горой пуха… Потом на это место вылили несколько бочек вина, и несчастные жертвы (о Маклине говорят положительно, что он несколько часов был еще жив) задыхались в этой грязной луже из уличной пыли, вина и пуха». В пять часов вечера губернатор получает долгожданный приказ, и спокойствие в городе восстанавливается. Всего, по официальным данным, погибло 43 человека, из них 38 евреев.

После кишиневского погрома отряды самообороны создаются в черте оседлости повсеместно. Спустя месяц попытка погрома в Гомеле превращается в полномасштабную битву: гибнет пять евреев и четверо христиан. «Еврейская улица до Кишинева и еврейская улица после Кишинева – не одно и то же… – вспоминает одессит Владимир Жаботинский. – Позор Кишинева был последним позором. Затем был Гомель… Скорбь еврейская повторилась беспощаднее прежней, но позор не повторился».

Погром на весь мир

Кишиневский погром становится главной новостью в стране, о нем пишет вся российская, а затем и мировая пресса, европейские правозащитные организации начинают сбор пожертвований в пользу пострадавших евреев. Первая реакция в России однозначная: погром осуждают все, и Лев Толстой, и даже Иоанн Кронштадтский, самый популярный священник в стране: «…какое тупоумие русских людей! – пишет он в своем воззвании к кишиневским христианам. – Какое неверие! Какое заблуждение! Вместо праздника христианского они устроили сверноубийственный праздник сатане, землю превратили как бы в ад. Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделались варварами – громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами Отечестве?»

Однако вскоре тональность меняется. Владимир Короленко приезжает на место событий, пишет очерк «Дом № 13» – и его запрещает цензура. Зато петербургская газета «Знамя», издаваемая все тем же Павлом Крушеваном, публикует собственную версию происходящего. Евреи якобы нападали первыми и сами спровоцировали погром. Националисты возмущены тем, как пишет о погроме западная пресса, сбором пожертвований, тем, что на скамье подсудимых оказались только христиане.

Иоанн Кронштадтский теперь уже пишет в «Знамя» письмо с извинениями: «Из последующих… газетных известий… я достоверно убедился, что евреи сами были причиною того буйства, увечий, которые ознаменовали 6-е и 7-е числа апреля. Уверился я, что христиане в конце концов остались обиженными, а евреи за понесённые убытки и увечья сугубо награждёнными от своих и чужих собратий… А потому взываю к христианам кишиневским: простите исключительно только к вам обращённую мною укоризну в совершившихся безобразиях. Теперь я убеждён из писем очевидцев, что нельзя обвинять одних христиан, вызванных на беспорядки евреями, и что в погроме виноваты преимущественно сами евреи».

Британская газета *The Times* публикует письмо, якобы отправленное министром внутренних дел Плеве бессарабскому губернатору с просьбой не применять силу против погромщиков. Письмо, очевидно, фальшивое (на самом деле Плеве увольняет кишиневского губернатора за то, что тот

допустил погром), – однако мировая общественность публикации безоговорочно верит. Шокирующий – и во многом преувеличенный – репортаж о произошедшем публикует и *The New York Times*[26]. Кишиневский погром дает толчок мощнейшей волне еврейской эмиграции из России – прежде всего в США.

Витте в своих воспоминаниях тоже винит Плеве: «Я не решусь сказать, что Плеве непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого, по его мнению, антиреволюционерного противодействия», – пишет министр финансов. По словам Витте, после погрома в Кишиневе Плеве вел переговоры с «еврейскими вожаками в Париже» и требовал убедить еврейскую молодежь «прекратить революцию» – тогда, мол, он прекратит погромы и начнет отменять стеснительные меры против евреев. Но ему, вспоминает Витте, ответили так: «Мы не в силах, ибо большая часть – молодежь, озверевшая от голода, и мы ее не держим в руках, но думаем и даже уверены, что если вы начнете проводить облегчительные относительно еврейства меры, то они успокоятся».

Беспокойство между тем только нарастает. В Петербурге, на Невском проспекте, молодой еврей по фамилии Дашевский, бывший студент киевского политехникума, бросается с ножом на Павла Крушевана. Он легко ранит его в шею. Крушеван сам хватает преступника. Другой еврей, врач, хотел оказать раненому первую помощь, сообщает репортер Короленко, но Крушеван в ужасе отказался. Пострадавший требует для Дашевского смертной казни: «На том основании, что он, г-н Крушеван, не простой человек, а человек государственной идеи». На допросе Дашевский говорит, что мстил Крушевану за кишиневский погром. В отличие от Меньшикова, Крушеван серьезно относится к «Протоколам сионских мудрецов»; на волне всеобщей истерии он публикует в «Знамени» выдержки из текста с заголовком «Программа завоевания мира евреями». Так об этом тексте узнает петербургское общество, а затем и весь мир.

Ледяная пустыня

Затея Гиппиус и Мережковского – Религиозно-философские собрания – разрастается. К 1902 году они становятся центром интеллектуальной жизни Петербурга, все стараются туда попасть: и цвет дворянства, и литераторы, и профессора. На собраниях стоят – мест не хватает. Весной 1902 года к Мережковским – знакомиться и просить билетик – приходит 23-летний поэт Александр Блок.

У Зинаиды появляется новая мечта – издавать журнал, ажиотаж вокруг собраний – «страшный шанс», считает она. Журнал получает название «Новый путь». По актуальности и звездности он должен конкурировать с «Миром искусства» – Гиппиус с Мережковским по-прежнему воюют с Дягилевым. Гиппиус пишет друзьям, что от «Мира искусства» ее журнал будет отличать «модность самая последняя», а еще «С нами – Бог!».

В «Новом пути» публикуют доклады, подготовленные для собраний, статьи туда пишут и постоянные участники собраний, вроде Василия Розанова, и модные поэты, вроде Александра Блока и Валерия Брюсова, и авторы «Мира искусства», сбежавшие от диктатуры Дягилева, – Бенуа и Бакст. Наконец, приходит и Философов – он хочет работать редактором в «Новом пути». Гиппиус охотно принимает его обратно.

Дискуссия на религиозные темы вскоре приводит к оскорблению чувств верующих. Причем оскорбленным чувствует себя вовсе не кто-то из участвующих в дебатах иерархов, а популярный журналист Меньшиков, все тот же консервативный автор из «Нового времени». Он пишет статью «Среди декадентов», где обличает Религиозно-философские собрания, а заодно и «Мир искусства». Словом «декаденты» он называет и новых модных журналистов, и не угодивших ему литераторов.

Статья Меньшикова вышла 16 марта 1903 года – и после этого негодующих как прорвало. Статьи следуют одна за другой. 2 апреля 1903 года в газете «Заря» выходит открытое письмо популярной писательницы Надежды Лухмановой под звонким названием «Кто дал им право?». «Кто звал быть нашими пророками гг. Меньшиковых, Розановых, протоиерея Устьинского, Мережковского и других? Мы устали от грязи, клеветы, от всей этой вакханалии, под видом богословских споров, мы жаждем чистоты и простоты, мы жаждем молчания!» – пишет Лухманова, призывая запретить Религиозно-философские собрания[27]. К кампании против «Нового пути» присоединяется и Иоанн Кронштадтский: «Это сатана

открывает эти новые пути, – говорит он в своей проповеди, – люди, не понимающие, что говорят, губят и себя, и народ, так как свои сатанинские мысли распространяют среди него».

Император в этот момент находится в Москве, где его дядя, великий князь Сергей, показывает ему статьи Меньшикова и Лухмановой. Николай II возмущен, требует от духовной власти разобраться и с собраниями, и с журналом. Победоносцев дает команду. Уже 5 апреля Синод запрещает Религиозно-философские собрания.

Мережковский, по словам жены, «устал и в тихой ярости; желает уехать немедленно куда глаза глядят». В редакции «Нового пути» предлагают отправить в цензуру заведомо непроходную статью с тем, чтобы журнал тоже немедленно запретили. «Смерть с иллюзией чести» называет такой выход Гиппиус. Но все-таки решает не сдаваться. Многие прежние авторы перестают сотрудничать с журналом – Философов теперь в одиночку выполняет основную редакторскую работу.

А Мережковский идет на прием к «министру церкви» – выяснять, есть ли шансы. Победоносцев начинает объяснять, что запрещение Религиозно-философских собраний – это явление вынужденное, иначе было нельзя. «Вы не представляете себе, что такое Россия. Это ледяная пустыня, по которой ходит мужик с топором», – заявляет идеолог государства. В ответ Мережковский дерзит: «А не вы ли превратили ее в эту ледяную пустыню?»

Неаполитанский узник

Михаил Гоц является не только руководителем партии эсеров и главным редактором «Революционной России» – он, что еще важнее, один из главных спонсоров партии. Вернее, сам он себя называет, по словам Виктора Чернова, «приказчик революции, надсмотрщик над операцией непрерывного извлечения из своих собственных текущих доходов максимальной доли на дело революции». Другими словами, сын и племянник миллионеров регулярно получает из России деньги, но себе берет только малую часть, а все остальное отдает на финансирование партии.

Впрочем, иногда эти деньги ему приходится отрабатывать. Чернов вспоминает, что он регулярно оказывается свидетелем настоящей кутерьмы в квартире Гоца. Неизвестно откуда Гоц достает свой «курортный чемодан», в котором хранятся модные костюмы и смокинги, белоснежные манишки, роскошные жилеты и галстуки, в которых товарищи по партии его никогда не видели. Извлекая свой парадный гардероб, Гоц «охает, кряхтит и жалуется, что должен на неделю или на две недели уехать и расстаться с любимой работой». Причина отлучки – визит очередного богатого родственника. Члены чайной династии или близкие к ней финансовые магнаты то и дело приезжают в Европу, чтобы поиграть в Монте-Карло, отдохнуть на водах или на Лазурном Берегу, посетить музеи и кабаре. Гоцу приходится их «выгуливать».

Подобная анимация имеет свою цену – Гоц убеждает гостей, что пожертвования «на освободительное движение» приносят удачу в игре. Фактически, время от времени работая гидом для родственников и их друзей, Гоц содержит всю партию эсеров – в том числе и ее Боевую организацию. Но чайные олигархи, конечно, не в курсе, что своими путешествиями они финансируют подготовку политических убийств.

В марте 1903 года Михаил Гоц вместе с женой отправляется в Неаполь – там он должен встретиться со своим отцом, миллионером Рафаилом Гоцем (тем самым «Мининым» из анекдота) и со своей родной сестрой. В Неаполе семья должна сесть на пароход и переехать на Французскую Ривьеру. Но путешествие во Францию срывается: 3 марта в номер Гоца в неапольской гостинице врывается итальянская полиция, изымает все его документы, а его самого отправляет в тюрьму.

Арест произведен по запросу российской полиции – Гоца обвиняют в

том, что именно он являлся конечным заказчиком убийства главы МВД Сипягина. Это невероятный успех следствия, Гоца должны экстрадировать в Россию для суда. Но российские власти недооценивают силу европейского общественного мнения. Плеве и его подчиненным просто не может прийти в голову, что пресса способна сорвать их планы.

Сначала российский вице-консул в Неаполе дает интервью местным газетам, в которых рассказывает подробности операции по поимке лидера террористической организации. Оказывается, агент российской полиции преследовал его еще из Швейцарии, более того, и агент, и сам вице-консул присутствовали при обыске в гостиничном номере. Эти откровения становятся началом скандала: почему представители иностранного государства руководят действиями итальянских правоохранительных органов? – спрашивает пресса.

По всей Европе политики левого толка начинают сбор подписей в поддержку Гоца: первыми подписываются лидер французских социалистов Жан Жорес и будущий премьер-министр Жорж Клемансо. Арест Гоца обсуждает итальянский парламент. Левые депутаты возмущены: по итальянским законам запрещено выдавать иностранного гражданина, если на родине он преследуется по политическим причинам. Гоц подходит под это описание – и парламентарии едва ли не требуют отставки правительства, сознательно пошедшего на нарушение закона ради сговора с русскими.

Начинается суд. Вся итальянская пресса, включая проправительственную, на стороне Гоца. Доказательства причастности обвиняемого к убийству Сипягина собраны, по словам Виктора Чернова, «неряшливо и по-полицейски топорно». Доказать связь Гоца с убийцами не удается, поэтому российская сторона решает предъявить политические аргументы: сначала в суде выступает российский посол, а потом появляется слух, что сам Николай II собирается приехать с официальным визитом в Италию. В таком случае со стороны итальянского короля было бы крайне невежливо не выдать русскому императору государственного преступника – в качестве ответной любезности.

Когда это начинают обсуждать в парламенте, итальянские левые предупреждают, что царь, если он приедет в Италию, будет освистан всюду, где бы ни появился. В считаные часы по всей стране раскуплены свистки. Во Флоренции выходит газета «Свисток», мобилизующая молодежь оказать достойный прием Николаю II. В итоге император по совету МИДа отказывается от визита. А вскоре заканчивается и суд – в экстрадиции в Россию истцу отказано. Подсудимого лишь выдворяют из страны.

Проведя два месяца в неапольской тюрьме, 6 мая Гоц выходит на свободу и отправляется на Французскую Ривьеру, как и было когда-то запланировано.

«Папа приедет завтра»

В то время, пока Гоц сидит в Неаполе, другие звезды партии эсеров, Бабушка и Гершуни, колесят по России. Брешко-Брешковская продолжает агитацию среди крестьян, а глава Боевой организации проводит кастинг кандидатов в новые террористы, а также высматривает новых жертв. В 1903 году член Боевой организации убивает уфимского губернатора Богдановича, жестоко подавившего восстание в Златоусте. У всех полицейских страны одна главная цель – поймать злого гения террора, Гершуни.

В мае 1903 года к Александру Спиридовичу, на тот момент начальнику тайной полиции Киева, приходит один из его агентов, по кличке Конек. Он рассказывает, что члены местной ячейки социалистов-революционеров получили какую-то телеграмму, которая всех взволновала. «Что-то не договаривает. По глазам видно, что знает больше, но что – сказать боится. "Гершуни" – подумал я», – вспоминает Спиридович. Он отправляется на телеграф и требует показать ему телеграммы, которые приходили кому-либо из наблюдаемых им революционеров. И ему показывают следующий текст: «Папа приедет завтра. Хочет повидать Федора. Дарниценко».

«Перечитываю депешу несколько раз, не веря своим глазам. Все ясно. Папа – это Гершуни, Федор – одно из наблюдаемых лиц, Дарниценко – место назначенного свидания – станция Дарницы. Иначе не может быть!» На всякий случай Спиридович выставляет полицейских на всех киевских вокзалах.

Меж тем Гершуни едет из Уфы, где он руководил убийством губернатора Богдановича. Он планирует доехать до Смоленска, а оттуда – за границу. Ему надо заехать в Киев – договориться по поводу партийной типографии. Гершуни доезжает до Дарницы. «Никого нет, кого нужно», – вспоминает он, зато есть «тип, революционеру совсем не нужный». Он садится в следующий поезд, едет в Киев, но выходит на станции Киев-Второй.

«Когда поезд остановился, из вагона вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера с портфелем в руках, – вспоминает Спиридович. – Оглянувшись рассеянно, инженер пошел медленно вдоль поезда, посматривая на колеса и буфера вагонов. Вглядываясь в него, наши люди не двигались. Поезд свистнул и ушел. Инженер остался. Вдруг инженер остановился, нагнулся, стал поправлять шнурки на ботинках и вскинул

глазами вкось на стоявших поодаль филеров. Этот маневр погубил его. Взгляды встретились».

Гершуни идет к ларьку купить лимонада. Расплатившись, он направляется к вагону – и в этот момент его арестовывают.

В участке его встречает Спиридович:

– Кто вы такой, как ваша фамилия? – говорит жандарм.

– Нет, кто вы такой? – кричит Гершуни. – Какое право имели эти люди задержать меня? Я – Род, вот мой паспорт, выданный киевским губернатором. Я буду жаловаться!

– Что же касается вас, то вы не господин Род, а Григорий Андреевич Гершуни. Я вас знаю по Москве, где вы были арестованы, – говорит Спиридович.

– Я не желаю давать никаких объяснений, – резко отвечает Гершуни.

Смертельный ужас

Гершуни везут из Киева в Петербург. Он вспоминает, что в дороге ему все время снится Гоц, который появляется переодетым то в начальника станции, то в жандармского генерала, и организует ему побег. Но Гоц сам только что вышел из тюрьмы, вернулся в Женеву – и, как вспоминает Виктор Чернов, его тоже мучают кошмары – Гоцу снится Гершуни в кандалах.

Лидера Боевой организации привозят в Петербург и сажают в Петропавловскую крепость. Уже арестованы несостоявшиеся убийцы Победоносцева, поручик Григорьев и его жена Юрковская, а также крестьянин Качура, покушавшийся на харьковского губернатора. Жандарм Спиридович утверждает, что Качура очень боится демонического Гершуни – он соглашается давать показания только после того, как ему показывают фотографию лидера Боевой организации в кандалах.

Гершуни поначалу не верит, что его верный сообщник Качура раскрыл следствию все подробности. Но потом ему рассказывают детали, о которых не мог знать никто другой. «В душе поднимается невероятный ад, – вспоминает Гершуни. – Мгновение – и все перед глазами поплыло. Делаешь над собой невероятное усилие и, сохраняя наружное спокойствие, стараешься возможно скорее отделаться от них. В камеру! Скорее бы в камеру! Гулко гремит засов – ты один. В мозгу поднимается что-то большое, большое, чудовищно безобразное. Точно щупальца спрута охватывают тебя всего железными тисками и какой-то давящий замогильный холод леденит сердце. Знаете ли вы, что такое смертельный ужас? Вот тогда пришлось испытать его! Ужас за человека, ужас за сложность и таинственность того, что называется человеческой душой. Давящим призраком стоит: Качура – предатель! Ум отказывается верить, а не верить – нельзя…

Болью и мукой всегда отзывается такое падение революционера. Но когда вы в тюрьме, когда вас ждет тот же неизвестный тернистый путь царских застенков, когда вас собирается поглотить та же мрачная, таинственная пасть российского правосудия, это нравственное падение приобретает для вас особенно зловещий характер».

Гершуни три месяца сидит в Петропавловской крепости. В августе поглядеть на главного злодея империи приходит сам Плеве. «Подскочил так близко, точно обнять хотел, – вспоминает Гершуни. – Несколько секунд мы

стояли друг против друга. Дверь по его приказанию была закрыта, и мы были совершенно одни».

– Имеете что сказать мне? – спрашивает министр.

– Вам?! – выразительно отвечает Гершуни.

Плеве вылетает из камеры так же быстро, как влетел.

Еще через три месяца заключенному предлагают довольно легкую сделку со следствием: он должен признать себя членом Боевой организации и за это смертный приговор будет заменен на пожизненное. Заключенный демонстративно отказывается: «Я еврей. Вы ведь, а равно и те, которые достаточно глупы, чтобы вам верить, твердят, что евреи стараются уходить от опасности, что вследствие трусости избегают виселицы. Хорошо! Вам будет дано увидеть пример "еврейской трусости"! Вы говорите, что евреи умеют только бунтовать? Вы увидите, умеют ли они умирать. Скажите вашему Плеве: торговаться, сговариваться нам не о чем. Пусть он делает свое дело: я свое сделал!»

Марионетки вырываются

Пресловутая «еврейская трусость» волнует не только Гершуни. Об этом говорят во всех местечках черты оседлости. Евреев Российской империи потряс погром в Кишиневе. Многим казалось, что в XX веке такое невозможно – а раз возможно, значит, в жизни надо что-то радикально менять.

В начале июня в Минске собирается руководство Независимой еврейской рабочей партии. Кишиневский погром стал для большинства ее членов шоком. Несмотря на то что именно Генрик Шаевич, лидер одесской ячейки, сыграл ключевую роль в создании отрядов еврейской самообороны в Одессе, это вовсе не прибавило партии славы. Наоборот. Среди евреев Российской империи ходят слухи, что погром был организован властями, будто бы Плеве лично давал на то указания. Это значит, что сотрудничество с Независимой еврейской рабочей партией становится делом постыдным, многие прежние сторонники отворачиваются от «независимцев». Да и сами активисты не хотят состоять в марионеточной партии, считаться провокаторами на службе полиции. Партия принимает решение о самороспуске.

Удивительно, но в Петербурге «независимцев» вовсе не считают лояльными марионетками. Наоборот, Плеве убежден, что эта авантюра Зубатова зашла слишком далеко, и требует от него немедленно прекратить деятельность партии. Зубатов пытается сопротивляться. Он настаивает, что развитие лояльных общественных движений необходимо государству, Плеве же уверен, что самое важное – обезвредить государственных преступников, а еврейская партия к этой цели не приближает, ведь лидеры БУНДа и так уже пойманы, зато сами «независимцы», очевидно, выходят из-под контроля. Зубатов в ответ даже угрожает отставкой, но Плеве пока удерживает его.

Заговор двух реформаторов и одного консерватора

Чем дальше, тем больше Зубатова раздражают полицейские методы его начальника. Он считает, что «вся Россия бурлит, что удержать революцию полицейскими мерами невозможно», а политика Плеве заключается в том, чтобы «вгонять болезнь внутрь и что это ни к чему не приведет кроме самого дурного исхода». Пожаловаться на Плеве он идет, конечно, к его извечному сопернику – Витте. Это уже не первая попытка реформатора из МВД найти общий язык с реформатором из минфина. Но насколько она оказывается удачной, сказать трудно. На этот счет есть несколько версий.

Директор департамента полиции Алексей Лопухин пишет, что Витте соглашается помочь Зубатову, чтобы сообща уволить министра внутренних дел. Третьим их сообщником становится давний друг Витте князь Владимир Мещерский, издатель газеты «Гражданин», тот самый, который некогда рекомендовал Плеве в министры. План Витте, Зубатова и Мещерского такой: подчиненные Зубатова изготавливают письма, якобы написанные Мещерскому различными авторитетными людьми. Каждое из писем должно описывать, насколько губительна для страны политика Плеве, – и якобы только Витте может спасти положение. Мещерский, в свою очередь, должен пойти к императору и с письмами в руках доказать, что необходимо Плеве уволить, а Витте назначить.

Витте, однако, уверяет, что никакого заговора не было и что Зубатов действительно приходил пожаловаться на начальника, но будто бы он, Витте, пригрозил доложить об этом разговоре министру внутренних дел, и на этом они разошлись. Впрочем, Витте часто приукрашивает собственное прошлое в своих воспоминаниях.

Одесса волнуется

В июне в Одессе начинается забастовка. Поводом становится несправедливое увольнение рабочего чугунно-литейного завода. В городе сильная ячейка бывших «независимцев». Генрик Шаевич рвется доказать, что он не провокатор и не агент Плеве, – и прилагает все усилия, чтобы заступиться за уволенного.

К июлю забастовка становится всеобщей – на работу не выходят 40 тысяч человек. Одесса сидит без хлеба, света и воды. Местные власти в растерянности. В растерянности даже и сам Шаевич.

Действия властей хаотичны – они не знают, как справиться с рабочими. Дело осложняется тем, что все время вмешивается великий князь Сандро, друг детства императора, недавно ставший, по сути, министром торгового мореплавания и портов. Сандро считает себя великим мореплавателем, однако флотом командует дядя царя, великий князь Алексей, который не подпускает молодого родственника-соперника к командованию. В итоге деятельный Сандро выбивает для себя министерское кресло. Одесса, крупнейший торговый порт империи, входит в его сферу ответственности – поэтому великий князь проявляет максимальную активность, требует выяснить, кто виноват во всеобщей забастовке.

Главный враг великого князя – Витте. Дело в том, что новое ведомство, которое возглавил Сандро, было отделено от минфина. Витте не скрывает, что это случилось против его воли («От руки палец отрезали», – говорит он), и всячески ставит палки в колеса великому князю. Сандро в ответ интригует против Витте и поначалу даже пытается обвинить его в одесской забастовке, но министр финансов указывает на Плеве и Зубатова. Плеве, в свою очередь, открещивается от подчиненного, уверяя, что ничего о действиях Зубатова в Одессе не знал. Так крайним остается бывший лидер одесских «независимцев» Генрик Шаевич – его арестовывают и отдают под суд.

Орел рассержен

С этого момента у Зубатова начинаются серьезные проблемы. Во-первых, все начальники, боясь ответственности, обвиняют его в одесском скандале. Во-вторых, до Плеве доходят слухи о заговоре Витте и Зубатова. По версии директора департамента Лопухина, Зубатова сдает один из его коллег. По версии Витте, министру доносит сам «заговорщик» князь Мещерский.

«Все враги его как бы объединились против него и решили использовать благоприятный момент для его падения, – вспоминает Александр Спиридович. – О Зубатове кричали, что он сам устроил забастовку, что он сам революционер».

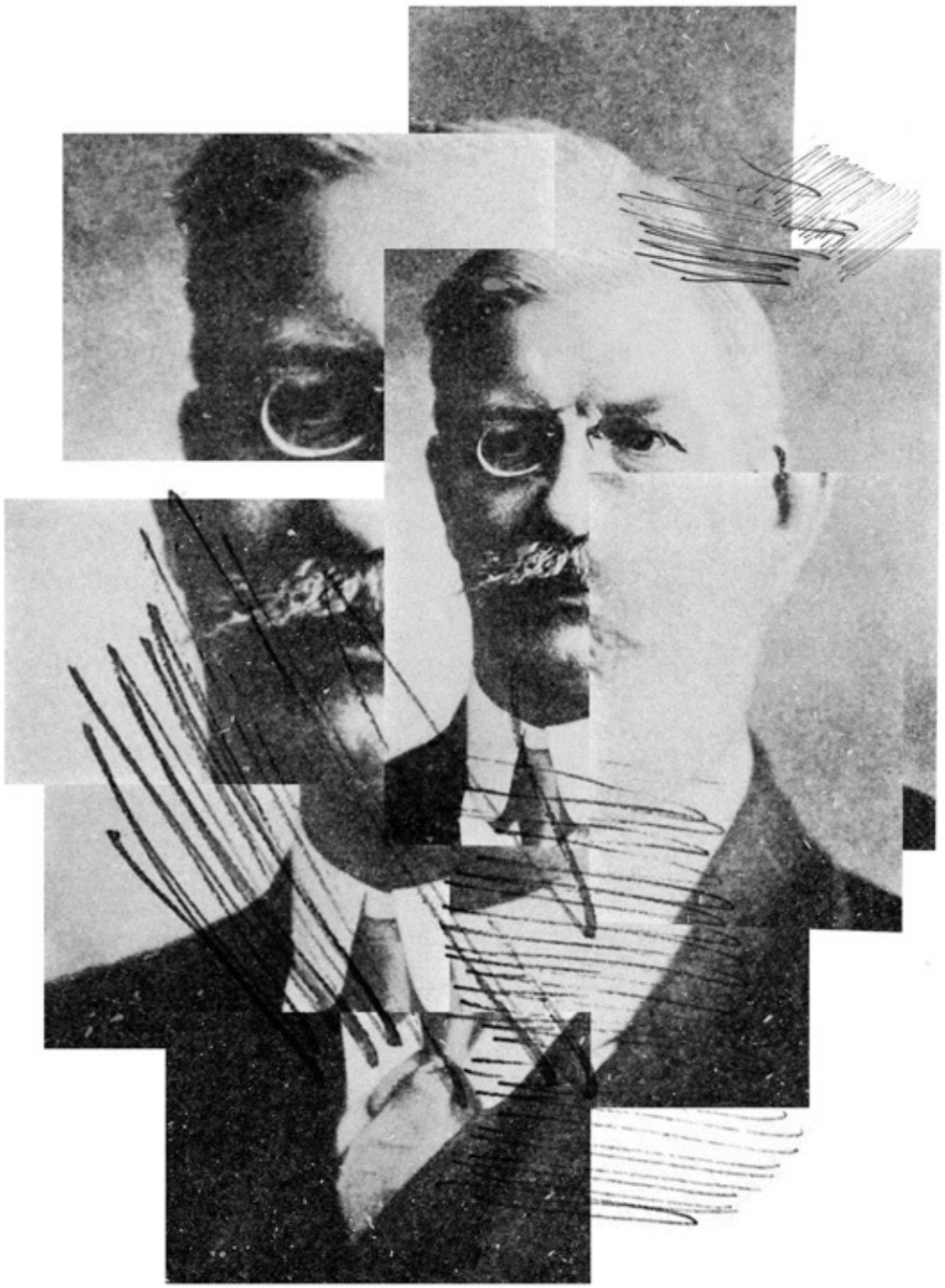
19 августа Плеве вызывает к себе Зубатова и при свидетеле обрушивается на него с обвинениями. Главный пункт – разглашение государственной тайны. Дело в том, что в изъятых у Шаевича бумагах было письмо Зубатова, вербовавшего своего агента такими словами: «Дорогой Генрик Исаевич. Неожиданно я нашел себе единомышленника в лице юдофила царя. По словам Орла [Плеве], государь сказал: "Богатого еврейства не распускайте, а бедноте жить давайте"». Плеве негодует, что «Зубатов позволил себе сообщить слова государя своему агенту, жидюге Шаевичу», и грозит за это предать его суду. «Орел очень рассержен», – вспоминает его подчиненный.

Никогда не бывший по существу чиновником, Зубатов отвечает Плеве не менее резко, напомнив, что легализация рабочего движения в Одессе происходила с его, Плеве, разрешения. И выходит из кабинета министра, так хлопнув дверью, что, по словам свидетелей, «чуть стекла не посыпались».

Он пишет прошение об отставке и на следующий день уезжает в Москву. Одним из немногих проводить его на вокзал приходит Георгий Гапон. Удивительным образом через несколько лет он повторит судьбу Генрика Шаевича – но с куда большим размахом.

Шаевича отдают под суд и отправляют в Сибирь. Зубатова решением главы МВД отправляют в ссылку во Владимир. «Выдержать 15 лет охранной службы при постоянных знаках внимания со стороны начальства, при громких проклятиях со стороны врагов, не без опасности для собственной жизни; и в итоге получить полицейский надзор – это ли не беспримерно возмутительный случай служебной несправедливости, –

напишет Зубатов в докладе чиновнику МВД спустя несколько лет. – Говорят, "за богом молитва, за царем служба не пропадает". Моя служба в буквальном смысле была царская, и окончилась она такою черною обидою, о какой не всякий еще в своей жизни слыхал».



Глава 4
В которой либералы входят в моду: Петр Струве и Павел Милюков становятся самыми популярными политиками в стране

Самый популярный марксист

В петербургской гостиной компания интеллигентной молодежи спорит о модной научной книге, автор которой объясняет, что человечеству грозит вырождение. Все сходятся на том, что никакого вырождения на самом деле нет – все циклично, в любые времена рождаются то люди получше, то люди похуже. Вдруг вскакивает лопоухий рыжий молодой человек и, пальцами оттопыривая собственные уши, кричит: «Как нет вырождения! Да вы посмотрите на меня! На мои уши!» «Петя, ну перестань, что за глупости ты говоришь», – краснеет его жена. Но Петя увлекается и все красноречивее доказывает вырождение человечества на личном примере[28]. Этот случай описывает в своих воспоминаниях Ариадна Тыркова, молодая столичная журналистка, бывшая одноклассница несчастной Петиной жены.

На самом деле над 30-летним Петром Струве смеются редко. Это очень популярная в Петербурге личность. Столичная молодежь увлечена марксизмом, а он – самый фанатичный адепт этой модной немецкой философии. Сын бывшего пермского губернатора и яркий представитель золотой молодежи, Струве хорошо знаком с самыми актуальными книжными новинками, о которых многие его сверстники даже не слышали.

Первый марксистский кружок он собрал еще 20-летним студентом в 1890 году. Будущие создатели главной марксистской газеты «Искра», революционеры Мартов, Ленин и Потресов, тогда еще не были последователями этого учения. 17-летний Юлий Цедербаум (будущий Мартов) учился в царскосельской гимназии. Одногодка Струве Владимир Ульянов (еще не Ленин и даже не Петров) в 1890-м нигде не учился, потому что его отчислили из Казанского университета за участие в студенческих беспорядках. Александр Потресов был однокурсником Струве и первым вступил в его кружок.

Струве повезло. Всего четырьмя годами раньше другой 20-летний представитель золотой молодежи, Михаил Гоц, за участие в подпольном кружке был арестован и приговорен к десяти годам на Колыме – и богатые родственники не смогли ему помочь. Но к тому моменту, как Струве увлекся марксизмом, времена стали более вегетарианскими.

В 1894 году Струве спокойно окончил университет и поступил на службу в министерство финансов, но потом все же попал в передрягу. Его по ошибке арестовали, приняв за члена подпольного кружка народовольцев. Ошибка быстро вскрылась, полиция освободила

губернаторского сына и даже написала письмо в минфин, что претензий к молодому человеку не имеет. Но министр финансов Витте решил все же уволить молодого Струве, чем оказал ему хорошую услугу – так Струве стал не чиновником, а популярным журналистом.

В 24 года Струве пишет книгу. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», одна из первых русских книг о марксизме, становится хитом среди петербургской молодежи. Последняя фраза книги – «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» – становится крылатой.

В январе 1895 года, вскоре после смерти Александра III, 25-летний Струве распространяет анонимное письмо-наставление новому императору Николаю II, в котором предрекает ему революцию, если он не сменит курс. Письмо широко расходится, но публика приписывает авторство не молодому марксисту, а Федору Родичеву, тому самому представителю тверского земства, который инициировал послание Николаю II, названное «бессмысленными мечтаниями». Наконец, четыре года спустя, в 29 лет, Струве публикует «Капитал» Маркса – с собственным предисловием. На его экономические лекции приходят толпы поклонников.

Настоящий аскет

Струве знакомится с Владимиром Ульяновым в 1894 году в гостях у друзей. Псевдоним «Ленин» еще не в ходу – Ульянов пишет под фамилией Ильин. Он внимательно прочитал книгу Струве и посвятил ее разбору и критике статью, причем такую длинную, что, чтобы зачитать ее до конца, Ульянов несколько раз приходит к Струве домой на Литейный проспект. Струве знакомство с марксистом из провинции не понравилось: «Неприятна была не его резкость, – вспоминает он. – Было нечто большее, чем обыкновенная резкость, какого-то рода издевка, частью намеренная, а частью неудержимо стихийная, прорывающаяся из самых глубин его существа. Во мне он сразу почувствовал противника. В этом он руководился не рассудком, а интуицией, тем, что охотники называют чутьем».

Однокурснику Струве Потресову тоже не нравится «однобокий, однотонно упрощенный и упрощающий сложности жизни» подход Ульянова. Но они все же решают помочь провинциальному марксисту и публикуют его статью в новом сборнике. Потресов со временем проникается симпатией к младшему товарищу и пытается убедить Струве отнестись к нему толерантнее. Он обращает внимание на колоссальную самодисциплину Ульянова даже в мелочах. «Из аскетизма он откажется от лишнего стакана пива», – убеждает Потресов Струве. Но, по словам последнего, это его даже отталкивает: «Пугало это сочетание в одном лице настоящего самобичевания, которое лежит в основе подлинного аскетизма, с бичеванием других людей, выражавшемся в отвлеченной социальной ненависти и холодной политической жестокости».

Молодые фанатики

Ариадна Тыркова, молодая петербургская журналистка, неожиданно для себя попадает в круг юных марксистов-фанатиков. И все из-за подруг. В гимназии у Ариадны было три лучшие подруги: Нина, Лида и Надя. Все три девушки вышли замуж за крайне активных юношей. Нина стала женой Петра Струве, Лида вышла за участника его марксистского кружка Михаила Туган-Барановского (в 1917 году он станет одним из основателей независимого Украинского государства и первым министром финансов Украины). А Надя, Надежда Крупская, влюбилась в провинциала Владимира Ульянова. Очень сильно влюбилась, вспоминает Ариадна, – и стала его гражданской женой, поскольку молодые атеисты решили, что не признают такую условность как церковный брак.

Ариадну поражает, с какой страстью мужья подруг говорят о своем учении: «…они твердили марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран». Струве и его товарищи «были совершенно уверены, что правильно приведенные цитаты из "Капитала" или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения и споры. А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты. Для этих начетчиков марксизма каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна. Слушая их, я понимала, как мусульманские завоеватели могли сжечь александрийскую библиотеку», – пишет Ариадна в своих воспоминаниях.

«На их мнение плюет»

В 1898 году молодые марксисты решили объединить многочисленные кружки по всей стране в настоящую подпольную партию. Ее безусловным гуру становится Струве. Впрочем, поскольку организаторского опыта ни у него, ни у кого-либо из его товарищей еще нет, дальше разговоров дело не идет. Струве придумывает название – Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) – и пишет ее манифест. На первый съезд в Минске приезжают всего девять представителей марксистских кружков из разных городов (самого Струве на нем нет) – и по окончании съезда почти всех участников арестовывают. Удивительно, что именно созданная Струве и поначалу совершенно виртуальная РСДРП станет «бабушкой» будущей КПСС, монопольной партией Советского Союза (в советских учебниках основателем всего и вся будут называть Ленина, а фамилию Струве не упомянут).

На этот момент единственные признанные оппозиционеры в России – это народники. Но для молодых марксистов любые народники, даже авторитеты диссидентского движения, – варвары, не знакомые с научным социализмом, которые верят в революционный русский народ, то есть в крестьянство, тогда как, по Марксу, движущей силой революции должны быть рабочие.

На самом деле съезд марксистов в Минске проходит почти без звезд тогдашнего русского марксизма – подпольные группы постоянно становились мишенью полиции, их участников арестовывали и ссылали. Так случилось, например, в 1895 году с молодыми Владимиром Ульяновым и Юлием Цедербаумом.

К 1895 году Ульянов уже успел экстерном сдать экзамены в Петербургском университете, получить диплом юриста, переехать в столицу и устроиться помощником адвоката. В Петербурге он познакомился с молодыми марксистами Цедербаумом и Потресовым, своими будущими ближайшими друзьями.

У Ульянова и Цедербаума очень похожие траектории: Цедербаума тоже отчислили из университета на втором курсе, тоже отправили в недалекую ссылку (пока Ульянов жил под Самарой, Цедербаум находился в Вильно). В ссылке оба расширили свои связи с революционерами: Ульянов подружился с самарскими народовольцами, а Цедербаум оказался среди создателей БУНДа – и даже написал первый партийный манифест.

Новые знакомые создали свой подпольный кружок и успели напечатать 70 листовок, которые собирались раздать рабочим. Именно на этом они и попались. Обоих арестовали и отправили на поселение в Сибирь; Ульянова – в Минусинск, Цедербаума – в Туруханск. Вслед за Ульяновым поехала и его возлюбленная Надя, причем сразу вместе с мамой. В 1898 году они обвенчались в церкви села Шушенское в Сибири. («Пришлось проделать всю эту комедию», – вспоминает Крупская. Хоть молодожены и презирали церковный брак, но без него власти не позволяли Наде сопровождать любимого в ссылке.)

Любопытную историю о жизни Ульянова в ссылке вспоминает Ариадна Тыркова, чей родной брат жил в том же поселении. По его словам, Ульянов не скрывал своего презрения к народникам:

«Ссыльный держал себя совсем не по-товарищески. Он грубо подчеркивал, что прежние ссыльные, народовольцы, это никому не нужное старье, что будущее принадлежит им (социал-демократам) – так пересказывает слова брата Ариадна Тыркова. – Его пренебрежение к старым ссыльным, к их традициям особенно сказалось, когда пришлось отвечать перед полицией за бегство одного из ссыльных. Обычно вся колония помогала беглецу, но делала это так, чтобы полиция не могла наказать тех, кто давал ему деньги или сапоги. Ленин с этим не считался и из-за пары ботинок подвел ссыльного, которого за содействие побегу, да еще неудачному, посадили в тюрьму на два месяца. Ссыльные потребовали Ленина на товарищеский суд. Он пришел, но только для того, чтобы сказать, что их суда он не признает и на их мнение плюет».

Пока Ульянов находится в ссылке, Струве открыто читает лекции в Петербурге. Он теоретик и в отличие от многих единомышленников не вступает в подпольные организации, не печатает листовки и рабочих не агитирует. Струве – неортодоксальный марксист и сомневается в будущем социализма. Его больше интересует капитализм, а не социалистическая революция. В марксизме он ценит апологию капитализма, который вызывает раздражение и справа, и слева. По его мнению, нет смысла проповедовать среди рабочих – они не готовы к революции. Впрочем, ссыльных товарищей Струве тоже не бросает, например, Ульянову в Сибирь он передает книги.

В 1896 году Струве вместе с Потресовым даже едут в Лондон на слет марксистов всего мира – Второй интернационал. Главной звездой среди российских марксистов выступает живой классик Плеханов, а молодой Струве работает его спичрайтером. Впрочем, отношения Струве с авторитарным Плехановым сразу не складываются. Пару лет спустя

Плеханов станет инициатором кампании против Струве – начнет бойкотировать журнал «Начало», в котором тот будет работать, и требовать того же от товарищей. Одновременно Струве ссорится (в переписке) и с Ульяновым-Ильиным – тот куда более ортодоксален и считает Струве недостаточно верным марксистом. Струве злится и перестает отвечать на письма ссыльного товарища.

После окончания сибирской ссылки в феврале 1900-го Владимиру Ульянову наконец разрешено вернуться в европейскую часть России – но пока не в столицы, а в Псков. Туда же приезжают все видные марксисты России: Мартов (Цедербаум), Потресов, Струве и Туган-Барановский. Ульянов и Мартов хотят выпускать газету – и Потресов готов к ним присоединиться. Для этого им, конечно, нужно заручиться поддержкой и петербургских звезд.

Струве замысел товарищей одобряет. Но они просят не только моральной, но и материальной поддержки. Струве находит им спонсора – помочь соглашается его приятель, молодой и прогрессивный землевладелец, богатый поклонник марксизма Дмитрий Жуковский. Трое марксистов сначала отправляются в Женеву на поклон к своему кумиру Георгию Плеханову, а затем начинают выпуск газеты «Искра» в Мюнхене.

Струве думает над изданием собственного журнала, но пока в основном печатается в мюнхенской «Искре». Для нее он добывает знаменитый журналистский эксклюзив – секретный доклад, написанный министром финансов Сергеем Витте несколько лет назад. Витте доказывает в этом документе, что система местного самоуправления, введенная Александром II, – так называемые земства – очень мешает управлению государством, нарушает вертикаль власти и было бы намного удобнее от нее избавиться и управлять государством твердой рукой, напрямую из столицы. Доклад публикуется в «Искре» под заголовком «Самодержавие и земство» и производит огромное впечатление на читателей, особенно самих муниципальных депутатов-земцев.

Столица русской оппозиции

Переломным моментом в жизни Струве становится митинг у Казанского собора 4 марта 1901 года. Он впервые сталкивается с государственным насилием, впервые попадает под удары казацких нагаек – и это его изумляет. Когда он кричит Ариадне Тырковой: «Как они смеют меня – меня! – по ногам колотить нагайкой!» – поколеблено миропонимание Струве, в котором он – неуязвимый супермен, с которым ничего подобного случиться не может.

Но с ним случается – наступает его черед отправиться в ссылку. Это первое правонарушение, поэтому наказание не строгое – Струве просто запрещено жить в столицах, и он может самостоятельно выбрать себе любой другой город. Струве выбирает Тверь.

Этот выбор неслучаен. Из всех органов местного самоуправления, существующих в империи, наиболее политически активны московское и тверское земства. Москва – культурная и деловая столица империи, здесь живут самые богатые купцы. Активных диссидентов-народовольцев часто высылают с запретом жить в Петербурге и Москве, и многие в качестве места жительства выбирают Тверь – единственный крупный город, находящийся между Москвой и Петербургом. Так, на рубеже веков, прямо между двумя российскими столицами вырастает третья – столица российской оппозиции, город, населенный самыми свободолюбивыми людьми в России.

В Твери живет тот самый Федор Родичев. Речь, которую император назвал «бессмысленными мечтаниями», он придумал в статусе земского гласного (муниципального депутата), но после этой истории ему запретили занимать посты в местном самоуправлении. Другой известный тверской земец – Иван Петрункевич, самый авторитетный российский либерал старшего поколения. Адвокат, которого несколько раз высылали то из одного города, то из другого – и все за произнесение публичных речей с требованием реформ. Он – безусловный лидер земского либерализма. Власти боятся его больше всех революционеров вместе взятых.

Тверская интеллигенция составляет новый круг общения Струве – и это радикально меняет его мировоззрение. Если до этого он был верен духу и букве закона Маркса – то соприкосновение с реальной жизнью вне столицы меняет его символ веры. Струве отходит от марксизма и становится умеренным либералом.

Система земств – то есть органов местного самоуправления – была введена в России в 60-е годы XIX века реформами Александра II. И наряду с освобождением крестьян и судом присяжных оказалась невероятно эффективной. Три десятилетия в России формировалось полноценное гражданское общество – провинциальная интеллигенция, которая получила полномочия самостоятельно решать все хозяйственные и гуманитарные вопросы, касающиеся ее региона.

Всеобщего равного избирательного права в России XIX века, конечно, не существовало. Избирательный голос гражданина зависел от того, к какому сословию он принадлежал. Своих представителей в земском (по сути – муниципальном) собрании выбирали отдельно дворяне (1,5 % населения страны), отдельно крестьяне (77 % населения), и отдельно подданные, имевшие какую-либо собственность, но не имевшие дворянства. До выборов не допускались евреи, женщины, военнослужащие, лица, имевшие судимость или находившиеся под надзором полиции. В итоге представители дворян занимали примерно 57 % мест в земском собрании, собственники-недворяне получали примерно 13 %, а крестьяне – 30 %.

Говорить ни о каком равенстве не приходилось. Поэтому задавали тон в земствах, как правило, провинциальные дворяне и провинциальная интеллигенция – то есть наиболее образованная и в то же время наиболее либерально настроенная часть населения.

Начало Освобождения

Струве живет в Твери уже более полугода, когда к нему приезжает давний приятель, Дмитрий Жуковский. Спонсор «Искры» предлагает Струве тридцать тысяч рублей золотом на издание нового журнала за границей с одним лишь условием – чтобы никакого Ульянова-Петрова в нем не было. Жуковскому разонравились мюнхенские социалисты – он считает их слишком радикальными.

Еще один спонсор проекта – сам Петрункевич. Он не богат, зато его жена – вдова графа Панина, обладателя одного из крупнейших состояний в Российской империи. Наследница всех денег – падчерица Петрункевича, Софья Панина. (Ей, кстати, принадлежит та самая дача в Гаспре, на которой в 1901 году гостил и едва не умер Лев Толстой.) Софье Паниной уже 30 лет, она вовсе не маленькая девочка – но убежденная соратница отчима. Молодая графиня увлечена политической борьбой, она одна из первых феминисток России и охотно отдает свои деньги Струве – на новый журнал.

Струве соглашается. Разрешение на выезд ему получить не удается (паспорт дают только его беременной жене), поэтому он путешествует нелегально. Прежде чем убежать из России, он объезжает полстраны, чтобы договориться с потенциальными авторами будущего журнала. Зимой 1901 года посещает даже Крым, где живут в тот момент трое великих русских писателей. Тяжелобольного Толстого Струве не беспокоит, но заходит к Горькому и Чехову. Последний обещает писать для нового журнала.

В начале 1902-го Струве едет в Мюнхен объясниться с Ульяновым, но тот обижен и отказывается от встречи. Тогда Струве обосновывается около Штутгарта и создает там на деньги Жуковского журнал «Освобождение». В считаные месяцы он становится самым популярным и самым влиятельным русскоязычным журналом как в Европе, так и в самой России. Общий тираж «Освобождения» достигает семи тысяч, причем бóльшая часть ввозится в Россию. Журнал читают все: и министры Плеве и Витте, и рядовые чиновники, и дворяне, и классики литературы Толстой и Чехов, и купцы, и священники, и сельские интеллигенты.

Для журнала пишут самые известные авторы: ведущие либеральные политики Иван Петрункевич, Владимир Набоков (старший) и Дмитрий Шаховской, знаменитые историки Павел Милюков и Евгений Тарле,

писатель Владимир Короленко, юрист Анатолий Кони, естествоиспытатель Владимир Вернадский, философ Николай Бердяев, поэт Максимилиан Волошин. Правда, своей фамилией подписывается только эмигрант Струве – остальные статьи анонимны, чтобы авторы могли продолжать жить в России.

«Освобождение» добивается успеха по двум причинам: качественный контент и уникальная система дистрибуции. Во-первых, это не партийное издание для узкого круга фанатиков или посвященных, журналом зачитывается вся российская интеллигенция. А во-вторых, издатели придумывают много способов привезти запрещенный журнал на родину: договоренность с транспортными конторами, специализирующимися на перевозке контрабанды, помощь финских националистов, которые перевозят журнал через полупрозрачную финскую границу. Наконец, рассылка журнала напрямую адресатам по почте – такие экземпляры печатаются на очень тонкой бумаге и без обложки, а на первом листе напечатано: «Мы нашли Ваш адрес в адресном календаре и позволяем себе послать Вам наше издание» – это снимает с адресата ответственность в случае вскрытия письма полицией.

Тюрьма и уроки английского

Струве – не первый журналист, к кому обращается инвестор-либерал Жуковский. С таким же предложением он приходит и к Павлу Милюкову, знаменитому историку, бывшему преподавателю Московского университета.

За Милюковым давно закрепилась репутация диссидента, еще в 1895 году его, ученика Ключевского, отстранили от преподавания в Москве – за то, что в одной из лекций он якобы осуждал самодержавие. Он несколько лет прожил в Болгарии, в 1899 году вернулся и сразу оказался в поле зрения тайной полиции. Милюков выступил на вечернем собрании студентов, посвященном памяти только что умершего лидера народников Петра Лаврова, с лекцией об истории революционного террора в России. После лекции его арестовали, а в квартире провели обыск. Нашли проект «конституции Российского государства» – фантазию о том, как Россия может быть устроена в будущем.

Полгода Милюков провел в арестном доме (то есть СИЗО), затем ему позволили дожидаться суда на воле, но за пределами столицы, поэтому он поселился в Финляндии.

Там его и навестил старый знакомый Дмитрий Жуковский. Он предложил Милюкову переехать за границу и стать редактором нового журнала. Но тот отказался. «Мне это предложение не улыбалось, – вспоминает профессор истории. – Едва вернувшись в Россию, я не хотел от нее вновь отрываться с риском остаться навсегда эмигрантом и быть, таким образом, отрезанным от родины».

Следствие по делу Милюкова тем временем продолжается, но с присущей судебной системе начала XX века волокитой. Приговор выносят только весной 1902 года – и Милюков просит отсрочить отсидку, так как хочет поехать на лето в Англию, чтобы подучить английский. Власти удовлетворяют его просьбу.

Осенью Милюков возвращается в Петербург и, собрав вещи, едет в тюрьму – знаменитые Кресты. Оказывается, что в воскресенье в тюрьму не принимают. Приходится вернуться на следующий день.

Донкихот самодержавия

Спустя несколько месяцев, когда Павел Милюков отсидел уже больше половины положенного срока, его вдруг просят на выход с вещами. Выдают пальто. И везут к зданию министерства внутренних дел на Фонтанке. Ведут какими-то «таинственными, пустыми, слабо освещенными коридорами… Я тут даже струхнул немного», – вспоминает Милюков.

Оказывается, его поджидает сам министр внутренних дел Вячеслав Плеве. Глава МВД усаживает заключенного за маленький чайный столик и начинает обсуждать его самую известную книгу – «Очерки русской культуры». Потом рассказывает, что его учитель, профессор Василий Ключевский, просил императора помиловать Милюкова – он нужен для науки.

Заключенный Милюков вспоминает, что Ключевский вхож в царскую семью, так как преподавал историю недавно умершему от туберкулеза младшему брату царя, великому князю Георгию. «Государь поручил мне предварительно познакомиться с вами и поговорить, чтобы вас освободить в зависимости от впечатления», – признается Плеве. Они обсуждают биографию Милюкова, его исключение из Московского университета за политическую неблагонадежность. Вдруг Плеве спрашивает: что, если бы он предложил Милюкову занять пост министра народного просвещения? Милюков говорит, что отказался бы. «Почему же?» – удивляется Плеве. «Потому что на этом месте ничего нельзя сделать». Вот если бы ему предложили занять пост министра внутренних дел – тогда он бы еще подумал, говорит заключенный. Главе МВД Плеве такой ответ совсем не нравится. Он прощается с Милюковым и обещает вызвать его на днях.

Через неделю его снова привозят в МВД, но не ведут к министру, а заставляют ждать в приемной. Потом выходит Плеве и «совсем уже другим тоном, как перед просителем, тут же, в передней, резко чеканит свой приговор: "Я сделал вывод из нашей беседы. Вы с нами не примиритесь. По крайней мере, не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе – мы вас сметем!"» – вспоминает Милюков. Историка отпускают, но ему запрещено жить в Петербурге. Плеве уходит, не подав профессору руки.

«Мне его стало жалко, – вспоминает Милюков. – И после первой беседы, и после этой вынужденной амнистии, данной мне невольно, он мне представился каким-то донкихотом отжившей идеи, крепко прикованным к

своей тачке, – гораздо более умным, чем та сизифова работа спасения самодержавия, которой он был обязан заниматься».

Лидер оппозиции

23 мая 1902 года пятьдесят два члена земских управ со всей страны съезжаются в Москву. Дело неслыханное: впервые в истории проходит съезд народных представителей, да еще и без предварительного одобрения МВД.

Их встречает у себя дома глава московского земства Дмитрий Шипов. Среди гостей – самые активные региональные политики: Иван Петрункевич из Твери, князь Дмитрий Шаховской и князь Петр Долгоруков (Ярославль и Курск), профессор Владимир Вернадский (Тамбов).

Непосредственный повод для собрания заключается в том, что земцев привлекли к работе правительственной комиссии по сельскому хозяйству и им надо скоординировать свои действия. Они горячо обсуждают вопросы сельского хозяйства, а еще, разумеется, опубликованный в «Искре» доклад министра финансов Витте, в котором он объяснял, как вредны земства для управляемости государства. Земцы волнуются, что новый глава МВД решится ликвидировать земство. «Вопрос поставлен ребром – быть или не быть земству», – пишет глава московского земства Шипов.

Удивительно, что именно Шипову пришлось стать первым в истории России лидером оппозиции. Подмосковный помещик, сын уездного предводителя дворянства, славянофил и сторонник самодержавия, пусть и с Земским собором, выпускник юрфака Петербургского университета, он с юности был убежденным толстовцем: с одной стороны, противником насилия, с другой – глубоко верующим человеком. Ничего бунтарского в его характере нет.

Участники «земского съезда» обсуждают не просто процедурные вопросы – они разрабатывают тезисы собственной аграрной программы: крестьян надо уравнять в правах с другими сословиями, телесные наказания для крестьян должны быть отменены, более того, крестьяне должны получить равные избирательные права, в том числе при выборе земств.

Земский съезд (именно так называют депутаты свою встречу в квартире Шипова) по сути становится первым съездом российской оппозиции. До этого все сходки противников власти были исключительно секретными – но в этот раз земцам даже в голову не приходит, что они делают что-то антиправительственное; напротив, они собираются обсудить будущую работу в правительственной комиссии.

Далеко не все земцы даже считают себя оппозиционерами. Логика многих из них заключается в том, что реформы Александра II не были доведены до конца: освобожденные крестьяне не получили тех земельных наделов, на которые рассчитывали, общество не получило права влиять на бюрократию, не была гарантирована свобода слова. Все эти права, по глубокому убеждению земцев, являются логическим продолжением «великих реформ». Поэтому они хотят всего лишь призвать императора следовать примеру своего деда, а не прислушиваться к чиновникам-ретроградам вроде Победоносцева или Плеве. Но, с точки зрения правительства, это, конечно, вызов – обсуждение политических вопросов в сферу интересов местного самоуправления входить не должно.

Совещание региональных депутатов длится три дня, потом они разъезжаются по домам, а произошедшее начинает обрастать слухами. Только в конце июня Плеве вызывает Шипова в министерство внутренних дел и сообщает, что император крайне разгневан попыткой «создать незаконную общественную организацию» и всем участникам земского съезда выносится «высочайший выговор». Но в целом министр неожиданно очень любезен. Шипов спешит заверить его, что никто из земцев не думал делать что-либо противозаконное. Министр (так кажется Шипову) убеждается, что Шипов крайне лоялен и верен идее самодержавия, да и все земцы – вовсе не революционеры. Плеве советует Шипову: «Земские деятели должны своим поведением показать, что ими не руководят никакие политические вожделения» – и тогда министр сможет им помочь добиться всего, к чему они стремятся.

На следующий день Шипова вызывает к себе Витте. Он тоже очень благосклонен – и спешит объяснить, что вовсе не против земств, а, наоборот, за. Просто Россия, говорит министр финансов, еще не доросла до конституционного строя, надо немного потерпеть и все само собой произойдет.

Главная цель обоих министров – понять, насколько многочисленны настоящие оппозиционеры среди земцев. Извечное убеждение Плеве подсказывает ему, что любые диссиденты – это лишь небольшая кучка смутьянов, которую нужно обезвредить, тогда все наладится. У Витте другой подход – он хочет держать руку на пульсе общественного мнения, чтобы нравиться ему. Ни на Витте, ни на Плеве Шипов не производит впечатления лидера оппозиции.

Сам Шипов возвращается в Москву довольным – и сообщает товарищам, что власть готова к ним прислушиваться. Однако на деле ничего не меняется – диалог между земствами и столичной властью не

начинается, зато Шипов обнаруживает, что его письма, как и письма его ближайших коллег, приходят распечатанными – то есть МВД теперь демонстративно вскрывает его переписку. Следующая встреча Шипова и Плеве случается через полгода, и глава МВД уже не скрывает враждебности: «Вы продолжаете руководить общественной оппозиционной группой с целью постоянного противодействия правительству. Очевидно, что мы вместе не пойдем».

Генеральное сражение с цензурой

Летом 1902 года труппа Московского художественного общедоступного театра приезжает в Петербург. Это вовсе не гастроли, и настроение у руководителей театра тревожное. Небольшой, но очень популярный московский театр пытается добиться разрешения на постановку пьесы Максима Горького. Сам писатель в ссылке в Арзамасе Нижегородской губернии, поэтому режиссеру Константину Станиславскому, администратору Владимиру Немировичу и спонсору театра Савве Морозову приходится хлопотать без него. Морозову удается подключить министра финансов Витте. Тот хоть и обанкротил друга и партнера Морозова – Савву Мамонтова, помочь не отказывается.

Морозов как раз закончил строительство нового здания для театра в Камергерском переулке в Москве, и Немирович очень ждал, что его откроют постановкой новой скандальной пьесы Горького, той самой, отрывки которой он читал ему в Крыму: про жизнь обитателей притона для нищих. Создатели театра сгорали от нетерпения: на русской сцене еще не было спектаклей про дно общества, резонанс, очевидно, будет огромный. Но вместо этого Горький присылает другую драму, куда более благопристойную, – под названием «Мещане».

Накануне финального прогона столичные власти приказывают поставить на входе в театр полицейских – чтобы они проверяли билеты и не допускали внутрь безбилетную молодежь. Немирович полицейских выгоняет, объясняя это тем, что они пугают зрителей своей формой. На следующий день градоначальник идет на компромисс: он присылает в театр полицейских, переодетых во фраки. «На генеральную репетицию съехался весь "правительствующий" Петербург, начиная с великих князей и министров, – всевозможные чины, весь цензурный комитет, представители полицейской власти и другие начальствующие лица с женами и семьями, – вспоминает Станиславский. – В театр и вокруг него был назначен усиленный наряд полиции; на площади перед театром разъезжали конные жандармы. Можно было подумать, что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению».

В итоге петербургские цензоры пьесу разрешают, хоть и с некоторыми исправлениями. Например, слова «жена купца Романова» приказано было заменить словами «жена купца Иванова»: в фамилии увидели намек на царствующий дом.

Подозрительность цензоров в порядке вещей. Недавно министерство внутренних дел закрыло принадлежащую Савве Морозову газету «Россия» – за сатирический фельетон Александра Амфитеатрова «Господа Обмановы», в котором Николай II фигурировал в качестве нерешительного мальчика «Ники-милуши». Журналиста Амфитеатрова отправили в ссылку.

Но Савва Морозов не боится цензуры. По выражению жены, «он увлечен Горьким».

Овации на дне

Вскоре после премьеры «Мещан» Горький заканчивает, наконец, ту пьесу, которую писал зимой в Крыму и которая не нравилась Толстому. Он хотел назвать ее «Без солнца» или «На дне жизни», но Владимир Немирович предложил короче – «На дне».

Писателю как раз позволяют вернуться из Арзамаса, и он приезжает в Москву, в МХТ. На читке новой пьесы присутствует вся труппа, акционеры театра Станиславский, Немирович и Морозов, ближайший друг Горького – оперный певец Шаляпин. Дойдя до одного из драматических моментов – смерти Анны, – Горький не выдерживает и начинает плакать. Отрывается от рукописи, смотрит на слушателей: «Хорошо, ей-богу, хорошо написал… Черт знает, а? Правда хорошо!» Все смотрят на него влюбленными глазами, по словам артистки Марии Андреевой, весь театр влюблен в него, а больше всех – Станиславский. «Ничего, ничего! – подбадривает друга Шаляпин. – Ты читай, читай дальше, старик!»

Поставить спектакль о жизни бомжей оказывается непросто – никто в театре не представляет себе, как разговаривают герои пьесы. В итоге режиссер Станиславский и труппа просят известного репортера Владимира Гиляровского, специализирующего на описании жизни нищих и бродяг, отвести их в самый неблагополучный район Москвы – на Хитровский рынок.

Экскурсия заканчивается драматически. Актеры Художественного театра угощают бродяг принесенной водкой и колбасой. Но застолье неожиданно перерастает в ссору: «Они побагровели, перестали владеть собой и озверели. Посыпались ругательства, схватили – кто бутылку, кто табурет, замахнулись… – вспоминает Станиславский. – Но тут бывший с нами Гиляровский крикнул громоподобным голосом пятиэтажную ругань, ошеломив сложностью ее конструкции не только нас, но и самих ночлежников. Они остолбенели от неожиданности, восторга и эстетического удовлетворения. Настроение сразу изменилось. Начался бешеный смех, аплодисменты, овации, поздравления и благодарности за гениальное ругательство, которое спасло нас от смерти или увечья».

Не балерина, не утопленник

18 декабря 1902 года в новом здании Московского художественного театра долгожданная премьера. В постановке играют главные звезды: сам Станиславский, жена Чехова Ольга Книппер и молодая артистка Мария Андреева. Интерес публики возбуждает и тот факт, что всем Императорским (то есть государственным) театрам ставить Горького официально запрещено.

Андреева – роковая женщина Художественного театра. Ее девичья фамилия Юрковская, но она не родственница террористки из Боевой организации Гершуни, просто однофамилица. У Андреевой роман с совладельцем театра Саввой Морозовым. Но при этом она страстно завидует Ольге Книппер, приме театра и жене Антона Чехова. Статус любовницы спонсора значительно ниже статуса жены живого классика. «Андреева актриса полезная, а Книппер – до зарезу необходимая» – так характеризует двух своих главных звезд Станиславский. И Андрееву не может не раздражать тот факт, что она – номер два.

Андреева-Юрковская, как многие светские девушки, не чужда авантюризму и увлечена модным марксистским учением. Она даже знакома с Владимиром Ульяновым, редактором мюнхенской «Искры».

Благодаря небывалому успеху «На дне» Горький становится главной знаменитостью Москвы, на улицах продают календарики с его фотографией. Станиславский вспоминает бесконечные овации после спектакля, когда на сцену вызывают автора, совершенно не готового к такой славе: «Очень было смешно смотреть, как он, впервые появляясь на подмостках, забыл бросить папиросу, которую держал в зубах, как он улыбался от смущения, не догадываясь о том, что надо вынуть папиросу изо рта и кланяться зрителям».

Поздравляя писателя с триумфом, артистка Андреева, Маруся, как называют ее друзья, целует его прямо на сцене, чем окончательно смущает.

Везде, где появляется Горький, собирается толпа поклонников и поклонниц. Писатель, по словам Станиславского, стесняется своей популярности, все время теребит усы и поправляет волосы. «Братцы! – обращался он к поклонникам, виновато улыбаясь. – Знаете, того… неудобно как-то… право!.. Честное слово!.. Чего же на меня глазеть?! Я не певица… не балерина…» Ситуация становится особенно неудобной, когда на публике Горький появляется вдвоем с Чеховым, которого никто не

узнает. В этих случаях Горький злится и кричит на поклонников: «Я не утопленник, чтобы меня разглядывать».

Знание – деньги

Овации в Художественном театре вызывают черную зависть коллег. 29-летний поэт Валерий Брюсов вспоминает, что маститый 66-летний писатель Петр Боборыкин (тот самый академик, за которого голосовал Толстой) возмущается на премьере: «Всего пять лет пишет! Я вот сорок лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было!» Да что Боборыкин, даже Чехов ревнует к успеху своего друга. «Прежде говорили: Чехов и Потапенко, я это пережил. Теперь говорят: "Чехов и Горький", – говорит драматург Суворину. – Горький через три года ничего не будет значить, потому что ему не о чем будет писать».

«На дне» триумфально идет и за границей. Уже в январе 1903 года пьесу ставят в Берлине, и она выдерживает триста спектаклей подряд.

Неожиданно для себя вчерашний «босяк» Горький оказывается не только самым популярным, но и самым богатым российским писателем. Он (вместе со своим другом Пятницким) изобретает новую литературную бизнес-модель. Они создают товарищество «Знание» – это издательство, которое само почти ничего не зарабатывает, выплачивая все деньги авторам. Литераторы получают не процент от прибыли, а без малого всю прибыль от издания – зато у Горького есть возможность выбирать самых лучших и самых популярных авторов. Ему как издателю, в общем, и прибыль не нужна – он и так самый продаваемый, а значит, самый богатый писатель.

Это переворот в оплате писательского труда. Молодой Леонид Андреев получает от «Знания» за свою первую книгу вместо 300 рублей[29], предложенных ему издателем Сытиным, 5642 рубля[30] 71 копейку. Гигантские деньги, мгновенно превратившие бедного журналиста в состоятельного литератора.

Помимо огромных гонораров Горький вводит практику ежемесячных авансов. Фактически он платит писателям зарплату в счет гонорара за еще не написанные книги. Среди его клиентов новые модные авторы Бунин и Серафимович. Горький пытается взять под свою опеку и Чехова, который за копейки продал права на все свои еще не написанные книги издателю Марксу, но Чехов не решается нарушать подписанные договоры. Кроме того, он все сильнее завидует успеху друга.

Сам Горький зарабатывает больше других, однако большую часть своего состояния он отдает друзьям-марксистам.

Три жены

Отношения внутри Художественного театра далеки от идеальных. Савва Морозов уделяет ему все свое внимание – даже ценой конфликта с женой, – но труппа все равно воспринимает его как далекого от искусства богача, который почему-то хочет вмешиваться в их дела. Ольга Книппер, главная звезда, пишет мужу: «Савва Морозов повадился к нам в театр, ходит на все репетиции, сидит до ночи, волнуется страшно. Мы все, конечно, острим. Я думаю, что скоро будет у нас дебютировать, только не знаю еще в чем».

Савва Морозов этого не замечает, зато его жена крайне придирчива. Зинаида Морозова обижается на труппу МХТ за то, что и к мужу, и к ней они относятся только как к источнику денег, без какого-либо уважения. К примеру, актер Вишневский прилюдно упрекает ее в том, что она слишком много денег тратит на свои наряды, в то время как можно было бы все их отдать театру.

«На него, по-моему, там смотрели как на человека, который мало понимает в искусстве, а нашел себе игрушку, которой и занимается, – вспоминает Морозова. – Это было не так, Савва Тимофеевич во всякое дело, которым занимался, вкладывал всю свою душу. Вот этой души в театре не понимали, большинство из них смотрело на него как на богатого купца, который хочет заняться театром от скуки».

Больнее всего Зинаиде то, что ее муж почти не скрывает своего романа с Марией Андреевой. Морозова вспоминает, что ей в МХТ предлагают должность ответственной за «туалеты актрис»: «Я не согласилась, так как мне было ясно, что все это приглашение для того, чтобы ближе привязать Савву Тимофеевича к театру. Тогда нашли другой подход…»

Морозова, конечно, ошибается, считая что, обольщая ее мужа, Андреева выполняет задание театра. Это ее личный план – к примеру, Станиславский возмущается поведением актрисы. «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам – исключительные, – пишет режиссер Андреевой. – Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву. Но знаете ли, до какого святотатства Вы доходите? Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы ради актерского тщеславия рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоянию, вносит целый капитал ради спасения кого-то. Если

бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы бы согласились со мной».

Впрочем, Маруся вовсе не расчетливая женщина. Она, конечно, искренне ценит Морозова, пользуется его деньгами для финансирования и театра, и деятельности революционеров. Но, влюбившись в другого, не задумываясь бросает миллионера. Тем более что новый любовник – это сам Горький.

Савва Морозов искренне восхищается писателем и не мешает разворачивающемуся у него на глазах роману.

Осенью 1903 года слава Горького достигает своего апогея. В этот момент писатель предлагает развод своей жене Екатерине Пешковой, с которой они давно уже не живут вместе. Официально, впрочем, они так и не разведутся, и близкие дружеские отношения между супругами сохранятся до конца. Письма Горького Екатерине Пешковой – это самые искренние тексты из всего его литературного наследия, они наиболее подробно описывают его жизнь и все, что по-настоящему волнует писателя.

На новогодней вечеринке в МХТ в декабре 1903 года они с Андреевой объявляют, что отныне собираются жить вместе и считают себя мужем и женой. Хотя официально Андреева тоже замужем, у нее есть сын.

По случаю «помолвки» Горький дарит своей новой гражданской жене рукопись поэмы «Человек». Андреева протягивает рукопись помощнику Горького Александру Тихонову: «Милый, спрячьте это пока у себя… Мне некуда положить». Но книгу перехватывает Савва Морозов. Открывает и читает дарственную надпись: в ней сказано, что у автора поэмы крепкое сердце, из которого актриса вполне может сделать каблучки для своих туфель.

«Так… так… новогодний подарок! Влюбилась?» – говорит Морозов, глядя на счастливое лицо своей возлюбленной Андреевой, вспоминает Тихонов. Морозов вытаскивает свой золотой портсигар и начинает закуривать папиросу – но не с того конца.

«Конец Горького»

Даже после того, как Маруся уходит от Морозова к Горькому, она не теряет своего влияния на миллионера. Морозов продолжает о ней заботиться, он по-прежнему восхищается Горьким и все еще финансирует большевиков. Удивительно, но Морозов – едва ли не единственный друг, который остается рядом с Горьким и Андреевой.

Против новой поэмы «Человек» выступают едва ли не все прогрессивные литераторы, вчерашние друзья Горького. Его главный поклонник, Владимир Короленко, открывший Горького широкой публике, пишет разгромную статью, в которой обвиняет писателя в ницшеанстве. «Не люблю я, когда Горький, точно священник, выходит на амвон и начинает читать проповедь своей пастве, с церковным "оканьем"», – говорит Чехов, который совсем недавно был готов биться за избрание Горького академиком. То же самое говорит в газетном интервью и Толстой: «Упадок это, самый настоящий упадок; начал учительствовать, и это смешно…» Наконец, авторитетный литературный критик Дмитрий Философов пишет, что поэма «Человек» – это «конец Горького».

Одновременно у Андреевой начинаются конфликты в театре. Она возмущена тем, что лучшие роли достаются не ей, а Книппер, грозит уходом, потом объявляет, что уходит в долгосрочный отпуск. «Вы отрекаетесь от этого почетного положения, которому больше всего завидуют лучшие провинциальные артисты, и добровольно становитесь в их ряды», – пишет ей Станиславский в феврале 1904 года.

Андрееву не пугают угрозы режиссера. Они с Горьким планируют создать собственный театр, причем на деньги все еще верного Морозова. Она даже начинает переманивать туда актеров из труппы Станиславского. Впрочем, безуспешно: никто из звезд МХТ за ней не уходит.

«Бесит своими куцыми взглядами»

Наладив выпуск газеты в Мюнхене, марксисты возвращаются к мысли о создании партии: тем более что их конкуренты – народники, ставшие эсерами, – к созданию своей партии уже приступили. Но если кружкам эсеров удалось объединиться, то марксисты из-за зашкаливающих амбиций все силы тратят на внутреннюю борьбу. И Плеханов, и редакция «Искры» все свое красноречие направляют на то, чтобы разгромить соперников, в том числе Петра Струве, еще недавно написавшего манифест РСДРП. Теперь догматики упрекают его в том, что он отошел от чистого марксизма и стал либералом. Особенно усердствует давний приятель и критик Струве, редактор «Искры» Владимир Ульянов – сменивший теперь псевдоним «Петров» на «Фрей».

Фрей так старается, что даже Плеханову не по себе. «Тон его по отношению к либералам и либерализму в России слишком недоброжелателен. Третировать их так, как он, не годится», – беспокоится Плеханов, который, впрочем, и сам регулярно пишет статьи, упрекающие Струве в неправильной идеологии.

Марксисты в изгнании начинают писать программу партии – и тут ссора разрастается. Плеханова категорически не устраивает проект Фрея, он грозит товарищам, что если редакция «Искры» будет настаивать, то он «вынужден будет заявить, что считает его неудовлетворительным». Более того, между амбициозными Плехановым и Ульяновым начинается личная неприязнь. «Фрею я не пишу, он бесит меня своими куцыми взглядами», – сообщает Плеханов последователям.

Фрей игнорирует советы товарищей по редакции «Искры» так же, как раньше игнорировал критику народников. Он настаивает, чтобы его тексты публиковались без чьих-либо правок. Особенно это бесит даже не Плеханова, который далеко, в Женеве, а Мартова. Коллеги Фрея вынашивают план выгнать упрямца из редакции – потому что ужиться с ним невозможно. Их раздражает высокомерие Фрея, который считает, что работает лучше и больше всех, а другие члены редакции, например Потресов или легендарная Вера Засулич, пишут плохо и мало. И хочет их из редакции исключить.

В таком настроении русские марксисты собираются на свой первый слет – они называют его «вторым съездом РСДРП», памятуя о «первом съезде», все участники которого были арестованы в Минске шестью годами

раньше.

Великий раскол

На съезде марксистов в Брюсселе собирается 43 человека. Председателем выбран, конечно, Плеханов. Одним из его заместителей – редактор «Искры» Ульянов, он же Фрей, который недавно изобрел себе еще один псевдоним – Ленин. Участники тут же начинают ругаться – их не останавливает даже бельгийская полиция, которая приходит в помещение и вежливо просит русских революционеров покинуть страну. Русские организованно садятся на пароход, отплывают в Англию – и через неделю продолжают ругаться в Лондоне. Правда, до Англии доезжают не все – если в брюссельском съезде участвовали еще и представители БУНДа, то уже в Лондон они не едут.

Одна из причин ругани – партийная газета «Искра», кто будет ею руководить. В самом начале съезда Ленин-Фрей выступает с предложением сократить редколлегию до трех человек. Это предложение неожиданно поддерживает Плеханов. Если в редколлегии останутся трое, значит, ими будут Мартов, Ленин и Плеханов – и тогда Плеханов установит контроль над редакцией, станет единственным арбитром в вечной ссоре Мартова и Ленина.

Плеханов – лидер партии, большинство съезда поддерживает это предложение. Сказывается и отсутствие БУНДа – они поначалу поддерживали Мартова в его спорах с Лениным и тем самым обеспечивали ему большинство. Но БУНД до Англии не доехал, и большинство оказалось у Плеханова и Ленина.

Решение принято. Мартов закатывает скандал, подбивает всю прежнюю редколлегию (кроме Ленина, конечно) покинуть съезд в знак протеста – мол, они оскорблены недоверием к себе.

Удивительно, но именно эта ссора окажется исторической – из-за мелочи произошел раскол не менее принципиальный, чем вражда суннитов и шиитов или расхождение католиков и православных. В результате этой размолвки российские марксисты разделятся на большевиков и меньшевиков.

Миротворцем пытается выступить 23-летний Лев Троцкий (по кличке Перо): он предлагает заново переизбрать старую редакцию – чтобы никого не обижать. Троцкий – внештатный корреспондент газеты, самый молодой ее сотрудник. В течение нескольких месяцев перед съездом Ленин пытается ввести Перо в редакцию, рассчитывая, что благодарный юноша будет его во

всем поддерживать. Но уже на съезде Троцкий выступает против Ленина – ему симпатичны старики, а резкость и грубость Ленина его отталкивают.

Но съезд голосует против компромисса, предложенного Троцким. Мартов говорит, что прежней «Искры» больше не существует, газета должна поменять название и никто из прежней редакции (за исключением интригана Ленина-Фрея конечно) в состав новой редакции не войдет – не стоит даже их уговаривать, «это было бы незаслуженным оскорблением». Идут выборы новой редакции. 23 голоса получает Плеханов, 22 – Мартов и только 20 – Ленин. Но Мартов отказывается быть редактором.

Сразу после этого марксисты впервые выбирают ЦК своей партии, большинство в котором получают сторонники Ленина, а друзья обиженного Мартова имеют меньшинство. Именно от этих слов и возникнут позже большевики и меньшевики.

Ленинцы и мартовцы

Раскол партии случился не из-за идеологических разночтений, а просто из-за личной неприязни и тяжелых характеров трех человек: авторитарного Плеханова, обидчивого Мартова и грубого, вспыльчивого Ленина. Плеханов встал на сторону Ленина, возможно, из зависти к слишком большому влиянию Мартова в «Искре». Мартов был слишком уязвлен, чтобы идти на компромисс. А Ленин бросился на противников так рьяно и яростно, как будто хотел их уничтожить.

Поначалу никто из поссорившихся не думает, что это навсегда. И слова «большевики» и «меньшевики» тоже еще не в ходу. Ленин называет противников «мартовцами» и «меньшинством», а Мартов сторонников Ленина – «ленинцами».

Через месяц после съезда Ленин даже пытается помириться. «Я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, "бешено", я охотно готов признать пред кем угодно эту свою вину, – если следует назвать виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой, – пишет он своему давнему другу Потресову, теперь занявшему сторону Мартова. – Но я решительно не могу видеть в результатах ничего, ровно ничего вредного для партии и абсолютно ничего обидного или оскорбительного для меньшинства. Конечно, обидно не могло не быть уже то, что пришлось остаться в меньшинстве… Мы политически (и организационно) разошлись с Мартовым, – как расходились с ним десятки раз».

Многие даже не воспринимают эту ссору всерьез. Тот же Плеханов, зная истеричность Мартова и задиристость Ленина уже не первый год, уверен, что он еще их помирит.

Политический курорт

Летом 1903 года, ровно в то же время, когда марксисты собираются в Брюсселе, к их бывшему товарищу Петру Струве из России приезжают новые друзья. Струве и его спонсор Жуковский приглашают двадцать человек: десять членов земских собраний и десять представителей творческой интеллигенции. Среди гостей – самые известные земцы страны: политики из Твери Иван Петрункевич и Федор Родичев, член Тамбовской земской управы и университетский профессор Владимир Вернадский, князья Шаховской и Долгоруков. Из творческой интеллигенции, кроме самих Струве и Жуковского, здесь знаменитые писатели и философы Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семен Франк.

Большая компания едет в Европу вовсе не отдыхать – они планируют создать первую в России либеральную оппозиционную партию. В качестве туроператора выступает все тот же Дмитрий Жуковский. Он наметил такой маршрут: 2 августа они встречаются в швейцарском городе Шаффхаузене, неподалеку от важной туристической достопримечательности – Рейнского водопада. Посмотрев на водопад, путешественники-либералы направляются в соседний курортный городок Зинген, уже на территории Германии. На следующий день они переезжают в Рудольфцелль, где для них тоже зарезервирован ресторан. И последний пункт – курорт Констанц на берегу Боденского озера.

Гости из России очень стараются максимально конспирироваться (хотя, конечно, их все равно выслеживают): куда тщательнее, чем, например, революционеры-марксисты. Это понятно – либералам есть что терять, они не эмигранты, живут в России, у них есть положение, работа. И они совсем не революционеры: «Надо приучать смотреть на нас как на сторонников законности и порядка», – говорит князь Долгоруков, член Московского земского собрания. При этом никто из них не ожидает скорого успеха. Когда князь Шаховской прогнозирует, что уже через два года удастся добиться введения парламента, ему никто не верит.

Либеральная оппозиция в России была всегда – умеренные противники действующей власти постоянно появлялись внутри элиты. Однако никогда прежде либералы не объединялись в партию. Несколько обедов на курортах Боденского озера в Германии летом 1903 года стали первым съездом российских либералов. Которые все же пока не рискуют учреждать партию, но договариваются создать объединение независимых

кружков – Союз освобождения.

Самый обсуждаемый в те дни вопрос: как относиться к другим оппозиционерам, марксистам и эсерам? «У нас нет врагов слева», – настаивает самый авторитетный из участников съезда, 59-летний Иван Петрункевич.

Большинство хочет объединить всех противников режима; именно поэтому они и делают выбор в пользу «союза» – чтобы дать возможность прочим диссидентам присоединяться к нему, не покидая собственных партий. Против выступает Струве – его вовсю травит марксистская печать, и он считает, что с ними договориться не получится: «Начать полемику очень легко, даже очень соблазнительно. Но остановиться, начав ее, совершенно невозможно: скажут, струсили, нет доводов, разбиты. А между тем в нашем распоряжении не может быть столько ругани, как у наших противников, в особенности социал-демократов».

Разъезжаются участники съезда с чувством, что совершили историческое дело. «Союз освобождения должен идейно и организационно объединить широкие слои стремящихся к свободе и самодеятельности русских людей, – пишет Струве после окончания встречи. – Это будет не революционный кружок, а организация, неискоренимо живущая в умах всех поборников освобождения и проявляющая себя в их борьбе словом и делом за великую национальную задачу времени».

Война и Германия

Поразительно, что летом и осенью 1903 года так много знаменитых русских собираются в Германии. Это не только члены новоиспеченного Союза освобождения, путешествующие вдоль Боденского озера, и редакция «Искры», издающейся по соседству, в Мюнхене. На 300 км севернее, в Дармштадте, отдыхает и сам император Николай II – вместе с молодой женой он приехал на ее родину, навестить ее брата Эрнста Людвига, герцога Гессенского.

В Петербурге тем временем говорят о возможной войне с Германией: все упирается в вечное соперничество Германии и Франции, поэтому в случае, если между Берлином и Парижем вспыхнет искра, Россия должна будет поддержать своих союзников и кредиторов – французов.

Уже принято решение, что в случае войны с Германией великий князь Николай Николаевич, двоюродный дядя царя, станет главнокомандующим германским фронтом, а военный министр генерал Куропаткин возглавит австрийский фронт. Двое военачальников успевают даже переругаться в процессе подготовки к возможной войне: великий князь требует проведения новых железных дорог на западе страны, чтобы подвозить продовольствие войскам, а военный министр Куропаткин препятствует.

Все это не мешает отдыху императорской семьи. В сентябре Николаю II сообщают, что его троюродный брат, кайзер Вильгельм, смущен тем, что русский император так давно находится в его империи и при этом ни разу с ним не встретился. 23 октября сам Вильгельм приезжает навестить царскую семью в Дармштадт – а они даже не встречают его на вокзале.

Кайзер, как обычно, подталкивает кузена Ники к более активному освоению Дальнего Востока – ведь тот – «адмирал Тихого океана». Эта идея русскому императору нравится. Успех в Китае очень воодушевил царя, он хочет славы и, если бы не активная экспансия на Дальнем Востоке, непременно начал бы думать о завоевании Индии или Турции, считает министр финансов Сергей Витте.

Экономическая экспансия вокруг Дальневосточного наместничества продолжается, сторонник освоения Желтороссии Безобразов пользуется максимальным доверием императора. Продолжаются переговоры с Японией, которая страшно уязвлена тем фактом, что Россия оккупировала Квантунскую область Китая, – но нехотя. К Японии никто не относится всерьез, ее считают маленькой отсталой страной, которая даже

теоретически не может тягаться с Россией. В соответствии с этим надменным предубеждением Россия и ведет переговоры: в Токио месяцами ждут ответа из Петербурга на свои ноты. Отчасти проблема заключается в излишней самонадеянности императора и некомпетентности чиновников. Министр иностранных дел не отвечает японскому МИДу, потому что император поручил переговоры не ему, а наместнику на Дальнем Востоке. Наместник не отвечает, потому что должен согласовать свои ноты с императором. При этом наместник находится во Владивостоке, а император отдыхает в Дармштадте.

Сам факт этих переговоров в России никому не важен и не интересен, зато в Японии за ними внимательно следит пресса и негодует. Японское общество очень уязвлено тем фактом, что японские власти вынуждены вести переговоры с каким-то чиновником по фамилии Алексеев, наместником русского царя на Дальнем Востоке.

Витте вспоминает такую сплетню, объясняющую, каким образом морской офицер Евгений Алексеев добился столь высокой должности. Якобы в молодости он сопровождал великого князя Алексея (сына Александра II, дядю Николая II) в кругосветном путешествии. В марсельском борделе великий князь учинил пьяный дебош и был задержан полицией. Но на следующий день в участок явился офицер Алексеев, который уверял, что это он буянил прошлой ночью, – а полицейские просто перепутали имя Алексей и фамилию Алексеев. За это офицер был оштрафован и навсегда завоевал расположение великого князя, который в 1881 году стал главным начальником русского флота. Благодаря протекции дяди императора карьера Алексеева стремительно развивается. Сначала он становится наместником на Дальнем Востоке. Потом становится главнокомандующим, при том что, как язвительно замечает Витте, не умеет держаться верхом и боится лошадей. Есть еще одна версия, также будоражащая умы общества, будто Алексеев – внебрачный сын Александра II.

«Уф»

В начале августа 1903 года к министру финансов Сергею Витте приходит статс-секретарь Александр Безобразов, ближайший советник императора и главный вдохновитель его дальневосточных фантазий. Он доверительно сообщает, что если министру нужно встретиться с императором, то следует ехать на Путиловский завод, где Николай II скоро будет осматривать производство миноносцев. Искушенный аппаратчик Витте вдруг не сдерживается и отвечает грубостью: всегда готов увидеться с императором, но только если тот его вызовет, а по указке Безобразова никуда не поедет.

Безобразова Витте явно ненавидит – неудивительно, ведь еще несколько лет назад Витте сам считался главным специалистом по Дальнему Востоку, но уступил новому статс-секретарю былое влияние на императора и видится с ним теперь крайне редко. В воспоминаниях Витте старательно выставляет Безобразова полным идиотом. Он пишет, будто бы даже жена Безобразова публично удивлялась: «Не понимаю, как Саша мог приобрести такой политический вес, неужели никто не понимает, что он полупомешанный?» Этот пассаж в воспоминаниях Витте выглядит не очень правдоподобно и характеризует скорее самого автора, который с удовольствием пересказывает сплетню про своего политического противника.

Витте не едет на Путиловский завод, и только в середине августа император сам вызывает его к себе в Петергоф вместе с председателем Госбанка Плеске. Они оба недоумевают, зачем Николай впервые в жизни вызвал председателя Госбанка? В разговоре всплывает деталь: Эдуард Плеске в обозначенный день был на Путиловском заводе и виделся с царем.

Во время аудиенции император сообщает Витте, что решил его повысить до председателя комитета министров, а министром финансов назначить Плеске. Витте благодарит и отвечает, что намного полезнее он окажется на прежней должности. Все понимают, что председатель комитета министров – должность церемониальная, в управлении страной не играет важной роли. Комитет министров не является полноценным правительством, каждый его член самостоятельно докладывает императору о положении дел. Перевод с важнейшей должности министра финансов на церемониальную должность председателя комитета – это пенсия. То есть фактически император отправляет Сергея Витте на покой.

После разговора с Николаем II опальный министр идет к его маме – пожаловаться и попросить заступничества. Вдовствующая императрица Мария Федоровна пытается его утешить, вспоминает, что Александр III очень любил Витте, но просить за него не собирается.

Потом Витте пытается узнать, что император сказал приближенным, когда отправил его в отставку. И ему передают, что после ухода Витте Николай лишь с облегчением выдохнул: «Уф».

В воспоминаниях Витте уверяет, что был уволен исключительно из-за своих взглядов на Дальний Восток: мол, он был против войны и настаивал на переговорах с японцами.

У Витте на самом деле много влиятельных врагов: это и великий князь Сандро, и Плеве, и Безобразов. Более того, Витте уверен, что Плеве регулярно докладывает императору, что министр финансов – заговорщик и едва ли не революционер. «Плеве знал, что я не дам хода его полицейским вожделениям, крайне революционировавшим Россию, а потому, чтобы сохранить пост министра внутренних дел, он во что бы то ни стало решил меня устранить», – пишет Витте. Сам император не выносит Витте за чрезмерную амбициозность и любовь к интригам.

Перевод на незначительную должность глубоко оскорбляет Витте. Он раздосадован тем, что за особое мнение по дальневосточному вопросу наказали только его, а не его единомышленника, министра иностранных дел графа Владимира Ламздорфа. Больше всего он обижен на императора: «Коварство, молчаливая неправда, неумение сказать да или нет и затем сказанное исполнить, боязненный оптимизм – все это черты отрицательные для Государей, хотя не великих, – напишет он несколько лет спустя о Николае. – Царь, не имеющий царского характера, не может дать счастья стране».

Рождение бонапартика

Неприязнь между 35-летним Николаем II и 54-летним Витте неизбежна. Министр не уважает императора, император знает об этом и не доверяет амбициозному министру. Их личные отношения еще сыграют роль в истории России.

Не менее важной для будущего страны окажется неприязнь между двумя другими мужчинами. У них похожая разница в возрасте; они тоже не доверяют друг другу и все время говорят друг о друге гадости, хотя на публике пытаются изображать взаимное уважение. Это 46-летний Георгий Плеханов и 32-летний Владимир Ульянов. Пожилой «глава» российской эмиграции с подозрением смотрит на амбициозного выскочку, который не выказывает ему должного пиетета.

В августе 1903 года Плеханов принял сторону Ульянова-Ленина в его ссоре с Мартовым. Когда несколько месяцев спустя он решает помирить врагов, неожиданно оказывается, что не только Мартов способен на истерики. Плеханов пытается восстановить прошлую редакцию «Искры», но на этот раз Ленин хлопает дверью. «Плеханов изменил нам, ожесточение в нашем лагере страшное; все возмущены, – пишет Ленин одному из товарищей. – Я вышел из редакции окончательно. "Искра" может остановиться. Кризис полный и страшный. Борьба за редакцию ЦО [Центрального Органа] проиграна безвозвратно в силу измены Плеханова».

Подобная риторика характерна для революционеров: любого оппонента немедленно клеймят как предателя – раньше так называли Струве, ставшего либералом, теперь Плеханова, принявшего сторону Мартова. Ленин окончательно уходит из «Искры», и начиная с ноября 1903 года газету редактируют Мартов и его команда. Ленин проиграл – товарищи смеются над его амбициями и обзывают «бонапартиком». Однако это еще не конец игры.

Последний бал

В январе 1904 года император приезжает в Петербург, и в столице начинаются балы «как ни в чем не бывало», пишет Витте. На одном из них к председателю комитета министров вновь подходит японский посланник и просит повлиять на МИД, который неприлично тянет с ответом в столь серьезной ситуации. Витте идет к графу Ламздорфу, но тот пожимает плечами: «Ничего не могу поделать, переговоры веду не я»[31].

Вечером 26 января в Зимнем дворце очередной большой бал. Он открывается полонезом из «Евгения Онегина» Чайковского. В первой паре – императрица и старшина дипкорпуса, посол Турции, вторая пара – император и супруга французского посла, потом сам маркиз с великой княгиней Михень, женой дяди царя, великого князя Владимира. На балу появляется и военный министр Куропаткин, которого любят журналисты, но не жалует высший свет.

Царь танцует среди своих подданных в обычном красном полковничьем мундире, почти не выделяется из толпы. «Николай II не чувствует себя хозяином, а скорее гостем, отбывающим по традиции какую-то повинность», – вспоминает капитан Алексей Игнатьев, молодой офицер, который «дирижирует балом», то есть произносит команды, которые помогают кавалерам выполнять нужные фигуры во время контрданса.

Зал украшен пальмами в кадках, вокруг которых сервированы столы для ужина. Эти пальмы, обмотанные в войлок и солому, специально к балу привозят в Зимний дворец из оранжерей Ботанического и Таврического садов. «Высший петербургский свет уже пресыщен роскошью, – вспоминает Игнатьев. – Что это за бал, на котором не выносятся корзины с розами… гвоздикой и сиренью прямо из Ниццы?»

Этот императорский бал окажется последним в истории России. Ночью становится известно, что японцы без предупреждения атаковали Порт-Артур. На время войны балы отменят, а спустя несколько месяцев императорская семья переедет из Зимнего дворца в Царское Село, в 35 км за городом. Там они начнут вести жизнь затворников – императорских балов уже не будет.

Новость о том, что Порт-Артур атакован, шокирует только что танцевавших офицеров: «Может ли иностранный флот атаковать нас без предварительного объявления войны? – вспоминает тогдашние

рассуждения Игнатьев. – Все это казалось столь невероятным и чудовищным, что некоторые были склонны принять произошедшее лишь как серьезный инцидент, не означающий, однако, начала войны».

Маленькая победоносная войнишка

Наутро столичных офицеров снова собирают в Зимнем дворце. Сначала молебен, потом появляется император в скромном пехотном мундире и, по воспоминаниям Игнатьева, «с обычным безразличным ко всему видом… только более бледен и более возбужденно, чем всегда» треплет в руке белую перчатку. «Мы объявляем войну Японии», – бесстрастным голосом говорит он. Раздается «ура». Правда, Игнатьев замечает, что возглас довольно казенный, очень немногие вызываются ехать на войну добровольцами. Тем же, кто вызывается, «война кажется короткой экспедицией, чуть ли не командировкой». Чтобы привлечь добровольцев, через месяц после начала войны Плеве даже выпустит указ, обещающий помилование заключенным, которые готовы идти в солдаты.

Витте вспоминает, что в этот день император и императрица едут в гости в открытой коляске и проезжают мимо его дома на Каменноостровском проспекте. Председатель комитета министров выглядывает в окно – и император, поравнявшись с домом, тоже поворачивается в сторону опального министра. «У него было выражение и осанка весьма победоносные, – вспоминает Витте. – Очевидно, произошедшему он не придавал никакого бедственного значения в смысле бедственном для России».

Каждый министр по-своему пытается завоевать расположение воюющего императора. Глава МВД Плеве приказывает немедленно организовать патриотические митинги по всей стране. А военный министр Куропаткин, давно заметивший, что он уже не в фаворе, идет ва-банк и обиженно просит уволить его – и отправить на фронт. «Как это ни странно, но в этом отношении вы, пожалуй, правы», – отвечает Николай II, который всегда больше прислушивается к советчикам, не занимающим никаких государственных постов. Во всех чиновниках он видит соперников, претендующих на часть его личной царской власти.

Витте вспоминает, что патриотические митинги Плеве не пользовались популярностью. Тем не менее Плеве остается самым влиятельным чиновником в стране. «Алексей Николаевич, вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» – так, по воспоминаниям Витте, говорит Плеве уволенному Куропаткину (по другим свидетельствам, Плеве даже произносит слово «войнишка»). По воспоминаниям одного из

подчиненных Плеве, однажды на совещании в МВД министр обрушился на своего зама Лопухина, который усомнился в благоприятном исходе войны: «Неужели для вас не ясна следующая арифметическая задача: что больше, пятьдесят или полтораста миллионов населения?»

Неизвестно, произносил ли Плеве словосочетание «маленькая победоносная война», но эта фраза надолго станет определяющей в российской политике. Не исключено, что Витте это и вовсе выдумал – потому что впервые в печати она появится уже после смерти Плеве. Впрочем, хотя с японской «маленькой и победоносной» ничего и не получилось, последователи Плеве вновь и вновь будут пробовать разыграть тот же сценарий в XX и XXI веках.

Макаки, медведи

Русско-японская война становится одним из первых в мировой истории примеров полномасштабного информационного противоборства. Вся международная пресса изо дня в день публикует карикатуры на Николая II и изображения русского медведя, который разбушевался и полез на маленькую Японию. Особенно усердствуют американские СМИ. Никогда прежде американская печать так остро не реагировала на войну, в которой не участвуют США. Но в этом случае симпатии американской аудитории всецело на стороне японцев.

Характер карикатур меняется по ходу военных действий: сначала огромный русский медведь (или осьминог) нападает на маленькую Японию, а потом уже маленький Николай II в костюме борца сумо растерянно пытается противостоять здоровенному японскому сумоисту.

Российская пресса находится в аналогичном патриотическом угаре. Вот пример обычного стишка в сатирическом журнале:

Недоумевает
Богатырь-казак:
Кто так злобно лает?
Нет кругом собак!
Бег сдержал он конский,
Слез с коня, глядит:
То щенок японский,
Нос задрал, визжит!

В российской прессе японцев называют в основном «макаками», причем Витте утверждает, что это сравнение придумал сам император. Поначалу он в резолюциях своей рукой пишет, что «макаки» должны быть разбиты. Это слово подхватывают газеты, в первую очередь те, что существуют на государственные субсидии.

Патриотизмом заражаются даже русские политические эмигранты, живущие в Европе. Павел Милюков вспоминает, что в день, когда в Англию пришли первые телеграммы о нападении японцев на Порт-Артур, он приезжает в Брайтон, в гости к патриарху русской эмиграции, классику анархизма Петру Кропоткину. 61-летний Кропоткин пребывает в страшном

волнении и негодовании из-за коварства японцев. «Я ожидал всего, только не этого, – вспоминает удивленный Милюков, – как могло случиться, что противник русской политики и вообще всякой войны оказался безоговорочным русским патриотом?»

Двоевластие

Ура-патриотический фон так силен, что Николай II решает отправить на фронт Куропаткина, которого привечает пресса, назначив его командующим армией. При этом император использует свою излюбленную систему сдержек и противовесов: наместника Алексеева он тоже не увольняет, тот остается главнокомандующим. То есть одновременно во время войны сосуществуют главнокомандующий и командующий армией, полномочия которых распределены очень смутно.

Витте вспоминает, что вечером накануне отъезда на Дальний Восток Куропаткин заходит к нему в гости. Сначала он рассказывает о своей тактике: поскольку Россия к войне совершенно не готова, все войска сосредоточены в европейской части, а не на границе с Китаем, армии придется отступать. И лишь когда русские отойдут к Харбину, на Дальний Восток прибудет достаточное подкрепление, армия перейдет в контрнаступление и разгромит японцев.

Витте поддерживает замысел: «Другого плана быть не может, так как мы к войне не приготовлены, а Япония к ней приготовлена». На прощание Куропаткин просит у Витте совета. «Я мог бы вам дать хороший совет, но только вы его не послушаете, – говорит Витте. – Приехавши в Мукден, я бы послал состоящих при мне офицеров к главнокомандующему [Алексееву], приказав этим офицерам арестовать главнокомандующего. Ввиду того престижа, который вы имеете в войсках, на такой ваш поступок не будут реагировать. Затем бы я посадил Алексеева в тот поезд, в котором вы приехали, и отправил бы его под арестом в Петербург и одновременно бы телеграфировал Государю Императору следующее: Ваше Величество, для успешного исполнения того громадного дела, которое на меня наложили, я счел необходимым прежде всего арестовать главнокомандующего и отправить его в Петербург, так как без этого условия успешное ведение войны немыслимо; прошу Ваше Величество за мой такой дерзкий поступок приказать меня расстрелять, или же в видах пользы родины, меня простить».

«Вот, Сергей Юльевич, вы всегда шутите», – улыбается в ответ Куропаткин. Витте продолжает, что существующее двоевластие – залог всех будущих военных неуспехов. «Вы правы», – отвечает Куропаткин. На следующий день он уезжает на Дальний Восток. Но совету Витте он, конечно, не последует.

«Зачем мы забрались сюда?»

Капитан Игнатьев, недавно дирижировавший балом в Зимнем дворце, тоже едет на Дальний Восток добровольцем. Он вспоминает, что армия совсем не подготовлена к боям: «…оказалось, что ни один из предметов военного обмундирования и снаряжения мирного времени не был приспособлен к войне». Мундиры и кителя – узкие, без карманов, к тому же белого цвета, а вовсе не хаки, как у англичан, – на поле боя офицер немедленно становится легкой мишенью. Пальто очень холодные, сапоги на тонкой подошве, они и рвутся, и скользят. Качество военной формы такое, вспоминает Игнатьев, что уже через шесть месяцев войны вся русская армия превращается в толпу оборванцев.

С продовольствием тоже проблемы. Российская пищевая промышленность не производит консервов, богатые офицеры могут себе позволить английские, но солдатам такая роскошь недоступна.

Не лучше и качество подготовки самих российских солдат. Офицер Игнатьев вспоминает, что даже он, выпускник военной академии, в Маньчжурии впервые в жизни услышал звук разрывающейся гранаты. Офицеры подготовлены по старым нормам, русские военачальники в голове все время держат схемы сражений Наполеона и пытаются их повторить. К примеру, по уставу огонь из ружей полагается открывать только при сближении с противником, перед переходом в штыковую атаку. На большей дистанции рекомендовалось беречь патроны. «Не та пуля страшна, что летит, а та, что в дуле сидит» – так учили пожилые генералы, вспоминая легендарный случай во время Бородинской битвы, когда русский отряд обратил в бегство французов, даже не поднимая ружей. Эта наука уже давно устарела и стоит российской армии огромных потерь.

Часть солдат, отправленных на войну с Японией, – неграмотные крестьяне, часть – буряты и якуты, не говорящие по-русски. Военные действия идут на территории Китая, а местные жители часто вовсе не рады оккупировавшей их землю русской армии.

«Чем больше приглядывался я к этому городку [Мукдену], тем меньше понимал: что же нас гнало сюда, в Маньчжурию? – размышляет в воспоминаниях Игнатьев. – Чем хотели мы здесь торговать, какую и кому прививать культуру? Любая китайская фанза просторнее и чище нашей русской избы, а чистоте здешних дворов и улиц могут позавидовать наши города. Какие мосты! Каменные, украшенные древними изваяниями из

серого гранита! Они, как и многие другие памятники, говорят о цивилизации, которая насчитывает не сотни, а тысячи лет.

…Говорили также про недостаток соли, но и этого не было видно. Почта здесь работала лучше нашей. Правда, культура и в особенности нравы здесь были своеобразные, но при нашей тогдашней собственной культурной отсталости не нам было их переделывать. Зачем же мы забрались сюда?.. Желтый цвет зимнего маньчжурского пейзажа оживлялся в это время года небольшими темно-зелеными рощами – китайскими кладбищами. Эти рощи представляли собой для китайцев самую дорогую святыню… Невозможно было глядеть без возмущения и боли, как наши войска бесцеремонно вырубали эти рощи на дрова».

В штабе действующей армии царит страшный раздрай. Во-первых, Алексеев и Куропаткин ненавидят друг друга и пытаются друг от друга избавиться, постоянно телеграфируя в Петербург гадости. Алексееву не нравится план Куропаткина, он не хочет отступать – и это очень совпадает с настроением императора, тот тоже считает, что его солдаты должны только идти в атаку и только побеждать. При этом Николай отвечает и Куропаткину, и Алексееву, и каждому пишет свое.

Почти весь 1904 год Николай II путешествует по стране и напутствует войска, отъезжающие на фронт. Всюду он дарит полкам иконы, в том числе свежеканонизированного Серафима Саровского. По этому поводу Витте вспоминает популярную в тот момент злую шутку: «Мы японцев все хотим бить образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами, мы их образами, а они нас пулями».

31 марта, через два месяца после начала войны, на мине взрывается броненосец «Петропавловск». Гибнет около 650 человек, в том числе командующий дальневосточным флотом адмирал Степан Макаров и художник Василий Верещагин, приехавший и в эту горячую точку. Удается спасти только 80 членов экипажа, в том числе раненого великого князя Кирилла, двоюродного брата императора Николая. Через двадцать лет, уже после революции и смерти Николая, Кирилл провозгласит себя российским императором в изгнании.

Ненужная помощь земства

Российское общество болезненно реагирует на военные неудачи – никто не ожидал, что война окажется настолько сложной. В обеих столицах обсуждают плохое снабжение и отсутствие достойной медицинской помощи для раненых.

В феврале 1904 года земства выступают с инициативой – оказать помощь войскам, взять на себя сбор средств ради оказания помощи раненым и семьям убитых. Возглавляет общественную благотворительную организацию глава тульского земства князь Георгий Львов – сосед Льва Толстого, хороший друг семьи и убежденный толстовец. Он берет пример с учителя: когда двенадцатью годами ранее в Центральной России был голод, Толстой собирал пожертвования, ездил по бедствующим деревням и открывал бесплатные столовые. Львов следует примеру своего кумира. Сам Толстой японскую войну осуждает: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий народ обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать против своего благополучия, совести и религии» – так он комментирует события газете *North American*. Благотворительную деятельность Львова и других земцев Толстой, конечно, поддерживает.

Благотворительная общеземская организация – начало политической карьеры князя Львова, которая сложится куда ярче, чем у большинства его коллег. Именно Львов станет в 1917 году первым главой российского Временного правительства. Однако сейчас он еще не знаменит и очень умерен в своих взглядах.

Плеве крайне недоволен этой работой, считая, что Львов и прочие земцы лезут не в свое дело. По закону им положено заниматься бытом своих районов, а война с Японией – вопрос политический, значит, земства посягают на власть государства. Плеве выпускает распоряжение, запрещающее помощь раненым без предварительного согласования с МВД. Князь Львов, который только что, в апреле 1904 года, был принят императором и получил от него благодарность за свою благотворительную работу, поражен циркуляром Плеве. Организация выступает с письмом протеста, многие земства просто игнорируют решение МВД.

Плеве глубоко уверен, что земства – источник революционной заразы, поражающей российское общество. Еще до начала войны он нанес первый удар: запретил Ивану Петрункевичу, самому известному деятелю Твери, находиться в Тверской губернии, всего в результате репрессий более ста

сотрудников тверского земства были уволены с работы.

У Плеве действительно есть причина ненавидеть земцев: созданный на курортах Германии Союз освобождения развивается, и его идеи все более популярны среди земцев и российской интеллигенции. Еще в январе 1904 года в частных квартирах Петербурга прошел первый съезд этого нового либерального объединения на территории России и был избран руководящий орган – совет Союза освобождения, председателем которого стал опальный Петрункевич.

После акта неповиновения со стороны князя Львова война Плеве против земств становится тотальной. Новая жертва – лидер всех российских земцев Дмитрий Шипов. В апреле 1904 года в Москве проходят очередные выборы, и Шипов переизбран на новый срок в качестве главы московской губернской земской управы. Результат выборов по закону должен утвердить министр внутренних дел – и Плеве накладывает вето на кандидатуру Шипова.

Разражается скандал – из всех губерний Шипову идут письма. Московское земство сначала вновь избирает Шипова главой, но позже останавливается на выдвинутом им преемнике. Волнение захватывает всю страну, даже в самых отдаленных земствах идут протесты: земцы пишут смелые письма в поддержку Шипова и Львова. Меньше всего ситуация напоминает «небольшую группу смутьянов», в существование которой по-прежнему верит Плеве.

Продолжая наказывать диссидентов, глава МВД хочет отправить в ссылку ярославского земца князя Дмитрия Шаховского, известного либерала и издателя местной влиятельной газеты. Решение о высылке Шаховского не утверждает император – «из уважения к его предкам». Однако Плеве вызывает князя в Петербург и устраивает ему выволочку, говорит, что это последнее предупреждение – в следующий раз ссылка неминуема.

Журналистка Ариадна Тыркова, подруга детства Надежды Крупской и Нины Струве, в этот момент работает в журнале у Шаховского. Она вспоминает, что издатель возвращается после разговора с министром в бешенстве: «Плеве надо убить!» – повторяет он.

Молитва, чай и танцы

После ссылки Зубатова Георгий Гапон остается без покровителя и начинает действовать самостоятельно. Помимо постоянной работы священником в тюрьме, он на деньги, полученные еще от Зубатова, снимает квартиру на Выборгской стороне и устраивает клуб. Чайная работает с семи часов вечера до полуночи, в буфете действительно продаются только чай и минеральная вода, крепкие напитки запрещены. По средам и субботам рабочие собираются, чтобы обсуждать книги и статьи, иногда Гапон читает лекции о политике и экономике (на том уровне, на каком может), каждая встреча начинается и заканчивается молитвой. Свой клуб он называет «Собранием русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Его самого избирают председателем.

Гапон вновь решает играть с властью, опасаясь, что несанкционированную чайную закроют. Он отправляется к столичному градоначальнику, чтобы зарегистрировать собственную затею и получить поддержку. И как ни странно, получает ее – ему даже выделяют 60 рублей в месяц на книги и газеты, при условии что рабочие будут выписывать только консервативные издания.

Гапон, посвящающий клубу рабочих все свободное время, очень доволен своей организацией: ее участники говорят до рассвета, некоторые прямо из чайной идут на работу. «Я сознавал, что теперь моя жизнь не бесцельна и не бесполезна. О себе мне некогда было думать. От пересыльной тюрьмы я получал около двух тысяч[32] жалованья [в год] и отдавал их на дело. Одежда моя была в лохмотьях, но это меня не заботило. Дело шло великолепно, и, открывая собрание, я говорил рабочим, что основание нашего союза станет эпохой в истории рабочего движения в России, и если они напрягут все усилия, то станут орудием спасения для себя и для своих товарищей», – вспоминает он.

Один из старейших рабочих просит Гапона пригласить в клуб знаменитость – Иоанна Кронштадтского – для торжественного богослужения, но это предложение отвергнуто большинством голосов, многие рабочие не верят отцу Иоанну, потому что он «изображает из себя чудотворца».

Гапон разделяет скепсис в отношении Иоанна Кронштадтского, особенно его смущает предпринимательская деятельность популярного батюшки. По словам Гапона, отца Иоанна сопровождают «12 барынь,

большинство которых были жены или незамужние дочери купцов», оказывающие на него дурное влияние. «Каждая из них дежурит при нем по неделе и в это время направляет жизнь отца Иоанна, стараясь заручиться возможно большим числом богатых домов, посещение которых оплачивалось по очень высокой цене. Таким образом, его молитвы были чисто коммерческим предприятием; бедных же он посещал очень редко. Не думаю, чтобы это была его вина; но, как человек ограниченный, он стал орудием, в политическом смысле этого слова, в руках правящих классов. Он очень чувствителен к рекламе и хотя и раздает большие суммы, но очень богат, – вспоминает Гапон, – его щедрость и его влияние на толпу были развращающими. Особенно поражало его равнодушие ко всем предложениям выработать радикальные меры к улучшению быта нуждающихся и обездоленных».

Гапон рассказывает, что несколько раз он служил вместе с отцом Иоанном. Однажды после литургии священников позвали обедать: «Отец Иоанн и я сели, а толпа стала кругом нас на колени. Иоанн ел и пил с большим аппетитом, нисколько не стесняясь. Я также был голоден, но мое внимание было вскоре отвлечено тем, что, окончив тарелку или выпив стакан, отец Иоанн снова наполнял их и передавал их ближайшему к нему лицу, которое, благоговейно попробовав, передавало его следующему; таким образом тарелки и стаканы отца Иоанна обходили всю комнату. Зрелище это казалось мне унизительным».

Вскоре Гапон ссорится и со столичным митрополитом Антонием, своим покровителем, который сначала восстановил его в академии, а потом, в трудную минуту, после высылки Зубатова, нашел ему работу в тюремной церкви. С самого начала Антоний не одобрял идею чайной и даже хотел запретить Гапону становиться председателем этой организации

«Я знаю, – говорит Антоний, – что они хотят устраивать музыкальные вечера с танцами, и как можете вы, как священник и член церкви, иметь что-либо общее с такими затеями?» Гапон спорит: «Вы не можете отрицать того, что жизнь наших рабочих ужасна: у них нет никаких радостей, и они принимаются за пьянство. Надо им дать какие-либо здоровые развлечения, если мы хотим их сделать трезвыми и нравственными… Помощь народу – задача церкви. Я должен откровенно сказать, что если церковь не сблизится с народом, то пастырь скоро останется без паствы. Уже почти вся интеллигенция, имеющая влияние на народ, оставила церковь, и, если мы теперь не поможем массам, они также от нас уйдут».

Это не убеждает митрополита. Никто из духовенства на собрания рабочих не приходит. Зато с полицейскими и городским начальством у

Гапона ладится лучше – новый градоначальник Иван Фуллон сам приезжает посмотреть на рабочую чайную и даже позирует вместе с Гапоном и рабочими для парадной фотографии.

Полиция не сомневается в лояльности Гапона – ему предлагают крупную сумму на содержание организации, открытие филиалов по всей столице. «Как мне ни горько было принять даже и часть, но, чтобы отвлечь подозрения, я взял четыреста рублей[33] и внес эту сумму в наши книги как анонимный дар. Эти деньги были взяты из народного кармана и я их только возвращал тому, кому они принадлежали», – вспоминает Гапон.

Смертный приговор

Гершуни ждет суда недалеко от Петербурга в Шлиссельбургской крепости – главной тюрьме для особо опасных политических преступников. Несколько месяцев он мучительно готовится к встрече с предателями во время процесса и обдумывает, как себя вести с ними.

Из-за отказа Гершуни давать показания следствие затягивается, а дело начинает рассыпаться. Плеве приказывает сократить прописанную законом процедуру судебного следствия и ограничиться только жандармским дознанием. Судьи шокированы, получив дознание, и посылают все дело обратно, требуя нормального следствия. Только в феврале 1904 года, после девяти месяцев одиночного заключения, к Гершуни допускают адвоката Николая Карабчевского:

– Плеве еще у власти? Жив?

– Да. Но есть большие новости: вы знаете, что объявлена война?

– Война?! С кем?

– С Японией. Наши крейсеры взрываются, мы уже терпим поражения!..

– Вторая Крымская кампания? Порт-Артур – Севастополь?

– Похоже на то.

– А как страна, охвачена «патриотическим» угаром, жаждет сплотится с «державным вождем»?

– Да, не без того, конечно. Но все в значительной степени вздуто и искусственно. Война непопулярна. Никто ее не ждал и никто ее не хочет.

18 февраля начинается суд, который моментально вгоняет Гершуни в депрессию: «Душа кипит и к бою рвется… Слова, отравленные жгучим ядом народной ненависти, бросишь им в лицо и громко скажешь им то, чего они слушать не хотели, когда мы говорили там, на воле… На скамью поднимаешься, как на трибуну… Начинаешь оглядывать зал… Ни одного осмысленного, ни одного вдумчивого лица. Ни сочувствия, ни ненависти, ни злобы. Просто любопытство: вялое, холодное любопытство обывателя. В душу прокрадываются пустота и уныние. Настроение начинает падать. И это-то враги?.. Перед вами холодные, равнодушные люди, по долгу службы пошедшие на "суд" и мечтающие только о том, чтобы как можно скорее все это кончилось… "Судьи" скучают и рисуют лошадок… Неимоверных усилий требуется, чтобы заставить себя принимать участие в деле. К языку точно гири привешены и с громадным трудом выжимаешь из себя слова».

Процесс длится восемь дней. Григорьев и Качура дают показания против Гершуни. Он молчит.

В зале присутствует и один необычный гость – великий князь Андрей, двоюродный брат царя. Он единственный член царской семьи, который из любопытства приходит на процесс, чтобы понять, что движет террористами. Гершуни великий князь раздражает: «Бессменно сидит всю неделю и постоянно сосет какие-то леденцы», – вспоминает подсудимый. Но на князя Андрея прения производят глубокое впечатление. После них он подолгу разговаривает с адвокатом Карабчевским. «Я понял, что они не злодеи, а искренне верят в то, что делают», – делится великий князь.

На восьмой день суда оглашают приговор: смертная казнь. Ожидая ее, Гершуни читает Салтыкова-Щедрина, который поднимает ему настроение: «Какой бесконечный источник бодрости, любви и ненависти. Главное – жгучей, непримиримой, проникающей все существо ненависти к старому строю и беспредельной любви к страдальцу этого строя – трудовому народу. И непримиримость, хвалебный гимн непримиримой борьбе».

Через три недели в камеру приезжает председатель суда и сообщает приговоренному, что ему дарована жизнь. Гершуни в ужасе: «Когда все существо, все чувства и мысли после больших стараний направлены в известную сторону, в момент наивысшего напряжения и ожидания именно этой стороны, – вас поворачивают сразу, без предупреждения, в другую. Перейти неожиданно от смерти к жизни, быть может, еще более трудно, чем от жизни к смерти».

Предатель где-то рядом

За судом над Гершуни внимательно следят товарищи по партии в Женеве. Его арест ставит перед эсерами вопрос: кто теперь возглавит Боевую организацию? Гоц хочет взяться за дело сам, передав «Революционную Россию» и остальные оргвопросы Чернову, но остальные против: здоровье Гоца сильно пошатнулось после двух месяцев в сырой неаполитанской тюрьме.

Гоц давно рвется в Россию: «Я не выдержу этой жизни, – говорит он, – вы лишаете меня счастья умереть на эшафоте, и заставляете умереть здесь, на мирной койке, что будет незаслуженным мной несчастьем».

Однако Гершуни тоже считал, что Гоц важнее в Ницце, и перед отъездом говорил, что, «на всякий пожарный случай», если его арестуют, Боевую организацию должен возглавить его помощник Евгений Азеф.

И вот «пожарный случай» наступает. Виктор Чернов вспоминает, что Гоц очень переживает за судьбу партии и Боевой организации. Новый руководитель, Евгений Азеф, кажется ему «прыжком в неизвестность». В какой-то момент он даже предлагает всем ближайшим товарищам исходить из предположения, что в рядах партии есть предатель, а значит, всех нужно бесстрастно проверить: «каждый всех и все – каждого». Гоц чувствует неладное, но не подозревает никого конкретно. Тем более он не может заподозрить Азефа, которого «временным руководителем» назначил его любимый друг Гершуни.

В июле 1903 года, пока Гершуни сидит в Шлиссельбургской крепости, из Вологды за границу бежит ссыльный Борис Савинков. Образованный юноша и зять популярного писателя Глеба Успенского. Еще в 1902 году его осудили за участие в петербургской подпольной организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – и сослали в Вологду. Там-то и началась его настоящая революционная карьера. Сначала он познакомился с Бабушкой и вступил в партию эсеров. Новые товарищи помогли ему добраться до Архангельска, там он сел на пароход, доехал до Норвегии, через Осло и Антверпен добрался до Женевы и пришел к Гоцу.

24-летний Савинков говорит ему, что хочет принимать участие в терроре, потому что считает его самой важной частью революционной борьбы. Гоц предлагает Савинкову пожить в Женеве и подождать: Боевая организация после ареста Гершуни разгромлена, никакой террористической деятельности эсеры не ведут.

Савинков снимает квартиру в Женеве и терпеливо ждет несколько месяцев, изредка его навещает Бабушка, тоже переехавшая за границу. И вот, наконец, в августе 1903 года к нему приходит «человек лет тридцати трех, очень полный, с широким, равнодушным, точно налитым камнем, лицом, с большими карими глазами». Это Евгений Филиппович Азеф.

«Он протянул мне руку, сел и сказал, лениво роняя слова: "Мне сказали, вы хотите работать в терроре? Почему именно в терроре?"» – вспоминает Савинков.

Савинков рассказывает Азефу, что считает важнейшей задачей убийство министра внутренних дел Плеве. После первого свидания Азеф регулярно заходит к Савинкову, задает ему много вопросов, но сам молчит. Несколько месяцев спустя он дает ему команду возвращаться в Россию.

Убить Плеве

Именно Азеф разрабатывает план покушения на Плеве, который принципиально отличается от всех прежних операций Гершуни. Бойцы Гершуни, как правило, стреляли в своих жертв – и часто промахивались. Азеф решает действовать наверняка и использовать только взрывчатку, а от убийц-одиночек переходит к формированию сложных групп, которые тщательно выслеживают своих жертв. Фактически Азеф перенимает схему работы полиции, применяемую Плеве и Зубатовым, с ее тайными агентами и наружным наблюдением.

План состоит в следующем: известно, что Плеве живет в здании департамента полиции (Фонтанка, 16) и еженедельно ездит с докладом к царю, в Зимний дворец, Царское Село или Петергоф, в зависимости от времени года. Так как убить Плеве дома, очевидно, труднее, чем на улице, решено установить за ним постоянное наблюдение, чтобы вычислить, во сколько Плеве обычно выезжает и какими маршрутами ездит. После этого предполагается взорвать карету министра на улице бомбой. К слежке за министром привлекается несколько человек: один покупает пролетку и лошадь и устраивается в Петербурге легковым извозчиком, другой получает патент на продажу вразнос табачных изделий, чтобы продавать папиросы. Савинков становится руководителем группы.

Участники Боевой организации собираются в Петербурге. Но подготовка затягивается. Сначала исчезает Азеф – пообещав приехать из-за границы в течение нескольких дней, он не появляется больше месяца. Потом Савинков замечает слежку, вновь бежит за границу, ищет там Азефа. Встречаются Савинков и Азеф в Москве несколько месяцев спустя. Вот как описывает Савинков их встречу:

«– Как вы смели уехать из Петербурга?

Я отвечал, что уехал потому, что не было от него известий, и еще потому, что мой паспорт был установлен полицией.

Он нахмурился и сказал:

– Вы все-таки не имели права уехать.

– А вы имели право, сказав, что приедете через три дня, оставаться за границей месяц и больше?

Он молчал!

– Я был занят за границей делами.

– Мне все равно чем, но вы нас бросили в Петербурге.

Он молчал еще.

– Ваша обязанность была ждать меня и следить за Плеве. Вы следили?

Я рассказал ему то, что мы узнали о Плеве.

– Это очень немного. Извольте ехать назад в Петербург».

Первая попытка убить Плеве, 18 марта 1904 года, оказывается неудачной. Карету министра поджидают одновременно три террориста. Но никто не успевает бросить бомбу в тот момент, когда карета проезжает мимо.

Участники Боевой организации разъезжаются из Петербурга и начинают готовиться ко второй попытке, постоянно переезжая из одного города в другой, чтобы запутать следы. Савинков уезжает в Киев и там узнает, что член Боевой организации Алексей Покотилов подорвался в своем гостиничном номере. Ночью, собирая бомбу, он нечаянно разбил колбу с зажигательной смесью. Боевая организация лишается трех четвертей своего запаса взрывчатки, так что оставшегося хватит только на одну бомбу.

К этому моменту Азеф уже несколько недель не выходит на связь. Савинков уверен, что его арестовали, и решает бросить затею с покушением на Плеве – сделать это с одной бомбой невозможно, уверен он, – и вместо этого надо попробовать убить бывшего петербургского градоначальника, а теперь киевского генерал-губернатора Клейгельса, виновника «битвы у Казанского собора» 1901 года.

И тут к Савинкову неожиданно приходит Азеф. Он, как обычно, взбешен: «Что вы затеяли? К чему это покушение на Клейгельса? И почему вы не в Петербурге? Какое право имеете вы своей властью изменять решения центрального комитета?»

Савинков оправдывается, говоря, что Боевая организация молчит уже год, с ареста Гершуни, правительство считает ее разбитой, и если в партии нет сил для центрального террора, то необходимо делать, по крайней мере, террор местный, как его делал Гершуни в Харькове и Уфе. «Что вы мне говорите? – горячится Азеф. – Как нет сил для убийства Плеве? Смерть Покотилова? Но вы должны быть готовы ко всяким несчастиям. Вы должны быть готовы к гибели всей организации до последнего человека. Что вас смущает? Если нет людей – их нужно найти. Если нет динамита, его необходимо сделать. Но бросать дело нельзя никогда. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьем – его не убьет никто».

Террористы и поэты

Савинков возвращается в Петербург. Теперь он играет роль богатого англичанина, революционерка из Киева, 25-летняя еврейка Дора Бриллиант, изображает его жену, 25-летний эсер Егор Сазонов – лакея. Одноклассник Савинкова, 27-летний Иван Каляев, и еще несколько человек изображают извозчиков и торговцев папиросами. Все члены Боевой организации свято верят в то, что делают благое дело.

«Молчаливая, скромная и застенчивая Дора жила только одним – своей верой в террор, – вспоминает Савинков. – Любя революцию, мучаясь ее неудачами, признавая необходимость убийства Плеве, она вместе с тем боялась этого убийства. Она не могла примириться с кровью, ей было легче умереть, чем убить. И все-таки ее неизменная просьба была – дать ей бомбу… Она считала своим долгом переступить тот порог, где начинается непосредственное участие в деле: террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всею той жертвой, которую приносит террорист. Эта дисгармония между сознанием и чувством глубоко женственной чертой ложилась на ее характер. Вопросы программы ее не интересовали».

А вот воспоминания Савинкова о своем друге Каляеве: «Каляев любил революцию так глубоко и нежно, как любят ее только те, кто отдает за нее жизнь. Но, прирожденный поэт, он любил искусство. Когда не было революционных совещаний, он подолгу и с увлечением говорил о литературе… Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революционерам, были для него родными. Он не мог понять ни равнодушия к их литературным исканиям, ни тем менее отрицательного к ним отношения: для него они были революционерами в искусстве… К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву».

Егор Сазонов, по словам Савинкова, также верил в победу и ждал ее: «Для него террор тоже, прежде всего был личной жертвой, подвигом. Но он шел на этот подвиг радостно и спокойно, точно не думая о нем, как он не думал о Плеве. Он не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о "не убий"».

Вечер был чудный

Все члены Боевой организации собираются в Москве. Азеф разрабатывает план нового покушения, метать бомбы поручено Каляеву и Сазонову. Во время обсуждения Каляев, поначалу молчавший и слушавший Азефа, говорит:

– Есть способ не промахнуться.

– Какой?

– Броситься под ноги лошадям.

– Как броситься под ноги лошадям? – спрашивает Азеф.

– Едет карета. Я с бомбой кидаюсь под лошадей. Или взорвется бомба, и тогда остановка, или, если бомба не разорвется, лошади испугаются, – значит, опять остановка. Тогда уже дело второго метальщика.

Все молчат. Наконец, Азеф говорит:

– Но ведь вас наверно взорвет.

– Конечно.

План Каляева действительно гарантирует удачу, но Азеф против: «План хорош, но я думаю, что он не нужен. Если можно добежать до лошадей, значит, можно добежать и до кареты, – значит, можно бросить бомбу и под карету или в окно. Тогда, пожалуй, справится и один».

После этого Савинков и Сазонов идут гулять по Москве. Долго бродят, наконец садятся на скамейке в сквере у храма Христа Спасителя. «"Вот, вы пойдете и наверно не вернетесь, – начинает Савинков. – Скажите, как вы думаете, что будем мы чувствовать после… после убийства?" – "Гордость и радость", – отвечает Сазонов. "Только?" – "Конечно, только"».

Покушение назначено на 9 июля 1904 года, но оно срывается: Сазонов опаздывает. Следующая попытка – 15 июля. Сразу четыре террориста занимают места по маршруту следования Плеве. Сазонов бросает бомбу в карету.

Раздается взрыв – Савинков бежит к месту преступления. Он видит лежащего на земле Сазонова в луже крови. Ему кажется, что товарищ убит, а Плеве жив.

Император Николай II проводит этот день в Петергофе. В своем дневнике он записывает, что ранним утром ему сообщили «тяжелое известие об убийстве Плеве». Обычно сдержанный, в этот раз император даже фиксирует несколько своих мыслей: «Смерть была мгновенная. Кроме него убит его кучер и ранены семь человек, в том числе командир моей

роты Семеновского полка – тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра внутренних дел. Строго Господь посещает нас Своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг! На то Его святая воля! Тетя Маруся завтракала. Принял Муравьева, с подробностями этого мерзкого случая. Гуляли с Мамá. Покатался с Мишей в море. Обедали на балконе – вечер был чудный».

Глава 5
В которой императрица Александра и императрица Мария спорят, кто из них будет хозяйкой во дворце и в России

Новая вошь

30 июля 1904 года в Петергофе 32-летняя императрица Александра рожает мальчика. Его называют Алексеем. Семья счастлива. Рождение наследника – это окончание злоключений императрицы, которые чуть было не свели ее с ума.

Император забывает даже про войну на Дальнем Востоке, которая развивается не слишком удачно. Чтобы поднять боевой дух армии, всех солдат, воюющих в Маньчжурии, записывают крестными отцами юного цесаревича. Несколько недель Николай II не покидает жену и ребенка, почти не принимает никого из министров, много гуляет с матерью и собирает грибы.

За две недели до рождения ребенка в Петербурге убивают министра внутренних дел Плеве, но император не торопится с поиском преемника: новый министр будет назначен только через месяц. Председатель комитета министров Витте возвращается из европейского турне и привозит письмо от японского посла в Лондоне. Тот предлагает начать мирные переговоры, отмечая, что чем раньше Россия согласится, тем мягче будут условия. Одновременно командующий гарнизоном Порт-Артура генерал Роман Кондратенко пишет императору, что, начав мирные переговоры, можно было бы избегнуть многих серьезных проблем. Николай оставляет оба письма без ответа.

Получив известие о рождении наследника, общество ликует. Впрочем, не все. Алексей Суворин вспоминает историю, которую ему вскоре после рождения царевича рассказывает мебельщик: «Еду сюда с дачи по железной дороге. Разговор о новорожденном наследнике. Радуются. Вдруг какой-то господин очень громко говорит: "Странные какие русские. Завелась новая вошь в голове и будет кусать, а они радуются". Все разом так и притихли. До чего вольно разговаривают, так просто удивительно».

В тот же день император Николай II пишет письмо лучшей подруге жены, черногорской принцессе Милице: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за Его великую милость. Пожалуйста, передай каким-нибудь образом нашу благодарность и радость… Ему. Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники».

«Он», которому Милица должна передать благодарность царя, – это

французский экстрасенс Низье Филипп.

Все десять лет совместной жизни Ники и Аликс, предшествовавшие рождению сына, были абсолютным кошмаром для молодой императрицы. Только родив, наконец, наследника, она начинает чувствовать себя более уверенно. До этих пор она молча страдала от непонимания и враждебности петербургского двора, но теперь начинает бороться.

Бороться ради сына, которому, как она считает, предстоит стать русским императором. И если до 30 июля 1904 года императрица Александра не участвовала в российской политической жизни, то этот день все меняет. Она врывается на политическую сцену, чтобы защищать интересы цесаревича – как она себе их представляет.

Любимая внучка, будущая королева, жена Джека-потрошителя

Чтобы понять положение императрицы Александры, необходимо вернуться на четверть века назад. 5 ноября 1878 года Элис, дочь британской королевы Виктории и герцогиня Гессенская, услышала от одной из своих дочерей, что у нее не поворачивается шея. Дети шутили, что девочка заболела свинкой и «будет смешно, если она их всех заразит». Старшая дочь, 15-летняя Виктория, названная в честь бабушки, почитала младшим детям «Алису в Стране чудес» перед сном, а наутро ей поставили диагноз: дифтерия. Потом поочередно заболели остальные дети: шестилетняя Аликс, четырехлетняя Мари, десятилетний Эрнст, а затем и их отец Людвиг, герцог Гессенский.

16 ноября самая маленькая, Мари, умерла. Элис две недели скрывала смерть девочки от остальных детей. 7 декабря она заболела сама и всего неделю спустя также умерла.

Единственным членом семьи, кто не заболел, была вторая дочь Элис и Людвига – Элизабет (домашние звали ее Элла). В тот момент, когда семью поразила эпидемия, ее не было дома, она уехала на каникулы к бабушке, королеве Виктории, в Лондон. После смерти Элис бабушка забрала всех внуков к себе. Младшая, Аликс, стала ее любимицей. В Лондоне девочку стали называть Алике, а еще чаще – Sunny, «солнышко».

Первой красавицей в семье считалась Элла, в нее влюблялись едва ли не все заезжие принцы. Еще до смерти матери 12-летней Элле сделал предложение наследник германского престола, будущий кайзер Вильгельм II. Но она отказала. В 1884 году 19-летняя Элла вышла замуж за российского великого князя Сергея, младшего брата императора Александра III. Свадьба проходила в Зимнем дворце. Именно тогда младшая сестра Эллы, Аликс, впервые приехала в Россию и познакомилась с 16-летним Ники, наследником российского престола. Он приходится ей троюродным братом по отцу.

Аликс и Ники понравились друг другу, но они были еще детьми, и никто не воспринял их симпатию всерьез. Тем более что у бабушки Виктории были грандиозные планы на Аликс.

Когда внучке исполнилось 16 лет, королева Виктория, приглядевшись к ней, решила, что Аликс могла бы стать однажды полноправной хозяйкой Британской империи – то есть ее собственной преемницей.

Наследником Виктории в тот момент был ее сын Эдуард, принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. К тому моменту он был уже немолод, ему исполнилось 48, поэтому 70-летняя Виктория просчитывала на несколько шагов вперед. Наследником Эдуарда был его старший сын Альберт Виктор. К нему у Виктории было немало претензий. Принц был совершенно неспособен к учебе (с трудом читал и писал), у него был очень плохой характер, бабушку возмущало то, что он ведет «разгульную жизнь» – так королева писала о нём дочери. Чтобы урезонить потенциального наследника, Виктория решает подыскать ему порядочную жену: с сильным характером, которая могла бы держать мужа в ежовых рукавицах. На эту роль идеально подходит ее любимая Аликс.

В 1889 году Альберт Виктор, по настоянию королевы Виктории, делает Аликс предложение. Но тут на королевскую семью обрушивается скандал: лондонская полиция накрывает мужской публичный дом в Фицровии, на Кливленд-стрит. На тот момент гомосексуализм в Британской империи является уголовно наказуемым преступлением – виновным грозят исправительные работы и до двух лет тюрьмы. Оскар Уайльд будет приговорен по этой статье и отправится в тюрьму только через шесть лет.

Вскоре после облавы на Кливленд-стрит выясняется, что это был не обычный, а великосветский бордель. Одним из его клиентов был лорд Артур Сомерсет, начальник конюшен принца Уэльского. Расследование идет медленно и вяло, но время от времени подробности утекают в прессу. Ни одна британская газета не осмеливается упомянуть имя самого высокопоставленного подозреваемого – зато американская *The New York Times* прямо пишет, что в деле замешан и принц Альберт Виктор: в статье его называют «маленьким извращенцем», которого «нельзя допускать до британского трона».

Британские историки до сих пор спорят, пользовался ли Альберт Виктор услугами мальчиков-проституток. Некоторые утверждают, что это клевета. Оскар Уайльд считал, что это правда. Так или иначе скандал разгорается, и Аликс отказывает Альберту Виктору. Вместо помолвки принц отправляется в долгое путешествие в Индию. А Аликс едет в Россию навестить старшую сестру Эллу.

Спустя несколько десятилетий британские историки выдвинут еще одну, гораздо более мрачную гипотезу насчет пристрастий несостоявшегося мужа Аликс. Будто бы именно принц Альберт Виктор был таинственным маньяком-убийцей Джеком-потрошителем.

Брак Эллы оказался несчастливым. Несколько лет спустя, когда ее муж

великий князь Сергей станет московским генерал-губернатором, вся Москва будет судачить о его гомосексуальности. Впрочем, вся дальнейшая судьба Эллы сложится трагически: после убийства мужа она оставит свет и организует Марфо-Мариинскую обитель, а вскоре после революции саму Эллу также зверски убьют (и канонизируют почти сто лет спустя).

Во время поездки летом 1889 года 17-летняя Аликс вновь встречается с наследником российского престола Ники. У них начинается невинный платонический роман. Родителям царевича, Александру III и Марии Федоровне, гессенская принцесса, наоборот, совсем не нравится, и, когда год спустя она приезжает в Москву в гости к сестре, ее даже не пускают ко двору и не дают увидеться с Ники.

Однако Аликс, столкнувшись с сопротивлением, решает быть настойчивой. Вернувшись домой в Лондон, она принимается учить русский язык, читать русскую литературу и даже брать уроки у священника русской посольской церкви в Лондоне.

Королева Виктория не в восторге от увлечения своей любимицы: она не очень любит Россию и ей совсем не нравится Александр III. Тем не менее она начинает хлопотать за внучку – и по ее просьбе Элла отправляется к своему деверю, императору Александру III, и его жене, чтобы прояснить их отношение к юной Аликс и к ее возможному браку с Ники. Те отвечают, что наследник еще не готов вступать в брак, что он должен еще совершить кругосветное путешествие для расширения кругозора, а кроме того, ему надо пройти военную службу. И что даже если Аликс и Ники друг другу симпатичны, то ничего серьезного тут быть не может, кроме обыкновенных детских чувств, столь часто возникающих между кузенами и бесследно проходящих.

Наследник действительно отправляется в плавание, а Аликс получает конфирмацию по правилам англиканской церкви, хотя поначалу королева Виктория откладывала этот ритуал, чтобы не мешать ее возможному переходу в православие.

И только в 1893 году, когда Александр III начинает сильно болеть, родственники поднимают вопрос о том, что наследнику пора бы жениться. Они впервые спрашивают его мнение – и Ники отвечает, что мечтает жениться на Аликс.

Черная невеста

Весной 1894 года Николай едет на свадьбу Альберта, старшего брата Аликс, в Кобургский замок, родовое поместье покойного мужа королевы Виктории. Свадьбу организует королева Виктория, бабушка жениха, и она же главное действующее лицо на торжестве. Присутствует и германский император Вильгельм II. Наследника российского престола сопровождают дяди: Сергей (с женой Эллой), Владимир и Павел.

В первый же день Ники делает Аликс предложение – она отказывается, объяснив это нежеланием переходить из англиканской церкви в православие. Но тут в дело вступает Элла, которая переубеждает сестру. О помолвке объявлено 7 апреля, почти все лето Николай проводит у невесты в Лондоне, возвращается на родину в сентябре. И едва застает отца живым – состояние Александра III стремительно ухудшается.

В Крым, к смертному одру императора, вызывают и Аликс. Они с Эллой едут в Ливадию. Все происходит очень быстро – принцессам даже приходится воспользоваться обычным пассажирским поездом. Перед смертью император дает свое благословение на брак и 1 ноября 1894 года умирает. За неделю до этого Аликс перекрещивают в православие.

Вся семья едет с гробом императора в Москву, оттуда в Петербург, где 19 ноября его хоронят. А всего через неделю, 26 ноября, Николая и Александру спешно венчают в церкви Зимнего дворца.

«Наша свадьба показалась мне продолжением похоронной литургии по мертвому царю, с одним различием, на мне было белое платье вместо черного», – пишет Александра сестре.

Отношения Александры со свекровью с самого начала не ладятся. Мария Федоровна весьма молода и деятельна, ей, урожденной датской принцессе Дагмар, в момент смерти мужа всего 47 лет, и она вовсе не планирует удаляться на покой. Аликс, ставшая Александрой Федоровной, кажется ей символом всех перемен к худшему в ее жизни. Умирает ее муж, а в дом входит незнакомая холодная девушка, которая станет теперь императрицей вместо нее. «Она пришла к нам с гробом. Она несет нам несчастье» – так говорят про Аликс в столице, называя «черной невестой». Это в точности отражает и отношение вдовствующей императрицы.

Мария Федоровна не собирается уступать Александре Федоровне роль хозяйки петербургского двора. Все первые годы царствования Николая II на торжественных мероприятиях именно вдовствующая императрица

занимает самое видное место. В любой процессии она идет первой под руку с сыном, Александра же остается позади, под руку с одним из великих князей. Влиятельная светская дама генеральша Александра Богданович записывает в своем дневнике: «Молодая царица, которая хорошо рисует, нарисовала картинку – мальчик на троне (ее муж) руками и ногами капризничает во все стороны, возле него стоит царица-мать и делает ему замечание, чтобы не капризничал. Говорят, царь очень рассердился на эту карикатуру».

Отношения с петербургским светом у Александры не складываются: он продолжает вращаться вокруг Марии Федоровны, а Александра, как и Николай, во время приемов стоят в углу и разговаривают с двумя-тремя приближенными. Ее считают надменной, хотя за напускным высокомерием скрывается застенчивость.

Единственными подругами новой императрицы стали две черногорские княжны, Стана и Милица, дочери черногорского князя Николая, которых еще Александр III выдал за «второстепенных», по выражению Витте, великих князей («в это время у нас всяких Великих Князей размножилось целое стадо» – так пишет об их замужестве Витте). Не слишком знатных черногорок столичное общество тоже не принимает, и они сближаются с Александрой.

«Черногорки не только гнулись перед нею, как перед Императрицей, но начали проявлять к Ней бесконечную любовь и преданность. Как раз Императрица заболела какою-то желудочною болезнью; черногорки тут как тут, ее не покидают, устраняют горничных и сами добровольно принимают на себя эту неприятную в подобных болезнях обязанность. Таким образом, они втираются в ее фавор и делаются ее первыми подругами», – вспоминает Витте.

«Опять девочка»

3 ноября 1895 года, через год после свадьбы, императрица рожает первого ребенка. Это девочка, которую называют Ольгой. «Рождение дочери Ники и Алике – большое счастье, хотя жалко, что не сын», – пишет в дневнике сестра императора Ксения, ближайшая подруга царя и царицы. «Радость огромная и разочарование, что это девочка, меркнет от сознания, что все хорошо», – пишет Элла.

Роды проходят тяжело. «Вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Алике опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции», – вскоре пишет Элла бабушке, королеве Виктории.

Впрочем, через год императрица вновь беременна. Она рожает 29 мая 1897 года. «Утром Бог дал Их Величествам… дочь. Известие быстро распространилось, и все были разочарованы, т. к. ждали сына», – пишет в дневнике великий князь Константин. Дочь называют Татьяна.

14 июня 1899 года в Петергофе родилась третья дочь – Мария. Через две недели с Кавказа приходит известие о том, что от туберкулеза умер младший брат царя, 28-летний цесаревич Георгий. Очередным наследником престола становится следующий брат, Михаил, но ему не дают титула цесаревича, как говорят при дворе, из-за того, что императрица боится, что это помешает появлению на свет мальчика.

Год спустя, в 1900 году, на волоске оказывается и жизнь самого императора. 32-летний Николай II во время отдыха в Крыму заболевает гриппом с осложнениями. Врач, не сразу приехавший из Петрограда, диагностирует у Николая брюшной тиф и объявляет, что все это время императора лечили неправильно. Состояние настолько тяжелое, что собирается срочное совещание на тему престолонаследия в случае смерти Николая II.

Участвуют председатель Госсовета двоюродный дед императора, сын Николая I, великий князь Михаил Николаевич, министр двора барон Фредерикс, министр внутренних дел Сипягин, министр иностранных дел Ламздорф и министр финансов Витте. Последний вспоминает, будто бы именно он сказал, что обсуждать тут нечего – раз у императора нет сына, по закону престол переходит к младшему брату, великому князю Михаилу Александровичу.

А что, если императрица беременна? – спрашивает барон Фредерикс,

самый близкий к императорской чете. Витте отвечает, что нет никакой разницы – самодержавная страна не может жить без самодержца, немедленно после смерти одного императора должен появиться новый. А что, если императрица впоследствии родит мальчика? – не унимается Фредерикс. Витте отвечает, что великий князь Михаил, младший брат Николая, очень благородный человек и может сам принять решение, оставаться ли ему царем или отречься в пользу племянника. Все присутствующие соглашаются. Особую деликатность диалогу добавляет то, что Витте ближе всех знаком с Михаилом – он преподает молодому великому князю экономику. Поэтому все присутствующие понимают суть происходящего именно так: министр финансов лоббирует «своего» кандидата.

Несколько дней спустя военный министр Куропаткин приходит к Витте и (по воспоминаниям последнего) заявляет, ударив себя в грудь кулаком, что не даст в обиду свою императрицу. Витте иронично замечает, что таков долг каждого подданного, в том числе и его собственный. Позже он узнает, что о совещании в Ялте было доложено императрице. Она никогда не простит Витте.

«С тех пор, вероятно, получила основание легенда, которая многим была в руку… что я ненавижу Императора Николая II, – пишет Витте в своих воспоминаниях. – Этой легендой, которая могла приниматься всерьез только такими прекрасными, но с болезненною волею или ненормальною психикою людьми, как Император Николай II и Императрица Александра Феодоровна, и объясняются мои отношения к Его Величеству и моя государственная деятельность».

Вскоре после совещания император идет на поправку и выздоравливает. А Александра действительно оказывается беременна, и 5 июня 1901 года в Петергофе рожает четвертую дочь – Анастасию.

Это уже трагедия для всей семьи. «Боже мой! Какое разочарование!.. Четвертая девочка!» – пишет великая княгиня Ксения. «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так ждали наследника и вот – четвертая дочь», – вздыхает великий князь Константин. Сама Александра в отчаянии.

Император нервничает и задает Победоносцеву вопрос – может ли он, в крайнем случае, оставить престол старшей дочери Ольге? Победоносцев отвечает отрицательно: по действующим законам это невозможно, император Павел I, ненавидевший свою мать Екатерину II, принял закон, по которому титул императора передается только по мужской линии. Однако Витте прорабатывает вопрос об изменении закона.

После рождения четвертой дочери Мария Федоровна начинает вслух говорить о возможном разводе, ведь если Александра не может родить наследника престола, значит, ее сыну надо подобрать другую жену. Царь искренне любит жену и даже не думает об этом, но разговоры, которые ведет старый двор, доводят Александру до истерики.

Возможно, Мария Федоровна добилась бы своего, если бы от государственных дел ее не отвлек неожиданный поворот в ее собственной личной жизни. Пятидесятилетняя вдова Александра III влюбляется в абхазского князя Георгия Шервашидзе, назначенного управляющим ее двора. В 1902 году они женятся морганатическим браком – князь Шервашидзе не становится членом царской семьи, что не мешает ему стать одним из самых влиятельных придворных. Новый отчим императора может решить многие вопросы, которые не под силу членам правительства.

Христос из Лиона

Императрица Александра с головой уходит в религию и мистику. Она с удовольствием читает жития православных святых, усердно ставит свечи перед их изображениями, вышивает «воздухи» и другие церковные принадлежности, чем часто занимались русские царицы допетровских времен. Александра проникается верой в «божьих людей» – отшельников, схимников, юродивых и прорицателей, которые теперь бесконечным потоком идут в царскую резиденцию, прямо в ее покои, где она с ними подолгу беседует.

Эти причуды нелюдимой царицы-немки вызывают насмешки при дворе. «Моему уму и сердцу, – объясняет императрица, – подобные люди говорят гораздо больше, нежели приезжающие ко мне в дорогих шелковых рясах архипастыри церкви. Так, когда я вижу входящего ко мне митрополита, шуршащего своей шелковой рясой, я себя спрашиваю: какая же разница между ним и великосветскими нарядными дамами?»

В 1900 году великий князь Владимир, дядя царя и президент Академии художеств, знакомится во Франции с проповедником Низье Филиппом. Вокруг доктора Филиппа, как называют его последователи, складывается секта, почитающая его воплощением Христа на земле. Мистицизм был очень популярен при русском дворе, и двор, и члены царской семьи увлекались спиритизмом, поэтому впечатлительный князь привозит эффектного проповедника в Петербург.

В столице у доктора Филиппа появляется несколько фанатичных поклонников, среди которых другой дядя царя, великий князь Николай. Будучи военным, причем одним из самых опытных в стране, Николай, по словам Витте, несколько «мистически тронут».

Великий князь Николай представляет доктора Филиппа царице и царю. На Александру Низье производит глубокое впечатление. Все мысли императрицы направлены на то, чтобы родить сына, а доктор Филипп предсказывает ей именно это.

Витте вспоминает, что вокруг Филиппа складывается что-то вроде «тайного общества иллюминатов»: черногорские принцессы Стана и Милица, великие князья Николай и Петр (муж Милицы) и император с императрицей. Кружок его поклонников старается скрывать французского святого, даже многие члены царской семьи не знают подробностей о том, кто он. (Очевидно, президента Академии наук великого князя Константина

родственники стеснялись, поэтому он в дневнике записывает, что слышал что-то о «докторе Филиппове», специалисте по глазным болезням.)

Роль в судьбе доктора Филиппа играет и отец Иоанн Кронштадтский – самый популярный священник в стране. Низье Филипп и Иоанн встречаются, после чего французский гипнотизер уверяет новых знакомых, что кронштадтский батюшка благословил его.

Впечатленный проповедником Николай II просит министра иностранных дел выяснить, может ли французское правительство в конце концов дать ему степень доктора, чтобы он мог официально приглашать Филиппа к императорскому двору. Французское правительство отклоняет прошение. Тогда царь решает дать ему звание доктора сам.

По словам Витте, военный министр Куропаткин организует для доктора Филиппа экзамен Петербургской военной медицинской академии и в ноябре 1901 года дает ему чин действительного статского советника – в современной терминологии «закрытым приказом», то есть без обнародования этого решения. «Святой Филипп идет к военному портному и заказывает себе военно-медицинскую форму», – вспоминает Витте.

Французский гость ведет с императором и императрицей не только духовные, но и политические разговоры. Он говорит им, что ни в коем случае нельзя вводить конституцию, потому что это будет означать гибель для России. Великий князь Сандро, настроенный куда более приземленно, чем его родственники, вспоминает, что Филипп «утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка».

Эту пятую беременность Александры Федоровны, начавшуюся в ноябре 1901 года, царь и царица решают скрыть даже от ближайших родственников. Только весной, когда все замечают, что императрица сильно потолстела и перестала носить корсет, о ее беременности объявляют официально. Однако, по рекомендации Филиппа, императрица не допускает к себе медиков до середины августа, то есть до конца срока беременности.

Придворный акушер Дмитрий Отт хочет провести осмотр, но императрица не дается. «Будьте спокойны, ребенок там», – говорит она. Как вспоминает доктор Отт, его очень удивляет образ жизни императрицы: почти ежедневно в одиннадцать часов вечера она уезжает в Знаменку, в имение великого князя Петра, и возвращается оттуда только в три часа

ночи. Но акушер не рискует критиковать ее.

Во дворце великого князя Петра живет доктор Филипп, который «наблюдает» императрицу и уверяет ее в том, что все в порядке. Влияние Низье Филиппа на императорскую чету в этот момент колоссально. В июле 1902 года Николай II записывает в дневнике: «Mr. Philippe говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!» А через несколько дней императрица пишет о нем мужу, уезжающему в Германию для переговоров с кайзером: «Рядом с тобой будет наш дорогой друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма».

8 августа наступает дата ожидаемых родов, но схватки все не начинаются. Лишь 16 августа императрица вызывает профессора Отта– у нее кровотечение. «Она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть», – вспоминает врач.

После осмотра профессор сообщает Александре, что она вовсе не беременна. И только 19 августа становится окончательно ясен диагноз – мнимая беременность. Это страшный удар по психике императрицы. Сандро вспоминает, что у нее начинается тяжелейшее нервное расстройство. «Мы все ходим, как в воду опущенные со вчерашнего дня… бедная А. Ф. оказалась вовсе не беременна», – пишет жена Сандро, великая княгиня Ксения.

Царская семья судорожно решает, как объяснить отсутствие ребенка народу. Наконец 21 августа 1902 года «Правительственный вестник» пишет: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время, благодаря отклонению от нормального течения, прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившимся без всяких осложнений при нормальной температуре и пульсе».

Город полон слухами. Рассказывают, что царица «родила урода с рогами». Цензура вырезает из совершенно новой оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» классические пушкинские слова «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку». (Эта опера вновь сыграет зловещую роль в российской истории через девять лет.)

Святой из Сарова

Мнимая беременность не подрывает доверия императрицы к «Христу из Лиона». При этом императору приносят отчет о подозрительной деятельности доктора Филиппа, подготовленный агентом МВД во Франции. Но он ничего не говорит жене. Императрица до конца жизни будет вспоминать Низье с нежностью и хранить его подарки: икону с колокольчиком и засушенные цветы. Тем не менее Низье Филипп уезжает из России.

Перед отъездом он сообщает императрице, что родить сына ей поможет Серафим Саровский – знаменитый монах-отшельник, живший в Нижегородской губернии и умерший за 70 лет до этого. Отец Серафим – современник Пушкина. В первые годы после его смерти появились жизнеописания, рассказывающие о чудесах, которые он совершал: питался травой, неделями стоял на камне, разговаривал с животными. К началу XX века Серафим Саровский стал легендой, очень популярной в народе.

Осенью 1902 года царская семья приглашает на завтрак Победоносцева. «Министр церкви» удивлен – он давно не виделся с императором в домашней обстановке. Еще сильнее его удивляет то, что царь предлагает ему срочно канонизировать Серафима Саровского, причем успеть ко дню его смерти, 2 января. Правовед Победоносцев отвечает, что это противоречит правилам – по закону такое решение может принимать только Святейший Синод. «Государь все может!» – возражает императрица.

Витте вспоминает, что эту фразу Александра произносила по самым разным поводам, а генерал Василий Гурко в своих мемуарах пишет, что императрица вообще была не в курсе, что в России существуют какие-либо законы, которым царь обязан подчиняться. В ее представлении желание императора – это и есть высший божественный закон.

Николай не решается спорить со своим учителем Победоносцевым и отпускает его, однако вечером присылает ему письмо (очевидно, продиктованное женой) с требованием, чтобы в будущем году саровский старец был канонизирован.

Синод отправляет в Нижегородскую губернию комиссию, которая должна вскрыть могилу Серафима и осмотреть его останки. Комиссию ждет разочарование – в могиле обнаруживаются кости, а не нетленные мощи. Все члены Святейшего Синода против канонизации. Однако отказать императору они не решаются.

Синод объявляет дату канонизации: 20 июля 1903 года, в день рождения Серафима. Ознакомившись с докладом Синода, император Николай II ставит резолюцию: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления».

Между тем в Петербурге начинают распространять анонимные листовки, подписанные неизвестным «Союзом борьбы с православием». В них говорится, что мощи Серафима Саровского – фальшивка, и активисты «Союза» готовы вскрыть гроб ради разоблачения обмана. 22 июня петербургский митрополит Антоний даже пишет статью в суворинскую газету «Новое время», в которой доказывает, что сохранности «остова» уже достаточно и наличие нетленных мощей не обязательно для прославления. Скандал от этого разгорается еще сильнее.

На открытие мощей 19 июля едут 16 членов императорской фамилии. Давка такая, что казаки разгоняют толпу нагайками. Императрица очень довольна – она ночью купается в целительном источнике святого Серафима и молится о наследнике. Все говорят, что новый святой обязательно даст императору сына. Придворная печать пишет, что канонизация «народного святого» – символ единения царя с народом.

Витте вспоминает, что многие придворные, отличившиеся при канонизации Серафима, делают головокружительную карьеру. Особенную значимость приобретают многочисленные «пророчества» Серафима. Якобы саровский старец говорил, что тот царь, который его прославит, прославится и сам: первая часть его правления будет неудачной, а вторая удачной. Довольно суеверный Николай II ощущает потребность в такой мистической помощи: он родился в день святого Иова Многострадального, поэтому считает себя неудачником, ему нужны гарантии того, что в будущем ему будет везти.

Ровно через год после канонизации Серафима мечта императрицы исполняется и она рожает мальчика. Николай II вешает в своем кабинете большой портрет саровского старца и говорит приближенным: «Что касается святости и чудес святого Серафима, то уже в этом я так уверен, что никто никогда не поколеблет мое убеждение. Я имею к этому неоспоримые доказательства».

Царь и царица продолжают переписываться и с доктором Филиппом – Александра верит, что именно его советы помогли ей родить наследника. «Я уверена, что наш Друг оберегает тебя так же, как он берег маленького на прошлой неделе», – пишет императрица мужу 15 сентября 1904 года. «Друг» – это пока еще Низье Филипп. Доктор Филипп умирает в августе 1905 года, через год после рождения наследника. В своем последнем

письме он предсказывает, что после его смерти у Александры и Николая появится новый «Друг», который будет говорить с ними о Боге.

Странник из Сибири

В 1903 году в Петербург приезжает крестьянин из села Покровское Тобольской губернии. Ему 35 лет, и почти всю свою жизнь он путешествует по монастырям. Кронштадтский монастырь, в котором служит отец Иоанн, производит на странника огромное впечатление. Позже он будет вспоминать, что, переступив порог монастыря, почувствовал, что монастырские ворота отсекли от него всю скверну прошлой жизни.

Странника зовут Григорий, он один из тысяч «божьих людей», которые ежегодно приезжают в Петербург, зная, что светские дамы увлекаются мистицизмом, а императрица любит принимать юродивых. Григорий – ровесник Георгия Гапона и пытается попасть в то же общество. Правда, если идеал Гапона – Толстой и он мечтает о социальных преобразованиях, то образец для Григория – Иоанн Кронштадтский, самый востребованный священник Петербурга.

Каждый день Иоанн утром служит в Кронштадтском Андреевском соборе, после чего едет в Петербург, где посещает богатые дома и совершает молебны за здравие. Иоанна сопровождает огромная свита, вокруг него работает корпорация, собирающая гонорары и пожертвования, организующая визиты и перемещения «звездного батюшки». За день ему удается посетить десятки домов.

Иоанн Кронштадтский – настоящая поп-звезда. Он не собирает стадионы только потому, что стадионов в это время еще не строят. Чтобы максимально расширить свою паству, он изобретает коллективную исповедь: тысячи людей, пришедших в его собор, одновременно исповедаются ему, выкрикивая свои грехи.

На такую коллективную исповедь приходит и Григорий. На него производит глубочайшее впечатление служба отца Иоанна – и священник тоже замечает странника из Сибири. Они знакомятся, Иоанн Кронштадтский предлагает новому знакомому пожить в монастыре.

Вот какой диалог происходит между ними при первой встрече – по крайней мере так его, со слов Григория, приводит дочь Матрена:

– Вело меня сюда… – говорит Григорий.

– Бог привел, значит, так тому и быть, – отвечает Иоанн.

– Чему быть? – уточняет Григорий.

– А что Бог даст, тому и быть. Его слушай, он вразумит, – поясняет Иоанн. – Странствуй, странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям,

будь моею правою рукой, делай дело, которое и я, недостойный, делаю…

Гость Иоанна Кронштадтского в короткий срок превзойдет его в известности и богатстве. Именно Иоанн знакомит Григория с епископом Феофаном, духовником Станы и Милицы, и вскоре странник появляется в доме черногорской принцессы. Постепенно Григорий Распутин становится еще одним модным петербургским персонажем, звездой салонов богатых дам, увлекающихся мистицизмом.

Шампанское и устрицы

Летом 1904 года состояние здоровья Антона Чехова резко ухудшается. У него уже много лет туберкулез, он месяцами лежит в больнице в Москве – или лечится в Крыму. Но в июне 1904 года жена, артистка Московского художественного театра Ольга Книппер, увозит его лечиться в Германию.

С началом японской войны всегда аполитичный Чехов вдруг начинает следить за новостями. Победа России, говорит он своему шурину Виктору Книпперу, очень нежелательна, так как она укрепит самодержавие и отсрочит революцию. То же самое он говорит Станиславскому: «Ужасно! Но без этого нельзя. Пусть японцы сдвинут нас с места».

За полгода до этого, зимой 1904-го, в Художественном театре проходит премьера «Вишневого сада», после которой Чехов долго ничего не пишет. Но рассказывает другу Константину Станиславскому задумку новой пьесы: «Два друга, оба молодые, любят одну и ту же женщину. Общая любовь и ревность создают сложные взаимоотношения. Кончается тем, что оба они уезжают в экспедицию на Северный полюс. Декорация последнего действия изображает громадный корабль, затертый во льдах. В финале пьесы оба приятеля видят белый призрак, скользящий по снегу. Очевидно, это тень или душа скончавшейся далеко на родине любимой женщины».

В ночь с 1 на 2 июля 1904 года Чехов, находящийся на курорте Баденвайлер, вдруг просыпается и просит жену вызвать врача, а еще принести шампанского. Когда приходит врач, он говорит ему по-немецки: «Ich sterbe», а потом уже по-русски жене: «Я умираю». Берет бокал, выпивает его со словами «Давно я не пил шампанского…», ложится на бок и перестает дышать.

Его тело привозят в Москву в вагоне, оборудованном холодильной установкой с надписью «для перевозки свежих устриц». Максим Горький возмущен: «Этот чудный человек, этот прекрасный художник, всю свою жизнь боровшийся с пошлостью, всюду находя ее, всюду освещая ее гнилые пятна мягким, укоризненным светом, подобным свету луны, Антон Павлович, которого коробило все пошлое и вульгарное, был привезен в вагоне "для перевозки свежих устриц" и похоронен рядом с могилой вдовы казака Ольги Кукареткиной. Это – мелочи, дружище, да, но когда я вспоминаю вагон и Кукареткину – у меня сжимается сердце, и я готов выть, реветь, драться от негодования, от злобы. Ему – все равно, хоть в корзине

для грязного белья вези его тело, но нам, русскому обществу, я не могу простить вагон "для устриц". В этом вагоне – именно та пошлость русской жизни, та некультурность ее, которая всегда так возмущала покойного».

На этом несуразности не заканчиваются: по воспоминаниям Максима Горького, часть небольшой толпы, собравшейся на вокзале, чтобы участвовать в похоронной процессии Чехова, пошла за гробом привезенного из Маньчжурии генерала Федора Келлера и очень удивлялась тому, что писателя хоронят с оркестром военной музыки.

Максим Горький приходит на похороны Чехова вместе с Саввой Морозовым. Сначала они идут за гробом вместе с процессией, а потом решают заехать к Морозову на Спиридоновку выпить кофе и только после этого отправляются на кладбище. Там они гуляют между могил. «Все-таки – не очень остроумно, что жизнь заканчивается процессом гниения, – философствует миллионер Морозов. – Нечистоплотно. Хотя гниение суть тоже горение, но я предпочел бы взорваться, как динамитный патрон. Мысль о смерти не возбуждает у меня страха, а только брезгливое чувство, – момент погружения в смерть я представляю как падение в компостную яму». «Ты веришь в бога?» – спрашивает атеист Горький. «Я говорю о теле, оно не верит ни во что, кроме себя, и ничего кроме не хочет знать», – отвечает Морозов.

Жулики и воры

Радость от рождения цесаревича Алексея вскоре проходит, а поток ужасных новостей с Дальнего Востока не иссякает. Друг покойного Чехова издатель Суворин 6 августа 1904 года записывает в дневнике, что главных редакторов крупнейших газет вызывали в МВД, просили подготовить общественное мнение к падению Порт-Артура[34]. «Тяжелые дни, страшные ожидания», – пишет Суворин.

21 августа 1904 года становится известно, что генерал Куропаткин сдал крепость Ляоян. У неудач российской армии множество причин: тотальная неподготовленность, чудовищные противоречия между генералами, отсутствие информации о численности войск противника. Капитан Игнатьев вспоминает, что разведка перед войной среди офицеров считалась чем-то грязным и неблагородным, поэтому никаких навыков разведывательной работы в армии не было. А многие китайцы-лазутчики или даже переводчики на самом деле оказывались японскими шпионами.

Столичная публика, не вдаваясь в эти детали, обвиняет в поражениях конкретных людей – в первую очередь Куропаткина. Новости о российских военных неудачах на Дальнем Востоке будоражат общественное мнение. Особенное негодование вызывают члены императорской семьи: поражение накладывается на разговоры о коррумпированности родственников царя.

Перед началом войны многих возмущала невероятная дороговизна телеграфного сообщения с Дальним Востоком. Как вспоминает Суворин, одно слово стоило 8 рублей[35], потому что вдовствующая императрица Мария Федоровна настояла на специальном налоге в пользу датской телеграфной компании.

Императрица Александра чрезвычайно скупа и лишних денег никогда не тратит. Однако у нее есть подруги. Министр финансов Витте вспоминает, что черногорские принцессы Стана и Милица уговорили императора уступить контрибуцию, которую Турция платила России по итогам последней проигранной войны, в пользу их отца, черногорского короля Николая. Витте пытается протестовать и убедить императора, что турецкая контрибуция – это такая же часть российского бюджета, как прочие доходы, и дарить три миллиона рублей[36] в год черногорскому королю расточительно. «Что же делать – я уже обещал», – отвечает Николай II. В итоге Витте удается отбить турецкую контрибуцию, однако помощь Черногории все равно оказывается – за счет увеличения военных

расходов.

Другой объект пересудов – великий князь Сандро, министр торгового флота, один из вдохновителей корейских авантюр, которые привели к войне. У него и до войны была репутация одного из «самых корыстных великих князей» (характеристика Суворина). Особенно ненавидят его в Крыму, где он рейдерски захватил земли для своего поместья Ай-Тодор. Впрочем, вспоминают, что за полвека до этого его отец, сын Николая I великий князь Михаил, будучи наместником на Кавказе, точно так же за бесценок скупил лучшие земли.

После того как за первые месяцы боевых действий российский флот на Дальнем Востоке оказывается разгромлен, возникает вопрос, где взять новые корабли. Сандро, как утверждает Суворин, предлагает купить флот у Аргентины, однако сделка срывается: аргентинцы отказываются заплатить великому князю откат в размере 500 тысяч рублей[37].

Если в мирное время на всю эту коррупцию закрывали глаза, то во время войны о ней говорят со все нарастающим раздражением. Главным объектом всеобщей ненависти становится формальный виновник позорного поражения, главнокомандующий русским флотом великий князь Алексей, родной дядя царя. Его публичные появления нередко перерастают в скандальные манифестации. В октябре 1904 года, когда его карета едет по Большой Морской, толпа начинает кричать: «Государственный вор!» и «Где наш флот? Отдай наш флот!» Великий князь прячется в ресторане, куда вызывают градоначальника, который помогает ему пробраться домой дворами[38].

Весь год морское командование размышляет, чем заменить погибший тихоокеанский флот. После несостоявшейся покупки аргентинских кораблей остается отправить на Дальний Восток балтийский или черноморский флот. Дискуссия по поводу балтийской эскадры адмирала Зиновия Рожественского продолжается несколько месяцев. Это рискованная экспедиция, но Николай II, по словам Витте, «со свойственным ему оптимизмом» говорит, что «Рожественский перевернет все карты войны, ведь Серафим Саровский предсказал, что мир будет заключен в Токио, значит, только одни жиды и интеллигенты могут думать противное…»

В итоге решение направить на войну балтийскую флотилию под командованием Рожественского принято. Когда спрашивают мнение самого адмирала, он отвечает, что «находит, что экспедиция эта очень трудная, но если Государь Император прикажет ее ему совершить, то он встанет во

главе эскадры и поведет ее на бой в Японию». Перед отходом эскадры император ведет адмирала к новорожденному наследнику престола, цесаревичу Алексею, и дарит Рожественскому в виде благословения образок Серафима Саровского.

«Будь у меня хоть искра гражданского мужества, – напишет спустя несколько лет адмирал, – я должен был бы кричать на весь мир: берегите эти последние ресурсы флота! Не отсылайте их на истребление! Но у меня не оказалось нужной искры».

В октябре эскадра отправляется в путь. Только к весне следующего года эскадра дойдет до Японии.

Европейские и американские СМИ полностью на стороне японцев, всюду множество карикатур на русских. В журнале *Punch*, вспоминает Суворин, опубликован такой рисунок-объявление: «Молодой человек, стыдящийся быть русским, желает получить место» с примечанием редакции: «Если б не было сказано "молодой", то можно было бы подумать, что место просит Рожественский. Но так как он не молод, то, вероятно, место просит цесаревич».

Никогда еще у Алексея Суворина, издателя самой лояльной проправительственной газеты «Новое время», не было таких радикальных записей, как осенью 1904 года: «Можно спросить: есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров».

Всеобщая радость

16 июля 1904 года историк Павел Милюков возвращается с утреннего купания. Он недавно вышел из тюрьмы и заехал отдохнуть в Хорватию – прежде чем отправиться преподавать русскую историю в Чикагский университет. По дороге с пляжа он видит свою жену, которая прыгает посреди улицы и машет газетой. Он бежит навстречу к ней и вскоре слышит ее крик: «Убит Плеве!» В семье Милюковых – праздник. Благонамеренный историк с гордостью вспоминает, что недавно отправил в «Освобождение» статью, в которой фактически пророчил скорую гибель ненавистного всем министра. «Радость по поводу его убийства всеобщая», – констатирует он.

Не радуется, наверное, только первый лидер российской оппозиции, недавний глава московского земства Дмитрий Шипов, которого Плеве лишил должности. Он проводит лето в деревне и о смерти министра узнает от знакомого, местного врача, приславшего ему письмо, «которое пышет радостью». Но искренний толстовец Шипов не может радоваться убийству: «Политический убийца и насильник руководствуется не столько стремлением к добру и правде, сколько чувством злобы и ненависти к существующей неправде социального и политического строя. Переустройство жизни человечества возможно лишь на основании чувства христианской любви», – пишет он.

Самая большая радость – в «столице русской революции», Женеве. Борис Савинков вспоминает, что, приехав туда, ощущал себя чуть ли не триумфатором: «Партия сразу выросла в глазах правительства и стала сознавать свою силу. В Боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования, являлись люди с предложением своих услуг».

Если до сих пор отношение к Азефу было настороженным, то за Плеве ему все прощают. Даже Бабушка, которая никогда не любила Азефа и не могла скрыть своей неприязни, при встрече кланяется ему в ноги. «У нас был один лидер Боевой организации – романтик, герой и поэт в душе. Сейчас его сменил другой – холодный калькулятор, реалист и прозаик. Первый был нам ближе, роднее. Но, почем знать, может быть, второй будет удачливей», – размышляет Гоц в разговоре с Черновым.

Как вспоминает Савинков, среди эсеров начинаются горячие споры по поводу отношения к террору как таковому. ЦК партии эсеров (в который входят Гоц, Бабушка, Азеф и еще несколько человек) выпускает

прокламацию о том, что порицает террор в свободных странах – и только в России, «где деспотизм исключает всякую открытую политическую борьбу», террор допустим. Друг Савинкова Иван Каляев возмущен этим: «К чему такая боязнь европейского мнения? Не мы должны бояться – нас должны уважать. Террор – сила. Не нам заявлять о нашем неуважении к ней».

Парижский съезд

В конце лета у издателя журнала «Освобождение» Петра Струве начинаются серьезные проблемы – немецкая полиция по запросу российской начинает следствие. Всей редакции приходится срочно срываться с места и переезжать в Париж.

Вскоре именно там проходит общий съезд российских оппозиционеров всех мастей: от умеренных либералов до отчаянных марксистов. Собирается очень разнообразная компания. Присутствуют и Струве с Милюковым (от Союза освобождения), и женевские эсеры Евгений Азеф и Борис Савинков. Главный организатор и спонсор этого съезда – финский националист Конни Циллиакус. Почти никто не знает, откуда у него деньги. Позже станет известно, что Циллиакус получает финансирование напрямую от японского генштаба, с одной целью – взбодрить революционное движение в России.

Пока обсуждается вопрос применения террора, все участники единодушны во мнении, что террор необходим, а убийство Плеве – безусловное благо, Азеф окружен почетом. Но вскоре участники съезда начинают ужасно ругаться: финны и поляки затрагивают вопрос о независимости. Требования у них, правда, очень разные – Польша, у которой нет и намека на автономию, жаждет отделиться от России, у Финляндии же требования скромнее, формально – это отдельное государство, объединившееся с Россией, там есть органы самоуправления, поэтому финны добиваются просто выполнения собственной конституции. По этим вопросам русские революционеры раскалываются: Струве готов обсуждать требования, а Милюков категорически против.

Спор затягивается на несколько часов и завершается ничем. В итоге участники съезда почти ни о чем не договариваются, принимают несколько противоречащих друг другу резолюций и разъезжаются.

Во время съезда Ариадна Тыркова, вместе со Струве и всем «Освобождением» переехавшая в Париж, встречает Азефа – он приходит к ней по поручению Гоца. «Зачем вы направили ко мне какого-то отвратительного субъекта, от которого за версту пахнет шпионом?» – пишет она, малоопытная журналистка, Гоцу после встречи. Лидер эсеров обиженно отвечает: «Наткнувшись в юности на такого ловкого шпионского пройдоху, как Зубатов, я знаю, почем фунт лиха, и когда рекомендую человека, то за моей рекомендацией стоит жизненный опыт». «Ну, –

иронизирует Тыркова в ответ, – если у вас такая обширная практика общения со шпионами, у вас это могло войти в привычку, но мне перспектива пройти такой же курс отнюдь не улыбается». Спустя пять лет эсеры вспомнят эту переписку и обнаружат, что юная Ариадна была единственным человеком, который разоблачил Азефа с первого взгляда – чего не смогли сделать все профессионалы конспирации из партии эсеров.

В 1904 году эсеры по-прежнему доверяют Азефу. Очевидно, что он – вовсе не циничный предатель. И с товарищами-революционерами, и с начальством из МВД он по-своему искренен. Такова особенность психологии Азефа – он вовсе не считает себя предателем, поэтому может и оставаться важнейшим агентом тайной полиции, и в то же время разрабатывать планы новых убийств. Решено, что в Россию поедут три группы боевиков-эсеров: в Петербург, в Москву и в Киев. Московской мишенью должен стать генерал-губернатор великий князь Сергей. Его убийство поручают Савинкову.

Доверие к обществу

После убийства министра внутренних дел Плеве встает вопрос, кто теперь будет назначен на эту расстрельную должность. Витте чувствует, что настал его час вернуть себе реальную власть. Новость о смерти врага он получает в Берлине, куда командирован для заключения торгового договора.

«Убили Плеве. Я никогда не видел Вас счастливее. Торжество так и лучилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел», – пишет в своих воспоминаниях литературный секретарь Витте Иосиф Колышко.

Витте пытается воздействовать на всех влиятельных знакомых: в первую очередь на князя Мещерского и на мужа вдовствующей императрицы князя Шервашидзе, чтобы они посоветовали царю именно его кандидатуру.

Витте 30 июля посылает Николаю II поздравительную телеграмму с пожеланием передать наследнику «российскую державу в той ее неприкосновенной сущности, в коей Вы ее получили, то есть самодержавною». Так он хочет продемонстрировать, что не просто лоялен, но готов отстаивать самую навязчивую идею царя, незыблемость его неограниченной власти.

Но Николай II совсем не хочет видеть Витте министром – и это заслуга покойного Плеве. Уничтожая своего вечного врага, он до последнего дня (Витте утверждает, что в портфеле, бывшем при Плеве в день убийства, лежал очередной донос) твердил императору, что Витте заговорщик, революционер и масон. Император не до конца верил Плеве, но осадок после его доносов все же оставался.

Фаворит на должность министра внутренних дел – Борис Штюрмер, бывший участник «Святой дружины», столичный консерватор, директор одного из департаментов МВД. Император встречается с ним и даже подписывает указ о его назначении министром. Но следом за Штюрмером к Николаю приходит его мать, императрица Мария Федоровна. Она уговаривает сына не назначать министром человека, который работал заместителем Плеве.

Она всегда не любила покойного министра и теперь убеждает сына, что его репрессивная политика только ухудшила ситуацию. Плеве сажал, ссылал и порол и в итоге был взорван террористом. Вместо него нужен

умный чиновник, который может успокоить общество и предотвратить революцию, говорит вдовствующая императрица. Мария Федоровна напоминает царю про князя Петра Святополк-Мирского, который работал командиром жандармов и заместителем у Сипягина, уволился после назначения Плеве и в последние годы управлял западными губерниями: Вильно, Ковно и Гродно (Вильнюс, Каунас и Гродно на территории современных Литвы и Белоруссии). Своей мягкостью и дипломатичностью Мирский добился уважения местного населения. Его и нужно назначить министром. Ради сына, говорит Мария Федоровна.

Николай II никогда не спорит с матерью. В конце августа он вызывает Мирского и предлагает ему новую должность. Однако тот в ответ прямо говорит, что не готов продолжать политику прежних министров: «Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих, и тогда что?» – спрашивает императора князь. Он рассказывает, что, став министром, хотел бы ослабить цензуру, принять закон о веротерпимости, смягчить наказания за политические преступления. Император со всем соглашается.

Мирский предлагает не наказывать рабочих за забастовки и демонстрации, призывает развивать самоуправление и больше привлекать представителей народа. Мирский хочет, чтобы часть членов Госсовета избиралась, а сам орган превратился в представительное учреждение. Император ничему не противоречит.

Тогда Мирский жалуется ему на плохое здоровье и сетует, что не умеет говорить, – боится, как бы это не помешало в публичных дискуссиях с другими чиновниками. «Я тоже не умею говорить», – отвечает Николай. И даже обещает предоставлять новому министру несколько месяцев в году в качестве отпуска. Впрочем, князь рискует не дожить до отпуска, если учесть, что два предыдущих министра были убиты спустя 25 и 27 месяцев после назначения.

Один из предшественников, бывший глава МВД Иван Горемыкин, пытается отговорить Мирского: «Помните одно: никогда ему [Николаю II] не верьте, это самый фальшивый человек, какой есть на свете». Но тот соглашается.

Заняв пост, князь дает интервью иностранным корреспондентам, в котором говорит, что управление страной должно основываться на доверии обществу. А потом он выступает перед сотрудниками своего министерства и призывает их к «доверчивому отношению к общественным учреждениям

и к населению вообще». «Не сдобровать Мирскому», – думает Витте, прочитав интервью. И действительно, Мирскому передают, что император им недоволен и он больше не должен давать никаких интервью.

Консервативный истеблишмент быстро начинает ненавидеть нового министра. Страшно не нравится Мирский московскому генерал-губернатору великому князю Сергею, который всеми силами борется с московским земством и слышать не хочет о предоставлении ему больших прав. Ему вторит Победоносцев: когда Мирский пытается добиться нового закона о веротерпимости, старый «министр церкви» твердит в ответ, что идеи Мирского «кончатся резней на улицах Петербурга, так же как и в провинции». Мирский пытается найти поддержку у Витте. Тот делает вид, что поддерживает его инициативы, но уклончиво отвечает, что он и так сейчас в опале у царя, так что его поддержка скорее повредит планам князя. И активно интригует против нового министра, стараясь провалить все его предложения.

Вся столичная консервативная общественность возмущена министром-либералом. Осенью 1904 года обстановка в столицах накаляется, собирательница петербургских политических сплетен генеральша Богданович каждый день записывает в дневнике новые признаки революции – так называют либеральные реформы Мирского.

Мирского осуждают за то, что он проявил «бестактность», приняв депутацию евреев и пообещав им заботиться о равноправии всех национальностей России. Генерал Богданович вспоминает, что видел в Москве демонстрацию с двумя красными знаменами; на одном было написано «Долой царя», а на другом – «Долой войну». «Еще не это мы скоро увидим!» – охает его жена. Генеральша жалуется, что преподаватель истории Евгений Тарле читает в университете такие лекции о Французской революции, после которых «молодежь так возмущена, что каждый понедельник можно ждать беспорядков». Друг генеральши и ее мужа, несостоявшийся министр Борис Штюрмер, очень «мрачен, расстроен всем, говорит, что мы прямо идем к революции, что теперь, если даже одумаются, если Мирский уйдет и снова вернутся к прежнему порядку, все-таки его водворить будет уже невозможно, что дело уж так испорчено». (Настоящая революция, то есть крушение монархии, случится только через 13 лет – как раз после премьерства самого Штюрмера.)

От всего происходящего у князя Мирского случается нервное расстройство. Пока он болеет, царь публикует распоряжение на имя министра, в котором прямо говорится, что никаких перемен политического курса не будет. В Петербурге говорят, что Мирский на грани отставки – но

тут к сыну снова приходит вдовствующая императрица. «Если тронут Мирского, я возвращаюсь в Копенгаген», – угрожает Николаю II бывшая датская принцесса.

Генеральные штаты

Интервью князя Мирского и начало его реформ производят сильное впечатление не только на столичных консерваторов, но и на либералов, где бы они ни находились, в ссылке или эмиграции. Газета «Освобождение» Петра Струве пишет, что преемнику Плеве будет очень тяжело, но российское общество готово подождать, потому что понимает, что перемены не могут быть произведены скоро[39].

Буквально за неделю до назначения князя Мирского несколько земских активистов во главе с князьями Шаховским и Долгоруковым собирались созвать в Москве большой земский съезд, наподобие того, что проходил в 1902 году в квартире Шипова. Они давно уже хотели это сделать, но любые собрания были запрещены Плеве.

Но выступлением князя Мирского земцы впечатлены – «эта речь пронеслась как оживляющая струя по всей стране», – вспоминает Дмитрий Шипов. Уездные земские управы со всей страны отвечают на речь Мирского приветственными телеграммами. Мирский же, чтобы реализовать свою программу, предлагает царю провести земский съезд в Петербурге. Он объясняет, что это довольно безобидное мероприятие и участники будут делиться опытом и обсуждать бытовые темы. Николай II не возражает.

Аппаратчик Витте утверждает, что он якобы с самого начала предупреждал Мирского, что проведение съезда – ошибка. «Так называемые интеллигентные люди», объясняет Витте молодому коллеге, только делают вид, что борются с «бюрократией». А если их спросить, что они подразумевают под бюрократией, они ответят: «неограниченную верховную власть». С этим съездом наверняка выйдет недоразумение, пророчит Витте, он наверняка возьмет да и примет резолюцию с требованием конституции – в итоге вместо примирения правительства с обществом выйдет только обострение.

Узнав о том, что согласие царя на проведение съезда получено, московское бюро решает полностью поменять повестку предстоящего съезда и вместо хозяйственных вопросов обсуждать политические. Против этого предложения только осторожный Шипов, он пытается убедить товарищей, что не надо торопиться, своим напором они только напугают власть и помешают Мирскому осуществить задуманные реформы. Но ни внук декабриста Вячеслав Якушкин, ни профессор Московского

университета Владимир Вернадский, ни князья Дмитрий Шаховской, Петр Долгоруков и Георгий Львов не слушают его. Все члены бюро, кроме Шипова, входят в Союз освобождения, и они голосуют за то, чтобы как можно скорее собрать съезд для обсуждения именно государственного устройства.

Через месяц Шипову звонят из Петербурга, из министерства внутренних дел, чтобы сказать, что князь Мирский хочет обсудить с ним предстоящий съезд. Шипов отвечает, что готов приехать, но министр болеет. Съезд назначен на 6 ноября, и только 25 октября состояние здоровья Мирского позволяет ему принять делегата из Москвы.

Глава МВД встречает Шипова добродушно: предлагает обсудить «предстоящее совещание председателей губернских управ, о котором так много говорят, раздувая его значение едва ли не до учредительного собрания». Шипов отвечает, что князь Мирский, вероятно, не точно осведомлен о том, что за мероприятие готовится. Во-первых, в нем принимают участие далеко не только главы управ, а куда более широкий круг. Во-вторых, земцы планируют обсуждать не только хозяйственные вопросы. Он поясняет, что программу съезда поменяли как раз в тот момент, когда стало известно благожелательное отношение министра и согласие царя. Шипов прямо признается министру, что большинство земцев не уверены в том, что Мирский долго продержится на своем посту, поэтому хотят обсудить все важные политические вопросы «вне зависимости от случайного присутствия на министерском посту лица, хотя и расположенного идти навстречу обществу, но которое может быть в короткое время заменено другим лицом, готовым вернуться к прежней политике». Наконец Шипов показывает министру повестку предстоящего съезда.

Мирский в шоке. «Я доложил Государю, что на этих совещаниях не будет речи ни о политических вопросах, ни о конституции, ни об изменении нашего государственного строя, – говорит ошеломленный министр. – Я согласен со всеми положениями и готов под ними подписаться, но постановка этой программы на обсуждение совещания равносильна моей отставке. Если совещание приступит к своим занятиям по этой программе, не сомневаюсь, что я буду уволен на следующий день, – вспоминает Шипов слова Мирского. – Лично я не дорожу занимаемым мною постом, но мой уход может иметь нежелательные последствия. Моя политика встречает много врагов, которые не упустят воспользоваться моим уходом».

Мирский просит отсрочить съезд или поменять повестку. Шипов

отвечает, что бюро не пойдет на это: «Говорить теперь о продовольственном, врачебном вопросах нельзя. Мы переживаем такое время, когда земским людям молчать просто преступно и необходимо высказаться откровенно. Шаг, князь, вами сделан, и надо идти дальше».

Тогда Мирский говорит, что раз повестка так серьезна, надо не совещание добровольно съехавшихся представителей земств устраивать, а сначала провести выборы во всех регионах – чтобы каждый из делегатов был избран. Такое собрание будет иметь больше веса. Шипов спрашивает, может ли министр гарантировать, что царь одобрит такие выборы, – Мирский честно отвечает, что нет.

В итоге Шипов обещает обсудить с бюро вопрос выборов, а Мирскому советует поскорее показать императору программу съезда, чтобы тот не счел, что глава МВД его обманул. Мирский отвечает, что император уезжает из столицы провожать войска на Дальний Восток и вернется только 1 ноября, поэтому предупредить его заранее не удастся. На этом они и расстаются, договорившись увидеться в следующий раз 30 или 31 октября.

Вечером после встречи в разговоре с женой Мирский не скрывает своего ужаса: «Нынче неприятности были. Программа самая воинственная, прямо конституцию просят». На следующий день к министру приходит двоюродный дядя царя, великий князь Николай Михайлович, чтобы предупредить, что его враги усиливаются, московский генерал-губернатор великий князь Сергей «рвет и мечет».

Шипов приезжает в Москву и срочно созывает иногородних членов бюро: от Тамбова, например, приезжает профессор Владимир Вернадский (будущий академик), от Ярославля – князь Дмитрий Шаховской (будущий министр Временного правительства), от Тулы – сосед Льва Толстого князь Львов (будущий глава Временного правительства). Все собравшиеся констатируют, что ажиотаж вокруг съезда невероятный и откладывать его нельзя – все газеты пишут про 6 ноября. Однако, поскольку добиться разрешения на проведение съезда, скорее всего, не получится, участники решают провести его полуофициально – не в здании Петербургской земской управы, а на частной квартире.

31 октября Шипов снова – на этот раз вместе с Георгием Львовым и Иваном Петрункевичем – приезжает в Петербург на прием к министру. Когда Мирский узнает, что земцы решили ничего не менять, он расстраивается и предлагает им перенести съезд в другой город, например в Нижний Новгород (поскольку в Москве все равно не разрешит великий князь Сергей). Земцы отвечают, что так будет еще хуже – встречаться надо в Петербурге, иначе Мирский дискредитирует свою программу «доверия к

обществу». Потом министр предлагает исключить из программы шестой (и основной) пункт – «общие условия, неблагоприятствующие правильному развитию нашей земско-государственной жизни, и желательные в них изменения». И от этого земцы отказываются – ради этого пункта все и затевается.

На следующий день Мирский идет к царю и снова заводит разговор о том, что необходимо привлечь избранных представителей народа к законодательству, поскольку политическое положение «очень критическое». «Да, это необходимо, вот им можно будет разобрать ветеринарный вопрос», – запросто отвечает Николай II. «Ваше Величество, да я не о том говорю, а о праве постоянного участия в законодательстве; я бы не был настойчив, если бы престол был обеспечен, но теперь подумайте: с террористическим направлением революционеров, в каком положении может быть Россия?» – продолжает Мирский. Но царь невозмутим. Тогда министр рекомендует не разрешать земского съезда, с чем царь немедленно соглашается.

Вечером Мирский вновь принимает Шипова, Львова и Петрункевича. Он сообщает им, что правительство не может поручить обсуждение столь важных государственных вопросов «кружку частных лиц», но частные беседы на частных квартирах не могут быть запрещены.

Петербургская общественность взбудоражена – генеральша Богданович пишет в дневнике, что предстоящий «земский съезд» напоминает французские «Генеральные штаты», после которых началась Французская революция. И действительно, в Саратове, например, делегацию в Петербург провожают на вокзале революционной «Марсельезой».

Тем временем, не дожидаясь начала съезда, 4 ноября сам глава МВД начинает разрабатывать свою программу «преобразования внутреннего строя империи», которую собирается вручить царю.

Земские представители собираются в Петербурге 6 ноября у тверского делегата Ивана Корсакова, того самого, принимая которого царь 10 лет назад произнес свою печально известную речь про «бессмысленные мечтания». В этот раз перед домом Корсакова стоят полицейские, которые вежливо показывают делегатам дорогу. На третий день съезда земцы собираются в особняке профессора Училища правоведения Владимира Набокова на Большой Морской.

Они долго и упоенно спорят о том, как должно быть устроено Российское государство: стоит ли созывать Учредительное собрание или же все преобразования должны быть введены сверху, решением верховной

власти. Осознавая, по словам Шипова, «громадную нравственную ответственность при выполнении исторической задачи выдающегося значения».

Они принимают программу из одиннадцати пунктов, в которой требуют неприкосновенности личности и жилища, свободы совести и вероисповедания, слова и печати, собраний и союзов, уравнения прав (гражданских и политических) всех граждан Российской империи, вне зависимости от сословий, распространения местного самоуправления во все части Российской империи. Один пункт, девятый, вызывает расхождение. И в итоговом документе записывают отдельно мнение большинства и мнение меньшинства. Меньшинство требует «правильного участия в законодательстве народного представительства как выборного учреждения», а большинство идет дальше и хочет участия в законодательстве, контроля за бюджетом и за законностью деятельности администрации.

Заканчивают земцы свои дебаты полные оптимизма, уверенные, что они выполнили свою историческую задачу: «Решились сказать Его Императорскому Величеству Государю Императору правдивое слово», – вспоминает Шипов, и теперь верховная власть наверняка услышит их голос.

«Это ужасно, они дают советы, когда никто их об этом не просит», – говорит князю Мирскому о собрании вдовствующая императрица Мария Федоровна.

В итоге съезд решает отправить к министру внутренних дел делегацию в составе Шипова, Петрункевича, Гейдена, а также будущего последнего председателя Думы Родзянко и будущего первого главы Временного правительства Львова – чтобы передать ему резолюцию съезда. 11 ноября Мирский принимает Шипова и говорит, что никакую делегацию принимать не будет. Тогда Шипов передает ему резолюцию сам. Земцы радостно разъезжаются из Петербурга.

Вечером Мирский идет на прием к императору, который встречает его в хорошем настроении после удачной охоты: он лично убил 144 фазана из 506 убитых в тот день.

Князь пытается подать в отставку, взяв на себя вину за съезд. Но император его не отпускает.

Нервы министра расстраиваются все сильнее. Великий князь Николай Михайлович, дядя царя и сторонник реформ, предупреждает его, что тучи сгущаются, великий князь Сергей едет из Москвы на день рождения вдовствующей императрицы и планирует поставить вопрос ребром: или

он – или Мирский. Он всерьез считает министра революционером и называет «Святополком Окаянным» (высмеивая полную фамилию князя – Святополк-Мирский).

Суворин уверен, что у больного князя Мирского ничего не получится, «не только характера, но и ума не хватит». В столице ходят слухи, что ему уже найден преемник, но, как рассказывает генеральше Богданович ее друг Штюрмер, царь попросил князя временно остаться. Генерал Богданович сам отправляется к главе МВД и в лицо говорит ему, что участники земского съезда – революционеры. Мирский отвечает ему, что они просто порядочные люди, а настоящие враги государства – «это такие говняки, как Штюрмер».

«Третий элемент»

Удачное завершение «частного собрания» в Петербурге очень воодушевляет интеллигенцию. В тот момент ее называют «третьим элементом» – в моде сравнения с Францией накануне Великой французской революции; там движущей силой было «третье сословие», то есть буржуазия (после первых двух, духовенства и дворянства). В России полноценного класса мелких собственников нет, зато есть класс образованных людей – они и считают себя российским «третьим сословием».

С одной стороны, собравшись в Петербурге, участники съезда ничего не добились. С другой – они провели резонансное мероприятие и не были наказаны. Резолюция съезда печатается по всей стране, почти всего его участники стали звездами.

Столичное «частное совещание» масштабируется: точно такие же проводятся повсеместно: городские интеллигенты собираются на обеды и ужины, чтобы популяризировать резолюцию земского съезда и принять собственную. Кампания «либеральных банкетов» проходит по всей стране. Риторика на местах, конечно, куда жестче, чем на петербургском съезде: требуют Учредительного собрания, поднимают тосты за террористов-эсеров.

Банкетная кампания производит большое впечатление на Петербург. «У нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два-три месяца Россию охватила жажда преобразований; о них говорят громко, – пишет в дневнике президент Академии наук великий князь Константин. – Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно».

Петицию царю с требованием реформ государственного устройства пишут даже губернские предводители дворянства. «Они тоже подпали под влияние этого земского съезда», – отмахивается царь в разговоре с Мирским. «Если Вы даже не будете доверять предводителям дворянства, на кого же Вы будете опираться? Ведь их уже в отсутствии консерватизма нельзя заподозрить», – отвечает министр.

Рабочие при этом остаются поначалу довольно консервативными. Профсоюзная организация Гапона разрастается: сначала он создает филиал своей «чайной» около Путиловского завода, в который сразу вступает семьсот человек. В считаные месяцы открывается еще восемь филиалов, но

члены собраний далеки от революционных идей.

На освящении одного из новых отделений Гапон замечает, что рабочие подходят целовать крест, а некоторые после этого целуют заодно и руку петербургскому градоначальнику Фуллону. Священника это возмущает, и после отъезда Фуллона он произносит целую лекцию рабочим о том, что «на свете есть бедные и богатые и отношения между ними никогда не могут быть хорошими, Фуллон на стороне богатых, и ему нет никакого дела до бедных», – и заканчивает словами о сохранении собственного достоинства и самоуважения.

Проблем с полицией у Гапона не возникает. В октябре у него уже девять отделений с пятью тысячами членов, а в ноябре одиннадцать – с семью тысячами членов. В ноябре Гапон отказывается от национальных ограничений, прописанных в уставе, на заседания «Собрания русских рабочих» активно зовут финнов, поляков, евреев.

Тематика гапоновских собраний быстро меняется – все хотят говорить о политике. Гапон привлекает новых лекторов, сам знакомится с членами Союза освобождения Екатериной Кусковой и Сергеем Прокоповичем, будущим министром во Временном правительстве. По словам Гапона, именно они посоветовали написать петицию от рабочих. Многим товарищам Гапона эта идея кажется прекрасной – они хотят поторопиться, ведь даже дворянские предводители уже не стесняются, чего ждать. За осень «гапоновский актив» набирает обороты – поддавшись всеобщей эйфории, многие рабочие тоже рвутся проявить себя.

Гапон с трудом сдерживает энтузиазм товарищей. Он боится, что его грандиозная структура будет запрещена властями, и опасается, что петиция рабочих потонет в общем потоке. Он ждет удобного повода, ему кажется, что «рабочая петиция должна быть подана только в один из критических моментов, вроде падения Порт-Артура или поражения эскадры Рожественского, казавшегося неизбежным», кроме того, она будет иметь больший успех, если будет сопровождаться большой рабочей забастовкой.

Политическая дискуссия в России становится такой бурной, что революционеры в эмиграции оказываются не у дел. Ариадна Тыркова вспоминает, что Струве в Париже не находит себе места – несколько раз в день он бегает к газетному киоску, пытаясь купить все новые газеты, чтобы следить за событиями на родине.

Газета «Революционная Россия», выходящая раз в месяц, тоже становится никому не нужна. «Темп жизни слишком ускорился, – говорит Чернов Гоцу. – Мы здесь за ним не поспеваем и поспеть не можем. Надо поехать в Россию, надо жить там, окунуться в гущу общественных

настроений». Чернов считает, что надо стараться публиковаться в легальной прессе – «только это будет работой, а то, что сейчас за границей делаем, – толчение воды в ступе».

Болезнь Михаила Гоца прогрессирует. Врачи диагностируют у него опухоль спинного мозга. Он больше не может ходить, передвигается только в инвалидной коляске и не может спать без морфия. «Тебя просто-напросто арестуют – и все», – отговаривает товарища Гоц. Чернов пытается спорить, вопрос выносят на обсуждение ЦК, и старшие товарищи запрещают Чернову куда-либо ехать.

Дядя самых честных правил

Осенью 1904 года забастовки начинаются не только в Петербурге, но и в Москве, где совсем недавно ситуация казалась безоблачной. Еще летом 1904 года московский генерал-губернатор великий князь Сергей и начальник полиции Трепов писали в Петербург донос с требованием принять меры против Гапона. Но из-за убийства Плеве к их совету никто не прислушался. Теперь же великий князь возмущен еще больше и обвиняет Мирского в преступной слабости, в том, что он виноват в начинающихся волнениях.

Среди всех родственников царя великий князь Сергей и его жена Элла – конечно, самые близкие и самые влиятельные. Элла (в православии Елизавета Федоровна) – старшая сестра императрицы, единственный человек в царской семье, кому Аликс пока еще доверяет (своей свекрови императрица сторонится, а тетю Михень просто ненавидит).

Великий князь Сергей всего на девять лет старше Николая II, и с ним император наиболее дружен. Это тот самый мальчик, который в 1881 году рискнул передать старшему брату письмо от Льва Толстого с просьбой помиловать цареубийц. С тех пор он сильно изменился, стал сторонником самых жестких мер, врагом реформ и конституции, а также очень религиозным человеком.

Что не мешает москвичам сплетничать о его гомосексуальности и о том, что все адъютанты великого князя – его любовники. В его дневниках об этом нет ни слова, а его жена Элла – одна из самых красивых женщин Европы (так говорят при дворе, отчасти чтобы уколоть ее сестру-императрицу, в отличие от Аликс великая княгиня Елизавета Федоровна прекрасно научилась говорить по-русски и очень популярна в обществе).

Самым сильным ударом по репутации великого князя Сергея была Ходынка. Как генерал-губернатор, он отвечал за коронацию императора в 1896 году. В городе его даже прозвали «князем Ходынским». Однако две правительственные комиссии пришли к противоположным выводам по поводу виновных, и в итоге непосредственно за ходынскую трагедию никто не был наказан, лишь впоследствии глава московской полиции и министр двора ушли в отставку.

У Сергея и Эллы нет своих детей, но они воспитывают племянников. В 1902 году младший брат Сергея, великий князь Павел, без разрешения императора женился вторично – на разведенной женщине. Понимая, что

император никогда не даст согласия на неравный брак, великий князь Павел женился тайно, в Италии. Николай II за это наказал великого князя изгнанием за границу, а его детей, 12-летнюю Марию и 11-летнего Дмитрия, отдал на воспитание дяде Сергею и тете Элле. Бездетный московский генерал-губернатор безмерно счастлив – он очень любит детей своего брата, которые и до вынужденной разлуки с отцом подолгу жили у него. Мария вспоминает: «Несмотря на глубокое сожаление, которое испытывал мой дядя по отношению к мезальянсу своего брата, он не мог скрыть радость от того, что теперь мы только его дети. Он непрестанно повторял: "Теперь я ваш отец, а вы мои дети!" А мы с Дмитрием сидели рядом, безучастно глядя на него, и молчали». Эти осиротевшие при живом отце дети еще сыграют важную роль в жизни Николая II – именно великий князь Дмитрий станет одним из убийц Распутина. Но это будет только через четырнадцать лет.

А пока они привыкают к жизни без родителей, в семье хозяина Москвы Сергея. Великая княгиня Мария («маленькая Мари») вспоминает, как восторженная толпа едва не раздавила их, когда в 1903 году император приехал в Москву на пасхальные праздники. Дети отправились вместе с Николаем II на экскурсию по Кремлевской стене. Горожане, заметившие императора, стали собираться в огромную толпу. Когда царь с детьми спустились по лестнице одной из башен и направились назад во дворец, толпа хлынула через ворота и с криками «ура!» окружила их.

«Под давлением массы народа мы с Дмитрием потеряли почву под ногами, – пишет Мария. – Нас… бросало из стороны в сторону неуправляемыми колебаниями толпы, которая могла затоптать нас насмерть, если бы дядя, увидев наше исчезновение, не остановил всех и не послал полицейских на поиски. Они нашли нас и возвратили назад, вытащив из вздымающейся людской волны. Мой жакет был разорван, на теле – синяки, но никаких серьезных повреждений. Император был заметно тронут этими знаками почитания и выражением верноподданнических чувств москвичей… Дядя был счастлив, что все окончилось хорошо; город, за который он нес полную ответственность, показал себя достойным такого случая. Народ, пусть и необузданно, спонтанно продемонстрировал свою верность царю; политический горизонт, казалось, был во всех отношениях безоблачен».

Однако полтора года спустя настроение народа изменилось – из-за войны. В 1904 году толпы под окнами великого князя Сергея собираются уже не чтобы выразить верноподданнические чувства. «Они начали швырять бутылки и камни в наши окна. Пришлось вызвать полицию и

выставить постовых вдоль тротуара, чтобы защитить вход в наш дворец», – вспоминает Мари.

Приехав в Петербург в ноябре 1904 года, великий князь Сергей, человек, «воспитавший» Трепова и Зубатова, возмущен новыми порядками настолько, что заводит с императором разговор об отставке и через некоторое время действительно уходит с поста генерал-губернатора на символическую должность командующего Московским военным округом. Впрочем, его влияние от этого только возрастает – император по-прежнему больше доверяет тем, кто не занимает важных государственных постов. Весь декабрь Сергей почти неотлучно находится при императоре.

Просится в отставку и Трепов: он собирается на Дальневосточный фронт.

Вычеркнуть интеллигенцию из словаря

24 ноября 1904 года министр внутренних дел Мирский приносит императору проект собственных реформ. Трудно сказать, кто из них больше взбудоражен: князь Мирский, которого травит столичный бомонд, или император Николай II, которого издергала собственная семья. Помимо матери и дяди Сергея в обсуждение государственного устройства и реформ включаются все старшие Романовы: родные братья Александра III Владимир (президент Академии художеств и командующий Петербургским военным округом) и Алексей (главнокомандующий флотом), а также его двоюродные братья Александр (Сандро) и Николай. Наконец, присоединяется императрица – в конце ноября она просит мужа познакомить ее с князем Мирским.

«Если не сделать либеральные реформы… то перемены будут, и уже в виде революции», – убеждает глава МВД царицу. Большинство благородных и образованных людей хотят осуществить эти реформы, «не трогая самодержавия», уверяет он. В этом и есть задумка Мирского: внушить царю и царице, что возможно идти навстречу обществу, даже не вводя конституции. Но императрица отвечает, что перемены «очень страшны», их нужно делать понемногу, и вообще «интеллигенция против Царя и его правительства, но весь народ всегда был и будет за Царя». На что Мирский замечает, что именно мнение интеллигенции имеет значение, а народ очень переменчив – он «сегодня может убивать интеллигенцию за царя, а завтра – разрушит царские дворцы – это стихия».

Тем не менее Николай II ненавидит интеллигенцию. Мирский вспоминает, что, когда он, еще будучи губернатором в Вильнюсе, произнес при императоре слово «интеллигенты», Николай II ответил резко, что ему противно само это слово и его «следует приказать Академии наук вычеркнуть из русского словаря». По словам Витте, государь нарочито не интересовался общественным мнением, поскольку считал, что общественное мнение – это мнение интеллигентов.

Начальник царской канцелярии генерал Мосолов в своих воспоминаниях подробно рассказывает о теории «средостения», которая очень популярна при дворе и в которую верят царь и царица. По этой теории, чтобы Россия жила в покое и согласии, между государем и его подданными должна существовать прямая связь. Царь стоит выше классов, партий и личного соперничества, желает добра своему народу и имеет

неограниченные ресурсы для его осуществления. Он не ошибается, не ищет личных выгод. У подданных есть утешение – они знают, что государь делает все, что в его силах, и все, что подсказывает ему его доброе сердце, чтобы подданные получили свою долю богатств страны. Чтобы эта идиллическая картина не нарушалась, нужно одно – чтобы царь всегда располагал достоверной информацией, знал, в чем нуждается народ.

Однако драма в том, что есть две силы, которым выгодно держать царя в неведении. Одну часть стены вокруг него образует бюрократия (включая министров), вторую – подстрекательница всех беспорядков интеллигенция (интеллектуалы). Интеллигенты мечтают занять положение бюрократии при новом режиме, который можно установить в России путем революции. Задача интеллигенции (третьей силы) со всеми ее газетами, памфлетами, лекциями, сомнительными связями за рубежом и деньгами, состоит в том, чтобы извратить отношения между благодетелем и народом. Царь ненавидит интеллигентов, агитаторов, возмутителей спокойствия, революционеров. Так бюрократы и интеллигенты возводят стену лжи вокруг доброго царя, замуровывая его во дворце и не давая возможности прямо поговорить со своими подданными и рассказать им, как сильно он их любит.

Императрице очень близка эта точка зрения – например, одним из главных мотивов канонизации Серафима Саровского было для нее единение царя с народом. Однако политические взгляды Александры еще малоизвестны двору, ее разговор с князем Мирским – политический дебют императрицы. Слух о том, что царица вступила в игру, разносится по Петербургу довольно быстро, но, поскольку высшее общество ее не любит, ей приписывают самые непопулярные взгляды, будто бы она уговаривает царя принять конституцию. Что, конечно, максимально далеко от ее политической позиции.

Обсудив проект указа о реформах, написанный Мирским, Николай его одобряет. Это умеренный документ, особенно по сравнению с резолюцией земского съезда. Здесь и частичная выборность Государственного совета (то есть превращение его в протопарламент), и свобода вероисповедания для старообрядцев, но главное – сохранение самодержавия. «Никто не станет теперь утверждать, что гласный суд и равенство всех перед законом несовместимы с самодержавным строем или что отмена телесного наказания является ограничением прав самодержца», – говорится в докладе Мирского.

Император говорит, что уже готов подписать указ, но сделать это единолично не может. Нужно созвать большое совещание с участием всех

членов комитета министров. Они с Мирским долго обсуждают, кого пригласить. Император говорит, что не хочет звать Витте, потому что тот «масон», и Победоносцева (ненавистного Мирскому), так как он «будет говорить все то же, что он говорит постоянно и что все знают». Мирский уговаривает царя все же позвать Витте. Когда глава МВД уходит, Николай II отправляет Победоносцеву записку: «Мы запутались. Приезжайте помочь разобраться в хаосе».

«Я вас поздравляю, господа!»

28 ноября 1904 года в Петербурге вновь происходит демонстрация у Казанского собора, которую вновь разгоняет полиция – все, как три с половиной года назад. «Сегодня на Невском творились безобразия, но рабочих не было видно, а много женщин, – записывает генеральша Богданович. – Полиции было видимо-невидимо – и конная, и пешая, и жандармы. Жаконе, которого полиция забрала, не разобрав, кто он, и отвела в участок, рассказывал, что было много раненых, но убитых не было. Толпа была очень большая, она тянулась от Николаевского вокзала вплоть до Адмиралтейства». Все участники совещания у царя 2 декабря, конечно, находятся под впечатлением от новых волнений.

Первым человеком, которого Мирский встречает 2 декабря по дороге на заседание, становится Победоносцев. Еще приходят все министры (включая царского зятя Сандро, для которого придумана должность министра торгового флота), руководители Госсовета и даже брат царя Михаил.

Из всех участников заседания по поводу реформ Мирского подробный рассказ о нем оставляет только Витте, но все прочие упоминания резко контрастируют с его версией. Вероятнее всего, Витте сильно приукрашивает свою роль, кое-где даже меняя смысл произошедшего на противоположный. В целом фабула такая: Мирский не заручился поддержкой никого из министров, поэтому почти никто за него не заступается – только 70-летний граф Дмитрий Сольский, престарелый глава Госсовета, в прошлом сподвижник Лорис-Меликова. Остальные, каждый по-своему, обрушиваются на план Мирского.

Витте, правда, высказывается довольно уклончиво. Министр финансов Владимир Коковцов говорит, что репрессии Плеве, конечно, привели к снижению доверия к России в финансовых кругах за границей, а в условиях войны это чревато полным разорением для российской казны. Но при этом нельзя позволить представителям общественности распоряжаться ресурсами государства.

Министр внутренних дел в основном молчит. После первого заседания Николай поручает Витте написать новый проект указа взамен подготовленного Мирским.

«Полная победа бюрократии. Дело провалилось и не остается ничего более, как приступить к постройке новых тюрем и вообще усилить

репрессию», – говорит Мирский своим сотрудникам после заседания.

Витте поручает написать доклад скромному чиновнику МВД по фамилии Крыжановский – через несколько лет он фактически станет первым политтехнологом России (хотя, конечно, в то время его так никто не называет). А пока ему предстоит стать автором политической реформы. Его доклад при этом не так уж и сильно отличается от проекта Мирского.

Однако накануне финального заседания 8 декабря напряжение возрастает. 5 и 6 декабря в Москве происходят студенческие волнения, в том числе напротив дома генерал-губернатора великого князя Сергея.

Финальное заседание 8 декабря вышло неожиданным. На него, кроме министров, пришли еще и дяди царя: великие князья Сергей, Владимир и Алексей. Казалось бы, идея всяких реформ должна быть похоронена, но граф Сольский выступает с собственной поправкой: создать что-то вроде нижней палаты парламента (он называет ее «первая инстанция»), которая может участвовать в рассмотрении законов до того, как они переданы в Госсовет, – правда, способ ее формирования не определен. Сольского поддерживает великий князь Владимир, потом царь, потом все единодушно соглашаются, что это компромисс: даже антиподы великий князь Сергей и князь Мирский. По воспоминанию Витте, несколько министров от величия исторического момента начинают всхлипывать.

Но семейная драма на этом не заканчивается. На следующий день к императору приезжают двое самых влиятельных его политических советников: мать и дядя Сергей. Они долго беседуют.

11 декабря вдовствующая императрица Мария Федоровна намекает Мирскому, что все в указе ей нравится, кроме пункта о выборах, которым она очень встревожена. Вечером того же дня Витте с готовым указом едет к царю. В кабинете сидит великий князь Сергей (он уже готовится к отставке, но остается доверенным лицом императора). Николай говорит, что его очень смущает пункт о выборах, они обсуждают, как его можно поправить. Витте говорит, что этот пункт ведет к конституции и, если император не хочет идти по этому пути, его нужно просто вычеркнуть. Царь переглядывается с великим князем Сергеем и отвечает: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа, и поэтому я последую вашему совету и пункт этот вычеркну».

Одновременно император изливает душу московскому предводителю дворянства Петру Трубецкому. Он, мол, пришел к выводу, что «одно самодержавие может спасти Россию»: «Мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда – я вас поздравляю,

господа!»

Николай II принимает решение отправить князя Мирского в отставку – но только через месяц, то есть в середине января 1905 года. Теперь он будет наместником на Кавказе.

14 декабря новый указ, написанный Крыжановским по заданию Витте, появляется в печати. Никакого упоминания о выборах в нем нет.

Поражение

21 декабря царь вместе с братом Михаилом едет на поезде в Минск, смотреть новые части, отправляющиеся на Дальний Восток. В поезде он получает известие о том, что Порт-Артур сдан. Этой новости ожидают давно: «Хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то значит воля Божья!» – пишет царь в дневнике.

Его реакция поражает даже ближайшее окружение. «Новость, которая удручила всех, любящих свое отечество, царем была принята равнодушно, не видно было на нем и тени грусти, – передает дворцовые слухи генеральша Богданович. – Тут же начались рассказы Сахарова (военного министра), его анекдоты, и хохот не переставал. Сахаров умеет забавлять царя. Это ли не печально и не возмутительно! Не дай бог, чтобы это проникло в народ, к недругам».

Через пару дней в столице становятся известны подробности сдачи города. «У его защитников не оставалось снарядов, все больны цингой и тифом, раненых бездна, японские снаряды попадали в госпитали и ранили уже раненых. Мы взорвали форты и суда в порту. Это второй Севастополь и ровно через 50 лет», – так описывает ситуацию великий князь Константин.

В декабре 1904 года все сравнивают Порт-Артур с Севастополем, а японскую войну – с Крымской. На тот момент именно Крымская война была символом позора и унизительного поражения, император Николай I не дожил до конца войны: он умер после провалившегося наступления на Евпаторию (по слухам, покончил с собой). Севастополь же был сдан только через полгода после его смерти. Чрезмерное спокойствие Николая II резко контрастирует с тем, как вел себя его прадед.

Алексей Суворин говорит, что «никогда не думал, что в России может быть революция, но теперь приходится думать, что она возможна». Сам Витте, по его словам, боится весны. Петербургский бомонд обсуждает, что теперь, после падения Порт-Артура, революция просто неизбежна.

Глава 6
В которой в России появляется первый лидер народного протеста – и зовут его Георгий Гапон

Кошмар после Рождества

В Рождество, 25 декабря 1904 года, профсоюз под руководством Гапона устраивает по всей столице елки. Пока дети веселятся, рабочие спорят о том, как помочь коллегам, уволенным с Путиловского завода. Гапоновцами движет не столько желание вернуть работу своим товарищам, сколько боязнь за свою репутацию, если они за них не вступятся. Революционеры постоянно стыдят Гапона и его последователей за бездействие, обвиняют их в работе на деньги режима. Никто не хочет прослыть продажным трусом, и вполне мирные прежде гапоновцы радикализируются.

27 декабря на общем собрании гапоновцы предлагают начать забастовку и написать петицию в поддержку уволенных. «Зубатовцы оправданы теми забастовками, которые затем приняли политическую окраску, – говорит один из рабочих, имея в виду стачку в Одессе, после которой самого Зубатова уволили и сослали. – Зубатовцы оправдали себя, смыли пятно, лежавшее на них. Нас тоже называют провокаторами, мы этой петицией смоем незаслуженное пятно».

Гапон против. Он понимает, что начало всеобщей забастовки станет если не концом организации, то концом его собственной карьеры, ведь настоящего протеста власти ему не простят. Однако выйти из игры амбициозный священник не может, он лидер и должен быть впереди. «Хотите сорвать ставку – срывайте!» – в сердцах говорит он[40]. 3 января 1905 года начинается забастовка на Путиловском заводе, 13 тысяч человек прекращают работу. К рабочим выходит директор завода, предлагает «бросить шутки» и начать переговоры, рабочие отвечают, что переговоры от их лица может вести отец Гапон. Директор говорит, что Гапон «враг рабочих и ведет их к гибели». В ответ один из активистов бросается на него с ножом, директор едва успевает убежать. До этого момента администрация еще готова идти на уступки: восстановить на работе трех рабочих из четырех. Но рабочие не готовы.

У здания завода начинается митинг, Гапон с повозки читает требования (помимо восстановления на работе уволенных): восьмичасовой рабочий день, отмена сверхурочных, улучшение вентиляции в цехах, увеличение зарплаты, легализация профсоюзов.

Вечером Гапону звонит столичный градоначальник Фуллон. Он поговорил с Витте и обещает восстановить всех уволенных рабочих. Но

этого уже мало – Гапон уговаривает градоначальника продолжить переговоры и берет с него обещание, что никто не будет арестован.

Переговоры не складываются: директор Путиловского завода отказывается принять требования рабочих. У него нет выбора, он наемный менеджер, акционеры давят на него, требуют, чтобы военные заказы выполнялись без задержек. На акционеров, в свою очередь, давит правительство.

В итоге 5 января к забастовке присоединяются другие заводы – бастует уже 25 тысяч человек.

Выстрел на Неве

1905 год начинается с символичного события. 2 января великий князь Сергей, только что оставивший пост московского генерал-губернатора, уезжает из Москвы в Царское Село. На перроне его по старой привычке провожает все городское чиновничество. Поезд еще не успевает тронуться, когда к начальнику московской полиции Дмитрию Трепову подходит молодой человек и трижды стреляет в упор. Великий князь выбегает из вагона, но оказывается, что Трепов невредим – покушавшийся ни разу не попал. Никому в голову не может прийти, что чудом спасшийся Трепов через две недели станет самым влиятельным человеком в стране, а настоящая угроза нависла не над ним, а над великим князем.

В Крещение, 6 января 1905 года, император вместе с высшим духовенством стоит в беседке на льду Невы и наблюдает праздничное освящение воды. После ритуала в Петропавловской крепости начинают палить пушки – и оказывается, что одна из них заряжена не холостыми, а боевыми снарядами. В Зимнем дворце разбито несколько стекол. Император и его свита не пострадали, но ранен полицейский по фамилии Романов, случайный однофамилец императора.

Все, включая самого императора, уверены, что это покушение. В считаные часы по городу распространяется слух, что революционеры пытались убить царя. Начинается следствие, которое возглавляет великий князь Сергей. Генеральша Богданович подробно записывает свежие сплетни о том, когда должны убить царя: следующее покушение якобы намечено на 12 января, ради него из Швейцарии в Петербург приехали анархисты. По одной версии, первыми мишенями должны стать царь, обе царицы и Победоносцев, по другой – готовы только три бомбы: для царицы-матери, великого князя Сергея и великого князя Алексея.

Под впечатлением от произошедшего и напуганный слухами, царь в тот же день уезжает из города в Царское Село. С этого момента главная резиденция российских императоров, которую начала строить еще дочь Петра I императрица Елизавета, больше никогда не станет домом для представителей царской фамилии. Следующим «первым лицом», поселившимся в Зимнем дворце после революции, будет Александр Керенский, глава Временного правительства.

Сплетни из дневника Богданович, как ни странно, недалеки от истины. Как вспоминает Борис Савинков, одна из трех групп Боевой организации,

приехавших из Швейцарии, действительно работает в Петербурге. Более того, активистка Боевой организации так успешно внедрилась в высший свет, что должна была подносить цветы царю на одном из придворных балов «в двадцатых числах декабря». Не спрашивая разрешения у ЦК, петербургская группа решилась на цареубийство. Лишь в последний момент бал был отменен из-за падения Порт-Артура. После этого боевики начинают разрабатывать новых жертв: министра юстиции Михаила Муравьева и дядю царя великого князя Владимира. Так что в январе царь уже зря опасается за свою жизнь – угроза миновала.

Все настолько увлечены возможным покушением на царя, что на забастовку рабочих мало кто обращает внимание. Власти на требования Гапона не реагируют, министр финансов Коковцов констатирует, что требования рабочих «представляются незаконными, а отчасти и невыполнимыми». Директор Путиловского завода Смирнов говорит, что не может выполнить ни одного пункта требований, потому что это разорит акционеров. А в условиях войны с Японией их силы и так на пределе.

Христос в пустыне

6 января – в течение суток – число бастующих увеличивается в четыре раза и достигает 100 тысяч. Гапон уже чувствует себя суперзвездой, его повсюду сопровождают поклонники, два десятка охранников-добровольцев и корреспонденты, в том числе иностранные. Он целыми днями выступает перед собраниями бастующих. В этот день он, по собственным воспоминаниям, произносит одну и ту же пламенную речь от двадцати до тридцати раз.

Подпольные революционные газеты, которые издаются за границей, конечно, не чувствуют атмосферу происходящего в столице, поэтому по привычке пишут о Гапоне уничижительно. Но в Петербурге уже всем ясно, что он – хозяин положения, все столичные оппозиционеры и просто политически активные граждане бегут к нему: вокруг него объединяются и эсеры, и либералы из Союза освобождения. В считаные недели Гапон оказывается руководителем самой крупной организации в столице. Среди новых сподвижников Гапона – Петр Рутенберг, 27-летний эсер, инженер Путиловского завода. Он всюду ходит с Гапоном и помогает ему редактировать тексты речей.

5 января Гапон решает, что нужно написать петицию к царю и отправиться к Зимнему подавать ее «всем миром». Шествие – самая смелая часть замысла, ведь петиции пишут все, но никому еще не приходило в голову собрать многотысячную народную демонстрацию в столице. Гапон пишет петицию царю, Рутенберг редактирует.

Это удивительный документ, полностью соответствующий представлениям Николая II и его окружения о «средостении», любви народной к царю, которой мешает стена из бюрократов и интеллигентов. «Нас поработили под покровительством твоих чиновников», «чиновничье правительство, состоящее из казнокрадов и грабителей»[41], – так начинает Гапон. И продолжает: «…Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение».

Внезапно верноподданническая мантра превращается в

революционное требование, о котором участники недавнего земского съезда даже подумать боялись, – созыв Учредительного собрания: «Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, – пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов».

В ночь на 7 января Гапон в целях безопасности решает больше не ночевать дома. «Последний раз посмотрел я на картину "Христос в пустыне", висевшую на стене, на мебель, сделанную для меня воспитанниками приюта, – высокопарно описывает он этот момент. – Подавленный горем, но исполненный твердости и решимости, я оставил свой дом, чтобы никогда больше его не увидеть». Много раз слышавший от почитательниц, что он «похож на Иисуса», Гапон и вправду все больше начинает ощущать себя мессией.

Красный платок, белый платок

7 января утром бастует уже 150 тысяч, рабочие захватывают Варшавский и Балтийский вокзалы, столица парализована. Во всех гапоновских отделениях зачитывается петиция, рабочие ставят под ней свои подписи, Гапон утверждает, что их собрано больше 100 тысяч. Все ждут воскресенья 9 января как второго пришествия или конца света. Власти долго не реагируют: и полиция, и градоначальник считают Гапона своим человеком, который не будет делать что-то вредное, поэтому не придают забастовке большого значения.

Утром 7 января Гапона вызывают в министерство юстиции. Он приходит в сопровождении помощников.

– Скажите мне откровенно, что все это значит? – спрашивает Гапона министр Николай Муравьев, бывший прокурор на суде над убийцами Александра II. Гапон просит министра пообещать, что его не арестуют, – и тот обещает.

– Страна, – так вспоминает Гапон свои слова, – переживает серьезный политический и экономический кризис; каждое сословие предъявляет свои требования, жалуется на свои нужды, выражая их в своих петициях к царю; настал момент, когда и рабочие, жизнь которых очень тяжела, желают также изложить свои нужды царю. Немедля напишите Государю письмо, чтобы, не теряя времени, он явился к народу и говорил с ним. Мы гарантируем ему безопасность. Падите ему в ноги, если надо, и умоляйте его, ради него самого, принять депутацию, и тогда благодарная Россия занесет ваше имя в летописи страны.

Муравьев меняется в лице, затем встает, делая знак, что встреча окончена. «Я исполню свой долг», – коротко ответил он. Гапон считает, что эти слова могут иметь только один смысл: он поедет к царю и посоветует ему стрелять без колебания.

Выйдя от Муравьева, Гапон пытается из приемной позвонить министру финансов Коковцову. И начинает говорить, что надо избежать кровопролития. Но не слышит ответа – их разъединяют.

С этого момента Гапон уверен, что беспорядков не избежать. Вечером он объезжает все одиннадцать отделов союза, где говорит рабочим, что они должны завтра идти со своими женами и детьми и что если государь не захочет их выслушать и встретит пулями, то у них нет более царя.

Трудно сказать, готовы ли были организаторы шествия к

кровопролитию на самом деле, но в петиции о нем не раз говорится: она с этого начинается («Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук») и этим же заканчивается («Не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем…»).

В ночь с 7 на 8 января охваченный эйфорией Гапон встречается с профессиональными революционерами, эсерами и социал-демократами, и рисует им другой план. Он, в отличие от десятков тысяч рабочих, знает, что царя нет в столице, но хочет дождаться его из Царского Села на Дворцовой площади. Затем с группой переговорщиков он встретится с Николаем, чтобы сообщить ему два требования: амнистии пострадавшим за политические убеждения и созыва всенародного Земского собора. Если Николай II согласится удовлетворить требования, Гапон выйдет на площадь с белым платком и «начнется великий народный праздник». В противном случае он достанет красный платок, скажет народу, что у него нет царя, и «начнется народный бунт». Но до этого момента он просит социалистов не трогать царя и не провоцировать толпу.

В последний день Гапон носится по городу, произносит десятки раз свою речь, призывая всех выходить на улицу. В интервью английскому журналисту он даже говорит, что, если требования не будут удовлетворены, они захватят телефон и телеграф. Но потом просит эти слова не публиковать.

Войска в городе

7, 8 и в ночь с 8 на 9 января проходят три совещания по поводу предстоящей демонстрации. 7 января министр внутренних дел Мирский собирает у себя дома начальника департамента полиции Алексея Лопухина, своего заместителя Константина Рыдзевского, министра финансов Коковцова, министра юстиции Муравьева, столичного градоначальника Фуллона и командира Гвардейского корпуса Сергея Васильчикова. Фуллон предлагает арестовать Гапона, но Мирский и Муравьев отказываются, говорят, будет только хуже. Мирский предлагает пустить небольшую группу представителей от рабочих на Дворцовую площадь (ведь принимал же он вместо всех участников земского съезда одного Шипова). Фуллон говорит, что будет вторая Ходынка. Мирский спрашивает, не стоит ли эвакуировать царя подальше – из Царского Села в Гатчину. Ничего не решив, чиновники расходятся. Мирский едет к императору в Царское Село – рассказать о происходящем. Николай не собирается приезжать в столицу, и, судя по всему, никто не воспринимает эту демонстрацию как какое-то невероятно важное событие.

В тот же день Фуллон проводит еще одно совещание, обсуждается переброска войск из Таллина (тогда Ревеля), Пскова и Петергофа в столицу, но окончательно этот вопрос решается в ночь с 8 на 9 января. Любопытно, что ни в одном из совещаний (включая то, на котором принимается решение о переброске войск) не участвует человек, непосредственно отвечающий за безопасность столицы, – командующий Петербургским военным округом великий князь Владимир. Дядя царя, известный как ценитель искусств и президент Академии художеств, просто не считает нужным все это обсуждать. Впрочем, именно он вскоре будет считаться виновником произошедшего.

Вопрос, как именно усмирять митингующих, не обсуждается – на этот счет нет двух мнений. Министры уверены, что рабочие если и выйдут на улицу, то, увидев кордоны, сами разойдутся. Никаких особенных распоряжений нет – все в соответствии с уставом. А по уставу у военных есть боевые патроны, сабли и нагайки, которыми они, при необходимости, и должны наводить порядок. Резиновых пуль и дубинок еще не изобрели.

Писатель Максим Горький встречается со своим другом Саввой Морозовым, чтобы расспросить его, чего ожидают предприниматели. Морозов настроен пессимистично – и пересказывает слухи, которые узнал

от петербургских коллег: «Возможно, что завтра в городе будет распоряжаться великий князь Владимир и будет сделана попытка погрома редакций газет и журналов. Наверное, среди интеллигенции будут аресты». И на всякий случай дает Горькому свой браунинг.

Спустя несколько часов он возвращается с новой информацией, что власти решили не пускать рабочих ко дворцу и устроить бойню, для чего в столицу прибыли войска из провинции. Горький бежит в редакцию газеты «Сын отечества» и требует немедленно собрать делегацию «от представителей интеллигенции» и пойти к князю Мирскому с просьбой не применять силу.

Вместе с Горьким идут семь человек, профессора и адвокаты. Глава МВД их не принимает, а сотрудник его аппарата спрашивает, от кого пришла почтенная делегация. «Я бы мог объяснить, "от кого" мы здесь, но опасаюсь – не поймут. В доме шефа жандармов это имя совершенно неизвестно – имя русского народа», – отвечает Горький. Так и не добившись встречи с Мирским, они идут сначала к шефу жандармов Рыдзевскому (с которым разговор не клеится), потом к Витте, но и Витте умывает руки: «Я бессилен что-нибудь сделать в желаемом вами направлении».

Горький описывает Витте с омерзением («Курносое маленькое лицо освещали рысьи глазки, было что-то отталкивающее в их цепком взгляде. Он шевелил толстым пальцем, искоса любуясь блеском бриллианта в перстне. Голос звучал гнусавенько») и запоминает только такую фразу: «Мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашим, господа…» Впрочем, эти воспоминания Горький напишет много лет спустя, с высоты положения великого советского писателя, и они могут иметь мало общего с его впечатлениями в этот день.

Во время вечернего совещания князь Мирский решает все-таки арестовать Гапона и расклеить по городу сообщение о запрете сборищ и шествий. Объявление расклеивают кое-где (типографии бастуют), но плакаты с призывами идти на Дворцовую полиция тоже не снимает – и у некоторых рабочих возникает ощущение, что власти не против шествия.

Арестовывать Гапона никто не едет. Командир корпуса жандармов Рыдзевский объясняет начальнику царской канцелярии, что Гапон засел в рабочем квартале и отправлять туда полицейских ночью опасно. «Что же ты хочешь, чтобы я взял на свою совесть десять человеческих жертв из-за одного поганого попа?» – говорит он. Арест в итоге планируют на утро.

Вечером 8 января князь Шервашидзе, муж императрицы Марии Федоровны и отчим Николая II, собирается в театр. К нему приходит

знакомый журналист Филиппов, который только что был у Гапона, и передает могущественному князю просьбу: чтобы не было насилия и народ мог увидеть Государя. В ответ Шервашидзе смеется: он уверен, что никакого шествия не будет, никто из рабочих никуда не пойдет из-за мороза – на улице минус пятнадцать.

«Нет больше Бога»

В ночь на 9 января Гапон с ближайшими сподвижниками прощаются, назначают себе заместителей на случай, если завтра погибнут, фотографируются на память. В воспоминаниях он напишет, что никакого плана на случай столкновения с войсками у него не было. Утром он просит рабочих взять в церкви иконы и хоругви. Священники не отдают церковный инвентарь, и рабочие отнимают его силой. Гапону, новому Христу, он сейчас нужнее. Шествие начинается в 10 утра, и уже через полчаса рабочие доходят до солдатских заграждений.

Что происходит потом, описано сотни раз, в том числе очевидцами, с разной степенью натурализма. Достоверность большинства рассказов под сомнением. Сам Гапон большую часть деталей в воспоминаниях заимствует из прессы. Максим Горький в очерке «Девятое января» детально описывает расстрел у Троицкого моста и около Дворцовой площади.

По воспоминаниям Гапона, сначала в толпу с шашками наголо врезается отряд казаков, а потом солдаты без предупреждения начинают стрелять. Гапон падает на землю во время каждого нового залпа, пока не поднимается один: остальные уже убиты или убежали. По легенде, он даже кричит «Нет больше Бога, нет больше царя» (впрочем, даже сам Гапон такой театральной фразы не помнит). И тут «кто-то берет его за руку и ведет в боковую улицу в нескольких шагах от места бойни». Это инженер Рутенберг. Он достает из кармана ножницы и обрезает Гапону волосы – рабочие, по его словам, делят их между собой. Они же отдают ему свою одежду – «рваное пальто и шляпу».

К этому моменту весь город уже превратился в поле боя. Всего к Дворцовой площади шло шесть колонн: три с севера и три с юга. Первой, в 11:30, на площади Нарвской заставы расстреливают юго-западную колонну, которую вел Гапон. Около 12 часов расстреливают три северные колонны – с Васильевского острова, с Петербургской и с Выборгской стороны. «Петербургская колонна» доходит до Троицкого моста, то есть до самого центра, справа от нее Петропавловская крепость, где похоронены все российские императоры, а слева строится особняк для бывшей любовницы императора балерины Матильды Кшесинской. Именно здесь солдаты дают залп и начинают расстрел, описанный Горьким.

Но через полчаса сюда же со стороны Финляндского вокзала мимо

особняка Кшесинской подойдет колонна с Выборгской стороны, которую без стрельбы разгонят нагайками. Удивительная ирония топографии Петербурга – через двенадцать лет той же дорогой проследует приехавший в столицу Владимир Ленин. Он прибудет на Финляндский вокзал и тем же путем отправится к особняку Кшесинской, уже построенному и брошенному своей хозяйкой. И обоснуется в этом доме, под стенами которого 9 января 1905 года погибло пятеро человек, а ранено несколько десятков – первые жертвы русской революции.

Однако самое страшное побоище происходит на Университетской набережной, куда приходит колонна с Васильевского острова. Здесь солдаты встречают отпор: колонна не разбегается, захватывает оружейную лавку и начинает биться с полицией. Символично, что это происходит прямо у стен Академии художеств, которую возглавляет великий князь Владимир, – считается, что именно он ввел войска в Петербург.

«Не забуду никогда – сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, – зрелище ужасное», – пишет Валентин Серов, наблюдающий за происходящим из окна Академии. Сорокалетний Серов, главный придворный художник, написал десятки портретов императора и его семьи, он отлично ориентируется в политической ситуации и понимает, что происходит за окном. Спустя несколько дней он напишет заявление о выходе из Императорской академии художеств, потому что больше не захочет состоять в одном учреждении с великим князем Владимиром. Ни одного портрета Романовых он с этого момента не сделает. «Я в этом доме больше не работаю», – будет говорить он.

Бой на Васильевском острове будет продолжаться почти два дня, только вечером 10 января власти окончательно подавят вооруженное сопротивление.

Больше всех повезло участникам колонн, идущих одна за другой с юго-востока по Шлиссельбургскому тракту. Офицеры не решаются открыть огонь по безоружным, ведь инструкции стрелять не было, каждый принимает это решение самостоятельно. Командир у Невской заставы выполняет приказ не пустить людей по суше, но за реку он не отвечает, поэтому толпа спускается на лед и благополучно доходит до Невского и Дворцовой площади. И там военные вновь открывают огонь, расстреливая людей и у Казанского собора, и на мосту через Мойку, и около самой Дворцовой, у Адмиралтейства.

«На моих глазах кто-то из толпы, разбегавшейся от конницы, упал, – конный солдат с седла выстрелил в него. Рубили на Полицейском мосту –

вообще сражение было грандиознее многих маньчжурских и – гораздо удачнее» – так иронично описывает события Горький.

Точных данных о числе погибших нет. По официальным данным, убито 130 человек и около 300 раненых. Гапон уверен, что убитых было от 600 до 900, а, например, эмигрантское «Освобождение» Петра Струве сообщает о примерно 1200 погибших. Статья «Палач народа», которую напишет Струве о «кровавом воскресенье», станет, наверное, самой жесткой в его жизни: «Разорвалась навсегда связь между народом и этим царём. Всё равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу, – после событий 9 января 1905 года царь Николай стал открыто врагом и палачом народа».

С самого начала ходят слухи о том, что власти скрыли большую часть трупов и поэтому распорядились не отдавать их родственникам. Публичные похороны запрещены, убитых хоронят ночью, тайно, в общих могилах.

«Убитые – да, не смущают»

Растерянного Гапона Рутенберг уводит домой к Савве Морозову, где ему сбривают бороду, переодевают в университетскую студенческую форму, и в таком виде он отправляется в квартиру Горького.

При встрече с ним в конце этого долгого дня, после увиденной бойни и неубранных трупов на Троицком мосту, Горький разрыдался. Однако весь этот ужас не подавляет писателя, а, напротив, возбуждает. Уложив обессиленного священника спать, он садится писать бывшей жене Екатерине Пешковой в Нижний Новгород: «Итак – началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые – да, не смущают – история перекрашивается в новые цвета только кровью. Завтра ждем событий более ярких и героизма борцов, хотя, конечно, с голыми руками – немного сделаешь».

Тем же вечером собирается заседание Вольного экономического общества – по сути, это продолжение череды интеллигентских банкетов, только теперь в зал набивается несколько тысяч человек. Присутствует вся столичная интеллигенция – в том числе Зинаида Гиппиус, Мережковский, Философов и приехавший к ним в гости из Москвы молодой поэт Боря Бугаев (он же Андрей Белый). «Можно себе представить, какая у нас началась буча. Все были возмущены. Да и действительно: расстреливать безоружную толпу – просто от слепого страха всякого сборища мирных людей, не узнав даже хорошенько, в чем дело» – так записывает в своем дневнике Гиппиус.

Туда же приезжает после нескольких часов сна Гапон вместе с Горьким и Рутенбергом. Первым на трибуну выходит писатель, зачитывает письмо Гапона и передает слово «его представителю». Выходит бритый и переодетый Гапон и говорит, что «теперь время не для речей, а для действий; рабочие доказали, что они умеют умирать, но, к несчастью, они были безоружны, а без оружия трудно бороться против штыков и револьверов, теперь ваша очередь помочь им». Даже если кто-то в зале узнал его, никто не показал виду. Потом Гапон, Рутенберг и еще несколько человек обсуждают за сценой, как достать оружие и организовать народное восстание, пока Горький стережет вход. Участники собрания пишут воззвания к офицерам, которое подписывают 459 человек. Через несколько дней, когда начнутся репрессии, листы с подписями сожгут.

Уже поздним вечером Гапон пишет еще одно воззвание к солдатам и

офицерам, в котором проклинает тех, кто убивает своих невинных братьев, и благословляет тех военных, кто поможет народу добиться свободы.

Прогрессивный министр финансов, будущий премьер Владимир Коковцов, тоже на всю жизнь запомнил этот день – главным образом потому, что все то и дело опаздывали. В своих воспоминаниях он подробно рассказывает, как две дамы, которые должны были приехать к нему днем, задержались из-за того, что на их пути «стреляли в толпу». Вечером сам Коковцов опоздал в гости, поскольку его карету не хотели пропускать. Однако ужина все равно пришлось ждать слишком долго, потому что из-за беспорядков задержался начальник главного тюремного управления – его карету закидали камнями.

Секретный диктатор

«Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали», – записывает в дневнике император вечером 9 января. Он в этот день ни с кем не встречается и никаких решений не принимает.

Как не принимает их никто другой из власти. Только 11 января, во вторник, министр двора (примерный аналог современного управделами президента) барон Фредерикс отправляется к императору с еженедельным докладом и просит начальника канцелярии, генерала Александра Мосолова, проверить, справляются ли силовики с подавлением волнений. Мосолов идет к градоначальнику Фуллону, который говорит, что полиция совершенно выбилась из сил, поскольку все время появляются новые очаги беспорядков, войска толком не помогают и есть причина опасаться, что «часть крамольников отправится в Царское Село».

Командующий гвардией, напротив, излучает спокойствие, рапортуя, что никаких инструкций офицерам не давал, они предоставлены сами себе, действуют по уставу, и нет причин сомневаться в их лояльности.

Мосолов сообщает Фредериксу, что ситуация крайне неспокойная и императору даже в Царском Селе оставаться небезопасно. Министр двора говорит, что он должен будет посоветовать императору, какие конкретные шаги нужно предпринять в этой ситуации. И тут начальник канцелярии Мосолов вдруг вспоминает разговор, который состоялся у него утром того дня с родственником.

Дело в том, что как раз 11 января к Мосолову приехал шурин из Москвы, который собирался ехать на дальневосточный фронт. Посмотрев на то, что творится в столице, шурин возмутился и сказал, что полиция ведет себя неправильно. Не надо, критиковал он, припирать толпу к стенке – это ее только злит и заставляет сопротивляться. Намного эффективнее вклиниваться, делить ее на части и загонять во дворы домов. Там можно переписывать документы, поодиночке выпускать – а главных крикунов отводить в участок. Именно так, говорил родственник, все время делали в Москве – и всегда удавалось обходиться без кровопролития.

Фамилия этого родственника – Трепов, он только что уволился с поста начальника московской полиции и собирается ехать воевать с Японией.

Когда министр двора, уже стоящий в приемной у императора в Царском Селе, кричит Мосолову в телефонную трубку, чтобы тот срочно придумал, что посоветовать императору, Мосолов отвечает: назначить моего шурина Трепова столичным генерал-губернатором, он быстро подавит восстание. Через полчаса министр перезванивает и требует немедленно вызвать Трепова в Царское Село. Вечером Трепов переезжает на новое место жительства – в Зимний дворец. Вскоре его будут называть популярным тогда словом «диктатор» – в данном случае человек, который диктует свою волю императору.

Князь Мирский наконец уходит в долгожданную отставку, о которой они с императором договаривались еще месяц назад. Всю власть император передает московской команде великого князя Сергея, главного противника Мирского, требовавшего от Николая II большей жесткости. Новым главой МВД назначен помощник великого князя Сергея Александр Булыгин, однако фактически правой рукой императора становится генерал-губернатор Трепов. И получает карт-бланш на любые жесткие меры.

14 января император пишет матери: «Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!»

Большая часть воспоминаний чиновников о первых днях после 9 января написана много лет спустя, но даже по ним можно заметить паранойю, которой охвачены все министры в первые дни после расстрела демонстрации. Они не могут поверить в то, что многотысячное шествие было стихийным и подготовил его священник Гапон. Почти все верят в колоссальный, тщательно спланированный заговор с участием членов правительства[42].

Репутацией самого хитрого интригана пользуется Витте, поэтому многие министры считают, что он все знал заранее. Коковцов, например, пишет, что Витте не мог не знать: во-первых, потому, что у него есть собственная агентура, во-вторых, потому, что Мирский советовался с ним по всем вопросам, а в третьих потому, что к нему приезжали «члены назначенного уже Временного правительства, уговаривая его взять все дело в свои руки» (за временное правительство Коковцов принимает интеллигентскую делегацию с Горьким во главе). Любопытно, что сам Коковцов уверяет, что впервые услышал имя Гапона только 8 января, хотя именно в структуру министерства финансов входит фабричная инспекция, то есть собственная «агентура», и про забастовку Коковцов знал.

Витте все отрицает. Он пишет, что «расстреливать беззащитных

людей, идущих к своему Царю с его портретами и образами в руках, просто возмутительно» и он якобы ничего не знал о будущем расстреле. Но коллеги ему, конечно, не верят.

Трепов одним из первых приказов требует арестовать всех «заговорщиков» и «временное правительство» – ту самую делегацию интеллигентов, которые 8 января просили не допускать кровопролития.

Собачий холод в Кремле

Когда после новогодних каникул великий князь Сергей возвращается в Москву, городские силовики уговаривают его вместе с семьей переехать из Александрийского дворца в Нескучном саду в Кремль. Уже вечером 10 января московские рабочие начинают бастовать и собираются вокруг Нескучного сада. В 11 вечера великий князь вытаскивает детей из постелей и отправляется в Кремль.

Дворец, в который они переезжают, долгое время не отапливался и не проветривался. «Влажный, леденящий холод стоял в его плохо освещенных апартаментах», – пишет маленькая племянница великого князя Мария. И даже сдержанный великий князь жалуется в своем дневнике на «собачий холод» Кремля. На следующий день, узнав о назначении своего верного помощника Трепова петербургским генерал-губернатором, Сергей пишет в дневнике: «Страшно за него».

Тем временем революционеры Борис Савинков и Иван Каляев уже месяц готовят покушение на самого Сергея. Сначала они планируют убить его на выезде из генерал-губернаторского дома на Тверской, потом следят за Нескучным, затем переключаются на Кремль. Они уже научились узнавать карету Сергея по фонарям, но потом выяснили, что с такими же фонарями ездит его жена. Чтобы не перепутать жертву, им приходится запомнить в лицо всех кучеров.

Савинков уже почти заканчивает приготовления, когда к нему приезжает неожиданный гость – однокурсник Петр Рутенберг. Он рассказывает о своем участии в событиях 9 января и о том, что пытается вывезти Гапона за границу. Ему нужны фальшивые паспорта. Савинков помогает их достать.

Нелепая бессребреница

11 января, несмотря на продолжающиеся волнения в городе, Горький садится в поезд и уезжает в Ригу, где умирает его возлюбленная, актриса Мария Андреева. Еще в «кровавое воскресенье» он пишет первой жене Екатерине: «Послезавтра, т. е. 11-го, я должен буду съездить в Ригу – опасно больна мой друг М [ария] Ф [едоровна] – перитонит. Это грозит смертью, как телеграфируют доктор и Савва. Но теперь все личные горести и неудачи – не могут уже иметь значения, ибо – мы живем во дни пробуждения России». А Савва Морозов, предыдущий любовник Андреевой, отвергнутый ради Горького, в это время дежурит у больничной койки; именно поэтому его нет в Петербурге во время волнений и его дом пустует, когда там переодевают Гапона.

Андреева уже год как ушла из Художественного театра. Сначала она играла в Старой Руссе, потом в Риге. И именно на рижской сцене с беременной Андреевой произошел несчастный случай: во время репетиции она упала в люк. Андреева потеряла ребенка, вследствие чего и началось осложнение. «Родная, милая, буду завтра. Держись. Раньше нет поезда. Собери все силы. Жди меня. Люблю. Ценю. Всем сердцем с тобой. Алексей», – телеграфирует ей Горький 10 января.

Однако в Риге его почти сразу арестовывают как заговорщика и члена «временного правительства» – и везут обратно в Петербург. «Идиоты! Им следовало бы арестовать весь народ, – пишет Андреевой друг Горького, ее однофамилец писатель Леонид Андреев. – Но жалко, что произошло это в момент Вашей болезни, жалко Алексея, который пошел в тюрьму с заботами и тяжелым сердцем. Вас не утешаю – Вы знаете хорошо, что арест не может быть продолжителен и тяжел, ибо времена Чернышевского прошли». Вскоре Леонида Андреева тоже арестуют за собрание членов РСДРП в его квартире.

Горький – в Петропавловской крепости, сходит с ума от беспокойства за жизнь Маруси. Тем временем между ней и Саввой Морозовым происходит важный разговор, обросший потом множеством легенд. Якобы 36-летняя Маруся говорит, что чувствует приближение смерти, а 42-летний Савва говорит, что она, конечно, переживет его. Актриса отвечает, что не хочет этого, потому что, если Морозова не будет, некому будет о ней позаботиться. И тогда Савва Морозов говорит, что в состоянии позаботиться о ней даже после смерти – и отдает Андреевой страховой

полис.

«Морозов считал меня "нелепой бессребреницей" и нередко высказывал опасение, что с моей любовью все отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку и чужие, и родные, – вспоминает Андреева. – Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг – психическое расстройство, – он и застраховал свою жизнь на 100 000 руб. на предъявителя, отдав полис мне». Это значит, что в случае его смерти Мария Андреева должна получить всю сумму.

Когда Андреевой несмотря на прогнозы врачей становится лучше, Морозов перевозит ее в Петербург и уезжает в Москву: на его фабрике начинаются волнения, ему надо срочно разобраться с делами. Но он берет с Маруси обещание, «что при первом признаке, что он нужен» Андреева вызовет его по телефону – и он немедленно вернется.

В сырой камере у Горького начинается сильный кашель и кровохаркание. О писателе хлопочет его официальная жена Екатерина Пешкова. Когда власти соглашаются освободить его под залог, оказывается, что у самого Горького, состоятельного писателя, нет необходимых ста тысяч рублей[43], – и Пешкова отправляется за деньгами к Морозову. Горького освобождают через месяц после ареста, 14 февраля, и они с Андреевой уезжают в Юрмалу (тогда Майоренгоф).

Бегство Гапона

12 января гладко выбритый Гапон в пенсне, приличном костюме и «великолепной шубе» приезжает на Царскосельский вокзал. С тщательной конспирацией, сделав множество пересадок, он уезжает в пригородную усадьбу, чтобы дождаться там Рутенберга с поддельным паспортом. Пытаясь успокоить нервы, он катается на лыжах, но это не слишком помогает, и, так и не дождавшись документов, неделю спустя Гапон решает прорываться через границу без них.

Вероятно, к лучшему, иначе его бы поймали, ведь у полиции есть подробная ориентировка: «…Роста среднего, тип цыганский, смуглый, волосы остриг, бороду сбрил, оставив маленькие усики, нос горбинкой, слегка искривлен, бегающие глаза, говорит с характерным малороссийским акцентом…»

Гапон находит контрабандистов. «Вдоль всей западной границы России живет население, значительная часть которого – профессиональные контрабандисты, занимающиеся одновременно и переводом беглецов через границу, входя для этого в сделку с пограничной стражей, – пишет он в своих воспоминаниях, адресованных, прежде всего, иностранной аудитории. – Раньше контингент бежавших через границу состоял преимущественно из крестьян, рабочих, евреев, поляков, литвин и других, гонимых отчаянием и всякого рода неурядицами из России в свободные страны, преимущественно в Америку. За последние годы контингент бегущих через границу состоит большею частью из политических, из преступников, из бегущих от воинской повинности и дезертиров».

По дороге Гапон едва не умирает от удушья, ночуя в доме, отапливаемом по-черному, но в последний момент все-таки просыпается. Везет ему и при нелегальном переходе границы: пограничник с ружьем, почти догнавший его, проваливается в снег и отстает. Бывший священник успевает пролезть под колючей проволокой на территорию Германии. Оттуда он пробирается в Швейцарию, где впервые становится, по его словам, «свободным человеком в свободной стране».

Анти-Гапон

Трепов придумывает, что «гапоновским рабочим» надо противопоставить собственных – и организует встречу императора с «правильными рабочими»[44]. Газета «Искра» вскоре находит одного из участников встречи с главой государства и публикует его монолог. По его словам, на фабрике специально искали человека, который бы удовлетворял таким критериям: «религиозен, чтобы за ним никаких проступков не числилось, не особенно умный, но со здравым смыслом, не молодой и не старик». Двух подошедших отвели в участок, раздели догола, потом разрешили одеться и повезли в Зимний дворец. Рабочие очень боялись, что их накажут. В Зимнем они обнаружили еще человек тридцать таких же – и все вместе очень долго ждали взаперти. Было очень скучно, жалуется рабочий. Потом появился Трепов и напутствовал их так: «Ну, господа, сейчас вы будете осчастливлены беседою с царем. Только молчите, когда он будет с вами разговаривать, и продолжайте кланяться». Их отвезли в Царское Село, они опять очень долго ждали. Потом, наконец, вошел царь, окруженный генералами и с листком бумаги в руках. «Мы все низко поклонились, а он, даже и не взглянув на нас, начал читать со своего листка. Был очень взволнован». Наконец после этого рабочих отвели на кухню и покормили «действительно царским обедом, с водкой». В город их отправили уже обычным поездом, с вокзала никто не развозил – пришлось идти пешком.

Речь царя на следующий день напечатана во всех официальных газетах. Она заканчивается словами: «Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их». Эти слова возмущают многих: сначала расстрелял, а потом прощает. Впрочем, еще один абзац из царской речи был изъят из печати. Он звучит так: «Что вы будете делать со свободным временем, если вы будете работать не более 8 часов? Я, царь, работаю сам по 9 часов в день, и моя работа напряженнее, ибо вы работаете для себя только, а я работаю для вас всех. Если у вас будет свободное время, то будете заниматься политикой; но я этого не потерплю. Ваша единственная цель – ваша работа».

Хотя следствие и не находит никаких признаков спланированной и подготовленной бойни в Петербурге, высказывается версия о зарубежных заказчиках[45]. Первым ее выдвигает Русская православная церковь: «… Люди русские, искони православные, от лет древних навыкшие стоять за

Веру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамеренными, врагами Отечества, домашними и иноземными, десятками тысяч побросали свои мирные занятия, решились скопом и насилием добиваться своих будто бы попранных прав, причинили множество беспокойств и волнений мирным жителям, многих оставили без куска хлеба, а иных из своих соображений привели к напрасной смерти, без покаяния, с озлоблением в сердце, с хулою и бранью на устах…» Гапона Святейший Синод лишает сана.

На следующий день несколько центральных газет, в том числе суворинское «Новое время», печатают сенсационное расследование, что якобы японское правительство выделило 18 миллионов рублей[46] на финансирование беспорядков в России. Эта информация недалека от истины: японцы действительно выделяют средства на дестабилизацию ситуации в России (например, на недавнюю конференцию оппозиционеров в Париже). Но к Гапону это не имеет никакого отношения – столь дерзкая операция японцам не могла бы даже прийти в голову.

Рождение политики

События 9 января производят на Савву Морозова глубокое впечатление, несмотря на то что он в этот день был в Риге. Он возвращается в Москву, где встречается с другими представителями крупного бизнеса. Молодые предприниматели согласны с тем, что молчать нельзя, надо публично выступить с протестом против действий властей. Главный единомышленник Морозова – 33-летний Павел Рябушинский, управляющий семейным банком и текстильными фабриками, которые он и братья унаследовали от рано умершего отца.

Савва Морозов и Павел Рябушинский пишут от имени промышленников открытое письмо правительству (всего его подписывает 47 человек)[47]. В нем говорится, что, по мнению бизнеса, забастовки имеют вовсе не экономические причины, а политические – «это отголосок накопившегося в стране недовольства, каковое одинаково испытывают как культурные элементы общества, так и народ». Главной проблемой Морозов и Рябушинский называют отсутствие прочных законов и всевластие бюрократии. И требуют гарантировать равенство всех граждан перед законом и судом, неприкосновенность личности, свободу слова и собраний, а также ввести всеобщее школьное обучение – по мнению предпринимателей, только эти меры могут перевести борьбу рабочих в нормальное, цивилизованное русло. Кроме того, они считают, что любые мирные забастовки (не сопровождаемые «буйствами») должны быть разрешены.

Открытое письмо промышленников Морозов должен передать Витте – он привозит его в Петербург, собираясь объяснить премьеру, что отсталость государственного устройства России мешает промышленному развитию страны; следовательно, реформы являются не прихотью смутьянов, а условием благосостояния государства.

Витте выслушивает Морозова и советует ему не лезть в политику: «Занимайтесь вашим торгово-промышленным делом, не путайтесь в революцию, передайте этот мой совет вашим коллегам по профессии». Морозов молча уходит.

Гапоновские «Собрания рабочих», как ни странно, становятся примером для подражания: люди самых разных профессий, прежде всего интеллигенция, начинают создавать собственные профсоюзы.

Они плодятся «как грибы после дождя», вспоминает глава столичной

тайной полиции полковник Герасимов. Создаются союзы врачей, учителей, адвокатов, инженеров – и даже возникают профсоюзы госчиновников. Собственный профсоюз планируют создать петербургские священники – первое собрание должно пройти в Казанском соборе. Об этом плане сообщают Победоносцеву. «Пошлите полицию и казаков. Пусть от моего имени нагайками разгонят этих попов…» – так реагирует церковный министр.

Самым политизированным является, конечно, профессорский союз. Идея создать его принадлежит профессору Московского университета, одному из активных членов Союза освобождения Владимиру Вернадскому. Первую статью о необходимости самоорганизации профессоров он написал еще в декабре 1904 года. Тогда его сразу поддержали десятки коллег.

Создать Академический союз решено 12 января 1905 года, приурочив это к 150-летию Московского университета. Однако из-за 9 января власти отменяют все торжества. Тем не менее профессора, как и запланировали, публикуют обращение к правительству – статью под названием «Нужды просвещения». Под ней подписываются 342 профессора и преподавателя, в том числе Владимир Вернадский, Климент Тимирязев и свеженагражденный (в ноябре 1904 года) нобелевский лауреат Иван Павлов – словом, все выдающиеся ученые страны.

Оппозиционным профессорам немедленно отвечают проправительственные. Суворинская газета «Новое время» публикует письмо 23 профессоров Новороссийского университета в Одессе: «Мы не находим достаточно ярких и сильных слов, чтобы выразить горячий протест против вовлечения университетов, имеющих свои высокие задачи, в чуждую им сферу политической борьбы», – негодуют сторонники режима. Впрочем, они явно не в большинстве. К концу марта к Академическому союзу присоединяется больше полутора тысяч человек. На своем первом съезде Академический союз принимает политическую декларацию. Профессора против «революционного насилия», поэтому «ради предотвращения анархии» они требуют перехода к конституционной монархии, свободы слова и собраний и ограничения власти бюрократии. Кроме этого участники съезда «считают нравственно невозможным чтение лекций, ведение практических занятий и производство экзаменов при условии применения в высшей школе репрессий и насилия» – то есть поддерживают студенческую забастовку, которая началась в январе.

Смерть в Кремле

2 февраля великий князь Сергей, уже бывший московский генерал-губернатор, с женой Эллой (официально она именуется великой княгиней Елизаветой Федоровной) и племянниками, 14-летней Марией и 13-летним Дмитрием, собираются в Большой театр. Дирижирует в этот вечер Рахманинов, поет Шаляпин.

Савинков знает, что великий князь Сергей будет в театре – этот благотворительный вечер в поддержку Красного Креста патронирует великая княгиня. Перед началом спектакля террористы занимают позиции вокруг театра: один бомбист стоит на Воскресенской площади (это нынешняя площадь Революции), а другой – на Манежной. Они знают, что Сергей поедет в театр через Никольские ворота Кремля, значит, они его точно не пропустят. Савинков спокойно садится на скамейку в Александровском саду и ждет взрыва.

Карета сворачивает на Воскресенскую площадь, едет прямо навстречу Каляеву, он узнает кучера и бросается наперерез карете. Террорист уже поднимает руку – и тут замечает великую княгиню Эллу и маленьких племянников. Он опускает бомбу и отходит. Карета подъезжает к Большому театру.

Каляев идет к Савинкову в Александровский сад. «Я думаю, что я поступил правильно, разве можно убить детей?» – вспоминает Савинков его слова. Тот отвечает, что не только не осуждает, но и высоко ценит его поступок. Каляев предлагает решить: вправе ли организация, убивая великого князя, убить его жену и племянников? Если организация прикажет, Каляев готов убить всю семью на обратном пути из театра. Савинков говорит: не надо.

«Спектакль в тот вечер был великолепным: пел Шаляпин, находившийся в зените славы, – вспоминает маленькая Мария. – Зал сверкал от драгоценностей и мундиров, и не было никаких мыслей о каком-либо несчастье». Это первый и последний раз, когда Шаляпин исполняет роль Евгения Онегина в опере Чайковского.

Два дня спустя великий князь Сергей в свое обычное время, после обеда, выезжает из Кремля в открытом экипаже и отправляется в генерал-губернаторский дом на Тверской, чтобы наблюдать за вывозом своих вещей. Дядя целует племянницу Машу, она хочет попросить его купить ей мандолину, но не решается – вдруг откажет, лучше подождать до вечера.

Девочка идет на урок математики, великий князь – к карете.

В это время на Красной площади стоят Савинков и Каляев. Второй террорист перенервничал во время неудавшегося покушения около Большого театра, и Каляев уверяет друга, что справится в одиночку, напарник ему не нужен: «Неудачи у меня быть не может. Если великий князь поедет, я убью его. Будь спокоен».

Они обнимаются на прощание. Каляев идет к Никольским воротам. Савинков заходит в Кремль через Спасские ворота, поднимается на холм с памятником Александру II, откуда хорошо видно стоящую у дома карету великого князя. Он не ждет, пока князь выйдет, а идет на встречу с сообщницей, 24-летней Дорой Бриллиант. Это она собирала бомбу.

Великая княгиня Мария занимается с учителем математикой в классе, окна которого выходят на Соборную площадь Кремля и колокольню Ивана Великого.

«Внезапно ужасный взрыв потряс воздух и заставил дребезжать оконные рамы, – вспоминает Мария. – Быстро-быстро мои мысли мелькали, спешили, беспорядочно метались в голове. Обрушилась одна из старых башен Кремля?.. С крыши съехала лавина снега, прихватив с собою крышу? А мой дядя… где он? Из своего класса прибежал Дмитрий. Мы посмотрели друг на друга, не осмеливаясь выразить вслух наши мысли. Стая ворон, взметенная взрывом, неистово кружилась над башней, а затем исчезла. Площадь начала оживать».

Тетя Элла выбегает из дома в наброшенном на голубое платье плаще. «Неописуемо мучительно тянулись минуты, – пишет Мария. – На площади было черно от людей. Но еще никто не пришел к нам, чтобы объявить весть, которую мы страшились узнать и в которой уже не могли сомневаться».

Тем временем Элла добегает до места взрыва, руками собирает куски, оставшиеся от мужа, и кладет их на армейские носилки, поспешно принесенные из ее мастерской, расположенной поблизости. Солдаты из казарм, находившихся напротив, прикрывают останки своими шинелями. Затем, подняв носилки на плечи, они относят тело в Чудов монастырь, примыкающий ко дворцу великого князя Сергея.

Иван Каляев оглушен взрывом и легко ранен. Он подбирает шапку и собирается уходить, но тут его хватают. «Чего вы держите, не убегу, я свое дело сделал! – кричит он. – Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство!»

Детей ведут в Чудов монастырь. «Моя тетя стояла на коленях рядом с носилками. Ее яркое платье выглядело нелепым среди скромной одежды

окружавших ее людей… Служба закончилась. Люди поднялись с колен, и я увидела тетю, направляющуюся к нам. Ее лицо было белым – ужасная застывшая маска боли».

Великая княгиня Элла не плачет. Зато на плече у Савинкова почему-то рыдает Дора Бриллиант: «Это мы его убили… Я его убила… Я…» «Кого?» – переспрашивает Савинков, думая, что она говорит о Каляеве. «Великого князя».

Вечером того дня Элла отправляется навестить раненого кучера. Чтобы не расстраивать его, она не переодевается в черное, а идет все в том же ярком голубом платье, рукава которого запятнаны кровью. Она с улыбкой говорит раненому кучеру, что с великим князем все в порядке и он жив. Ночью кучер умрет.

Любой ценой

«Ужасно, ужасно», – повторяет генерал Трепов, сидя в своих царских покоях в Зимнем дворце. Он только что узнал о гибели великого князя Сергея. В этот момент к нему впервые заходит новый начальник тайной полиции, назначенный вместо Алексея Лопухина, – Александр Герасимов.

«Я узнал, что в Петербурге работает новая террористическая группа, – говорит Трепов новичку, приехавшему из Харькова. – Она недавно прибыла из-за границы. Готовятся покушения на великого князя Владимира, на меня и – кто знает – на кого еще. Слушайте: ваша первая задача – ликвидация этой группы. Не горюйте о том, что это нам дорого обойдется. Любой ценой схватите этих людей. Поняли? Любой ценой!»

Герасимов едет на работу. Он неожиданно понимает, что легендарное столичное охранное отделение – могущественная тайная полиция, которой боится весь Петербург, – на самом деле в полном хаосе. Никакой информации о том, кто готовит покушения, нет. И тогда полицейский чиновник Герасимов берет решение на себя: он сообщает всем потенциальным мишеням террористов, что они больше не должны покидать своих домов, пока он не войдет в курс дела. И Трепов, и великий князь Владимир, президент Академии художеств и командующий столичным военным округом, и даже сам император подчиняются. Они подвергают себя добровольному домашнему аресту. На несколько месяцев.

«Жена того, кого вы убили»

«В течение всех этих горестных дней моя тетя являла собой пример почти непостижимого героизма, – пишет великая княжна Мария. – Никто не мог понять, откуда у нее силы, чтобы перенести это несчастье. Всегда замкнутая, теперь она замкнулась еще больше. Только глаза и иногда измученное выражение лица выдавали ее страдание. С энергией, которая особенно поражала после долгих лет почти полной пассивности, она взвалила на себя все неприятные дела».

Через три дня Элла едет навестить Ивана Каляева. Они встречаются в присутствии градоначальника и офицера в отделении полиции, куда специально привозят Каляева из арестного дома (то есть из СИЗО).

– Кто вы? – спрашивает Каляев.

– Жена того, кого вы убили, – отвечает великая княгиня. – Скажите, за что вы его убили?

– Про то знают те, которые поручили мне это исполнить. Это результат существующего режима, – отвечает террорист.

– Зная доброе сердце покойного, я прощаю вас, – говорит она и просит градоначальника и офицера выйти. Еще около двадцати минут она проводит с арестованным наедине.

«Мы смотрели друг на друга, – вспоминает встречу сам Каляев. – Не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я – случайно, она – по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития. И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе, за то, что она не погибла.

– Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас. – И я взял иконку. Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя.

– Моя совесть чиста, – повторил я, – мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не только одну.

Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также встал.

– Прощайте, – сказал я. – Повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я его исполню до конца и вынесу все,

что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся».

О чем на самом деле разговаривали Каляев и великая княгиня, неизвестно, она об этом не рассказала даже детям.

«Несмотря на определенную долю восхищения, вызванного таким экзальтированным поступком, мы с братом принадлежали к поколению, которое было слишком рациональным, чтобы верить в полезность такого жеста, – пишет Мария. – Анархисты в этот период были безумцами и фанатиками, полностью убежденными в справедливости и законности своих преступлений; разыгрывая из себя героев, они не нуждались в помощи и прощении, и уж конечно же не от жен своих жертв».

Газеты пишут, что якобы Каляев плакал и на коленях просил у великой княгини Елизаветы прощения. Узнав об этом, он пишет ей длинное возмущенное письмо. «Я вполне сознаю свою ошибку: мне следовало отнестись к вам безучастно и не вступать в разговор. Но я поступил с вами мягче, на время свидания затаив в себе ту ненависть, с какой, естественно, я отношусь к вам. Вы знаете теперь, какие побуждения руководили мной. Но вы оказались недостойной моего великодушия».

С этим письмом Каляев возвращает и икону – впрочем, письма Элле не передают. Спустя неделю Каляев просит о второй встрече, она отказывается.

5 апреля начинается суд. Каляев произносит речь, которой очень гордятся все его товарищи по партии: «Я – не подсудимый перед вами, я – ваш пленник. Мы – две воюющие стороны. Вы – представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я – один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившееся по всей стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов».

Потом он произносит целую речь в адрес убитого великого князя, обвиняя его в ходынской катастрофе, и объясняет свой поступок тем, что «Боевая организация должна была безответственного перед законом великого князя сделать ответственным перед народом».

Каляева приговаривают к смертной казни. Он подает апелляцию, которую суд отклоняет. Николай II требует, чтобы министерство юстиции добилось от подсудимого прошения о помиловании. Тот отказывается. 10 мая Каляева вешают в Шлиссельбургской крепости.

«Бристоль»

1 марта, в годовщину убийства императора Александра II, в Петропавловской крепости должна пройти торжественная панихида. Боевой организации известно, что на нее, несмотря на добровольную изоляцию, приедут все высшие чины. На подъезде к Петропавловской крепости запланированы четыре взрыва: Трепов, великий князь Владимир, глава МВД Булыгин и его заместитель Дурново должны быть убиты.

Однако взрыв случается один и чуть раньше – 26 февраля. В гостинице «Бристоль» террорист Максимилиан Швейцер, собирая бомбу, нечаянно разбивает стеклянную колбу и пускает в воздух весь запас взрывчатки, который привезла в столицу Боевая организация эсеров. Швейцер погибает, спасая от смерти четырех ключевых членов правительства.

Одновременно тайная полиция наконец находит подходящего революционера, который готов эффективно на нее работать: это сосланный в Иркутск за создание подпольной типографии сын варшавского протоиерея Николай Татаров. «В жажде денег и тяготясь ссылкой», он соглашается доносить на эсеров, вспоминает генерал Герасимов. С помощью доносов Татарова полиция начинает аресты и вскоре выходит на Татьяну Леонтьеву, дочь якутского вице-губернатора, ту самую девушку, которая должна была убить царя во время бала. Несмотря на протесты ее придворных родственников, комнату Леонтьевой, без пяти минут фрейлины императрицы, обыскивают и находят там чемодан с динамитом. Она могла стать самым ценным агентом – но ее разоблачают буквально за несколько дней до преступления века. Леонтьеву сажают в Петропавловскую крепость.

Гастроли в Европе

Гапон добирается до Женевы к началу февраля. Он не говорит ни на одном иностранном языке, поэтому ему приходится все время искать русскоговорящих помощников. В Германии его чуть не арестовали и не выслали в Россию, приняв за дезертира. В Женеве он не находит человека, которого ему советовал Рутенберг, и первую ночь проводит на улице. На второй день он натыкается на русскую эмигрантскую библиотеку, спрашивает там адрес Плеханова. И поскольку Плеханов – главная знаменитость среди местных русских революционеров, его адрес известен всем: рю де Кандоль, 6.

Каждый продвинутый русский интеллигент, путешествующий по Европе, непременно приходит по этому адресу. Все знают, что вечером «первый марксист России» пьет пиво в кабаке на первом этаже своего дома. Гапон этого не знает, он заявляется прямо в квартиру – и его не пускают. Только после того как Гапон раскрывает свое имя, Плеханов принимает его.

Вскоре местные марксисты окружают гостя плотной заботой, селят его в одной комнате с известным революционером Львом Дейчем, выдают ему кипу книг по социализму и готовятся принять попа-расстригу в свои ряды. В разговорах на кухне Гапон уже признается, что чувствует себя социал-демократом. Но тут, наконец, из Петербурга приезжает Рутенберг и вырывает друга из тесных объятий меньшевиков. Плеханов обижается и перестает разговаривать с Гапоном.

Рутенберг знакомит Гапона со своими товарищами – с Бабушкой Брешковской, с Виктором Черновым и Азефом. Всем хочется прикоснуться к знаменитости. Самому же Гапону приходит в голову идея объединить все русские революционные партии и встать во главе их – как он стоял во главе петербургских рабочих. Он уже знает, что Плеханов ненавидит Ленина и его окружение и с крайним недоверием относится к эсерам. Гапону кажется, что только он может привести русских эмигрантов к революции.

Познакомиться с Гапоном торопится и Борис Савинков. По его воспоминаниям, после успешного убийства великого князя Сергея, зная, что в Петербурге его товарищи планируют покушение на другого императорского дядю, командующего столичным военным округом великого князя Владимира, он все же не едет им на помощь, а решает вернуться в Женеву – «чтобы посоветоваться с Азефом и Гапоном». Если Азеф для него – непосредственный начальник, то Гапона он никогда даже

не видел. Зато он – легенда. «Поздоровавшись со мною, он взял меня под руку и отвел в другую комнату. Там он неожиданно поцеловал меня – так вспоминает Савинков первую встречу с Гапоном: "Поздравляю". Я удивился: "С чем?" "С великим князем Сергеем". Один только Гапон счел нужным "поздравить" меня с "великим князем"», – с некоторой обидой на товарищей отмечает Савинков.

По его словам, вся русская Женева очарована Гапоном – кроме Азефа. И это взаимно: Гапону не нравится грубость и авторитарность Азефа, то, что он не признает в нем лидера. «Он командует ими, и они безропотно сносят все его капризы, – вспоминает Гапон. – Я попробовал возражать и доказывать, что он во многом увлекается. Мои слова встретили живой отпор. Мы друг друга невзлюбили…» Гапон не знает и никогда не узнает, что Азеф – агент полиции. Особенно Азефу не нравится идея Гапона создать новую боевую организацию, о которой он («агент Раскин») немедленно доносит в Петербург.

Гапон увлеченно упражняется в тире и учится верховой езде, но не слишком интересуется книгами классиков марксизма. Верный своей идее объединить всю русскую оппозицию, он назначает встречу и лидеру большевиков Владимиру Ленину. Накануне встречи, по воспоминаниям Крупской, Ленин очень волнуется и весь вечер ходит по комнате. Гапон с его страстной манерой говорить производит на Ленина замечательное впечатление. И он советует новому знакомому побольше читать: «Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь», – говорит Ленин Гапону и показывает под стол. Десятилетия спустя советские историки будут заявлять, что Крупская «компрометирует Ленина», вспоминая, что тот подпал под обаяние Гапона.

В Париже, куда Рутенберг везет Гапона, встречи с «организатором 9 января» ждут главные политики Франции: лидер объединенной социалистической партии Жан Жорес и будущий премьер-министр Жорж Клемансо. Внимание западных знаменитостей кружит Гапону голову. Он видит собственные фотографии на первых полосах газет – и чувствует, что это только начало.

Паника в Китае

На Дальнем Востоке продолжается сражение вокруг Мукдена (современный Шэньян). Это столица Маньчжурии, крупнейший город на северо-востоке Китая, родина правящей китайской династии – и одновременно русский форпост на Дальнем Востоке. Главнокомандующий Куропаткин клянется, что больше отступать российская армия не будет, и держит оборону.

Изнурительная битва около Мукдена продолжается три недели. Японцы наступают, после долгого сражения Куропаткин приказывает отступить, причем три корпуса оказываются отрезанными от основных сил, начинается паника. Силы обеих армий истощены. Потери японцев как минимум в два раза больше, чем потери русских, но в итоге именно российская армия 25 февраля 1905 года покидает город.

«Это было последнее, но великое наше поражение, – пишет Витте. – Я не помню ни одного такого громадного поражения на суше, которое бы потерпела русская армия, как то, которое мы потерпели в Мукдене».

Капитан Деникин, участник русско-японской войны, считает, что «стоило лишь заменить заранее несколько лиц, стоявших на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может, даже гибельный для зарвавшегося противника». Генерал Куропаткин, которого в течение двух лет превозносит пресса, теперь становится позором и посмешищем, Николай II снимает его с должности главнокомандующего.

Мукденское поражение производит чудовищное впечатление на все российское общество: у всех такое ощущение, что власть трещит по швам, ни на что не способна и должна немедленно реформировать себя или уходить.

Между тем силы японской армии тоже на пределе. До этого момента она выигрывает все сражения – однако не может вести такую изнурительную войну бесконечно. Под Мукденом японцы теряют больше 70 тысяч человек. В интересах японцев закончить войну как можно скорее – слабость российской армии в том, что основные ее силы находятся очень далеко от фронта. Если же Россия продолжит упрямо перебрасывать новые части из Европы на Дальний Восток, Японии рано или поздно будет нечего им противопоставить.

Японский генштаб задается вопросом: что сделать, чтобы российские

власти закончили войну как можно быстрее? Тогда разведка советует помочь русским революционерам: после 9 января положение властей очень шатко. Бывший японский военный атташе Мотодзиро Акаси пытается наладить связи с российскими революционерами и снова обращается к финскому сепаратисту Конни Циллиакусу. Теперь у него новая цель: выйти на самого популярного революционера в России, дать ему денег и организовать революцию. Самый популярный – с большим отрывом – это Георгий Гапон.

«Дуб с корнем выворачивает»

Вскоре после встречи с Витте Савве Морозову приходится срочно уехать в Москву: забастовка начинается на его собственных заводах. Его жена Зинаида уверена, что рабочие Саввы поддались на агитацию революционеров или взяли пример с соседних фабрик, принадлежащих его двоюродным братьям. Рабочие составили список требований из 95 пунктов, и, когда руководство фабрики изучило его, по 18 пунктам ответ был: «Так и делается». То есть ультиматум, по словам Зинаиды, писал чужой человек, плохо осведомленный о порядках на морозовской фабрике, где условия труда лучше, чем на большинстве московских предприятий.

Впрочем, сам Савва уже много лет назад отошел от управления, он не понимает, что там происходит и как его рабочие могут бунтовать. Приехав на фабрику, он собирает бастующих. Большой зал набит до отказа, люди сидят на окнах и ступенях. Савва Морозов внимательно выслушивает требования рабочих и говорит им, что доложит о них правлению (которое возглавляет его мать). «Какое правление?! – возмущается толпа. – Мы его знать не хотим – ты наш хозяин. Ты все можешь сделать!» По словам жены, на Морозова встреча производит удручающее впечатление, и, не окончив ее, он уезжает.

Другую историю рассказывает купец Николай Варенцов. По его словам, рабочие среди ночи разбудили Морозова в его особняке в десяти километрах от фабрики: «Ему, с больной психикой, с разбитыми нервами, пришлось выйти к толпе рабочих, ночью, полураздетому. Вид у него был подавленный, жалкий. Один из рабочих, видя его в таком состоянии, желая успокоить, потрепал по плечу и сказал: "Что, испугался? Не бойся! Возьмем фабрику, тебя без куска хлеба не оставим, будешь служить, жалованье сто рублей положим!"»

Уговорить правление у Морозова не получается. Мать, которая де-юре возглавляет семейную компанию, категорически против любых политических инициатив. Она запрещает сыну идти на уступки рабочим и грозится окончательно отстранить его от дел. 17 марта правление переизбирает Марию Федоровну Морозову директором-распорядителем, а Савву – ее заместителем. Одновременно правление решает отправить на фабрику войска для подавления волнений.

15 февраля Савва телеграфирует в Ригу Горькому и Андреевой: «Нездоров, несколько дней пробуду в Москве». Они начинают

беспокоиться: Горький считает, что «нездоров» – значит под домашним арестом. Во всех письмах друзьям и Екатерине Пешковой он просит узнать, как там «отец» – так писатель называет Савву Морозова.

Но у Морозова действительно случается нервная болезнь из-за давления со всех сторон. Рабочие бастуют, и мать обвиняет во всем его: «Доигрался до забастовки? Умней всех хотел быть! …У нас – не Англия… Русскому мужику нужна острастка, он на ней вырос».

25 февраля мирный ход забастовки нарушен. Рабочие нападают на солдат, охраняющих нефтяные баки, те открывают стрельбу. В результате четыре человека в тяжелом состоянии попадают в больницу. В «Искре» выходит статья «О чудовищной эксплуатации рабочих Никольской мануфактуры и об издевательствах над ними Саввы Морозова». Савва Морозов, который сам несколько лет финансировал «Искру», погружается в тяжелую депрессию.

Что с ним происходит дальше, загадка. Известно, что нервное расстройство Саввы усугубляется, но насчет причин мнения расходятся: есть две противоположные версии, возникшие в апреле 1905 года и – удивительно – живущие до сих пор. Историки убежденно отстаивают либо одну, либо другую, не обращая внимания на противоречия.

По мнению друзей Саввы, в первую очередь Горького и Маруси, миллионера сводит с ума его семья. «Вон ведь какой дуб с корнем выворачивать начинает – Савву Тимофеевича, – пишет Андреева своей сестре 14 апреля. – До чего жаль его, и как чертовски досадно за полное бессилие помочь ему: сунься только – ему повредишь, и тебя оплюют и грязью обольют без всякой пользы для него. Хотя еще подумаем, может быть, что-нибудь и придумаем». Как помочь Морозову, она так и не придумает.

Савва Морозов находится в депрессии из-за неспособности вмешаться в судьбу собственного бизнеса, мать и жена запирают его дома, угрожают объявить психически неполноценным и начинают принудительно лечить – такой версии придерживаются все советские историки. Горький утверждает, что слышал от Морозова такую фразу: «Одинок я очень, нет у меня никого! И есть еще одно, что меня смущает: боюсь сойти с ума. Это знают, и этим тоже пытаются застращать меня».

У семьи Морозовых другая версия – она считает, что Савву окончательно добила ссора с Горьким. По словам Зинаиды, узнав, что против рабочих применили оружие, Горький написал Морозову грубое письмо. Савва лежит с нервным расстройством дома, пытается оправдаться, просит передать Горькому, что не виноват, не может повлиять

на правление, что он болен. «Ничего, поправится», – якобы отвечает Горький. «У Саввы Тимофеевича остался очень горький осадок от отношения к нему Горького», – утверждает его жена. Зинаида Морозова ненавидит Горького и особенно Марусю Андрееву (бывшую любовницу Саввы), поэтому очень пристрастна. Это письмо Горького не сохранилось – не исключено, что его вообще не было.

Еще Зинаида вспоминает, что в апреле Горький приехал к Морозову и они поссорились. Этой встречи не было точно – писатель в тот момент живет в Крыму под постоянным наблюдением полиции. И из сохранившихся отчетов наружного наблюдения следует, что Горький в Москве у Морозова не появлялся.

Тем не менее этой версии – будто Морозова погубили Горький и его друзья-революционеры – придерживаются все постсоветские историки. Они считают ключевым персонажем в этой драме Леонида Красина, главу Боевой организации РСДРП и друга Марии Андреевой. Он, по протекции Маруси, работает инженером на фабрике у Морозова, но в феврале увольняется. По этой версии он требует у Саввы денег, но тот ему отказывает – что становится причиной окончательного разрыва между Морозовым и революционерами.

Доподлинно известно только то, что 43-летний Савва Морозов совершенно одинок и несчастен. У него плохие отношения с семьей, которая считает его социалистом-безумцем, а революционеров интересуют только его деньги. Как, впрочем, и Станиславского с Немировичем. Вслед за Андреевой еще в 1904 году он забросил МХТ.

Наконец, его оставили ближайшие друзья Горький и Андреева. Сначала они живут в Юрмале и почти не интересуются его состоянием, потом уезжают в Крым лечить Горького от туберкулеза. Горький отпущен из тюрьмы только до суда, он усиленно готовится к процессу, намереваясь использовать его как трибуну.

«Осенью Алеше, по всей вероятности, придется "сидеть", а я в это время буду гастролировать и наживать деньги, вот оно и будет разделение труда, – описывает Андреева в письме к сестре планы на осень. – Если же все останемся живы и целы, то на следующий сезон или устрою свой театр, или поступлю совсем в театр Комиссаржевской».

Что такое конституция

В Москве бурлит оппозиционная активность. Активисты Союза освобождения, в том числе Иван Петрункевич, пишут свой вариант российской конституции. Их основной закон предусматривает, что Россия – монархия, однако с двухпалатной законодательной Государственной думой и ответственным перед ней правительством. Отдельно прописываются пункты, особенно важные для российского подданного 1905 года – и чаще всего нарушаемые властями: все граждане равны перед законом, гарантируется тайна переписки и неприкосновенность жилища, цензура запрещена. Наконец, «каждый волен, не снабжая себя паспортом, свободно избирать или менять свое местожительство и занятие, приобретать повсюду имущество, свободно перемещаться внутри государства и выезжать за его пределы».

Проект начали обсуждать еще во время банкетной кампании в 1904 году – теперь же конституцией начинают интересоваться не только политические активисты, но и обыватели – московский высший и средний класс. На одно из обсуждений проекта конституции приходят даже Савва Морозов с женой. Зинаида иронизирует, что в зал набивается огромное количество людей, которые вообще «не знают, что такое конституция».

Она, конечно, недооценивает публику. Весной 1905 года московские купцы повально начинают интересоваться политикой – раньше все увлекались театром, сейчас в моде конституция. В начале марта по инициативе Саввы Морозова в Москве собирается совещание представителей предпринимательских организаций из всех промышленных районов России. Морозов, Рябушинский и еще несколько лидеров пишут петицию с требованием привлечь крупный бизнес к разработке закона о политической реформе.

В апреле в Москву приезжает человек, который точно знает, что такое конституция, – Павел Милюков. Бывший преподаватель Московского университета, который почти десять лет провел за границей (в Болгарии, в Италии, в Англии) с перерывом на две российские тюрьмы. Последние полгода он преподавал в Чикаго, но прервал свой контракт после Кровавого воскресенья и вернулся на родину. В Москве протест в моде, и «историк-диссидент» оказывается сразу в центре всеобщего внимания. Его зовут читать частные лекции в лучших домах города – сначала он выступает перед дворянами, потом перед студентами, наконец его ангажирует

купечество. Всякий раз публика ломится. Милюков быстро оказывается в центре либеральной общественной жизни.

В апреле 1905 года в Москве собирается Второй земский съезд – продолжение тех «генеральных штатов», которые созывал осенью прошлого года в Петербурге Дмитрий Шипов. Милюков, конечно, не член земского собрания, поэтому не может участвовать в съезде, – но его, вместе с другими московскими знаменитостями, приглашают в качестве зрителя (публика сидит в соседней комнате и слушает через открытую дверь, что обсуждают земцы). Так, например, Милюков знакомится с 45-летним Михаилом Родзянко, депутатом из Екатеринослава (большую часть XX века этот город будет называться Днепропетровск). Через десять лет Родзянко и Милюков будут вместе руководить работой Государственной думы, о возникновении которой они пока только мечтают.

Милюков не участвует в съезде – зато вволю дискутирует с его участниками в неформальной обстановке. Самые жаркие споры у него разгораются с университетским товарищем, ныне депутатом Московской городской думы, Александром Гучковым. Камень преткновения – польский вопрос. «Европеец» Милюков доказывает необходимость предоставления Польше автономии, Гучков категорически против. Их споры становятся популярным светским аттракционом, симпатии большинства публики на стороне Милюкова.

У заезжей звезды Павла Милюкова появляется покровительница – богатая купеческая вдова Маргарита Морозова. До замужества она была Мамонтовой, Савве Мамонтову приходится племянницей. А ее покойный муж принадлежал к династии Морозовых – был двоюродным племянником Саввы Морозова. Морозова считается одной из первых красавиц Москвы, в нее влюблен популярный поэт Андрей Белый. У 46-летнего историка и 30-летней миллионерши начинается роман. Маргарита Морозова так увлечена гостем из Америки и его политическими взглядами, что даже выделяет ему деньги – она становится одним из первых спонсоров политической партии Милюкова. Так лектор без места, вынужденный кочевать по зарубежным университетам, становится важным политическим лидером.

Тем временем Савва Морозов, еще недавно бывший самым политическим активным московским предпринимателем, подавлен и остается в стороне от всеобщей дискуссии. Два месяца назад он писал свой план реформ – а теперь разработка проекта конституции совершенно его не увлекает.

15 апреля по настоянию матери и жены Саввы собирается врачебный консилиум, который диагностирует у промышленника «тяжёлое общее

нервное расстройство, выражавшееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее».

«Мать и Зинаида Григорьевна объявят его сумасшедшим и запрячут в больницу. Думала поехать к нему, но уверена, что к нему не пустят и это будет для него бесполезно. Вот Вам и крепкий человек, а не выдержал», – пишет за два дня до консилиума Мария Андреева. Однако Савву не запирают в больнице, а, наоборот, отправляют на лечение в Европу. 17 апреля Савва и Зинаида в сопровождении врача уезжают в Берлин.

«За разрушенные стены прекрасных дворцов!»

5 марта в Таврический дворец Петербурга съезжаются император с семьей и весь свет. Через год этот дворец станет местом заседания первой Государственной думы, а сейчас здесь проходит выставка русских портретов, написанных с 1805 по 1905 год. В городе, который еще помнит январскую бойню, всего через 10 дней после Мукденского поражения, высшее общество, будто бы не замечая ужасающих новостей, съезжается на вернисаж.

Чтобы собрать экспонаты, 32-летний организатор выставки Сергей Дягилев целый год ездил по старым усадьбам вокруг Москвы и Петербурга, осмотрел все частные коллекции и отобрал больше четырех тысяч картин. «Всю эту коллекцию следовало бы целиком оставить в Таврическом, и это был величайший музей в Европе портретной живописи, – пишет Валентину Серову художник Виктор Борисов-Мусатов. – За это произведение Дягилев гениален и историческое имя его стало бы бессмертным».

Выставка удается настолько, что даже враги Дягилева скупо хвалят ее. Московские друзья Дягилева – в том числе бунтари, восставшие против его диктаторских замашек, – устраивают 24 марта в его честь ужин в «Метрополе». Собираются все московские звезды: Валентин Серов, Савва Мамонтов (уже банкрот), наследник купеческой династии и коллекционер импрессионистов Сергей Щукин, молодой поэт и издатель Валерий Брюсов, архитектор Федор Шехтель.

Обсуждают и искусство, и политику. Внезапно Дягилев произносит тост, который можно было бы назвать программной политической речью, если бы не полная аполитичность Дягилева. Впрочем, даже разбирая картины XVIII века в старых дворянских усадьбах, Дягилев не может не знать, что происходит в стране, – и не рефлексировать на эту тему. Выставка в Таврическом дворце, по словам ее автора, подводит итог уходящей эпохе, блестящей, но уже абсолютно омертвевшей. Путешествуя по стране и собирая экспонаты по заколоченным имениям и ветхим дворцам, «страшным в своем великолепии», Дягилев убедился в том, что наблюдает великий перелом истории: «Мы осуждены умереть, чтобы дать воскреснуть новой культуре, которая возьмет от нас то, что останется от нашей усталой мудрости».

Речь, ставшую дягилевским «Вишневым садом», спустя несколько

дней Брюсов опубликует в своем журнале «Весы». Впрочем, у Дягилева выходит значительно оптимистичнее, чем у Чехова. Для Чехова «Вишневый сад» был последней пьесой в жизни. Для Дягилева выставка в Таврическом дворце окажется последним проектом, сделанным в России, о чем в тот вечер в «Метрополе» он, конечно, не догадывается.

«Мы – свидетели величайшего исторического момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметет, – говорит Дягилев. – А потому без страха и неверья я подымаю бокал за разрушенные стены прекрасных дворцов, так же как и за новые заветы новой эстетики». Московская интеллигенция аплодирует.

Георгий Объединитель

Еще в марте агент Азеф сообщает в департамент полиции, что Георгий Гапон якобы получил 50 тысяч рублей[48] на организацию конференции, которая объединила бы все находящиеся за границей русские революционные партии. Источник этой огромной суммы неясен – однако Гапон очень увлекается своей новой миссией. Он рассылает приглашения участникам: у всех перед глазами успех французских социалистов; в 1905 году все социалистические партии Франции объединяются в одну под лидерством Жана Жореса. Кроме того, еще в 1904 году Социалистический интернационал потребовал от всех соцпартий Европы объединяться; таким образом, главный оппозиционер России Гапон реализует не только свою фантазию, а следует мировому тренду.

Однако российские социалисты не так просты. Среди эсеров идея объединения очень популярна, но лидер партии Михаил Гоц против. Он считает, что все прочие революционеры должны просто присоединиться к его партии, потому что эсеры после убийств Плеве и великого князя Сергея несопоставимо более влиятельны, чем любая другая российская партия.

Георгий Плеханов не хочет объединяться под руководством Гапона: знакомство со священником, начавшего с признания, что он – социал-демократ, а затем убежавшего к эсерам, разочаровало лидера российских марксистов.

Единственный партийный лидер, который с самого начала за, это Владимир Ленин. Накануне объединительной конференции лидер большевиков публично выражает поддержку Гапону и надежду, что в обозримом будущем тот присоединится к его партии.

Съезд начинается 2 апреля. Из восемнадцати приглашенных партий приезжают представители одиннадцати. Главные действующие лица: председательствующий Гапон, Виктор Чернов и Бабушка Екатерина Брешко-Брешковская от эсеров и Ленин от большевиков. Остальные участники – это оппозиционные партии, представляющие нацменьшинства Российской империи: поляков, финнов, евреев, грузин, армян, латышей, белорусов. В первый же день Ленин выступает против неравномерного состава участников – слишком мало социал-демократов, слишком много потенциальных союзников эсеров – и театрально покидает конференцию[49].

Этот факт расстраивает Гапона – он разочаровывается в российских

социал-демократах, но, что любопытно, не в Ленине. В письме товарищам в Петербург он описывает активистов РСДРП примерно в таких выражениях: в социал-демократах нет единого духа, их генералы (за исключением товарища Ленина) по большей части «талмудисты, фарисеи, нередко наглые лгуны, нередко в полном смысле онанисты слов и фраз с большим самомнением».

Съезд продолжается уже без социал-демократов: остались только эсеры и национальные партии. Главной темой становится национальный вопрос. Делегаты начинают обсуждать превращение России в федерацию, и это искренне возмущает Гапона: «…все говорят о правах окраин и никто не говорит о правах России. Кончится тем, что Россию разорвут на части», – вмешивается он. Позже Гапон вмешивается еще один раз, чтобы предложить выделить евреям собственную территорию внутри Российской империи. Это 1905 год, идея создать Еврейскую автономную область на территории России появится спустя 23 года, и никто не вспомнит, что первым это предложил Гапон.

В мае Гапон кратковременно вступает в партию эсеров, но потом забывает об этом. Его ждет блистательное продолжение турне – он едет из Женевы в Лондон, где ему предложили издать книгу воспоминаний. К этому моменту к нему приезжает и гражданская жена, бывшая воспитанница Саша Уздалева. За книгу обещан гонорар 10 тысяч рублей[50] – огромная сумма, которая позволит Гапону почувствовать себя самостоятельным политическим лидером, независимым от каких-либо партий. Писать, конечно, Гапону не придется – нанятый журналист возьмет у него обширное интервью и переработает его в прямую речь.

Портрет над входом в буфет

В эти же месяцы по Европе, следуя предписанию врачей, путешествуют и Савва Морозов с женой Зинаидой: сначала Берлин, потом Виши, потом Канны.

11 мая в Виши к Морозову неожиданно приезжает глава Боевой организации РСДРП Леонид Красин и застает его в очень подавленном состоянии. Морозов принимает его втайне даже от жены и очень вовремя передает ему очередной взнос в партийную казну.

Формально Леонид Красин играет среди социал-демократов, сторонников Ленина, роль, аналогичную роли Азефа в партии социалистов-революционеров. Инженер с хорошим образованием, ведущий легальную жизнь, а не скрывающийся в подполье, Красин что-то вроде двойника-антипода Азефа. Он обаятелен, дружит с Горьким и Андреевой, тогда как у мрачного Азефа нет и не может быть друзей. Разница еще и в том, что Азеф готовит политические убийства, а Боевая группа РСДРП никого не убивает, она занята зарабатыванием денег для партии – экспроприациями, то есть грабежами. На первых порах отношения Красина с Морозовым – это нормальный фандрайзинг; миллионер охотно жертвует деньги на нужды партии. Но весной 1905 года, по версии семьи Саввы, их отношения портятся и превращаются в вымогательство.

12 мая отдыхающие переезжают в Канны, где настроение Саввы вроде бы улучшается. Именно там, в номере отеля Royal, 13 мая 1905 года находят тело застреленного Саввы Морозова. Смерть наступила вследствие проникающего ранения в левое легкое, констатируют врачи.

Примерно через сто лет станет популярной версия, источником которой будут правнуки Саввы Морозова. По ней, предприниматель был убит Леонидом Красиным. Никто из современников Саввы в воспоминаниях ни разу подобных предположений не высказал – и только в XXI веке эта теория получит распространение.

Тело везут в Москву. Хоронят его только 29 мая на Рогожском кладбище – религиозном центре старообрядцев Москвы. Это значит, семье удалось убедить старообрядческую общину, что это не суицид, иначе хоронить здесь Савву не позволили бы. Впрочем, открыто об убийстве тоже не говорят ни родственники, ни власти. Нет никакого дополнительного расследования, помимо проведенного французской полицией.

Даже спустя сорок лет в своих воспоминаниях Зинаида Морозова

напишет, что самоубийства были нередким явлением среди третьего поколения купцов, внуков первых свободных крестьян-предпринимателей. Наследники купеческих династий Журавлев, Тарасов и Грибова «все застрелились (каждый в своем доме) в один день и, кажется, в один час – от скуки», – пишет она.

Андреева приезжает на похороны Саввы из Финляндии, где они живут с Горьким на даче, но простужается и на кладбище не идет. Спустя месяц она возвращается в МХТ. Станиславский счастлив, обещает ей роль Софьи в новой постановке «Горя от ума». 37-летняя Андреева скромно отвечает, что на роль 18-летней Софьи не подходит.

Еще месяц спустя Андреева пускает в ход страховой полис, выданный ей Саввой Морозовым. Зинаида Григорьевна подаст в суд и попробует отсудить положенную страховую сумму, но Андреева выиграет. Большая часть денег, 60 тысяч рублей[51], достанутся РСДРП. Андреева утверждает, что остальные деньги она выплачивает студентам, которые получали именную стипендию Морозова, – потому что вдова, по ее словам, все подобные стипендии немедленно прекратила. Именно этот судебный процесс и кладет начало взаимным обвинениям между друзьями Морозова и его семьей – которые потом почему-то примут на веру многие историки.

«Россия сошла с ума»

Несмотря на то что император выдает карт-бланш «диктатору» Трепову, столичную власть по-прежнему раздирают противоречия. Как вспоминает министр финансов Коковцов, расстрел 9 января чуть было не сорвал переговоры о французском кредите, без которого России не на что продолжать войну. Коковцов и Витте добиваются, чтобы император лично принял французского представителя и убедил его дать России денег. Николай II блестяще справляется: он обещает, что в ближайшее время будут проведены реформы, а эскадра адмирала Рожественского развернет ход войны – и Россия победит Японию. Французский банкир в восторге, деньги почти в кармане.

Тем же вечером императрица Александра приносит мужу указ, написанный кем-то из их ближайшего окружения. В нем говорится, что забастовочное движение будет жесточайше подавлено, а реформы не упоминаются вовсе. Из министров заранее об указе знает только Победоносцев. Он говорит, что текст так хорош, что не может добавить к нему ни слова. Царь подписывает указ. Министр финансов шокирован: теперь французы денег не дадут. Чтобы сгладить эффект, император подписывает второй указ, абсолютно противоположный первому, в котором он поручает разработать план создания законосовещательного органа. Этим поручено заниматься министру внутренних дел Булыгину.

14 мая случается то, чего так давно ждет император. Эскадра Рожественского наконец доходит до берегов Японии. В своих воспоминаниях Витте многократно повторяет фразу Николая II: «Серафим Саровский предсказал, что мир будет заключен в Токио, значит только одни жиды и интеллигенты могут думать противное…» Трудно сказать, насколько одинок император был в своем заблуждении, однако задним числом, в воспоминаниях, все чиновники и даже сам Рожественский уверяют, что предвидели провал. Подполковник Деникин пишет, что эта затея была очень популярна в прессе и военные якобы поддались «давлению общественного мнения». Идею послать «на убой заведомо слабейшие силы, не имевшие ни одной базы на своем пути 12 тыс. миль», Деникин называет безрассудным предприятием.

За те полгода, что эскадра Рожественского шла из Балтики на восток, пал Порт-Артур, то есть исчез смысл ее похода – прорвать блокаду порта. Когда Николай II ставит новую задачу – «завладеть Японским морем»,

Рожественский решает для начала прорваться во Владивосток. В Японское море есть три входа, но адмирал выбирает Цусимский пролив. Именно там его и поджидает японский флот.

Бой в Цусимском проливе продолжается двое суток, вернее, это даже не бой, а избиение. Из 38 российских кораблей только три прорываются во Владивосток и один уходит на Мадагаскар, остальные 34 – потоплены, сдались в плен или интернированы. Потери японской стороны составляют только два маленьких миноносца.

После Цусимского разгрома дядя царя, главнокомандующий флотом великий князь Алексей подает в отставку. Его уже несколько месяцев освистывают на улице, а в его дворце регулярно бьют окна. Тем не менее на совещании у императора многие военачальники говорят, что войну надо продолжать, мол, у Японии сил остается меньше, чем у России.

Внутренняя ситуация становится все более взрывоопасной, и император назначает Дмитрия Трепова еще и заместителем главы МВД – с сохранением поста столичного генерал-губернатора.

Военное поражение, конечно, производит огромное впечатление на общество, которое привыкло считать государство неумолимой и всесильной машиной, которая способна перемолоть всё и всех. Оказалось, что военная машина Российской империи не смогла победить «макак», как называла противника официозная пропаганда еще год назад.

По словам Витте, Россия, которая, по его словам, держалась исключительно на силе армии, теперь «сошла с ума». И весьма цинично рассуждает о том, что мир не ценил ни русскую культуру, ни церковь, ни даже богатство, а только силу армии. «Он преклонялся перед нашей силой, – пишет Витте. – А когда в значительной степени преувеличенно увидели, что мы совсем не так сильны….то сразу картина изменилась, внутренние и внешние враги подняли головы».

Любопытно, что даже «реформатор» Витте употребляет словосочетание «внутренние враги» – власть в Петербурге представляется ему осажденной крепостью, чем-то вроде Мукдена, на который наступают японцы[52].

«Уезжайте обратно и плачьте»

17 апреля публикуется Закон о веротерпимости, отменяющий унизительные ограничения для мусульман, буддистов, католиков и староверов. Также выход из православия перестает быть уголовным преступлением. Московское купечество ликует, наконец старообрядчество законно, они больше не люди второго сорта. Вновь открываются старообрядческие храмы, в том числе в Рогожской слободе – духовном центре московских старообрядцев. Манифест издан за несколько дней до Пасхи, у староверов двойной праздник.

Консерваторы, напротив, воспринимают закон как очередное поражение – следующее после Цусимы. «Возмутительно утвержденное сегодня положение Комитета министров об укреплении начал веротерпимости, – негодует генеральша Богданович. – Говорят, что Витте вырвал у царя это утверждение. Говорят, что теперь окраины наши совсем уйдут из-под русского влияния». В своем дневнике она рассказывает, будто бы к императрице Марии Федоровне приехала игуменья из Западной Польши, а с ней пятеро крестьян. Они жаловались, что теперь их притесняют и требуют от них перехода в католичество, спрашивали, правда ли царь решил стать католиком. Царь говорил, что все это очень странно, и обещал не дать их в обиду. А Победоносцев, наоборот, сказал, что все пропало, ничего сделать нельзя, «уезжайте обратно и плачьте».

Победоносцев вообще находится в самом пессимистическом настроении. Вопреки его уговорам, продолжается разработка законопроекта о законосовещательном органе, рассматривают три варианта его названия: Земский собор, Государева дума и Государственная дума. Император выбирает последний. В июле 1905 года совещания министров по поводу созыва народных представителей начинают проходить чуть ли не ежедневно.

Жаркие споры вызывает вопрос, можно ли допускать в Думу неграмотных. Большинство участников обсуждения говорят: конечно да, потому что самые лояльные, самые «истовые» крестьяне – это как раз неграмотные старики, они опора режима и их должно быть как можно больше. Коковцов говорит, что «истовость не принесет никакой пользы, если будущий законодатель не сможет прочитать того, что ему будет предложено рассмотреть». Но Николай II принимает сторону неграмотных. Еще один болезненный вопрос: стоит ли разрешать евреям участвовать в

выборах. Решено допустить и их.

Борщ и водка

Волнения и беспорядки распространяются по всей стране. Консерваторы недоумевают, почему цензура не запрещает о них рассказывать: в суворинском «Новом времени» даже создан специальный раздел «Беспорядки».

Мария Андреева в письме к сестре тревожится, что та с детьми остается в Петербурге. Впрочем, никакой город уже не кажется безопасным. Любопытно, что «революционерка» Андреева описывает ситуацию в стране почти в тех же выражениях, что и монархистка Александра Богданович: «Какие сейчас дела творятся в Одессе – ужас! Нет-нет увидишь кого-нибудь оттуда, так просто сердце сжимается, что так бессмысленно губится столько сил, столько жизней! Я говорю, конечно, не о результатах, а о количестве жертв…»

В Одессе всеобщая забастовка продолжается около месяца, в город вводят казачьи полки. Волнения не прекращаются и в июне. В начале месяца один из кораблей Черноморского флота, выполняющих маневры у одесского побережья, отправляет на берег шлюпку, чтобы пополнить запасы продовольствия. В городе все бастуют, поэтому свежих продуктов не достать. Кок покупает несвежее мясо – с маленькими белыми червячками. Доставляет его на борт своего корабля, который называется «Князь Потемкин-Таврический», и кладет это мясо в борщ.

Социалисты неустанно ведут агитацию на кораблях Черноморского флота, подстрекая матросов к бунту. Но как раз на команду броненосца «Князь Потемкин-Таврический» они не рассчитывают: она слабая и политически не активная.

Однако матросы «Потемкина», узнав, что в суп положили червивое мясо, начинают бастовать сами. 14 июня вся команда броненосца получает положенную на обед кружку водки, ест сухари, а от борща отказывается – его с удовольствием ест лишь один молодой матрос.

Узнав о недовольстве команды и поговорив с судовым врачом, капитан предлагает тем, кто будет есть борщ, построиться справа, а тем, кто отказывается, встать слева. Говорит, что у них есть последний шанс одуматься, и вызывает корабельную службу безопасности, чтобы она переписала фамилии зачинщиков бунта. В этот момент многие матросы перебегают из левого строя в правый, но капитан приказывает задержать перебегающих и принести брезент. Это означает, что готовится расстрел

тех, кто отказался есть борщ и встал не с той стороны.

С этого начинается самый знаменитый бунт 1905 года, который через 20 лет прославит Сергей Эйзенштейн. В считаные минуты матросы убивают капитана и всех офицеров, потом еще несколько часов добивают тех, кто пытался спрятаться. А еще – судового врача, кока и того матроса, который ел борщ.

С 16 по 25 июня броненосец блуждает по Черному морю, стреляя в сторону Одессы, а посланные ему вдогонку миноносцы не могут его найти. 25 июня на корабле заканчивается запас пресной воды и продовольствия, на борту начинаются конфликты, и в итоге «Потемкин» сдается румынским властям в Констанце. Команда сходит на берег и, избежав ареста, разъезжается по Европе. Один из зачинщиков мятежа, «председатель судового комитета» матрос Афанасий Матюшенко, едет в Женеву – он мечтает встретиться с «чертовым попом», то есть с Гапоном, – и примкнуть к нему. Сам броненосец 29 июня буксируют обратно в Севастополь.

Гапоны вместо Романовых

«Европа, Англия и Америка жаждут услышать мое слово, всякое мое мнение», – хвастается Гапон перед старым другом Петром Рутенбергом, когда тот приезжает к нему в Лондон. Бывший священник даже говорит, что местные рабочие планируют поставить ему памятник при жизни. Гапон чувствует себя суперзвездой и даже пророком: «Николай II готовит себе судьбу одного из английских королей или французского короля недавних времен, …те из его династии, которые избегнут ужасов революции, в недалеком будущем будут искать себе убежища на Западе» – так заканчивается его книга воспоминаний, опубликованная в Лондоне летом 1905 года.

Под обаяние Гапона попадает патриарх «русского Лондона» Петр Кропоткин. Классик мирового анархизма пишет большую статью о «Русском рабочем союзе», новой организации, которую начинает создавать Гапон. Петр Струве, издатель «Освобождения», тоже ищет встречи с ним.

В Лондоне Гапон разрабатывает план похода на Петербург и революции в России: на частные пожертвования, собранные в Европе и Америке, закупить оружие, погрузить его на купленный пароход, доплыть до Финского залива, вооружить членов «Русского рабочего союза» и потом повторить 9 января, только наоборот – теперь вооруженные рабочие пойдут на Дворцовую и возьмут власть. «Чем династия Готторпов лучше династии Гапонов? – так один из новых друзей цитирует слова, произнесенные бывшим священником в запальчивости. – Пора в России быть мужицкому царю, а во мне течет кровь чисто мужицкая, притом хохлацкая!»

Гапон пишет в Петербург, и его товарищи, выжившие 9 января, начинают воссоздавать разгромленную структуру. Она насчитывает пока лишь десятки человек. Штабом будущего похода на Петербург становится лондонская квартира 55-летнего Николая Чайковского, эсера и эмигранта с 30-летним стажем. За сбор «иностранных пожертвований» отвечает финский сепаратист Конни Циллиакус, за закупку оружия – Евгений Азеф. Ни ветеран подполья Чайковский, ни молодой вождь оппозиции Гапон, ни другие участники процесса не подозревают, что имеют дело с двумя агентами: японской разведки и российской тайной полиции.

Тем временем Циллиакус находит деньги. Гапону он говорит, что их пожертвовал американский миллиардер, впрочем, Гапон никогда не был щепетилен в вопросе происхождения денег. Не менее циничны и другие

революционеры, вряд ли их смутило бы известие, что деньги на революцию в России выделил японский генштаб.

О готовящейся революции узнает Ленин – и пытается присоединиться к проекту Гапона. В начале июля, когда Гапон приезжает из Лондона в Женеву, лидер большевиков ведет его в пивную и ласково просит пустить их в кружок заговорщиков, дать возможность поучаствовать в захвате Петербурга. Гапон-объединитель щедро соглашается и берет с собой в Лондон большевика Николая Буренина, которого Ленин отправляет в качестве представителя. Ленин, который всегда – и до и после – будет против любых объединений и за единоличные действия, сейчас изо всех сил старается не оказаться за бортом. Поэтому большевики обращаются к Максиму Горькому, чтобы тот убедил великого Гапона сотрудничать с ними.

В середине августа Горький впервые в жизни пишет письмо Ленину. Правда, Ленин вовсе не адресат, а скорее почтальон – он должен передать письмо Гапону. Горький очень возбужден гапоновским планом привезти в Петербург оружие и поднять восстание.

«В единении – сила, товарищ! – пишет Горький. – Не самостоятельную партию, разъединенную с интеллигенцией, надо создавать, а нужно влить в партию наибольшее количество сознательных рабочих». В конце письма Горький предлагает Гапону использовать именно большевиков в качестве основных союзников при захвате Петербурга, предполагая, что гапоновский «Рабочий союз» самостоятельно поднять восстание не может.

Гапон, который считает себя ключевой фигурой и объединителем всех революционеров, вовсе не против большевиков. Но против них финн Циллиакус, а поскольку именно он достал деньги, его позиция – решающая.

Осмысленные мечтания

В России тем временем действительно все объединяются. Многочисленные профсоюзы объединяются в Союз союзов – всероссийское объединение представителей всех возможных профессий, тон в котором задают, конечно, либералы из Союза освобождения. Председателем избирают историка Павла Милюкова.

Полиция негодует, генералу Трепову приносят доклады о том, что это альтернативное правительство и Союз союзов покушается на государственную власть. Но Трепов пока не дает санкции на арест членов Союза союзов.

В конце мая Союз союзов проводит съезд в Москве. Его участники (а это больше 200 человек) предлагают всем вместе отправиться к царю – и потребовать, чтобы после позорного поражения в войне с Японией он уволил свое коррумпированное окружение и созвал парламент. Идея революционная – но собравшиеся считают, что после Цусимы ничто другое уже не спасет.

В итоге Союз решает все же отправить к императору небольшую делегацию земцев – а Трепов уговаривает царя ее принять. Все знают, что министр внутренних дел Булыгин создал комиссию для разработки проекта законосовещательного органа – поэтому не грех обсудить его и с либералами. Происходит невиданное: 6 июня лидер Союза освобождения и автор проекта конституции Иван Петрункевич, лидеры земства князь Шаховской и князь Долгоруков, и даже пресловутый Федор Родичев из Твери, пожелания которого Николай II обозвал «бессмысленными мечтаниями», – все они приходят к императору. Главу Союза союзов Милюкова на встречу не зовут.

Говорят о необходимости народного представительства, и Николай II вроде бы даже соглашается: «Отбросьте ваши сомнения, – уверяет он, – моя воля, воля царская, созвать выборных от народа – непреклонна; привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно».

Правда, месяц спустя Николай II принимает совсем другую делегацию – от консервативного крыла дворянства. Они говорят ему, что очень опасаются нового избирательного закона, переживают, как бы он не занес в Россию парламентаризм, в котором и на Западе уже разочаровались (в этом просители уверены). Царь их успокаивает: «Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого».

Московские предприниматели шокированы смертью Саввы Морозова – но их борьба только начинается. Все лето купцы обсуждают планы по созданию новой Думы – среди промышленников начинается конфликт поколений. Активная молодежь выступает за переход к конституционной монархии – пожилые банкиры-старообрядцы, конечно, ратуют за традиции и самодержавие.

4 июля в Москве собирается Торгово-промышленный съезд. Самый авторитетный московский купец, глава Биржевого комитета Николай Найденов выступает за законосовещательную Думу и очень раздосадован, когда против его воли участники съезда начинают обсуждать «необходимость введения в России конституционного строя». Найденов пишет донос московскому генерал-губернатору о том, что «представители промышленности существенно уклонились от подлежащего рассмотрению вопроса», и спешно уезжает в Петербург. Власти тут же запрещают съезд. Но большая часть миллионеров вовсе не думают разъезжаться по домам – на второй день они собираются в особняке молодого миллионера Павла Рябушинского.

Купцы даже формируют свою политическую программу. В ней говорится, что существующий порядок не может гарантировать предпринимателям права собственности, поэтому они хотят «содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни» – по образцу конституционных западных государств Европы. И поскольку промышленники против «насильственно-революционного участия народа в государственном управлении», они требуют всеобщего избирательного права и создания полноценного парламента – правда, с предоставлением императору права вето.

С этого момента банкир Рябушинский становится очевидным лидером капиталистов-оппозиционеров. Его избирают в бюро, которое должно подготовить проведение следующего съезда промышленников в Петербурге в августе.

Американские гастроли

В конце июня 1905 года, через месяц после Цусимы, американский президент Теодор Рузвельт выступает с инициативой провести мирные переговоры между Россией и Японией. На них отправляется Витте, которому император в напутствие говорит, что желает мира, но не желает уступать ни пяди земли и ни копейки контрибуции. Зато «возможно уступить часть того, что мы сами в благоприятные времена награбили», – добавляет морской министр Бирилёв.

Перспективы продолжения наземной операции (по оценке самого опытного военачальника в царской семье, великого князя Николая Николаевича) таковы: можно вернуть Ляодунский полуостров и Корею, но на это потребуется еще примерно год и миллиард рублей. На море шансов нет. При этом (по оценке самого Витте) средства закончились, кредит России никто не даст, единственным источником денег может быть только печатный станок.

В конце июля Витте отправляется в США через Париж и чувствует себя признанным миротворцем: «В то время все европейские державы почему-то имели обо мне высокое мнение, и все правительства единогласно выражали мнение, что если кто-либо сумеет заключить мир, то это только один Витте».

В дороге он формулирует основные правила своего поведения во время переговоров: «Имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особливо предупредительно и доступно ко всем ее представителям». То есть максимально играть на публику. На пароходе он дает интервью корреспонденту *The Times*, затем, уже на суше, устраивает большую пресс-конференцию. Он фотографируется со всеми желающими и никому не отказывает в автографе. Выходя из поезда, он всякий раз жмет руку машинисту, демонстрируя демократичность. И это приносит плоды – все газеты пишут, что представитель русского царя «еще более прост, более доступен, нежели самый демократичный президент Рузвельт». Наконец, Витте требует, чтобы переговоры были открыты для прессы. Это чистый блеф, японцы, разумеется, отказываются, но в итоге журналисты начинают симпатизировать представителю России.

Рождение Думы

Все лето в Петергофе мучительно обсуждают манифест о созыве Государственной думы. Все члены правительства (без Витте, который уехал в Америку, но с Треповым) плюс к этому вся семья – целых пять великих князей, на подмогу вызывают даже самого известного историка Российского государства Василия Ключевского. Обсуждают не столько Думу, сколько избирательный закон – как бы его написать так, чтобы отсечь от участия в выборах интеллигенцию. Дядя царя великий князь Владимир упирает на то, что даже дворянству доверять нельзя – оно породило всяких там Петрункевичей, Шаховских и Долгоруковых, которые возглавили оппозицию. Академик Ключевский внимательно слушает – а потом возвращается в Москву и отправляет все материалы своему любимому ученику, Павлу Милюкову.

6 августа 1905 года император наконец подписывает манифест о создании Государственной думы, которая почти не имеет никаких прав и не может принимать законы. Нет почти ни одного довольного: консерваторы видят в нем уступку, либералы считают, что некомпетентное царское правительство бездарно проиграло войну, а теперь пытается отвлечь внимание бессмысленным манифестом. Он не предусматривает и малой доли того, о чем мечтали либералы в своей «конституции». Многие считают, что эту Думу надо бойкотировать, – хотя Милюков говорит, что и ей надо воспользоваться, чтобы создать в стране публичную политику.

Впрочем, уже на следующее утро к нему домой приходит полиция. У Милюкова сидят руководители Союза союзов – как раз обсуждают, бойкотировать выборы в законосовещательную Думу или нет. Всех участников совещания арестовывают и отправляют в столичную тюрьму Кресты. Это Трепов наконец поддался на уговоры своих подчиненных и приказал арестовать «заговорщиков» из Союза союзов – правда, поставил им условие: должны быть найдены неопровержимые доказательства их преступной деятельности. Глава тайной полиции Александр Герасимов, который сам всей душой одобряет арест, вспоминает тем не менее, что рядовым полицейским очень неудобно арестовывать таких знаменитых и уважаемых граждан.

Одновременно министр финансов Коковцов обращается к Трепову с просьбой помешать проведению очередного съезда промышленников в столице. Московские купцы собираются за закрытыми дверями в своих

особняках и обсуждают иные методы борьбы: отказ от уплаты налогов и даже закрытие предприятий. Впрочем, решают, что бойкотировать Думу не будут.

«Джон Графтон»: начало

В конце августа, когда Витте продолжает переговоры в Америке, Гапон вовсю разрабатывает свой план. Он считает, что, объединив все силы подпольной оппозиции, сможет захватить власть в России. Эсеры же, которым как раз не хватает популярного лидера, уверены, что смогут использовать Гапона в своих целях. В результате в подготовке участвуют финские националисты, Боевая организация эсеров во главе с Азефом, Боевая организация РСДРП во главе с Красиным и «Русский рабочий союз» Гапона.

Гапон едет в Стокгольм и готовится оттуда отправиться в Финляндию встречать пароход с оружием, который должны снарядить эсеры Азеф и Чайковский. Покупая оружие, Азеф, конечно, докладывает об этом своему полицейскому начальству в Петербург, но очень дозированно. Российская полиция не знает, что ее ценнейший агент Раскин – ни много ни мало руководитель Боевой организации эсеров, полагая, что он всего лишь рядовой революционер, пешка. Чтобы не разочаровывать Петербург, Азеф сильно преуменьшает степень своей осведомленности.

В Лондоне заговорщики покупают 315-тонный пароход «Джон Графтон». Он должен дойти до побережья Финляндии, зайти в один из фьордов на побережье Финского залива неподалеку от Хельсинки (тогда Гельсингфорс), там его разгрузят, и 12 тысяч гапоновских рабочих с оружием в руках смогут отправиться на штурм Петербурга.

Снарядив «Джона Графтона», Азеф должен ехать в Петербург, чтобы фактически руководить штабом вооруженного восстания. В решающий момент он исчезает. Все остальные заговорщики на своих местах, товарищи ищут его по всем адресам – и нигде не находят. Они думают, что Азефа арестовали. Или наоборот, что, почувствовав слежку, он решил залечь на дно. Савинков вспоминает, что такие исчезновения Азеф практиковал регулярно – и всякий раз, появившись, объяснял, что был вынужден скрываться от полиции.

3 августа происходит вторая осечка – арестован Петр Рутенберг, правая рука и самое доверенное лицо Гапона. Однако операция продолжается, «Джон Графтон» доходит до территории нынешней Латвии и выгружает первую партию оружия около Вентспилса (тогда Виндава). Никому не сообщая о своих намерениях, большевики, воспользовавшись потерями в рядах эсеров, готовятся принимать новую порцию: они

вырывают ямы для хранения оружия в Финляндии и создают тайник под плитой на Волковом кладбище[53] в Петербурге.

Но, несмотря на все усилия, принять вторую партию оружия они не успевают. «Джон Графтон» подходит в условленное место – неподалеку от Выборга – и ждет встречающих. Никто за оружием не приходит. Прождав несколько дней, команда «Джона Графтона» решает вернуться в Копенгаген.

Гапон по плану не должен был встречать корабль, он слишком важная фигура для такой технической задачи; его роль – руководить, поднимать боевой дух восставших. Поэтому он в этот момент все еще сидит в Стокгольме, ожидая благополучного момента. В середине августа Конни Циллиакус организует для Гапона прогулочную яхту и отправляет его в Финляндию: «Смотрите, зажигайте там, в Питере, скорее, нужна горячая искра. Жертв не бойтесь. Вставай, подымайся, рабочий народ. Не убыток, если повалится пять сотен пролетариев, свободу добудут. Всем свободу», – говорит финский сепаратист и японский агент Циллиакус.

На борту прогулочной яхты Гапон рассуждает, что «видит насквозь этих шведов и чухон», понимает, что они хотят его использовать, но на самом деле собирается использовать их. «Ни одним русским рабочим не пожертвую я ради их буржуазных затей», – говорит Гапон.

Всего в нескольких десятках километров от этой яхты плывет другая, более комфортабельная, под названием «Штандарт». На ее борту отдыхает император Николай II с семьей, дожидаясь итога мирных переговоров в Америке.

Американцы плачут

Переговоры между российской и японской делегациями проходят в маленьком прибрежном городке Портсмут, штат Нью-Йорк. Все время Витте чувствует себя как актер на сцене – даже его гостиничный номер расположен так, что он отлично просматривается снаружи и под окнами все время стоят журналисты и простые американцы, которые фотографируют каждый шаг «российского премьера». Витте никому не отказывает и всем улыбается.

Витте вспоминает, что благодаря его открытости на сторону России склоняется не только американское общественное мнение, прежде сочувствовавшее маленькой Японии, но и сам Рузвельт.

Воспоминания Витте о поездке к Рузвельту на дачу исполнены изумления. Его поражают маленький дом президента, очень простой завтрак, стол без скатерти, отсутствие вина («одна ледяная вода»). Еще больше удивляет признание Рузвельта, что тот не хочет переизбираться на президентский пост, а предпочел бы возглавить Гарвардский университет. Витте даже из любопытства едет в Гарвард.

Еще одно сильное впечатление Витте – это евреи, переехавшие в США из России. На вокзале в Бостоне, чтобы пообщаться с российским министром, собирается целая толпа эмигрантов. Все остаются довольны: евреи говорят Витте, что хоть они и ненавидят царский режим, но скучают по России и будут молиться за его успех на переговорах.

Самый спорный вопрос переговоров: половина острова Сахалин. Де-факто она уже оккупирована японцами, поэтому Николай II посылает Витте телеграмму, соглашаясь уступить эту территорию. Одновременно идет напряженная переписка между представителем Японии Комурой и Токио – сам глава японского МИДа не хочет соглашаться на предложения Витте, а предлагает требовать контрибуции. Но на него давит Рузвельт – не из симпатии к России, а просто потому, что он заинтересован в успешном исходе переговоров. В итоге японский император приказывает подписать договор.

После подписания мирного соглашения Витте идет в церковь, где вместе служат православный, католический и протестантский священники. «Все время многие молящиеся плакали, – вспоминает Витте. – Видя американцев, благодарящих со слезами Бога за дарование мира, у меня явился вопрос – что им до нашего Портсмутского мира? И на это у меня

явился ясный ответ: да ведь мы все христиане».

Витте очень нравится в Америке, ему хочется совершить путешествие по американским городам, что ему предлагает сделать российский посол в Вашингтоне. Однако эту поездку, по словам Витте, запрещает император, опасающийся чрезмерной популярности чиновника.

Еще во время переговоров Витте заболевает (по его словам, из-за некачественной американской пищи) – и поддерживает себя в форме исключительно «строжайшей диэтой и усиленными смазываниями кокаином». Вернувшись на родину, Витте 17 сентября едет к Финскому заливу – там на яхте «Штандарт» отдыхает император с семьей. Довольный исходом переговоров, он жалует Витте графский титул. Растроганный Витте говорит, что очень рад, что на царя не повлияли все те наветы, которые передавали ему о Витте в последние годы. «Я никогда не верил этим наветам», – благосклонно отвечает Николай II.

Трепов тем временем наконец решает отпустить Милюкова и его коллег, руководителей Союза союзов, из Крестов. Его подчиненные так и не нашли никаких признаков того, что эти почтенные господа, профессора, инженеры, врачи и адвокаты, планировали какой-либо заговор.

«Джон Графтон»: финал

В первых числах сентября Гапон приезжает в Хельсинки, чтобы организовать восстание рабочих. Для начала он вызывает к себе руководителей «Рабочего союза» – чтобы обсудить с ними ближайшие планы. Гапон делает все, чтобы доказать товарищам, что именно он – настоящий лидер революции, а не лидеры эсеров или социал-демократов: «Нет у них заботы о трудовом народе, а есть дележка революционного пирога. Из-за него они и дерутся, и все жиды… Даже во главе боевой организации у них стоит – жид, и еще какой жирный…» – имея в виду ненавистного Азефа.

Но главное, Гапон начинает совсем новую проповедь: он больше не апологет мирного протеста, в Европе он увлекся террором. Вообще террор, говорят соратники Гапона, не рабочее дело, на то есть боевики. Впрочем, все дело в том, какую мишень выбрать. Предложение Гапона убить Витте рабочим не нравится, а вот Трепова – другое дело.

Тем временем «Джон Графтон» возвращается из Копенгагена в Финляндию и продолжает разгрузку. На этот раз ее осуществляют более организованные финны. Но до тайника на кладбище оружие пока не добирается. 7 сентября, во время третьего рейса «Джона Графтона», корабль садится на мель в Ботническом заливе.

Корабль, груженный оружием, стоит на мели и не может сдвинуться с места. Команда ожидает подмоги из Копенгагена. Заметив бедствие, к кораблю подплывает шлюпка с опытными лоцманами. Они предлагают свою помощь – команда отказывается. Лоцманы уплывают – и тут моряки понимают, что они в ловушке. Скорее всего, непрошеные помощники доложат о странном судне в полицию. А она поинтересуется о грузе и обнаружит гигантский арсенал на борту.

Когда Гапон узнает о случившемся, он приходит в ярость. «Пришли на пароход два чиновника, а они их с миром отпустили, словно прося донести. Я бы ткнул этим чиновникам в бок кинжал и выбросил за борт. Вот как должен действовать настоящий революционер», – кричит вчерашний толстовец.

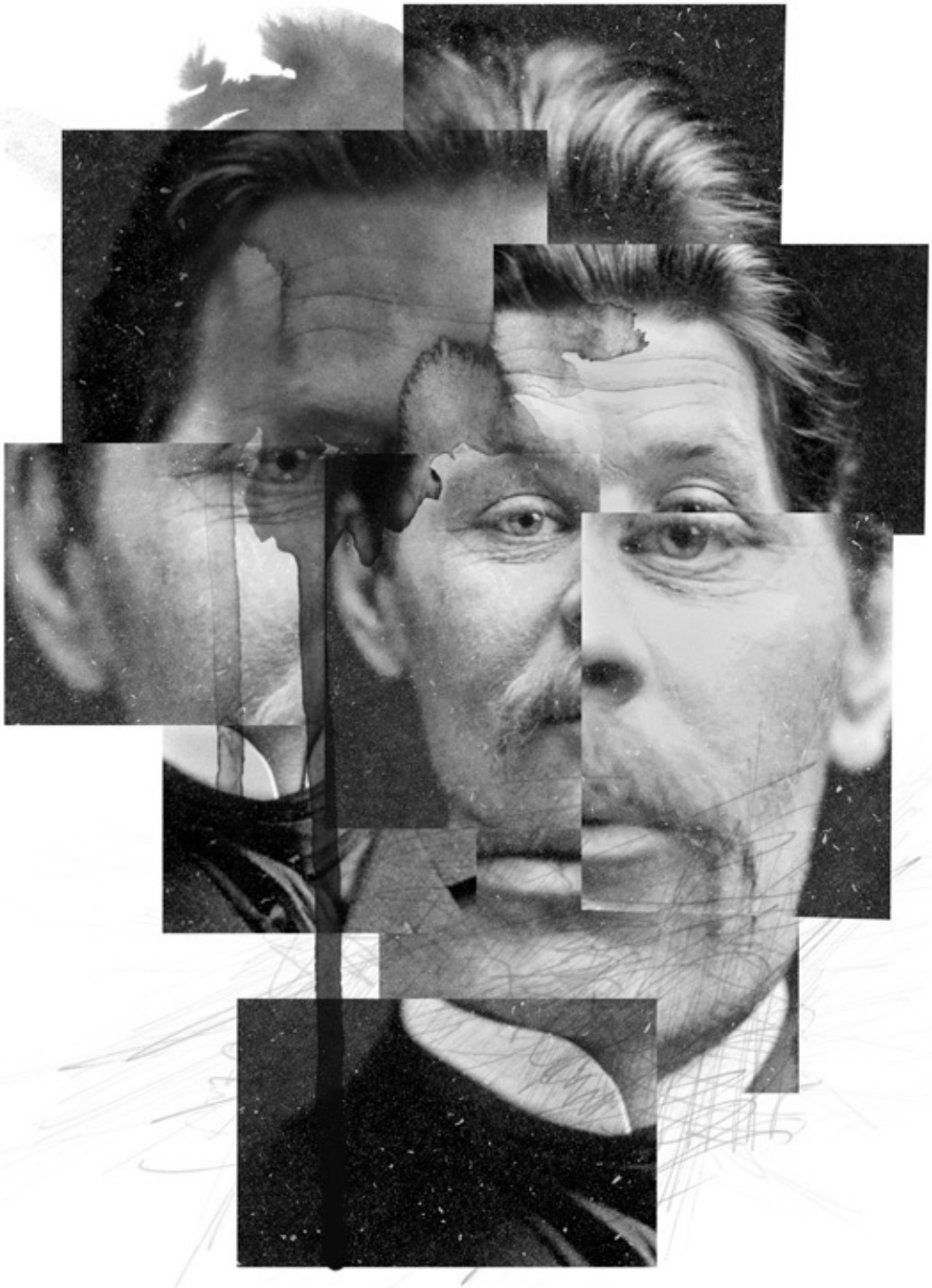
Команда покидает судно, пересев в шлюпки, взрывает «Джона Графтона» и плывет в Швецию. На следующий день к месту крушения «Джона Графтона» действительно подплывает полиция. Впрочем, корабль уничтожен не полностью – и даже не целиком ушел под воду. Полицейские

находят оружие – и начинают методично выгружать его.

Швейцарские эмигранты, узнав о провале операции, впадают в прострацию. Ленин, по словам его жены, тоже очень подавлен.

«Скверное дело», – говорит Николай II, узнав о том, что у него под боком, оказывается, разгуливал плавучий арсенал. На самом деле императору невероятно повезло. Если бы не неопытность команды «Джона Графтона», предстоящее вооруженное восстание, которые все революционеры усиленно готовят, могло бы пойти совсем по-другому.

Впрочем, Гапон не теряет веру в переворот. Подготовка продолжается.



Глава 7
В которой черносотенец Александр Дубровин создает первую в истории страны партию власти, а противник режима Максим Горький просит Запад перестать давать России деньги

Добрый доктор

Александр Иванович Дубровин рассержен. Популярный петербургский детский врач, внимательно следящий за политикой, он презирает председателя комитета министров Сергея Юльевича Витте – и новость о заключении Портсмутского мира кажется ему ужасной. Он считает Витте предателем, который работает в интересах «мирового жидовства». Дубровин возмущен подписанным договором с Японией: он уверен, что обессиленная японская армия дольше не смогла бы воевать, а российские войска остановили в самом начале победоносного шествия. Еще сильнее он негодует по поводу наград, посыпавшихся на Витте, отдавшего врагам половину острова Сахалин. Граф Полусахалинский – только так теперь он называет ненавистного политика.

Доктор Дубровин совсем не одинок в своих убеждениях: к этому моменту в России существуют десятки монархических организаций, но ни одной массовой. Объединяет эти организации не только любовь к самодержавному строю, но и ненависть к евреям и другим инородцам. А называют их черной сотней.

Сам доктор уже пять лет состоит в «Русском собрании» – патриотическом обществе, которое ставит своей целью спасти империю от происков евреев, поляков и других врагов русского народа. Членами «Русского собрания» были и покойный глава МВД Плеве, и вдова Достоевского Анна Григорьевна, и издатель «Нового времени» Суворин, и вдохновитель кишиневского погрома Крушеван. Но и «Русское собрание» скорее великосветский клуб, в который входит не больше полутора тысяч человек.

Дубровин же хочет создать многочисленное, по-настоящему народное патриотическое движение. Спустя годы он будет вспоминать, что поворотным моментом для него стало Кровавое воскресенье. Он пишет, что весь день 9 января ездил по городу, а когда вернулся домой, увидел, что вся его карета – в крови. Дубровин, разумеется, винит в трагедии революционеров и евреев, которые интригуют против царя и русского народа. И уверяет, что именно в этот день впервые задумался о том, что пора объединить «истинно русских людей».

То же самое пишут в своих воспоминаниях еще около десятка людей: видимо, в 1905 году мысль создать монархическую партию в противовес революционным носилась в воздухе. Но возможным это стало, только когда

к процессу подключилось государство.

Очень много монархистов в Москве. Например, Владимир Грингмут, издатель газеты «Московские ведомости», крещеный еврей и пламенный антисемит. Он идет дальше, чем Дубровин, – тот только мечтает, а Грингмут объявляет о создании монархической партии. В своей газете он пишет: «"Россия – для русских", – таков лозунг Русской Монархической партии, ясно понимающей, что если предоставить Россию иноплеменникам, иноверцам и иностранцам, – то не только в России не будет Самодержавной Монархии, но не будет и самой России»[54].

Еще в Москве существуют «Общество хоругвеносцев», «Народная охрана» – но все это воспринимается в столице как нечто провинциальное и диковинное. Московские активисты то и дело приезжают в Петербург, их даже регулярно принимает император. Но только летом 1905 года министерство внутренних дел наконец решает создать полноценную организацию. Сначала все это фикция: «Состоялось два или три собрания. Примыкало простонародье, рабочие, приказчики, извозчики, банщики. Послали телеграмму Государю, где говорили о 1500 собравшихся (было не более 350)», – констатирует бывший сотрудник МВД Борис Никольский.

Дубровин счастлив – ведь проходят собрания у него дома. Никольскому Дубровин не нравится: «Противное, грубое животное, на которого никто не обращал внимание, он оказался единственным зажиточным интеллигентом. Помешанный на желании играть роль, он заискивал у всех, старался изо всех сил, и был выбран председателем». Но так или иначе дело пошло.

Летом 1905 глава столичного охранного отделения Герасимов спрашивает коллегу, замглавы департамента полиции Петра Рачковского: почему власти не пытаются создать организацию, которая «противодействовала бы вредному влиянию революционеров на народные массы». Ну почему же, отвечает Рачковский и обещает познакомить его с доктором Дубровиным, «который взял на себя инициативу создания монархической организации». Так усилиями Дубровина и МВД аморфная черная сотня постепенно становится государственным институтом.

Власть в руках Трепова

Самый влиятельный человек в стране по-прежнему генерал Трепов, полицейский, который знал, как правильно разгонять толпу после трагедии 9 января. Простая манера общения помогла ему сблизиться с царем – фактически Николай II сделал Трепова посредником между собой и всем остальным миром, углубившись в семейные дела. Если почитать дневник императора за 1905 год, он пишет только о детях и охоте, всем остальным занимается верный Трепов.

Впрочем, навыков профессионального полицейского недостаточно, чтобы управлять государством, и Трепов это понимает. У него не просто нет никакой политической программы – он не очень представляет, как в принципе совладать с попавшей в его управление государственной машиной. Московский губернатор Джунковский вспоминает, что летом 1905 года он заходит в кабинет к Трепову и застает его растерянно стоящим перед громадным столом, на котором лежит груда бумаг. На вопрос, что это за бумаги, Трепов отвечает: «Все ругаюсь со всеми губернаторами».

Трепову нужен надежный советник, и он, разумеется, обращается к знакомому ему кругу – силовикам. Наибольшее доверие вызывает у него Петр Рачковский, опытный агент тайной полиции, фактически руководивший внешней разведкой России: он был резидентом в Париже и одновременно координатором всех остальных агентов в Западной Европе. Трепов полагает, что человек с большим опытом жизни за границей, тем более в республиканской Франции, будет надежным проводником в сложный период, когда все вокруг говорят о конституции.

Рачковский – давний фаворит Витте, он был уволен из МВД при Плеве, поэтому имеет хорошие отношения с первым и дурную память о втором. Внимая советам Рачковского, Трепов все чаще общается с Витте и вскоре начинает постоянно – даже в разговорах с императором – говорить, что Витте – единственный человек, который может улучшить отношения между властью и обществом. А именно это, считает Трепов, нужно, чтобы не допустить новых волнений.

Бесконтрольная свобода

Трепов видит, что проект Булыгина о создании законосовещательной Думы никого не устраивает. Ситуация продолжает накаляться, манифест только увеличил число недовольных.

В конце лета 1905 года Трепов вытаскивает свой решающий козырь, чтобы переманить интеллигенцию на сторону власти. Он выполняет одно из требований либералов – вводит автономию университетов (которые, впрочем, и так к этому моменту почти уже не контролируются государством и бесконечно митингуют). Фактически это одновременно свобода слова и свобода собраний – но только для людей с высшим образованием. Трепов уверен, что теперь интеллектуальные элиты столиц разом успокоятся.

По новым «временным правилам», которые приняты 27 августа 1905 года, высшие учебные заведения могут сами выбирать своих ректоров, полиция не может заходить на территорию университета. То есть вводится демократия для, наверное, самого шумного и политизированного профсоюза – «профессорского», того самого, который придумал Вернадский и с которого началось размножение Союзов. Ректором Московского университета избирается Сергей Трубецкой, один из активных членов Союза освобождения.

План Трепова не срабатывает. В стране, где свобода собраний запрещена, а любые митинги разгоняются, введение университетской автономии приводит к обратному результату – учебные заведения становятся местом свободных собраний для всех слоев общества.

«Начинается совершенно невероятная кутерьма, – вспоминает глава столичной тайной полиции Герасимов. – В актовых залах идут массовые политические митинги. В отдельных аудиториях – собрания по профессиям. Повсюду плакаты: "здесь собрание кухарок", "здесь собрание сапожников", "здесь собрание портных" и так далее. У аудитории, отведенной под собрание полицейских, висит плакат: "Товарищи городовые, собирайтесь поговорить о своих нуждах"».

Трепов и его советники изумлены и даже глубоко разочарованы черной неблагодарностью интеллигенции. Они рассчитывали, что студенты и профессора будут разговаривать только на положенные темы – но никак не о политике.

«Автономия была самочинно истолкована студенчеством не в смысле

самостоятельного обсуждения академических и научных вопросов, а в смысле бесконтрольной свободы», – негодует московский губернатор Джунковский.

Витте, возвращаясь из США, где ему так понравилось, не узнает Петербурга. Здесь куда более свободная и раскованная атмосфера, чем до его отъезда. Однако все то, что импонировало Витте в Америке, очень пугает его на родине. Об отечественной свободе слова любимец американских журналистов вспоминает с ужасом: «Пресса совсем разнуздалась, и не только либеральная, но и консервативная… Обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом "долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующей режим, доведший Россию до такого позора"». Цензуру вроде бы никто не отменял, но СМИ просто перестают обращать на нее внимание, констатирует Витте. И его это возмущает.

«Ну, уезжайте, а мы погибнем»

Успех переговоров с японцами вскружил Витте голову. По мнению министра финансов Коковцова, из Америки обласканный мировым общественным мнением председатель комитета министров возвращается с мыслью о том, что «он спас Россию и призван быть теперь единственным вершителем всех ее судеб». Интересно, что собственные воспоминания Витте без ложной скромности подтверждают характеристику Коковцова.

«Вернувшись из Америки, я застал Россию в полном волнении, причем революция из подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу действия, все или бездействовали, или шли врознь, а авторитет действующего режима и его верховного носителя был совершенно затоптан», – пишет Витте. В своих воспоминаниях он очень подробно описывает, насколько тяжелой оказывается политическая ситуация, причем обвиняет в происходящем буквально всех. Глава МВД Булыгин, по его словам, «пребывает в полной апатии», Трепов «дергает то направо, то налево», пресса «совсем изолгалась», общественные организации «не брезгуют никакими приемами, в особенности же заведомою ложью». Регионы, по словам Витте, уже взбунтовались: «Царство Польское находилось почти в открытом восстании»; Сибирь «находилась в полной смуте»; «Одесса также была совершенно революционизирована, потому что большинство ее жителей – евреи, которые полагали, что, пользуясь общею суматохою и падением престижа власти, они добудут себе равноправие путем революционным».

Еще Витте описывает, что в высшем свете популярны какие-то фантастические планы переворота (любопытно, что никто другой такого не помнит). Например, по словам Витте, некоторые монархисты обсуждают вопрос замены царя Николая II на его 14-летнего двоюродного брата, великого князя Дмитрия при регентстве его тетки, великой княгини Эллы. Республиканцы, пишет Витте, хотят сделать князя Петра Долгорукова, одного из лидеров Союза освобождения, президентом России. Наконец, самые консервативные журналисты, в том числе князь Мещерский, будто бы приходят к Витте и высказываются за введение конституции. Спустя всего лишь месяц Мещерский станет самым рьяным критиком конституционной монархии. Трудно сказать, то ли он резко поменял свои взгляды, то ли граф Витте выдумал свои воспоминания.

В этой ситуации всеобщей неразберихи, по словам Витте, к нему

приходят самые разные государственные мужи и общественные деятели и просят спасти страну. Так, Витте вспоминает разговор с престарелым председателем Государственного совета графом Дмитрием Сольским. «Вы только один можете спасти положение», – будто бы говорит Сольский. А когда Витте отвечает, что нездоров и хочет поехать за границу, председатель Госсовета начинает плакать и говорит: «Ну, уезжайте, а мы погибнем».

Заклятый враг графа Витте, министр финансов Коковцов, наоборот, вспоминает, что в тот момент под руководством графа Сольского проходит совещание по административной реформе: объединение министерств в полноценное правительство европейского типа с премьер-министром во главе. И почти все участники этого совещания, уверяет Коковцов, в ужасе – они боятся, что именно Витте, которого все считают интриганом, вот-вот станет новым «великим визирем». Впрочем, у Витте есть важный поклонник – это генерал Трепов, самый близкий к царю человек.

«Повесят?»

После долгого перерыва в августе 1905 года Боевая организация эсеров снова возвращается в Россию: и Савинков, и Азеф, и новые члены приезжают по подложным документам; главная цель прежняя – убить Трепова.

Приехав, Савинков и Азеф тут же замечают слежку и начинают привычно путать следы, договорившись вновь увидеться через три недели. Савинков едет в Финляндию, на дачу к своему тестю, знаменитому писателю Глебу Успенскому, и раздумывает, как бы найти Азефа. Вдруг к нему приезжает один из эсеровских активистов со странными новостями. Во-первых, Азеф уехал за границу, а вовсе не ждет Савинкова в столице. А еще приходила незнакомая дама и принесла анонимное письмо. В нем говорится, что «инженер Азеф» и «бывший ссыльный Т.» (то есть еще один член ЦК партии, Николай Татаров) – агенты тайной полиции. В том же письме перечисляются имена активистов, которых арестовали по их доносам.

Савинков, конечно, не верит: «Уже не говоря об Азефе, я и Татарова не мог заподозрить в провокации». Подозревая, что письмо – дело рук сыщиков, Савинков едет в Швейцарию – «советоваться с Гоцем и Азефом».

По дороге, в Хельсинки (тогда Гельсингфорс), он заходит в квартиру, где под усиленной охраной местных революционеров живет Гапон.

– Как ты думаешь, меня повесят? – такими, уверяет Савинков, словами приветствует его Гапон.

– Вероятно.

Дальше он описывает довольно комический диалог (в котором Гапон, конечно, смешон, а сам Савинков серьезен):

– А может быть в каторгу? А?

– Не думаю.

– А в Петербург можно мне ехать?

– Зачем тебе в Петербург?

– Рабочие ждут. Можно?

– Пути всего одна ночь.

– А не опасно?

– Может быть и опасно.

– Как ты думаешь, если вызвать рабочих сюда или в Выборг? Паспорт у тебя есть?

– Есть.

– Дай мне.

– У меня один.

– Все равно. Дай.

– Ведь мне самому нужен.

– Ничего. Дай.

– Слушай, не могу же я остаться без паспорта.

– Дай.

Савинков дает Гапону фальшивый паспорт на имя Феликса Рыбницкого. Дальше, по словам Савинкова, диалог продолжается:

– Так ты думаешь – повесят?

– Повесят.

– Плохо. Живым не сдамся! – заканчивает разговор Гапон, хватая лежащий у постели заряженный браунинг.

Свои воспоминания Савинков напишет много лет спустя – очевидно, что в 1905 году он намного более вежлив с Гапоном. Более того, Гапон для него – неоспоримый авторитет, поэтому он и отдает ему беспрекословно свой единственный фальшивый паспорт.

Савинков добирается до Женевы даже без паспорта. После недолгого совещания с Гоцем руководители партии решают, что обвинение против Азефа – клевета, а Татаров и правда шпион. Они его допрашивают, и он окончательно закапывает себя, путается в показаниях да еще к тому же пытается обвинить Азефа. Савинков берет организацию убийства Татарова на себя. Он оскорблен и возмущен. Савинков уверен, что это из-за предателя в терроре случился вынужденный перерыв – за полгода Боевой организации не удалось никого уничтожить.

Уже получив санкцию на убийство, он встречает на улице Афанасия Матюшенко, бывшего зачинщика восстания на броненосце «Потемкин». Матрос недавно виделся с Гапоном и восторженно рассказывает Савинкову, что «батюшка снарядил» корабль, который вез оружие в Петербург, «во время взрыва на корабле находился, едва-едва жив остался». А после этого, говорит Матюшенко, Гапон два месяца прожил в Петербурге и создал там «Рабочий союз». Из этого простодушный матрос делает такой вывод: «Эсэры… Эсдеки… Надоели мне эти споры, одно трепание языком. Да и силы в вас настоящей нету. Вот у батюшки дела так дела…»

Савинков взбешен. Он знает, что Гапона не было на судне во время взрыва. И что в Петербурге Гапон не был, а, прожив в Финляндии дней десять, вернулся за границу, так и не учредив никакого «Рабочего союза».

Через несколько дней Савинков встречает в Женеве самого Гапона – и

сразу же начинает орать на него, обвиняя его в обмане.

«Как ты смеешь говорить мне, Гапону, что я лгу?» – возмущается Гапон. И требует у ЦК партии эсеров организовать третейский суд между ним и Савинковым. Савинков отказывается.

Рождение Советов

Для нескольких сотен искренних фанатов Гапон, конечно, остается самым любимым персонажем, но его уже давно нет в Петербурге, и у рабочих появляются новые герои. Один из них – тезка Гапона, адвокат Георгий Носарь, специалист по трудовым конфликтам. Летом он знакомится с членами Союза освобождения и Союза союзов, пытается создать новый рабочий кружок по гапоновской модели – и его на два месяца арестовывают. Это резко увеличивает его популярность. Носарь моложе Гапона, ему всего 28 лет.

Другая восходящая звезда – 25-летний Лев Бронштейн, социал-демократ по кличке Перо. До 9 января 1905 года он живет в Женеве, пишет для «Искры». Но после Кровавого воскресенья срывается и едет в Россию – то есть проделывает путь, обратный путешествию Гапона. Самый респектабельный из российских революционеров, живущий в Москве инженер Красин снабжает его фальшивыми документами – теперь у него паспорт на имя Петра Петровича Викентьева, товарищи по партии знают его по фамилии Яновский, а статьи он пишет под псевдонимом Троцкий. Троцкий, хотя и сохранил приятельские отношения с Лениным, после раскола считает себя меньшевиком – как и едва ли не все живущие в России марксисты.

После провала «Джона Графтона» никто не ждет быстрого развития событий. Полномасштабные протесты запланированы на зиму – к годовщине Кровавого воскресенья. Жену Троцкого арестовали на тайной сходке в лесу еще 1 мая, поэтому в сентябре он отсиживается в Финляндии, в пансионе «Рауха» («Покой»). Пока он там живет, погода портится, постояльцы разъезжаются, хозяйка умирает, и он остается совсем один. Пишет, гуляет, в соседней комнате лежит тело мертвой хозяйки, которое совсем не нарушает покоя Троцкого. Так продолжается до тех пор, пока не приезжает почтальон со свежими газетами. Троцкий узнает о начале забастовок и немедленно «покидает свой "Покой" навстречу лавине» – уже вечером он выступает в Петербурге, в актовом зале Политехнического института.

Троцкий присоединятся к только что созданному Петербургскому совету рабочих депутатов – организации, которая должна взять на себя руководство забастовкой столичных рабочих. Год назад председателем Совета наверняка был бы выбран Гапон. Если бы Троцкий приехал на день

раньше – председателем, скорее всего, стал бы он. Но он опоздал – накануне его приезда Совет проголосовал за скромного рабочего Петра Хрусталева. Под этим псевдонимом скрывается только что вышедший из Петропавловской крепости адвокат Носарь.

Между Бронштейном-Троцким и Носарем-Хрусталевым немедленно возникнет острое соперничество, которое, впрочем, вскоре сойдет на нет – Троцкий быстро перехватывает у председателя инициативу, и уже не важно, кто номинально у руля.

Спустя годы Носарь будет утверждать, что он создал организацию под названием «Совет рабочих депутатов» еще в январе 1905 года – очевидно, это всего лишь попытка преувеличить свою роль задним числом. Тем не менее главный вклад Носаря в историю – это придуманное им название. Все последующие «Советы», равно как и название «Советский Союз» произошли от этого самого «Петербургского совета».

Московский инсульт

Забастовка, которая выдернула Троцкого из его покоя, началась стихийно и никем не была запланирована. 20 сентября начинают бастовать две московские типографии, через три дня останавливаются уже 89 типографий. Перестают выходить газеты. Потом к забастовке присоединяются сотрудники трамвайного парка, булочники, кондитеры – все бастующие собираются на митинги на территории Московского университета.

23 сентября власти закрывают университет – и тогда студенты и другие митингующие выходят на улицу с политическими лозунгами. Многотысячная демонстрация тянется от здания университета, на Манежной площади, вверх по Тверской, к дому генерал-губернатора – с лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует республика!». Казаки пытаются разогнать митинг, но в них летит град камней. Забастовка разрастается – бастует почти весь город.

29 сентября демократически избранный ректор университета Сергей Трубецкой едет в Петербург. Он семь часов сидит у министра просвещения и прямо во время разговора у 43-летнего Трубецкого случается инсульт. Он умирает.

3 октября похороны ректора превращаются в мощнейшую демонстрацию протеста. Бастуют уже более сотни предприятий Москвы, начинают присоединяться и работники железных дорог. В знак солидарности с Москвой останавливаются и петербургские типографии.

10 октября прекращается движение поездов на всех направлениях из Москвы. 12 октября в Москве начинает бастовать телеграф.

В Петербурге в этот же день прекращается движение поездов. Прекращается подвоз топлива, на грани полной остановки оказываются крупнейшие заводы.

13 октября Московская городская дума объявляет всеобщую забастовку.

В Петербурге тоже бастуют все: городские и земские управы, банки, магазины, почта и телеграф, даже чиновники в правительственных учреждениях. К вечеру 13 октября от мира и друг от друга отрезаны обе столицы.

Революция Витте

9 октября Сергей Витте, теперь уже граф, по-прежнему самоуверенный после американского триумфа, приходит к императору. Он в фаворе – но не облечен какими-то полномочиями (несмотря на формальную должность). Император воспринимает его скорее как человека со стороны – ведь Витте долго отсутствовал и не принимал участия в разработке последнего манифеста о создании законосовещательной Думы.

Анализируя нарастающие беспорядки, Витте говорит, что у царя есть два варианта действий: или назначить военного диктатора, который жестко разгонит все демонстрации, или пойти на крупные политические уступки. Сам Витте – за второй путь. Более того, он передает императору «записку» – на самом деле объемный политологический трактат (кто точно из окружения Витте его составил – неизвестно), объясняющий, что реформы неизбежны.

Эта записка – совершенно революционный документ. Она начинается с рассуждений о том, зачем вообще существует государство, – вопрос, которым вряд ли хоть раз задавался Николай II. «Государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует… должна быть цель, государство живет во имя чего-нибудь», – пишет автор. И тут же продолжает, что единственная цель любого государства – это обеспечение моральных и материальных благ граждан.

Главным моральным благом для любого, считает автор записки, является свобода. «Человек всегда стремится к свободе», и именно стремление к свободе – наиболее древнее, традиционное состояние человека. Как раз самодержавие, как и любая другая форма государственности, – это что-то новое, сравнительно недавнее изобретение. А борьба за свободу существовала всегда – с самых древних времен.

Эта мысль – абсолютно новая для императора. В картине мира Николая II, которую ему привил Победоносцев, самодержавие – это изобретение Бога, оно превыше всего, сам Бог сделал его царем. Теория, изложенная в записке, отличается от концепции Победоносцева так же, как учение Дарвина об эволюции от веры в божественное сотворение мира.

Теория, разумеется, подкреплена примерами: «Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков – в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с

призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, в природе всякого человека».

Тут автор переходит на современность, доказывает, что стремление человека к свободе задавить нельзя: «Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей». Единственный выход: «Лозунг "свобода" должен стать лозунгом правительственной деятельности»[55].

Витте считает, что власти должны возглавить реформы, а не плестись в хвосте у запросов общества: во-первых, устранить произвол карательных органов, во-вторых, обеспечить равные гражданские права, в-третьих, реформировать систему госуправления и, наконец, решить три вопроса: рабочий, аграрный и национальный.

«Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах», – прогнозирует автор записки.

Император внимательно выслушивает Витте – даже более того, зовет жену. Они обсуждают его доклад вместе – и отпускают. Николай II обещает подумать.

Германия – мать порядка

В день доклада Витте, 9 октября, из Петергофа, где живет император, ситуация еще не кажется тревожной. Но уже к 12 октября все меняется. Николай II обнаруживает, что заперт в Петергофе. Министрам из Петербурга приходится добираться до царя на двух военных кораблях: «Дозорный» и «Разведчик». Вся железнодорожная сеть России прекратила работу; телеграф также молчит.

«Милые времена!» – иронизирует в своем дневнике Николай II. У императора невероятная выдержка. Он уже совершенно не контролирует страну, лишь обрывочно узнает о происходящем в столице.

В Финском заливе, недалеко от Петергофа, появляются два немецких крейсера. Но это вовсе не угроза – они приходят спасать Николая II. Кайзер Вильгельм, двоюродный брат императрицы, как обычно, регулярно присылает родственнику письма с подробными рекомендациями по поводу внутренней политики. В октябре германский император уже советует российскому уехать за границу – и предлагает убежище. Кроме того, он готов оказать военную помощь: немецкие войска могут быть введены в Петербург или любой другой регион и немедленно навести там порядок.

Письмо Вильгельма становится главной темой обсуждения в высшем обществе – многие находят эту идею спасительной. На собственные полки уже нельзя полагаться без опаски, революционеры ведут там постоянную агитацию, того гляди они откажутся нести службу и усмирять беспорядки. Немецкие же солдаты в этом смысле абсолютно надежны. Многие советуют царю ехать. Витте считает, что, уехав, император уже не сможет вернуться. Трепов колеблется.

Трудно понять, в каком эмоциональном состоянии находится император. С одной стороны, все приближенные описывают его как человека невероятно сдержанного, хорошо умеющего скрывать свои чувства. С другой – его часто характеризуют как человека недоверчивого и подозрительного. На императора очень сильное впечатление произвела гибель сербского короля Александра и его жены королевы Драги. В 1903 году их зверски убили офицеры из ближайшего окружения. Николай знал Александра, и теперь, два года спустя, он, конечно, вспоминает о его участи и опасается заговора приближенных.

Театральный бунт

Когда столицы начинает трясти, актриса Мария Андреева больше не может сидеть в провинциальной финской Куоккале. Несмотря на все прошлые скандалы она возвращается в Москву, в МХТ – репетировать новую пьесу своего мужа «Дети солнца». Сам Горький по-прежнему живет в Финляндии. Но Марусю интересует уже вовсе не театр.

«Милый Константин Сергеевич! Вчера, когда я вернулась домой, я горько плакала! Мне кажется, что я никуда не гожусь как актриса. Все, что я делаю на сцене, банально, неинтересно, никому не нужно. И вот Вы говорите мне то же самое. Может быть, это и так, может быть, лучше оставить мысль о сцене?» – пишет Мария Андреева Константину Станиславскому 28 августа. Андреева недовольна тем, как она играет, по одной причине – ее совершенно перестала увлекать сцена. Куда интереснее та игра, которая происходит в жизни. Она состоит в подпольной революционной организации и получает максимальное удовольствие именно от этой роли. Еще в Куоккале они с Горьким устраивали подпольные концерты со сбором денег на нужды Боевой организации РСДРП. Со сцены сельского клуба Горький, Андреева и Леонид Андреев читали стихи и прозу – а по рядам передавали ридикюль с надписью «В пользу Боевой организации». Собранные деньги Андреева отсылала руководителю Боевой организации РСДРП – Леониду Красину.

В Москве Маруся еще сильнее увлекается революционной деятельностью. Опять-таки собирает деньги по поручению Красина: например, на подпольную типографию или на побег заключенных из Таганской тюрьмы.

14 октября в МХТ идет генеральная репетиция «Детей солнца». Вдруг посреди спектакля в зале выключается свет. Это московская электростанция присоединилась к забастовке.

Московская городская дума, крайне оппозиционная, еще накануне объявила всеобщую забастовку. Депутаты требуют, чтобы бастовали все, не исключая больниц и водопроводов. Это решение поддерживает абсолютное большинство членов – против только братья Гучковы, Александр и Николай, выходцы из богатой старообрядческой московской семьи.

Всеобщая забастовка с политическими лозунгами – это тягчайшее преступление, возмущается Александр Гучков. Бастующие покушаются на жизнь и здоровье населения, это коллективный психоз, охвативший русское

общество. Гучков стыдит коллег по думе, которые, по его словам, «чужим здоровьем, чужой жизнью хотят добиться своего благополучия, требуя одновременно, чтоб им выдавали жалованье, когда кругом бедные будут умирать от голода и холода». Поддержать аргументы Гучкова приходит главврач детской Морозовской больницы, в которой нет воды и света. Под впечатлением от его рассказа городская дума уступает – и отправляет делегацию к университету, туда, где проходит бесконечный митинг рабочих, просит их вернуться на работу. Но уже поздно – делегация возвращается освистанная, а рабочие принимают резолюцию о передаче всей власти революционному комитету.

Петербург скоро догоняет Москву. Бастуют все: городские и земские управы, банки, магазины, почта и телеграф, даже чиновники в правительственных учреждениях. Мария Андреева требует, чтобы труппа МХТ тоже начала бастовать. Три раза труппа собирается, чтобы это обсудить. Андреева произносит страстные речи. Но Станиславский и Немирович объявляют, что театр не закроется, но «присоединится сочувствием к бастующим» и даст спектакль в пользу их семейств.

Впрочем, это скорее исключение. Протест в моде. Забастовку поддерживают профессора, они создают фонд помощи бастующим рабочим, в который каждый член профсоюза должен сдать свой трехдневный заработок. Бастовать начинают даже такие представители творческой интеллигенции, которых раньше трудно было заподозрить в интересе к политике, например артисты балета императорских театров. Танцоры избирают стачечный комитет, в который входят трое зачинщиков: Анна Павлова, Тамара Карсавина и Михаил Фокин, все трое – будущие звезды дягилевских балетов. Все время забастовки Фокин ходит советоваться к Дягилеву. Тот советует не уступать.

Дирекция императорских театров планирует уволить зачинщиков и требует от всех сотрудников подписать заявление о лояльности: фактически тот же прием, которым воспользовался капитан броненосца «Потемкин», когда просил желающих есть борщ встать в строй справа, а не желающих – слева. Немногие соглашаются – но, к примеру, подписывает письмо друг Дягилева, балетмейстер Сергей Легат[56].

Сам Дягилев находится в нервном возбуждении: «Что у нас творится, описать невозможно: запертые со всех сторон, в полной мгле, без аптек, конок, газет, телефонов, телеграфов и в ожидании пулеметов. Вчера вечером я гулял по Невскому в бесчисленной черной массе самого разнообразного народа. Полная тьма, и лишь с высоты адмиралтейства вдоль всего Невского пущен электрический сноп света из огромного

морского прожектора. Впечатления и эффекты изумительны. Тротуары черны, середина улицы ярко-белая, люди как тени, дома как картонная декорация», – пишет он другу Бенуа во Францию. Тот уехал с семьей еще в январе, после Кровавого воскресенья, и теперь переживает, что милые его сердцу петербургские дворцы «превратят в щебень».

«Имеется теперь два выхода, – размышляет Дягилев, – или идти на площадь и подвергаться всякому безумию момента (конечно, самому закономерному), или ждать в кабинете, но оторвавшись от жизни. Я не могу следовать первому, ибо люблю площадь только в опере или в маленьком итальянском городке, но и для кабинета нужен "кабинетный" человек, и уж во всяком случае это не я. Отсюда следствие плохое – нечего делать, приходится ждать и терять время. А когда пройдет эта дикая вакханалия, не лишенная стихийной красоты, но, как всякий ураган, чинящая столько уродливых бедствий?» Письмо отправлено 16 октября 1905 года.

Двоюродный брат и бывший любовник Дягилева, Дима Философов, тоже увлекся политикой. Он снова отдалился от Сергея, вернулся к Мережковским и даже поселился в их доме; свой тройственный союз они называют «троебратство». Казалось бы, еще пять лет назад Мережковские презирали политизированных стариков, концентрировались на духовном и мистическом, думали исключительно о познании религии. Но летом 1905 года Мережковский говорит жене: «Самодержавие – от Антихриста!» Чтобы не забыть эту его фразу, Зинаида записывает ее на коробке от шоколада.

В октябре 1905 года Зинаида Гиппиус уже мистически предчувствует революцию – так, как истовые сектанты ожидают скорый конец света. 17 октября она пишет Диме Философову письмо, которое спустя годы будет опубликовано как пророческое, под названием «За час до манифеста». Она предчувствует революцию в марте, во главе ее будут социал-демократы – если, конечно, власти не отсрочат катастрофу реформами. Заканчивается письмо так: «Главное – я *реально* представила грядущее насильническое (сами говорят) правительство и народный террор и кровь. И то, что это – в плане! Для их истины – такой путь! Это *делать, так* делать – мы не можем физически. Ни шагу *на это* не могу».

Кадеты и женщины

Власти уверены в том, что забастовочное движение – часть дьявольского плана, который разработали оппозиционеры. Трепов, а тем более Герасимов убеждены, что забастовки организовал Союз союзов и что им же создан Петербургский совет рабочих депутатов. В этом убежден даже Николай II – он пишет матери про «знаменитый "Союз союзов", который ведет все беспорядки». Это, конечно, преувеличение. После ареста Милюкова и компании Центральное бюро Союза союзов на некоторое время просто перестает существовать, потом постепенно их места заполняются новыми людьми, куда менее известными широкой публике. Уже в октябре, после начала забастовки в Москве, новое Центральное бюро Союза союзов делегирует своих представителей в Петросовет. Все это носит скорее стихийный и случайный характер – никакой четкой организации нет и в помине.

А чем же занят в это время один из важнейших членов могущественного Союза союзов Павел Милюков? После освобождения из Крестов он уже не имеет никакого отношения к этой организации. На 12 октября назначен учредительный съезд либеральной партии – первой легальной оппозиционной партии в России, – в которую, наконец, должен превратиться Союз освобождения. Правда, есть проблема – железные дороги бастуют, и на съезд в Москву не добирается три четверти делегатов, в том числе и почти все представители Петербурга. Но Милюков считает, что откладывать все равно нельзя. Так он в считаные месяцы после возвращения из Чикаго оттесняет всех ветеранов российского либерального движения и становится лидером партии, которая будет называться «партией народной свободы», а также конституционно-демократической или, сокращенно, КД, а ее членов будут называть кадетами.

На жизнь партии влияют и обстоятельства личной жизни Милюкова. В работе съезда (спонсируемого поклонницей Милюкова Маргаритой Морозовой) активно участвует жена Милюкова Анна. И именно она поднимает вопрос о том, что всеобщее избирательное право должно быть распространено на женщин (в проекте либеральной конституции, которую писали члены Союза освобождения весной 1905-го, об этом речи не было). Уязвленная Анна Милюкова начинает бороться за свои права – и публично дебатировать с мужем. Он против, считает, что не нужно нагружать партийную программу лишними мелочами. Но ее внезапно поддерживает

большинство участников съезда. Так в программе первой российской либеральной партии оказывается революционное по тем временам требование – позволить женщинам голосовать.

Пока кадеты обсуждают права женщин, начинается всероссийская забастовка.

Конституция или смерть

13 октября Витте получает телеграмму, из которой узнает, что будет назначен председателем Совета министров. Никакого упоминания о предложенных реформах в телеграмме нет. Витте просит аудиенции у царя и заявляет, что не видит возможности служить на предложенном посту, если его программа не будет принята.

Но император не может принять предложение Витте, так же как и предложение кайзера Вильгельма – и то и другое кажется Николаю II нарушением той клятвы, которую он давал, когда вступал на престол: передать своему сыну ту же власть, что он получил от отца. Это же ему все время твердит жена – она буквально помешана на том, что нельзя отбирать у цесаревича Алексея его наследство. По мнению Александры, Николай не имеет права идти на уступки, потому что тем самым он обкрадывает своего сына. И императору кажется, что выход только один – подавить восстание.

Для этого в Петергоф срочно вызывают великого князя Николая Николаевича. У императора особые отношения с дядей Николашей – так Николая Николаевича называют в семье. Ему 49 лет, он на 12 лет старше царя. Он один из самых доверенных людей – дядя обожает, даже обожествляет императора. По словам Витте, однажды Николай Николаевич сказал ему: «Вы считаете, что император – человек? Мне кажется, что не человек и не бог, а нечто среднее». Великий князь известен своим мистицизмом – как и его брат Петр, и «черные принцессы», лучшие подруги императрицы черногорки Стана и Милица. Они все вместе участвовали в ритуалах доктора Филиппа. А теперь, осенью 1905-го, уже увлечены новым проповедником – Григорием Распутиным.

Впрочем, Николай Николаевич не только мистик, но и профессиональный военный. В семье его считают выдающимся военачальником. Николай II хотел назначить его командующим на японский фронт, но тот поставил условие – он будет командовать без оглядки на Петербург, сможет увольнять и назначать, кого захочет. Император не рискнул так сделать – обиделся бы другой дядя, главнокомандующий флотом великий князь Алексей. Но теперь, после войны и позорной отставки Алексея, именно Николай Николаевич становится первым человеком во всей армии. Только его император может попросить задавить восстание войсками.

Пока Николай Николаевич пытается добраться из Тулы до Петергофа

по бастующей железной дороге, Трепов 14 октября выпускает приказ, который расклеивают по всему охваченному волнениями Петербургу. В нем генерал-губернатор извещает население, что полиция будет беспорядки подавлять, а «при оказании сопротивления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Он объясняет своему родственнику Мосолову, что единственная цель такой жесткой формулировки – избежать кровопролития: протестующие будут знать, что войскам приказано стрелять, поэтому не будут нарываться.

В Петергоф дядя Николаша приезжает только 15 октября, но вовсе не в диктаторском настроении. Перед тем как зайти к племяннику, он достает револьвер и говорит министру двора барону Фредериксу: «Я сейчас пойду к Государю и буду умолять Его подписать манифест и программу графа Витте. Или Он подпишет, или я у Него же пущу себе пулю в лоб из этого револьвера».

Император уступает – зовут Витте, просят его подготовить проект манифеста. Николай II проводит несколько дней (с 15 по 17 октября) в обсуждении текста манифеста с Витте и другими чиновниками. Советуется со всеми, с кем только может. Дядя Николаша, барон Фредерикс и Витте – за. Жена – против. Отговаривает Николая II и его адъютант Владимир Орлов (по прозвищу Влади): лучше дать конституцию не под давлением, а хотя бы через полгода, говорит он.

Император снова спрашивает Трепова: сколько дней потребуется для восстановления порядка в Петербурге и возможно ли это без многочисленных жертв. «Ни теперь, ни в будущем дать в том гарантию не могу; крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись. Одно упование на милость Божию», – отвечает Трепов.

«Трепов трус», – говорит Влади Орлов. «Он не трус», – настаивает император.

В пять часов вечера 17 октября Витте привозит новую редакцию текста, со всеми правками. Царь подписывает. Манифест гарантирует «гражданские свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», а также дает избирательные права всем «классам населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав». Наконец, он создает Государственную думу, без согласия которой не может быть принят никакой закон. Подписав документ, Николай II вызывает адъютанта Влади. Император сидит, опустив голову, и плачет. «Не покидайте меня сегодня, мне слишком тяжело, – говорит он Орлову. – Я чувствую, что, подписав этот акт, я потерял корону. Теперь все кончено». Адъютант утешает императора,

говорит, что еще не все потеряно, еще можно «сплотить всех здравомыслящих и спасти дело». Выйдя от императора, Орлов звонит в департамент полиции – Петру Рачковскому – и торопит его «сплотить всех здравомыслящих»[57].

«После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!» – пишет император в дневнике.

19 октября публикуется указ о формировании Совета министров и назначении Витте его председателем – по образцу европейских премьер-министров. А еще публикуется «доклад графа Витте» – то есть фактически программа нового правительства, едва ли не самая либеральная за все время существования России. В тексте говорится, что Россия «переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». Далее правительство обязуется не вмешиваться в выборы в Государственную думу и «устранить репрессивные меры против действий, явно не угрожающих государству».

Кроме того, Витте рассуждает о том, чего хочет российское общество. «Не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства». Впрочем, эти размышления увлекают премьера недолго. Ему некогда – пора набирать новое правительство.

«Завтра на улицах будут христосоваться»

Трепов узнает новости от Витте по телефону. «Слава Богу, манифест подписан. Даны свободы. Вводится народное представительство. Начинается новая жизнь», – с облегчением говорит генерал своему советнику Рачковскому. «Слава Богу… Завтра на улицах Петербурга будут христосоваться, – вторит ему Рачковский и продолжает, повернувшись к начальнику тайной полиции Герасимову: – Вот ваше дело плохо. Вам теперь никакой работы не будет». «Никто этому не будет так рад, как я. Охотно уйду в отставку», – отвечает Герасимов.

Вечером глава правительства Витте собирает министров. Обсуждают уже подписанный манифест и отдельные, еще не прописанные детали: в частности, предстоящую амнистию. Витте требует освободить всех осужденных за политические преступления, вернуть всех ссыльных, открыть двери Шлиссельбургской крепости, чтобы показать, что «нет более старой России, а существует новая Россия, которая зовет всех строить новую, светлую жизнь». С ним спорит министр финансов Коковцов. Он против всеобщей амнистии и предлагает не распространять ее на террористов, сидящих в Шлиссельбургской крепости. Нервы Витте истощены так, что он начинает кричать на Коковцова при всех: «С такими идеями, которые проповедует господин министр финансов, можно управлять разве зулусами».

В углу сидит Победоносцев – и молчит. Для него манифест – трагедия. 24 года назад он спас Россию от конституции, теперь же проиграл своему давнему другу Сергею Витте. Престарелый Победоносцев подает в отставку.

Для большинства правительственных чиновников рангом пониже манифест – полная неожиданность, о его подготовке никто заранее не знал. «В чем дело? Что это значит? Как понимать манифест?» – расспрашивают полицейские Герасимова. Большинство сходится на том, что теперь тайная полиция, специализирующаяся на борьбе с врагами режима, будет закрыта.

Вчерашние специалисты по борьбе с инакомыслящими обсуждают, кто куда пойдет устраиваться: кто на железную дорогу, кто в охранники. Их начальник Герасимов отшучивается: «Успокойтесь. Без нас не обойдутся. Полиция имеется даже во Французской республике. Кто хочет, может уйти, – а нам работа найдется».

18 октября по всей стране праздник, который будут вспоминать и через

10 лет. Столичные интеллигенты торжествуют. Сергей Дягилев покупает бутылку шампанского и мчится к родственникам. «Ликуем! Вчера даже пили шампанское! Привез Сережа! Чудеса», – записывает его тетя Нона, мать Димы Философова.

Забастовка заканчивается, снова работает водопровод, идут поезда. В обеих столицах – демонстрации, половина – с портретами императора, вторая – с красными флагами; одни поют гимн, другие – революционные песни. «Те и другие бесчинствуют, учиняют насилие над прохожими, которые не снимают шапок», – вспоминает губернатор Джунковский. Полиция не вмешивается.

Впрочем, политики недовольны и считают манифест полумерой. В Москве сестра Маргариты Морозовой устраивает пышный банкет по случаю окончания съезда кадетов, совсем не ожидая, что будет и второй, куда более мощный повод. Зал переполнен, настроение восторженное. «Нас и манифест готовились чествовать вместе», – вспоминает Милюков. Он герой дня – его, как триумфатора, поднимают на руки, ставят на стол, чтобы он произнес речь, «всовывают в руки бокал шампанского», а «некоторые, особенно разгоряченные, лезут на стол целоваться по-московски и, не очень твердые в движениях, обливают основательно шипучим напитком». Милюков недоволен – он считает, что праздновать нечего. Он выступает сдержанно, говорит, что это только начало – «чтобы удержаться на том, что достигнуто, нельзя покидать боевого поста». Заканчивает свою речь он и вовсе мрачно: «Ничто не изменилось; война продолжается».

Примерно в это время антипод 46-летнего Милюкова, 25-летний Лев Троцкий кричит с университетского балкона празднующей толпе: полупобеда ненадежна, враг непримирим, впереди западня. Он рвет царский манифест и пускает его клочья по ветру.

Жиды сбросили корону

Гораздо меньше ясности в провинции. Никаких слухов там не было, просто утром 18 октября выходят газеты с опубликованным манифестом. Почти никто не понимает, что это значит.

Монархист Василий Шульгин, житель Киева, офицер запаса и будущий депутат Государственной думы, описывает, как празднуют наступление политической свободы на Майдане: площадь забита народом от края до края, люди свисают с балконов, посреди «моря голов» стоят «какие-то огромные ящики, также увешанные людьми… Я не сразу понял, что это остановившиеся трамваи. С крыш этих трамваев какие-то люди говорили речи, размахивая руками, но, за гулом толпы, ничего нельзя было разобрать. Они разевали рты, как рыбы, брошенные на песок», – пишет Шульгин. Все радуются: кто-то тихо, а «кто-то дуреет и пьянеет от собственного множества». В городской думе происходит стихийный митинг. Участники требуют освобождения политзаключенных, поют «вечную память» погибшему «борцу за свободу» – ректору Московского университета князю Трубецкому. Потом митингующие выходят на балкон здания думы, украшенный царским вензелем и короной. Их немедленно отламывают и заменяют красным флагом.

Шульгин описывает это очень патетично: «Царская корона… вдруг сорвалась или была сорвана и на глазах у десятитысячной толпы грохнулась о грязную мостовую. Металл жалобно зазвенел о камни… И толпа ахнула. По ней зловещим шепотом пробежали слова: "Жиды сбросили царскую корону…"» Шульгин в этот момент даже не подозревает, что именно он через 12 лет окажется тем человеком, который по-настоящему сбросит царскую корону – примет из рук Николая II акт об отречении от престола.

Но пока Шульгин в ужасе от происходящего в Киеве: студенты учиняют разгром в здании городской думы: рвут царские портреты, протыкают им глаза, а один студент даже, «пробив головой портрет царствующего императора», надевает порванное полотно на шею и бегает по зданию с криками: «Теперь я – царь!»

В Киеве разрешено жить евреям, но и антисемитские настроения здесь очень сильны. «Киевлянин» – одна из главных черносотенных газет страны. Ее главный редактор – отчим Шульгина, Дмитрий Пихно.

Вечером 18 октября к редакции «Киевлянина» приходит толпа

студентов и рабочих, желающая разгромить ее. Полицейские грозят открыть стрельбу. Тем временем редактор Пихно уговаривает наборщиков выпустить новый номер. Они боятся – говорят, что революционеры грозились вырезать их семьи, если они продолжат набирать монархический «Киевлянин». Тогда главный редактор произносит перед ними прочувствованную речь: «Прошу вас не для себя, а для нас самих и для России… Нельзя уступать!.. Если им сейчас уступить, они все погубят, и будете сами без куска хлеба, и Россия будет такая же!» Два самых старых наборщика соглашаются. Они просят у Шульгина «рубль на водку» и с риском для жизни набирают свежий номер «Киевлянина» – всего две страницы. Это единственная газета, которая выходит в городе на следующий день, 19 октября.

Митинг вокруг городской думы продолжается недолго. Прибывают казаки и начинают разгонять митингующих. Начинается страшная давка – с человеческим жертвами: «Где раньше минут за пять стояла многотысячная толпа, там теперь виднелись трупы убитых, помятые шляпы, калоши, зонтики и несколько дамских платьев, – так опишет события того дня "Киевлянин". – На площади и прилегающих улицах происходило побоище между "черной сотней" и интеллигенцией, а также и евреями, перешедшее к вечеру и последующие два дня в стихийный еврейский погром».

По словам Шульгина, погромы начинаются из-за слуха о том, что «жиды царскую корону сбросили», – и возмущенные городские низы используют это как повод, чтобы начать громить и грабить еврейские лавки. Офицер Шульгин, пасынок издателя черносотенной газеты, во главе отряда мечется по городу, пытаясь предотвратить погромы и убийства евреев. Погромщики искренне не понимают, почему военные не на их стороне: «Господин офицер, зачем вы нас гоните?! Мы ведь – за вас. Ей-богу, за вас!» Убедить толпу не громить еврейские дома Шульгину не удается: «Только я их разгоню – как через несколько минут они соберутся у того края пустыря. В конце концов это обращалось в какую-то игру».

Союз русских

Доктор Дубровин, конечно же, взбудоражен манифестом. В его огромной квартире на следующий день собираются единомышленники. Они уверены, что Витте «вырвал» манифест у царя угрозами, поэтому он не имеет никакой законной силы. Именно в эти дни дома у Дубровина придумывают название для той самой массовой организации, о которой давно мечтают монархисты, – Союз русского народа.

«Союзники» (так называют себя члены организации) собираются бороться против манифеста 17 октября – и за неограниченную власть царя. Еще они называют себя «истинно русскими людьми». Это и есть те самые «здравомыслящие люди», собрать которых мечтал царский адъютант Влади Орлов.

Квартира Дубровина становится центром монархического Петербурга – уже хотя бы потому, что у него много свободного места. Преуспевающий врач вложил заработанные деньги в строительство многоэтажного дома на Невском. Когда «союзники» перестают помещаться в его собственную квартиру, он выделяет под офис организации еще одну, соседнюю. Сюда же всех желающих направляет департамент полиции – ведь Рачковский давно курирует благонадежного Дубровина. Ну и, само собой, МВД берет на себя финансирование Союза.

Буквально через пару дней после манифеста 17 октября начальник тайной полиции Герасимов встречает Дубровина дома у Рачковского. Тот просит у Герасимова инструкций. Герасимов советует посылать своих активистов на революционные митинги – и вступать там в дискуссии, спорить, срывать оппозиционную пропаганду. Дубровин обещает, что так и поступит. (Но не сделает этого.)

Члены Союза русского народа принимают устав и начинают издавать газету «Русское знамя». Главный редактор – сам Дубровин. «Работали все и несли свой труд идейно, без ожидания какого-либо вознаграждения, благодаря чему Союз разрастался незаметно, но быстро, – вспоминает Дубровин, – волна оскорбленного чувства за поруганную Родину быстро разливалась по всему пространству униженной России, охватывала умы и сердца во всех слоях населения и привлекала к Союзу массу новых единомышленников».

Реформа или ловушка

Через пару дней после подписания манифеста новость о нем добирается до Женевы, столицы русской оппозиции. Лидеры самой мощной оппозиционной партии – Михаил Гоц, Евгений Азеф и Виктор Чернов – изучают свежий номер *Journal de Genève* с опубликованным царским манифестом. Чернов не верит, что все это всерьез. «Крупная уступка, – говорит он. – Видно, что давление всеобщей забастовки стало нешуточным. Приходится маневрировать».

Чернов не один так думает. Почти все эсеры в один голос говорят, что это «очередная хитрость, хладнокровно задуманная ловушка», «эмиграцию и подпольщиков в Россию заманивают», чтобы потом «всех разом сгрести и вымести с русской земли крамолу начисто»[58]. Не согласны только Гоц и Азеф. «Ты думаешь, что ради этакой полицейской цели, весь государственный строй России будут ставить вверх дном, потрясать всю Россию неслыханными новшествами, придавать бодрости всей оппозиции?» – спрашивает Азеф. Чернов же настаивает на своей конспирологической версии: «Это маневр, но не грубо полицейский, а тонко политический». «Революционеров велено скрутить в бараний рог, а обществу обещают политические поблажки. Разделяй и властвуй: успокой оппозицию и при ее пассивности раздави революцию, а потом уже и с оппозицией делай что хочешь» – убежден Чернов.

Но Гоц не согласен: «Со старым режимом покончено. Это – конец абсолютизма. Это – новая эра». Более того, по его мнению, «с террором тоже кончено» – Боевую организацию пора ликвидировать.

Чернов согласен, что террор – это крайняя мера, он допустим лишь в странах неконституционных, там, где нет свободы слова и печати. Но, поскольку правительству верить нельзя – оно может и обмануть, – совсем распускать Боевую организацию нельзя, надо «держать ее под ружьем». Азеф не согласен – он считает, что в замороженном состоянии террористическая организация существовать не может: либо люди готовят теракт, хранят динамит, соблюдают дисциплину, либо они ничего не делают. Не имея конкретной цели, Боевая организация не выживет, лучше ее просто распустить.

За террор бьется один Савинков. Его товарищи даже начинают обсуждать возможность отколоться от партии и начать террор самостоятельно. Но Савинков решит подчиниться решению ЦК. Хотя и

будет жалеть об этом позже.

Борису Савинкову всего 26 лет, он дисциплинированный член партии. Но у него есть младший товарищ – 25-летний Михаил Соколов по кличке Медведь. Он еще не успел принять участие в терроре, а только мечтал о нем. Его и таких, как он, решение ЦК партии не устраивает. Они решают начать собственный террор.

Чернова Гоц отправляет в Россию – открывать в Петрограде первую легальную газету партии эсеров. Спустя пару дней Чернов приходит прощаться с идеологом партии, который остается в Европе. У Гоца парализована вся нижняя часть тела, начинают отниматься руки. Жена Гоца включает граммофон, Чернов поет. У него «глупо-счастливое настроение». Незадолго до этого врачи, наконец, выяснили причину болезни Гоца – опухоль оболочки спинного мозга – и предлагают сделать сложнейшую операцию. Гоц соглашается – но они с Черновым не обсуждают проблемы со здоровьем. Они говорят только о будущем российской политики. «Так не хотелось – эгоистически не хотелось – портить собственную радость пессимизмом», – вспоминает Чернов.

«Тяжкое преступление, достойное смерти»

18 октября, на следующий день после манифеста, 32-летний большевик Николай Бауман собирается организовать в Москве шествие к Таганской тюрьме (где сам недавно отсидел 16 месяцев) под лозунгом «Разрушим русскую Бастилию». Собрав группу добровольцев в Немецкой слободе, Бауман берет извозчика и, размахивая красным флагом, едет в сторону центра города, выкрикивая «Долой царя!». Крики марксиста очень злят крестьянина Николая Михалина – он бросается к Бауману с куском арматуры. Запрыгивает в экипаж, наносит ему первый удар, Бауман падает на землю. Михалин спрыгивает и добивает его еще несколькими ударами по голове.

В тот же день Михалина арестовывают – в полицейском участке он ведет себя довольно самоуверенно и говорит, что будет убивать всех, кто ходит с красными флагами. Очевидно, Михалин состоит в одной из московских монархических групп.

Через полгода его признают виновным в убийстве и приговорят к полутора годам службы в арестантской роте. Консервативная газета «Московские ведомости» Грингмута будет возмущена приговором: «Все Русские люди чтут и любят Царя. Все согласны в том, что оскорбить Царя – это значит совершить тяжкое преступление, достойное смерти. Но в этот день московские интеллигенты и Иудеи были вполне безнаказанны. Начальство попряталось, – и сволочь с красными тряпками расхаживала по улицам, нагло насмехаясь над Русским народом… Не может Русский человек согласиться с дурацкими выдумками наших юристов-интеллигентов. Враг Царя, Царский оскорбитель в глазах Русских людей был, есть и будет тяжким преступником, достойным смерти, которому нет места на Русской земле. Не можем мы позволить, чтобы всякая интеллигентская шушера, всякий гнусный Иудей подкапывались под Царскую Власть и поносили и оскорбляли Божьего Помазанника».

«В этот день», о котором пишет газета, 18 октября, новость об убийстве распространилась быстро. Уже на следующий день к генерал-губернатору Москвы Петру Дурново приезжают глава Союза союзов Павел Милюков и земский деятель князь Шаховской (которого недавно принимал сам император). Обращаясь к нему «товарищ», они просят разрешить торжественные похороны убитого Баумана.

«Какой я вам товарищ?» – отвечает Дурново. Но шествие разрешает –

более того, распоряжается удалить полицию, при условии что организаторы будут сами следить за порядком.

20 октября похороны Баумана становятся грандиозной политической манифестацией. Гроб несут от здания Технического училища (современный университет имени Баумана) до Ваганьковского кладбища. Море цветов и венков, толпы народу, революционные песни и антиправительственные речи на кладбище.

Уже затемно толпа начинает расходиться и идет обратно в город – около Манежа происходит стычка между участниками процессии и казаками, которые расквартированы в Манеже. Есть новые убитые. Возмущенная Московская городская дума принимает решение удалить из города всех казаков, а заодно и ликвидировать политическую полицию (против снова выступают только два члена городской думы, братья Гучковы).

Напряжение нарастает. Спустя несколько дней опубликован указ об амнистии – на свободу должны выйти все политзаключенные, кроме признанных виновными в убийстве. То есть амнистия не касается членов Боевой организации эсеров – например, Григория Гершуни и Егора Сазонова. Но отпустить должны тысячи заключенных по всей стране и особенно в Сибири.

В Москве, к примеру, «политические» содержатся в двух местах: в Бутырке и в Таганской тюрьме. В первой освобождение проходит гладко. А начальник Таганки тянет с выполнением амнистии – в итоге под стенами тюрьмы собирается многотысячная толпа.

Звонят губернатору Джунковскому. Он с трудом пробирается к Таганке – все улицы вокруг запружены людьми с красными флагами. Пройдя, наконец, внутрь, он обнаруживает, что указ об амнистии составлен в спешке – одна из важных «политических» статей в нем не упомянута. На всякий случай, чтобы прояснить ситуацию, прямо из тюрьмы Джунковский звонит в Петербург – премьер-министру Витте. Витте подтверждает, что это недоразумение и освобождать надо всех «политических». Уходя, губернатор слышит упреки со стороны заключенных-уголовников: «Как это, нас, верноподданных, не освобождают, эти же шли против царя, а их освободили».

Свинья, жаба и другие министры

При новых порядках российская столица превращается в совершенно другой город. Если совсем недавно Петербург был похож на призрак без света, движения и каких-либо признаков жизни, то теперь это карнавал – непрекращающийся митинг.

21 октября Петросовет выносит постановление: «Только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых не посылают своих номеров в цензуру» – и на следующий день столичные газеты выходят без одобрения цензоров. Те же, кто не решился на такое, просто не выходят – потому что профсоюз типографских работников отказывается их набирать.

Вчерашние диссиденты испытывают гордость, недавние охранители прячут глаза. Забастовка в Мариинском театре заканчивается хеппи-эндом – мятежные артисты балета победили. Зато те, кто подписали заявление о лояльности, опозорены. Балетмейстер Сергей Легат, который уступил требованию начальства, кончает жизнь самоубийством. Весь театр поражен. Сергей Дягилев пишет статью под названием «Пляска смерти», в котором обвиняет чиновников от культуры в смерти Легата.

В эти дни Дягилев знакомится с Максимом Горьким, они даже обсуждают идею вместе издавать художественный журнал. Удивительный альянс: эстет Дягилев до сих пор все свои проекты осуществляет либо на деньги государства, либо при существенной господдержке. А Горький – живой символ протеста, минувшей зимой он провел месяц за решеткой и все еще ждет суда. Правда, теперь все уверены, что этот суд не состоится.

Гражданская жена Горького Маруся Андреева становится издательницей – она теперь руководит журналом «Новая жизнь». Популярная актриса, конечно, чисто номинальный руководитель – на самом деле журнал становится первым легальным печатным органом друзей Андреевой – большевиков.

Осенью 1905 года из-за границы возвращаются политические эмигранты, на свободу выходят политзаключенные. Толпами приезжают швейцарские изгнанники: Виктор Чернов, Юлий Мартов, Владимир Ульянов, Петр Струве.

Для Струве 17 октября – особый день, рожает его жена. У нее уже начались родовые схватки, когда муж врывается в палату с криком «Нина, конституция!». Спустя пару дней он оставляет жену с новорожденным ребенком, закрывает никому уже не нужный эмигрантский журнал

«Освобождение» и уезжает в Петербург. Он собирается продолжать выпуск журнала уже на родине.

Но начинает он не с редакционной работы, а с гастролей – Струве выступает с речами в разных городах и всюду говорит об опасности диктатуры, которая угрожает России: «Диктатура тех, кого именуют "черной сотней", и тех, кто себя именует "революционным пролетариатом"». Струве же считает, что «стране не нужна и противна всякая диктатура, она жаждет только права, свободы и хозяйственного возрождения».

Ленин в это время берет в свои руки «Новую жизнь», фактически изгоняя оттуда набранных Андреевой сотрудников. А Мартов начинает редактировать другую газету – она называется «Начало». Меньшевистская газета пользуется куда большей популярностью – в ней публикуется король столичного протеста, Перо Лев Троцкий. День за днем Троцкий призывает к народному восстанию. Главные герои его публикаций – Сергей Витте и Петр Струве. «Витте – агент биржи, Струве – агент Витте» – называется одна из его статей. Он не жалеет желчи для своих врагов, причем либералов, конечно, он обвиняет еще более страстно, чем правительство.

Уровень свободы слова запредельный. Прямо на Невском, у католической церкви Св. Екатерины, стоит лоток, на котором свободно продаются вчера еще подпольные издания: женевские, парижские, лондонские, старые номера «Искры», «Революционной России», «Освобождения» – все что угодно. Главный борец с революцией полковник Герасимов в шоке. Остановившись возле прилавка, он долго роется в ассортименте и даже покупает что-то для личной коллекции.

Столичная пресса, освободившись от цензуры, вынуждена бороться за аудиторию с революционными изданиями. Возникает целая плеяда сатирических журналов, высмеивающих власть.

Особым развлечением для полковника Герасимова становится приносить министру внутренних дел Дурново подборку свежих карикатур: «Это – граф Витте, а вот это – в виде свиньи или жабы – это вы, ваше высокопревосходительство». Впрочем, на свои карикатуры министр не обижается, но страшно злится, когда высмеивают царя: такие журналы он всегда приказывает конфисковать. Этим он, конечно, только подстегивает спрос: «запрещенный» номер продают уже не по 5 копеек[59], а за рубль[60], два[61], а то и пять рублей[62].

Активный гражданин и активный полицейский

В «конституционном» Петербурге гражданское общество пытается брать на себя все больше функций – даже те, которые государство и не планировало им отдавать. Общественные организации начинают действовать фактически как параллельная власть. Петросовет принимает постановление о восьмичасовом рабочем дне, правда, добиться его выполнения ему не удастся. На страницах органа Петросовета – газеты «Известия» – обсуждаются вопросы о регулировании цен на продукты, снижении квартплаты для малоимущих.

Совет рабочих депутатов, например, формирует свою собственную «милицию», которая должна следить за тем, чтобы полиция не нарушала закон. Для начала уполномоченные Петросовета приходят инспектировать тюрьмы, чтобы проверить – выполнен ли указ об амнистии. Их пускают. Герасимов взбешен – и увольняет того полицейского, который пустил проверяющих.

Еще больше возмущает полковника ситуация, случайно подсмотренная им на улице: на Литейном проспекте человек с повязкой на руке подходит к постовому и что-то говорит ему. Полицейский, выслушав, идет за ним. Герасимов бросается следом и спрашивает, в чем дело. «Господин с повязкой» весьма охотно разъясняет: «Вот в этом дворе невероятно антисанитарные условия. Помойная яма давно не чищена и страшно воняет. Я предложил городовому немедленно принять соответствующие меры».

Герасимов в ярости. Он не может понять, на каком основании общество присваивает себе его власть: «Но, позвольте, кто вы такой?» – кричит он. «Я – представитель милиции, организованной Советом рабочих депутатов», – уверенно отвечает человек с повязкой. Герасимов требует от полицейского немедленно арестовать «представителя милиции». Но Герасимов в штатском – и полицейский не в курсе, что перед ним начальник тайной полиции. Он крутит пальцем у виска и спокойно идет за человеком с повязкой на рукаве – составлять протокол об антисанитарном состоянии двора.

Витте, желающий начать новую жизнь, совершенно не учитывает такого важного фактора, как настроение бюрократии. Ей никто не объяснил, каковы новые правила игры. И не факт, что она эти правила приняла бы. Тысячи людей (госаппарат в 1905 году – примерно 250 тысяч

человек) искренне верят в то, что прежний порядок был правильный, и он их устраивал, а как действовать в этой новой ситуации, они просто не знают.

Полковник Герасимов с первых дней советует новому министру внутренних дел Дурново арестовать всех руководителей общественных организаций. «Ну, конечно. Если пол-Петербурга арестовать, то еще лучше будет, – шутит Дурново, у которого, конечно, тоже чешутся руки. Но он держится: – Запомните: ни Витте, ни я на это нашего согласия не дадим. Мы – конституционное правительство. Манифест о свободах дан и назад взят не будет. И вы должны действовать, считаясь с этими намерениями правительства как с фактом». Дурново очень старается соответствовать времени. Но многие – как, например, Герасимов – не хотят стараться. Они искренне не понимают нового курса и требуют арестов и репрессий.

Правительство Витте

Казалось бы, Сергей Витте достигает всего, чего хочет. Он сегун, великий визирь – как ядовито называют его враги из петербургского высшего света. Он обладает максимальной властью, которую когда-либо получал госчиновник в России. Он имеет возможность осуществить собственную программу реформ и, как председатель Совета министров, самостоятельно набрать себе кабинет.

Витте начинает искать себе министров. Но тут оказывается, что большинство известных общественных деятелей не хотят с ним работать. Сначала он вызывает Дмитрия Шипова, бывшего главу московского земства, первого лидера оппозиции. Затем – Александра Гучкова, крайне активного депутата Мосгордумы и наследника богатой купеческой семьи. Их обоих очень смущает кандидат на пост министра внутренних дел – одиозный Петр Дурново, работавший заместителем у трех последних министров. Потом Витте встречается с представителями земского съезда (в том числе с князем Георгием Львовым, тем самым, который через 12 лет станет главой первого Временного правительства). Земцы чувствуют, что они на подъеме, что они, наконец, заставили правительство считаться с обществом, – и теперь требуют, чтобы власти продолжили реформы и созвали учредительное собрание. Потом Витте встречается даже с Милюковым – тот советует ему не составлять правительство общественного доверия, а собрать технократический «деловой» кабинет.

Витте встречается с владельцами СМИ, чтобы посоветоваться, – и издатель популярнейшей «Биржевой газеты» в лицо говорит ему, что с ним никто не хочет сотрудничать, потому что никто ему не доверяет.

Очевидно, что в атмосфере внезапной свободы слова Витте вовсе не выглядит привлекательной фигурой. Все потенциальные министры сторонятся его, потому что даже переговоры с Витте – удар по репутации. Кроме того, либеральные политики считают, что сила на стороне общества и они могут диктовать условия правительству. Популярность Петросовета, Троцкого, левых газет «Начало» и «Новая жизнь» тоже постепенно растет; социал-демократы, конечно, пока не могут тягаться с лидерами кадетов, но постепенно публика становится более радикальной, чем была год назад. Левые входят в моду, никто не хочет запятнать себя публичным рукопожатием с Витте.

Все, кто встречает Витте в этот период, вспоминают его в крайне

нервном, уставшем, почти неадекватном состоянии. Очевидно, премьер-министр работает едва ли не круглосуточно, не может найти людей, которые бы его устраивали, и очень недоволен всем вокруг. По словам московского губернатора Джунковского, огромный стол в кабинете Витте «завален бумагами, а весь пол устлан в беспорядке брошенными конвертами». Видно, что граф Витте сам вскрывает бумаги и письма и, прочитав, бросает на пол. И это еще довольно дружелюбная оценка – другие вспоминают несвежие воротники, мятые галстуки и прочие признаки усталости и переутомления. В воспоминаниях Витте будет жаловаться на либеральную интеллигенцию, особенно на профессуру и земцев. Если бы она не оттолкнула его предложение, все могло бы пойти бы совсем по-иному, сетует он. Впрочем, и либералы будут потом вспоминать это как уникальный потерянный шанс.

Среди кадетов начинается раскол: некоторые члены Союза освобождения, которые из-за забастовки не доехали до учредительного съезда, теперь обвиняют Милюкова в рейдерском захвате. Другие начинают ссориться из-за отношения к манифесту 17 октября – часть либералов считает, что принимать манифест ни в коем случае нельзя, а надо стремиться к провозглашению России республикой.

Московские купцы – одни из немногих, кто полностью поддерживает манифест 17 октября. Рябушинский вспоминает, что большая часть его товарищей считает, что цель достигнута. Более того, предприниматели создают политическую партию, которая должна поддерживать реформы Витте. Она получает название «Союз 17 октября». Лидером становится представитель богатой старообрядческой купеческой семьи и одновременно один из самых активных депутатов Мосгордумы – 43-летний Александр Гучков (отказавшийся, впрочем, быть министром у Витте). У 34-летнего Павла Рябушинского намного меньше политического опыта, но он избран в ЦК партии.

Кадеты остаются в оппозиции Витте, но одновременно критикуют и Советы, которые вслед за Троцким продолжают стремиться к «перманентной революции». Разочаровавшийся в марксизме Струве считает бывших товарищей популистами, называет Советы «унизительным зрелищем». Попытку Петросовета самовольно установить восьмичасовой рабочий день кадеты считают «преступлением перед страной».

С формированием кабинета Витте меняется вся архитектура власти. Уходит на второй план недавний фаворит императора Трепов. Николай II назначает его дворцовым комендантом – аналог нынешнего главы ФСО. Он теперь уже не единоличный посредник между страной и царем, а просто

самый важный приближенный императора, отвечающий за его личную безопасность.

Но, пожалуй, еще более эпохальная отставка – уход самого влиятельного дяди царя, великого князя Владимира, того самого, которого считают виновником расстрела протестующих 9 января 1905 года. Но его отставка с Кровавым воскресеньем никак не связана – это результат семейной ссоры.

Двоюродный брат императора, великий князь Кирилл, женится на английской принцессе Виктории Мелите, которая за пару лет до этого с грандиозным скандалом развелась со своим первым мужем, изменявшим ей с мальчиком-слугой. Оскандалившийся муж Эрнст Людвиг, герцог Гессенский, – родной брат императрицы Александры. Именно поэтому Николай II и Александра не одобряют свадьбу Кирилла и Виктории, более того, наказывают его изгнанием. Взбешенный этим дядя Владимир демонстративно хлопает дверью. С этого начнется самая затяжная и самая драматичная вражда в царской семье: между Ники и Аликс, с одной стороны и дядей Владимиром, его женой Михень и их детьми – с другой. Эта вражда не забудется и через 12 лет, в 1917-м, когда дети великого князя Владимира (и Кирилл в том числе) войдут в так называемый заговор великих князей против Николая II.

Святой и бунт

Принятие манифеста – вовсе не конец кризиса. 23 октября обстановка накаляется до предела в Кронштадте, крупнейшем военном порту России всего в 30 км от Петербурга. Вечером матросы Кронштадта узнают, что комендант крепости арестовал 40 солдат за предъявление требований об улучшении положения. Моряки останавливают поезд с арестованными солдатами. В ответ конвой открывает огонь и убивает одного матроса.

Это становится сигналом к восстанию 12 флотских экипажей.

Потом восстание переходит в погромы лавок в городе. Большая часть жителей панически бежит из города. Утром 27-го числа уезжает и самый известный житель города – священник Иоанн Кронштадтский.

Николай II пишет в дневнике 27 октября: «В Кронштадте со вчерашнего дня начались беспорядки и разгромы. Добиться известий было трудно, так как телефон не действовал. Ну, уж времена!!!»

На следующей день восстание, начавшееся как политическое, перерастает в пьяный дебош. Матросы громят лавки и не предъявляют никаких требований.

Подавлением беспорядков в Кронштадте занимаются два генерала: Николай Иудович Иванов и Михаил Васильевич Алексеев – именно они через десять лет возглавят русскую армию и будут двумя самыми близкими к императору генералами в 1917 году. Но в 1905-м они пока мало известны широкой публике – оба только что вернулись с маньчжурского фронта. Они быстро справляются с пьяными моряками. Генерал Иванов использует свой зычный голос – он выходит к бунтовщикам и кричит во все горло: «На колени!» Оторопевшие от неожиданности матросы подчиняются. Полностью восстание удается подавить с помощью пулеметной команды и пехотного полка. Убиты 50 человек, ранено 200.

Уже на следующий день Николай II записывает: «Все успокоилось после серьезных беспорядков среди морских команд и артиллерии на пьяной почве». Но на этом история не заканчивается. После подавления мятежа Петросовет объявляет забастовку протеста, в которой участвует 140–160 тысяч человек. Забастовки в поддержку кронштадтских моряков проходят в Москве, Вильно, Харькове, Киеве.

76-летний отец Иоанн Кронштадтский остается в столице три дня – пока на острове все окончательно не успокоится. Либеральная пресса после этого долго высмеивает «народного батюшку», который убежал от

восстания: в одной из газет публикуют карикатуру, на которой священник изображен верхом на осле, переходящем вброд Финский залив.

Удивительно, что как раз в этот момент, когда самый популярный священник России переживает, возможно, самые тяжелые дни своей жизни – фактически он вынужден бежать из дома, – другой претендент на роль духовного лидера, 36-летний Григорий Распутин, наслаждается первыми минутами триумфа. 31 октября император и его жена приезжают в гости к черногорским принцессам, Милице и Стане. И там знакомятся с новым протеже Милицы – «божьим человеком Григорием».

Знакомство производит на царскую семью огромное впечатление. Император и императрица, очевидно, пережили сильное потрясение – манифест 17 октября противоречит их убеждению о том, что власть дана царю Богом. Распутин тоже так считает – и в этом его особая ценность. Николай и Александра воспринимают его как истинного выразителя мыслей и чувств простого народа; он говорит им то, что они хотят слышать, и помогает пробить то «средостение» из чиновников и придворных (а также либералов и интеллигентов), которое отделяет царя от народа. Распутин, появившийся около императора, когда тот был наиболее близок к демократии, постепенно будет эту демократию для него заменять – он станет для Николая и гласом народа, и гласом Божьим; лучшей фокус-группой и самым надежным соцопросом.

Новые союзники

«Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на успокоение», – пишет Николай II матери про графа Витте. Действительно, никакого успокоения нет и в помине. Петросовет во главе с Носарем и Троцким раз за разом призывает рабочих к очередным забастовкам – они не достигают такого масштаба, как в начале октября, но и спокойной ситуацию не назовешь.

В конце октября премьер-министр Витте принимает делегацию рабочих, бывших активистов гапоновской организации. Рабочие просят его амнистировать Гапона и вернуть им 30 тысяч рублей[63], которые лежали на счетах организации. Витте обещает деньги вернуть и отправляет делегацию в министерство торговли. Про Гапона говорит, что все сложно. Нет сомнений, что старую рабочую группу премьер собирается использовать как контролируемого спойлера, с помощью которого он сможет бороться с Петросоветом. И вряд ли рабочие это понимают. Они пишут своему лидеру, что никакой новый «Рабочий союз» больше создавать не надо, лучше возродить прежние «Собрания». Гапон едет в Петербург. Правда, нелегально, по поддельным документам.

Город сильно поменялся с января. Гапона без рясы и без бороды здесь мало кто узнает (он очень переживает, пишет, что без рясы он как Самсон без волос). Бывший священник идет в здание Вольного экономического общества – туда, где, загримированный, он вместе с Горьким выступал перед толпой вечером 9 января. Теперь здесь заседает Совет во главе с Носарем. Там Гапон встречает старого друга – Петра Рутенберга, которого, в отличие от него, амнистировали. Рутенберг советует Гапону зайти в зал заседаний, подойти к Носарю, попросить слово и сказать: «Я – Георгий Гапон и становлюсь, товарищи, под вашу защиту». «И никто тебя не посмеет тронуть», – уверен эсер, и не придется скрываться, ждать амнистии.

Но Гапону этот план не подходит. С одной стороны, он не хочет быть на третьих ролях в Петросовете. С другой – он все еще опасается за свою жизнь, не зря же перед приездом в Россию он обсуждал с друзьями вопрос, не повесят ли его. Наконец, Гапон мечтает возродить именно свою организацию.

Но пока Гапон колеблется, ситуация очень быстро меняется. Забастовки не утихают. А 12 ноября приходят новости из Крыма – в

Севастополе восстали команды боевых кораблей. Лейтенант Петр Шмидт сам себя произвел в капитаны второго ранга и объявил себя командующим Черноморским флотом.

В газетах об этом только обрывочные сведения – но ясно, что это смертельный удар по политике успокоения Витте. После принятия его манифеста стало только хуже. Все больше влияния набирает «силовик» при Витте – глава МВД Дурново. Да и сам Витте уже требует жестких мер.

Правительство издает указ, вводящий новые наказания за участия в забастовках: до полутора лет тюрьмы для рядовых участников и до четырех лет для организаторов. В Севастополь отправляют войска.

13 ноября Петросовет обсуждает вопрос о новой всеобщей забастовке – но не решается ее объявить. 14 ноября на предприятиях начинаются массовые увольнения – выгоняют больше 100 тысяч рабочих.

В этой ситуации для Гапона придумана другая роль. Витте решает, что заигрывать с петербургскими рабочими уже не обязательно – намного полезнее будут зарубежные связи бывшего священника. К Гапону приходит личный помощник Витте – бывший агент полиции Иван Манасевич-Мануйлов. Он обещает ему помочь воссоздать собственную рабочую организацию, даже дать на нее денег, но с одним условием. Гапон, хоть он уже и не так популярен в Петербурге, по-прежнему самый известный российский оппозиционер за границей. А правительству Витте как раз очень нужно получить крупный кредит – российская экономика трещит по швам, все переговоры с парижскими банкирами проваливаются. Гапон должен поехать в Париж и авторитетно заявить местным СМИ, что правительство Витте стабильно и эффективно, революции не будет, кредит давать неопасно.

Гапон соглашается. Ему выдают 500 рублей[64] на проезд, а потом и те самые 30 тысяч[65], компенсации которых требуют его товарищи. Правда, власти просят Гапона пока не афишировать выплату этих денег. И он соглашается. Он все еще уверен, что не Витте его использует, а, наоборот, он использует Витте. Одну тысячу из этих тридцати он сразу вносит в казну «Собраний». Остальные оставляет на хранение помощнику.

21 ноября происходит долгожданное торжественное мероприятие – второе открытие «Собраний петербургских фабрично-заводских рабочих». Приходит 4 тысячи человек, причем все они утверждают, что представляют не только себя, но и товарищей. Гапон счастлив – он снова лидер мощной организации. На открытие приходят Носарь и другие руководители Петросовета. Они, конечно, очень ругаются, потому что подозревают, что

Гапон – спойлер. Но он себя таковым совсем не считает.

Враг справа

Открытие гапоновского клуба – не единственное важное событие в столице. 21 ноября происходит первый митинг Союза русского народа. Власти выделяют под мероприятие здание Михайловского манежа. В центре возводится помост для выступающих. Общее число участников неясно: сотрудник МВД Владимир Гурко считает, что около двух тысяч, а издатель черносотенных газет Павел Крушеван уверен, что есть и 20 тысяч.

Участники вспоминают, что обстановка напряженная, «в воздухе много электричества» и многие опасаются, что сразу после митинга участники пойдут что-то громить.

Погромы, которые то и дело устраивают монархисты и им сочувствующие, – оборотная сторона беспорядков осени 1905 года. В то время как марксисты ходят по улицам с красными флагами и призывают к забастовкам, по другим улицам ходят «правые» с хоругвями и портретами императора. Они, как правило, заставляют прохожих снимать шапки (иногда насильно), а кроме того, избивают тех, кто кажется им похожим на еврея или студента. Даже в Петербурге (а тем более в провинциальных городах) человеку в очках попадаться на глаза шествию хоругвеносцев небезопасно.

Такая репутация отталкивает от монархического движения многих. Накануне митинга 21 ноября доктор Дубровин и его друзья приходят к петербургскому митрополиту Антонию – они просят благословить знамена и хоругви Союза. Но митрополит не собирается быть любезным с черносотенцами – пусть даже за ними стоит МВД. «Правым вашим партиям я не сочувствую и считаю Вас террористами, – говорит Дубровину митрополит Антоний, – террористы-левые бросают бомбы, а правые партии вместо бомб забрасывают камнями всех с ними не согласных». И прогоняет «союзников». Дубровин очень обидится – и не забудет митрополиту этого оскорбления.

Митинг 21 ноября, впрочем, проходит без инцидентов. Выступают сам Дубровин, известные публицисты-монархисты, два епископа. Все считают, что многолюдный митинг в поддержку власти в разгар революции – это успех. 27 ноября начинает выходить газета Союза русского народа – «Русское знамя». Главный герой каждого номера газеты – премьер-министр Витте, граф Полусахалинский, объект жгучей ненависти Дубровина и его единомышленников. Требование отставки Витте – рефрен едва ли не

каждой публикации «Русского знамени». Союз получает деньги от правительства – но это вовсе не мешает ему возглавлять борьбу против премьер-министра.

Доктор Дубровин развивает небывалую активность – он встречается, наверное, со всеми чиновниками, которые недовольны Витте, и предлагает им свои услуги. В начале декабря Дубровина принимает великий князь Николай Николаевич, который еще полтора месяца назад умолял императора принять проект Витте, а теперь горько раскаивается в этом. «Витте, побуждаемый жидами, ведет к революции и распадению России», – увещевает великого князя доктор Дубровин. Николай Николаевич обещает договориться о встрече Дубровина с правой рукой царя – Треповым[66].

У премьера совсем не остается сторонников. Почти вся либеральная часть общества так или иначе оказывается под влиянием революционеров, а те консервативные чиновники, которые еще вчера поддерживали Витте, сегодня все больше прислушиваются к Союзу русского народа.

Конец Советов

25 ноября Гапон, в соответствии с договоренностью, уезжает в Париж. А на следующий день арестовывают председателя Петросовета Носаря-Хрусталева. Новым председателем Совета становится его заместитель Лев Троцкий. Полковник Герасимов требует арестовать весь Петросовет, но Дурново все еще боится, что это обострит ситуацию.

На самом деле ситуация почти не меняется – Троцкий по-прежнему руководит Петросоветом и готовится к вооруженному восстанию. В эти дни ему исполняется 26 лет – он один из самых молодых и энергичных революционеров. Он напоминает Гапона год назад – мгновенно принимает решения, ни секунды не сомневается в собственной правоте и заражает этой уверенностью остальных. Более опытные лидеры теряются на его фоне. Мартов с первых же дней своего возвращения в Петербург жалуется, что «не может справиться с мыслями». Ленин тоже смотрит на происходящее со стороны – он пишет в «Новую жизнь», но к Петросовету никакого отношения не имеет. Когда при нем говорят о том, что Троцкий – самый яркий лидер революции, он мрачнеет, но признает, что «Троцкий завоевал это своей неустанной и яркой работой».

Исполком Петросовета обсуждает, чем ответить на «взятие правительством в плен товарища Носаря», – и принимает так называемый Финансовый манифест. Он призывает население забирать вклады из сберегательных касс и требовать при всех денежных расчетах, включая выдачу зарплаты, выплаты суммы золотом. Это должно было истощить золотой запас Госбанка и ускорить финансовую катастрофу правительства. К этому моменту отток денег из сберкасс идет полным ходом и без призыва Петросовета, к началу декабря золотой запас Госбанка сократился на 250 миллионов рублей[67].

Впрочем, Герасимов вспоминает, что вовсе не у финансиста Витте в этот момент сдают нервы, – новый министр юстиции Михаил Акимов (шурин главы МВД) случайно оказывается свидетелем спора между главой тайной полиции и министром внутренних дел о том, кто готов взять на себя ответственность за арест Петросовета. Он вмешивается в их разговор – и выписывает ордер, который не решается согласовать его зять Дурново.

2 декабря восемь газет публикуют Финансовый манифест – их тиражи изымают, газеты закрывают. Среди прочих закрыты и «Новая жизнь» Ленина и Марии Андреевой, и «Начало» Мартова и Троцкого, и «Народная

свобода» – новая кадетская газета, которую редактирует Милюков.

На следующий день полиция окружает здание Вольного экономического общества, где заседает Петросовет. Офицер заходит с ордером, но председательствующий Троцкий не дает ему слова: «Пожалуйста, не мешайте оратору. Если вы хотите выступить, сообщите свое имя, и я спрошу у совещания, желает ли оно вас выслушать». Растерявшийся офицер ждет окончания выступления. Затем зачитывает ордер. Троцкий говорит, что Петросовет примет это к сведению, и просит офицера покинуть зал. Тот идет за подкреплением. Сам Троцкий, правда, вспоминает другую историю – перед арестом, узнав, что здание окружено войсками, он приказывает: «Сопротивления не оказывать, оружия врагу не сдавать». И по его команде депутаты с диким скрежетом начинают ломать свои револьверы и бросать их на пол.

Французская рулетка

Накануне ареста Петросовета Витте приказывает напечатать тысячным тиражом обращение Гапона к рабочим: «Стой, пролетариат – осторожней – засада! Ни шагу вперед, ни шагу назад. Резким шагом вперед не вызывай темного и озлобленного реакционного чудища. Избегай крови… жалей ее… и так ее достаточно пролито». Удивительный поворот – только в январе Трепов привозил к царю делегацию рабочих в противовес шествию во главе с Гапоном, теперь же Витте хочет использовать самого Гапона как противовес Петросовету.

Гапон тем временем дает запланированные интервью французской прессе. «Сегодня политика господина Витте, по крайней мере частично, удовлетворяет требованиям русского народа… – говорит Гапон в интервью *Le Matin*. – Политика Витте страдает нерешительностью, поскольку он пытается примирить фундаментально противоположные партии: придворную, революционную и промежуточную – партию буржуазных конституционалистов. Он ищет поддержки у всех и не получает ни у кого. Однако если либералы согласятся помочь ему, когда он попросит их принять участие в формировании кабинета, мы не станем свидетелями экономического краха, который угрожает России. Хотя Витте отказался амнистировать меня, я изменил прежнее дурное мнение о нем. Думаю, что он единственный стоящий человек, который у нас есть, единственный, кто может спасти нас. Если революционеры найдут с ним общий язык, это может быть основой освобождения России».

Собственно, это довольно трезвый анализ ситуации – куда более умеренный, чем даже у либерала Милюкова. Удивительно, как изменились взгляды Гапона всего за пару месяцев. Теперь он звучит примерно как октябрист Гучков – объясняет, что очень важно отказаться от всех прежних планов вооруженного восстания (оно «спровоцирует ужасающую реакцию»), а также снять ряд требований – в том числе о восьмичасовом рабочем дне («сейчас Россия к этому не готова – это разрушит промышленность и вызовет страшный голод»).

Две недели спустя он устраивает неформальную пресс-конференцию: приглашает корреспондентов сразу нескольких газет – и русских, и французских – на завтрак в ресторан, чтобы опровергнуть обвинения, будто он работает на Витте. «Мне что Витте, что Дурново – все едино, но я говорю, что при Витте писать и говорить можно, а при Дурново будет хуже.

Интерес наш, чтобы у власти был Витте, а не Дурново. Вот и всё. А мои сношения с Витте – вздор. Я хочу, чтобы нашим рабочим организациям вернули взятые деньги и имущество», – уверяет Гапон.

В качестве лидера оппозиции в изгнании Гапон становится вновь очень востребован. После ареста членов Петросовета его приглашают на всевозможные мероприятия, посвященные ситуации в России: зовут в парламент, он встречается с лидером социалистов Жаном Жоресом, с писателем Анатолем Франсом.

Оттуда Гапон уезжает на юг Франции – он стремится вернуться в Россию, жаждет быть официально амнистированным, а посредник в переговорах с Витте, Манасевич-Мануйлов, назначает ему встречу в Монте-Карло. Вскоре в российских бульварных газетах напишут, что Гапона видели играющим в рулетку – как раз во время кровопролитного восстания Москве.

Восстание детей

Ни в Петербурге, ни в Москве воззвания Гапона ни на кого не производят впечатления. Их просто не успевают напечатать. Московский совет рабочих депутатов, в отличие от Петербургского, еще на свободе – и его члены решают призвать ко всеобщей забастовке, переходящей в вооруженное восстание, – ровно так в листовках, которые разбрасывают по городу, и написано. С этого момент Москва становится ареной решающего противостояния.

Московский протест – это юношеское безумие. Один из членов Моссовета, эсер Владимир Зензинов, вспоминает, что решение начать восстание – не продуманное, а исключительно эмоциональное. Никаких шансов на успех у московской молодежи нет. Это студенты и молодые рабочие, вооруженные в основном «дрянными револьверами», которые так возбуждены происходящим, что считают просто необходимым принести себя в жертву революции. Самому Зензинову в декабре 1905-го 25 лет, но многим революционерам еще меньше.

Еще не существуют никаких соцсетей, интернета, мобильной связи – даже обычный телефон доступен далеко не всем. Но тысячи 20-летних москвичей наэлектризованы, под воздействием газетных новостей и разговоров со сверстниками они готовы идти на смерть – и рвутся это сделать. Даже спустя годы Зензинов будет сравнивать декабрьскую бойню в Москве с детской шалостью: «Можно было отметить странную особенность этих дней – даже тогда, когда кровь уже пролилась, – это какое-то детское задорное веселье, разлитое в воздухе: казалось, население ведет с властями какую-то веселую кровавую игру».

Безоружные юноши и девушки весело разоружают городовых. Те не сопротивляются. Вот пример, который вспоминает эсер Зензинов:

– Гражданин, ваше оружие!

– Мне мой револьвер дорог, как память, – я не хотел бы с ним расставаться…

– Нам сейчас оружие нужнее. Дайте ваш адрес. Когда револьвер нам больше не будет нужен, вы его получите обратно.

В Москву приезжает Горький вместе с женой – в письме своему бизнес-партнеру Константину Пятницкому он описывает происходящее скорее как хулиганское народное гуляние: «Черными ручьями всюду течет народище и распевает песни. На Страстной разгонят – у Думы поют, у

Думы разгонят – против окон Дубасова поют. Разгоняют нагайками, но лениво».

7 декабря начинают бастовать железные дороги, почта и телеграф, трамваи, все заводы и фабрики Москвы, не выходят газеты. Отсутствие новостей порождает панические разговоры: популярен слух о том, что черносотенцы начинают истреблять интеллигентов. Но все черносотенцы, конечно, сидят по домам.

8 декабря десятитысячный митинг собирается в саду «Аквариум». Полиция окружает сад, на выходе обыскивает участников митинга и арестовывает тех, кто вооружен. Впрочем, митингующие не хотят сдаваться – большинство перепрыгивают через забор и прячутся. Митинг заканчивается бескровно, но по городу идут слухи о том, что собрание в «Аквариуме» расстреляно. Молодые революционеры во главе с эсером Зензиновым решают отомстить – бросить бомбу в окно здания московской тайной полиции. Бросок точный – взрывом сносит крышу, здание сгорает дотла. Вместе с находившимся там дежурным. С этого момента игра заканчивается.

Товарищи Зензинова, лидеры партии эсеров, в это время находятся в Петербурге – они готовят вооруженный мятеж в столице. Руководителем восстания Азеф назначает Бориса Савинкова – тот вернулся в Россию, живет на Лиговском проспекте и удивляется, что его никто не арестовывает. Он почти не скрывается, даже в газете публикуется под настоящим именем. При этом он видит, что жители города совсем не хотят никакого восстания – даже сил на очередную забастовку у них нет.

Все еще пытаясь сколотить будущую армию революционеров, Савинков идет на заседание районного боевого отряда, которым командует Рутенберг. Сначала эсер, друг Гапона, произносит пламенную речь. Все воодушевлены. Потом слово берет Савинков – и говорит, что ему надо понять, на какую борьбу готовы жители.

Есть три вида борьбы, говорит он. Первая группа добровольцев может заняться индивидуальным террором: напасть на дом Витте, взорвать правительственные здания, убить кого-то из высших военных чинов. Вторая группа может стать частью революционной армии: направиться в город и попробовать захватить Петропавловскую крепость. Наконец, третья группа может остаться и защищать квартал. Абсолютное большинство готово записаться в третью группу – но не участвовать в восстании или терроре.

Московская бойня

Поздно вечером 6 декабря министр внутренних дел Петр Дурново узнает о том, что Моссовет печатает листовки с призывом ко всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. Он решает не тревожить своего непосредственного начальника Сергея Витте, а звонит сразу в Царское Село – разбудить царя. Тот вызывает его к себе к семи утра – и поручает принимать самые решительные меры: «Ясно, что или мы, или они. Дальше так продолжаться не может. Я даю вам полную свободу предпринять все те меры, которые вы находите нужными».

Дурново дает Герасимову отмашку: можно начинать массовые аресты. Тот счастлив: в воспоминаниях он с гордостью пишет, что на самом деле начал готовиться к репрессиям сразу после манифеста 17 октября. В первый же день в Петербурге арестовано 350 человек, на следующий день 400. Арестовывают в том числе людей случайных – например, забирают в тюрьму 24-летнего адвоката Александра Керенского, который пока не имеет никакого отношения к революционерам (он хотел вступить в Боевую организацию эсеров – но его не взяли). Через 12 лет уже Керенский выпишет ордер на арест полковника Герасимова.

Когда премьер-министр Витте просыпается 7 декабря, он не может поверить своим глазам. Он проспал собственную власть. За ночь император, Дурново и Герасимов все решили без него.

Но главные события происходят в Москве. Генерал-губернатор Дубасов просит у великого князя Николая Николаевича подкрепления – тот отвечает, что свободных войск у него в Петербурге нет. Тогда Дубасов начинает войну своими силами.

Война идет в самом центре города. Баррикады повсюду: на Тверской, на Арбате, на Сретенке, на Триумфальной площади, у Никитских ворот, на Патриарших прудах… Квартира Горького находится на Воздвиженке, но он бегает по всему городу и записывает впечатления. Горький в восторге: «Публика настроена удивительно! Ей-богу – ничего подобного не ожидал! Деловито, серьезно – в деле – при стычках с конниками и постройке баррикад, весело и шутливо в безделье. Превосходное настроение!» Горькому 37 лет, но он тоже заражен юношеским революционным азартом, его совершенно не смущает смерть людей: «Все сразу как-то привыкли к выстрелам, ранам, трупам. Чуть начинается перестрелка – тотчас же отовсюду валит публика, беззаботно, весело. Бросают в драгун чем попало

все кому не лень. Победит, разумеется, начальство, но – это ненадолго!»

Дубасов продолжает настаивать на подкреплении – он просит 15 тысяч. Солдат, расквартированных в столице, только 5 тысяч, и он считает, что этого мало. 15 декабря присылают свежие войска – Семеновский полк, отличившийся при подавлении недавнего мятежа в Кронштадте. За день до этого Дубасов привлекает еще и добровольцев из Союза русского народа. В Москве идет настоящая гражданская война.

Тактику восставших сейчас назвали бы террористической – они прячутся в жилых домах и обстреливают солдат из окон или с крыш, а потом убегают дворами и переулками. Те отвечают артиллерийским огнем. Большая часть погибших – конечно, мирные жители. Симпатии большинства москвичей – на стороне революционеров. «Вместо того, чтобы истребить врага, приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем не повинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а революционеры, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом, – пишет в дневнике публицист-монархист Лев Тихомиров. – Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы?»

Еще более откровенен глава петербургской тайной полиции Герасимов: «Что было самым опасным в это время – эти революционные партии находили активную поддержку среди всего населения, даже в таких слоях его, которые, казалось бы, ни в коем случае не могут сочувствовать целям этих партий. Мы, на ком лежала задача охранения основ государственного порядка, были совершенно изолированы и одиноки. Тяжело признаваться, мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод (таких людей было немало!), оказывать нам активную поддержку в деле борьбы против революции. А революционеры, которые стремились не только свергнуть правительство Царя, но решительно боролись против самых основ существующего строя, всюду встречали поддержку и сочувствие». Герасимов – искренний монархист, такова его система ценностей: интересы всего населения для него куда менее важны, чем личность императора и преданность ему.

Общее число погибших неизвестно – газеты сообщают о двух тысячах раненых и 424 убитых, но эти цифры могут сильно отличаться от реальности. Почти всю неделю москвичи живут без какой-либо информации. В городе ходят фантастические слухи, например, говорят, что истинная цель революционеров – выманить из Петербурга как можно больше войск, чтобы устроить там восстание и свергнуть правительство.

Если бы москвичи знали, что у молодых революционеров не было вообще никакой цели, – они бы не поверили. Родственники случайных жертв и жители кварталов, разрушенных артиллерийским огнем, хотели придать произошедшему хоть какой-то смысл. И вряд ли они поняли бы такое объяснение молодого Зензинова: «Бывают положения, когда люди идут в бой без надежды на победу – это был не вопрос стратегического или политического расчета, а вопрос чести: ведь так в свое время действовали и декабристы, пошедшие на верную гибель».

Кстати, Владимир Зензинов не убит, не ранен и не арестован – он спокойно берет билет на поезд и уезжает в Петербург. Напротив него в вагоне сидит Петр Струве, который страшно возмущается происходящим – «обвиняет обе стороны». У Зензинова «нет охоты с ним спорить».

Красноярская республика

Восстания во имя революции и демократии – далеко не только столичное развлечение. Осенью 1905 года лихорадит всю огромную страну. Октябрьская забастовка – действительно всероссийская, ее последствия видны повсюду. Параллельно происходит демобилизация солдат, воевавших с Японией. Их везут с Дальнего Востока на Запад. Разочарованные бездарной и бессмысленной войной, солдаты распространяют революционные настроения по всему пути следования – и заражают ими местное население. Солдаты то и дело пытаются бастовать – и отказываются двигаться дальше, пока офицеры не удовлетворят их требования. Такую забастовку объявляет в Красноярске 3-й железнодорожный батальон. Солдаты находят общий язык с местными рабочими и вскоре выбирают объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, который начинает активно бороться за права жителей Красноярска. Председателем Совета становится прапорщик Андрей Кузьмин.

Главная причина недовольства – выборы в Красноярскую городскую думу: в соответствии с существующим избирательным законом, голосовать могут только те, кто прошел имущественный ценз. В Красноярске таких меньше сотни – они и избирают 50 членов городской думы. С этой несправедливостью решает бороться красноярский Совет.

Все происходит как в какой-то утопии: солдаты мирно разоружают полицию, берут на себя функцию охраны порядка, объявляют о предстоящих выборах на основе всеобщего избирательного права (право голоса получают даже женщины). Прежние красноярские власти с изумлением наблюдают за происходящим – и никак не вмешиваются, потому что не могут. Даже генерал-губернатор на месте, просто управляет городом теперь не он, а «президент Красноярской республики» Андрей Кузьмин. Объединенный Совет депутатов тем временем формирует избирком, легитимность которого признает даже прежняя городская дума и местная ячейка партии кадетов – они направляют туда своих представителей. Избирком формирует список избирателей. Жизнь в городе течет довольно спокойно – работают театры, магазины, Совет депутатов печатает свою газету, едва ли не ежедневно проходят митинги с обсуждением текущих проблем.

Красноярская демократическая утопия начинается 10 декабря – в тот

же день, что и гражданская война на улицах Москвы. Только 17 декабря, узнав о подавлении Московского восстания, губернатор просит прислать подкрепление, чтобы подавить «Красноярскую республику» – до этого жаловаться, видимо, просто не приходит ему в голову. 24 декабря прибывают солдаты Омского полка, они занимают здание почты, по городу расклеивают объявления о том, что в Красноярске введено военное положение. Восставшие солдаты и рабочие запираются в ремонтных мастерских – и до 2 января подошедшие лояльные войска их осаждают. Впрочем, почти все руководители восстания успевают убежать – «президент Красноярской республики», прапорщик Кузьмин, например, перебирается во Францию. В начале января арестовано около 500 мятежников.

Красноярская история – очень типичная для осени 1905 года. Демократические органы власти одновременно возникают в Чите и Сочи, в Харькове и Польше, в Грузии и в Подмосковье. Каждая из таких «республик» существует от недели до двух месяцев – прежде чем царская администрация приходит в себя от шока и возвращается на свое место.

Лев Толстой в это время живет у себя в Ясной Поляне – там ситуация намного спокойнее. Но он весь декабрь пишет «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу». Это его политическая программа – одновременно антиправительственная и антиреволюционная. По духу она очень соответствует стихийным процессам, происходящим в стране. Толстой доказывает, что правительство русскому народу вообще не нужно – он сам разберется, как ему жить: «Только перестаньте, городской рабочий народ, так же как и сельский, повиноваться правительству, служить ему – и уничтожится власть правительства, а с уничтожением этой власти сами собою уничтожатся те условия рабства, в котором вы живете, потому что поддерживаются эти условия только насильнической властью правительства. А насильническую власть составляете вы сами». Возникающие по всей стране утопические микрореспублики по сути – хоть и кратковременно – воплощают идею Толстого.

Толстой одновременно критикует и интеллигенцию (паразитирует на теле народа), и революционеров (хотят заменить одно насилие другим), но действующую власть считает просто обреченной: «Верно или неверно определяют революционеры те цели, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни; вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками».

Партия власти

Хотя Толстой и выступает против революции, для всех консерваторов он, конечно, ее прародитель и даже первопричина. Заклятый враг Толстого – Иоанн Кронштадтский. 78-летний писатель и 79-летний священник – как два полюса российского общества. Их нельзя назвать лидерами общественного мнения, тон задают, конечно, куда более молодые. Лев Толстой и отец Иоанн – скорее живые символы. Первый – борьбы с режимом, а второй – всего, что объединяет понятие «черная сотня».

Уже в 1906 году Иоанн Кронштадтский подает заявление на вступление в Союз русского народа. Он вносит 10 тысяч рублей в казну Союза и присутствует на торжественном освящении хоругви и знамени Союза русского народа. Недавний отказ Антония больше никого не волнует – «народный батюшка» Иоанн куда более популярная фигура, чем петербургский митрополит.

О мотивах, побудивших его вступить в Союз русского народа, Иоанн Кронштадтский рассказывает в интервью британской газете *The Guardian*: «Наш народ весьма невежествен; поэтому гораздо бы лучше не давать ему повода сбиваться с истинного пути… Наша интеллигенция ни к чему не годна, это безбожные анархисты, подобные Льву Толстому, которого они обожают, а я решительно осуждаю. Они меня поэтому страшно ненавидят и готовы стереть с лица земли. Но я не боюсь их и не обращаю на них ни малейшего внимания».

Начиная с декабря 1905 года Союз русского народа и доктор Дубровин переживают невероятный подъем. Жесткие антиреволюционные меры приводят к резкому росту черносотенного движения по всей стране.

Еще в начале декабря Дубровин отправляет императору телеграмму с просьбой – не отпускать из тюрем арестованных членов Петросовета и прочих подозреваемых в революционной деятельности. «Совершенно верно», – пишет Николай II на телеграмме. А 22 декабря, после подавления московского восстания, император торжественно принимает группу членов Союза русского народа во главе с Дубровиным в Царском Селе.

Дубровин зачитывает императору обращение от имени Союза. «Мы, Государь, постоим за Тебя нелицемерно, не щадя ни добра, ни голов своих, как отцы и деды наши за Царей своих стояли, отныне и до века».

В обращении сформулированы три условия сохранения «крепости и силы Государства Русского»: самодержавная власть царя, подавление

«кучки злых крамольников», наконец, решение аграрного вопроса. Другой активист Союза, Павел Булацель, рассказывает царю, что самодержавие ненавистно «как дневной свет ненавистен кротам» врагам России: масонам и инородцам: «Обопритесь на русских людей, и врата ада не одолеют Русского Государя, окруженного своим народом».

Николай II совершенно счастлив. Он принимает у Дубровина значки членов Союза русского народа – «союзники» истолкуют этот жест как то, что император и цесаревич вступили в организацию. Больше того, Николай II упоминает о встрече в своем скупом на подробности дневнике – то есть знакомство произвело на него очень большое впечатление.

Еще важнее то, что Дубровин знакомится с императрицей. Она всегда знала, что настоящие русские люди любят царя – и наконец Дубровин предоставляет ей доказательство. Александра Федоровна становится главным лоббистом Союза русского народа и постоянным организатором встреч императора с черносотенцами – нередко она делает это в неофициальном порядке, втайне от царской канцелярии и министерства двора.

Эта встреча – переломный момент в истории Союза русского народа. В краткий срок организация фактически превращается в государственный институт. Не являясь партией как таковой, Союз русского народа получает колоссальное государственное финансирование (в первый год 10 миллионов рублей[68]), образует грандиозную сеть отделений по всей стране, получает мощный админресурс – часто руководителями региональных подразделений Союза становятся местные чиновники (причем обычно это полностью соответствует их убеждениям). Союз русского народа процветает. Дубровин оказывается прекрасным фандрайзером – по словам приближенных, у него «талант собирать частные пожертвования, которым не ведется учета». Один из важных спонсоров – горячая поклонница (и дама сердца) Дубровина, купчиха Елена Полубояринова, богатая вдова, которая начинает выделять регулярные пожертвования Союзу – а спустя некоторое время начинает вести его бухгалтерию.

Любопытное совпадение – либеральная Партия народной свободы и монархический Союз русского народа возникают почти одновременно и у истоков обоих движений стоят немолодые романтические пары: харизматичный лидер (50-летний Дубровин и 46-летний Милюков) и увлеченная им миллионерша (40-летняя Полубояринова и 32-летняя Морозова). Впрочем, это единственное сходство. В остальном кадеты и «союзники» – полные антиподы, они ненавидят друг друга и не жалеют

средств для борьбы. Стоит отметить, кстати, что роман Милюкова и Морозовой длится недолго, а Полубояринова остается верна Дубровину до самой смерти.

Надо сказать, что не все монархисты хотят присоединиться к Союзу русского народа. Генерал Евгений Богданович и член Государственного совета Борис Штюрмер обсуждают новые веяния с явным неодобрением. И Богданович, и Штюрмер – основатели собственных крайне консервативных политических клубов, поэтому Дубровин для них конкурент, причем более радикальный. Жена Богдановича пишет в дневнике, что основатели Союза русского народа «вместо пользы много вреда приносят России – только мешают успокоению». Но Штюрмер идет еще дальше. Он считает, что «жалко и смешно слышать все эти разговоры» членов Союза русского народа, «с пафосом ратующих за самодержавие». По мнению Штюрмера, проблема не в Дубровине, а в самом Николае II. «Все это – "рыцари печального образа", донкихоты. Пока у нас этот царь, порядка в России не будет, нечего его ожидать», – считает Штюрмер (через десять лет этот самый царь назначит Штюрмера премьер-министром).

Но пока в фаворе Дубровин. Его общение с высшими госчиновниками становится регулярным: 30 декабря его принимает Трепов, а 15 января – опять император. Особое доверие возникает между Дубровиным и новым столичным градоначальником Владимиром фон дер Лауницем. Этнический немец, фон дер Лауниц становится самым яростным сторонником и лоббистом организации «истинно русских людей».

Изобретение фашизма

13 февраля Союз русского народа устраивает масленичные гуляния, которые быстро превращаются в митинг. Обстановка, вспоминают очевидцы, крайне наэлектризованная. Сначала слово берет московский издатель Грингмут – и в своей речи громит Витте. Затем выходит Дубровин – и выступает еще резче, говорит, что якобы Витте посадил царя в клетку. Толпа приходит в исступление: «Где живет Витте? Пойдем, убьем его!» Только чудом удается избежать погрома в Петербурге.

Начиная с октября 1905 года погромы происходят по всей России – если раньше молва приписывала их организацию МВД, то теперь считается, что это – дело рук черносотенцев из Союза русского народа. Бывшие члены Союза из ближайшего окружения Дубровина, которые отошли от организации, поссорившись с ним, вспоминают, будто типография Дубровина печатает не только газету «Русское знамя», но и брошюры с призывом бить евреев-социалистов. Их рассылают по всей черте оседлости.

Именно доктор Дубровин начинает продвигать идею, что победить революцию можно только ее методами. Если революционеры вооружены и пытаются поднять восстания в разных точках страны, не надо ждать, пока мятеж вспыхнет. Надо быть готовыми в любой момент его подавить, надо, чтобы «союзники» всегда были на страже, в любой момент были готовы с оружием в руках защищать Веру, Царя и Отечество.

Уже в декабре 1905 года идея Дубровина начинает воплощаться в жизнь – создаются боевые дружины Союза русского народа. Каждому члену выдается оружие – и занимается этим МВД. Порядок получения оружия такой: член Союза пишет прошение в департамент полиции – но отдает его своему непосредственному руководителю в Союзе. Заявки организованно поступают в министерство, и оно выдает Союзу партию оружия, которое уже распределяется между его членами. Хранится оружие в подвале дома Дубровина, под роспись его выдают дружинникам. Курирует создание дружин градоначальник фон дер Лауниц.

Один из членов Союза русского народа, который вскоре начнет спорить с Дубровиным за лидерство, Николай Марков, считает, что это первая в мировой истории фашистская организация (Марков говорит об этом с гордостью): «Народное движение это задолго до возникновения Фашистского и Национал-Социалистического Движений, является их

точным прообразом… Как и тут, у Союза Русского Народа шла борьба за овладение улицей, и Русским могучим кулаком против бомб и браунингов он так угостил по черепу иудо-масонскую революцию того времени, что на многие годы она спряталась в подполье, не смея оттуда показать своего носа».

Все это Марков напишет через 32 года, в 1937 году в Берлине, когда будет горячим сторонником Гитлера. Изобретение фашизма он будет сравнивать с изобретением электрической лампочки: «Мы, Русские, своих изобретений до конца обыкновенно не доводим. Изобрел, например, электрическую лампочку еще задолго до Эдисона, наш соотечественник Яблочков, – казалось, все в порядке, лампочка даже горела, все удивлялись и ахали, а дальше дело не пошло. Потом уже явился Эдисон и изобрел то же самое, что Яблочков. Вот и союз русского Народа составился из тех же Яблочков, смутно осознавших в своем уме необходимость противопоставления интернациональному злу идеи национально-народной».

В целом Марков абсолютно прав: Союз русского народа – одновременно антимарксистское и антилиберальное движение, он исповедует популистский ультранационализм, романтизирует насилие и отвергает какие-либо демократические ценности. В январе – феврале 1906 года, когда начинается подготовка к выборам в Государственную думу, для Дубровина нет никакой дилеммы – он не признает никаких выборов, Союз русского народа не будет принимать участия, поскольку считает, что Россия должна управляться самодержавно и никакая Государственная дума императору не нужна.

Родина или государство

Для многих прежних романтических сторонников революции окончание московского восстания означает немедленную эмиграцию – если, конечно, они успевают уехать.

«Меня скоро посадят. М [арию] Ф [едоровну] – тоже конечно, а может быть, ее раньше. Будь добра, привыкни к мысли, что это и хороший товарищ, и человек не дурной, – чтобы в случае чего не увеличивать тяжесть событий личными отношениями», – наставляет Горький в письме свою первую жену, Екатерину Пешкову. Из Москвы они уезжают 14 декабря – в тот день, когда к подавлению восстания привлекают черную сотню.

17 декабря полиция приходит с обыском в редакцию «Новой жизни» (выпуск газеты прекращен еще в ноябре) и возбуждает уголовное дело. Среди фигурантов – Андреева, которая числится издателем.

4 января Горький и Андреева уезжают в Финляндию. В Хельсинки они продолжают концертную деятельность: выступают в пользу пострадавших в декабрьских беспорядках (деньги идут в кассу большевиков). Агент полиции, который присутствует на вечере, в донесении начальству своими словами пересказывает стихотворение, которое читает со сцены Андреева: «Проклятая страна, святая Русь, залитая кровью, помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы». После этого писатели Горький и Скиталец читают свои произведения (стихотворение Скитальца, как уверяет агент, тоже называется «Проклятая страна»). «Все участники вечера были встречены восторженными криками публики, и каждый их выход сопровождался бурными овациями», – завершает свой отчет полицейский.

Впрочем, Финляндия – это тоже территория Российской империи, и, чтобы избежать ареста, Горький и Андреева переезжают в Берлин. Еще несколько месяцев назад Горький в письмах довольно презрительно отзывался о тех деятелях культуры, которые уезжают из страны в эмиграцию. Теперь он сам бежит – чтобы спасти от тюрьмы любимую женщину.

В Берлине Горький пишет воззвание: «Не давайте денег русскому правительству»[69]. Удивительно, ровно год назад Горький и Гапон вместе выступали в Петербурге. Теперь Гапон в Париже раздает интервью – чтобы российскому правительству дали кредит, а Горький в Берлине добивается

обратного.

Эта статья – один из самых удивительных текстов, когда-либо написанных российскими оппозиционерами. Сегодня ее бы назвали русофобской. «Когда правительство теряет доверие народа, но не уступает ему своей власти, – оно становится только политической партией» – с такого тезиса начинает Горький. Он коротко описывает свежую российскую историю: «под напором народного протеста» правительство пообещало ввести конституцию, но вместо этого приступило к восстановлению своей власти. Он приводит статистику: с 17 октября по приговору военных судов казнено 397 человек, арестовано и выслано в Сибирь 18 тысяч, закрыто 79 газет в провинциях и 57 в столицах. При этом, оговаривается Горький, сколько всего человек расстреляно в ходе подавления различных беспорядков, неизвестно, «но следует считать тысячами».

В заключение статьи Горький достигает того правозащитного дискурса, который станет распространенным в Европе только к концу XX века: «Неужели Европу так мало беспокоит простая мысль, что ведь небезопасно иметь своими соседями сто сорок миллионов людей, которых всячески стараются превратить в животных, упорно внушая им вражду и ненависть ко всему, что не русское, воспитывая в них жестокостью – жестокость ещё большую, насилиями – страсть к насилиям ещё более грубым? Понимают ли еврейские банкиры Европы, что они дают деньги в Россию на организацию еврейских погромов?»

Этот текст выходит далеко за рамки чаадаевской традиции быть беспощадным к своей родине. Писатель Горький навсегда отделяет от себя народ и государство, и именно государство представляет группой преступников, нарушающих общечеловеческие законы и поэтому потерявших легитимность: «Не давайте Романовым денег на убийства» – такой вывод делает он.

За эту статью против Горького возбуждают новое уголовное дело в России. Но он и не собирается возвращаться на родину – он едет в Америку.

Поездку Горького с женой придумывает Ленин, очевидно находясь под впечатлением от их сборов в Финляндии. Это гастрольный тур в пользу большевиков, а параллельно Горький должен продолжить агитацию против кредитования царского правительства. Чтобы все прошло гладко и деньги не потерялись, Ленин даже выделяет Горькому продюсера-охранника, который должен помогать в пути.

«Грязно и прочее»

Пока Гапон находится во Франции, счета «рабочих собраний» размораживают, а его помощник Матюшенский начинает вносить деньги, выделенные Витте. Первые 3 тысячи[70] он отдает в кассу организации, сказав, что это пожертвование от некоего купца из Баку. Потом вносит вторую порцию.

Ситуация неожиданно меняется, когда на очередном собрании один из помощников Гапона, отчитываясь перед товарищами, неожиданно проговаривается, что часть бюджета – это деньги, «которые Гапону дал Витте». Рабочие переспрашивают, не ослышались ли, – до этого про общение Гапона с премьер-министром кроме его ближайшего окружения никто не знал. Помощники Гапона клянутся, что он брал деньги с их ведома, и сразу после собрания телеграфируют ему, чтобы скорее возвращался, а то «почва уходит из-под ног». Он едет в Финляндию, там созывает большое собрание всей своей организации и рассказывает, откуда деньги. Но тут выясняется, что кассир Матюшенский сбежал, прихватив с собой остаток суммы.

Ситуация для Гапона просто ужасная – он по-прежнему живет нелегально в Финляндии, его имя не сходит со страниц бульварных газет. Его обвиняют в том, что он агент Витте, в его собственной организации раскол. Все усугубляется тем, что один молодой человек кончает с собой прямо во время собрания. После этого все пытаются истолковать его смерть по-своему: одни говорят, что он был на стороне Гапона, другие уверяют, что он в нем разочаровался.

Но хуже всего для Гапона даже не это. Никаких новостей от властей нет: его не амнистируют, МВД не дает разрешения на деятельность «собраний»: ни на открытие новых отделений, ни на массовые мероприятия. Получается, что Витте его обманул. Или, вернее, за это время министр внутренних дел Дурново перестал прислушиваться к премьер-министру, а самому разрешать деятельность гапоновских собраний ему незачем.

Гапон снова у разбитого корыта. Ему надо начинать все сначала – пробовать выстроить отношения с властью, чтобы вернуть себе влияние. Ему рекомендуют обратиться к Рачковскому. Повторяется вся та же история, через которую Гапон проходил, когда его вербовал Зубатов, только теперь все наоборот – Гапон сам напрашивается, чтобы его завербовали.

Рачковский просит его написать покаянное письмо Дурново. Гапон пишет подробный текст, рассказывающий, что он разочаровался в социалистических партиях, понял, что вооруженное восстание ни к чему не приведет – и вот, пожалуйста, доказательства, вырезки из западных газет.

Проблема в том, что полностью изменилась атмосфера. После декабрьского восстания и ареста Совета власть больше не считает нужным вести диалог с лидером рабочих.

Об этом рассказывает Гапону Рачковский при следующей встрече. Дурново якобы раздраженно отшвырнул письмо, а Витте сказал: «Гапон хочет меня вы…ать, но это ему не удастся». Но поскольку Рачковскому жалко терять возможность как-то использовать Гапона, он пробует завербовать его как платного осведомителя. Дурново интересуется, насколько ценен этот Гапон. Проверить это поручено полковнику Герасимову.

Рачковский заказывает столик на троих в роскошном ресторане «Кафе де Пари». Гапон полагает, что он хитрее всех и все равно в конечном итоге сможет использовать своих противников. Он начинает блефовать, все время повышая ставки.

Герасимов спрашивает его, знает ли он руководство Боевой организации эсеров. Гапон отвечает, что он всех знает и у него есть ценный человек, который знает еще больше, – Рутенберг. Герасимов спрашивает, известно ли ему что-либо о планировании покушения на царя. Гапон отвечает: о да, перед 9 января Рутенберг планировал убить царя.

По сути, Гапон ввязывается в очень серьезную авантюру – и на этот раз впутывает еще и своего ближайшего друга, который помогал ему во всех сложных ситуациях и выручит и сейчас, уверен Гапон. Он не собирается никого выдавать – он собирается притвориться и надеется, что Рутенберг ему подыграет. И требует от Рачковского по 50 тысяч[71] рублей гонорара за работу – для себя и Рутенберга. Дурново, которому Рачковский сообщил о требовании Гапона, начинает торговаться: 25 тысяч[72] на двоих.

На Герасимова свидание в «Кафе де Пари» не производит никакого впечатления: «Гапон просто болтает вздор. Нет сомнений, что он готов все и всех предать, но – он ничего не знает. Неопасный враг, бесполезный друг», – пишет Герасимов.

А Гапон тем временем приезжает в Москву к Рутенбергу и пытается уговорить старого друга поучаствовать в его блефе. Гапон излагает другу следующий план: он сведет Рутенберга с Рачковским, они получат деньги, а тем временем сами начнут готовить убийства Витте и Дурново. «Главное,

понимаешь, не надо бояться, – объясняет Гапон. – Грязно там и прочее. Но мне хоть с чертом иметь дело, не то что с Рачковским».

Рутенберг потрясен. Он считает, что Гапон – предатель. А Гапону эта мысль даже не приходит в голову – но у него не получается объяснить другу, что он имеет в виду. Они расстаются – и 11 февраля Рутенберг едет в Хельсинки, доложить о случившемся своему начальнику, Азефу.

Партийный суд

Выслушав Рутенберга, Азеф выносит быстрое решение: «покончить с Гапоном, как с гадиной». Он говорит, что Рутенберг сам должен позвать Гапона на ужин, а потом отвезти в лес, «ткнуть в спину ножом и выбросить из саней». Вскоре приезжает Савинков – и присоединяется к мнению Азефа.

На следующий день Азеф рассказывает об этом деле члену ЦК Виктору Чернову – и тот против такой казни Гапона (в отличие от членов Боевой организации он еще полгода назад участвовал в объединительной конференции российской оппозиции, на которой Гапон был председателем). Чернов говорит, что Гапон слишком популярен среди рабочих и его нельзя просто убить – скажут, что эсеры сделали это из зависти. Надо поймать его на месте преступления – во время встречи с Рачковским – и убить их обоих. Азеф поддерживает эту идею – он говорит, что давно уже планировал покушение на Рачковского. Против только Савинков. По его словам, это слишком сложно и опасно – партия обладает достаточным авторитетом, чтобы убить Гапона по собственному решению. Но Чернов и Азеф настаивают – и разрабатывают такой план. Рутенберг должен согласиться на план Гапона и пойти встречаться с Рачковским. На втором или третьем свидании он должен убить обоих – и заявить на суде, что «Боевая организация поручила ему смыть кровью Гапона и Рачковского грязь, которой они покрыли 9 января».

Рутенберг описывает этот разговор довольно сдержанно. А Чернов, наоборот, очень эмоционально – он жалеет Рутенберга, которого заставляют убить близкого друга:

«И Азеф, и особенно Савинков буквально припирали к стенке Рутенберга. Савинков буквально весь кипел от негодования и буквально третировал за это растерянного, удрученного, похожего на "мокрую курицу" беднягу Рутенберга… Все дальнейшие переговоры, планы, приготовления – были сплошным изнасилованием Рутенберга Азефом и Савинковым…»

Закончив инструктаж Рутенберга, Савинков и Чернов уезжают. А Азеф остается в Хельсинки еще на несколько дней – чтобы разработать технический план операции. Они живут с Рутенбергом в одной комнате и целыми днями разбирают предстоящее убийство. По словам Рутенберга, план достаточно "легковесен" и трудноосуществим. Но по ходу дела Азеф

говорит, что в принципе Рутенберг может убить и одного Гапона. Сделать это можно в Финляндии, между Петербургом и Выборгом, но понадобятся помещение, лошади и люди. Местная революционная организация соглашается помочь. Договорившись со всеми, Азеф уезжает.

Рутенберг остается один на один с заданием, которое дали ему товарищи. Он не член Боевой организации, не профессиональный убийца – и должен хладнокровно казнить друга.

Товарищеский суд

Пока Гапон ведет тяжелые переговоры, он получает одну хорошую новость – нашелся беглый кассир Матюшинский, который украл у организации 23 тысячи рублей[73]. Его обнаружили товарищи и при помощи полиции повезли в Петербург. Одновременно еще один соратник Гапона по фамилии Петров пишет в газету письмо, в котором обвиняет Гапона в провокаторстве, – и рассказывает, что тот получает деньги от Витте. Скандал невероятный. «Собрание петербургских рабочих» публикует официальное опровержение, оправдывая Гапона. Потом правительство публикует опровержение, заявляя, что граф Витте никаких денег Гапону не давал. О Гапоне пишут ужасные вещи: желтая пресса подробно обсуждает его личную жизнь и, конечно же, его заграничные путешествия, особенно то, как он «живет в Монте-Карло, ведет широкий образ жизни, швыряет деньгами, одет по последней моде, окружен кокотками и ведет крупную игру в рулетку».

21 февраля Гапон пишет развернутое письмо в газету «Русь»: «Мое имя треплют теперь сотни газет, и русских и заграничных. На меня клевещут, меня поносят и позорят. Меня, лежащего, лишенного гражданских прав, бьют со всех сторон, не стесняясь:

– Распни Гапона – вора и провокатора!»

Дальше Гапон пишет, что не может смотреть на то, как страдают его товарищи рабочие, и требует товарищеского суда над собой: «Я отвечу на все обвинения и буду доказывать свою правоту. Совесть моя спокойна».

Вскоре в «Петербургской газете» появляется репортаж «У Гапона» – журналист сходил к бывшему священнику в гости и описывает, как тот скромно живет в маленькой квартирке с женой (бывшей воспитанницей сиротского приюта Уздалевой) и новорожденным сыном.

Параллельно идут серьезные приготовления к общественному суду. Гапон находит адвоката, подбирают членов суда: здесь и Павел Милюков, и журналист суворинской газеты Александр Столыпин, брат саратовского губернатора Петра Столыпина.

Гапон с нетерпением ждет суда, пишет письма в газеты, обращается в столичную прокуратуру: он предлагает либо амнистировать его, либо судить как беглого преступника. Фактически Гапон просит, чтобы его арестовали – это бы очень поправило его репутацию. Но прокуратура его игнорирует.

Смерть предателя

22 марта 1906 года в квартире варшавского протоиерея Юрия Татарова звонок. На пороге стоит человек, который хочет видеть Николая. «Моего сына здесь нет», – отвечает старик. Но тут в глубине коридора внезапно появляется сын – а с ним и его мать. Незнакомец начинает стрелять. Все трое бросаются на него, повисают на его руке. Тогда он второй рукой достает нож. Мать ранена, сын убит. Гость оставляет записку: «Б. О. П. С. Р.» (Боевая организация партии социалистов-революционеров).

Примерно в это время два других эсера, Азеф и Рутенберг, встречаются в Петербурге. Рутенберг жалуется, что у него не получается совершить двойное убийство – Гапона и Рачковского. Азеф злится и кричит на Рутенберга, что он ничего не умеет, не выполняет инструкций и подставляет всю организацию. «Все его обвинения были до того несправедливы, и он мне стал до того отвратителен, что я буквально не мог заставить себя встретиться с ним», – вспоминает Рутенберг.

Он снова говорит с Гапоном. Тот предлагает ему встретиться с Рачковским и Герасимовым и убить обоих. Рутенберг едет в Хельсинки – чтобы сказать Азефу, что он передумал, убивать Гапона не будет, а все бросит и уедет за границу. Азеф молча встает и уходит.

На дачу

27 марта Гапон сам приходит в Петербургский окружной суд – сдаваться. Он требует возбудить против него дело, как против беглого преступника. Ему в ответ выдают справку о том, что он был амнистирован еще 27 октября прошлого года. То есть Витте просто наврал рабочим, что амнистия не распространяется на Гапона.

У Гапона гора с плеч – он может активнее добиваться реабилитации и возрождения собственных «Собраний». На следующий день он едет на дачу к Рутенбергу, на станцию Озерки.

Встретившись на платформе, они идут к дому, который снимает Рутенберг, и по дороге воодушевленный амнистией Гапон описывает другу их совместные планы: «Я теперь буду устраивать мастерские. Кузница у нас есть уже маленькая. Слесарная. Булочную устроим. Вот что нужно теперь. Со временем и фабрику устроим. Ты директором будешь…»

Они заходят в дом. Рутенберг вспоминает их последующий диалог так:

– А если бы рабочие, хотя бы твои, узнали про твои сношения с Рачковским?

– Ничего они не знают. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для их же пользы.

– А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня назвал Рачковскому членом Боевой организации, другими словами – выдал меня, что ты взялся соблазнить меня в провокаторы, взялся узнать через меня и выдать Боевую организацию, написал покаянное письмо Дурново?..

– Никто этого не знает и узнать не может… Ни доказательств, ни свидетелей у тебя нет».

Гапон идет в туалет и обнаруживает в соседней комнате неизвестного человека.

«Он все слышал, его надо убить… Ты, милый, не бойся… Ничего не бойся… Мы тебя отпустим… Ты только скажи, кто тебя подослал…» – так вспоминает слова Гапона этот самый незнакомец из соседней комнаты.

Из соседней комнаты появляются четверо, Гапон сопротивляется, они надевают ему на шею веревку. Рутенберг выходит из дома, чтобы не видеть, как они это делают.

Знакомство со знаменитостью

Через пару дней Евгений Азеф идет по безлюдному переулку в Петербурге. Он, очевидно, в задумчивости, поэтому не замечает, как его окружают люди, аккуратно берут под руки и куда-то ведут – он протестует, но его запихивают в карету. Везут его в тайную полицию, к полковнику Герасимову.

«Я – инженер Черкас, меня знают в Петербургском обществе. За что я арестован?» – горячится арестованный и трясет документами.

«Все это пустяки. Я знаю, вы раньше работали в качестве нашего секретного сотрудника. Не хотите ли поговорить откровенно?» – говорит Герасимов.

Арестованный поражен, но продолжает: «О чем вы говорите? Как это пришло вам в голову?»

«Скажите: да или нет?»

«Нет», – отвечает Азеф, но, по словам Герасимова, без особой уверенности.

Его отводят в одиночную камеру.

Герасимов идет к Рачковскому и рассказывает, что произошло. Его агенты пытаются предотвратить покушение на Дурново. И на днях они обнаружили, что подозрительные извозчики, которые все время ошиваются возле квартиры министра внутренних дел, регулярно отчитываются перед руководителем группы. Но это еще полдела – один из полицейских узнал в этом руководителе давнего полицейского осведомителя, так называемого Филипповского. Герасимов недоумевает – никогда прежде он не слышал о таком агенте. Спрашивает у Рачковского. Тот пожимает плечами – уверяет, что и ему ничего не известно.

Через два дня после задержания арестованный просит встречи с Герасимовым: «Я сдаюсь. Да, я был агентом полиции и все готов рассказать откровенно. Но хочу, чтобы при этом разговоре присутствовал мой прежний начальник, Петр Иванович Рачковский».

Рачковский снова недоумевает: «Какой это может быть Филипповский? Я не могу такого припомнить… Разве что Азеф?»

Уже через 15 минут он бросается на шею к Азефу со словами: «Мой дорогой Евгений Филиппович, давненько мы с вами не видались. Как вы поживаете?»

Азеф отвечает ему матом. «В своей жизни я редко слышал такую

отборную брань, – вспоминает Герасимов, – он обвинял Рачковского в неблагодарности, в бесчеловечности и вообще во всяких преступлениях, совершать которые способен был только самый бессовестный человек». «Вы покинули меня на произвол судьбы, без инструкций, без денег, не отвечали на мои письма. Чтобы заработать деньги, я вынужден был связаться с террористами», – кричит Азеф.

Когда первоначальные эмоции проходят, Азеф ернически спрашивает Рачковского: «Что же, удалось вам купить Рутенберга?.. Хорошую агентуру вы в лице Гапона обрели?.. Выдал он вам Боевую организацию? Знаете, где теперь Гапон находится? Он висит в заброшенной даче на финской границе… вас легко постигла бы такая же участь, если бы вы еще продолжали с ним иметь дело…»

Оба полицейских изумлены. Им ничего не известно о Гапоне: ни о том, что он убит, ни даже о том, что он пропал.

Подробностей Азеф не рассказывает. Он требует 5 тысяч[74] рублей долгов по зарплате за продолжение сотрудничества. Эту сумму ему легко выдают.

Только через два дня гражданская жена Гапона, Саша Уздалева, приходит в полицию, чтобы написать заявление о том, что он неделю назад ушел из дома и не вернулся. На следующий день в газете «Новое время» появляется заметка, подписанная псевдонимом «Маска». В ней говорится, что Гапон пропал, последний раз его видели 28 марта, и в этот день он должен был принимать участие в важной встрече социалистов-революционеров в Озерках. А еще что черносотенцы готовили на него покушение, а сам он был в таком подавленном состоянии, что подумывал о самоубийстве.

Автор текста – полицейский агент и в недавнем прошлом секретарь Витте Иван Манасевич-Мануйлов. Источник информации – Азеф. Полиция начинает искать Гапона, но пока безуспешно.

Пора валить

В Петербурге о Гапоне почти никто не вспоминает. Прошлогодний герой забыт. Его труп висит на заброшенной даче – а он почти уже никому не интересен.

Это странное время. То, чем российское общество было так увлечено последних два года, – все надоело, все разочаровало, все бесполезно. Закрытие газет, волна арестов, гражданская война по всей стране, всесилие черной сотни, повальная эмиграция. «Пора валить» – главное настроение среднего класса в Петербурге, а особенно в Москве. После подавления декабрьского восстания москвичи гораздо чаще, чем за год до этого, обращаются за загранпаспортами. Уезжают не только революционеры, которые вернулись по амнистии Витте и теперь фигурируют в новых уголовных делах. Уезжают бывшие аполитичные – те, кто сначала увлекся демократической весной, а потом понял, что вовсе не хочет участвовать в этой гадкой и грязной, бесчеловечной борьбе.

В конце 1905 года Мережковский пишет «Воззвание к церкви». В нем он призывает церковь восстать против императора, в частности: больше не молиться в храмах за царя, а молиться за освобождение народа, освободить военных от присяги царю, лишить власти Синод, созвать Церковный собор.

Воззвание Мережковского не имеет, конечно, никакого эффекта. И вскоре он приходит к выводу, что православие и самодержавие неразрывно связаны: «К новому пониманию христианства нельзя подойти иначе, кроме как отрицая оба начала вместе».

В декабре 1905 года Зинаида Гиппиус и Дима Философов ужинают в ресторане – вдруг прибегает Дягилев и закатывает двоюродному брату отвратительный скандал, кричит на весь ресторан. Он только что узнал, что Философов пытался соблазнить его любовника – личного секретаря Дягилева, польского студента Вика. А может быть, Дягилева бесит, что Дима все же предпочел ему Гиппиус и Мережковского и даже переехал жить в их квартиру. Скорее всего, Дягилева вообще все раздражает: знаменитый столичный продюсер бьется в истерике перед своим бывшим любовником и его новой подругой – знаменитыми столичными журналистами.

После скандала в ресторане Дима срывается и уезжает в Париж. Следом едут Гиппиус и Мережковский – поехали «герценствовать», язвит Дягилев. Но скоро и он уезжает, и тоже в Париж – хочет организовать там

выставку русского искусства.

Ревущие кошки, моченые яблоки

У Витте тоже сдают нервы. Человек, который в октябре приносил царю философский трактат о стремлении к свободе, теперь со страхом и омерзением говорит о придуманной им же самим Государственной думе. На бесконечных правительственных совещаниях он сетует, что русское общество некультурно, что заседания нельзя делать публичными – иначе министров будут закидывать «моченными яблоками и ревущими кошками».

11 декабря опубликован новый избирательный закон – как раз после того, как Дурново арестовал петербургских диссидентов, а в Москве началась полномасштабная война. Избирательный закон – результат изнурительных совещаний, в ходе которых Витте удалось провести главную для него мысль: Дума должна стать крестьянской, так как крестьяне – наиболее лояльный по отношению к правительству слой населения.

Выборы начинаются в феврале и длятся весь март. Процедура очень длинная – это вовсе не всеобщее тайное прямое равное голосование – о чем мечтают и говорят все оппозиционеры вне зависимости от их политического направления. Выборы проходят по четырем куриям: отдельно выбирают землевладельцы, отдельно горожане, отдельно крестьяне, отдельно рабочие. Каждая курия сначала выбирает выборщиков: один выборщик может представлять 2 тысячи дворян, 4 тысячи горожан, 30 тысяч крестьян и 90 тысяч рабочих. Но право голоса имеют не все, а только прошедшие имущественный ценз. Например, в рабочей курии могут голосовать только сотрудники предприятий, в которых работает больше 50 человек. А в городах права голоса лишены, к примеру, все учащиеся. Правда, могут голосовать не только владельцы домов и квартир, но и квартиросъемщики.

Многие либералы разочарованы законом, революционеры – в пылу восстания – его даже не замечают.

Петр Струве, вернувшись из Парижа, тоже переживает непростой период. Он хочет возобновить издание «Освобождения», но уже в России, пытается договориться с Милюковым – и ничего не выходит. Милюкову вовсе не нужно влиятельное издание, которое выпускал бы Струве, – он хочет иметь собственную газету. На деньги нового спонсора, инженера Бака, Милюков открывает газету «Речь», которой руководит сам – более того, сам пишет все ее передовицы. «Освобождение» больше никогда не

выйдет.

Струве считает, что в такой непростой момент надо подчиниться партийной дисциплине: «Только сплоченное действие демократических общественных элементов может вывести нашу страну на путь действительного обновления и здорового развития», – уверен он. Зимой 1906 года, накануне выборов, вместе с Федором Родичевым Струве пишет предвыборный манифест кадетов.

И эсеры, и социал-демократы решают бойкотировать выборы в Думу. По сути, единственная настоящая и при этом оппозиционная политическая партия в стране – это кадеты, либеральная партия Народной свободы, созданная Милюковым на базе Союза освобождения.

Выборы заканчиваются сенсацией. Кадеты одерживают ошеломляющую победу. На самом деле это вполне логично, ведь они – единственная партия, которая ведет предвыборную кампанию.

Император и его окружение очень взволнованны. Чего ждать от «крамольников» – непонятно. Витте говорит Николаю II, что во всем виноват глава МВД Дурново – своими репрессивными мерами он разозлил общество, вот оно и проголосовало за оппозицию. Император отвечает, что он может эту Думу легко разогнать.

Новая Дума еще никогда не собиралась, а разговоры о ее предстоящем роспуске ведутся очень настойчиво.

В гостях у капитализма

В это самое время старый знакомый Гапона Максим Горький вместе с гражданской женой Марией Андреевой и с сопровождающим их большевиком по фамилии Буренин приезжают в Нью-Йорк. Николай Буренин – член Боевой группы РСДРП, он приставлен к Горькому в качестве продюсера, охранника, помощника и, очевидно, шпиона. Писатель – главный актив большевиков, один из самых важных источников дохода, его надо беречь.

Пароход Горького еще не успевает причалить в Нью-Йорке, как на палубу забираются журналисты и начинают осаждать Горького – так же, как всего полгода назад атаковали Витте. Горький устал с дороги, он (в отличие от Витте) пытается отказаться, извиняется, обещает дать интервью дня через два-три. Но корреспонденты не отстают, просят ответить всего на один вопрос – и он не о творчестве и не о ситуации в России. Этот вопрос: «Что вы думаете о Витте?». На следующий день нью-йоркские газеты выходят с заголовками «Горький: "Витте – подлец!"» (Буренин уточняет, что Горький назвал премьера «человеком, лишенным таланта, чести и честности»)

На паспортном контроле у писателя спрашивают, не анархист ли он. Горький отвечает: «Нет, я не анархист, я социалист. Я верю в закон и порядок и именно по этой причине и нахожусь в оппозиции к русскому правительству, которое в данный момент представляет собой организованную анархию».

Писателя принимают восторженно. В порту его встречают не только журналисты, но и толпы русских эмигрантов. Фотографии Горького на первых полосах всех газет. Его везде узнают и везде принимают. Они с Марусей спускаются в метро – пассажиры смотрят на фотографии в газетах и бросаются к писателю со словами: «Добро пожаловать, господин Горький». На второй день в честь Горького устраивают обед, на который приходит 70-летний Марк Твен. Горькому всего 37, он теряется перед классиком, а тот в восторге от молодого русского коллеги. Они вдвоем объявляют о создании фонда, который будет собирать деньги на русскую революцию. Пресса называет Горького «русским Джефферсоном». В планах – поездка в Вашингтон и встреча с президентом Теодором Рузвельтом.

Но все заканчивается 15 апреля. Одна желтая газета выясняет, что

мистер и миссис Горький, как везде представляются гости из России, вовсе не муж и жена. Настоящая миссис Горький (то есть Екатерина Пешкова) находится в России, у пары двое детей, и они не разведены. А женщина, которая выдает себя за жену писателя, – известная русская актриса по фамилии Андреева.

Компромат производит ошеломляющий эффект. Америка 1906 года оказывается куда более пуританской страной, чем Российская империя. Горький и Андреева ничего не знают о вышедшей статье, когда в полтретьего ночи возвращаются в свой отель Belleclaire. На пороге их встречает хозяйка. Она презрительно говорит: «Не входите!» – и преграждает им путь. Все вещи Горького, Андреевой и Буренина уже дожидаются путешественников в вестибюле: чемоданы раскрыты, одежда, белье, платья Андреевой, чьи-то сапоги – все свалено в кучу.

Горький и Андреева отправляются ночевать в общежитие молодых писателей. Но на следующий день «расследование» личной жизни Горького подхватывают другие газеты. Они выясняют, что артистка Андреева тоже формально замужем за поручиком Андреем Желябужским, хотя и ушла от него к миллионеру (теперь уже покойному) Савве Морозову. Тому самому Морозову, который погиб полгода назад в Каннах и завещал ей полтора миллиона долларов, пишет *The New York Times*[75].

Выселение из отеля – это еще цветочки. Все дальнейшее турне сорвано: отменяются мероприятия в Бостоне и Чикаго, Белый дом отзывает свое приглашение. Группа женщин – сторонниц республиканской партии требует депортировать Горького. Писателю приходится съехать из общежития. На выручку приходит совершенно незнакомая им семейная пара: Престония и Джон Мартины приглашают Горького и Андрееву пожить в их доме: «Я не могу и не хочу позволить, чтобы целая страна обрушилась на одинокую, слабую молодую женщину, и поэтому предлагаю вам свое гостеприимство».

Горький соглашается. Они переезжают сначала на роскошную виллу Мартинов около Нью-Йорка, а потом едут жить в их поместье на севере штата, недалеко от канадской границы. Никаких гастролей больше не будет, решает Горький. Вместо этого в тихой американской глубинке он пишет роман «Мать» – будущее главное произведение советской литературы, «революционную Библию», любимый роман Ленина. Буренин считает, что этот компромат на Горького слил прессе российский посол в Америке. Так это или нет, российское правительство в результате невольно помогает Горькому. В начале мая ему предъявляют официальное обвинение в участии в московском восстании – и угрозы с родины восстанавливают

репутацию Горького. Из аморального персонажа он снова превращается в борца за свободу.

Антиамериканизм

Горький живет в Америке, в гостях у Мартинов, почти год, но все равно не может простить американцам пережитого унижения. Все, что он пишет об Америке, полно злобы и желчи: в Америке нет красоты, у американцев нет души, все они – рабы золота, то есть Желтого дьявола.

Вот что Горький пишет про Нью-Йорк: «Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы».

Но главное – Горькому надо доказать, что американский капитализм – плохой пример для подражания. В России того времени существует некоторый культ Северной Америки. Сюда Лев Толстой отправляет преследуемых властями духоборов; сюда бегут от погромов евреи из черты оседлости; идея превратить Российскую империю в «Соединенные штаты Восточной Европы, Сибири и Туркестана» очень популярна среди революционной интеллигенции. Главные поклонники Америки – российские либералы. Павел Милюков слывет «американцем» – он преподавал в Чикагском университете, где и почерпнул многие из своих демократических идей. Но Ленина американский пример совсем не прельщает – ему надо развенчать и разрушить этот либеральный идеал. Ленин – главный организатор горьковского турне; если писателю не удалось собрать денег, единственное, что он может, – это поработать пропагандистом.

Что делать

Постоянная борьба с либералами – это главная тема 1906 года для российских марксистов. Пока Горький отдыхает в Америке, Лев Троцкий сидит в Петропавловской крепости – и тоже возмущается предательством либералов. В феврале 1906 года он пишет статью, которую посвящает своему идеологическому врагу Петру Струве – «Господин Петр Струве в российской политике». Сначала он долго и подробно обвиняет Струве в непоследовательности, в том, что тот, мол, менял свою точку зрения и переходил с одной политической позиции на другую. «Лжец должен обладать хорошей памятью, чтобы не попадаться в противоречиях», – язвит Троцкий.

Но потом переходит к главному вопросу: что будут делать кадеты, когда попадут в Государственную думу. Это главный вопрос, который гложет всех, включая самих кадетов.

Троцкий из тюремной камеры пишет, что должны сделать либералы – если, конечно, они планируют выполнить свои предвыборные обещания: 1) отправить в отставку Витте, Дурново и компанию; 2) призвать к власти Петрункевича, Милюкова и Струве; 3) организовать выборы Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; 4) уволить прежних региональных чиновников, поменяв их на новых; 5) начать судебный процесс над членами прежнего правительства. Но, разумеется, иронизирует Троцкий, ничего подобного либералы в Думе не сделают – а просто будут пытаться лавировать, вести переговоры с царскими чиновниками и ничего не добьются.

Примерно такие же разговоры ведут и консерваторы. Они опасаются, что Дума в первую очередь объявит о созыве Учредительного собрания.

Впрочем, Милюков вспоминает, что еще на первом своем съезде в ноябре 1905 года кадеты решили, что не надо добиваться Учредительного собрания – достаточно просто избрать Думу с «учредительными функциями». Но это только начало споров. Одни считают, что Дума должна выработать новый избирательный закон и немедленно распуститься – другие считают допустимой так называемую органическую работу. В итоге либералы вырабатывают компромисс: в новой Думе они должны принять неотложные меры – то есть не только разработать избирательное законодательство, но и провести аграрную реформу, то, чего в первую очередь хотят крестьяне. Впрочем, Струве считает, что такими же

неотложными являются вопрос трудовых отношений и национальная политика.

Несмотря на успех кадетов, в Думу проходят не все важные игроки. С выборов снимают и Милюкова, и Струве. У первого не засчитывают его имущественный ценз, второй находится под следствием по делу об экстремистских публикациях. Зато депутатами становятся остальные видные либералы: Иван Петрункевич, князья Долгоруков и Шаховской, Федор Родичев. Понимая, что им предстоит быть первыми в истории России парламентариями, они мучаются: насколько резкими им предстоит быть. При этом, жалуется Милюков, с обеих сторон их травят: консерваторы по-прежнему считают либералов врагами и революционерами, а марксисты – предателями и агентами правительства. Лучше всех выматывает нервы кадетам живущий в Хельсинки Владимир Ленин: «Кадеты – могильные черви революции. Революцию похоронили: Ее гложут черви. Но революция обладает свойством быстро воскресать и пышно развиваться на хорошо подготовленной почве. А почва подготовлена замечательно, великолепно, октябрьскими днями свободы и декабрьским восстанием. И мы далеки от мысли отрицать полезную работу червей в эпоху похорон революции. Ведь эти жирные черви так хорошо удобряют почву».

«Принимая во внимание, – гласит одна из резолюций съезда социал-демократов, – что, по нашему общему убеждению, крупный аграрный взрыв, если не полное крестьянское восстание, в целом ряде местностей почти неизбежен, съезд рекомендует всем учреждениям партии быть к весне в боевой готовности и заранее составить целый план практических мероприятий, вроде взрыва железных дорог и мостов, порчи телеграфа, распределить роли в этих предприятиях и т. д., наметить административных лиц, устранение которых может внести дезорганизацию в среду местной организации, и т. д.»

«Вся Россия – сплошной сумасшедший дом»

В середине апреля Горький и Андреева, все еще живущие в поместье у Мартинов, получают телеграмму из России. Закончился судебный процесс – суд присудил Марусе 100 тысяч[76]. Они счастливы – весь вечер проходит в танцах, пляшут даже их радушные хозяева Мартины.

Похожую телеграмму получает Витте – из Парижа, от своего давнего врага Коковцова. Тот по поручению правительства ведет переговоры о предоставлении России кредита. И наконец французские банки дают добро. Хотя измученный Витте, конечно, не пляшет.

На последней стадии переговоров французский премьер Клемансо вдруг спрашивает у российского эмиссара: «Скажите мне, отчего бы Вашему Государю не пригласить господина Милюкова возглавить новое правительство? Мне кажется, что это было бы очень хорошо и с точки зрения удовлетворения общественного мнения и разрешило бы многие вопросы». Коковцов отвечает, что царь кого захочет, того и назначит.

И действительно, Коковцов оказывается провидцем. Николай II узнав, что дело сделано и кредит одобрен, вызывает к себе верного Трепова и просит подобрать ему нового премьера – потому что терпеть Витте он больше не может. «Я окончательно расстался с Графом Витте, и мы с ним больше уже не встретимся», – безапелляционно заявляет Николай.

Результат нового кастинга поражает всех. Главные критерии императора: новый премьер должен быть полной противоположностью Витте, он должен не хитрить, не интриговать, должен быть лишен собственных амбиций и не заваливать царя проектами реформ, а просто быть ему безусловно предан. Таким условиям идеально удовлетворяет Иван Горемыкин, бывший министр внутренних дел, первый глава МВД, назначенный Николаем II. Он был уволен еще в 1899 году и с благодарностью воспринял отставку, спокойно сидел в Государственном совете. При этом, поскольку император любил советоваться с людьми незаинтересованными, то есть не занимающими никаких постов, он регулярно вызывал к себе Горемыкина – советовался с ним даже накануне принятия манифеста 17 октября.

У Горемыкина удивительная репутация: про него говорят, что «он совершенно не интересуется политикой» и «безразличен ко всему». «Для меня главное, – говорит император, – то, что Горемыкин не пойдет за Моею спиною ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти, и Я могу

ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов».

Витте узнает о своей отставке за неделю до открытия новой Государственной думы. «Перед Вами счастливейший из смертных. Государь не мог мне оказать большей милости, как увольнением меня от каторги, в которой я просто изнывал, – говорит он приехавшему из Парижа Коковцову. – Я уезжаю немедленно за границу лечиться, ни о чем больше не хочу и слышать и представляю себе, что будет разыгрываться здесь. Ведь вся Россия – сплошной сумасшедший дом, и вся пресловутая передовая интеллигенция не лучше всех». Впрочем, это, конечно, – поза. Обиженный Витте уверен, что теперь-то все и рухнет: «Теперь все это пойдет прахом при том сумбуре, который водворится в России. Не Иван же Логгинович управится с этим разбушевавшимся морем».

Коковцов, которого император назначает министром финансов, отказывается занимать свой пост – по его мнению, проводить в Думе свои законопроекты должно то правительство, которое их готовило. Но новый премьер Горемыкин его успокаивает: прежнее правительство, уверяет он, не подготовило ни одного законопроекта, полагая, что поначалу много времени уйдет на организационную работу Думы.

Но на этом сюрпризы не окончены. На следующий день после отставки Витте публикуются так называемые «Основные государственные законы Российской империи» – то есть конституция. Она подробно описывает полномочия совета министров, Думы и императора, а также фиксирует основные права и свободы граждан. Одновременно Николай II лишает новую Думу возможности принять новый избирательный закон и стать Учредительным собранием.

Союз русского народа ликует – пал граф Витте. Доктор Дубровин пишет статью о поверженном враге. Впрочем, их борьба совсем не закончена. Лидер Союза русского народа все активнее обсуждает со своими ближайшими друзьями, что перед созывом Государственной думы пора осваивать новые методы – те, которые используют их противники – революционеры. Например, индивидуальный террор. Надо готовиться уничтожать врагов самодержавия, говорит доктор.

Глава 8
В которой Петр Столыпин и Дмитрий Трепов предлагают два альтернативных пути реформирования России

Знакомство с народом

27 апреля 1906 года в Петербурге праздник – первый день заседания первой Государственной думы Российской империи. Новоизбранных депутатов везут в Зимний дворец, где их должен принять император. Настроение у депутатов боевое. Многие считают себя одураченными – несмотря на созыв Думы, Основные законы Российской империи приняты без них. В Зимнем дворце начинается молебен, потом к депутатам выходит Николай II. Справа от императора выстраивается «мундирная публика»: царская семья, двор, члены правительства, Сената и Государственного совета. Слева – депутаты Госдумы. Две половины зала с изумлением разглядывают друг друга.

Первый визуальный контакт между «мундирной публикой» и народными избранниками шокирует и тех и других. Большая часть депутатов – крестьяне. Для них открытие Думы – первое публичное мероприятие в столице. Никакого дресс-кода нет, никто не готовил парламентариев к встрече, не рассказывал им о протоколе и дворцовом этикете. Каждый нарядился в соответствии со своим представлением о том, как надо одеваться в праздник. «Ничтожное количество людей во фраках и сюртуках, подавляющее же количество их, как будто нарочно, демонстративно занявших первые места, ближайшие к трону, – было составлено из членов Думы в рабочих блузах, рубашках-косоворотках, а за ними толпа крестьян в самых разнообразных костюмах, некоторые в национальных уборах, и масса членов Думы от духовенства», – вспоминает министр финансов Коковцов.

Это первая встреча императора с настоящими, а не специально отобранными и проинструктированными (как это было, например, в 1905 году, когда Трепов привозил в Царское Село делегацию «правильных» рабочих) представителями народа. Больше того, эти депутаты из разных регионов – самые смелые и яркие его представители, они не стоят, потупив глаза, и не мнут шапки – а с любопытством разглядывают интерьеры дворца и лица его обитателей.

Это первая встреча двух миров: депутаты смотрят на настоящего императора, а не «царя-батюшку», почти сказочного персонажа, о котором слышали с детства, двор смотрит на народ, о существовании которого никогда не подозревал.

Двор в ужасе. «Они смотрели на нас, как на своих врагов, и я не могла

отвести глаз от некоторых типов, – настолько их лица дышали какою-то непонятною мне ненавистью против нас всех», – недоумевает мать императора Мария Федоровна. Она спрашивает, почему среди избранных депутатов так много священников. И почему она никогда и нигде раньше не видела таких «серых батюшек».

Все столичное высшее общество обсуждает встречу в Зимнем дворце как чудовищный скандал – хотя ни одного лишнего слова произнесено не было. Один внешний вид депутатов кажется таким дерзким и непочтительным, что петербургский свет сразу делает вывод: ничего хорошего от этой Думы ждать не следует, все они – отъявленные революционеры. После церемонии министр Коковцов говорит вдовствующей императрице, что, скорее всего, эту Думу придется распустить – а чтобы в следующий раз депутаты оказались более подходящими, придется поменять избирательный закон.

Во время церемонии в ряду членов правительства стоит человек, который не просто разглядывает депутатов с подозрением, но уже ищет среди них террористов: «Меня не оставляет мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастия, – говорит он вслух. – Впрочем, я думаю, что этого опасаться не следует, – это было бы слишком не выгодно для этих господ и слишком было бы ясно, что нам делать в создавшейся обстановке».

Это Петр Столыпин, еще неделю назад он был саратовским губернатором, но в новом правительстве назначен министром внутренних дел.

Новый министр

Петр Столыпин – совершенно новый человек в Петербурге, его назначение для многих сюрприз. Увольняя правительство Витте, Николай II хотел поменять его целиком, чтобы все новые министры были в некотором роде даже противоположностью старым. В главы МВД прочили Бориса Штюрмера – хозяина консервативного политического салона. Но император предпочел человека со стороны – саратовского губернатора ему посоветовал верный Горемыкин.

Саратовская губерния считается крайне проблемной – начиная с 1905 года там продолжаются крестьянские волнения, жгут усадьбы помещиков, Столыпин справляется с ними с переменным успехом. Впрочем, у присланного ему на подмогу генерала Виктора Сахарова получается еще хуже – он убит террористкой в доме Столыпина едва ли не в первую неделю своего пребывания в Саратове. После этой трагедии репутация Столыпина, как ни странно, только улучшается – он-то управляет таким взрывоопасным регионом уже три года и все еще жив.

Столыпин по образованию – агроном, однокурсник Владимира Вернадского по физмату, правда, в отличие от него вовсе не либерал. Во всех своих речах он повторяет: «Без царя вы все будете нищими, а мы все будем бесправны!» Этот подход Николаю II, конечно, нравится. Зато уволенного премьера Витте новый министр не любит. Дочь Столыпина Мария вспоминает, что Витте долгое время был для нее кумиром, пока не вмешался отец: «Это человек, думающий больше всего о себе, а потом уже о Родине. Родина же требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует всю работу» – так характеризует Столыпин бывшего премьера.

Прачечная и оранжерея

После всех церемоний и молебнов первое заседание Думы начинается в пять часов вечера 27 апреля. Сначала выбирают председателя – им становится член партии кадетов, профессор Московского университета 55-летний Сергей Муромцев. Он сразу передает слово старейшему либералу Ивану Петрункевичу – и тот произносит короткую речь с требованием политической амнистии. Потом Муромцев выступает сам: «Сохраняя должное уважение к прерогативам конституционного монарха, мы и призваны использовать всю силу и ширину прав избравшего нас народа», – говорит он.

«С первых слов председателя чувствовалось, что Дума эта не удовольствуется поставленными ей рамками, в самом законе об ее учреждении указанными, и выйдет из них на путь оппозиционный», – вспоминает московский губернатор Владимир Джунковский. О том, каковы «поставленные рамки», депутаты узнают уже в первые дни. Оказывается, правительство приготовило для рассмотрения Думой всего два законопроекта: вопрос о создании прачечной и о ремонте оранжереи при Юрьевском университете (нынешний Тартуский университет), оба внесены министерством народного просвещения. Прачечная и оранжерея вызывают бурю негодования среди депутатов.

Депутаты пытаются обсуждать серьезные вопросы. В течение первой же недели заседаний они составляют обращение к императору, которое принимают большинством голосов. Оно состоит из двух частей: намерения Думы и ее пожелания императору. Вторая часть самая интересная: в ней предлагается уволить правительство, заменить его новым, которое отвечало бы перед Думой, упразднить Государственный совет, провести земельную реформу, преобразовать всю налоговую систему, реформировать систему земских и городских учреждений, ввести всеобщее бесплатное начальное обучение, изменить избирательный закон – прежде всего, ввести всеобщее избирательное право, объявить амнистию политзаключенным.

Это как раз те лозунги, которые кадеты провозглашали, когда шли в Думу. Больше того, многие из этих пунктов вроде как уже присутствуют в Манифесте 17 октября – но не действуют на практике. Этот огромный перечень депутаты планируют передать императору.

8 мая император уведомляет председателя Думы Муромцева, что не примет делегацию депутатов Думы, а свое послание они могут отдать

премьер-министру Горемыкину (тому самому, чьей отставки просит Дума в послании). Тот является в Думу и по бумажке, еле слышно, долго, нудно зачитывает официальный ответ правительства. Общий смысл его речи: по нескольким вопросам – сразу нет, по другим – правительство обязательно подумает.

Едва Горемыкин заканчивает, на трибуну выходит депутат Владимир Набоков. Он заканчивает свою речь фразой: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!» Дума поддерживает его овацией.

Собственно, еще до начала заседаний первой Думы возникает замкнутый круг. Депутаты изначально настроены на борьбу и оскорблены тем, что на самом деле никто не собирается предоставлять им серьезных полномочий. Все члены Государственной думы испытывают грандиозное предубеждение против власти – и эта антипатия взаимна. Правительство заранее знает, что с Думой ничего не выйдет, не стоит даже и пытаться. Обе стороны на сто процентов уверены в собственной правоте – все участники событий пышут искренним негодованием по поводу неприемлемого поведения своих оппонентов.

Живопырня

Новый премьер-министр Иван Горемыкин, конечно, не очень готов к управлению страной в столь бурный период – впрочем, он убежден, что ему это в принципе ни к чему. Во-первых, он верит, что страной должен руководить император, помазанник Божий, во-вторых, знает, что Николай II очень нервно реагирует, когда ему кажется, что кто-то из высших чиновников узурпировал его власть. Больше того, Иван Горемыкин относится к чиновникам, которых принято называть технократами; у него есть четкое понимание того, что от него требуется, а что может ему навредить, он знает, как надо реагировать на внешние раздражители: чаще всего, считает он, лучше вообще ничего не делать – само пройдет[77].

Рекомендованный на должность генералом Треповым, он получает в придачу от Трепова и главного советника по внутренней политике – Петра Рачковского, который теперь переезжает в резиденцию нового премьера.

Рачковский, крестный отец Союза русского народа, изначально планирует сформировать в Думе послушное большинство. В первую очередь оно, по его замыслу, должно состоять из крестьянских депутатов, так что надо позаботиться об их жилищных условиях. Создается специальное общежитие для депутатов, которые потенциально могли бы стать опорой правительства[78]. Главой этой фракции назначен депутат от Гродненской губернии Михаил Ерогин. Собранных им крестьян-депутатов селят в особняке МВД на Кирочной улице. При этом Рачковский не учитывает, что крестьянские депутаты, все как один, избрались в Думу, чтобы добиться земельной реформы. Правительственная пропаганда не производит на них никакого впечатления.

Общежитие для депутатов сразу становится предметом внимания прессы, и в одной из первых же публикаций журналист метко называет его «ерогинской живопырней». Ерогин, не готовый к вниманию СМИ, публично открещивается от проекта – он заявляет журналистам, что живет в другом месте, никаких связей с МВД не имеет и ничего не организовывал. Крестьянские депутаты немедленно разъезжаются по гостиницам. На этом работа по созданию «послушного большинства» заканчивается.

Впрочем, Горемыкина это совсем не смущает. Когда левые депутаты несколько раз встречают членов правительства в Думе выкриками вроде «палач!» или «кровопийца!», премьер-министр окончательно утверждается

в правильности своего плана. Он ведь открыто признавался, что не собирается никоим образом взаимодействовать с Думой. Теперь он даже рад, что его прогноз сбылся: «Если министров так оскорбляют, то им не нужно и ходить в Думу. Пусть они там варятся в собственном соку. Таким путем Дума сама себя дискредитирует в населении», – считает он.

Если кто и варится в собственном соку, так это премьер-министр Горемыкин. Российские газеты ежедневно печатают репортажи с заседаний Госдумы – и они сами по себе производят революцию. Отныне открыто обсуждаются темы, за обсуждение которых раньше судили и ссылали. Государственная дума пока ничего не может поменять, но она уже становится «местом для дискуссий»[79] – а вместе с ней местом для дискуссий становится вся Россия.

Министр внутренних дел Петр Столыпин почти ежедневно получает письма от губернаторов – они жалуются, что публикация новостей о думских дебатах очень плохо влияет на население, наблюдается «нарастание революционного подъема», а способов бороться с ним у региональных начальников нет. «Брожение», пишут губернаторы, охватывает даже «чиновничью среду», которая до этого была абсолютно лояльной.

Кошмары революционеров

Всю весну профессиональные российские революционеры продолжают скрываться. Но большинство из них Россию не покидает – просто уезжает в Финляндию. Местные власти обычно сквозь пальцы смотрят на подозрительных лиц, которых разыскивает центральное правительство, – а многие финны даже стараются помочь борцам с царским режимом. В Финляндии живут в том числе Владимир Ленин, Юлий Мартов, Борис Савинков, Евгений Азеф, Виктор Чернов.

Эсеры, решив бойкотировать легальную политику и выборы в Госдуму, ждут, что вот-вот страну потрясет мощное крестьянское восстание, поэтому надо готовиться помогать мятежникам: нужно составить план подрыва железных дорог и мостов, порчи телеграфа и так далее. Полицейские ходят за террористами по пятам (по наводке Азефа), периодически арестовывают членов Боевой организации, не трогают только Савинкова. В Петропавловскую крепость, например, попадает и Дора Бриллиант – там она сойдет с ума и через год умрет.

Остающиеся на свободе эсеры явно деморализованы. Петр Рутенберг рассказывает Савинкову, что ему по ночам снится Гапон: «Он мне все мерещится. Подумай – ведь я его спас девятого января… А теперь он висит!» И даже Азеф, кажется, не понимает, выдержит ли он такую психологическую нагрузку: быть одновременно главой Боевой организации эсеров и агентом полиции. Он жалуется Савинкову, что устал и хочет отдохнуть. Но Савинков заявляет, что это совершенно невозможно.

Тогда Азеф берет на себя руководство главной операцией – подготовкой покушения на министра внутренних дел Столыпина. А Савинкова отправляет в Крым – убить адмирала, который руководил подавлением октябрьского восстания в Севастополе.

Впрочем, Савинков едва успевает приехать в Крым, как там происходит совсем другой взрыв. 16-летний юноша бросает бомбу в коменданта Севастопольской крепости, она не взрывается, зато случайно детонирует бомба, которую несет в толпе его сообщник. Погибает и сам смертник, и шесть случайных прохожих. Полицейские начинают арестовывать всех, кто вызывает подозрение, – в том числе находящегося под наблюдением Савинкова.

Они ждут суда – сочувствующий заключенным охранник рассказывает, что уже ясно, что их всех казнят и приговор будет приведен в исполнение

19 мая.

Генерал-демократ

6 мая во дворце празднуют день рождения императора. Приглашены все министры, Трепов гуляет и по-светски обсуждает, кто мог бы войти в правительство народного доверия, составленное из представителей Думы. Министра финансов Коковцова этот вопрос очень смущает, он предлагает не говорить на такую щекотливую тему при всех. Но Трепов все равно продолжает: не думает ли Коковцов, что правительство, ответственное перед Думой, «равносильно полному захвату власти и изъятию ее из рук Монарха, с претворением Его в простую декорацию?» Может, даже и хуже, отвечает Коковцов. Не все, конечно, представители власти хотят роспуска Думы. Генерал Трепов по-прежнему считает своим долгом предотвратить новое восстание – поэтому он очень опасается такого развития событий. Очень скоро вопрос встает ребром. 13 мая Дума почти единогласно выносит вотум недоверия правительству – только семь депутатов воздерживаются.

16 мая Горемыкин собирает министров с вопросом, что они предлагают делать. Министр иностранных дел Александр Извольский выступает против разгона Думы, заявляя, что это осложнит отношения с Европой. Колеблется и Коковцов. Все остальные – и увереннее всех министр внутренних дел Столыпин – говорят, что Дума должна быть распущена.

Вскоре к императору приходит новоявленный генерал-демократ Дмитрий Трепов. Он приносит ему предложение по новому составу кабинета министров – если требование Думы будет удовлетворено. Премьер-министром он предлагает сделать председателя Думы Муромцева, Милюкову предлагает пост министра внутренних или иностранных дел (если тот возглавит МИД, то МВД может возглавить Иван Петрункевич), на пост министра финансов Трепов прочит известного кадета, депутата от Москвы и разработчика проекта аграрной реформы Михаила Герценштейна. Трепов доказывает императору, что это единственный выход из тупика.

Более того, Трепов рассказывает, что уже провел подготовительную работу, тайные переговоры с двумя потенциальными министрами, Муромцевым и Милюковым, выяснил подробности их программы. Только один пункт показался Трепову совершенно неприемлемым – это амнистия террористам: «Царь никогда не помилует цареубийц», – уверял он

Милюкова. В целом Трепов удовлетворен знакомством (он даже оставил Милюкову свой телефон).

Николай II очень заинтересован. Предложение Трепова активно поддерживают его двоюродный дядя, великий князь Николай Михайлович (главный либерал в царской семье, тот самый, который передавал царю письма Толстого) и барон Фредерикс.

Император поручает члену Госсовета Ермолову (он считается либералом) продолжить переговоры с лидерами кадетов. Но одновременно начинает советоваться и со сторонниками роспуска Думы: например, вызывает министра финансов Коковцова. Тот в ужасе от проекта Трепова, он начинает объяснять императору, что, назначив правительство, состоящее из народных избранников, Николай навсегда потеряет какую-либо возможность влиять на государственную политику – и даже уволить это правительство уже не сможет. «Мы не выросли еще до конституционной монархии», – предостерегает Коковцов.

Император мучается. Он, как обычно, спрашивает совета у верного министра двора барона Фредерикса. У барона нет своего мнения по политическим вопросам – он обычно советует то, что ему говорит Трепов, – как случилось в октябре 1905 года, когда он выступал за манифест. Но теперь у Фредерикса новый советчик – это Столыпин. Дело в том, что отец главы МВД в молодости служил в одном полку с Фредериксом, они дружили, Фредерикс часто бывал в гостях у Столыпиных, а значит, знает нового министра внутренних дел с детства. Но Фредерикс боится роспуска Думы, поэтому все время дает императору противоречивые советы: он то за Трепова, то за Столыпина. Трепов тем временем довольно настойчиво ведет свою агитацию за правительство кадетов. Это не секрет даже для Горемыкина. «Вы, молодой человек, ничего не понимаете в политике. Лучше не вмешивайтесь в нее, не морочьте голову нашему Государю», – в сердцах говорит 65-летний премьер 50-летнему дворцовому коменданту.

Трепов не только продолжает вмешиваться – он, дворцовый комендант, то есть человек, формально абсолютно не связанный с государственной политикой, дает интервью агентству Reuters. В нем он уже открыто заявляет, что необходимо сформировать новое правительство «из кадетов, потому что они – сильнейшая партия в Думе», а правительство, образованное без участия Думы, «не даст стране успокоения». Он признает, что это большой риск, но рискнуть надо: «Если и это средство не поможет, придется обратиться к крайним средствам».

Противники Трепова решают, что «крайние средства» – это диктатура

самого Трепова. Это, мол, такой хитрый план – сформировать кадетское правительство, а когда оно выдвинет неприемлемые условия, разогнать его и забрать власть в свои руки.

В любом случае, это интервью – попытка пойти ва-банк, и она оказывается неудачной. Против правительства, ответственного перед Думой, резко возражает еще и императрица. Да и сам император с детства верит в неотчуждаемость собственной власти. «У Меня нет более никаких колебаний, – в конце июня успокаивает он министра финансов. – Да их и не было на самом деле, потому что Я не имею права отказаться от того, что Мне завещано моими предками и что Я должен передать в сохранности Моему сыну».

Император уже готов распустить Думу, но ждет инициативы от правительства. Но Горемыкин боится проявлять инициативу – он никогда в жизни ее не проявлял, – поэтому он ждет, пока император прикажет ему распустить Думу. «Что он скажет, то и будет нами исполнено, а пока от Него нет ясного указания, мы должны ждать и терпеть», – говорит премьер. Император же злится на Горемыкина за его нерешительность – но сам приказывать не хочет.

Два неубитых медведя

На помощь нерешительному Горемыкину и нерешительному Николаю II приходит решительный Столыпин. Он предлагает императору свои услуги в роспуске Думы. По плану Столыпина, все пройдет гладко, если одновременно с Думой уволить правительство и назначить новым премьером, вместо Горемыкина, какую-то популярную в обществе компромиссную фигуру. Эта идея приходится императору по душе. Он поручает новый кастинг Столыпину (хотя так ничего определенного и не отвечает Трепову – тому приходится довольствоваться слухами).

Теперь уже Столыпин зовет к себе Милюкова на переговоры. На них присутствует также министр иностранных дел Извольский. Столыпин расспрашивает лидера кадетов, насколько тот и его однопартийцы склонны к компромиссам, с кем из членов нынешнего кабинета они согласны работать. И вообще, понимают ли либеральные кадеты, что им придется выполнять грязную работу – например, руководить жандармами.

После разговора Извольский предлагает Милюкову подвезти его до дома. По дороге министр иностранных дел признается, что сам, по своим взглядам, намного ближе к кадетам, чем к остальным членам правительства, – но Столыпин, жалуется Извольский, человек совсем другого толка, вовсе не либерал.

По словам коллег, Милюков уже уверен, что пост премьера у него в кармане, встречу со Столыпиным он воспринимает как последние решающие смотрины.

Но у Столыпина другие планы. Он зовет Дмитрия Шипова – бывшего земца, бывшего лидера оппозиции, пострадавшего еще от Плеве. Он предлагает ему должность премьера в новом правительстве – больше того, он пытается поставить его перед свершившимся фактом. Роспуск Думы – дело решенное, кандидатура Шипова уже утверждена императором, и завтра, 28 июня, Николай II ждет Шипова у себя.

Шипов – человек особого склада. Он искренний толстовец, политические интриги ему чужды, он крайне щепетильно относится ко всему, что ему кажется подлым или нечестным. Год назад он отказался войти в правительство Витте, сославшись на то, что представляет скорее меньшинство среди московских либералов. Теперь он резко отклоняет предложение Столыпина, сказав, что считает роспуск Думы не просто антиконституционным, но преступным.

Столыпин, призвав на помощь страдающего либерала, министра иностранных дел Извольского, начинает уговаривать Шипова (ведь отступать некуда, император уже ждет). А если роспуска Думы не будет, согласится ли Шипов возглавить коалиционное правительство – с участием присутствующих, Столыпина и Извольского – и представителей кадетов? Шипов строго отвечает, что думское большинство принадлежит кадетам, значит, Столыпину стоит предложить пост премьера Милюкову. Глава МВД признается, что говорил с Милюковым – и перспектива иметь такого премьера ему не понравилась. В итоге единственное, что Столыпину удается добиться от Шипова, – это обещания прийти завтра к императору.

Выйдя от министра, Шипов едет к Муромцеву и обо всем рассказывает. Он говорит председателю Думы, что сам, конечно, откажется от поста премьера, но будет предлагать на этот пост самого Муромцева. Муромцев тоже отказывается. Во-первых, он не уверен, что новое правительство просуществует долго (позиция председателя Думы кажется ему более надежной), во-вторых, он не может обойти Милюкова, потому что тот «уже чувствует себя премьером».

Председатель Думы Муромцев с момента своего избрания на эту должность немедленно дистанцируется от партии кадетов. Он осознает, что создает прецедент, закладывает традицию того, как должен вести себя председатель Государственной думы, поэтому старается быть выше партий и внутренних конфликтов. При этом, по словам Милюкова (который, очевидно, Муромцева недолюбливает), председатель считает себя вторым лицом в государстве после императора. Милюков отчасти винит Муромцева в том, что никаких переговоров между Думой и правительством или императором не ведется. Впрочем, среди депутатов «величественный» Муромцев очень популярен.

После разговора с Муромцевым Шипов отправляется к императору. И начинает уговаривать его сформировать правительство думского большинства – кадеты, придя к власти, смягчат свою тактику, уверяет он. Император переходит к обсуждению личностей: кого назначить премьером? Шипов советует Муромцева, но возможен и второй вариант – Милюков. Правда, говорит он, Милюков «слишком самодержавен». Сказав это, Шипов понимает, что сболтнул лишнее – вряд ли это формулировка могла понравиться самодержцу. И Шипов пытается исправить положение, расписывая положительные стороны обоих кандидатов, уверяя, что идеальным было бы, если бы Муромцев стал премьером, а Милюков – министром внутренних или иностранных дел. От царя он выходит в приподнятом настроении – ему кажется, что дело сделано, император на

все согласен.

«Вот, говорят, Шипов – умный человек. А я у него все выспросил и ничего ему не сказал», – говорит Николай жене после окончания встречи с Шиповым.

Муромцев очень сердится, когда узнает, что Шипов прочил его в премьеры, а Милюкова – в министры: «Какое право ты имеешь касаться вопроса, который должен быть решен самой партией?» Шипов начинает говорить о благе страны, а Муромцев о том, что он не сможет работать вместе с Милюковым: «Двум медведям в одной берлоге ужиться трудно».

Однако теперь уже и Муромцев верит в то, что он без пяти минут премьер-министр. На следующий день во время думского заседания он вызывает к себе Милюкова (тот не депутат, но каждый день ходит в Думу – наблюдает из журналистской ложи). «Кто из нас будет премьером?» – вместо приветствия спрашивает Муромцев. По словам Милюкова, он отвечает: «По-моему, никто не будет». Но потом, видя настойчивость Муромцева, продолжает: «Что касается меня, то я с удовольствием отказываюсь от премьерства и предоставляю его вам».

Партия начинает всерьез готовиться к формированию правительства. 3 июля Милюков собирает фракцию, впервые рассказывает товарищам про свои переговоры с Треповым и Столыпиным. Это признание производит на ничего не подозревавших коллег тяжелое впечатление, многие считают, что тайные встречи с Треповым и Столыпиным – это позор и кадеты не должны соглашаться на предложение императора. Однако большинство все же согласно, что таков их долг перед страной, они обсуждают будущую программу правительства. Обсуждают также и то, что вполне вероятен и другой сценарий: если император все же решится распустить Думу. В это, впрочем, никто не верит – все считают, что это было бы нарушением закона (хотя формально это не так) и в любом случае Дума, конечно же, не подчинится и не разойдется – да и страна этого не допустит. Некоторые депутаты говорят, что будут бороться до конца и готовы умереть, но не разойтись. Милюков отвечает, что их партия обязана подчиняться закону и, в случае роспуска, просто готовиться к следующим выборам.

Земельный вопрос

Дума между тем продолжает свою работу. Ситуация немного шизофреническая: правительство, отставки которого потребовали депутаты, никуда не делось, но Дума упорно разрабатывает законы, которые точно не будут приняты. И начинают депутаты с главного – с земельной реформы. Главный докладчик по этому делу – московский депутат, профессор экономики Михаил Герценштейн. Он разрабатывает проект об отчуждении помещичьей земли с целью передачи ее крестьянам. Представители правительства, хотя и не признают права Думы принимать подобные законы, в дебатах участвуют. Дискуссия очень бурная. Герценштейн говорит, что, если откладывать земельную реформу, начнутся новые крестьянские волнения, снова начнут поджигать дворянские усадьбы.

Крещеный еврей Герценштейн быстро становится героем среди крестьянских депутатов – во время выступлений противников реформы (например, правых депутатов) крестьяне обычно скандируют: «Герценштейн! Герценштейн!» Естественно, что правые депутата ненавидят. Он становится главной мишенью для атак черносотенной прессы, начинает получать письма с угрозами. К анонимкам Герценштейн относится не очень серьезно – но тем не менее страхует свою жизнь на 50 тысяч рублей[80].

Союз русского народа тоже не остается в стороне – его члены забрасывают правительство телеграммами с требованием немедленно распустить Думу: они «с трудом сдерживают справедливое негодование верноподданных самодержавного царя от стихийного взрыва и самосуда над врагами православной церкви, государя и русской народности» и требуют обуздать Думу, «возбуждающую население к революции и ниспровержению всего, что свято русскому народу», а также «нахально-лживую, преступно-клеветническую печать, разжигающую низменные инстинкты толпы».

Еще в конце июня правительство выпускает обращение к населению, в котором уверяет, что земельной реформы не предвидится. В ответ депутаты планируют принять собственное обращение к народу, с описанием той реформы, которую они подготовили. Текст воззвания обсуждается 5 июля – в правительственной ложе неожиданно появляется Столыпин с блокнотом, который внимательно записывает основные тезисы выступлений. Его видит

Милюков – и начинает паниковать. Он считает, что сейчас никому не нужным аграрным воззванием кадеты все испортят. Он уговаривает коллег не голосовать – или хотя бы смягчить текст. Его никто не слушает – авторитет Милюкова, который вел тайные переговоры с властью, немного пошатнулся. 7 июля, в пятницу, Дума принимает воззвание к народу по земельному вопросу. Столыпин сообщает Муромцеву, что в понедельник 10 июля он собирается приехать выступить перед депутатами. Но это просто уловка.

Вечером 7 июля Горемыкин и Столыпин вместе едут в Петергоф к императору. На пороге их встречает Фредерикс, который определился и теперь против роспуска Думы: он может «грозить самыми роковыми последствиями – до крушения монархии включительно», говорит он. Но Столыпин убеждает императора в обратном. Ждать нельзя, Дума призывает крестьян к восстанию, поэтому ее надо разогнать немедленно, пока она этого не ждет. И Николай II, и Горемыкин счастливы – потому что кто-то другой берет на себя ответственность за это решение.

Отставка Горемыкина и назначение на его место Столыпина сопровождается важным ритуалом: Столыпин долго отказывается, ссылаясь на неопытность, император настаивает, благословляет его с иконой в руках. Выходя от Николая, Горемыкин и Столыпин встречают Трепова. «Это ужасно! Утром мы увидим здесь весь Петербург!» – говорит он и бежит отговаривать императора.

По воспоминаниям начальника тайной полиции Герасимова, Горемыкин приезжает к ожидающим его членам правительства счастливый. Он говорит, что чувствует себя как школьник, вырвавшийся на свободу, и желает только одного – покоя. И немедленно едет домой. Только дома он понимает, что самого текста указа у него с собой нет – его с фельдъегерем должны прислать из Петергофа. Горемыкин ждет.

Вечером к нему приезжает Столыпин. Они распоряжаются оцепить здание Госдумы, сообщают правительственным газетам о роспуске Думы – а подписанного указа все нет. Горемыкин звонит Трепову, но тот раздраженно отвечает, что на этот счет ему ничего не известно. Горемыкин сидит как на иголках. Он звонит в канцелярию императора узнать, не выехал ли фельдъегерь – ему говорят, не выезжал. Горемыкин в отчаянии говорит Столыпину, что пора все отменять: но если увести войска от Думы несложно, то как развернуть газеты? Фельдъегерь приезжает только на рассвете. «Слава Богу», – причитает старик Горемыкин и трясет руку Столыпину.

Поездка в Выборг

Утром в воскресенье 8 июля один из депутатов-кадетов, по фамилии Крым, идет в Таврический дворец – он накануне забыл там свой портфель. И обнаруживает, что здание оцеплено военными. На воротах висит плакат с царским приказом о роспуске Думы. «Вот и хорошо, Думу разогнали, теперь нам дадут учредительное собрание», – говорит прохожий, с виду рабочий, стоящий рядом с Крымом и тоже читающий это объявление.

Милюков уже знает об этом – ранним утром передают сообщение из типографии, где уже печатается манифест. Он садится на велосипед и начинает объезжать дома членов ЦК, созывая всех немедленно собраться дома у Петрункевича. Главный юрист партии, Федор Кокошкин, убеждает кадетов, что манифест противоречит Основным законам империи – потому что в нем не указана дата новых выборов. Возбужденные лидеры либеральной партии просят Милюкова написать воззвание к народу с призывом бойкотировать правительство, то есть не платить налогов и отказаться от службы в армии. И решают, что нужно срочно собрать всех членов Думы – желательно за пределами города, чтобы их не арестовали.

Убеждать товарищей по партии отправляют Струве. Он бежит в «кадетский клуб», где они обычно собираются, встает на стул посреди зала и произносит речь. Он говорит, что всем депутатам надо ехать в Выборг, небольшой город в Финляндии в часе езды от столицы, где они смогут спокойно обсудить, что делать. Депутаты против – они говорят, что отъезд из столицы – это бегство, дезертирство, подчинение приказу о роспуске. «Если Дума останется в Петербурге, начнется кровопролитие, – пытается перекричать всех Струве. – Будет дезорганизация…»

Спустя несколько часов на Финляндском вокзале собираются толпы людей – начинается массовый отъезд в Выборг, едут не только депутаты, но и журналисты, друзья, родственники и сочувствующие.

Всю дорогу до Выборга обсуждают, что же теперь будет. Одни считают, что немедленно вспыхнет революция. Другие уверены, что случится реставрация прежних порядков – политика в стране опять закончится, самодержавие восстановится в прежнем объеме. Смысл поездки в Выборг многим неясен. Тем не менее она оказывается сюрпризом для Столыпина. У полиции есть инструкции на случай, если депутаты попытаются незаконно собраться: их надо задержать и отправить по домам, то есть выслать из Петербурга туда, где они избраны. Но что

делать с самовольным массовым отъездом – полиция не знает.

Уже вечером депутаты собираются в гостинице «Бельведер», поначалу председательствует Петрункевич, потом приезжает Муромцев. Как вспоминают участники, он заходит не своей обычной, величественной походкой, а тихо пробирается вдоль стенки, пытаясь остаться незамеченным. Но его замечают, устраивают ему овацию, кричат: «Муромцеву слово!». Но он не может говорить, едва не плачет. Пожилой профессор-правовед в душе категорически против любого нарушения закона, в том числе и призывов к гражданскому неповиновению. Однако не может подвести депутатов, избравших его, поэтому присоединяется к протесту.

Два дня депутаты обсуждают свое воззвание, ссорятся, обвиняют друг друга в мягкости или, наоборот, в излишней революционности – но в итоге подписывают единый текст. Обсуждение прерывается по требованию выборгского губернатора.

Когда депутаты уезжают из Выборга, на вокзале их провожает толпа. На каждой станции тоже стоят люди, приветствуют депутатов – а те бросают им в окна листки с воззванием. Приехав в Петроград, члены Думы с удивлением обнаруживают, что их никто не собирается арестовывать. Столица абсолютно спокойна.

Правый террор

После роспуска Думы многие депутаты-кадеты снимают летние дачи на побережье Финского залива. Там они продолжают свои встречи, на которых обсуждают дальнейшую программу действий партии. 47-летний Михаил Герценштейн приходит на собрания и очень злится – он и в Выборге был против общего воззвания. «Глупость сделали, ну и расхлебывайте теперь. Все равно ничего умного не придумаете», – ворчит он.

Он с семьей проводит летний отпуск неподалеку, в Териоках (сейчас – Зеленогорск, и это уже территория России, а не Финляндии). В планах Герценштейна – баллотироваться на должность московского городского головы, в городе он по-прежнему очень популярен. 18 июля Герценштейн гуляет по пляжу с женой и 17-летней дочерью. Их догоняет человек с револьвером в руке, дважды стреляет в Герценштейна и убегает. Стрелявшего зовут Александр Казанцев.

Бывший депутат убит, его дочь ранена. Власти запрещают перевозить тело в Москву – во избежание беспорядков – и настаивают на похоронах в Финляндии.

За час до смерти бывшего депутата в Москве печатается черносотенная газета «Маяк», первополосный заголовок которой гласит: «Герценштейн убит!».

Убийство произошло на территории Финляндии, поэтому расследует его финская полиция. В противном случае никакого расследования не было бы вообще – глава петербургской тайной полиции отлично знает, что убийство совершено боевой дружиной Союза русского народа, которую создал лично Дубровин, а покровительствует ей столичный градоначальник фон дер Лауниц.

Дубровин активно ищет человека, который мог бы взять вину на себя – например, больного туберкулезом, находящегося на последней стадии. За признание себя виновным он обещает 15 тысяч рублей[81].

Впрочем, найти не успевает. Подробности убийства становятся известны очень быстро. Бывший член Союза русского народа Лавров, изгнанный Дубровиным и арестованный за незаконное хранение оружия, в отместку неожиданно дает показания о том, как готовилось убийство. Однако ни сам исполнитель Казанцев, ни кто-либо из организаторов пока не арестованы. Крупный скандал начинается и в самом Союзе. Дело в том,

что фон дер Лауниц платит руководителю боевой дружины за голову Герценштейна 2000 рублей[82], а до исполнителей доходит только 300[83]. Они очень недовольны.

Когда Герасимов докладывает о случившемся премьер-министру Столыпину, тот брезгливо морщится: «Я скажу, чтобы Лауниц бросил это дело…» – говорит он.

Следствие будет продолжаться почти три года, Дубровина так и не вызовут в суд даже в качестве свидетеля, все обвиняемые будут помилованы императором по просьбе Столыпина. Убийство Герценштейна – это первая, но далеко не последняя операция боевой дружины Союза русского народа[84].

Взрыв на Аптекарском острове

12 августа 1906 года, в субботу, премьер-министр Столыпин дома, в своей резиденции на Аптекарском острове, принимает посетителей. На верхнем балконе, прямо над подъездом его дома сидит с няней трехлетний Аркадий Столыпин – Адя, как называют его в семье. Мальчик разглядывает подъезжающих к дому. Он видит экипаж, в котором сидят двое мужчин в форме жандармов и с портфелями в руках. Они заходят в дом, отталкивают швейцара – но им навстречу бросается помощник премьера генерал Александр Замятин – ему кажется, что у посетителей неправильная форма, настоящие жандармы выглядели бы иначе. Столкнувшись с генералом, они бросают портфели на пол. Раздается взрыв.

Дочь Столыпина Мария вспоминает, что она как раз собиралась открыть дверь в свою спальню, когда раздался грохот и вместо двери перед ней оказалось отверстие в стене, а за ним – набережная Невки, деревья и река.

Террористы, швейцар, генерал Замятин «разорваны в клочья», рассказывает Мария Столыпина, кроме них на месте погибает больше тридцати человек. Взрыв такой силы, что на находящейся по другую сторону Невки фабрике вылетают все стекла.

Единственная комната в доме, которая не пострадала, – это рабочий кабинет премьера, он дальше всего от входа. В момент взрыва Столыпин сидит за письменным столом. От ударной волны в воздух взлетает огромная бронзовая чернильница: она перелетает через голову Столыпина, облив его чернилами. Но в остальном премьер цел и невредим.

Он выбегает на улицу искать жену. «Оля, ты где?» – кричит Столыпин. Она показывается на балконе. «Все дети с тобой?» – «Нет Наташи и Ади».

У Столыпиных шестеро детей: пять девочек и сын, самый младший. Наташу и Адю вскоре найдут живыми под обломками дачи – у мальчика сломана нога, а у девочки сильно раздроблены кости обеих ног. 17-летней няне Ади, которая была с мальчиком на балконе, оторвало ноги.

Взрыв слышен издалека. На соседней даче, в гостях у замминистра внутренних дел Крыжановского сидит доктор Дубровин, глава Союза русского народа. Он выбегает на улицу – и начинает оказывать первую помощь. Это скорее легенда, чем правда, однако сам Дубровин охотно пересказывает ее: будто бы он оказывается первым человеком, который подбегает после взрыва к залитому чернилами и засыпанному штукатуркой

премьеру. «Сначала умойтесь!» – говорит он пострадавшему и только после этого узнает в нем Столыпина. Тот тоже не сразу понимает, что перед ним Дубровин, – а узнав его, якобы говорит: «А все-таки реформы не остановить!» История совершенно неправдоподобная – но она будет очень популярной среди черносотенцев.

Врачи настаивают на том, что 14-летней Наташе надо ампутировать ноги. Столыпин требует, чтобы они подождали до утра. Утром врачи решат, что без ампутации можно обойтись.

После покушения Столыпин продолжает работать, как будто ничего особенного и не случилось. «Все мы были просто поражены спокойствием и самообладанием Столыпина, – вспоминает министр финансов Коковцов. – Столыпин как-то сразу вырос и стал всеми признанным хозяином положения, который не постесняется сказать свое слово перед кем угодно и возьмет на себя за него полную ответственность».

На следующий день император предлагает Столыпину денежную компенсацию – премьер отказывается со словами: «Ваше Величество, я не продаю кровь своих детей». Вскоре вся семья Столыпина переезжает в Зимний дворец – царь все равно там не живет, предпочитая Царское Село. В Зимнем жил Трепов, пока был столичным генерал-губернатором, теперь же он рядом с Николаем II в Царском Селе, освободившиеся покои отдают новому «диктатору».

Модный терроризм

Террористическая группа во главе с Азефом несколько месяцев готовит покушение на Столыпина. Об этом Азеф сообщает своему куратору полковнику Герасимову еще в июне – до роспуска Думы. Глава Боевой организации говорит, что не может допустить ареста всех своих подчиненных и предпочтет уйти на покой (недавно то же самое он говорил и Савинкову). Но Герасимов просит его не уходить – и обещает не арестовывать террористов. Они с Азефом договариваются о правилах игры: во-первых, Герасимов советует Азефу как можно чаще заимствовать деньги из партийной казны на личные нужды, ведь бюджет эсеров в тот момент огромен – он составляет сотни тысяч рублей в год[85] (этим Азеф и без наводки Герасимова давно занимается). Но главное – Герасимов хочет знать обо всех перемещениях боевиков. По замыслу Герасимова, это даст ему возможность время от времени пугать их, устанавливая демонстративную слежку. Обычно, заметив агентов полиции, террористы бросают свои конспиративные квартиры и убегают на несколько недель – отсиживаться вдали от Петербурга. И Герасимов, и Столыпин очень довольны этим планом – они уверены, что работа Боевой организации встала.

Однако, успокоившись, Герасимов забывает про группу молодых радикалов, отколовшихся от эсеров, когда те собирались отказаться от террора, – это так называемые максималисты. Они не поддерживают отношений с эсерами, и уж конечно, не делятся своими планами с Азефом. Лидер максималистов – Михаил Соколов по кличке Медведь, и именно он придумывает операцию по подрыву дачи Столыпина на Аптекарском острове.

Казнь Савинкова в Севастополе между тем отменяется. Дату суда переносят, потому что одному из подсудимых всего 16 лет. Савинкову удается сбежать из-под ареста – ему помогает сочувствующий охранник. Он пробирается в Гейдельберг, где живет тяжело больной Михаил Гоц. Идеолог эсеров расстроен взрывом на Аптекарском острове.

Во-первых, считает Гоц, покушение очень плохо подготовлено – на даче Столыпина часто проходят заседания кабинета министров, а террористы выбрали день, когда там не было членов правительства. Кроме того, лидер партии переживает из-за большого числа жертв среди мирного населения. Правда, по его мнению, взрыв дачи Столыпина – единственный ответ на разгон Думы, поэтому не стоит осуждать максималистов. Тем

более что у Боевой организации эсеров никаких успехов нет вообще. «Разве вы не видите, что Боевая организация в параличе?» – говорит парализованный Михаил Гоц.

Он предлагает Савинкову изменить подход к террору – начать применять новейшие научные изобретения. Гоц хочет отказаться от использования террористов-смертников – в пользу взрывных устройств с дистанционным управлением, которые позволили бы убивать только избранную жертву, сохраняя жизнь и случайным прохожим, и самим боевикам. А пока такая технология не изобретена – надо воздержаться от терактов.

Савинков уезжает во Францию, а Гоц спустя несколько недель умирает. Операция на спинном мозге прошла неудачно.

Впрочем, несмотря на разочарование Гоца и Савинкова, дело их популярно как никогда. У Боевой организации эсеров больше нет никакой монополии на террор. Еще пару лет назад все громкие теракты в империи были делом рук Азефа и компании, но теперь никакая централизованная организация для политических убийств не нужна – это скорее популярная идеология, вирус, который распространяется сам по себе. По всей стране происходят покушения на госчиновников, которые осуществляют молодые люди, никогда в жизни не видевшие ни Гоца, ни Азефа – но они им и не нужны. Они вдохновлены примером легендарных террористов – убийц Сипягина и Плеве и лозунгом «В борьбе обретешь ты право свое». Почти одновременно со взрывом на Аптекарском острове происходит еще несколько терактов.

Сначала в Петергофе, на глазах многочисленной публики, террорист стреляет в генерал-майора Сергея Козлова. Убийцу хватают, во время допроса оказывается, что он уверен, что стрелял в Трепова. Потом, на следующий день после покушения на Столыпина, на вокзале в Петергофе убивают полковника Георгия Мина, командира Семеновского полка, отличившегося при подавлении декабрьского восстания в Москве. В тот же день в Петергофе совершено нападение на генерала Стааля (он остается жив) – и снова по ошибке, его тоже принимают за Трепова. Всего же с января по июнь 1906 года в разных точках России происходит 37 покушений на крупных госчиновников, и дальше число громких политических убийств только растет – в конце года, например, будет застрелен куратор Союза русского народа, градоначальник Петербурга Владимир фон дер Лауниц. Убийца покончит с собой на месте – и его заспиртованная голова будет выставлена на всеобщее обозрение. Впрочем, это так и не поможет опознать анонимного террориста.

Диктатор в опале

На Трепова эти преступления производят очень сильное впечатление. В начале 1905 года он довольно легко перенес покушение – но смерть постороннего человека, убитого по ошибке вместо него, повергает Трепова в ужас. Его главный кошмар – что он не сможет уберечь жизнь императора. Тем более что Николай II все меньше прислушивается к его советам – Трепов проиграл Столыпину, тот не только занимает его место в Зимнем дворце, но и отбирает его лавры эффективного управленца, который умеет найти выход из любой ситуации.

Отсутствие каких-либо массовых выступлений после роспуска Думы доказывает Николаю II, что Столыпин был прав, а Трепов просто паникер. Но дворцовый комендант считает нарастающее число терактов доказательством того, что болезнь только загнана внутрь и рано или поздно себя проявит. По мнению Трепова, отказавшись собрать правительство парламентского большинства и вернувшись на путь самодержавия, Николай II подвергает себя чудовищному риску, который рано или поздно будет стоить ему жизни.

В сентябре император с семьей уезжает на яхте в путешествие по финским фьордам и не берет с собой Трепова. Всем при дворе очевидно, что это знак опалы. Во время круиза Николай II вдруг вызывает к себе начальника своей канцелярии Мосолова, того самого шурина Трепова, который посоветовал его полтора года назад барону Фредериксу. И протягивает ему телеграмму – из Петербурга сообщают о внезапной смерти 50-летнего Трепова. Император поручает Мосолову срочно разобраться, что случилось.

В Петербурге все считают, что Трепов покончил с собой, но Мосолов опровергает слухи: вскрытие показало, что он умер от сердечного приступа. Все ждут, придет ли император на похороны – но он не прерывает своего круиза. Мосолов разбирает документы покойного и потом отвозит все важное Николаю II. «Очень опечалила меня эта неожиданная смерть», – деловым тоном говорит ему Николай. «Император, безусловно, ценил Трепова, но особой личной к нему симпатии не чувствовал», – пишет в воспоминаниях Мосолов.

Остальные приближенные Николая II вспоминают о Трепове как о смелом человеке, преданном Николаю II, который почему-то дал слабину и начал уговаривать императора стать конституционным монархом. Впрочем,

теперь можно с определенностью говорить, что Трепов, а вовсе не Столыпин был прав. Разгон Думы и последующее закручивание гаек не привели к устойчивой стабильности – и угроза, нависшая над императором, никуда не делась. Столыпин переживет Трепова всего на пять лет, Николай II – на 12.

Приглашение на казнь

Через неделю после покушения на Столыпина Совет министров объявляет «войну с терроризмом» – готовит решение о создании в стране военно-полевых судов. Для Российской империи, в которой уже почти полвека существуют и успешно функционируют суды присяжных, это просто революционное нововведение. Суть новой системы в том, что, если преступление является настолько очевидным, «что нет надобности в его расследовании», а преступник пойман с поличным, он должен быть предан военно-полевому суду по законам военного времени. Подобные суды создаются решением генерал-губернатора или другого регионального руководителя. На все судебное следствие выделяется 48 часов после совершения преступления. И еще 24 часа на исполнение приговора. Стандартный приговор – это, разумеется, смертная казнь.

На тот момент в России совершенно особенное отношение к смертной казни. Еще в 1741 году дочь Петра I Елизавета, собираясь совершить государственный переворот, поклялась перед иконой, что, став императрицей, не подпишет ни одного смертного приговора. По сути, с этого момента смертная казнь в России становится исключением из правил – после Елизаветы Петровны любой смертный приговор должен быть утвержден лично монархом и это происходит только в крайних случаях. Например, Екатерина II санкционирует казнь организаторов пугачевского восстания.

После восстания декабристов к смерти был приговорен 31 человек, но повесили только пятерых, большинству казнь заменили каторгой.

Чаще смертная казнь применялась во время войны по решению военных судов. За воинские преступления расстреливали, а по приговору гражданских судов – и как правило за политические преступления – вешали. В среднем смертные приговоры выносились не часто – не больше 10 в год. Это наказание не применялось к лицам моложе 21 года и старше 70 лет, а женщину могли приговорить только за посягательство на императора, его семью и власть.

Но с наступлением XX века ситуация меняется в худшую сторону. В одном только декабре 1905 года было казнено 376 человек. Начиная с августа в 1906 году казнят 574 человека. После этого число смертных приговоров растет невероятными темпами: в 1907 году повесят 1139 человек (и это при том, что весной 1907 года военно-полевые суды будут

заменены военно-окружными), в 1908 году – 1340, в 1909 – 717. Виселицы, с помощью которых правительство пытается задавить революцию, вскоре назовут «столыпинскими галстуками».

Эффективность репрессий неочевидна. Даже по мнению главы тайной полиции Герасимова, военно-полевые суды приносят больше вреда, чем пользы: способствуют произволу и увеличивают число врагов режима; под суд отдают далеко не только террористов; судят не юристы, а обычные офицеры, поэтому приговоры основываются не на законах, а на личных отношениях. «Введение военно-полевых судов имело характер какой-то мести, а такое чувство для правительства недостойно», – считает Герасимов.

Введение военно-полевых судов вносит раскол в ряды сторонников Столыпина. Лидер проправительственной партии «Союз 17 октября» Александр Гучков однозначно за – он поддерживает жесткие меры в отношении революционеров. С ним категорически не согласен Павел Рябушинский, он уходит от октябристов, вместе с Шиповым и графом Гейденом они создают новую партию – «Партию мирного обновления».

Обыденность смертной казни – примета нового времени. И это страшно мучает Льва Толстого, еще в 1881 году протестовавшего против казни цареубийц. В мае 1908-го он напишет статью «Не могу молчать». В ней он будет доказывать, что власти – еще хуже, чем революционеры: «Вы, правительственные люди, называете дела революционеров злодействами и великими преступлениями, но они ничего не делали и не делают такого, чего бы вы не делали, и не делали в несравненно большей степени… Если есть разница между вами и ими, то никак не в вашу, а в их пользу».

Для большой части российского общества роспуск Думы становится началом долгого периода разочарования в политике. По словам Струве, это «самая мрачная страница русской истории». Сам Струве продолжает бороться и даже баллотируется в следующую Думу, но очень многие интеллигенты делают другой выбор – они предпочитают жить за границей.

Мережковские в Париже, Горький и Андреева возвращаются из Америки и селятся на итальянском острове Капри. Европу начинают наводнять российские подданные – но это вовсе не революционеры-беглецы, которые не имеют возможности вернуться на родину. Это вполне преуспевающие люди, дворяне и интеллигенты, которых так расстраивает ситуация в России, что они решают жить в другом месте.

«Новый! Новый!»

Дочь премьер-министра Столыпина Наташа поправляется очень медленно – ампутация ног ей уже не грозит, но ходить она не может. Через два месяца после теракта, в октябре, император вдруг советует Столыпину принять крестьянина из Тобольской губернии Григория Распутина. Но премьер-министр забывает об этой просьбе. А 38-летний проповедник (который называет себя «старцем») бывает у императора все чаще. Его вызывают к больному цесаревичу Алексею.

О том, что наследник престола болен гемофилией, Николай и Александра узнают вскоре после его рождения. У мальчика не сворачивается кровь, любой маленький порез может привести к бесконечному кровотечению, а любой ушиб – перерасти во внутреннюю гематому. Это генетическое заболевание, которое передается по женской линии, все мужчины в семье Аликс были больны гемофилией. Врачи бессильны, поэтому черногорки, подруги императрицы, постоянно приводят в дом народных целителей, которые могли бы облегчить страдания мальчика.

Первый сильный приступ происходит у двухлетнего Алексея как раз осенью 1906 года. Стана и Милица приводят Распутина – и царевичу становится лучше. Впервые увидев «старца», Алексей начинает кричать «Новый! Новый!». Цесаревич так называет всех незнакомцев, но Распутин говорит царю, что это важный знак – и даже просит поменять ему фамилию на «Распутин-Новый». Николай II удовлетворяет его просьбу.

С этого момента Распутин становится незаменим – императрица очень мучается из-за того, что по ее вине так сильно страдает сын, поэтому Распутина вызывают всякий раз, когда Алексею становится хуже. И он помогает.

Аграрная реформа

Тем временем премьер-министр Столыпин пользуется роспуском Думы, чтобы запустить свою самую важную реформу – аграрную. Его проект совсем не похож на вариант Герценштейна, который обсуждали депутаты. Он совершенно не собирается отчуждать землю у помещиков, чтобы отдавать ее крестьянским общинам.

В российской традиции начала XX века у крестьянина не может быть индивидуального права собственности на землю – каждый крестьянин неотделим от коллектива, то есть общины. Землю обрабатывают семьями, но в любой момент могут перераспределить между домовладениями – при этом порядки внутри общины довольно авторитарные. Революционная идея Столыпина заключается в том, чтобы разрушить общину, поощряя выход из нее отдельных крестьян и передавая крестьянам землю в частную собственность. С одной стороны, каждый крестьянин может выйти из общины и получить свою часть. С другой, он может купить себе кусок земли в кредит – через крестьянский банк. Земли, которые продаются крестьянам, должны выкупаться банком у помещиков по рыночной цене. Кроме того, в банк поступают земли, принадлежащие императору и его семье. Наконец, один из самых важных аспектов реформы – землеустройство, то есть объединение множества полос, между которыми иногда пролегают значительные расстояния. В итоге должен возникнуть обособленный хутор или отруб.

Столыпину удается принять закон о земельной реформе уже 9 ноября – то есть меньше чем через полгода после того, как он возглавил правительство.

Реформу, принятую в отсутствие Думы, воспринимают в штыки и оппозиционеры, и сторонники режима. Многие социалисты считают, что землю у помещиков нужно изымать, а не выкупать, а крестьянам – раздавать, а не продавать. А члены Союза русского народа критикуют с другой стороны. Дубровин считает крестьянскую общину одним из самых надежных устоев самодержавного строя. Проведение столыпинских проектов выгодно, пишет правая пресса, только жидомасонам, стремящимся поколебать трон. Но влияние Столыпина на императора пока прочно – указ подписан и начинает выполняться.

Бочка с капустой

Столыпинская реформа должна ударить прежде всего по революционерам в деревне. Эсеры – последователи народников – тоже идеализируют крестьянскую общину, это их роднит с черносотенцами. Они, правда, считают, что общинам надо передать всю землю: и помещичью, и государственную. Превращение крестьян в индивидуальных собственников должно выбить у эсеров почву из-под ног.

Одновременно с этим власти почти побеждают эсеровскую Боевую организацию. Глава Боевой организации, Евгений Азеф, преемник и лучший друг легендарного Гершуни, ставший куда более успешным террористом, чем основатель, пользуется абсолютным авторитетом в партии. Но образ жизни самого Азефа сильно изменился – если раньше он жил в основном в эмиграции и время от времени присылал в полицию доносы о некоторых готовящихся операциях, то теперь ситуация перевернулась: Азеф остепенился, он живет в Петербурге и очень близко подружился со своим куратором, главой столичной тайной полиции полковником Герасимовым. Более того, Азеф становится его единственным другом.

Герасимов, который рапортует Столыпину, что террор у него под контролем, – человек очень странный. Чтобы его не вычислили террористы, он сам вынужден скрываться. Герасимов снимает квартиру под чужим именем, представляясь коммивояжером, пользуется поддельным паспортом.

О том, где живет начальник тайной полиции, известно только одному особо доверенному его сотруднику, который убирает шефу квартиру и готовит завтрак. Кроме него только один человек знает адрес Герасимова – это его лучший друг и самый ценный агент Азеф. Он приходит к нему в гости раза два в неделю, а иногда и чаще. Они часами сидят и беседуют: о терроре, о революции, о политике. Герасимов вспоминает, что по своим убеждениям Азеф кажется ему довольно умеренным человеком – обычным либералом, который «с нескрываемым раздражением, отзывается о насильственных революционных методах». Азеф считает, что России нужны постепенные реформы и даже хвалит аграрную реформу Столыпина.

Герасимова очень удивляет, что Азеф с такими взглядами не только попал в ряды революционеров, но и выдвинулся на одно из руководящих

мест. «Так случилось», – объясняет Азеф. У лидера террористической организации и главы тайной полиции возникает искренняя дружба. Возможно, Герасимов – это единственный человек, с которым Азеф может быть откровенен почти до конца (даже жена Азефа не знает о том, что он агент полиции). При этом Азеф, скорее всего, вовсе не считает себя предателем, – как двоеженец, он искренне любит обе части своей жизни. Живя душа в душу с Герасимовым и выдавая ему почти все планы террористов, он при этом втайне от него планирует операцию по спасению своего первого друга и учителя – Григория Гершуни.

Основатель Боевой организации эсеров, конечно, не попал под амнистию октября 1905 года. Осенью 1906-го он все еще сидит в Акатуйской тюрьме в Восточной Сибири[86].

План побега, придуманный эсерами во главе с Азефом, очень прост. Заключенные занимаются производством квашеной капусты и соленых огурцов, которые закатывают в бочки и относят в соседний поселок. Однажды утром в одну из таких бочек залезает Григорий Гершуни – он небольшого роста, поэтому с трудом, но помещается. Наверх тянется трубка, через которую он дышит, на голове лежит плотный кусок материи, присыпанный капустой. Бочку с Гершуни выносят из тюрьмы, через несколько часов он начинает задыхаться, кислый сок заливает глаза – однако он держится, чтобы не выдать себя до вечера. Вечером сообщники в поселке помогают ему выбраться, дают лошадь и помогают добраться до железной дороги. Спустя пару дней он садится на пароход во Владивостоке и едет в Сан-Франциско.

По Америке Гершуни проезжает как супергерой, вернувшийся с того света. Русские эмигранты принимают его восторженно, и эсеры умоляют Гершуни сделать то, что не получилось у Горького: проехать с турне по США, собрать денег на нужды революции. Он действительно проводит ряд высокооплачиваемых мероприятий для еврейской общины, но торопится вернуться в Европу. Гершуни почти удается избежать скандалов, а когда российское посольство пускает слух о том, что беглый террорист неуважительно отзывается о президенте Теодоре Рузвельте, он немедленно пишет письмо в *The New York Times* (и газета печатает его), что относится к президенту США со всем уважением.

К февралю 1907 года Гершуни добирается до России – вернее, до той ее части, где он может находиться, не опасаясь ареста, – до Финляндии. Встречает его, конечно, любимый ученик – Евгений Азеф. Они коротко беседуют перед партийным съездом, где должно состояться триумфальное возвращение Гершуни в строй.

Все товарищи ждут, что он вдохнет новую жизнь в ослабевшую Боевую организацию, но Гершуни шокирует однопартийцев: он произносит речь о миролюбии. Он призывает эсеров не нападать на других оппозиционеров (даже на кадетов) и стремиться к созданию единой социалистической партии. А террористов нового поколения осуждает – поскольку они убивают слишком много случайных невинных людей. Словом, из тюрьмы основатель Боевой организации вышел почти либералом.

Петросовет в суде

Лев Троцкий тем временем сидит в Петропавловской крепости и читает французские романы. «Лежа на тюремной койке, я упивался ими с таким же чувством физического наслаждения, с каким гурманы тянут тонкое вино или сосут благоуханную сигару», – вспоминает он. Когда ему приходится покинуть одиночную камеру, чтобы предстать перед судом, Троцкий, по его словам, даже испытывает некоторое сожаление.

Суд над членами Петросовета начинается 19 сентября. Процесс открытый – по словам Троцкого, власти таким образом хотят скомпрометировать «либерализм» Витте, показав всю его слабость по отношению к революции. Процесс превращается в грандиозное шоу – вызвано около 400 свидетелей, из которых больше 200 приходят и дают показания.

Звезда процесса – Троцкий, он выступает, как в театре. В зале сидят его старенькие родители. Матери очень нравятся речи сына, она говорит, что Лев так хорошо говорит, что его просто не могут наказать – наоборот, должны как-то наградить.

Но главным героем суда неожиданно оказывается человек со стороны – не подсудимый и не адвокат. Это Алексей Лопухин, бывший директор департамента полиции, назначенный еще Плеве и уволенный Треповым в феврале 1905 года, после убийства великого князя Сергея. Лишившись должности в столице, он на короткое время был назначен губернатором Эстонии (тогда – Эстляндии). Правда, продержался в этой должности Лопухин всего полгода – до октября 1905-го. Итак, год спустя, в разгар суда над Петросоветом, Лопухин неожиданно решает предать гласности известные ему факты: рассказать о том, что в помещении губернского жандармского управления печатались листовки с призывами к погромам, что полиция сама организовывала черносотенные банды и докладывала об этом императору Николаю II. Наконец, по мнению Лопухина, столица избежала погромов только благодаря деятельности Петросовета.

Доклад об этом бывший сотрудник МВД отправляет нынешнему министру (а также своему другу детства, однокласснику по орловской гимназии) Петру Столыпину. А копию – в суд, который рассматривает дело Петросовета. Адвокаты зачитывают его письмо 13 октября – оно производит эффект разорвавшейся бомбы. Лопухин готов явиться в суд в

качестве свидетеля, но судья отказывается его вызывать. Тогда подсудимые выражают протест – и перестают участвовать в судебных заседаниях. Процесс завершается уже без подсудимых в зале. Их приговаривают к бессрочной ссылке на поселение в Салехард (тогда – Обдорск). Это неожиданно мягкий приговор – вообще-то обвиняемые ждали каторги, но, видимо, свою роль сыграло письмо Лопухина.

Троцкого вместе с другими осужденными этапируют на Ямал в феврале 1907 года. Погодные условия экстремальные. Осужденные доезжают до Березова. Это легендарный населенный пункт по дороге в Салехард, сюда в 1727 году был сослан и здесь спустя год умер ближайший фаворит Петра I Александр Меншиков, два года управлявший страной после его смерти. Князь Меншиков в некотором роде является предшественником Троцкого. Именно он был первым в истории руководителем Санкт-Петербурга, он же считается первым в истории России военным министром. Троцкий станет его преемником на этих должностях через десять и одиннадцать лет.

Здесь Троцкий решает остановиться. Он симулирует приступ радикулита и остается в Березове. Остальные ссыльные едут дальше. Местный житель помогает Троцкому найти умелого проводника-коми с упряжкой оленей, который должен вывезти его к Уралу – это 700 км на запад. Проводник оказывается вдрызг пьяным и засыпает по дороге, рискуя погубить и себя, и революционера. Тогда Троцкий снимает с него шапку, и мороз приводит проводника в чувство. Обратный путь до Петербурга Троцкий проделывает в рекордный срок – за 11 дней. Давние товарищи принимают его за привидение, ведь они точно знают, что Троцкий должен быть на Ямале – новость о его побеге еще не успела дойти до столицы.

Взяв с собой жену, Троцкий сначала едет в Финляндию – туда, где живут его ближайшие товарищи, Ленин и Мартов. Спокойно пишет книгу о своем побеге, после чего на полученный гонорар уезжает в Стокгольм.

Бомба в дымоходе

Побег Троцкого действительно не скоро замечают – в Петербурге и без него немало новостей. В конце января 1907 года доктор Дубровин просит своего личного секретаря Александра Прусакова достать ему план дома Витте по адресу Каменноостровский проспект, дом 5. Он уточняет, что это просьба царя – тот подозревает Витте в том, что он революционер, и просит Дубровина проверить, раздобыть доказательства. В доме Витте, говорит Дубровин, хранятся письма, которые могут его разоблачить, – и именно эти письма надо найти и отнести царю. Дубровин обещает Прусакову за схему дома Витте либо тысячу рублей[87] – либо звание почетного гражданина, которого тот как раз добивается.

Через несколько дней, разбирая бумаги на столе начальника, Прусаков обнаруживает черновик статьи, написанный рукой Дубровина, в которой говорится о покушении на графа Витте – автор доказывает, что преступление совершили социалисты. Прусаков очень удивлен – он ничего не слышал ни о каком покушении.

Как раз в этот день крестьяне Степанов и Федоров через задний двор подходят к дому Витте на Каменноостровском проспекте, забираются на крышу и опускают в дымоходы две «адские машины» с часовым механизмом, начиненные взрывчаткой. Они думают, что выполняют задание «партии анархистов», которая заказала им убить Витте. Спустившись с крыши, они идут к ожидающему их за воротами Александру Казанцеву, члену боевой дружины Союза русского народа. Это тот самый Казанцев, который полгода назад убил депутата Герценштейна. Теперь же он, представившись анархистом, дал двум крестьянам бомбы. Сделав дело, они идут в трактир. Пьют чай, Казанцев дает им два рубля[88] и они расходятся.

Вечером Казанцев приезжает рассерженный – взрывов не было. Теперь нужно, объясняет он исполнителям, опустить в трубы какой-то груз. Федоров и Степанов берут старые утюги, веревки и снова едут к дому Витте. Но на месте они видят, что дом окружен полицией. Они выбрасывают утюги и убегают. Бомбы обнаружил истопник, когда собирался затопить печь: увидев веревку, свисающую из дымохода, он потянул за нее, и из трубы вывалился ящик с часовым механизмом. На его счастье, кустарная «адская машина» не сработала: внутри два фунта охотничьего пороха и часовой механизм от старого будильника с плохо

приделанными капсюлями.

Во время обыска дома графа Витте бывший премьер спрашивает главу тайной полиции Герасимова, кто мог быть организатором этого покушения. «Не знаю, во всяком случае, это не революционеры», – отвечает полковник.

На следующий день секретарь Дубровина Прусаков становится свидетелем еще более странной сцены: он заходит в кабинет Дубровина, когда тот ругается с незнакомыми людьми. «Ты разве держал когда-нибудь в руках три тысячи рублей?» – кричит Дубровин. Те в ответ грозят пойти к Витте. Когда незнакомцы уходят, Дубровин объясняет секретарю: «Вот, враги меня не оставляют в покое, ко мне подослали левые, жиды и граф Витте, чтобы получить с меня 3000 рублей[89], угрожая в противном случае объявить, что покушение на графа Витте организовано Союзом русского народа».

После этого Дубровин достает из кармана все тот же черновик статьи про покушение – и просит опубликовать его в «Русском знамени». Еще несколько статей о том, что Витте сам инсценировал покушение на себя, пишет Прусаков.

Герасимов же идет к Столыпину – чтобы доложить, что покушение, несомненно, организовано Союзом русского народа. «Это настоящее безобразие, – возмущается Столыпин. – Эти люди совершенно не понимают, в какое трудное положение они ставят меня, все правительство. Пора принимать против них решительные меры».

Тем временем к крестьянам Федорову и Степанову снова приходит Казанцев. Они оба сидят без работы – а он предлагает поехать всем вместе в Москву и обещает, что они будут жить за его счет. В Москве он селит их в своей квартире и рассказывает, что теперь им надо убить «вредного человека – черносотенца». И учит стрелять. Федоров стреляет лучше, поэтому именно ему поручено выполнить задание. Он выслеживает «вредного человека», на которого указывает Казанцев, и убивает его.

На следующий день Степанов и Федоров узнают из газет, что убит бывший депутат Госдумы Григорий Иоллос. Он был евреем, кадетом и близким другом покойного Герценштейна.

Только тогда они понимают, что «попали в руки черносотенца», и решают его убить.

Федоров перерезает Казанцеву сонную артерию.

У Дубровина между тем готово продолжение списка врагов русского народа. Следующими мишенями в нем значатся Владимир Набоков и Павел Милюков.

Правая сила

На самом деле Столыпин не может принять никаких решительных мер против Союза русского народа – у него слишком много влиятельных покровителей. Столичный градоначальник фон дер Лауниц убит, но большим поклонником черной сотни является преемник Трепова, новый дворцовый комендант Владимир Дедюлин, который регулярно организует приемы членов Союза русского народа у императора. Но дело, конечно, не в Дедюлине – самому императору и императрице очень нравится Союз русского народа, им не может не льстить все то, что говорят им Дубровин и его единомышленники.

В декабре Столыпин приносит императору указ об отмене ряда ограничений, наложенных на евреев, в том числе черты оседлости. Император обещает подписать, но вскоре возвращает бумагу: «Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу – внутренний голос все настойчивее твердит Мне, чтобы Я не брал этого решения на Себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям, – объясняет Николай II премьеру. – Я знаю, Вы тоже верите, что "сердце Царево в руках Божьих". Да будет так. Я несу за все власти Мною поставленные великую перед Богом ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ».

Незадолго до этого в 1906 году в Киеве проходит так называемый Всероссийский съезд русских людей, в котором участвуют и члены Союза русского народа, и других организаций. «Каждый из нас страдает за себя, но есть один Человек, который страдает за всех нас, за всю Россию и страдает безмерно», – говорит в своей речи Дубровин, предлагая помолиться за императора, – аудитория согласна. Император, императрица, а также отец Иоанн Кронштадтский присылают приветственные телеграммы. Это самый многочисленный съезд черносотенцев – приезжает больше 500 человек со всей страны.

Монархисты долго обсуждают вопрос об объединении всех правых организаций – ничего не получается, так как Союз русского народа объединяться не хочет, а просто предлагает всем влиться. Участники требуют изменить избирательный закон, лишив евреев избирательных прав, и принимают обращение к премьер-министру, требуя законодательно ограничить принятие на госслужбу инородцев. «Пусть мы будем одиноки,

пусть нас не станут называть европейцами, пусть зовут черносотенцами; пусть уверяют, что мы глупцы и невежды. Мы лучше останемся одиноки со своею правдою и народною совестию… Пусть ни один из нас не попадет в Думу; воля Божия. А правда наша нам дороже и тысячи Дум», – говорит на съезде активист Союза русского народа отец Иоанн Восторгов.

Впрочем, на этот раз правые все же намерены побороться за Думу – сам Дубровин по-прежнему ее не признает, зато баллотируются многие его единомышленники. Да и Столыпин, хоть и недоволен Союзом русского народа, выделяет ему деньги на предвыборную агитацию. По воспоминаниям Полубояриновой, отдельная просьба премьера – провести в Думу от Кишинева активиста Союза русского народа Владимира Пуришкевича, бывшего сотрудника МВД.

Первый административный ресурс

Предвыборная кампания в Думу второго созыва начинается в декабре – и она становится первой настоящей избирательной гонкой. Если выборы в первую Думу многие партии – как правые, так и левые – игнорировали, то теперь все относятся к этому серьезно. Больше того, правительство в этот раз решает не пускать выборы на самотек. Правительство Витте и Дурново почти не вмешивалось в предвыборную кампанию – и в итоге получило совершенно нелояльную Думу, но Столыпин не собирается повторять его ошибок.

Правил, регулирующих избирательную кампанию, не существует. Агитировать могут как любые легальные партии («Союз 17 октября», Союз русского народа и другие), так и незарегистрированные, как кадеты. На несистемную оппозицию накладывается ряд ограничений: она, например, не может проводить агитационные митинги. То есть кадеты могут баллотироваться поодиночке – но не могут упоминать партию в предвыборных мероприятиях.

К примеру, в Госдуму от Москвы баллотируется известный адвокат Василий Маклаков. В своем выступлении он рассказывает о достижениях кадетов в первой Думе и употребляет местоимение «мы». «Кто это мы? – прерывает его речь полицейский. «Я и мои единомышленники», – отвечает Маклаков. «Я запрещаю говорить мы, – продолжает пристав, – вы говорите о кадетах, а это партия преступная, о ней говорить нельзя». – «Хорошо, вместо "мы" я буду говорить "они"». Публика смеется.

Тактика кадетов строится на том, что они пугают избирателей черносотенцами – предлагают голосовать за себя как за единую оппозицию: отдавать голоса левым – опасно, они могут не пройти, и тогда верх возьмут монархисты.

Победители предыдущих выборов, кадеты, испытывают огромное давление. Мало того, что всем депутатам предыдущего созыва, подписавшим выборгское воззвание, запрещено баллотироваться. Не допущены и многие другие – например, вернувшийся из Америки в 1905 году лидер партии Милюков не проходит ценз оседлости: он имеет квартиру в собственности меньше года, значит, не может избираться в Думу.

При этом остальные оппозиционеры постоянно обвиняют кадетов в близости к власти. Милюкову припоминают его тайные переговоры со

Столыпиным, ходят слухи, что последняя их встреча состоялась уже в ходе предвыборной кампании – Милюков пытался добиться от премьера легализации партии, но тот взамен потребовал, чтобы лидер кадетов пообещал, что не будет заключать альянс с левыми.

Ленин исходит желчью по поводу этих слухов. Вот как он описывает этот предполагаемый диалог. «Милюков беседует на аудиенции со Столыпиным: "Изволите видеть, ваше-ство, я расколол революцию и оторвал от нее умеренных! На чаек бы с вашей милости"… Столыпин: "Н-да, я походатайствую о вашей легализации. Знаете, Павел Николаич, вы лаской раздробляйте рабочую сволочь, а я ее дубьем буду. Вот мы тогда с обеих сторон… По рукам, Павел Николаич!"»

Власть пытается применить административный ресурс на выборах – впервые в российской истории, оттого иногда очень стыдливо. На сельских участках местные земские начальники, не стесняясь, подсказывают, за кого надо голосовать (поддерживают кандидатов от правых партий), – свидетелем такого управляемого голосования становится, например, избиратель из Полтавской губернии писатель Владимир Короленко. А Святейший Синод обязывает всех священнослужителей идти голосовать (без разъяснения за кого).

Помимо правых в Думу впервые массово идут и левые: правда, с разными целями. Большинство социалистов считает, что думскую трибуну можно использовать как площадку для агитации за будущую революцию, хотя некоторые все же думают, что Дума может стать самостоятельным центром принятия решений – и впоследствии Россия превратится в нормальную парламентскую демократию. Ленин, конечно, такую точку зрения считает предательством – поэтому умудряется громить меньшевиков даже в тот момент, когда большевики идут на выборы в рамках единого с меньшевиками «левого блока».

Результаты оказываются ошеломляющими для правительства: причем, как вспоминает министр финансов Коковцов, даже собственные сотрудники дезинформируют Столыпина, уверяя его, что правые и октябристы получают большинство. На самом деле одной из крупнейших фракций вновь оказывается кадетская (без Милюкова, но зато депутатом Думы избран Петр Струве). Но главная неожиданность – успех левых партий, у них треть мест в новой Думе – это намного больше, чем у правых.

Дума начинает работу 20 февраля в Таврическом дворце – на этот раз без приема у императора. Во время церемонии открытия происходит скандал: при упоминании имени императора все правые депутаты

немедленно встают. Левая часть зала остается сидеть – поднимается только один высокий рыжебородый человек. Товарищи шикают ему: «Садитесь!» Он сначала садится, но потом снова встает. Это Петр Струве.

Проходит чуть больше недели и в большом зале Таврического дворца обваливается потолок. Это случается в выходной день – пострадавших нет. Ходят слухи о бомбе – но никаких признаков злого умысла полиция не находит. Заседания временно переносят в другое помещение.

Через две недели после открытия второй Думы – возможно, наиболее оппозиционной в российской истории – умирает Константин Победоносцев. Он уже полтора года в отставке, несколько месяцев не доживает до 80 лет. Победоносцев верит только в самодержавие – и давно считает, что все потеряно, все пропало.

Молодой человек из Кутаиси

6 марта в Думу приезжают члены правительства. В ложах сидят семьи министров. На трибуну выходит Петр Столыпин и зачитывает программу правительства. Депутаты сидят тихо, чем удивляют министров – в предыдущей Думе появление Горемыкина на трибуне сопровождалось выкриками «В отставку!» – а тут депутаты молчат. Члены правительства довольны – неужели Дума и правда поутихла и готова к конструктивной работе, удивляются они.

На самом деле настроение депутатов совсем другое. Членов правительства они считают своими злейшими врагами: роспуск Думы, военно-полевые суды, смертные казни, ссылки политзаключенных, покровительство черной сотне – вот имидж власти. Столыпин и его министры кажутся большинству депутатов кровавыми тиранами. Поэтому кадеты решили встретить их появление «гордым молчанием». А социал-демократы как раз собираются высказаться, но после речи премьера.

Речь Столыпина разительно отличается от прошлогоднего выступления Горемыкина. Прежний премьер был уверен, что работать с Думой невозможно, – Столыпин, наоборот, приносит на первое заседание подробный перечень новых законопроектов, которые он хочет предложить депутатам. Это и начатая правительством земельная реформа, и законы, которые должны гарантировать неприкосновенность личности, и реформа местного самоуправления, и поправки в уголовный кодекс, и закон о создании ипотечной системы, и меры по улучшению ситуации с правами рабочих, и школьная реформа. Поразительный контраст с прошлогодними «прачечной и оранжереей».

Любопытно, что, описывая ситуацию в стране, Столыпин употребляет слово «перестройка»: «Страна находится в периоде перестройки, то есть брожения», – уточняет премьер, а значит, каждая деталь любого нового закона может повлиять на будущее страны.

Когда Столыпин заканчивает, слово предоставляется 25-летнему меньшевику Ираклию Церетели – депутату от грузинского города Кутаиси. Он лидер фракции социал-демократов, и ему предстоит от имени Думы отвечать на приветственное послание 44-летнего Столыпина.

Церетели принадлежит к одной из самых известных дворянских семей в Грузии. В 1900 году он поступил на юрфак Московского университета – в самый разгар студенческих волнений. В тот момент, когда 72-летнего Льва

Толстого отлучали от церкви, 18-летний первокурсник Ираклий Церетели был осужден за участие в протестах и отправлен в ссылку в Сибирь, где провел почти три года. В 1903-м Церетели вернулся в Грузию, потом, опасаясь ареста, уехал в Берлин, где поступил в университет Гумбольдта. Словом, к 25 годам у депутата Церетели уже большой политический опыт.

Его совершенно не впечатляет примирительная речь Столыпина. Он говорит, что не может верить всем предложениям премьера, потому что правительство уже «попрало ногами» все существующие законы, «набило каторги и тюрьмы борцами за свободу», применило «средневековые пытки» и так далее. Церетели вспоминает, что в ходе предвыборной кампании власти прилагали все усилия, чтобы не допустить в Думу оппозицию, но народная «ненависть к правительству порвала тысячу преград». Никакой веры Столыпину нет и быть не может, резюмирует Церетели.

С самого начала его ответной речи правые депутаты, в первую очередь представители Кишинева Пуришкевич и Крушеван, кричат: «Ложь!», «Долой!». Председатель Думы просит их помолчать, поскольку «не находит в словах ничего, за что его следовало бы остановить».

Церетели вспоминает, как год назад после речи старого премьера Горемыкина на трибуну вбежал Набоков и сказал: «Исполнительная власть да подчинится власти законодательной!» Теперь уже ясно, говорит он, что исполнительная власть не собирается подчиняться Думе, более того, весьма вероятно, эту Думу распустят, «быть может, через неделю». Но народ, говорит Церетели, добьется своего, с Думой или без Думы, – и воле народа правительству лучше подчиниться, пока не поздно.

Правые депутаты кричат, председатель просит депутата Церетели воздержаться от призывов к вооруженному восстанию. Тот отвечает, что вовсе не призывает к вооруженному восстанию – наоборот, правительство своими репрессивными мерами провоцирует грядущую волну насилия.

Левые аплодируют, правые свистят. На трибуну снова выходит Столыпин – хотя и не собирался. 44-летний глава правительства решает ответить 25-летнему депутату. Он напоминает, что по воле императора Госдуме не дано право выражать правительству своего неодобрения или порицания. Однако он будет рад сотрудничать с той частью Думы, которая готова к конструктивной работе и к конструктивной критике, – он даже будет приветствовать разоблачения многочисленных злоупотреблений, которые случаются в России. По его словам, «в тех странах, где еще не выработано правовых норм», центром власти являются не государственные институты, а люди, а «людям свойственно и ошибаться, и злоупотреблять

властью». Но совсем иначе, предупреждает Столыпин, он будет относиться к депутатам, которые хотят вызвать у правительства «паралич воли», чьи слова, обращенные к власти, сводятся к требованию: «Руки вверх!». «На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "Не запугаете"», – после чего Столыпин покидает Таврический дворец.

Диалог между Столыпиным и Церетели удивительно напоминает разговор слепого с глухим. Каждый из них считает другого абсолютным злом. С точки зрения Церетели, Столыпин – тиран, который своими репрессиями радикализирует население, с точки зрения Столыпина, угроза стабильности – это несистемный оппозиционер Церетели, который раскачивает лодку.

«Мы точно так же, как и вы, дадим ответ перед историей», – говорит Столыпин. С точки зрения истории прав оказался Церетели – все усилия Столыпина в конце концов ни к чему не приведут, он не сможет предотвратить революции. Она произойдет ровно по тому сценарию, который описал 25-летний депутат из Кутаиси.

Суд над Лениным

«Правительство объявило еще раз войну народу», – пишет после открытия Госдумы лидер большевиков, теперь под псевдонимом Николай Ленин. Он живет в Куоккале, это территория Финляндии, правда, всего в часе езды от Петербурга. И каждый день пишет огромные статьи о политической ситуации в столице. Он, как обычно, все время борется, все время кого-то унижает, все время над кем-то издевается – такое ощущение, что он только и делает, что пишет гадости. Ленин упоенно ругает кадетов, эсеров, трудовиков, в общем, всех, кого может, но самая любимая мишень – это ближайшие товарищи, меньшевики. Фракцию социал-демократов в Думе во главе с Церетели Ленин смешивает с грязью с особым наслаждением.

Ленин обвиняет Церетели и меньшевиков в предательстве: по его мнению, единственная цель участия в работе Думы – «разъяснять массам иллюзорность всяких надежд на мирный исход борьбы за власть». Таково решение съезда РСДРП, от которого депутаты не должны отклоняться. Никакого мирного исхода быть не может, только война, только революция, только диктатура пролетариата. С его точки зрения, любая деятельность, которая не направлена на то, чтобы приблизить кровавую развязку, – это предательство и саботаж. Депутаты-меньшевики «укрепляют в массах надежды на мирный исход», возмущается Ленин, а значит, «они дезорганизуют "силы революции" внутри Думы».

Оскорбления Ленина, утверждающего, что меньшевики пресмыкаются перед кадетами, вдруг переполняют терпение однопартийцев. Они решают провести «партийный суд» над Лениным – за то, что он все время издевается над своими же.

Ленина судят девять судей: трое от меньшевиков, трое от большевиков, по одному от латышских, польских социал-демократов и от БУНДа. Речь Ленина на суде только называется защитной – на самом деле она атакующая. Он говорит, что вовсе не он расколол партию, а Церетели и другие меньшевики из Думы. А раз партия раскололась, значит, она мертва и больше не существует. Он считает себя свободным от каких-либо моральных обязательств в отношении однопартийцев, которые оказались предателями. Тех социал-демократов, которые пытаются договориться с либералами, он считает «политическими врагами», будет проповедовать среди народных масс ненависть, отвращение, презрение к ним и будет

вести против них борьбу – на истребление.

На этой откровенной речи суд и заканчивается. Судьям нечего ответить. По сути еще раз повторяется эпизод с народниками в ссылке, когда Ленин заявил товарищам, что на их мнение плюет.

Принцип Ленина: «чем хуже – тем лучше». Он за самые страшные репрессии – потому что они приблизят революцию. В этом смысле он – поклонник Столыпина.

Ленин часто обвиняет своих товарищей в том, что они неясно мыслят. Его ход мыслей предельно четкий – и в ближайшие десять лет не изменится ни на сантиметр. В феврале 1906 года Ленин пишет статью «Вторая Дума и задачи пролетариата». Удивительно, насколько пророческим окажется этот текст:

«Этот бой будет дан не в Думе. Этот бой решит восстание пролетариата, крестьянства и сознательной части войска. Этот бой надвигается на нас всем ходом событий.

Будьте же готовы, рабочие, к серьезным событиям. Не тратьте своих сил понапрасну. Нам не надо ускорять развязки: пусть царь и его черносотенные слуги нападают первые. Им придется нападать на народ, разгонять Думу, отменить избирательный закон, начинать ряд насилий, чтобы развязаться с новой Думой.

Пусть насильники начинают. Пролетариат должен стойко, твердо, выдержанно готовить более и более широкие массы народа к великому, отчаянному бою за свободу. Мы будем вновь собирать новые силы для нового, еще более грозного, решительного выступления, когда разгорится костер левой Думы во всероссийский пожар».

Суд над бизнесом

10 апреля московские власти принимают беспрецедентное решение – приказано выслать из города Павла Рябушинского, одного из самых богатых людей Москвы. Причем руководителя Банкирского дома братьев Рябушинских высылают не из-за проблем в бизнесе, а по политическим причинам. Претензии даже не лично к оппозиционному финансисту, а к принадлежащей ему газете «Утро».

Первое предупреждение газете вынесено в феврале, второе – в марте за фельетон «Диктатор Иванов 16-й», пародирующий Столыпина и описывающий тот день, когда этот «диктатор» распустит нынешнюю Думу. Обычно за подобные тексты наказывают журналистов, причем ссылка – стандартная кара за так называемые «оскорбительные» публикации. Но в этот раз все иначе, в «Утре» оскорбительные тексты появляются регулярно, и, несмотря на многочисленные предупреждения, она продолжает держаться «противоправительственного направления», констатируют власти и наказывают собственника.

Павел Рябушинский – конечно, самый известный оппозиционер среди московских крупных предпринимателей, однако далеко не единственный. Он вместе с другими молодыми наследниками купеческих династий в конце 1905 года создавал «Союз 17 октября», входил в ЦК партии, но уже в 1906 году поссорился с ее руководителем Александром Гучковым. Гучков одобряет репрессивные меры правительства на сто процентов, а Рябушинский – категорически против смертных казней.

Ссылка миллионера – событие нечастое, но у семьи Рябушинских уже бывали подобные проблемы. Только недавно удалось замять дело против жены одного из младших братьев, Веры, – она обвинялась в революционной пропаганде. Чтоб прекратить дело, Павел Рябушинский ходил к премьер-министру. Теперь, после открытого конфликта, адмирес урс для семьи, очевидно, закрыт. Однако младшие братья (они же акционеры семейного предприятия) поддерживают Павла: «Выражаем глубокое уважение к твоему твердому и благородному образу действий», – телеграфируют они ему.

Впрочем, ссылка длится только четыре месяца, и уже через полгода Рябушинский откроет новую газету – «Утро России». «Мы предполагаем создать новый для России тип политическо-культурной газеты, твердо веря, что только мощная культурная работа закрепит все наши политические

завоевания», – напишет он в первом номере, обещая бороться с «многочисленными политическими капризами» власти.

Оскорбление чувств

Император Николай II внимательно следит за заседаниями Думы – ему регулярно приносят наиболее яркие выписки из стенограмм. Одновременно представители правых составляют выписки из думских речей для императрицы – и ничего кроме негодования и отвращения эти сведения у царской семьи не вызывают.

В начале апреля правые депутаты предлагают принять резолюцию, осуждающую политические убийства. Среди депутатов есть представители партии эсеров – да и не только они не могут позволить себе проголосовать за эту резолюцию. Даже кадеты чувствуют, что будут прокляты левой прессой как прихвостни режима. Так что депутаты уклоняются от обсуждения этого вопроса.

Важнейший день наступает 17 апреля. В Думу приезжает военный министр Редигер, чтобы внести законопроект об объявлении очередного армейского призыва. Против выступает депутат от Тбилиси меньшевик Аршак Зурабов. И произносит такую фразу: «Армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонять, и будет терпеть поражения на востоке».

Правые начинают шуметь, председатель Федор Головин пытается их успокоить, они не унимаются, требуют, чтобы Зурабов извинился, – председатель говорит, что не услышал ничего, за что надо было бы извиняться. Военный министр Александр Редигер выходит на трибуну и говорит, что считает ниже своего достоинства отвечать на подобную речь, и уходит. Председатель объявляет перерыв. В перерыве ему дают перечитать стенограмму, и он просит Зурабова извиниться. Но этого мало[90].

О фразе депутата сообщают Столыпину. Он звонит председателю Думы и требует, чтобы Зурабова отстранили от заседаний, – иначе ни один министр больше не переступит порог Думы. Только тут Головин понимает, что дело принимает очень серьезный оборот. Он едет к Столыпину и приносит ему извинения от имени Думы. Премьер говорит ему, что в любом «иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы».

Впрочем, когда выдержки из речи Зурабова показывают императору, он реагирует еще жестче: он говорит, что не понимает, чего еще надо ждать и почему нельзя немедленно распустить Думу. Столыпин отвечает, что, прежде чем распустить Думу, нужно разработать новый избирательный

закон – если новый состав Думы будет избран по старым правилам, будет только хуже. Он обещает императору, что в течение месяца – максимум полутора месяцев – будет написан новый закон, который надо опубликовать одновременно с роспуском нынешней Думы. Кроме того, Столыпин считает, что Думу нельзя распустить без объяснений и без предосторожностей – надо предпринять все усилия, чтобы обвинить в роспуске думских левых. Николай неохотно соглашается.

Посещающие его делегации «русских людей» и жена продолжают настойчиво задавать ему вопрос, когда же Думу распустят, и он все сильнее злится на Столыпина за медлительность.

«Я до сих пор не могу опомниться от всего того, что мне передано о заседании Думы прошлой пятницы, – говорит император министру финансов Коковцову 23 апреля. – Чего еще ждать, если недостаточно того, чтобы открыто призывалось население к бунту, позорилась армия, смешивалось с грязью имя Моих предков». Николай говорит, что готов «выждать несколько дней», но не дольше.

Заговор социалистов

29 апреля 1907 года в общежитии Политехнического института проходит встреча местного кружка социалистов. Присутствуют студенты, солдаты, приходит и молодая активистка Екатерина Шорникова. Она приносит с собой листок, на котором изложена петиция от столичных солдат членам Государственной думы. Суть петиции – вооруженное восстание и свержение существующего строя.

Эта петиция, правда, написана вовсе не солдатами, ее сочинили в петербургской тайной полиции по приказу полковника Герасимова. А Екатерина Шорникова – агент полиции, которая просто переписала текст своей рукой.

Герасимов, которому Столыпин дал поручение найти доказательство вины Церетели и его товарищей социал-демократов, показывает петицию премьеру. Тот считает, что листовку вполне можно считать доказательством заговора. И санкционирует начать аресты в момент передачи петиции от солдат депутатам.

Теперь главная задача Шорниковой – убедить солдат пойти к депутатам и отнести им петицию. Очевидно, что все нервничают, в первую очередь юная, запуганная полицейскими Шорникова, – у нее ничего не получается. 5 мая, в 7:30 вечера, полицейские приходят в офис социал-демократической фракции по адресу Невский проспект, 92. Обыскивают помещение, что является нарушением депутатской неприкосновенности. Ни делегации солдат, ни листовок с петицией при обыске не обнаруживают. Впрочем, уголовное дело все равно заводят – правда, оно строится исключительно на показаниях Шорниковой.

Официальная версия: существует подпольная военная организация, которая под руководством Церетели и фракции социал-демократов планирует восстание, 5 мая группа солдат приходила в офис фракции, чтобы принести петицию, однако она, вместе с другими доказательствами, была уничтожена депутатами – якобы полицейские замешкались с обыском.

На очередном заседании Думы, 7 мая, должен произойти крупный скандал. В предвкушении правая фракция обращается к премьер-министру Столыпину с запросом: правда ли злоумышленники планировали убить императора. Столыпин приезжает на заседание Думы, чтобы отчитаться. Он начинает с того, что вообще-то правительство не обязано разглашать

такую секретную информацию – но, в виде исключения, понимая, насколько это важно, он может открыть пару деталей: да, действительно, был некий заговор неизвестной доселе террористической группы, она обезврежена еще несколько месяцев назад, преступники планировали убить императора и великого князя Николая Николаевича. Общий смысл речи Столыпина: война с терроризмом ведется – и довольно успешно.

В этом контексте вопросы социал-демократов, конечно, довольно невыигрышны для них самих, но они спрашивают, по какому праву был произведен незаконный обыск в штаб-квартире фракции. На это Столыпин отвечает, что обыск был оправданным – потому как удалось раскрыть крупный заговор, к которому причастны члены Госдумы. Фактически премьер констатирует, что члены думской фракции подозреваются в уголовном преступлении. Почти все формальности, нужные для роспуска Думы, соблюдены.

Министр финансов Коковцов утверждает, что никто из членов правительства, даже Столыпин, не знает, что «дело социалистов» – фальсификация. Якобы это самодеятельность тайной полиции, о которой никто даже и не подозревает.

«Берегите Думу»

Угроза роспуска Думы – кошмарный сон для многих депутатов. Главный ее защитник – Петр Струве, который хочет, чтобы Дума превратилась в нормальный орган власти, могла бороться за постепенное реформирование российской политической системы, конструктивно сотрудничала с правительством. Главный лозунг Струве и кадетов: «Берегите Думу». Он все время спорит с правыми, которые говорят, что Дума ведет себя недопустимо и занимается «штурмом власти». «Господа, во имя укрепления русской государственности мы пришли сюда, чтобы вести осаду старого порядка», – доказывает Струве.

Влияние недавнего лидера общественного мнения заметно упало – и не только из-за того, что он стал постоянной мишенью для Троцкого, Ленина и левой печати. На парламентской трибуне этот публицист, так упорно боровшийся за то, чтобы в России явилась возможность высказаться в парламенте, оказался совершенно беспомощен, вспоминает Ариадна Тыркова, возглавляющая во второй Думе пресс-службу кадетов. В марте кадетская фракция поручает ему произнести речь по экономическому вопросу. Он прибегает на трибуну, держа в руках охапку бумаг. Раскладывает свое добро перед собой на пюпитре, несколько раз поправляет всегда сползающее в сторону пенсне, роется в записях. Начинает говорить то слишком тихо, то слишком громко. Бумажки перемешиваются. Он все лихорадочнее перебирает свои записи и, наконец, рассыпает их веером вокруг трибуны. Все бросаются их подбирать. Председатель силится не засмеяться, журналисты и публика хохочут в голос.

С журналистами Струве постоянно ссорится. «Я этого не говорил. Я совсем иначе думал. Эти болваны придали моим словам совсем не то значение. Да как они смели, идиоты?!» – то и дело возмущается он.

Несмотря на имидж «чокнутого профессора», Струве начинает тайные переговоры со Столыпиным – с целью сберечь Думу для дальнейшей работы. Он посещает премьер-министра по ночам, вдвоем с коллегой-депутатом Михаилом Челноковым, свои визиты они называют «научными экспедициями», причем кадеты ведут переговоры втайне от собственной партии, Столыпин тоже пытается скрыть факт общения с либералами, опасаясь нападок со стороны правых. Они несколько месяцев ведут переговоры о том, как сформировать в Думе устойчивое большинство и

какие законы оно сможет принять в первую очередь.

Однако в конце мая, уже после начала расследования дела о депутатах-заговорщиках, Дума начинает обсуждать аграрный закон – причем не в столыпинской редакции, а в собственной. Главным докладчиком становится Николай Кутлер, бывший министр в правительстве Витте, после увольнения перешедший в оппозицию в знак протеста против нежелания властей проводить отчуждение земель у помещиков. План кадетов предполагает отчуждение земель, принадлежащих помещикам, церкви и императору и раздачу этой земли крестьянам в долгосрочное пользование. План Столыпина предполагает, что крестьяне могут покупать землю (в том числе в кредит) через крестьянский банк, который формируется за счет части казенной (то есть государственной) земли и земель, уже выкупленных у помещиков. Забирать землю у помещиков Столыпин, конечно, не планирует.

Обсуждение кадетского проекта земельной реформы фактически означает провал затеи Струве найти общий язык с правительством. Именно на этом заседании Столыпин произносит свою знаменитую речь, которая заканчивается так часто цитируемой фразой: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!».

Спустя несколько дней, 1 июня, Столыпин приезжает в Думу и требует отстранить от заседаний всех членов социал-демократической фракции – 55 человек, причем 16 из них должны быть немедленно взяты под стражу. Он обвиняет их в том, что они создали преступное сообщество для насильственного свержения государственного строя путем народного восстания и создания демократической республики. Члены Думы обсуждают, как быть, и предлагают создать комиссию из 22 человек, которые ответят на запрос правительства.

Той же ночью Струве и еще трое депутатов-кадетов отправляются к Столыпину – с последней попыткой уговорить его не разгонять Думу. Зачем же Столыпин пошел на обострение на фоне улучшавшихся отношений правительства и Думы, спрашивает Струве. Столыпин отвечает, что не видит никакого улучшения – но предлагает компромисс: «Освободите Думу от них [социал-демократов], и вы увидите, как хорошо мы с вами будем работать». Кадеты говорят, что Дума не сможет принять такое требование. Тогда Дума будет распущена, и ответственность за это ляжет на кадетов, отрезает премьер.

Депутаты выходят от премьера в полпервого ночи и идут в находящийся неподалеку от дома Столыпина летний парк аттракционов на Елагином острове: пьют шампанское и думают, есть ли выход из

положения.

На следующий день открывается новое заседание Думы, Церетели предлагает немедленно приступить к обсуждению аграрного закона. Председатель возражает, говоря, что его нет в повестке дня. «Когда мы на пороге государственного переворота, то все формальности должны быть отброшены, – возражает Церетели. – Правительство поставило штыки на повестку дня». Впрочем, его предложение отклоняется, Дума идет по повестке дня – и вечером расходится, чтобы уже не собраться. Ночью по всему городу расклеены плакаты с указом о роспуске Думы. Начинаются аресты бывших депутатов, первым арестован Церетели.

А информация о тайных переговорах кадетов со Столыпиным попадает в газеты (правда, пресса узнает имена только двух из четверых ночных гостей премьера: Струве и известного адвоката Василия Маклакова). Вскоре столичная пресса печатает карикатуры на Струве и Маклакова: они стоят, раболепно согнувшись перед Столыпиным, рисунок озаглавлен «Штурм власти». Однопартийцы Струве в ярости – его политическая карьера закончена.

«Бесстыжий» закон

К моменту роспуска Думы, новый избирательный закон уже готов.

Пишет текст все тот же чиновник Крыжановский. Чтобы он раньше времени не утек в прессу, Столыпин даже запрещает закон раздавать министрам – им устно излагают общую концепцию на заседании правительства. Возражений нет.

При подготовке закона было выработано несколько вариантов. Один – более радикальный – был в шутку назван «бесстыжим». Он и понравился императору. «Я за бесстыжий!» – говорит он.

Манифест 3 июня, объявляющий о роспуске Думы и об изменении порядка выборов – настоящий литературный шедевр. Открывается он перечнем преступлений распускаемой Думы: сначала «не оказала нравственного содействия правительству в деле водворения порядка», потом покрывала заговор 55 депутатов. Однако, тем не менее, несмотря на «двукратный неуспех деятельности Государственной думы», император все же верит «в любовь к родине и государственный разум народа». Поэтому считает, что вовсе не народ виноват в том, что он выбирает неправильную Думу, – а несовершенный избирательный закон, из-за которого депутатами становятся люди, «не явившиеся настоящими выразителями нужд и желаний народных». Каким же будет более совершенный закон? «Государственная дума должна быть русской и по духу», – отмечает его автор, чиновник Крыжановский (а вместе с ним император). Это значит, что иные народности «не должны быть вершителями вопросов чисто русских» – в первую очередь это касается Кавказа и Польши, число их представителей в Думе резко сокращено. А в остальных регионах, «где население не достигло достаточного развития гражданственности», выборы вообще отменяются (речь идет, например, о Средней Азии и Якутии).

Но главное – изменяются пропорции представительства. Отныне по одному депутату избирается от 2 миллионов крестьян и от 16 000 землевладельцев. Это значит, что две трети Думы по умолчанию избираются землевладельцами и самыми состоятельными горожанами.

Для многих представителей оппозиционно настроенной части общества словосочетание «третье июня» на много лет останется символом репрессий и пренебрежения законами со стороны власти. Впрочем, консерваторы тоже недовольны – но по другой причине. Если Столыпин хочет на месте непослушной второй Думы создать другую, послушную, то

члены Союза русского народа считают, что Думу вообще надо уничтожить как таковую, вернувшись к старым порядкам, существовавшим до манифеста 17 октября 1905 года. Дубровин говорит, что, если бы Союз русского народа принял участие в выборах Думы, то она на 100 % состояла бы из его членов. Однако Союз этого не делает, потому что считает Думу противозаконным учреждением: «Я не имею права своим участием санкционировать существование этого сборища, посягающего на неограниченные права монарха», – объясняет Дубровин.

Чтобы доказать Николаю, что Дума вообще не нужна, Дубровин постоянно посылает к нему делегации правильных «русских людей». Одно из таких паломничеств – из Царицына – возглавляет монах Илиодор, его одновременно рекомендуют и Союз русского народа, и Григорий Распутин. Илиодора вызывают на собеседование в МВД – он и там читает проповедь о том, что игра с Государственной думой опасна, что ее надо уничтожить (причем всех депутатов-социалистов – физически) и твердо держаться старого догмата о божественном происхождении царской власти. Даже сам царь, говорил Илиодор, не имеет права изменить этот основной закон. На сотрудников министерства Илиодор производит впечатление фанатика-оборванца, решено его к царю не подпускать. Столыпин приказывает выслать монаха и его спутников из столицы. Впрочем, Илиодор не уезжает – его селит у себя покровитель Распутина архимандрит Феофан.

Этот эпизод становится одним из первых проявлений конфликта между Дубровиным и Столыпиным. Союз русского народа начинает мощную кампанию против избрания новой Государственной думы, которая постепенно переходит в кампанию против самого премьера. Ситуация странная – потому что правительство является основным источником финансирования Союза. Столыпина все это возмущает, он совершенно не собирается превращаться, как Витте, в постоянную мишень правой прессы. Премьер поручает главе тайной полиции Герасимову разобраться с Дубровиным – а до выяснения проблемы прекратить финансирование.

Вскоре глава Союза русского народа сам приходит просить денег, а также обещает, что постарается не допускать никаких выпадов в адрес премьер-министра, – даже клянется перед иконой, что отныне будет лично следить за всеми публикациями в правых газетах. Герасимов идет к Столыпину – доложить, что проблема устранена, Дубровин поклялся. Премьер отвечает, что не очень верит в клятвы Дубровина, однако соглашается выделить ему 25 000 рублей[91]. Буквально на следующий день в дубровинском «Русском знамени» выходит едва ли не самая резкая статья против Столыпина – и Дубровин снова объясняет, что не уследил (скорее

всего, так и было).

В результате Столыпин приказывает больше не давать деньги Дубровину, а распределять их через его заместителя, Владимира Пуришкевича, бывшего депутата Госдумы от Кишинева. Так в Союзе русского народа начинается раскол: сначала Дубровина начинают обвинять в растрате партийной кассы, он переводит стрелки на Пуришкевича, а тот в знак протеста выходит из Союза, забирая с собой существенную часть госфинансирования – чтобы создать новую правую партию, «Союз Михаила Архангела».

Лучшая подруга

30 апреля 1907 года 22-летняя фрейлина императрицы Аня Танеева выходит замуж. Ее жених – морской офицер Александр Вырубов, сама же Танеева – хоть и не красавица, но крайне завидная невеста, ее отец заведует императорской канцелярией, а еще девушке очень симпатизирует императрица. Правда, выйдя замуж, Танеева должна будет покинуть службу при дворе – что ее очень угнетает. Аня обожает императрицу, императора, а мужа совсем не любит.

За неделю до свадьбы императрица просит свою ближайшую на тот момент подругу, черногорку великую княгиню Милицу, познакомить Аню с Григорием Распутиным. Странник производит на девушку очень мощное впечатление: «Худой, с бледным, изможденным лицом; глаза его, необыкновенно проницательные, сразу меня поразили и напомнили глаза отца Иоанна Кронштадтского». К «всероссийскому батюшке» у Ани очень трепетное отношение – она считает, что в детстве он исцелил ее от оспы.

«Попросите, чтобы он помолился о чем-нибудь в особенности», – говорит великая княгиня фрейлине по-французски. Аня просит сделать так, чтобы она могла всю жизнь быть рядом с императрицей. «Так и будет», – отвечает Распутин. Уже потом она вспоминает, что ничего не спросила про свадьбу, – и просит Милицу спросить странника и об этом. Он передает такой ответ: «Ты выйдешь замуж, но счастья в твоей жизни не будет».

Свадьбу празднуют в Царском Селе, на венчание приходит вся царская семья: император с императрицей, их дочери и даже 16-летний кузен царя, великий князь Дмитрий, который через десять лет станет одним из убийц Григория Распутина.

Семейная жизнь Вырубовых сразу не задается. Потом при дворе будут ходить самые разнообразные слухи о том, что произошло в первую брачную ночь – якобы жених сильно напился, был крайне груб, а невеста так перепугалась, что попыталась любыми средствами избежать секса. Как бы то ни было, молодожены практически перестают общаться. По словам Ани Вырубовой, психика ее мужа не в порядке – он до сих пор переживает нервное потрясение после Цусимы; в основном он целыми днями лежит в постели, ни с кем не разговаривая. Иногда, как рассказывает Аня друзьям, муж ее бьет.

Во время одного из таких «припадков» она звонит по телефону императрице и просит о помощи. Александра немедленно надевает пальто

поверх открытого платья с бриллиантами и пешком из дворца идет в дом к Вырубовым (они живут в Царском Селе неподалеку). Вскоре муж уедет лечиться в Швейцарию, а через год Аня попросит у него развода.

Эта несчастная семейная жизнь окажет огромное влияние на российскую историю. 23-летняя Аня становится самой близкой подругой 36-летней императрицы, самым надежным ее советчиком. Аня правда очень любит Александру Федоровну и не терпит, когда о ней плохо отзываются. В течение последующих десяти лет она будет внимательно и аккуратно пересказывать императрице все городские слухи и сплетни, будет жаловаться на всех, кто что-то не так сказал про императрицу или косо на нее посмотрел. Для нелюдимой и замкнутой Александры Аня Вырубова станет главным источником информации о внешнем мире.

Даже после развода Аня останется жить в маленьком домике в Царском Селе, который они снимали с мужем, – и со временем этот маленький домик станет важным центром принятия государственных решений. Вырубова, кстати, так и не вернет себе официальную позицию фрейлины – она будет считаться просто подругой императрицы, безработной подругой.

«Слава Богу, нет парламента»

Выборы в третью Думу начинаются в сентябре. Если в первую кампанию власти не вмешивались вообще, во вторую робко начали применять администрации, то теперь они делают все возможное, чтобы избрать послушную Думу. «Новый закон дал в руки правительства сильное и гибкое орудие для влияния на выборы», – без зазрения совести вспоминает автор «бесстыжего» избирательного закона чиновник Крыжановский.

Впрочем, если на службе у князя Мирского и Булыгина Сергей Крыжановский ограничивался обязанностями копирайтера, то теперь он становится полноценным политтехнологом – правой рукой Столыпина. Именно он отвечает в царской администрации за правильное проведение выборов[92]. Он вызывает к себе губернаторов, поручает им провести в Думу нужных кандидатов, а также выдает им деньги на избирательную кампанию. Московский губернатор Джунковский, к примеру, вспоминает, что Крыжановский при нем «открывает железный шкаф», туго набитый пачками денег, и предлагает ему взять 15 000 рублей[93], «если это не мало». Московский губернатор отвечает, что такая большая сумма ему не нужна («Я не подозревал, что мне хотят дать денег для подкупа, я даже не допускал этой мысли», – вспоминает Джунковский). В итоге Крыжановский дает ему 5000[94] и напутствует словами: «Если будет мало, вы всегда можете получить еще». И берет расписку, что деньги «даются бесконтрольно на выборы». Остальные региональные руководители (например, московский градоначальник Анатолий Рейнбот) получают куда более значительные суммы.

В результате в Думу проходит большое количество лояльных Столыпину кандидатов, хотя безоговорочно его поддерживает только «Союз 17 октября» во главе с Александром Гучковым, с разнообразными правыми дело обстоит сложнее. Сторонников Дубровина в Думе нет, зато есть Владимир Пуришкевич. Наконец, впервые в Думу проходит Павел Милюков, который становится лидером кадетской фракции. Кандидатуру Струве кадеты даже не включают в избирательный список.

Новая Государственная дума собирается 1 ноября – и сразу демонстрирует, что будет работать совсем иначе. Во вступительной речи Столыпин обвиняет левых «в открытом разбойничестве, развращающем молодое поколение», и говорит, что им «можно противопоставить только

силу». Депутаты аплодируют. Новый председатель Думы Николай Хомяков обещает членам правительства, что даже кадеты «будут их ругать только для очистки совести». Впрочем, на одном из первых заседаний даже с кадетами случается проблема. Один из самых известных земцев, вдохновитель знаменитого тверского воззвания императору 1894 года (про «бессмысленные мечтания») Федор Родичев в присутствии Столыпина произносит эмоциональную речь о судебном произволе. Скоро нынешнее правосудие назовут «столыпинским галстуком», говорит Родичев, изображая жестом петлю вокруг своей шеи. Правые депутаты и октябристы начинают возмущенно кричать, вскакивают с мест. Столыпин и все министры покидают зал. За ними бежит председатель Хомяков. Потом выходит и Родичев в окружении однопартийцев. Дочь Столыпина Мария вспоминает, что ее оскорбленный отец решает вызвать депутата на дуэль и даже посылает к нему секундантов. Но коллеги по Думе пытаются уладить вопрос: Родичева вызывают в министерский павильон, он извиняется перед премьером. Через час он повторяет извинения публично – с думской трибуны. Депутаты же голосуют за то, чтобы изгнать Родичева из Думы на 15 заседаний.

Очевидно, что это воспитательная процедура, которая должна установить новую схему отношений между законодательной и исполнительной властью. Полгода назад ни Зурабов, ни Церетели не извинялись за свои слова – теперь одних извинений уже недостаточно.

Еще одним характерным эпизодом в работе новой Думы становится голосование по вопросу об осуждении политического террора. Особого смысла в этом нет, но Столыпин настаивает. В этот раз депутаты принимают декларацию подавляющим большинством.

Александр Гучков, лидер октябристов, становится новой «правой рукой» Столыпина. Он считает, что Дума и правительство должны эффективно взаимодействовать, и берет на себя роль постоянного посредника между Столыпиным и депутатами. Он встречается с премьером в среднем два раза в неделю, рассказывает ему про настроения среди депутатов и организует беспрепятственное принятие правительственных законопроектов.

Самым ярким моментом в жизни третьей Думы становится обсуждение убыточности российских железных дорог. Павел Милюков, примеряющий на себя роль лидера оппозиции и главного, хоть и осторожного, оппонента правительства, в Думе заявляет министру финансов Коковцову, что он требует создания парламентской комиссии, которая бы разобралась в этом вопросе. Министр отвечает, что ему это

предложение кажется неприемлемым: «У нас, слава Богу, нет еще парламента». Левые свистят, правые, как вспоминает Коковцов, реагируют на его слова «бурей аплодисментов».

Скандал вызывают вовсе не слова министра финансов. Уже после его отъезда из Думы председатель Хомяков, призывая к порядку, говорит: «Я не имел никакой возможности остановить министра финансов, когда он сказал свое неудачное выражение» – и просит воздержаться от обсуждения его слов. Теперь Столыпин приходит в ярость – он считает, что члены Думы не имеют права давать подобные характеристики министру, он не видит никакой бестактности в словах Коковцова, зато слова Хомякова считает недопустимыми. И председатель Думы извиняется за то, что повел себя «некорректно» в отношении министра.

Одновременно проходят суды над представителями предыдущих дум. Процесс 55 депутатов-социалистов объявлен закрытым – для «сохранения общественного порядка», в знак протеста подсудимые отказываются от защитников и удаляются из зала суда. Заочно они признаны виновными и отправлены на каторгу. Основными аргументами суда являются решения зарубежных съездов РСДРП, призывающие к революции в России.

Судят и депутатов первой Думы, подписавших «выборгское воззвание». Все они приговорены к трем месяцам тюремного заключения. Когда бывший глава Думы Муромцев выходит из зала судебного заседания, его забрасывают цветами – и затем полицейские сопровождают его в Таганскую тюрьму.

Глава 9
В которой фанат искусства Сергей Дягилев и религиозный фанатик Илиодор пытаются быть независимыми от государства и даже использовать его в своих интересах

Русский шик в Париже

В октябре 1906 года в парижском Гран-Пале открывается выставка русского искусства. Главный гость вернисажа – 59-летний великий князь Владимир, президент Императорской академии художеств, дядя императора Николая II, один из самых старших и авторитетных членов дома Романовых. Всего год назад он командовал Петербургским военным округом и поэтому в России считается ответственным за расстрел шествия рабочих в Кровавое воскресенье. Однако в Париже его знают как мецената, покровителя русского искусства.

Год назад Владимир обиделся на племянника и его жену за то, что они не одобрили брак его сына Кирилла и изгнали его из страны. Теперь Владимир с семьей большую часть времени проводят в Европе.

Такой выставки французская публика еще не видела: экспозиция начинается с икон (что само по себе новшество), потом идет живопись XVIII века, за ней сразу современное искусство: Врубель, Серов, Бенуа, Бакст. И никаких «передвижников». Автор идеи и куратор – 34-летний Сергей Дягилев.

Успех невероятный: пресса в восторге, приходят и президент Франции, и все знаменитости. Великий князь очень доволен, и Дягилев убеждает его, что успех нужно закрепить и привезти русскую оперу. Владимир согласен.

Не все друзья Дягилева в восторге от его бизнеса – Бенуа, например, говорит, что брать деньги у великих князей опасно. Бывший придворный художник Серов, который после Кровавого воскресенья не работает для дома Романовых, считает, что иметь дело с палачом неприлично. Дягилев отвечает, что организовывать заграничные выставки без больших денег нельзя, а кроме царской семьи их никто не даст[95].

Дягилев привозит выставку в Берлин, проводит экскурсию для императора Вильгельма. Кайзер долго разглядывает портрет самого Дягилева работы Бакста, спрашивает, что за старушка изображена в углу, – это старая няня Дягилева Дуня. Германский император начинает расспрашивать Дягилева, как дела у няни.

Образ жизни европейской знаменитости очень нравится Дягилеву. Бенуа вспоминает, что он в восторге от своих великосветских знакомств и бредит новыми. В 1907 году он привозит в парижскую Гран-опера молодую звезду, 33-летнего Федора Шаляпина.

Великий князь Владимир любит пышность – Дягилев ориентируется

на вкус спонсора. Великий князь продолжает платить (не столько из своего кармана, сколько «пробивая» госфинансирование), и когда в 1908-м Дягилев ставит в Гран-опера «Бориса Годунова» с Шаляпиным в главной роли, по роскоши костюмов и богатству декораций эта постановка превосходит все предыдущие. «Чтобы французы рехнулись от величия» – так описывает он свой замысел композитору Николаю Римскому-Корсакову, который дорабатывает для него оперу Мусоргского. Спектакль превращается в экзотический карнавал, вымышленную русскую старину. Великому князю Владимиру так нравятся костюмы, что он решает выставить их в Эрмитаже.

Расположение князя спасает Дягилева. Затраты на постановку «Бориса Годунова» в Гран-опера так велики, что окупить их просто невозможно. Чиновники от культуры требуют возбудить против Дягилева уголовное дело о растрате. Но великий князь вступается за импресарио и не дает ходу делу: 100 тысяч франков[96], которые Дягилев был должен подрядчикам, в итоге по ходатайству Владимира выплачены из российской казны.

Святой террор

На левом берегу Сены живут двоюродный брат Дягилева, Дима Философов, и его партнеры, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. Переехав в Париж, они продолжают изобретать собственную версию христианства. В 1905 году Мережковский сформулировал, что «самодержавие – от Антихриста», а позже, что «русская революция – не только политика, но и религия». В Париже они знакомятся с Борисом Савинковым и другими эмигрантами-революционерами.

Для «троебратства», как они себя называют, революция становится новой религией. Сначала Мережковский пишет статью «Бес или Бог?» – фактически это ответ покойному Достоевскому, назвавшему свой роман о революционерах «Бесы». Мережковский описывает мучения эсеров-террористов, сравнивая их с первыми христианами: «Он приняли муки и смерть, чтоб возвестить эту "благую весть", исповедовать новую религию».

Террорист Борис Савинков максимально далек от христианства, но очень нравится Зинаиде, она часами расспрашивает его о чувствах, которые он испытывал, убивая.

Савинков показывает ей свои стихи, она уверяет его, что он талантлив, дарит ему свой литературный псевдоним «Ропшин» и уговаривает заняться литературным творчеством.

Оправдание насилия во имя революции – главная тема, которую обсуждают Гиппиус, Мережковский и Философов. Они пишут философский трактат «Царь и революция», который начинается как политологический анализ ситуации в России от Дмитрия Философова и переходит в беспрецедентное оправдание терроризма от Зинаиды Гиппиус.

В своей статье «Царь-папа» Философов приходит к выводу, что Россия – теократическое государство, император является главой православной церкви, как римский папа – глава католической, поэтому любая борьба с режимом упирается в необходимость уничтожить православие. Николай II не может дать конституции, пишет Философов, потому что для него это значит изменить своей вере, то есть чтобы уничтожить самодержавие, начать нужно с православия.

Но самую важную главу в сборнике – которая называется «Революция и насилие» – пишет Гиппиус. Она приходит к тому, что убийства, которые совершены во имя революции, можно и нужно оправдать. Ведь случаются же убийства, хладнокровно замечает она, которые люди совершают

совершенно спокойно, например на дуэли или на войне, – логично, что убийства, «совершенные во имя будущего и внушенные разумом и нравственным чувством», – это акт священного самопожертвования. По ее мнению, террор против самодержавия богоугоден. В Париже «Царь и революция» получает огромный резонанс, на лекцию Мережковского «О насилии» в Сорбонне приходит такая невообразимая толпа, что ее приходится перенести, чтобы найти помещение побольше.

Жизнь за царя

Как раз в это время Борис Савинков увлекается новой идеей. Разочаровавшись в прежней стратегии террора – работе маленьких секретных групп, которые годами выслеживают своих жертв, – он хочет вывести террор на новый уровень. Ситуация в России требует более масштабной борьбы, нужно создать армию террористов, тайный орден убийц, который возглавит Гершуни, а Савинков и Азеф будут помогать. Однако ни Гершуни, ни Азефу этот план не нравится. Азеф говорит, что если в организации будет больше 50 человек, то избежать проникновения туда агентов полиции не удастся. ЦК партии эсеров не поддерживает Савинкова.

Вместо этого Гершуни предлагает сосредоточить все усилия на одной мишени – императоре. Убийства Сипягина, Плеве и великого князя Сергея уже вынудили правительство пойти на реформы, за которыми последовала реакция. Сейчас нужно воссоздать Боевую организацию, чтобы убить Николая II.

Такая попытка уже предпринималась весной 1907 года. Террористы, не связанные с ЦК партии эсеров, завербовали казака из личной охраны царя. Он охотно рассказывал, как лучше подобраться к Николаю II во время прогулки и в какие дни во дворце бывает Столыпин. Но оказалось, что с самого начала он докладывал обо всем начальству. Боевая группа была арестована, о чем и отчитывался Столыпин в апреле 1907 года, готовясь к роспуску второй Думы.

Теперь Азеф предлагает Гершуни несколько способов убить императора. Найти убийцу среди членов Союза русского народа, которых Николай II принимает довольно часто и которые не вызывают подозрений, оборудовать чайную Союза неподалеку от мест, где Николай II обычно охотится. Есть более технологичные идеи: изобрести летательный аппарат, с которого можно было бы убить императора, или подводную лодку, чтобы потопить его прогулочную яхту.

В октябре 1907 года Гершуни как раз выбирает план убийства императора, когда ему приходит письмо от однопартийцев из Саратова, в котором говорится, что Азеф – полицейский агент. Лидер партии верит Азефу как себе – и не может представить, что его преемник, человек, организовавший все самые важные теракты, – предатель. Но и отмахнуться не может, поэтому просит саратовских коллег провести расследование.

В Петербурге тем временем арестовывают большую группу террористов, которая готовила самый масштабный теракт в российской истории: эсеры, выдававшие себя за аккредитованных в столице иностранных журналистов, должны были взорвать Государственный совет – верхнюю палату российского парламента. Участники группы уверены, что их выдал кто-то из своих.

Здоровье Гершуни после сибирской ссылки подорвано, он едет в Швейцарию, где у него находят опухоль – саркому легкого – на последней стадии. Известие деморализует парижских эсеров. В марте 1908 года к ним приезжает «Шерлок Холмс революции» Владимир Бурцев – журналист, специализирующийся на разоблачениях незаконных методов работы полиции. Бурцев приходит в ЦК партии и говорит, что у него есть доказательства того, что Азеф – агент. Бурцев даже разработал сложную теорию, что вся Боевая организация эсеров – детище тайной полиции и почти все теракты эсеров – результат заговора властей.

Лидерам эсеров слова Бурцева кажутся бредом, Чернов и его товарищи срываются на него, находят в его расследовании сотни противоречий, а главного источника (агента полиции – перебежчика) называют дезинформатором. Тем не менее теорию Бурцева излагают больному Гершуни. Чтобы доказать несостоятельность всех обвинений, Гершуни хочет с Азефом вдвоем поехать в Россию и убить императора. Скорее всего, оба погибнут, но очистят Боевую организацию от ложных обвинений. Через несколько дней Григорий Гершуни умирает.

Так с коротким интервалом умирают Михаил Гоц и Григорий Гершуни, самая мощная оппозиционная партия в России лишается своих харизматичных лидеров. 35-летний публицист и теоретик Виктор Чернов очень уважаем, но однозначным лидером партии не становится. А саратовское расследование, заказанное Гершуни, так и не будет окончено.

Ленин на тонком льду

Зимой 1907 года Николай II вызывает к себе главу столичной тайной полиции полковника Герасимова, чтобы выяснить, почему никак не удается окончательно разделаться с террористами. Император очень нервничает из-за продолжающихся убийств чиновников – в частности столичного градоначальника фон дер Лауница. Николаю II не по чину принимать полковника, по неписаным правилам Герасимов даже не имеет права сидеть в присутствии императора – все полтора часа разговора они стоят у окна и смотрят в парк.

Почему не удается уничтожить всех террористов, спрашивает император. У Герасимова есть простой ответ: Финляндия. Финская граница находится всего лишь в двух часах езды от Петербурга, революционеры легко могут выбираться оттуда в Петербург, совершать преступления и возвращаться. Финская полиция враждебно относится к русской и сама настроена революционно: приезжающих по делам в Финляндию чиновников российской полиции арестовывают и высылают обратно в Петербург, жалуется Герасимов.

Император изумлен. Что же делать? Отменить дарованную Финляндии конституцию, говорит Герасимов. «Я готов все сделать, чтобы положить конец этому невыносимому положению. Я поговорю с Петром Аркадьевичем», – отвечает Николай II.

Удивительно, но Финляндия в 1907 году, оставаясь частью Российской империи, является самой свободной страной в Европе. К этому моменту она находится в составе России почти 100 лет. В 1807 году российский император Александр I заключил союз с Францией (против Англии) и присоединился к «континентальной блокаде» Британских островов. Поскольку Швеция была союзницей Англии, Россия напала на Швецию и к 1809 году оккупировала принадлежавшую ей Финляндию: удовлетворившись этим, Александр уже не мешал Наполеону дальше завоевывать Европу. В 1812 году Наполеон закончил все свои дела в Европе и напал на Россию. Потом война закончилась, дым развеялся, и империя Наполеона рухнула, а Финляндия так и осталась автономным княжеством (со своей конституцией и сеймом) в составе России.

Проблемы возникли на рубеже веков, когда статс-секретарем Финляндии стал Плеве. Он, вместе с генерал-губернатором Николаем Бобриковым, начал русификацию Финляндии: введение русского языка в

делопроизводство, пересмотр учебников истории, введение цензуры, распространение русских школ, наконец, обязательная воинскую повинность для финнов в составе российской армии. Это настроило население Финляндии против России. В 1904 году и Плеве, и Бобриков убиты – они так и не увидели результата своих реформ. А он таков: оппозиционно настроенная Финляндия становится очагом русской революции 1905 года. Здесь прячутся от властей Гапон, Милюков, Троцкий, сюда плывет «Джон Графтон», именно финские националисты добывают основное финансирование для русской революции (в том числе у японцев).

Финская революция побеждает. К 1906 году все законы Бобрикова и Плеве отменены, более того, Финляндия оказывается первой в Европе страной, обладающей всеобщим избирательным правом, в том числе и для женщин. Финляндия становится российским внутренним политическим офшором.

Но в 1907 году все разворачивается обратно. Николай II действительно просит Столыпина «положить конец этому невыносимому положению». В октябре 1907 года правительство распускает финский сейм. Российские власти начинают постепенную зачистку Финляндии от русских революционеров – всем им приходится переместиться в Западную Европу.

В декабре 1907 году из Хельсинки (тогда – Гельсингфорс) уезжает Ленин. Он садится в поезд, который идет до Турку (тогда этот город называется Або), но в пути Ленину кажется, что за ним следят агенты полиции, и он спрыгивает – до Або ему приходится идти пешком. Оттуда ему надо пробраться на пароход, который уходит в Стокгольм, – именно в этот момент Ленин и совершает свой знаменитый переход «по тонкому льду Финского залива», который через много лет будет романтически описываться советскими историками. Идет Ленин не далеко, сам Финский залив он пересекает все же на пароходе. Но лед действительно трещит под ногами, и Ленин уверен, что провалится. В голове только одна мысль: до чего же глупо погибнуть таким образом! Через месяц он приезжает в безлюдную Женеву. Никаких перспектив: в России стабильность, революция подавлена, и Ленин уныло размышляет, что в этом мрачном городе его и похоронят.

В мае 1908 года Столыпин предлагает Думе свой план решения финского вопроса. Поколения финнов считают свою страну особым правовым государством. Однако, говорит Столыпин, у России тоже есть права: не зря Петр Великий «проливал потоки русской крови» на берегах Финского залива, когда строил на границе с Финляндией столицу, Петербург. Отказ от Финляндии «нанес бы беспримерный ущерб русской

державе», поскольку сокровище русской нравственной, духовной силы затрачено в скалах и водах Финляндии». Депутаты рукоплещут и предоставляют правительству самые широкие полномочия в отношении Финляндии. В течение двух лет автономия Финляндии будет почти полностью ликвидирована.

Столыпин не увидит, к чему приведет предложенный им курс, – как не увидели результат своих трудов Плеве и Бобриков. А Ленину еще придется вернуться в Финляндию – в 1917 году именно финны сделают все, чтобы помочь ему прийти к власти.

Масоны. Инсталляция

Открытая политическая дискуссия, привычная в 1905–1906 годах, в 1907-м исчезает. Все разговоры намного чаще ведутся тайно – за закрытыми дверями, в частных клубах.

Разочарование в политике возвращает к жизни старое увлечение – масонские ложи. Масоны существовали в России еще в XVIII веке, в начале XIX века это важный культурный тренд, описанный Толстым в «Войне и мире». Однако в 1822 году Александр I запретил любые тайные общества – и традиция прервалась. Через 85 лет, после роспуска первой Думы, либеральная интеллигенция вновь завозит масонство из Франции. После роспуска второй Думы расцветает тайная масонская жизнь.

8 мая 1908 года в Петербург приезжают масоны Бертран Сеншоль и Жорж Буле, чтобы официально открыть в России самостоятельную ложу «Северная звезда». Церемония происходит дома у знаменитого адвоката Василия Маклакова (это он вел ночные переговоры со Столыпиным, пытаясь спасти Думу от роспуска). Маклаков – депутат и третьей Думы тоже, именно поэтому выбрана его квартира; скопление народа днем у депутата не должно вызвать подозрений. Для постоянных встреч масоны снимают квартиру – прямо над офисом думской фракции кадетов. Еще одну ложу – «Возрождение» – французы открывают в Москве.

Один из первых масонов «новой волны» Давид Бебутов очень гордится тем, что все удалось провернуть тайно (хотя новоявленные масоны обедают в самых многолюдных ресторанах на виду у публики): «Почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем правилам, с полным ритуалом масонство. Масоны устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало».

Тем не менее слухи о масонах распространяются быстрее, чем сами ложи. Правая печать вспоминает термин «жидомасоны», придуманный еще во время правления Александра I, – теперь так называют почти всех немонархистов, которых ненавидят черносотенцы: евреев и интеллигентов-западников. В Думе тоже часто обвиняют во всех бедах масонов, хотя на всю страну их меньше сотни.

Николай II читает правую прессу и верит ей. Он спрашивает у полковника Герасимова про связь между революционерами и масонами. Герасимов отвечает, что масоны не играют никакой роли. Император не

верит, поручает составить доклад о русских и заграничных масонах, а полиции – создать комиссию по борьбе с ними.

Настоящий переполох среди масонов начинается, когда один из «братьев», князь Сергей Урусов, бывший бессарабский губернатор, замминистра МВД, популярный депутат первой Думы, рассказывает в ложе, что Евгений Азеф на самом деле – агент полиции. Урусов это точно знает от зятя и своего лучшего друга Алексея Лопухина, бывшего начальника департамента полиции, то есть бывшего куратора Азефа (того самого Лопухина, который перевернул ход суда над Троцким и Петросовета, когда дал показания против МВД). Новость повергает масонов в ужас. Им не столько обидно за эсеров (хотя и это тоже), сколько страшно за себя, ведь в их рядах тоже могут появиться агенты. На случай обыска они даже уничтожают диплом – символический документ из Франции.

Масоны решают предупредить эсеров об опасности. Показательно, что общество безоговорочно против властей и за террористов – борцов с режимом. Не только Гиппиус и Мережковский уверены, что убийство во имя революции оправданно. Многие образованные россияне, включая чиновников, не считают деятельность революционеров-террористов злом, особенно на фоне политики столыпинского правительства.

Масоны против заговора

Предупреждать о предательстве Азефа едет Николай Морозов из московской ложи, бывший член «Народной воли», отсидевший в Шлиссельбургской крепости больше 20 лет (и придумавший в заключении «новую хронологию», теорию, что миру всего 20 веков, а вся история «до нашей эры» – это подлог и ошибка в датировке). В мае 1908 года он приезжает в Париж и встречается с другом юности народовольцем Марком Натансоном, теперь членом ЦК партии эсеров. Тот и слышать ничего не хочет и советует Морозову молчать про Азефа, иначе, невзирая на прошлые заслуги, он станет врагом эсеров.

Тем не менее Натансон создает следственную комиссию, которая за полгода так и не обнаруживает предателя. «Шерлок Холмс» Бурцев продолжает говорить о своих подозрениях и в августе на очередном съезде в Лондоне лидеры эсеров решают привлечь журналиста к партийному суду – за то, что он клевещет на Боевую организацию, называя ее детищем МВД. Судьями выбирают трех самых уважаемых ветеранов оппозиции: это князь Петр Кропоткин (61 год, 32 года в эмиграции), Герман Лопатин (63 года, больше 30 лет попеременно то в тюрьме, то в ссылке, то в эмиграции) и Вера Фигнер (56 лет, была приговорена к смертной казни, после чего провела 20 лет на каторге). Три живые легенды не могут ошибиться.

Решение провести общественный суд в Париже нравится далеко не всем. Савинков, например, против суда, который только лишний раз прославит Бурцева. Боевая организация не должна унижаться до разговоров, когда вопрос идет о ее чести: смыть позор нужно новыми удачными терактами.

Но Чернов и Азеф настаивают на суде. Савинков предлагает Азефу поехать вместе в Россию: если их арестуют или даже казнят, это реабилитирует Боевую организацию, – говорит Савинков. Но Азеф ехать не хочет, он считает, что только суд над Бурцевым «вскроет нелепость всех этих подозрений».

Тем временем о предстоящем парижском суде над Бурцевым становится известно в России. Это очень расстраивает масонов, которые начинают придумывать, каким способом вывести Азефа на чистую воду, как помочь Бурцеву. Очевидно, ему нужна помощь – например, в виде свидетеля, чьи показания смогут переломить ход дела. Они договариваются с главным источником информации об Азефе, Алексеем Лопухиным.

В начале сентября масоны посылают Бурцеву письмо с указанием, где он может найти Лопухина. В назначенный день, 5 сентября 1908 года, «Шерлок Холмс» стучится в купе поезда, следующего по маршруту Кельн – Берлин. В нем сидит бывший главный сыщик российской полиции. Они начинают светскую беседу.

Поезд уже подъезжает к Берлину и только тут Бурцев начинает рассказывать, что раскопал, наконец, кто «крот» в партии эсеров. Бурцев хочет услышать только «да» или «нет». И не может поверить своему счастью, когда Лопухин сам называет имя: агентом полиции был «инженер Евно Азеф». Всем знакомым лидер Боевой организации известен как Евгений Филиппович, и только Лопухин, как бывший куратор, знает точно имя Азефа по паспорту.

Устал и уходит

27 мая 1908 года с официальным визитом в Россию приезжает английский король Эдуард VII, которого называют «дядей Европы»: он сын королевы Виктории, дядя и российской императрицы, и германского императора, а его жена – английская королева – родная тетя Николая II, то есть сестра его матери, Марии Федоровны. Два монарха должны обсудить новый военный союз между Россией, Англией и Францией – Антанту.

Этот визит – большая головная боль. Эдуард VII хочет приехать в Петербург, Николай II против: «Он привык у себя в Англии свободно повсюду ходить, а потому и у нас захочет вести себя также. Я его знаю, он будет посещать театры и балет, гулять по улицам, наверно, захочет заглянуть и на заводы, и на верфи», – беспокоится царь, ведь в России всего этого нельзя – кругом террористы. В итоге встречу переносят в спокойный Таллин (тогда – Ревель).

А террористы действительно не дремлют. Задолго до визита короля Азеф сообщает полковнику Герасимову, что готовится покушение на Николая II – как раз когда он поедет в Ревель. Есть два плана: напасть на царский поезд или совершить покушение во время поездки в загородное имение одного из придворных. Азеф удачно срывает обе попытки, но заявляет Герасимову, что устал, прекращает работать на полицию и хочет «спокойно пожить частной жизнью». Герасимов не отговаривает его и даже обещает сохранить за ним жалованье в 1000 рублей[97] в месяц.

Ревельское свидание императоров неожиданно отзывается на другом конце Европы – в Турции начинается революция. Среди офицеров в Салониках (важный центр Османской империи) проходит слух, что Николай II и Эдуард VII договорились о разделе Турции и отделении от нее Македонии. С этого заблуждения и начинается восстание младотурок.

Турецкий образец

Движение младотурок давно развивалось в эмиграции: турецкие революционеры ходили одними улицами с российскими в Париже и Женеве. Младотурки, в отличие от российских революционеров, не отягощены идеологией марксизма, они лишь протестуют против коррумпированного авторитарного государства, бюрократии и лично султана Абдул-Хамида II. Все младотурки – и западники, и патриоты-османисты – хотят сохранения огромной Османской империи (в которую входят части современных Греции и Болгарии, территории современных Албании, Косово, Македонии, Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Ирака, Иордании, частично Саудовской Аравии, Йемена и Ливии).

3 июля 1908 года начинается восстание. Захватив власть в Македонии, младотурки заявляют, что не хотят свергать султана, а только требуют конституции. Правительство уходит в отставку, 24 июля султан Абдул-Хамид выходит на балкон своего дворца и заявляет: «Дети мои, я всегда был конституционалистом. В том, что конституция запоздала, виноваты окружавшие меня дурные советники. Даю клятву Кораном и мечом защищать конституцию». По всей стране празднуют начало новой жизни.

Революция младотурок отчасти становится отголоском российского манифеста 17 октября 1905 года: успех российской революции вдохновлял турецких борцов за конституцию. Но когда младотурки добиваются успеха, российская революция переживает не лучшие времена. Турецкая выглядит стабильнее: лидеры младотурок контролируют армию. Теперь турецкая революция становится образцом для российских оппозиционеров.

В январе 1909 года в Константинополь едут русские масоны – перенимать опыт у турецких товарищей. Малоизвестных российских политиков Урусова, Бебутова и Маргулиеса встречают самые авторитетные младотурки-масоны: новый глава парламента Ахмед-Риза, а также будущие руководители страны Талаат и Энвер. В кабинете Ахмеда-Ризы они сталкиваются с другим гостем из России – октябристом Александром Гучковым, правой рукой Столыпина. Увидев его, российские масоны немедленно выходят, не подав ему руки. В коридоре Бебутов объясняет турецким коллегам, «какой "друг" Гучков и какой это либерал». Талаат благодарит и успокаивает их: «Можете быть спокойны, что Гучков кофе не получит». Впрочем, именно Гучков станет самым большим поклонником младотурок в России и будет следовать их примеру в своей политической

деятельности.

В апреле 1909 года, меньше чем через год после революции, в Турции начинается реакция и репрессии против младотурок. Однако революционеры, опираясь на верные им военные части, свергают Абдул-Хамида II и провозглашают новым султаном его младшего брата Мехмеда. Он становится первым в истории Турции «конституционным султаном».

Российские же масоны постепенно теряют веру в то, что им удастся достичь такого же успеха, как их турецким собратьям. Многие боятся предательства, в сотрудничестве с полицией подозревают одного из лидеров, Давида Бебутова. В 1910 году российские ложи перестанут собираться и примут решение «временно уснуть».

Трагедия Юсуповых

22 июня 1908 года в самой богатой семье России происходит трагедия. На дуэли убит 25-летний Николай Юсупов, старший сын княгини Зинаиды Юсуповой, единственной наследницы богатейшего рода, и графа Феликса Сумарокова-Эльстона, принявшего фамилию своей богатой и знаменитой жены и ставшего князем Юсуповым.

Причина дуэли – несчастная любовь. Родители запретили Николаю жениться на его возлюбленной Марине, она вышла замуж за другого, а страдающий Николай обратился за помощью к известному столичному оккультисту Шинскому. Тот сказал, что ангел-хранитель требует от Николая бороться за свою любовь, и Юсупов вызвал мужа Марины на дуэль.

После смерти старшего сына Зинаида Юсупова близка к помешательству. Николай всегда был гордостью семьи. Теперь единственным сыном Юсуповых остается 21-летний Феликс. И родители начинают прилагать все усилия, чтобы отучить его от дурного поведения. А привычки у избалованного наследника довольно необычные.

Развлекаться по разным заведениям со старшим братом Николаем Феликс начал еще гимназистом. Подростков никуда не пускали, но подруга Николая Поленька, девушка простого происхождения, как-то придумала переодеть Феликса женщиной. Феликсу понравилось: «Я понял, что в женском платье могу явиться куда угодно, – вспоминает он. – И с этого момента повел двойную жизнь. Днем я – гимназист, ночью – элегантная дама».

Вскоре о развлечениях Феликса узнали друзья родителей, но Николай уговорил их молчать. Так продолжалось, пока о похождениях сына не узнал отец, который заявил, что после такого позора ему место не в родном доме, а в Сибири на каторге. «Меня всегда возмущала несправедливость человеческая к тем, кто любит иначе, – рассуждает Феликс Юсупов. – Можно порицать однополую любовь, но не самих любящих. Нормальные отношенья противны природе их. Виноваты ли они в том, что созданы так?»

После смерти брата Феликса отдают на перевоспитание лучшей подруге Зинаиды Юсуповой – великой княгине Элле, сестре императрицы и основательнице Марфо-Мариинской обители. Феликс обожает тетю Эллу, помогает ей в благотворительной работе. Одновременно он сближается с великим князем Дмитрием, племянником Эллы, которого она воспитывает.

Дмитрий на четыре года младше Феликса – он клянется, что заменит ему брата.

Летом они вместе ездят в Крым, зимой живут в Царском Селе. Несколько раз Феликса вызывает к себе императрица, чтобы побеседовать с ним о будущем. Он говорит, что хочет поехать учиться в Оксфорд. «Всякий уважающий себя мужчина, – объясняет Александра, – должен быть военным или придворным». Феликс говорит, что ему предстоит унаследовать огромное состояние, земли, заводы, и правильное управление всем этим – тоже служба отечеству. Императрица отвечает, что отечество не может быть важнее царя, ведь «царь и есть отечество». В этот момент в комнату заходит император. «Феликс законченный революционер!» – сообщает императрица мужу.

Убить императора

23 сентября 1908 года, Кронштадт. Алексей Лопухин недавно признался Владимиру Бурцеву, что Азеф – агент полиции, но об этом пока еще никто не знает. Примерно месяц остается до суда над Бурцевым в Париже. На главной базе российского военно-морского флота император Николай II осматривает только что построенный крейсер «Рюрик», который пригнали с верфи Глазго в Россию. Ни император, ни сопровождающие не знают, что в экипаже есть два человека, завербованных Боевой организацией эсеров. Увидев императора, матросы должны выстрелить в упор.

Эта операция готовилась все лето: сначала в Глазго приезжает Савинков. Он и еще один террорист со стажем, Петр Карпович, в 1901 году убивший министра просвещения Боголепова, проводят собеседования с потенциальными цареубийцами. В команде есть два добровольца, которые хотят помочь эсерам. Поначалу Савинков и Карпович хотят найти на корабле укромное место, где можно было бы спрятаться, незаметно для команды добраться до России – и там напасть на императора во время церемонии приемки корабля.

Вскоре в Глазго к своим помощникам присоединяется и Азеф. Обдумав все детали втроем, они понимают, что шансов выдержать путешествие из Глазго в Кронштадт, да еще сохранить силы для убийства императора, у террориста будет немного. Как раз в этот момент первый матрос-доброволец, помогавший эсерам, заявляет, что он созрел и готов убить царя сам. Потом такое же желание выражает и второй матрос.

Савинков, конечно, опасается, что у них «сломается пружина» и в нужный час они не смогут выстрелить, однако обоих благословляют на дело и выдают оружие. Савинков возвращается к товарищам-эсерам и к друзьям Мережковским в Париж, Азеф – к семье на юг Франции. И оба ждут заветного дня, когда Николай II взойдет на борт «Рюрика» и окажется лицом к лицу с убийцами.

Азеф ничего не сообщает об этом плане своему другу Герасимову – в противном случае смотр на крейсере был бы просто отменен. Но Азеф, похоже, всерьез готовиться доказать свою невиновность на суде – и цареубийство в Кронштадте должно стать его решающим аргументом.

Первый матрос должен поднести императору стакан с лимонадом. И он подносит. И стоит не шелохнувшись. Второй с фонарем в руках

показывает Николаю II трюмы крейсера. И тоже не стреляет.

Савинков, узнав, что покушение не состоялось, пишет, что не удивлен: «Нет ничего удивительного, что «пружина сломалась».

Крах веры

10 октября в Париже начинается общественный суд над Бурцевым, который сразу позволяет эсерам убить его, если он проиграет. Азефа на суде нет, но его «адвокаты» Чернов, Савинков и Натансон очень эмоциональны. В экзальтации они кричат, может ли он назвать более славного борца за свободу, чем Азеф?

– Нет! – отвечает Бурцев. – Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, чем Азеф… но только при одном условии, если он честный революционер. Но я убежден, что он – провокатор, лжец и величайший негодяй!

Судьи постепенно склоняются на сторону Бурцева. Вскоре после начала процесса, 11 ноября, в петербургскую квартиру главного свидетеля Лопухина тайно приходит сам Азеф и требует, чтобы Лопухин отказался от своих показаний. Лопухин пугается, что Азеф пришел его убить, отрицает свой разговор с Бурцевым. Азеф напуган еще больше. От Лопухина он идет к своему другу Герасимову – «осунувшийся, бледный, похожий на затравленного зверя».

«Все кончено, – всхлипывая причитает Азеф. – Мне уже нельзя помочь. Всю жизнь я прожил в вечной опасности, под постоянной угрозой… И вот теперь, когда я сам решил покончить со всей этой проклятой игрой, теперь меня убьют». Он помнит, что сам сделал с Гапоном, которого всего лишь подозревали в намерении сотрудничать с полицией.

Герасимов поражен поступком Лопухина – это он, Лопухин, три года назад перевел Герасимова в столицу из Харькова, он был его начальником. Лопухин – системный человек, зачем он раскрывает революционерам секреты режима? Единственное объяснение Герасимов видит в том, как некрасиво уволили Лопухина. Трепов считал, что Лопухин недостаточно хорошо охранял великого князя Сергея и допустил его убийство, поэтому его отправили в отставку, не сохранив оклада. Герасимов прощается с Азефом, выдает ему 3000 рублей[98] и несколько фальшивых паспортов. Однако Азеф никуда не убегает – он возвращается к эсерам в Париж.

Тем временем в Петербург приезжает член ЦК партии эсеров Андрей Аргунов, чтобы по просьбе судей допросить ключевого свидетеля. 18 ноября Лопухин рассказывает ему о недавнем визите Азефа. А еще через три дня к Лопухину приходит сам Герасимов. С бывшим подчиненным экс-

директор департамента разговаривает смелее и прямо заявляет, что вся жизнь Азефа – это сплошная ложь и двойное предательство, которому пора положить конец, и что он не будет молчать. Герасимов уходит с тяжелым сердцем, для него это двойной удар; потеря лучшего агента и друга (Азефа) и разочарование в своем бывшем руководителе.

Лопухин явно боится, что Герасимов и Азеф, двое профессиональных убийц, постараются заставить его замолчать. Чтобы обезопасить себя, он пишет друзьям и Столыпину, что глава тайной полиции его запугивает, а 23 ноября уезжает в Лондон.

23 декабря 1908 года эсеры собираются, чтобы решить судьбу Азефа. Лопухин во время поездки в Англию еще раз повторил свои показания, большинство руководителей, даже Савинков, голосуют за то, чтобы убить Азефа. Но перед этим решено его последний раз допросить: Чернов, Савинков и еще несколько человек идут к Азефу домой. Он ждет их.

Его товарищи уже проголосовали за убийство, но дают ему последний шанс. Они в глаза говорят ему, что он разоблачен, – и требуют признания. Азеф все отрицает. Они дают ему 12 часов, чтобы передумать, – и уходят. Удивительная психологическая игра, в которой все ведут себя предельно нелогично. Савинков, который три года назад вместе с Азефом заставил Петра Рутенберга убить его ближайшего друга, Георгия Гапона, теперь сам не решается убить своего друга Азефа, против которого выдвинуты куда более страшные обвинения.

Только теперь Азеф собирает вещи и прощается с женой. Всю ночь они бродят по Парижу и разговаривают. Он врет, будто едет в Берлин устраиваться инженером. На самом деле он едет к любовнице, с которой сожительствует уже несколько лет. Двоеженец, двойной агент, Евгений Азеф, вероятно, любит обеих своих женщин и считает, что искренен с обеими. Он уезжает.

Эсеры деморализованы. Некоторые члены партии по-прежнему хотя убить Азефа – они даже снимают виллу в Италии, чтобы заманить его туда, как заманили когда-то Гапона на дачу в Озерках. Но в качестве приманки нужен кто-то из ближайших друзей, например Савинков. Но он хочет забыть о случившемся, как о страшном сне. Азеф тем временем спокойно живет в Берлине, продолжает путешествовать по Европе. Никто его не преследует.

Много шума из-за Азефа

Разоблачение Азефа моментально становится новостью по всей России – а потом и по всей Европе. Суд над Бурцевым заканчивается, эсеры извиняются, весь ЦК партии уходит в отставку. Более того, теперь и Савинкова, и Чернова подозревают в предательстве.

Многие видные члены в ужасе выходят из партии. Вера Фигнер уходит из политики в правозащитную деятельность: вместе с женой Максима Горького Екатериной Пешковой они создают «Парижский комитет помощи политкаторжанам» – первую постоянно действующую правозащитную организацию в истории России.

Всего через неделю Столыпин докладывает о произошедшем царю. Николай II поражен предательством Лопухина. Его арестуют по обвинению в разглашении государственной тайны. Суд над Лопухиным проходит в апреле 1909 года. «Надеюсь, что будут каторжные работы», – пишет царь на принесенном ему отчете о процессе. И действительно, бывшего главу департамента полиции приговаривают к пяти годам каторги. Беспрецедентный приговор, возмутивший многих, в том числе чиновников.

За два месяца до того, в начале февраля, Азефа обсуждают в Думе: происходят едва ли не самые откровенные дебаты за всю историю российского парламентаризма. Для чего вообще существуют спецслужбы, спрашивает один депутат: если судить по делу Азефа, они сами сначала совершают преступления, а потом с ними борются – и тратят на это огромные государственные деньги.

На заседании присутствует Столыпин, который долго доказывает, что ошибок МВД не совершило, что Азеф никогда не был организатором терактов, что правительство не занимается провокациями. Однако в борьбе за стабильность иногда – в виде исключения – приходится использовать уродливые приемы. Конечно, правительство откажется от них, но не сейчас, а чуть позже, когда ситуация позволит. Это, пожалуй, самая примечательная речь за всю карьеру Столыпина:

«Мы, правительство, мы строим только леса, которые облегчают вам строительство. Противники наши указывают на эти леса, как на возведенное нами безобразное здание, и яростно бросаются рубить их основание. И леса эти неминуемо рухнут и, может быть, задавят и нас под своими развалинами, но пусть, пусть это будет тогда, когда из-за их обломков будет уже видно здание обновленной, свободной, свободной в

лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России. И время это, господа, наступает, и оно наступит, несмотря ни на какие разоблачения, так как на нашей стороне не только сила, но на нашей стороне и правда».

Это выступление Столыпина можно считать лучшим в его карьере, а также самым точным выражением логики российского руководителя по сей день. Спустя десятилетия лидеры российского государства будут уверять, что «безобразные леса» – это временное, но необходимое явление, его надо потерпеть ради будущего, а разоблачать власть не следует, так как на ее стороне сила и правда. Конечно, столыпинское обещание ни разу не сбылось. «Уродливые явления» не проходят сами собой, чтобы уступить место «свободе от бесправия», – они только усугубляются, уступая место еще большему бесправию.

Проститутки и хрусталь

Утратив свои «глаза» в террористическом подполье, тайная полиция вынуждена дальше двигаться на ощупь. С одной стороны, власти, конечно, уверены, что Боевая организация эсеров деморализована и неопасна – но фанатики-одиночки и группы, не подчиняющиеся ЦК, никуда не делись. Только теперь информации о них ждать неоткуда. Особенно опасается охрана царя. Новый дворцовый комендант просит Герасимова проверить, что за публика собирается в маленьком домике в Царском Селе, принадлежащем бывшей фрейлине Анне Вырубовой. Туда регулярно приходят император, императрица и сомнительная личность – крестьянин Распутин. Дворцовый комендант просит установить за ним слежку и проверить, не террорист ли?

Герасимову собирают два досье: в первом содержатся сведения о молодости Распутина в Сибири, второе, актуальное, рассказывает о его образе жизни в Петербурге. Сибирское досье сводится к тому, что на родине Распутин вел «безнравственный образ жизни». Слежка в Петербурге показала, что Распутин несколько раз брал на улице проституток и ехал с ними в баню. Полицейские допросили этих женщин – они, по словам Герасимова, описали его как «грязного и грубого развратника». Впрочем, в каких-либо серьезных правонарушениях Распутин не замечен, образ жизни ведет скромный, по ресторанам не ходит, почти не пьет. Тем не менее даже на основании полученных сведений Герасимов делает вывод, что такого человека «нельзя и на пушечный выстрел подпускать к царскому дворцу», и докладывает о полученных сведениях Столыпину. Премьер согласен: «Жизнь царской семьи должна быть чиста, как хрусталь. Если в народном сознании на царскую семью падет тяжелая тень, то весь моральный авторитет самодержца погибнет – и тогда может произойти самое плохое», – говорит Столыпин и решает побеседовать с императором.

Перед разговором Столыпин очень нервничает. И начинает аккуратно: «Знакомо ли Вашему Величеству имя Григория Распутина?» Николай II утверждает, что никогда его не видел, но слышал от жены, что это «очень интересный человек; странник, много ходивший по святым местам, хорошо знающий Священное Писание, и вообще человек святой жизни». Но Столыпин ловит императора на вранье, говорит, что «ему доложили иное». Тогда Николай сознается, что один раз видел Распутина, но настаивает, что

это его личное дело: «Разве мы, я и моя жена, не можем иметь своих личных знакомых? Разве мы не можем встречаться со всеми, кто нас интересует?» На это Столыпин отвечает, что российский император не может даже и в личной жизни делать то, что ему вздумается: «Он возвышается над всей страной, весь народ смотрит на него. Ничто нечистое не должно соприкасаться с его особой». И он пересказывает царю собранные полицией сведения.

Николай II обещает Столыпину, что больше не будет встречаться с Распутиным. А Столыпин после встречи с императором приказывает выслать Распутина из столицы за какое-нибудь административное правонарушение и запретить приезжать в Петербург в течение пяти лет.

Полиция продолжает следить за Распутиным – решено арестовать его по возвращении из Царского Села, прямо на вокзале. Но, выйдя из вагона, Распутин, будто почуяв грозящую ему опасность, бегом проносится через весь вокзал, прыгает в ожидающий его великокняжеский экипаж и уезжает во дворец своей покровительницы, черногорки великой княгини Милицы. Его стерегут возле дворца, но он несколько недель из него не выходит. Решение выслать Распутина как будто забывается.

Грязные танцы

Великий князь Владимир продолжает покровительствовать Дягилеву. И самому дяде императора, и его жене великой княгине Марии Павловне (в семье ее все называют Михень) очень нравится роль европейских меценатов. Михень, принцесса из маленького немецкого княжества, очень амбициозна, она – светская львица и влиятельная дама.

После первых парижских успехов Дягилев говорит, что хотел бы привезти в Париж русский балет. Однако с балетом ему обычно не везет: в 1901 году он не смог поставить «Сильвию» в Мариинском театре, потому что его с позором уволили из дирекции императорских театров. Теперь появляется второй шанс – тем более что его друг Бенуа написал либретто для коротенького балета под названием «Павильон Армиды». Премьера назначена на ноябрь 1907 года. Хореографию ставит 27-летний балетмейстер Михаил Фокин, один из тех бунтарей, что бастовали в разгар протестов в 1905 году. Дягилев приходит на репетицию, чтобы оценить работу друзей. Но театральное начальство терпеть не может Дягилева, особенно после его парижских успехов, – дирекция вызывает полицейских, чтобы те немедленно вывели Дягилева с репетиции. И даже Бенуа не удается помочь другу.

Главную роль в «Павильоне Армиды» играет Матильда Кшесинская – 35-летняя прима императорских театров. В юности она была любовницей Николая II (еще до того, как он стал императором), теперь же Матильда одновременно сожительствует сразу с двумя великими князьями: с 35-летним великим князем Сергеем и 25-летним великим князем Андреем. Андрей – младший сын покровителя искусств великого князя Владимира и Михень, а своему сопернику приходится двоюродным племянником. В 1902 году Кшесинская родила мальчика Вову, который считается сыном великого князя Сергея (хотя Андрей считает его своим сыном). Такая удивительная интеграция Кшесинской в царскую семью делает ее самой могущественной артисткой России.

В последний момент капризная прима отказывается выходить на сцену, «Павильон Армиды» кажется ей не соответствующим ее статусу. Срочно ищут замену – ею становится 26-летняя Анна Павлова, подруга Фокина, активная участница театральной забастовки 1905 года. Увидев ее на сцене, Дягилев приходит в восторг: «Это мы и повезем Париж», – говорит он Бенуа.

Когда дирекция императорских театров отказывает Дягилеву предоставить декорации, великий князь Владимир обращается к племяннику. В январе 1909 года Николай II подписывает распоряжение, которое гласит, что распространение русского искусства на Западе крайне важно и находится под покровительством Владимира и Михень.

В программе намеченных на 1909 год гастролей сразу несколько балетов. Дягилев хочет задействовать влиятельную Кшесинскую, но Фокин категорически против – Кшесинская его однажды уже подвела, он хочет работать только с Павловой. В итоге Кшесинской предлагается главная роль в маленьком «Павильоне Армиды», а Павлова должна танцевать главную партию в «Жизели»; влиятельная прима оскорблена.

4 февраля 1909 года великий князь Владимир умирает в возрасте 62 лет. Дягилев долго плачет над гробом покровителя. На похоронах он встречает императора, который, перекрестившись, говорит: «Да, он вас очень любил». 11 марта дягилевская труппа начинает репетиции прямо в Зимнем дворце – в помещении Эрмитажного театра. Условия роскошные – царские лакеи в перерывах приносят артистам чай и шоколад. Однако репетиции длятся всего неделю: сын покойного покровителя и любовник Кшесинской – великий князь Андрей пишет императору, что Дягилев – грязный делец, «который порочит доброе имя покойного папы», и уже 17 марта царь распоряжается запретить репетиции в Эрмитаже и прекратить выдачу декораций и костюмов. Сама Кшесинская отказывается участвовать в антрепризе.

Дягилев бежит к своей покровительнице Михень. Возникает странная семейная коллизия: мать лоббирует Дягилева, а ее сын Андрей пытается его уничтожить. «Дорогой Ники, как и ожидалось, твоя телеграмма вызвала огромную панику в предприятии Дягилева, – пишет великий князь Андрей императору на следующий день. – Чтобы спасти свое грязное дельце, Дягилев идет на все, включая лесть и интриги». Он предупреждает, что ходатайствовать за Дягилева скоро придет родной брат Андрея, Борис: «Будет просить вернуть декорации и костюмы для Парижа. Мы очень надеемся, что ты на это не клюнешь. Возврат декораций будут лишь уступкой этому грязному дельцу».

Император принимает сторону Андрея и Кшесинской, Дягилева в одночасье лишают всего. Он находит новое репетиционное помещение, в которое артисты переносят свои вещи, но труппу начинают травить в прессе. Больше всех достается 25-летней танцовщице Иде Рубинштейн, наследнице богатейшей семьи еврейских банкиров.

Рубинштейны дружат с московскими купцами-театралами, юная Ида с

детства знакома с Константином Станиславским, другим отпрыском купеческой семьи. Иду не взяли в классический балет, но она за свой счет организовала себе выступления. В конце 1908 года готовился ее спектакль «Саломея» по Оскару Уайльду, который делала звездная команда: режиссер Всеволод Мейерхольд, композитор Александр Глазунов, художник Лев Бакст и хореограф Михаил Фокин. Было очевидно, что спектакль на библейскую тему запретят, поэтому осторожный Бакст предупредил Мейерхольда, что ему лучше отказаться от постановки.

В итоге 20 декабря 1908 года Ида Рубиншейн дала лишь концерт с танцевальными номерами из «Саломеи». В конце «танца семи вуалей» она осталась в платье из бус на голое тело. Публика шокирована, налицо оскорбление чувств верующих, в зал ворвалась полиция и конфисковала голову Иоанна Крестителя из папье-маше. Но вскоре Дягилев приглашает Рубинштейн в труппу, эпатажная танцовщица добавляет проекту скандальности. В газетах пишут, что артисты репетируют голыми, предстоящие гастроли кажутся чем-то грязным и антиправительственным.

Двое верующих и их чувства

Оскорбление чувств верующих, точнее, борьба между православными консерваторами и либеральной интеллигенцией – главный политический сюжет 1909 года. Консерваторы становятся столь влиятельными, что начинают бороться против светской власти, которую обвиняют в преступной бездуховности.

Все начинается 20 декабря 1908 года, когда голая еврейка Рубинштейн кощунственно танцует с головой Иоанна Крестителя. В этот самый день умирает Иван Сергиев, член Святейшего Синода, известный под именем Иоанн Кронштадтский, самый популярный священник в России.

Иоанн Кронштадтский не только самый коммерчески успешный священник-целитель, собирающий многомиллионные пожертвования, но и важная политическая фигура. Он духовный символ Союза русского народа, черной сотни, и главный враг «безбожной интеллигенции». В последние месяцы своей жизни Иоанн Кронштадтский молится о том, чтобы скорее умер Лев Толстой: «Господи, не допусти Льву Толстому, еретику, превзошедшему всех еретиков, достигнуть до праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Которую он похулил ужасно и хулит. Возьми его с земли – этот труп зловонный, гордостию своею посмрадивший всю землю. Аминь», – записывает он в дневнике 5 сентября 1908 года. Впрочем, Толстой переживет Кронштадтского.

Еще при жизни у отца Иоанна появляется множество последователей. Распутин – довольно успешный и модный проповедник, но его совершенно не интересует политика. Другое дело – иеромонах Илиодор, который в 1906 году приезжал в Петербург с требованием распустить, а лучше взорвать Думу. Даже полковнику Герасимову он показался опасным фанатиком.

Илиодор, в миру Сергей Труфанов, как и Иоанн, активист Союза русского народа, проповедник и публицист, проклинающий евреев и интеллигентов. В 1907 году на заседании монархистов в Петербурге Илиодор заявляет: «Предки наши говорили: "По грехам нашим послал нам Господь царя Грозного". А я говорю: "По грехам нашим дал нам Бог Царя слабого!" И вот что надо сделать – как подниму я всю черную Волынь мою и как приведу ее сюда, в город сей – столицу, Санкт-Петербург, враг именитый, и как наведем мы здесь порядок, тогда будет, как надо». Присутствующие смущены. Киевлянин Василий Шульгин называет его мятежником.

Позиция монаха столь радикальна, что вскоре Святейший Синод запрещает ему литературную деятельность (Илиодор не подчиняется). Вскоре после переезда в Царицын (современный Волгоград) в 1908 году иеромонах становится практически хозяином города и превращает его в бастион воинствующего православия. Пламенные проповеди Илиодора собирают огромные толпы слушателей. Он изгоняет бесов, «творит чудеса».

Во дворе монастыря иеромонах сооружает картонного огромного дракона – «гидру революции». В конце проповеди эффектно пронзает ее копьем, как Георгий Победоносец, и отрубает голову (которая за ночь вырастает для нового шоу)[99].

Иеромонах начинает ходить в белых одеждах (что позволено только митрополитам), выезжает к почитателям на белом коне. Все это никого бы не смутило, если бы Илиодор ограничивался нападками на революционеров, Льва Толстого, жидов и интеллигентов. Но он разоблачает и саратовского губернатора, и Святейший Синод, и даже премьер-министра Столыпина. В марте 1909 года церковные власти наказывают Илиодора и переводят его в Минск. Иеромонах едет в столицу искать заступников – и находит. Симпатией к нему проникается Григорий Распутин.

В марте 1909 года Илиодору 29 лет, а Распутину уже 40. Они совершенно непохожи. Илиодор хорошо образован и принят в обществе, он яркий оратор, полемизирующий с ведущими столичными интеллектуалами-монархистами. Распутин, напротив, полуграмотен, необаятелен, в его фан-клуб входят императрица и ее подруги, но дружбы с Распутиным стыдятся. Тщеславному Распутину, конечно, очень хочется славы. Он нанимает журналистов, которые писали бы о нем и от его имени, но безуспешно. Тогда Распутин начинает все больше хвастаться своей близостью к царской семье.

Просьба Илиодора о помощи очень льстит Распутину. Ему нравится умный и популярный Илиодор, ему очень хочется ему помочь, чтобы заодно продемонстрировать собственную значимость. И действительно, решение Синода отменяют. Благодарный Илиодор пишет в очередной статье: «О Григории Ефимовиче кричат во всех жидовских газетах самым отчаянным образом. На него нападает самая гадкая, самая ничтожная часть людей – наша безбожная интеллигенция и вонючие жиды. Нападение последних доказывает нам, что он – великий человек с прекрасной ангельской душой». Илиодор, конечно, преувеличивает – о Распутине пока далеко не кричат. Все это еще впереди.

Секта на Капри

Максим Горький, переселившись на Капри, недалеко от Неаполя, создает там нечто вроде секты. Он снимает огромную виллу, на которой постоянно живут его друзья, гости, ученики. Чем дольше Горький живет за границей, тем больше он идеализирует русский народ. «Нам, русским, в ближайшем будущем принадлежит гегемония над Европой, гегемония интеллектуальная. Они (европейцы) выдохлись, а у нас богатство духовных сил и свежесть. Они к нам обратятся», – записывает слова Горького один из его гостей, писатель-крестьянин Степан Кундурушкин.

Много времени Горький уделяет чтению литературных произведений, которые присылают ему рабочие и крестьяне. Ему нравится, он даже говорит, что в этой литературе много библейского. Настроение Горького становится более религиозным, его в шутку называют «каприйским митрополитом», с гостями он фотографируется на память в библейских позах, например, Горький изображает Авраама, его пасынок Зиновий – Исаака, а друг семьи, глава боевой организации большевиков Леонид Красин – ангела.

На Капри 40-летний Горький близко сходится с 33-летним искусствоведом Анатолием Луначарским. Они вместе начинают придумывать новую религию – без Бога, в основании которой лежали бы принципы марксизма. Оба всерьез увлечены «богостроительством», как они это называют. Горький считает, что религиозный подход к марксизму куда более перспективен, чем традиционный, – потому что простому человеку трудно разобраться в социалистических догматах. Луначарский даже мечтает разработать новые религиозные ритуалы.

Товарищи по партии от затеи Горького не оставляют камня на камне. Плеханов придумывает для Луначарского кличку Блаженный Анатолий. Ленин дважды приезжает к Горькому в гости – отдыхает, купается, ловит рыбу, но, вернувшись в Швейцарию, продолжает нападки на товарища. Самую яркую статью – «Не по дороге» – против религии Горького и Луначарского по просьбе Ленина пишет один из его ближайших друзей журналист Лев Каменев. Болтовню о богостроительстве Каменев называет пошлостью: во-первых, не надо адаптировать социализм для непролетарских слоев, то есть интеллигенции и крестьян. Во-вторых, любую религию для дальнейшего развития общества нужно отринуть: «Мы боремся против "опиума" не для того, чтобы заменить его хмелем».

Тем не менее «богостроители» переходят от теории к практике и начинают проповедовать. На партийные деньги (собранные в том числе грабежами-экспроприациями) на Капри привозят рабочих из России, которым Горький читает лекции по литературе, а Луначарский и другие марксисты – по социализму.

Интеллигенция и педократия

Нулевые годы XX века – период максимальной популярности России за рубежом. Ни до, ни после выходцы из России не были так влиятельны в Европе. «Именно в этот период Европа открыла для себя Россию, – пишет Сомерсет Моэм, сотрудник британской разведки, в романе «Эшенден, или Британский агент». – Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. Русское искусство обрушилось на Европу, как эпидемия гриппа. В моду входили новые фразы, новые цвета, новые эмоции, и высоколобые без малейшей запинки называли себя представителями Intelligentsia».

Классические представители русской интеллигенции, Мережковские, как раз возвращаются из Парижа в Петербург. Зинаида Гиппиус везет с собой рукопись повести «Конь бледный», которую под ее чутким руководством написал Борис Савинков. По сути, это его романтизированные воспоминания – история о том, как группа террористов готовит убийство великого князя. Для того чтобы издать повесть, Гиппиус обращается за помощью к Струве.

Незадолго до отъезда из Парижа Мережковские ссорятся с друзьями, с которыми планировали воссоздать религиозно-философское общество: с Николаем Бердяевым и Сергеем Булгаковым. Мережковские слишком далеко отходят от церкви, а Бердяев и Булгаков, наоборот, становятся более религиозными. Но главный конфликт между ними – и едва ли не главный внутренний скандал в российском обществе после окончания революции – происходит в 1909 году, когда по инициативе Струве выходит сборник статей под названием «Вехи».

Почти все авторы приложили руку к событиям 1905 года, именно они в 1903 году в швейцарском Шаффхаузене создали Союз освобождения, прообраз первой либеральной оппозиционной партии в России. Теперь они разочарованы революцией, ее поражением. Сергей Булгаков констатирует, что общество и государство находятся в оцепенении и апатии, а литература «залита мутной волной порнографии и сенсационных изделий». Авторы «Вех» ставят диагнозы российскому обществу, в статьях постоянно употребляется слово «интеллигенция» (модное у англичан). Хотя каждый автор подразумевает под этим словом что-то свое, чаще всего речь идет о представителях «третьего элемента»: сельских врачах, учителях,

агрономах – то есть, прежде всего, социальной базе эсеров.

Самая остроумная и обидная для читателей статья написана Сергеем Булгаковым, она называется «Героизм и подвижничество». Он начинает с того, что во всем виновата российская власть: она постоянно давит на интеллигенцию, и у той возникает чувство, что она героически сопротивляется. Вечная борьба с режимом, ощущение самопожертвования возвеличивают интеллигенцию в собственных глазах с юности. «Если юный интеллигент – скажем, студент или курсистка еще имеет сомнение в том, что он созрел уже для исторической миссии спасителя отечества, то признание этой зрелости со стороны Министерства внутренних дел обычно устраняет и эти сомнения», – иронизирует Булгаков.

Главную болезнь российского общества Булгаков называет «духовной педократией» – господством молодых. Никто не хочет тяжело работать, все предпочитают сделать невероятное усилие, чтобы одним прыжком переместиться в светлое будущее; люди больше любят бури, чем затишье, инфантильность и экзальтированность общества требует «опьянения борьбой» и «революционности».

Струве в своей статье пишет, что 17 октября 1905 года революция должна была завершиться – но юношеский максимализм повел революционеров дальше и они все испортили. Многие авторы «Вех» высмеивают религиозное отношение к революции и социализму, Николай Бердяев прямо смеется над Луначарским и его теориями. А по мнению Булгакова, чем больше интеллигенты нападают на религию, тем большую силу набирают религиозные мракобесы, «оба полюса все сильнее заряжаются разнородным электричеством» и в результате общество делится на два уродливых лагеря, нацеленных на взаимное уничтожение. Единственный выход, на который указывает Булгаков, – отказаться от борьбы и стремления к героизму, проявить христианское смирение.

Сборник вызывает грандиозный скандал. Первыми на него обрушиваются Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский. Заседания религиозно-философского общества возобновляются (через 5 лет после того, как их запретил Победоносцев, тогда они назывались Религиозно-философскими собраниями) и становятся ареной битвы между «веховцами» и «интеллигентами». Мережковский называет авторов сборника «семью смиренными», сравнивая их с семью членами Святейшего Синода, которые отлучили Толстого от церкви. Сильнее всего достается автору предисловия к сборнику Михаилу Гершензону, написавшему, что интеллигенция так далека от народа, что должна быть благодарна власти за то, что она штыками охраняет ее от народной ярости.

Лидер кадетов Павел Милюков отправляется в целое турне с лекциями, разоблачающими «Вехи». Горький пишет с Капри первой жене Екатерине Пешковой: «"Вехи" – мерзейшая книжица за всю историю русской литературы. Черт знает что! Кладбище, трупы и органическое разложение».

Петербургский митрополит Антоний «Вехи» хвалит – и даже советует Бердяеву сходить в чайную Союза русского народа. Эта похвала не осталась незамеченной – Струве и компанию немедленно обвинили в том, что они продались черносотенцам и мракобесам.

Рейдерский захват русского народа

Союз русского народа продолжает развиваться: несмотря на раскол и отделение Союза Михаила Архангела во главе с Пуришкевичем, это самая массовая политическая партия в России, насчитывающая четыреста тысяч членов, и скандалы вроде убийства депутата Герценштейна не вредят ее популярности. Суд по этому делу продолжается: убийство произошло на территории Финляндии – и финское правосудие намерено довести его до конца.

Главная неожиданность процесса – появление на суде в качестве свидетеля обвинения Прусакова, бывшего личного секретаря Дубровина. Он рассказывает, что боевые дружины Союза использовались для борьбы с политическими противниками, сведения личных счетов с врагами, просто грабежа и вымогательства. В черте оседлости они занимались рэкетом, угрожая погромами. Часть денег шла в казну, но в основном они оставались личной добычей «дружинников» – «подонков, которые не разбирали средств», по словам свидетеля. Главное, Дубровин гарантировал им полную безнаказанность: уголовное дело всегда удавалось замять или, если преступление было слишком серьезным, сразу после окончания процесса осужденного ждало помилование.

Статус члена боевой дружины Союза позволял выбивать помилование для любых преступников – даже если те не имели никакого отношения к Союзу. Некоторые продавали евреям право на работу вне черты оседлости, в том числе в Петербурге.

Тем не менее командир боевых дружин Николай Юскевич-Красковский тоже предстает перед финским судом. В суд вызывают и Дубровина, но он уезжает в Ялту, в гости к тамошнему градоначальнику полковнику Ивану Думбадзе, тоже члену Союза.

Думбадзе – местный диктатор. Он вмешивается во все: лично цензурирует прессу, высылает из города несогласных, регламентирует даже форму купальников, в которых прилично появляться на пляже.

В 1907 году на градоначальника совершено покушение – террорист бросает в него бомбу и пытается скрыться, перепрыгнув через забор дачи. Думбадзе почти не задело, но, чтобы террористам было неповадно, он приказывает немедленно сровнять дачу с землей, не позволив хозяевам вынести ни одного предмета. Хозяева подают в суд – и на их сторону встает даже Столыпин, который приказывает возместить ущерб, оцененный в 60

тысяч рублей[100].

Впрочем, поведение Думбадзе очень нравится Николаю II: «Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному», – говорит император Столыпину. Черносотенная пресса, которую любит читать царь, расхваливает ялтинского градоначальника и поносит премьер-министра, поэтому их отношения с царем ухудшаются на глазах.

Впрочем, и Столыпин не жалеет своих врагов. Пока Дубровин прячется от финского правосудия в Крыму, премьер-министр организует рейдерский захват Союза русского народа. В июле 1909 года штаб-квартира организации переносится из дома Дубровина в отдельное помещение в Басковом переулке. В декабре избирается новый председатель – лояльный Столыпину ультраправый депутат Николай Марков. Финансирование сразу возрастает: как вспоминают члены Союза, с 1910 года правительство начинает выделять этой организации по 3 миллиона рублей[101] в год.

За Дубровиным остается только партийная газета – «Русское знамя», поэтому власть дает деньги на выпуск новой массовой черносотенной газеты – «Земщина». В итоге в 1912 году Дубровин создает свою отдельную организацию – Всероссийский дубровинский союз русского народа. Он, правда, существует уже без господдержки на частные пожертвования.

Все участники убийства Герценштейна осуждены, но вскоре после окончания процесса помилованы лично императором. Тем не менее официальная деятельность боевых дружин Союза русского народа прекращается.

Нерусский русский балет

Несмотря на все усилия Кшесинской и великого князя Андрея, 19 мая 1909 года начинаются гастроли дягилевской труппы в Париже. Первый спектакль – тот самый «Павильон Армиды». Главную роль должна исполнять Анна Павлова, но теперь и с ней у Дягилева возникают проблемы. После того как гастроли едва не сорвались, Павлова организовала собственное турне Берлин – Вена – Прага. Дягилев уже напечатал афиши с Павловой и с трудом уговаривает ее присоединиться после того, как она завершит собственный тур. Большую часть гастролей в Париже главную партию танцует Тамара Карсавина, а главной звездой парижских гастролей впервые становится 20-летний Вацлав Нижинский.

Это не просто успех – газеты пишут про «нашествие», «взрыв» и «извержение». Писатель Марсель Пруст сравнивает гастроли русского балета с делом Дрейфуса – несколько недель парижская публика больше ни о чем другом не говорит. Петербургская пресса тоже пишет, но не о триумфе, а о скандалах, искажении классических русских опер и надругательстве над русским искусством. Все говорят о романе Дягилева и Нижинского.

Несмотря на шумный успех, гастроли приносят огромные убытки: 86 000 франков[102], которые Дягилев должен возместить Театру Шатле. Продюсер не хочет расплачиваться и пытается тайно договориться с конкурирующей площадкой – Гран-опера. Когда это вскрывается, прежние парижские друзья Дягилева превращаются в его злейших врагов. Директор Театра Шатле Габриель Астрюк сообщает прессе, что Дягилев – мошенник, а затем пишет подробный донос в Россию – на имя министра двора барона Фредерикса, который курирует все императорские театры. Выясняется, что Дягилев в парижских переговорах выдавал себя за представителя власти, подписывая письма выдуманной должностью «чиновник канцелярии Его Императорского Величества». Астрюк пишет, что оскандалившиеся «Русские сезоны» больше не вызовут такого ажиотажа, поэтому их финансирование следует прекратить.

Михень пытается заступиться за Дягилева, но ее сын Андрей, Кшесинская и чиновники из дирекции императорских театров берут верх. Министерство двора накладывает вето на все его проекты. Дягилев в черном списке, путь на родину для него закрыт. И тогда он начинает строить бизнес по совершенно новой схеме: без опоры на

госфинансирование и покровительство.

Расплатиться с долгами оказывается не очень сложно – помогают парижские знакомства, которые Дягилев завел еще на первых выставках. Он находит новых композиторов: Клода Дебюсси и Мориса Равеля, а также молодого ученика Римского-Корсакова, Игоря Стравинского. Последнему он заказывает балет в русском стиле, экзотическое костюмное шоу в духе «Бориса Годунова», и Стравинский очень быстро пишет «Жар-птицу». Но тут восстают артисты. Им кажется, что в балете нет мелодии и он не похож на музыку. Стравинский сам аккомпанирует на каждой репетиции, «расстраивает рояль» – шутят в труппе.

Гастролям предшествует новая мощная пиар-кампания. Про Стравинского пишут как про нового русского гения. Но главным успехом становится «Шехеразада» покойного Римского-Корсакова с Нижинским и Идой Рубинштейн в главных ролях. Слава обрушивается на голову Леона Бакста, автора костюмов и декораций. Он вмиг становится самым популярным модельером мира: модные журналы печатают его интервью, в галереях проходят его выставки, парижские дамы наперегонки заказывают себе платья «в стиле Шехеразады».

После этого успеха Дягилев обнаруживает, что у него есть новая проблема – артисты. Российские культурные чиновники не позволяют танцорам участвовать в дягилевских антрепризах. Директор императорских театров Теляковский заявляет, что пропагандировать русское искусство следует в России, а не в Европе.

Это значит, что нужно создать свое постоянно действующее театральное предприятие. Так появляется «Русский балет» Сергея Дягилева. Убедить звезд бросить надежную работу в России и согласиться на авантюру непросто, но российские власти невольно помогают им решиться.

23 января 1911 года Нижинский исполняет мужскую партию в «Жизели» на сцене Мариинского театра. В зале – вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие князья и княгини. Марии Федоровне кажется непристойным слишком обтягивающий костюм Нижинского (обычное по современным меркам трико). В антракте артиста просят переодеться, он отказывается – и на следующий день его увольняют. Дирекция намекает, что, если Нижинский принесет извинения, его простят. Но он взбешен: «Я, Нижинский, не желаю возвращаться в императорский балет, откуда меня выкинули, будто бесполезную вещь. Отныне я считаю себя здесь посторонним». И планирует работать только на Дягилева. Вслед за Вацлавом увольняется его сестра, танцовщица Бронислава Нижинская.

Новость о скандале вокруг Нижинского подхватывают французские газеты. Дягилев, Стравинский и Бенуа очень довольны – это только подогревает интерес к русскому балету. Впрочем, в апреле 1911 года «Русский балет» окончательно перестает быть русским: труппа переезжает в Монте-Карло, где открывает постоянную репетиционную базу.

Епископы и светские дамы

В конце декабря 1909 года 22-летний студент Оксфорда Феликс Юсупов приезжает домой на Рождество. Его подруга детства Муня Головина взахлеб рассказывает ему о знаменитом старце, «который послан очищать и целить души, направлять мысли и действия». Молодой Юсупов заинтригован и идет в гости к Головиным, чтобы познакомиться со святым. «Мать и дочь сидят у чайного стола с торжественными лицами, словно в ожидании прибытия чудотворной иконы», – вспоминает он. Появляется Распутин. «Здравствуй, голубчик», – говорит он Юсупову и тянется его поцеловать. Юсупов уворачивается, Распутин начинает целовать Головиных. Юсупов смотрит не отрываясь. Лицо Распутина «лукаво и похотливо, как у сатира», говорит он, «как пророк, озаренный свыше», «взгляд пронизывающий и тяжелый одновременно»; «сквозь личину чистоты проступает грязь» – так описывает свои ощущения молодой князь, признавая, что «странный субъект» производит на него сильное впечатление.

Не только на него. Зимой 1909–1910 года Распутин становится почти ежедневным гостем в Царском Селе, императрица и ее дочери часами с ним разговаривают. А когда Распутин не приезжает, они пишут ему трогательные письма: Александра называет его «возлюбленным и незабвенным учителем, спасителем и наставником», старшая дочь Ольга признается, что впервые влюбилась в мальчика и просит совета старца, как себя вести, Татьяна умоляет приезжать поскорее, потому что без Распутина «мама болеет», а младшая Анастасия просит его поговорить с ней о Боге и обещает «всегда быть пай», если Распутин будет рядом. При этом императрица не велит детям рассказывать о Распутине даже родственникам.

К этому времени Распутин уже хорошо известен в Петербурге – весь высший свет обсуждает крестьянина, который регулярно посещает императрицу и ее детей. Информация приходит из двух источников – от фрейлин императрицы и от высшего духовенства. К отцам церкви Распутин сначала относился с почтением, особенно к ректору Духовной академии Феофану, духовнику черногорок, ведь ему он был обязан знакомством с высшим светом. Но их отношения портятся: императрица не жалует иерархов, предпочитая им людей из народа. Поэтому и Распутин перестает проявлять к прежним благодетелям почтение.

Митрополиты взволнованы поведением Распутина: рассказывают, что он пристает к женщинам. В начале 1910 года церковные иерархи уговаривают родственников императора убрать Распутина. Сестра императора великая княгиня Ксения в марте 1910 года пишет в дневнике: «Он постоянно сидит там, ходит в детскую – приходит к Ольге и Татьяне, когда они в постели, сидит, разговаривает и гладит их…»

В этот момент Распутин расходится также со своими черногорскими покровительницами Станой и Милицей. Они верят своему духовнику Феофану, императрица – Распутину. Из-за этой размолвки черногорки теряют доступ к императрице, их место занято крестьянином из Сибири. Эта ссора окажется исторической – она станет началом конца прежней близкой дружбы между Николаем II и мужем Станы, великим князем Николаем Николаевичем, что напрямую повлияет на исход Первой мировой войны.

Самый распространенный слух про Распутина – что он хлыст, то есть участник запрещенной мистической секты «хлыстов» («христов»). Чем занимаются «хлысты» во время своих богослужений, неизвестно, но популярный миф гласит, что они входят в транс и устраивают оргии. Когда-то в родном селе Покровское местный священник обвинял целителя Распутина в том, что он – хлыст. Проводилось официальное расследование, оно закончилось тем, что обвинение было снято. Однако пятно на репутации Распутина осталось.

Цензура на страже Распутина

К марту 1910 года слухи о Распутине начинает пересказывать пресса. Первая публикация в монархической газете «Московские ведомости» обвиняет его в том, что он встречается со своими поклонницами в бане. «Жертвы этого человека убеждены, будто прикосновение к ним Григория сообщает им чувство "ангельской чистоты", что он "возводит их в райское состояние"», – пишет журналист Новоселов.

Источником слива компромата в черносотенную прессу становится высшее духовенство. Редактор этой газеты Лев Тихомиров в своем дневнике прямо ссылается на ректора Духовной академии Феофана, который «теперь расчухал, что за штучка Григорий, да уже поздно». 30 апреля 1910 года «Московские ведомости» на первой полосе требуют от Синода немедленно начать расследование «хлыстовства» Распутина.

За Распутина вступается царицынский иеромонах Илиодор: «Тебя, блудница редакция, пригвоздить к позорному столбу перед всей Россией, а твоего богомерзкого сотрудника Новоселова высечь погаными банными вениками за оскорбление "блаженного старца Григория"».

Следом за черносотенной прессой разоблачительные статьи о Распутине начинают печатать и либеральные газеты, например кадетская «Речь» Павла Милюкова. В это время происходит очередной разговор между императором и Столыпиным. В прошлый раз Николай II обещал больше никогда не встречаться с Распутиным – сейчас уже не обещает.

«Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы», – говорит он премьер-министру, объясняя, что, во-первых, Александра серьезно больна (слабое сердце и расстроенные нервы), а во-вторых, она верит, что только Распутин может облегчить обострения гемофилии наследника. Николай II требует прекратить травлю Распутина и не вмешиваться в личную жизнь императора. Комитет по делам печати объявляет газетам, что писать о Распутине запрещено.

Николай II просит проповедника на время уехать к себе на родину, чтобы шум успокоился. Распутин отправляется в гости к другу, иеромонаху Илиодору. Тот устраивает ему в Царицыне пышный прием, а потом вместе с ним едет в Покровское. Изгнанный и униженный, Распутин очень хочет доказать иеромонаху, что он по-прежнему силен. Чем он может похвастаться? Он показывает Илиодору письма, которые пишут ему в

Сибирь императрица и ее дочери. Иеромонах просит почитать – и оставляет письма себе. На память.

Завещание Толстого

В январе 1910 года Лев Толстой в Ясной Поляне начинает писать рассказ под названием «Монах Илиодор». Это не про царицынского фанатика – просто имя совпало. Произведение начинается с того, что монах вдруг начинает сомневаться в том, что Бог есть, – и после этого уже не может поверить. И обряд причастия кажется ему издевательством. Дописать рассказ Толстой не успевает.

Про царицынского Илиодора Толстой не упоминает нигде и никогда – он привык игнорировать тех, кто его проклинает. При этом он очень внимательно следит за прессой. Правда, все время сомневается, стоит ли ему реагировать публично. Например, он читает «Вехи» и хочет написать рецензию на булгаковскую статью, но потом передумывает.

Переписка Толстого со Столыпиным продолжается несколько лет. Сначала он пытается убедить министра отменить частную собственность на землю, потом клеймит за военно-полевые суды. В августе 1909 года Толстой пишет Столыпину очень личное письмо, в котором говорит, что «ужасная деятельность» министра опасна и для его жизни, и для репутации после смерти: «Имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи». Но так и не отправляет это послание.

В эти годы жизнь Толстого наполнена бессильным протестом, причем борется он, в основном, не со Столыпиным или церковью, а с собственной женой. Извечным предметом споров служит завещание.

Летом 1909 года Толстой, преодолев сопротивление жены, уезжает из Ясной Поляны в гости к любимому другу и ученику Владимиру Черткову, который снимает дом неподалеку. Жена пытается его не пустить – но не может. В гостях Толстой подписывает завещание, которое лишает жену наследства.

Толстые и Чертков – это любовный треугольник. 66-летняя Софья Андреевна и 56-летний Чертков бьются за 80-летнего Толстого не на жизнь, а на смерть. Толстой считает, что Чертков понимает его, а жена – нет. Толстой хочет, чтобы все его произведения после смерти были выведены за рамки авторского права, чтобы они принадлежали всем, а не семье. Софья Андреевна категорически против, а Чертков ищет способ выполнить волю учителя.

На стороне Черткова (и против матери) борется младшая, любимая дочь Толстого Александра. По замыслу Черткова, именно 35-летняя Саша

должна одна получить права на все литературные произведения отца, а жена и другие дети должны быть всего лишены. Потому что лишь Саша (вместе с Чертковым, который становится распорядителем наследства) может позаботиться о том, чтобы труды Толстого были доступны всему человечеству и никто не извлекал бы из этого выгоды.

Жизнь Толстых превращается в сплошной скандал. Софья Андреевна сходит с ума от ревности, постоянно грозит мужу самоубийством, обещая в посмертной записке написать, что он убийца, и отправить ее во все газеты. Врачи считают, что у Софьи Андреевны истерическая паранойя, сам писатель – что жена симулирует помешательство. А она уверена, что во всем виноват Чертков, и обсуждает с сыновьями возможность объявить Толстого сумасшедшим, если тот действительно лишит семью наследства. Наконец, осенью 1910 года она вообще запрещает Толстому видеться с Чертковым. Это становится последней каплей.

В ночь с 27 на 28 октября 1910 года, услышав, что жена опять роется в его вещах и ищет завещание, Толстой убегает из дома, взяв с собой личного врача. Он хочет навестить сестру в Шамординском монастыре, а потом, воссоединившись с Сашей и Чертковым, поехать на юг: в Ростов, Одессу, Константинополь и Болгарию. Оставляет жене прощальную записку, в которой просит его не искать.

Впрочем, за нее это делает пресса. Уход Толстого из дома уже через день становится главной новостью всех российских газет. Журналисты едут за ним по пятам и печатают подробные репортажи о том, куда приехал Толстой, как он позавтракал на станции и кто зашел с ним в поезд.

Толстой с врачом едут в вагоне третьего класса, с простым народом, все вокруг курят. Чтобы подышать свежим воздухом, граф выходит на открытую площадку и стоит там около часа. По словам врача, именно там он и простужается.

Отлученный от церкви Толстой заезжает в монастырь Оптиной пустыни, потом в монастырь в Шамордине. Путешествие прерывается на станции Астапово, когда у писателя начинается воспаление легких, температура 40. Он лежит в домике начальника станции, у кровати дежурят приехавшие Чертков и дочь Саша. Потом подъезжает остальная семья – Софью Андреевну к постели умирающего не пускают.

Толстой умирает 7 ноября 1910 года. «Я много люблю, всех люблю» – это его последние слова, которые слышит его сын Сергей. Жители окрестных деревень просят отслужить панихиду в станционной церкви, но это невозможно – запрещено Синодом.

Святейший Синод на смерть Толстого не реагирует, у духовных

чиновников теперь есть проблема посерьезнее – это Распутин. Как раз в те дни, когда Толстой умирает, Распутин возвращается из полугодичной сибирской «ссылки». Главного врага Распутина, епископа Феофана, отстраняют от должности ректора Духовной академии и переводят в Крым. Он призывает членов Святейшего Синода сообща выступить против Распутина, но они отказываются. Уже в феврале 1911 года в Крыму Феофан служит литургию с преданием Льва Толстого посмертной анафеме.

Друг Феофана, саратовский епископ Гермоген, предлагает Синоду отлучить от церкви еще троих писателей: Дмитрия Мережковского, Василия Розанова и Леонида Андреева. Однако после скандала с Толстым Синод уже не решается объявлять войну знаменитостям.

Самого Толстого хоронят без церковного обряда, в гробу без креста, на могиле насыпан земляной холм. Софья Андреевна пытается оспорить завещание в суде, но безуспешно. Саша и Чертков выкупают у Софьи Андреевны Ясную Поляну и, как и завещал Толстой, передают ее крестьянам.

В столицах после новости о смерти Толстого начинаются мощные студенческие демонстрации – памяти писателя и под лозунгом «Долой смертную казнь!». В ответ министерство просвещения выпускает новые правила, запрещающие студенческие собрания и отменяющие выборы профессоров.

В знак протеста ректор Московского университета Александр Мануйлов подает в отставку, а затем в знак солидарности с ним увольняются еще несколько десятков профессоров, в том числе Вернадский и Тимирязев, – всего 130 человек. Студенческие волнения усугубляются, из Московского университета исключено несколько тысяч студентов.

Красный треугольник

Владимир Ленин с женой, тещей и другом Григорием Зиновьевым переезжают в Париж из Женевы в декабре 1908 года. Он помирился со старым другом Мартовым и начал выпускать новую газету «Социал-демократ», в редакцию которой кроме них еще входят Григорий Зиновьев и Лев Каменев. Ленин, как обычно, скандалит с марксистами-еретиками, проклинает их в своей газете, а в перерывах ходит в библиотеку и играет в карты с тещей.

В 1909 году Ленин под псевдонимом Ильин публикует философскую работу «Материализм и эмпириокритицизм». Она выходит почти одновременно с «Вехами» и остается почти незамеченной. Один из авторов «Вех», Семен Франк, в рецензии на нее удивляется, что такое бессмысленное сочетание философских слов с ругательными находит себе издателей и рассчитывает найти читателей. В общем, провал.

Еще один удар: товарищи по социал-демократической партии лишают Ленина контроля над партийным бюджетом. Принято решение объединить деньги партии, и от большевиков требуют все, что они получили в результате экспроприаций и по наследству (один из сторонников завещал марксистам немаленький капитал). Более того, большую часть денег переводят незаинтересованной стороне – немецким социал-демократам, чтобы впредь они ими распоряжались.

Это тяжелое время. Крупская вспоминает, что многие российские эмигранты живут в нищете, часто доходит до самоубийств. Но обычно не слишком уравновешенный Ленин находит спасение от депрессии. В 1909 году он знакомится с эмигранткой из России Инессой Арманд. Она была женой крупного московского промышленника, но увлеклась марксизмом, бросила мужа и уехала за границу. Ей 35 лет, Ленину 39. У них начинается роман, который Ленин не скрывает от Крупской. Наоборот, Инесса – постоянный гость в их доме, Крупская ей симпатизирует, играет с ее детьми. Убедившись в том, что отношения Володи и Инессы – серьезные, Надежда предлагает мужу разойтись, чтобы не становиться для них помехой. Но Ленин категорически против – он привык к жене и настаивает, чтобы все оставалось по-прежнему.

Эпидемия самоубийств

Российская пресса трубит об эпидемии самоубийств и внутри страны, особенно среди гимназистов. Самый дешевый и популярный способ – отравление уксусом. Количество суицидов резко растет по мере того, как сворачивается политический процесс и нарастает чувство безысходности. Раньше молодежь была увлечена политикой и революцией, теперь она не может примириться с крушением всех своих надежд и с возвратом старых порядков. Во многих газетах возникает рубрика «Самоубийства».

Популярная газета «Биржевые ведомости» публикует опрос, в котором знаменитости выражают отношение к самоубийствам. Из ответов создается ощущение, что они их поддерживают. Писатель Федор Сологуб призывает «не бояться самоубийств, ибо они являются клапаном, дающим выход слабости», а Михаил Кузмин говорит, что, если родина может потребовать у человека отдать за нее жизнь, почему же человек не может покончить с собой по собственной воле? Публикация вызывает бурю возмущения. Многие публицисты, например Максим Горький и Лев Троцкий, гневно обличают коллег, которые доводят до самоубийства бедных детей.

Так или иначе общественное настроение переменилось. Пять лет назад публика ломилась на лекции по политэкономии, теперь политика вышла из моды, а мистицизм, нуар и декаданс – вновь вошли, как десять лет назад. В клубах читают лекции «Об отрицании жизни», во всех провинциальных театрах идет пьеса «Клуб самоубийц».

В феврале 1912 года «Биржевые ведомости» публикуют сенсационное расследование: в Петербурге существует Лига самоубийц[103]. Эту тему подхватывают остальные газеты, они уже с уверенностью пишут, что настоящее название организации – «Друзья смерти», а возглавляет ее писатель Сологуб. Больше всех старается газета Союза русского народа «Земщина», в ней пишут, что столичные писатели нарочно доводят детей до самоубийства – таким способом они рекламируют свои новые романы.

Наконец, Лигой самоубийц начинает заниматься полиция, она допрашивает автора первого расследования в «Биржевых ведомостях». Он признается, что про организацию ему рассказала не студентка (как он написал), а пожилая баронесса, которая якобы посещала такую Лигу в 1900 году. Дело закрывают.

Певец на коленях

Весной 1911 года самый известный оперный певец России Федор Шаляпин тоже на грани самоубийства и полного разрыва с родиной: он оказывается мишенью газетной травли.

Все начинается 6 января 1911 года. В Мариинском театре дают «Бориса Годунова». Присутствуют Николай II с семьей. В антракте Шаляпин заходит в царскую ложу, император его хвалит и просит почаще петь в России и пореже гастролировать за рубежом.

Шаляпин не в курсе, что у хора Мариинского театра конфликт с дирекцией императорских театров и лично Владимиром Теляковским, который отказывается повышать им зарплату. Хористы обращаются с просьбой к самому императору. Когда спектакль заканчивается, Шаляпин собирается уже уходить за кулисы, но из зала кричат: «Гимн! Гимн!» Хористы начинают петь «Боже, царя храни!» и падают на колени. Шаляпину неудобно стоять на сцене одному – и он тоже припадает на одно колено. Замысел хора удается – жалованье повышают. Шаляпин уезжает на гастроли и только через два дня в Монте-Карло узнает о скандале. Газеты пишут, что это Шаляпин предложил всем артистам встать на колени, публикуют выдуманные интервью с ним, будто бы он поддался патриотическому чувству и решил заодно попросить царя простить его лучшего друга Максима Горького. Даже близкие друзья осуждают Шаляпина. Сам Горький возмущен тем, что Шаляпин «прикрывает им свою подлость». Принципиальный Валентин Серов присылает несколько газетных публикаций с припиской «Постыдился бы». Плеханов отправляет Шаляпину ранее подаренный портрет с припиской «Возвращаю за ненадобностью».

Шаляпин в ужасе. Он пишет, что не хочет возвращаться в Россию: «Жизнь среди русской интеллигенции в последнее время становится просто невозможной, всякая личность, носящая жилет и галстук, уже считает себя интеллигентом и судит и рядит как ей угодно»; он считает, что его могут убить «идиоты и фанатики», что к нему относятся как к «изменнику Азефу». Только через полгода Шаляпин отваживается написать Горькому и попытаться оправдаться. После чего едет на Капри – встретившись, они обнимаются и долго плачут.

Дерзостное неуважение к власти

В марте 1912 года в Париж приходит известие, что против Дмитрия Мережковского возбуждено уголовное дело. Чтобы выяснить подробности, Гиппиус с мужем собираются в Россию. В последние годы они регулярно курсируют между Парижем и Петербургом и всякий раз боятся ехать на родину – особенно их пугает сестра Гиппиус Татьяна, которая считает, что их могут арестовать за знакомство с Савинковым. У Мережковского, впрочем, есть и другие основания беспокоиться: еще в 1910 году саратовский епископ Гермоген, покровитель Илиодора и Распутина, призвал отлучить Мережковского от церкви. Сегодня это может обернуться куда более плачевно, чем отлучение Толстого 10 лет назад.

В марте 1912-го на границе неприятности действительно случаются: жандарм конфискует у писателя часть рукописи его нового романа «Александр I».

В Петербурге их встречает Философов – а также агенты полиции, которые должны за ними следить. Вскоре выясняется, что проблемы у Мережковского из-за его старого романа «Павел I». Он был напечатан в 1908 году, и тираж был сразу конфискован. Теперь дело дошло до суда: Мережковский обвиняется по статье 128 Уголовного кодекса («дерзостное неуважение к верховной власти»). Это грозит минимум годом крепости, оправданий не бывает. Издатель Михаил Пирожков уже арестован и ждет суда.

Пробыв в Петербурге пять дней, Мережковские уезжают за границу – и уже из Парижа Дмитрий телеграфирует прокурору, что вовсе не скрывается и готов явиться к следователю по прибытии. Гиппиус тоже думает, что рассмотрение дела лучше затянуть – а там, может, и рассосется. Она уверена, что мужу «нельзя садиться в крепость», а Философов считает иначе, он остается в России и считает, что «удрать от ответственности» – это позорное «спасание животишек»: «Куда же годны все эти риторики о революции, когда за слова свои не желают отвечать?»[104]

В Париже Мережковский старается не встречаться с Савинковым, потому что знает, что за ними следят. Гиппиус идет в гости к друзьям-эсерам одна. Они долго спорят – она защищает мужа перед всеми, но чувствует страшный стыд.

В мае они возвращаются обратно – Гиппиус рассчитывает, что дело удастся замять. И действительно, в Петербурге Мережковского вызывает к

себе для частного разговора министр юстиции Иван Щегловитов. После этого на суде обвинения снимают за отсутствием состава преступления. Отношения с Философовым продолжаются – они с Гиппиус обсуждают, что, может быть, им стоит «развестись» (Философова все больше раздражает Мережковский в быту). Но все же решают попробовать и дальше жить вместе.

Победа и унижение Столыпина

Весь 1910 год иеромонах Илиодор чувствует себя в Царицыне совершенно вольготно. Он так запугал саратовского губернатора Татищева, что тот еще летом 1910-го все бросил и уехал в имение жены под Самарой. В декабре ему назначают преемника, а Столыпин решает навести порядок и в Царицыне.

В январе 1911 года по настоянию премьера Святейший Синод назначает иеромонаха Илиодора настоятелем Новосильского монастыря. Странное соседство, его новое место службы – в 150 км от Ясной Поляны, усадьбы покойного Льва Толстого. Но Илиодор отказывается ехать: «Не поеду, не подчинюсь Столыпину; пусть он не обращает церковь в полицейский участок». Его увозят силой. Новый саратовский губернатор Петр Стремоухов очень переживает, что Илиодор сбежит. И действительно, уже через месяц Илиодор снова объявляется в Царицыне и запирается в монастыре.

Теперь в его проповедях новый сюжет: он говорит пастве, что императора захватили «жидомасоны-министры, из которых самый опасный сам Столыпин, что министров следует драть розгами, а Столыпина обязательно по средам и пятницам, чтобы он помнил постные дни и чтобы выбить из него масонский дух». Ситуация взрывоопасная – фанатичные сторонники и особенно сторонницы Илиодора готовы врукопашную биться с полицией по первому зову своего вождя. Замглавы МВД Павел Курлов приказывает идти на штурм осажденного монастыря – но губернатор Стремоухов боится и просит подождать.

Весь февраль Илиодор ждет вмешательства друзей из столицы. Распутина нет на месте, он уехал в паломничество в Иерусалим. Однако, узнав о беде друга, Распутин шлет императрице телеграммы в защиту Илиодора. Император оказывается перед выбором: жена и Распутин уговаривают его отменить решение Синода. По закону император не может сделать этого, но неожиданно на помощь Илиодору приходит сам Столыпин.

В начале марта премьер-министр планирует провести реформу земства – ввести систему местного самоуправления, где ее пока еще нет, то есть на территории современных Украины и Белоруссии: в Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях. Однако земство в этих регионах должно функционировать не так, как везде.

Дело в том, что в этих областях много помещиков-поляков. Если устроить там все по существующим правилам, то большинство земцев окажется польским, что правительству кажется недопустимым. Так что Столыпин хочет ввести «национальные курии» – квоты, которые нацменьшинства не должны превышать.

Многие, в том числе Союз русского народа, выступают против этой реформы – правых категорически не устраивает ущемление интересов помещиков. Борьбу против реформы начинают Петр Дурново (бывший глава МВД в правительстве Витте) и Владимир Трепов (родной брат покойного соперника Столыпина, Дмитрия Трепова). Они оба – лидеры правых в Госсовете, они убеждают императора, что реформа вредная и она только оттолкнет от России лояльно настроенное польское дворянство. 4 марта 1910 года закон о западном земстве проваливается на голосовании в Госсовете.

Столыпин так раздражен, что немедленно едет к императору и подает в отставку. Император берет паузу, но 10 марта сообщает Столыпину, что не готов с ним расстаться и согласен на его условия. А условия премьера такие: срочно принять закон о западном земстве, не спрашивая согласия ни Госсовета, ни Думы. Это незаконно, но есть одна лазейка: можно объявить временный перерыв в заседаниях Думы и Госсовета и быстро подписать указ, который потом, пройдя все инстанции, станет законом. Так была принята аграрная реформа, но тогда перерыв в работе законодательных палат был естественным – первую Думу распустили. Теперь очевидно мошенничество.

Тем не менее Николай II соглашается на план Столыпина. Причем премьер-министр требует у императора письменных гарантий, что закон будет принят. Итак, объявляется перерыв в заседаниях Думы и Госсовета с 12 по 15 марта, и 14 марта император подписывает указ о создании западного земства. По возвращении с трехдневных каникул обсуждать уже нечего – закон принят и обжалованию не подлежит.

Это возмущает даже сторонников Столыпина. «Вы некоторый урон нанесли нашей молодой русской конституции, но главное, вы сами себе нанесли удар, – говорит представитель московского купечества Александр Гучков, председатель Госдумы и в прошлом правая рука Столыпина. – Если раньше с вами считались, как с человеком, имеющим большой вес, то это, по-моему, политическое харакири». В знак протеста Гучков подает в отставку с поста председателя Думы.

Столыпин, возможно, понимает, что Гучков прав. Но он устал отступать. Этим скандалом Столыпин окончательно портит отношения с

императором: Николай II ненавидит, когда на него давят. Он не мог простить Витте того, что тот вынудил его подписать манифест 17 октября, теперь он не может простить Столыпину шантажа и насилия.

Более того, Столыпин лишается морального права убеждать царя соблюдать законы. Когда в очередной раз Распутин просит его отменить распоряжение Синода и вернуть Илиодора в Царицын, император с радостью соглашается. 1 апреля Николай II лично разрешает иеромонаху вернуться в Царицын, а на следующий день Синод сам отменяет свое распоряжение. Руководство церкви унижено, у митрополита Антония, 10 лет назад отлучившего Толстого от церкви, случается инсульт.

Но это не все. В начале мая Илиодор приезжает в столицу. Накануне его приезда император по совету Распутина увольняет обер-прокурора Синода (министра церкви) Сергея Лукьянова, несмотря на протесты Столыпина. Царская семья приглашает Илиодора отслужить всенощную в дворцовой церкви и слушает его проповедь. В своих воспоминаниях Илиодор утверждает, что во время этой встречи Николай II просил его слушаться Распутина и нападать только на врагов, «жидов и революционеров», но не на министров.

Илиодор возвращается в Царицын победителем – и присылает губернатору письмо, извещающее его, что отныне он проклят. Перепуганный губернатор пишет в Петербург, просит разъяснить, что это значит и что теперь с ним будет. Ему отвечают, что проклятие, не утвержденное общим голосованием членов Синода, законной силы не имеет.

Большего унижения для Столыпина невозможно придумать. В конце лета он встречается с Гучковым, с которым они совсем недавно разругались, и сетует, что Илиодор – главная угроза для государства, потому что он расшатывает и местную, и верховную власть. Гучков чувствует «такую безнадежность в его тоне», как будто тот решил уйти в отставку.

Ритуальное расследование

В тот момент, когда Столыпин пытается ввести земство в Киевской губернии и борется с Илиодором, в Киеве происходит чрезвычайное происшествие: 20 марта в небольшой пещере в лесу обнаружен труп 12-летнего мальчика Андрюши Ющинского. Он убит за неделю до этого. Тело покрыто 47 колотыми ранами и обескровлено.

Почти сразу появляется версия о ритуальном убийстве. На похоронах мальчика разбрасывают листовки, в которых говорится, что Андрюшу убили евреи, чтобы использовать его кровь в приготовлении мацы для еврейской Пасхи. Распространителя листовок – члена Союза русского народа – задерживают, но сразу отпускают. «Союзники» планируют еврейский погром. Полиция уговаривает их повременить до осени – в Киеве ждут царя, назначены торжества по случаю 50-летия отмены крепостного права. Черносотенцы соглашаются.

Полиция прорабатывает разные версии – арестовывают даже мать и отчима мальчика. Но Киев – это город, где влияние Союза русского народа очень велико. А значит, здесь очень сильна черносотенная пресса, которая твердит, что мальчика убили евреи. То же пишет дубровинское «Русское знамя». Правые депутаты в Госдуме во главе с Пуришкевичем пишут запрос в правительство: известно ли министрам, что в России существует преступная секта иудеев, употребляющая для обрядов христианскую кровь, и членами этой секты был замучен в марте 1911 года в городе Киеве мальчик Ющинский? Какие принимаются меры? Дума голосует против этого запроса, но это уже даже не важно.

Антисемитизм в этот момент очень распространен: отношение к евреям сопоставимо с сегодняшним отношением к нелегальным мигрантам. Все знают, что царь читает и одобряет черносотенную прессу, поддерживает радикального антисемита Илиодора – и даже Столыпин перед ним бессилен. Правительство финансирует правые организации, которые множатся и конкурируют за государственные деньги. Борьба с «еврейской угрозой» – норма. Поэтому полиции не нужно специальных указаний, чтобы отрабатывать версию ритуального убийства, это направление самоочевидно.

22 июня полиция арестовывает еврея Менделя Бейлиса, приказчика с кирпичного завода, что находится неподалеку от места, где найден труп мальчика. Начинается самое громкое дело в истории российского суда.

Выстрелы в антракте

Торжества в Киеве по случаю 50-летия отмены крепостного права начинаются в конце августа. Столыпин приезжает в Киев 25 августа и обнаруживает, что он незваный гость: его почти игнорируют при дворе, ему не находится места на царском пароходе в поездке в Чернигов, для него даже нет экипажа, и ему приходится ездить в карете Коковцова.

Сказываются все последние скандалы: и конфликт вокруг западного земства, и история с иеромонахом Илиодором, и влияние Распутина на царя. Если верить воспоминаниям иеромонаха, летом 1910 года Распутин говорит ему, что скоро отправит Столыпина в отставку (как отправил обер-прокурора Синода Лукьянова) и заменит Коковцовым. Дело даже не в личной неприязни – все чувствуют конъюнктуру: царь больше не благоволит Столыпину, в правительстве ходят слухи, что скоро его сошлют наместником на Кавказ.

1 сентября Столыпин днем встречается с членами киевского Клуба русских националистов – марионеточной политической группой, которая нужна, чтобы уравновесить влияние враждебных премьеру черносотенцев. «Мое сочувствие и поддержка всецело на вашей стороне. Я считаю вас солью здешней земли», – говорит националистам Столыпин. Вечером премьер идет в оперный театр, в честь императора дают «Сказку о царе Салтане» – ту самую оперу, которую цензура запрещала восемь лет назад из-за строки «родила царица в ночь не то сына, не то дочь». Теперь тот курьез забыт.

Замглавы МВД Курлов предупреждает премьер-министра, что, по оперативным данным, готовится покушение, Столыпину выделяют закрытый автомобиль – и он ездит по Киеву на нем, несмотря на жару. Источник информации о покушении – агент полиции Дмитрий Богров. Он предупреждает, что Столыпина попытаются убить в театре. Ему выписывают пропуск в театр, чтобы он мог лично указать на подозрительных лиц.

В антракте Столыпин просит Коковцова взять его в свой поезд, которым тот вечером едет в Петербург: «Мне здесь очень тяжело ничего не делать, и чувствовать себя целый день каким-то издерганным, разбитым», – говорит он. Коковцов кивает, отходит от премьера. В этот момент Богров спускается в партер, подходит к Столыпину и дважды стреляет в упор. Он двойной агент, как и Азеф, которого Столыпин недавно защищал в Думе.

Богрова хватают, раненый Столыпин поворачивается в сторону царской ложи и, перекрестив Николая II, падает. Его уносят из зала. Оркестр начинает играть гимн.

Программа торжеств сокращена, но император все равно, как и было запланировано, едет в Чернигов, не зайдя к раненому премьер-министру. Императрица остается в Киеве и, по слухам, срочно вызывает Распутина.

Столыпин умирает в больнице 5 сентября. Вернувшись из Чернигова 6 сентября, Николай с парохода едет проститься со Столыпиным. Он стоит у гроба на коленях и молится.

Новым премьером назначают Коковцова. «Не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять, все он и он, а меня из-за него не видно было» – такими словами напутствует нового главу правительства Николай II.

Столыпина хоронят в Киево-Печерской лавре. Его смерть вызывает волну хвалебных статей, в которых Столыпина сравнивают с убитым императором-реформатором Александром II. Это очень раздражает императрицу. «Мне кажется, что вы очень чтите его память и придаете слишком много значения его деятельности и его личности, – говорит она Коковцову. – Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало… Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был стушеваться, так как ему нечего было больше исполнять. Опирайтесь на доверие государя – Бог вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это – для блага России».

Предшественник Столыпина, Сергей Витте, разделяет чувства императрицы и считает, что смерть Столыпина – к лучшему. Он теперь на почетной пенсии – член Государственного совета. Столыпина он ненавидел и считает, что тот «развратил русскую администрацию, уничтожил самостоятельность суда, развратил прессу, уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент». Нет сомнения, что это ревность. Тем не менее в одном Витте прав: именно Столыпин начал вводить ручное управление судами и выборами. Система эта сохранится, и после Столыпина управлять ею будут совсем другие люди. Двойной агент Богров приговорен военно-окружным судом к смертной казни и повешен 12 сентября.

Локальный апокалипсис

После смерти своего врага Илиодор становится агрессивнее, как будто у него начинается обострение психической болезни. Он скандалит с Московской городской думой: узнав, что власти города собираются выкупить усадьбу Толстого в Хамовниках и устроить там музей, он пишет матерную телеграмму городскому голове Николаю Гучкову (брату Александра), требуя отказаться от покупки усадьбы – или устроить в ней тюрьму или бордель. Потом Илиодор вешает в своем монастыре портрет Толстого, чтобы посетители «плевали в его мерзкую рожу». На лбу Толстого написано: «слуга Сатаны», на рубашке – «Лев Толстой – безбожник, предтеча Антихриста». Как сообщает «Газета-Копейка», «особенно неистово плюют женщины». Почти каждый день в монастыре происходят стычки между прихожанами и полицией – Илиодор требует выгонять полицейских за то, что они, «как калмыки», не прикладываются к кресту.

26 сентября Илиодор объявляет своей пастве о том, что приближается конец мира и пришествие Антихриста, поэтому призывает всех рыть под монастырем катакомбы, где можно будет спрятаться. Он просит приносить продукты, чтобы кормить работников. Чтобы враги не узнали, он распоряжается при обнаружении в подземелье любого любопытствующего бить его по затылку лопатой. Всего в добровольцы записывается 991 семья, в основном работают женщины и дети. За четыре дня весь двор покрывается канавами, тоннели уходят под храм и другие корпуса.

В донесениях полиции есть упоминание о том, что именно катакомбы становятся причиной конфликта между Илиодором и Распутиным: якобы иеромонах хочет привлечь Распутина к сбору пожертвований, пытается добиться госфинансирования. Распутин отказывает. После чего происходит нечто неожиданное.

16 декабря 1911 года Григорий Распутин встречается в Петербурге с Илиодором и Гермогеном. 53-летний Гермоген, последний церковный иерарх, поддерживавший Распутина, вдруг начинает обвинять его в безнравственности и требовать больше не переступать порог царского дворца. Распутин отталкивает Гермогена, обзывает его, убегает, Илиодор и еще несколько человек догоняют, завязывается драка. Илиодор и Распутин катятся кубарем вниз по лестнице, а наверху стоит Гермоген и кричит Распутину проклятья. Распутин вырывается, кричит, что отомстит, и

убегает.

Почему Гермоген именно сейчас решился на конфликт с Распутиным, не ясно. Сосланный в Крым епископ Феофан еще два года назад жаловался ему на Распутина, но тогда Гермоген не обращал внимания на слухи. Скорее всего, Гермоген находится под сильным влиянием Илиодора.

А поведение Илиодора могут объяснить только психиатры. Он не только предрекает пришествие Антихриста, но и сам решает устроить локальный политический апокалипсис. Спустя пару недель после драки в столице начинают передавать из рук в руки листовки с письмами императрицы и ее дочерей к Распутину. Теми самыми, которые год назад Распутин, хвастаясь, передал Илиодору: «Как томительно мне без тебя, – пишет Александра. – Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову склоняю на твои блаженные плечи… Тогда я желаю все одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня…» Письмо подписано: «Во веки любящая тебя Мама». С этого письма начинается слух, что императрица – любовница Распутина.

«Это ли не позор! Такие рассказывают ужасы про царицу и Распутина, что совестно писать, – констатирует обычно хладнокровная собирательница светских сплетен генеральша Богданович. – Эта женщина не любит ни царя, ни России, ни семьи и всех губит».

Трудно представить себе, что происходит с замкнутой и нервной императрицей, когда она узнает, что весь Петербург читает ее личную переписку.

В январе 1912 года Святейший Синод принимает решение сослать Илиодора в глухой монастырь во Владимирской губернии. Гермогена приказом императора увольняют из Синода и высылают в Саратов. Он отказывается подчиниться и раздает интервью газетам. Тогда в его епархию приезжает проверка и обнаруживает серьезные нарушения, его отстраняют от должности и отправляют в монастырь в Гродненской губернии.

Газеты широко освещают происходящее: они печатают статьи в защиту Гермогена и против Распутина, но министерство внутренних дел конфискует тиражи. Скандал продолжается весь месяц, 24 января лидер октябристов Александр Гучков инициирует запрос в МВД: по какой причине конфискуют газеты?

Николай II в ярости. Министры из нового кабинета во главе с Коковцовым боятся к нему подступиться и отправляют барона Фредерикса, чтобы тот посоветовал императору на время выслать Распутина из

столицы. «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал», – с раздражением отвечает император. Наконец, 15 февраля Распутин приходит к премьеру Коковцову. Они долго разговаривают – скорее всего, Коковцов предлагает Распутину деньги, чтобы тот уехал. На следующий день Распутин уезжает на родину.

Появляется надежда на разрешение проблемы. 26 февраля к императору приходит новый председатель Думы, избранный после отставки Гучкова, тоже октябрист, Михаил Родзянко. Он приносит с собой документы. Зачитывает императору свидетельства, что Распутин – член секты хлыстов, что он ходит с женщинами в баню, показывает письма раскаявшихся женщин, совращенных Распутиным, демонстрирует вырезки из иностранных газет, в которых написано, что Распутин – удобный инструмент в руках революционеров для дискредитации монархии в России. Николай II очевидно впечатлен аргументами Родзянко. В знак расположения он знакомит его с цесаревичем, которому Родзянко представляется как «самый большой и толстый человек в России».

Председатель Думы уходит с ощущением, что сдвинул гору. Ему поручено подготовить доклад, разоблачающий Распутина. Родзянко всем рассказывает, что скоро Распутин будет уничтожен. Но 9 марта Александр Гучков, лидер фракции, в которой состоит Родзянко, произносит в Думе пламенную речь против Распутина: «Хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство… Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия… В центре этой драмы – загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков».

Публичное обсуждение Распутина в Думе Николай II воспринимает как глубокое личное оскорбление. Он больше не принимает Родзянко. Тема закрыта.

Через три дня вся царская семья уезжает в Крым. Ее провожают все члены правительства – императрица проходит молча, ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь. «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы, – говорит император Коковцову. – Я уезжаю и притом очень скоро и постараюсь вернуться как можно позже».

Вернуться в Россию

1911 год становится для Дягилева страшным испытанием. Итальянские гастроли едва не проваливаются. Беда с балетом Стравинского «Петрушка» – Бакст не успевает доделать эскизы, Стравинский прямо на репетициях дописывает музыку, Дягилев все время ссорится с хореографом Фокиным. Театральной площадки не находят, репетируют в ресторане.

Продюсер ссорится с Идой Рубинштейн. Она поселилась в Париже и эпатирует окружающих: встречает гостей обнаженной и держит дома живую пантеру, которая однажды бросается на Дягилева. Он в ужасе забирается на стол, Ида хохочет. На этом и без того сложные отношения заканчиваются. Наконец, страшный скандал происходит между Бенуа и Бакстом: Бенуа ревнует к успеху товарища, устраивает истерику, обзывает Бакста «жидовской мордой» и отказывается работать в команде Дягилева: «15 лет бесстыдной эксплуатации» довели его, Бенуа, до «полного маразма, полной деморализации».

Однако трудный сезон заканчивается на высокой ноте: выступление в Лондонском Ковент-Гардене становится не только триумфальным, но и впервые за всю историю предприятия прибыльным.

Дягилев возвращается к своей мечте добиться признания на родине, он даже пытается договориться с самым сильным своим противником в Петербурге – Кшесинской. Без ее помощи выступление невозможно. Дело в том, что 22-летний Вацлав Нижинский – военнообязанный. Если бы он служил в дирекции императорских театров, у него была бы отсрочка, а так он может танцевать только за границей. А без него невозможны гастроли в Петербурге.

Дягилев просит Кшесинскую помочь отмазать Нижинского от армии, а взамен обещает открыть для нее лондонскую сцену. Кшесинской уже 40, она полновластная хозяйка в Петербурге, но европейской славы у нее никогда не было – и, очевидно, не будет. Зато то, о чем она мечтает, есть у Дягилева: он обещает специально для нее поставить в Лондоне два классических балета Чайковского (совсем не из дягилевского репертуара): «Лебединое озеро» и «Спящую красавицу». «Это позор, – возмущается художник Валентин Серов. – При всех гимнастических достоинствах она не артистка… Настоятельной необходимости ставить "Лебединое озеро" тоже не вижу». Бывший портретист Романовых порвал с ними после Кровавого воскресенья, и любые заискивания перед великими князьями

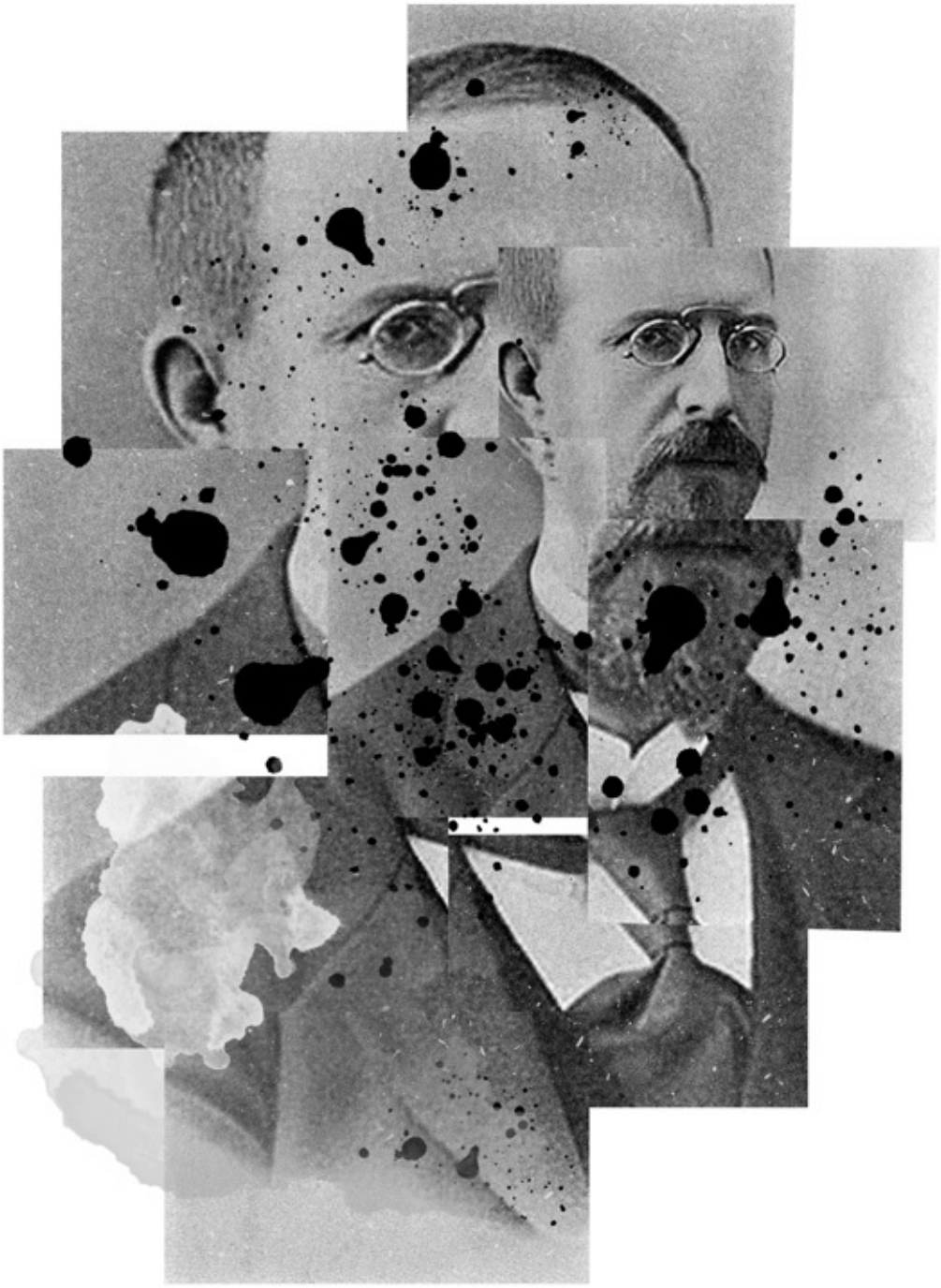
кажутся ему недопустимыми.

Несмотря на все интриги, в конце сентября 1911 года суд в Петербурге неожиданно признает Нижинского лицом, уклоняющимся от военной службы. Не удается Кшесинской и убедить дирекцию императорских театров сдать Дягилеву в аренду Михайловский театр. Он находит менее престижную площадку – «Народный дом Николая II» – бывший павильон Всероссийской выставки, который перевезли в столицу из Нижнего Новгорода. Арендовать эту сцену намного проще, потому что она находится в управлении «Попечительства о народной трезвости». Выступления в российской столице намечены на февраль 1912 года.

Совместные гастроли Кшесинской и труппы Дягилева в Ковент-Гардене проходят по плану. В октябре 1911 года Кшесинская приезжает на гастроли в Лондон в сопровождении великих князей, поражая публику обилием драгоценностей. Помимо Кшесинской к труппе на время этих гастролей присоединяется Анна Павлова, которая танцует в «Жизели». На все спектакли дягилевской труппы приходит и звезда светского Лондона – оксфордский студент Феликс Юсупов. Молодой князь дружен с Павловой. Он называет ее «небесной посланницей», а она ему отвечает: «У тебя в одном глазу Бог, в другом – черт».

5 декабря 1911 года в Петербурге, вдали от лондонских триумфаторов, умирает самый принципиальный из друзей Дягилева, Валентин Серов. Дягилев не успевает на похороны – он приезжает только 15 декабря. Следующая трагедия происходит в конце января – в «Народном доме» пожар, театр непригоден для выступлений. Дягилев лихорадочно ищет план «Б», обращается к Алексею Суворину, издателю «Нового времени», ультраконсерватору и человеку совершенно нерукопожатному с точки зрения столичной интеллигенции. Серов бы, конечно, Дягилева осудил – но его уже нет.

У Суворина есть частный театр, и именно его умоляет сдать в аренду Дягилев. Но Суворин называет издевательски неподъемную цену. «Так-то нас встречает родина! Видно, как мы ей нужны, – пишет обиженный Стравинский. – Гнусные мелкие торгаши и злодеи – служат одной лишь пакости, пошлости, подлости. Суворины и прочая сволочь, от которой в России проходу нет – задыхаешься». Самая известная балетная труппа в мире так и не найдет площадки в России. Дягилев переносит выступление в Дрезден.



Глава 10
В которой миллионеры Павел Рябушинский и Александр Гучков пытаются привлечь крупный бизнес к управлению государством

Миллионер против правительства

15 апреля 1912 года пароход «Титаник», принадлежащий британской компании White Star Line, врезается в айсберг неподалеку от Гренландии. Всего на борту 2224 человека, 1514 из них погибают. Через день, 17 апреля, в мировых СМИ появляются первые сообщения о гибели «Титаника». Россия все еще живет по старому стилю, так что первые упоминания о «Титанике» здесь датируются 4 апреля.

Главное внутреннее событие в России в этот день – визит нового премьер-министра, бывшего министра финансов Владимира Коковцова в Москву, экономическую столицу страны. Коковцов больше полугода назад сменил Столыпина на посту главы правительства – и только сейчас решил пообщаться с крупным бизнесом. Он посещает биржу, а вечером глава биржевого совета (профсоюз промышленников, аналог современного РСПП) Григорий Крестовников дает в честь премьера торжественный ужин. Купцы пытаются произвести на главу правительства хорошее впечатление[105]. Он тоже вежливо сожалеет, что промышленники не могут попасть в Думу «в должном количестве» из-за столыпинского избирательного закона.

Крупный бизнес в целом лоялен к власти, но в нем есть и смутьяны. Их лидер – Павел Рябушинский, старший из восьми братьев, банкир и промышленник, издатель газеты «Утро России». Рябушинский встает, чтобы поговорить о проблемах, и перечисляет многочисленные претензии крупного бизнеса к правительству (начинает с преследования старообрядцев, ведь вся элита российского бизнеса из их числа). Речь Рябушинского звучит как вызов властям. Коковцов не понимает ее посыла, по его словам, это «бессвязный лепет». Завершает свое выступление «зарапортовавшийся» (по мнению Коковцова) Рябушинский тостом: «Не за Правительство, а за Русский народ, многострадальный, терпеливый и ожидающий своего истинного освобождения».

Хозяин дома Григорий Крестовников очень зол на Рябушинского за такую бестактность. Негодует и московский городской голова Николай Гучков, потомок купеческого рода и родной брат бывшего председателя Думы Александра Гучкова: «Павел Рябушинский? Да это такой подлец и мерзавец, каких свет не родил! В таком доме, в интимном кружке, куда его допустили, позволяет себе поучать председателя Совета министров?! Недаром про Рябушинского Коковцов еще раньше говорил в Петербурге:

подмигивают все и кокетничают с революцией? Московских купцов мало жгли в 1905 году, что они еще не образумились».

Но для многих предпринимателей Рябушинский – не смутьян, а герой. «Вы один говорили дело, говорили с общегосударственной точки зрения, а не как торгаш и промышленник, – пишет ему владелец московского металлургического завода Юлий Гужон. – Уверен, что Ваш пример вызовет последователей. Давно пора». Согласно донесению полиции, речь Рябушинского «вызывает много толков в обществе и поднимает его популярность».

Рябушинский – лидер группы «молодых предпринимателей», миллионеров-старообрядцев, которые активно требуют реформ, большего участия купечества в политике. Самые активные участники этой группы – друзья Рябушинского: Александр Коновалов и Сергей Третьяков (внук одного из основателей Третьяковской галереи). Они участвуют в финансировании газеты «Утро России». Еще в начале 1911 года они вместе с Рябушинским инициировали знаменитое «письмо 66» – первую акцию протеста бизнеса по вопросу, напрямую его не касающемуся. Тогда предприниматели выступили в поддержку профессоров Московского университета, уволенных после студенческих волнений «памяти Толстого». По подсчетам прессы, совокупное состояние подписавших «письмо 66» составляет больше полумиллиарда рублей[106]. Но одно дело – написать письмо в газету, другое – публично в глаза премьеру высказать свои претензии. Так раньше вели себя только левые депутаты Думы, но не московские миллионеры.

Наконец, в преддверии предстоящих выборов Рябушинский и «молодые предприниматели» создают свою партию, Прогрессивную партию, которая должна представлять интересы бизнеса, бороться за реформы и потеснить и кадетов, и октябристов.

Их расстреляли

В тот день, когда мир узнает о гибели «Титаника», а Рябушинский критикует Коковцова на званом ужине, в шести тысячах километров от Москвы происходит трагедия. В городе Бодайбо в Иркутской области, столице российской золоторудной промышленности, бастующие рабочие устраивают демонстрацию с требованием поднять зарплату, улучшить жилищные условия, а также освободить их арестованных товарищей. Но войска открывают огонь по демонстрации и расстреливают от 150 до 200 человек, по разным данным, и еще столько же ранят. Месторождение принадлежит британской компании Lena Goldfields, ее акции торгуются на Лондонской бирже, хотя управляют компанией российские акционеры – семья Гинцбургов.

Ленский расстрел становится главной новостью уже через день. Журналисты вспоминают речь Коковцова перед банкирами, его слова, что «власть должна показывать пример уважения к личности, она должна ценить человеческую жизнь». Расстрел рабочих провоцирует новый конфликт. Предприниматели-консерваторы во главе с Крестовниковым считают, что нужно любой ценой предотвратить волну забастовок по стране – наложить на всех забастовщиков штрафы и уволить зачинщиков. Рябушинский и его сторонники против. Они считают, что в Бодайбо совершено преступление и крупный бизнес должен выразить свой протест.

Полицейские отчеты сообщают, что популярность Рябушинского растет, и это очень тревожит октябристов, преданных Гучкову. Тем более что срок полномочий текущей Думы истекает, до выборов осталось всего четыре месяца.

9 апреля после пасхальных каникул собирается Госдума. Ее председатель Михаил Родзянко начинает с того, что выражает соболезнования «дружественной английской нации» в связи с постигшим ее несчастьем – гибелью «Титаника». О Ленском расстреле он не упоминает. Только после обеда три думские фракции подают запросы в правительство в связи с трагедией в Бодайбо. Расстрел сравнивают с Кровавым воскресеньем 1905 года. Даже Гучков, недавний союзник Столыпина, присоединяется к тем, кто требует расследования.

Через два дня в Думу приходит глава МВД Александр Макаров, чтобы объяснить случившееся: «Когда потерявшая рассудок под влиянием злостных агитаторов толпа набрасывается на войско, войску ничего не

остается делать, как стрелять. Так было и так будет впредь!» Последняя фраза министра возбуждает невероятный резонанс. Начинаются одновременно два расследования: правительство отправляет в Бодайбо бывшего министра юстиции Сергея Манухина, а думская оппозиция – известного юриста Александра Керенского. Репутация Манухина даже в либеральных кругах безупречна, Дума не подозревает его в предвзятости, но Манухин отчитывается только императору, а Керенский о ходе расследования оповещает и Думу, и прессу. Кроме того, уже два года назад Керенскому предложили избираться в Думу, поэтому максимально гласное расследование в его интересах – выборы уже осенью. С расстрелом на сибирских приисках заканчивается политическая зимняя спячка. Дума, лояльная все пять лет, в последние месяцы работы выходит из-под контроля.

Человек, который воюет

22 апреля 1912 года недавний председатель Государственной думы Александр Гучков приезжает в петербургский пригород Старая Деревня, неподалеку от Елагинского дворца, где жил его покойный друг Петр Столыпин. Гучков приехал стреляться – его вызвал на дуэль чиновник военного министерства полковник Сергей Мясоедов. Полковник промахивается, депутат стреляет нарочито небрежно, все невредимы. Поводом для дуэли стало интервью Гучкова газете «Новое время», в котором он обвинил Мясоедова в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. У Гучкова нет никаких доказательств, просто он дружит с офицерами Генштаба, которым выходец из полиции Мясоедов кажется подозрительным.

Александр Гучков слишком вспыльчив для политика, и дуэль для него – привычное дело. Он уже собирался стреляться с Павлом Милюковым (но они смогли договориться), а став председателем Думы, стрелялся с другим депутатом и ранил его. После бескровной дуэли Мясоедов увольняется, а в газетах появляются карикатуры и фельетоны вроде «Сирано-де-Гучков».

Гучковы, московские купцы-старообрядцы, сделавшие состояние на текстильном производстве, всегда интересовались политикой: дед Александра Гучкова был московским городским головой, отец и дядя – депутатами Мосгордумы. Александр – ровесник Саввы Морозова и Константина Станиславского, на 10 лет старше Павла Рябушинского, но, в отличие от них, он увлекся не театром и не живописью. Еще в гимназии он хотел сбежать на войну с Турцией, однако пошел по стопам отца и в 30 лет стал депутатом Городской думы.

В 37 лет он внезапно уехал в Южную Африку – сражаться в англо-бурской войне на стороне буров. Был ранен, попал в плен. Через четыре года, в 1903-м, в Македонии участвовал в восстании против Османской империи. Во время русско-японской войны работал в Красном Кресте и снова попал в плен, отказавшись уезжать из Мукдена, когда его покинула российская армия. К 50 годам Гучков заработал репутацию честного безумца, готового биться насмерть за свои убеждения.

В 1905 году Гучков возглавил «Союз 17 октября», партию сторонников реформ Витте, потом очень тесно сошелся со Столыпиным. Несмотря на купеческое происхождение, в Думе он представляет интересы скорее не

бизнеса, а военных. Он видел своими глазами ужас поражения на Дальнем Востоке, знает его причины и потому мечтает реформировать армию, сделать ее по-настоящему боеспособной, внедрить современные технологии и приемы вместо учебников времен Суворова, в которых написано, что «пуля – дура».

В Думе Гучков возглавляет Комиссию государственной обороны – профильный комитет, который курирует военное ведомство. Через него проходят все законопроекты, он помогает генералам выбивать деньги у министерства финансов. Он приятельствует с военным министром Редигером и другими сотрудниками Генштаба – вокруг Гучкова возникает что-то вроде офицерского кружка, обсуждающего реформирование вооруженных сил.

При этом вспыльчивый Гучков не отличается военной дисциплиной. Летом 1908 года он произносит в Думе пламенную речь, обвиняя во всех бедах армии некомпетентных родственников императора, которые ею руководят, и в завершение призывает великих князей уйти в отставку. После этой речи к нему подбегает Милюков: «Александр Иванович, что вы сделали – ведь распустят Государственную думу». Столыпин тоже осуждает друга за то, что тот вынес сор из избы: «Я с вами согласен, что участие великих князей вредно, но мне кажется, что вашим выступлением вы только укрепили их положение. И у государя бывала мысль их устранить, а сейчас для того, чтобы не делать впечатление, что действует по вашему настоянию, все останется по-прежнему», – говорит премьер.

С этого момента к Гучкову и его офицерскому кружку относятся подозрительно, называя его участников «младотурками». Своими попытками изучить турецкий опыт Гучков усиливает эти подозрения. Его друзей-офицеров постепенно увольняют из Генштаба, меняют даже главу военного ведомства. Новый военный министр Сухомлинов пытается скрыть от думской комиссии по обороне все важные вопросы. Гучков считает, что Сухомлинов добился влияния тем, что не утомлял императора докладами, а веселил армейскими анекдотами. В реформе армии он явно не заинтересован.

Дуэль Гучкова с другом и помощником Сухомлинова Мясоедовым – это только начало. Гучков убежден, что его противники – подлецы, он готов заподозрить их в любых преступлениях, и ему не нужны никакие доказательства. Сухомлинов докладывает Николаю II, что «младотурок» Гучков ненавидит его за верность императору. У Николая к Гучкову свои претензии. Заняв пост председателя Думы, Гучков несколько раз беседовал с императором, в том числе и о вопросах, выходящих за рамки думской

работы. После одного из таких разговоров Гучков не сдержался и разболтал коллегам по Думе, насколько он, мол, близок к царю, – и передал содержание разговора. Беседа стала достоянием гласности и даже была процитирована в газетах. Николай ему этого не простил, и недавняя речь про Распутина только усугубила его антипатию. Более того, император попросил министра Сухомлинова при случае передать Гучкову, что тот «подлец». Теперь Николай II считает монархиста Гучкова опаснейшим врагом режима.

Семь тысяч двести граммофонов

Третья, «столыпинская», Дума, отработав положенный срок, уходит в отставку. В сентябре 1912 года начинается предвыборная гонка. Власть входит во вкус – с каждыми следующими выборами применение админресурса становится все более грубым. Выборы 1912 года бьют все рекорды.

Столыпин еще за два года до выборов распорядился выделить на поддержку нужных кандидатов (в основном через прессу) 4 миллиона рублей[107]. Философ Сергей Булгаков, один из авторов «Вех», еще недавно бичевавший российскую интеллигенцию, вспоминает, что просто не может поверить своим глазам: чиновники вмешиваются в выборы, не таясь и не стесняясь, избирателей запугивают, кандидатов исключают в последний момент. К ужасу глубоко верующего Булгакова, движущей силой фальсификаций становится духовенство – именно оно должно организовать на участках нужный результат. «Народ на выборах подменен 7200 священниками, – говорит во время предвыборного митинга кандидат от кадетов Федор Родичев. – Это все равно как завести 7200 граммофонов и потом сказать, что это голос народа».

Булгаков вспоминает, что в его губернии уже нет политических партий в обычном смысле слова: с одной стороны идет блок кандидатов, отобранных администрацией, во главе с губернатором из соседней губернии, «который нуждается в депутатском кресле для поправления своей пошатнувшейся карьеры». Против них борется группа независимых людей, состоящая из октябристов, «прогрессистов», кадетов и даже социал-демократов. Но кандидаты от власти побеждают.

Оппозиционеры с разными взглядами начинают объединяться против бюрократического прессинга еще летом 1912 года. Новое дыхание приобретает масонское движение. Депутатам нужна надпартийная организация, «координационный совет», чтобы действовать сообща и выдвигать единых кандидатов против кандидатов от власти. Кадеты предлагают воспользоваться для этого организацией масонов. Девиз масонов прежний: за истину и свободу, но цель более практичная – объединить приличных, «рукопожатных» политиков.

С этой целью масоны полностью обновляют свою организацию – одним из главных реформаторов становится 32-летний депутат-кадет Николай Некрасов. Он и его товарищи предлагают упростить процедуру

приема, упразднить систему масонских степеней, отказаться от ритуальных пережитков и вообще создать собственную масонскую организацию, независимую от французской. Ее называют «Великий Восток Народов России». В эту ложу приглашают депутатов самых разных фракций, даже главу фракции социал-демократов, депутата от Тбилиси Николая Чхеидзе. А также перспективных политиков, которые только собираются баллотироваться в Думу, – например, адвоката Александра Керенского, который набирает популярность благодаря своему расследованию Ленского расстрела. Рябушинский и Коновалов тоже присоединяются к московской ложе.

Председателем масонского конвента избран депутат Некрасов. Новая организация куда более активна, чем все предыдущие. Это не предвыборный штаб, но площадка для обсуждения общих планов.

В итоге Дума, несмотря на колоссальное давление властей, оказывается довольно разнородной. Правых и националистов – больше четверти, самая крупная фракция – у октябристов, но ее лидер Александр Гучков проваливается на выборах. Против него работают все: и власть, и масоны. Для Гучкова это серьезное поражение и разочарование. «Мы стоим лицом к лицу уже не с той властью, с которой мы договаривались. Договор уже не нарушен, а разорван», – говорит он на съезде своей партии после выборов.

Прогрессивная партия, один из лидер которой – Рябушинский – самый яркий дебютант выборов, получает фракцию из 48 человек (около 10 % Думы). Сам Рябушинский в Думу решил не баллотироваться, зато избран его друг Коновалов.

Впервые избран и Александр Керенский. Ему 31 год, он невероятно активен как в прессе, так и в масонской ложе. Будучи кандидатом в Думу от эсеров, во время своей недавней поездки на Лену он познакомился и подружился с сосланной легендарной эсеркой Бабушкой Брешко-Брешковской. В новой Думе он становится лидером фракции трудовиков (так называют себя депутаты-эсеры).

Фракция социал-демократов совсем маленькая, 14 человек, из них 8 меньшевиков и 6 большевиков. Самая любопытная фигура среди них – большевик Роман Малиновский. Он – новая звезда партии, познакомился с Лениным всего два года назад и уже стал одним из самых влиятельных его товарищей. Именно усилиями Малиновского в России впервые начинает выходить легальная большевистская газета – «Правда». При этом Малиновский – агент тайной полиции, самая большая удача МВД после разоблачения Азефа.

Царевич умирает

Большую часть 1912 года царская семья старается не появляться в столице: весной они в Крыму, летом плавают у побережья Финляндии, в сентябре едут в Беловежскую Пущу.

Император увяз в семейных проблемах. Его мать недолюбливает его жену, младший брат Михаил закрутил роман с женой собственного адъютанта, завел внебрачного ребенка и хочет жениться, но император строго против.

Тем временем троюродный брат Николая, греческий король Константин, начинает войну против Турции, в союзе с Болгарией, Сербией и Черногорией. Идея помочь «братьям-славянам» очень популярна в российском обществе. Газеты немедленно отправляют на Балканы корреспондентов, в том числе от «Киевской жизни» едет Лев Троцкий.

Особенно рвется в бой дядя царя великий князь Николай Николаевич, командующий Санкт-Петербургским военным округом и гвардией. Его жена Стана и ее сестра Милица – дочери черногорского короля – умоляют Николая II помочь их отцу. Еще недавно Столыпин был активным противником любых военных действий, говоря, что Россия не может позволить себе войны, пока не побежден внутренний враг. Теперь вместо него против войны выступает Распутин. По словам Вырубовой, он чуть ли не на колени встает перед императором, говоря, что «враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну» и «что Россию постигнет неминуемое несчастье».

В начале октября царская семья на месяц переезжает в охотничьи угодья в Польше. Там восьмилетний наследник престола, играя у пруда, неудачно прыгает в лодку, подворачивает ногу и у него начинается внутреннее кровоизлияние. Он не может пошевелить ногой, день и ночь кричит от боли, императрица неотлучно сидит у постели ребенка. 19 октября у наследника поднимается температура. Доктора, вызванные из Петербурга, говорят, что состояние безнадежное. «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький памятник», – говорит Алексей матери. В один из дней Николай II, выйдя из комнаты сына, плачет навзрыд на глазах у свиты.

Министр двора барон Фредерикс настаивает на том, чтобы выпустить официальный пресс-релиз о здоровье цесаревича, но Николай и Александра считают болезнь государственной тайной. Императрица просит Вырубову отправить телеграмму Распутину. «Болезнь не так опасна, как

это кажется, – внезапно отвечает тот. – Пусть доктора его не мучают». И действительно, вскоре мальчик начинает поправляться.

17 октября великий князь Михаил, вопреки обещанию, в Вене тайно венчается со своей гражданской женой Натальей Вульферт. Николай II наказывает его, увольняя со всех должностей и постов и запрещая въезд в Россию.

Романовы 300 лет спустя

1913 год – юбилейный год трехсотлетия дома Романовых. Пышные торжества должны начаться 21 февраля – в день, когда царем стал первый из Романовых, Михаил Федорович.

В феврале царская семья переезжает из Царского Села в Зимний дворец. Настроение у императрицы очень подавленное. Теперь она вспоминает последние годы жизни в Зимнем дворце – тогда, 10 лет назад, в 1903 году, при дворе были в моде балы в стиле XVII века, придворные наряжались в костюмы эпохи первых Романовых. С тех пор ее здоровье резко ухудшилось, она ненавидит бывать в обществе и устает от публичных мероприятий: «Теперь я руина», – говорит она Вырубовой.

Весной празднества продолжаются путешествием в Кострому, Ярославль, Нижний Новгород. Крестьяне, завидев царский пароход, заходят по пояс в воду, поют гимн. Подобные сцены народного обожания воодушевляют императрицу, убеждая, что простой народ любит царя, а все зло – от интеллигенции. Путешествие длится несколько месяцев, но из-за слабого здоровья Александра пропускает значительную часть мероприятий. У нее начинается ангина, из-за переутомления она часто не в силах даже выйти из поезда.

Московские торжества проходят отлично. При солнечной погоде Николай входит в Кремль пешком, впереди духовенство с кадилами, императрица с наследником едут в открытом экипаже. Звонят колокола, народ ликует.

Для детей императора это путешествие становится знакомством с Россией. Девочки очень патриотичны, говорят дома по-русски и с ужасом думают, что когда-нибудь им придется выйти замуж и уехать из России. Но до этого путешествия они почти не видели своей страны, вся их жизнь проходит между Царским Селом и Ливадией в Крыму.

Романовы не путешествуют по России, большую часть времени родственники императора проводят в Европе. «Наши странствования бросали нас из одного конца Европы в другой, – описывает семейный образ жизни великий князь Сандро. – Традиционная весенняя встреча с королевой английской Александрой в Дании. Ранний летний сезон в Лондоне. Пребывание Ксении на водах в Киссингене или же в Вителе. Далее сезон в Биаррице. Экскурсии детей в Швейцарию. Ранний зимний сезон в Каннах. Мы покрывали в вагоне многие тысячи километров».

Мать императора большую часть времени проводит на родине в Копенгагене, гостит у сестры – королевы Англии, либо отдыхает в Биаррице. Брат императора Михаил вынужден путешествовать по Европе – он купил недвижимость в Лондоне и на Лазурном Берегу. Две виллы во Франции есть и у самого Николая II. Однако обычно, путешествуя по Европе, великие князья и их семьи останавливаются в самых дорогих отелях, снимая не номера, а этажи. Сандро вспоминает, что однажды в Гранд-отеле в Риме администрация гостиницы все никак не могла поверить, что «все эти мужчины, дамы, дети, няньки в формах и без, прислуги и воспитатели и т. п. принадлежат к одной и той же семье русского великого князя».

Больше других жизнью на широкую ногу славятся дети великого князя Владимира, бывшего покровителя Дягилева: Кирилл, Борис и Андрей. Бориса все время видят в Ницце в окружении проституток; императору регулярно жалуются на «безобразное» поведение Бориса. Андрей вместе со своей любовницей Кшесинской много времени проводит в Монако – он азартный игрок. Как, впрочем, и его мать, великая княгиня Михень.

Роскошь русского двора известна всей Европе. Слухи о колоссальных счетах русского императора и его родственников в европейских банках не лишены основания: после 1905 года, когда Николай II думал о бегстве из России в Германию, для него были открыты тайные счета в берлинском банке Mendelssohn & Co (до 20 миллионов рублей[108]) и на более мелкие суммы в Credit Lyonnais и Bank of England.

Хорошее знание Европы сочетается с почти полным незнанием России. Годы спустя великая княжна Мария, двоюродная сестра императора, будет писать, что ни ей, ни ее родственникам не приходило в голову, до какой степени различаются русская и европейская провинция, насколько русская деревня беднее.

«Перестаньте! Образумьтесь!»

Российское общество в 1913 году постепенно выходит из спячки, полемика возобновляется. Расследование расстрела рабочих на Лене и киевское убийство Андрея Ющинского обсуждают больше всего. Оба дела политизированы: Ленский расстрел левые партии используют в революционной пропаганде, дело Бейлиса двигают правые партии для пропаганды антисемитской.

Сенатор Манухин завершает доклад еще осенью 1912-го, он надолго засекречен, обсуждение в Думе начинается только весной 1913 года. Выводы сенатора полностью совпадают с выводами Керенского: условия жизни на приисках были чудовищны, требования бастующих – сугубо экономические, стрельбы можно было избежать. Правительство тем не менее виновных не ищет, несколько сотрудников управляющей компании уволены, офицер, приказавший стрелять, разжалован, но дело не возбуждают. Расследование крушения «Титаника», утонувшего накануне Ленского расстрела, завершилось похожим образом – в гибели полутора тысяч человек тоже никого конкретно не обвинили.

В Киеве, наоборот, начинается громкий судебный процесс. Мендель Бейлис арестован, общество разделилось, примерно как во время дела Дрейфуса во Франции 15 лет назад.

В ноябре 1911 года «совесть нации», 58-летний писатель Владимир Короленко пишет открытое письмо, в котором напоминает, что жертвами «кровавого навета» – обвинения в использовании крови младенцев в своих ритуалах – были еще первые христиане. И Короленко обращается к современникам словами христианского мученика святого Иустина: «Стыдитесь приписывать такие преступления людям, которые к ним не причастны. Перестаньте! Образумьтесь!»

Под открытым письмом Короленко подписываются почти все известные интеллектуалы страны: Максим Горький, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Философов, Леонид Андреев, Александр Блок, Александр Бенуа, почти вся либеральная часть Думы, сотни профессоров, журналистов. В поддержку Бейлиса начинается кампания и в Европе – его поддерживают самые известные европейские писатели: Томас Манн, Герберт Уэллс, Анатоль Франс. В «кровавый навет» не верят и многие националисты, например издатель газеты «Киевлянин» Дмитрий Пихно и его зять Василий Шульгин, тот самый, что пытался

предотвратить погром в Киеве в 1905 году. Пихно пишет статью против собственных поклонников-черносотенцев «Вы сами приносите человеческие жертвы!». «Киевлянин» публикует максимально полное и убедительное расследование убийства Ющинского, доказывающее, что Бейлис невиновен, а мальчик убит скупщицей краденого Верой Чеберяк и ее подельниками.

С другой стороны, Василий Розанов, друг Мережковских, и соавтор «Вех» священник Павел Флоренский убеждены, что еврейская культура основана на культе крови, а значит, Бейлис не может не быть убийцей. Розанов и Флоренский обсуждают, что если не остановить рост еврейского населения России, то они поглотят русских, так как размножаются быстрее. Розанов пишет статьи против Бейлиса в «Земщину» – главную газету марковского Союза русского народа.

Этот факт возмущает всех его друзей – Дмитрий Мережковский предлагает членам Религиозно-философского общества устроить общественный суд над Розановым и исключить его. Большинство считает, что изгонять Розанова, пусть даже публикующегося в «Земщине», – это варварство. Тогда Розанов сам демонстративно хлопает дверью. А заодно публикует в прессе личную переписку Мережковского и покойного издателя проправительственного «Нового времени» Алексея Суворина, чтобы продемонстрировать, что сам Мережковский – лицемер.

Кто убил Андрея Ющинского

Судебный процесс над Бейлисом приобретает государственную важность. За ним следит весь мир, им руководит лично министр юстиции консерватор Иван Щегловитов. Несмотря на слабую доказательную базу, он решается на судебный процесс, чтобы его и правительство не обвинили в продажности «жидам». В стремлении угодить начальству чиновники привлекают к ответственности всех, кто критикует следственные органы и обвинение, давят на газеты, пишущие о деле Бейлиса, в нескольких случаях даже конфискуют тиражи.

Процесс начинается 23 сентября. Бейлиса защищают самые известные столичные адвокаты: депутат Думы Василий Маклаков и будущий министр юстиции Временного правительства Александр Зарудный. Корреспонденты в зале суда – Владимир Набоков-старший и Владимир Короленко.

«Ощущение XVI столетия», – пишет в репортаже из суда Короленко, хотя за окном и «современный Киев, с красивыми домами, вывесками, газетами и электричеством». Состав коллегии присяжных (семь крестьян, три мещанина, два мелких чиновника) значительно отличается от обычного – нет ни одного интеллигента, что для университетского центра редкость. Газету со статьей, в которой Короленко обвиняет власти в манипуляциях при формировании коллегии присяжных, конфискуют, против него возбуждают уголовное дело.

Самый громкий демарш совершают петербургские адвокаты: они пишут воззвание, в котором называют суд над Бейлисом надругательством над основами человеческого общежития, унижающим Россию перед всем миром. Текст публикуют четыре газеты в Петербурге и Киеве. Уже после окончания суда инициаторов воззвания – Александра Керенского и Николая Соколова – приговорят к восьми месяцам тюремного заключения за оскорбление власти.

Последний день процесса – 28 октября 1913 года. Все ждут обвинительного приговора и грандиозного еврейского погрома в Киеве. Отряды погромщиков уже собрались и приготовились.

Присяжные голосуют – и это очень показательное голосование. Шестеро за виновность Бейлиса, шестеро против. Ни у кого нет большинства, но по юридическим правилам в этом случае подсудимый считается невиновным. Бейлиса отпускают в зале суда. «Кошмары тускнеют», – пишет Короленко про чудом не случившиеся погромы. Для

либеральной части общества это победа. Бейлис с семьей уезжают из России в Палестину. Следствие закрыто. Роковой вопрос «Кто убил Андрея Ющинского?» никогда больше не поднимается.

Весна скандальная

29 мая 1913 года в театре на Елисейских Полях премьера нового дягилевского балета «Весна священная». Театральная компания Дягилева снова на подъеме, к тому же он нашел себе нового спонсора – это барон Дмитрий Гинцбург, представитель той самой династии, которая владеет ленскими рудниками. Прежнего покровителя Дягилева, великого князя Владимира, винили в расстреле 9 января 1905 года, новый покровитель – один из акционеров компании Lena Goldfields, которую обвиняют в расстреле собственных рабочих в Якутии. Но Дягилев не интересуется подобными новостями. Он всецело увлечен новым проектом и уверен, балет Стравинского «Весна священная» произведет революцию в музыке.

С самого начала спектакля становится ясно, что это будет необычный вечер: имитация языческих плясок, совсем не традиционная музыка Стравинского. Для 24-летнего Нижинского это особая премьера – он дебютирует в качестве балетмейстера. Накануне в газетах писали, что он «молодой террорист, который задушил балет».

Сначала зрители шепчутся, потом начинают кричать, свистеть и ругаться. У Стравинского сдают нервы, и он выходит из зала. Поклонники дягилевской труппы кричат на недовольных: поэт Габриэле д'Аннунцио и композитор Клод Дебюсси едва ли не с кулаками бросаются на зрителей из соседней ложи. Сейчас такое можно представить себе только на футболе, но не в театре, – спектакль еще не закончился, а потасовка уже в разгаре. Дягилев приказывает включать и выключать свет в зале, надеясь успокоить публику, в итоге приходится вызвать полицию. Несмотря на свист, крики и драку в зале, публика после балета орет и аплодирует: Нижинский и Дягилев даже выходят, чтобы раскланяться.

Дягилев в восторге от скандала: «Это именно то, что я хотел», – кричит он друзьям. Вся компания едет ужинать, потом гуляет по Булонскому лесу до утра. Жан Кокто вспоминает, что в какой-то момент в такси Дягилев начинает что-то бормотать по-русски, Стравинский и Нижинский внимательно его слушают, а он плачет. Кокто спрашивает, что случилось, и ему объясняют, что Дягилев читает стихи Пушкина.

Скандал на премьере оказывается не последним. Ковент-Гарден, Гран-опера и другие театры отказываются принимать на своей сцене балеты, поставленные Нижинским, потому что они отпугивают публику. Оркестры восстают, отказываясь играть Стравинского. Сам Дягилев считает «Весну

священную» слишком длинной и хочет ее сократить, Стравинский против. Вдобавок ко всему еще и Бакст отказывается разрабатывать костюмы и декорации к балетам Нижинского. Дягилев и Нижинский все время ссорятся, Нижинский начинает изменять ему с женщинами, они часто устраивают сцены на публике.

Дневник, который Нижинский вел значительно позже, когда у него уже началось тяжелое психическое заболевание, подробно рассказывает об их расставании. Он с омерзением описывает крашеные седые волосы и искусственные передние зубы Дягилева, сравнивая его со старухой. Они спят в разных комнатах, Нижинский запирает комнату на ключ и убегает к проституткам. Дягилев приказывает слуге следить за Нижинским.

В августе 1913 года труппа едет на гастроли в Латинскую Америку – без Дягилева, который боится пароходов. На борту Нижинский знакомится с Ромолой Пульской, дочерью венгерского миллионера. Почти сразу по прибытии в Буэнос-Айрес он делает ей предложение, и 10 сентября 1913 года они венчаются. Сестра и мать танцора находятся в это время в Петербурге и о свадьбе узнают из газет. Дягилев отдыхает в Венеции. Когда ему приносят телеграмму, у него начинается истерика. Вскоре он увольняет Нижинского, тот пытается собрать собственную труппу, переманить Стравинского, но безуспешно. Собственные гастроли Нижинского в Лондоне проваливаются. Он дает два выступления, заявляет, что болен, и разрывает контракт.

Дягилеву снова везет: осенью 1913-го он встречает 17-летнего танцора Леонида Мясина, который выглядит, как полная противоположность Нижинскому – маленького роста, вовсе не красавец, зато интеллектуал. Одновременно Дягилев находит новых оформителей спектаклей, супружескую пару Наталью Гончарову и Михаила Ларионова. Присоединиться к труппе мечтает уже известный в свои 23 года композитор Сергей Прокофьев.

Дягилев перестает искать признания в петербургском высшем свете, который чужд нового и «упорно отстаивает отжившие традиции». Вместо этого он ориентируется на интеллигенцию и купечество – «средний класс, который создал успех Московскому художественному театру». Плюнув на Петербург, он планирует гастроли в здании бывшей мамонтовской оперы в Москве. Турне запланировано на январь – февраль 1914 года.

Новая Америка

1913 год – это пик российского экономического развития, апогей «стабильных тучных лет». По общему объему экономики Россия отстает от США и почти догоняет Германию, крупнейшую экономику Европы.

Капитализм преобразил облик России. Зять императора, великий князь Сандро, с раздражением замечает, что в Петербурге, кажется, все начали заниматься бизнесом: офицеры обсуждают рост цен на сталь, светские дамы приглашают в свои салоны «финансовых гениев», отцы церкви торгуют акциями.

Главные двигатели российской экономики – это купцы. «Русскому купечеству, – говорит Павел Рябушинский, – пора занять место первенствующего русского сословия, пора с гордостью носить звание "русского купца", не гоняясь за званием выродившегося русского дворянина». Все обсуждают, станет ли Россия новой Америкой, экономическим гигантом нового формата. Именно в 1913 году поэт Александр Блок пишет стихотворение «Новая Америка».

В правительстве даже разработан «новый курс»[109] – его придумывает министр земледелия Александр Кривошеин, один из соавторов аграрной реформы Столыпина и некогда его правая рука. Теперь у Кривошеина есть программа стимулирования экономического роста: он хочет вкладывать деньги в создание крупных госпредприятий, строить новые железные дороги, проводить масштабную мелиорацию. Правда, министр земледелия Кривошеин делает упор в первую очередь на сельское хозяйство.

План Кривошеина противоречит политике действующего премьер-министра Владимира Коковцова. Бережливый финансист Коковцов озабочен сохранением бездефицитного бюджета, он хочет сдерживать госрасходы, а промышленность развивать только за счет частных инвестиций[110].

Пока император отдыхает и путешествует, в Петербурге продолжаются интриги. В борьбе с премьером-бухгалтером Коковцовым реформатор Кривошеин решает воспользоваться помощью нового министра внутренних дел Николая Маклакова, который приобрел популярность в царской семье за умение рассказывать анекдоты и показывать смешные пантомимы: его коронный номер – «прыжок влюбленной пантеры» – очень веселит царских дочерей. Маклаков совсем не реформатор, он даже разработал новый цензурный закон, но он тоже очень не любит Коковцова

и хочет его свалить.

Против премьера начинается целая кампания. Кривошеин убеждает царя, что империи нужна финансовая реформа, а Коковцов ей препятствует (и это правда). Кривошеин считает, что пора отменить государственную монополию на торговлю алкоголем и ввести подоходный налог.

В то же время консервативная газета «Гражданин», которую издает 74-летний князь Мещерский, обзывает Коковцова «думским угодником», который стремиться поставить себя выше царя и заискивает перед «Родзянками и Гучковыми». Мещерский предлагает заменить Коковцова по-настоящему преданным царю человеком: либо бывшим премьером стариком Горемыкиным, либо вообще отцом Анны Вырубовой – начальником царской канцелярии Танеевым.

К кампании присоединяется и 64-летний экс-премьер Витте. Он по-прежнему дружен с князем Мещерским и мечтает вновь возглавить правительство. Он начинает критиковать одобренный минфином закон о борьбе с пьянством, говорит, что министр финансов Коковцов спаивает население, что при нем, Витте, такого не было. Наконец, Витте находит союзника в своей борьбе – это Григорий Распутин. «Старец» тоже все чаще жалуется «папе» и «маме» (Николаю и Александре) на то, что русский народ спивается – и виной тому винная монополия.

Коковцов идет к царю оправдываться. Он говорит, что именно Витте ввел винную монополию, что все новые предложения Витте – чистый популизм и на самом деле борьбе с алкоголизмом они не помогут – поможет только общее увеличение материального благосостояния народа. Но император уже решил уволить премьера, об этом знают все – и Кривошеин, и Маклаков, и Распутин. И хотя уже есть приказ об отставке, император соглашается с Коковцовым и успокаивает его.

Даже влияния Распутина не хватает, чтобы вернуть Витте в правительство, – «мама и папа Витю на дух не переносят», говорит он своему секретарю. Император предлагает пост премьера Кривошеину – но у него больное сердце, он знает на примере Столыпина и Коковцова, как тяжело быть премьером и не вызывать раздражения царя своей чрезмерной активностью. Кривошеин решает остаться в тени, выдвинув на первый план фиктивного премьера. На эту роль прекрасно подходит 74-летний Иван Горемыкин, тот самый пенсионер, который с радостью в 1906 году передал власть Столыпину. Семь лет спустя он нежданно-негаданно снова оказывается премьером – и с покорностью принимает это назначение.

Назначение Горемыкина – настоящий шок для общества. Особенно возбуждены Рябушинский и другие московские молодые предприниматели-

прогрессисты, которые ждут политических реформ. «Правительство обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора и уверено, что страна заснула мертвым сном», – говорит депутат-бизнесмен Коновалов.

Рябушинский проводит у себя дома совещания объединенной оппозиции, куда приглашает не только прогрессистов, кадетов и октябристов, но и эсеров, меньшевиков и даже большевиков. Большевики, конечно, не собираются ни о чем договариваться, Ленин инструктирует товарищей достать у миллионеров денег, «меньше 10 тысяч брать не стоит». Остальные оппозиционеры относятся к совещаниям у Рябушинского всерьез.

Сектанты и провокаторы

1913 год должен закончиться всеобщей амнистией, которой ждут самые разные враги режима. Впервые себя относит к таковым и иеромонах Илиодор. Он сидит в монастырской тюрьме и пишет письма с проклятиями Распутину, Вырубовой, «министру церкви» Саблеру. В мае Илиодор направляет в Синод прошение снять с него монашеский сан. Друзья из Петербурга пишут ему, что он зря торопится – скоро амнистия, нужно успокоиться и подождать. «Пусть лучше отпадет язык мой, пусть кругом пойдет голова моя, если я успокоюсь! – заводится в ответ Илиодор. – Все существо мое наполняется мучительною жаждою священной мести против вас… Я не допущу, чтобы меня когда бы то ни было помиловали. Милуют только преступников, а я – не преступник; я совершил великий подвиг…»

В декабре 1913-го, понимая, что Синод планирует замять дело, Илиодор отправляет туда еще одно отречение – на этот раз он режет себе вены и подписывается кровью. И снова проклинает руководителей церкви за то, что они покрывают Распутина, заканчивая свое послание словами: «Бога вашего отныне я не знаю и вас, как архиереев, не признаю». Только после этого с Илиодора снимают сан, выпускают из монастырской тюрьмы – и он возвращается в деревню к родителям на Дон. Там он создает секту «Новая Галилея», в которую зазывает своих прежних прихожан из Царицына.

В это время Максим Горький, напротив, бросает свою секту на Капри и отправляется на родину. Долгожданная амнистия по случаю трехсотлетия Романовых позволяет политэмигрантам вернуться. Он переезжает в Финляндию, хотя другие социал-демократы на это не решаются: в Петербурге на них объявлена охота, за 1913 год тайная полиция арестовала почти всех видных большевиков.

Меньшевики считают, что всему виной предатель, и подозревают Малиновского. Ленин уверен, что они клевещут на его друга за то, что тот борется с меньшевиками.

Однако вскоре жертвой депутата-агента становится большевик Иосиф Джугашвили, который по фальшивым документам возвращается в Петербург и становится редактором газеты «Правда», взяв псевдоним Сталин. Малиновский зовет товарища на бал-маскарад, где его встречает полиция. Сталин пытается убежать, переодевшись в женское платье, но его ловят, арестовывают, судят и ссылают в Туруханск, селение в Западной

Сибири. Попытка бегства Сталина не будет упоминаться в советской истории, а переодевание в женское платье будет приписано врагу большевиков Александру Керенскому.

Впрочем, история Малиновского заканчивается неожиданно. В январе 1913-го московский губернатор Владимир Джунковский назначен заместителем главы МВД. Он начинает реформу министерства и упраздняет секретную агентуру. Когда Джунковский узнает, что один из тайных агентов по совместительству работает депутатом Госдумы, возмущению его нет предела. Новый замглавы МВД «слишком уважает звание депутата», чтобы допустить, что им был тайный полицейский осведомитель. Он требует от Малиновского немедленно уехать из России. Агенту выдают пять тысяч рублей[111], он слагает с себя полномочия депутата – и уезжает за границу, к Ленину. Российские рабочие – сторонники большевиков возмущены бегством Малиновского. Он же отвергает все подозрения и требует суда над собой. Большевики создают суд-тройку: Ленин, Зиновьев и Якуб Ганецкий. Обращаются за советом даже к Бурцеву, тот никаких улик не имеет. Малиновский оправдан.

Ничего не зависит

Многие авторы воспоминаний пишут, что якобы предчувствовали приближение Первой мировой войны. Однако почти ничего в поведении жителей Российской империи в 1914 году не выдает этого предчувствия. Все они уверены, что будущее зависит не от них, а от высокого начальства. Ни интеллектуалы-оппозиционеры, ни близкие ко двору монархисты не допускают мысли, что они могут на что-то повлиять.

Однако проблема даже не в этом, а в том, что и высокое начальство тоже ничего не хочет решать. Император устал от плохих новостей, жалоб, ультиматумов и интриг. Он почти не появляется в столице – отдых с семьей становится почти круглогодичным. В Крыму он еще принимает министров, а во время летних путешествий на яхте по Финскому заливу вообще чиновников к себе не допускает. В столичных гостиных ходят слухи, что страной управляет Распутин – но на самом деле страной не управляет никто. Распутин живет у себя в сибирском селе и переписывается с царицей телеграммами. Премьер-министр Горемыкин старательно ничего не делает – его и назначили, чтобы он «не заслонял царя».

Императрицу весной 1914 года начинают мучать ужасные подозрения. Она ревнует мужа к Ане Вырубовой. Александра страдает мигренью, у нее болит сердце, случаются нервные припадки. Во время летнего плавания по Финскому заливу она все время твердит, что это их последнее путешествие. Много лет спустя Вырубова будет трактовать эти слова как предвидение войны.

Большая часть царской семьи переезжает на лето в Лондон. Мать императора Мария Федоровна в июне гостит у своей любимой сестры, английской королевы Александры. Младший сын Марии Федоровны, Михаил, изгнан из России из-за своего неравного брака и тоже живет в Лондоне. Здесь же муж вдовствующей императрицы, князь Шервашидзе, ее дочери, Ольга и Ксения, зять Сандро и внучка Ирина с мужем – молодым Феликсом Юсуповым. Феликс прекрасно знает Лондон, он звезда местного высшего общества. Семья отлично проводит время: почти каждый день ходят в театр, гуляют в Гайд-парке. 15 июня (по русскому, старому стилю) они завтракают в Букингемском дворце, когда узнают новость: в Сараеве убиты австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена. «Какая жестокость! Слава Богу, что, умирая, они были вместе», – записывает Мария Федоровна в дневнике. Вечером они едут в замок Комб. Там

выступает Шаляпин.

Четыре убийцы

То, что спустя столетие выглядит как продуманный план, часто оказывается лишь чередой случайностей. В день, когда племянник австрийского императора и наследник престола Франц Фердинанд приезжает в Сараево, организация из девяти человек планирует его убить. В 1908 году Босния и Герцеговина были аннексированы Австро-Венгрией, и теперь, шесть лет спустя, здесь процветает антиавстрийское движение. Решимость борцов за боснийскую независимость подкрепляют успехи Балканского союза в войне с Турцией – начиная с 1910 года коалиции в составе Сербии, Черногории, Греции и Болгарии удалось лишить Османскую империю почти всех ее европейских провинций. Сербские националисты уверены, что смогут повторить этот успех в борьбе с другой архаичной империей – Австро-Венгрией.

Террористы из организации «Молодая Босния», которые хотят убить Франца Фердинанда, скорее фанатики, чем профессиональные убийцы. Многие из них больны туберкулезом, они знают, что обречены, и потому легко идут на смерть. Лидер группировки, 19-летний Неделько Чабринович, 28 июня стоит в толпе, приветствующей кортеж эрцгерцога. Когда машина приближается, Чабринович бросает в нее гранату. Водитель резко жмет на газ – и взрыв происходит под машиной, следующей за машиной эрцгерцога. Наследник австрийского престола не пострадал, несколько сопровождающих ранено. Чабринович на месте выпивает капсулу с цианистым калием и прыгает в реку Миляцку. Но яд оказывается некачественным, а река слишком мелкой, террорист остается жив, и его хватают.

Эрцгерцог немедленно отправляется в больницу к раненым, но шофер едет не той дорогой, сопровождающий генерал останавливает машину и велит развернуться. Эта заминка происходит в нескольких метрах от Гаврило Принципа – 19-летнего активиста из «Молодой Боснии», тоже больного туберкулезом. Он подбегает к автомобилю, стреляет в супругов. Франц Фердинанд и его жена София умирают спустя несколько минут. Принцип тоже пытается покончить собой – и тоже неудачно, как и Чабринович.

На следующий день, 16 июня по старому стилю, в сибирское село Покровское приезжает женщина по имени Хиония Гусева. Ей 33 года, из-за сифилиса у нее провален нос. Хиония – фанатка Илиодора. Когда она жила

в Царицыне, он называл ее своей духовной дочерью, теперь она присоединилась к «Новой Галилее».

Расстриженный монах проповедует, что его последователи не должны считать себя православными, потому что русской церковью завладел лжепророк Гришка Распутин. «Дорогой батюшка! Да Гришка-то настоящий дьявол. Я его заколю! Заколю, как пророк Илья, по повелению Божию, заколол 450 ложных пророков Вааловых! Батюшка, благословите с ним разделаться!» – предлагает она и отправляется на поиски Распутина. 29 июня она встречает Распутина на улице его родного села. Гусева подходит под видом нищенки, просит милостыню и ударяет его ножом в живот. Распутин убегает, она догоняет, он хватает лежащую на земле оглоблю и бьет ее по голове. Хиония падает. На следующий день газеты публикуют сообщения о смерти Распутина. А день спустя – опровержения, Распутин жив, но надолго попадает в больницу.

31 июля по Монмартру идет человек с блокнотом. Это 29-летний Рауль Виллен, член «Лиги молодых друзей Эльзаса и Лотарингии», он такой же фанатик, как Принцип и Гусева. В блокнот он записывает перемещения Жана Жореса – самого известного левого политика Франции, лидера и объединителя французских социалистов. Жорес выступает против войны, а значит, против возвращения Эльзаса и Лотарингии, завоеванных Германией. Для националиста Виллена – это предательство. Он подходит к кафе «Круассан» и видит, что за столом напротив окна ужинает Жорес. Виллен дважды стреляет в голову, Жорес умирает на месте.

Чабриновича и Принципа приговорят к 20 годам заключения, и они оба умрут в тюрьме от туберкулеза. Позже будут считаться национальными героями Сербии. Хионию Гусеву отправят в психиатрическую клинику, где ее рассказ о том, как она убивала Гришку, будет пользоваться большой популярностью. «Я теперь герой на всю Россию», – будет говорить она. В 1917 году ее выпустят – и она попытается убить патриарха Тихона. Рауль Виллен просидит пять лет в тюрьме, а в 1919 году будет оправдан и освобожден прямо в зале суда к восторгу французских националистов, считающих, что, убив пацифиста, он приблизил победу в войне. Судебные издержки будут взысканы с вдовы Жореса.

Хроника растущего патриотизма

Убийство наследника австрийского престола в Сараеве оставляет российскую прессу почти равнодушной, пишут даже, что его смерть – благо для России, потому что Франц Фердинанд был настроен против нее. Дубровинское «Русское знамя» сообщает, что эрцгерцога убил «воинствующий жидовский центр», кадетская «Речь» – что убийству не следует придавать значения, потому что «тучи над Балканами складываются в призрак европейской войны» уже не в первый раз.

10 июля Австро-Венгрия предъявляет Сербии заведомо невыполнимый ультиматум. Живущий в Вене журналист Лев Троцкий поражен патриотическим возбуждением австрийцев – повсюду в городе появляется лозунг «Сербы должны умереть».

Петербург далек от патриотического подъема – в столице начинаются забастовки. «Выступление без повода, без предлогов, без лозунгов, без смысла», – изумляется Зинаида Гиппиус. Французский посол Палеолог уверен, что забастовки – дело рук немецких агентов.

15 июля Австро-Венгрия объявляет войну Сербии. В Петербурге спорят, надо ли объявлять мобилизацию, чтобы защищать братьев-славян. Императрица телеграфирует Распутину: «Мы в ужасе – война стала почти реальностью. Вы тоже думаете, что это возможно? Молитесь за нас. Помогите нам своим советом». Лежащий в больнице Григорий Распутин, по воспоминаниям Вырубовой, отвечает: «Не затевать войну, с войной будет конец России». Союзниками Австро-Венгрии являются Германия и Османская империя, так что война с Австро-Венгрией будет означать войну и с ними тоже.

16 июля Николай II отправляет телеграмму кузену своей жены, немецкому императору Вильгельму, с предложением передать австро-сербский вопрос на рассмотрение международной конференции в Гааге. Правда, российские офицеры уже уверены, что войны не миновать, – говорят, она продлится не больше полугода.

Граф Витте отдыхает в это время в Швейцарии. Он, как и все, встревожен обстановкой и говорит своим собеседникам, что «есть лишь один человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку» в России – это Григорий Распутин. «Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроение и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, теперь он удален», –

вздыхает Витте.

18 июля Николай II публикует приказ о всеобщей мобилизации. Вырубова бежит к императрице, та говорит ей, что это какая-то ошибка – мобилизация должна коснуться только губерний, граничащих с Австро-Венгрией. Александра спешит к мужу и выходит от него в слезах, со словами: «Все кончено, у нас война и я ничего об этом не знала».

19 июля Николай получает телеграмму от кайзера Вильгельма, который призывает его срочно остановить мобилизацию, встретиться и обо всем договориться. «Что я отвечу своему народу?» – говорит император жене. Поздно вечером в тот же день германский посол вручает главе МИД Сергею Сазонову ноту об объявлении войны. Императрица рыдает, но Николай даже выглядит бодрее: «Пока вопрос висел в воздухе, было хуже».

В этот же день бывший иеромонах Илиодор, теперь просто мирянин Сергей Труфанов, тайно переходит границу России и Швеции, скрываясь от преследования, – власти считают его заказчиком покушения Гусевой на Распутина.

20 июля в России опубликован царский манифест о начале войны. Настроение всюду приподнятое – народные массы настроены очень патриотично и одобряют войну. На Дворцовой площади в Петербурге происходит грандиозный патриотический митинг. Император выходит на балкон, и вся площадь падает на колени и поет «Боже, царя храни!» «Все трезвые», – отмечает двоюродный брат императора, великий князь Андрей. Дело в том, что на время мобилизации по всей стране закрываются винные лавки. После окончания мобилизации эта мера будет продлена до конца войны – в России введут сухой закон.

21 июля (3 августа по новому стилю) Германия объявляет войну Франции. После смерти Жореса проходит всего три дня, но вся его партия выступает в поддержку войны до победного конца. В этот же день за войну единогласно голосует и немецкая социал-демократическая партия. Ленин, получив свежий номер немецкой партийной газеты *Vorwärts*, считает, что это фальшивка, его товарищи по II Интернационалу просто не могли так поступить.

Зверства и пораженцы

22 июля мощный патриотический всплеск происходит в Петербурге: толпа штурмует посольство Германии на Исаакиевской площади. Разгром продолжается более часа, под снисходительным наблюдением полиции. Винный погреб разграблен, хрустальная посуда, старинные картины и коллекция бронзы эпохи Возрождения уничтожены. Целы только найденные в зале приемов портреты Николая II и Александры Федоровны – их толпа с пением гимна проносит по городу.

Люди забираются на крышу, где стоят огромные бронзовые братья Диоскуры, держащие под уздцы коней. Статуи сброшены под крики восторга толпы. Здание поджигают, оно выгорает дотла. На следующий день российский МИД выразит глубокое сожаление в связи со случившимся.

Впрочем, это только начало кампании. 31 июля чешская колония Петербурга выступает с призывом «исправить ошибку предков» и переименовать столицу. Николай II без раздумий меняет название «Санкт-Петербург» на «Петроград». (Был еще вариант «Свято-Петроград».) Это слово употреблял еще Пушкин, так город называется, например, в поэме «Медный всадник»:

> Над омраченным Петроградом
> Дышал ноябрь осенним хладом.

Но теперь этого почти никто не помнит, как и того, что и Санкт-Петербург – название вовсе не немецкое, а голландское. Антигерманская горячка набирает обороты. Театры удаляют из репертуара пьесы Шиллера и Гёте, дирекция императорских театров запрещает оперы Вагнера. Газеты предлагают заменить немецкое «бутерброд» английским «сэндвич».

По переписи 1897 года, в России живет почти два миллиона немцев, которые говорят дома на немецком, и еще больше обрусевших немцев с немецкими фамилиями. Всем им угрожают погромы, поэтому многие немцы начинают менять фамилии. А многие евреи с фамилиями, звучащими по-немецки, вывешивают на лавках объявления: «Это еврейская, а не немецкая лавка». Впрочем, немецкие булочные и колбасные и так закрываются. Описывая «немецкие зверства» в Европе, российские

газеты пишут, что война ведется не с обычным противником, а с «врагами самой цивилизации». Мысль, что немцы – жестокий, варварский народ, регулярно появляется в российской печати.

Отдыхающие в Европе российские подданные спешно возвращаются в Россию. Каждый сталкивается с трудностями, рассказы о которых публикуют теперь в газетах под рубрикой «немецкие зверства».

Вдовствующая императрица Мария Федоровна возвращается из Лондона на поезде. В Берлине ее останавливают и сообщают, что дальше дороги нет, нужно вернуться в Данию и ехать морем. Муж ее внучки Ирины, Феликс Юсупов, арестован – правда, всего на день. Великий князь Константин летом 1914 года лечится в Германии. Ему с семьей позволяют выехать, но его высаживают на границе, откуда семейству приходится идти пешком. 56-летний великий князь болен и идти не может. Казачий разъезд обнаруживает его и его семью сидящими на обочине.

Члены царской семьи выводят из Европы капитал, император приказывает вернуть в Россию все деньги с зарубежных счетов. Около семи миллионов[112] из берлинских банков вывести не удается. В Лондоне падает рынок российских и других европейских облигаций. Торги на биржах всей Европы остановлены, международные расчеты парализованы. Все европейские страны, включая Россию, прекращают обмен ассигнаций на золото. Начало войны хоронит золотой рубль Витте.

Льву Троцкому удается вывезти семью из Вены в Цюрих. Ленин к началу войны оказывается в Галиции (сейчас – территория Западной Украины). Его арестовывают и две недели держат в тюрьме. Живущий в Берлине по фальшивому паспорту Евгений Азеф уверен, что его русское происхождение не будет раскрыто, но ошибается – в 1915 году его отправят в тюрьму как русского анархиста.

Большая часть россиян встречает войну с огромным энтузиазмом, даже те, кто давно уже в эмиграции: князь Кропоткин, Георгий Плеханов, Борис Савинков. «Шерлок Холмс» Владимир Бурцев на волне патриотических чувств возвращается в Россию, где его немедленно отдают под суд и отправляют в ссылку в Сибирь – в Туруханск, где сидит Сталин. А бывший руководитель Боевой организации эсеров из-за отношения к войне ссорится со многими товарищами по партии. Лозунг Савинкова: «Сначала победа, потом революция», он даже пишет открытое письмо, что во время войны любой шаг против царя – это шаг против России. Его отношения с бывшими однопартийцами порваны. Савинков едет в Париж и работает военным корреспондентом русских газет. Многие россияне, живущие в Париже, тоже не остаются в стороне. Ида Рубинштейн

становится медсестрой – и ходит в униформе, специально сшитой для нее Бакстом.

В России невиданное политическое единение: «Теперь и Пуришкевич признает евреев и руку жмет Милюкову. Волки и овцы строятся в один ряд, нашли третьего, кого есть», – иронизирует Гиппиус. Иван Бунин, друг Горького и будущий лауреат Нобелевской премии, пишет антинемецкое воззвание. Его подписывают несколько тысяч человек, в том числе Горький, Шаляпин, Струве и Станиславский. Горький удивляется тому, что «все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники».

На общем фоне редкие голоса сомневающихся резко выделяются – их называют «пораженцами». Среди них Гиппиус, которая из чувства противоречия не хочет участвовать в «патриотических хождениях по улицам» и «быть щепкой в потоке событий». Всякая война, кончающаяся победой одного государства над другим, – это зародыш новой войны, считают Гиппиус и Мережковский. На стороне «пораженцев» и новый друг семьи Мережковских, депутат Думы Александр Керенский. Однако самые убежденные противники войны – это социалисты. Всю осень и зиму 1914-го Ленин и Троцкий в прессе осуждают патриотов, особенно Плеханова. Ленин пишет статью «Студенчество на коленях», в котором обвиняет учащихся российских университетов в предательстве революции и ура-патриотизме.

В 1915 году в швейцарском местечке Циммервальд соберутся Ленин, Мартов, Троцкий, Зиновьев, эсеры Чернов и Натансон (а также представители других воюющих стран, но их будет намного меньше). Они примут написанную Троцким декларацию с призывом начать борьбу «за мир без аннексий и контрибуций». Эта формула – отказ от завоеваний – станет самым популярным лозунгом в России через три года, в 1917-м.

Чернорабочие соловьи

26 июля 1914 года созывается экстренное заседание Думы и Государственного совета. Депутаты крайне воодушевлены – единый патриотический порыв охватывает и левых, и правых. Однако вскоре выясняется, что у правительства на их счет нет планов. Министр внутренних дел Маклаков в связи с войной предлагает прервать заседания Думы на год – до осени 1915 года. Родзянко уговаривает премьера Горемыкина, что депутаты могут быть полезны и конструктивны, – в итоге перерыв сокращен, Думу обещают собрать в феврале 1915-го.

Политическая борьба в стране прекращается. Большая часть прежних оппозиционеров искренне считают, что во время военных действий все должны помогать армии, чтобы ускорить завершение войны, а уже потом можно возвращаться к прежним политическим баталиям. Павел Рябушинский начинает собирать средства Биржевого и Купеческого обществ на передвижные лазареты – и сам руководит их отправкой на фронт. Его газета «Утро России» становится популярным патриотическим изданием. Александр Гучков отправляется на фронт работать в Красном Кресте, как он работал во время русско-японской войны.

На фронт добровольцами едут многие богемные столичные фигуры: поэт Валерий Брюсов уезжает военным корреспондентом «Русских ведомостей». «Я еду простым чернорабочим, – так прощается с коллегами Брюсов. – Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов».

Поэт Николай Гумилев записывается добровольцем. Гумилева на фронт провожают его жена Анна Ахматова и Александр Блок. Они сидят втроем и обедают в здании Царскосельского вокзала. Когда Блок отлучается, Гумилев говорит: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

Польский вопрос

Боевые действия на Восточном фронте начинаются сразу в двух местах: русские войска наступают на Восточную Пруссию (современную Калининградскую область) и на Галицию (современную Западную Украину). То есть война идет на территориях, населённых в том числе поляками и украинцами, которым приходится воевать против представителей своих же народов, живущих по другую сторону границы в Германии и Австро-Венгрии.

В связи с этим в Российской империи встает вопрос, что делать с Польшей и как мотивировать поляков воевать на стороне России. Польша разделена между тремя империями: центральная часть, включая Варшаву, входит в Российскую империю, северная часть, включая Познань, принадлежит Германии, а южная, включая Краков, – Австро-Венгрии. При этом ни в одной из империй поляки не имеют автономии. Например, «Царство Польское» – это просто восемь растворенных в России «привисленских губерний», и даже название «Польша» российские чиновники стараются не использовать, заменив его выражением «Привисленский край».

Весь XIX век Польша была главной горячей точкой Российской империи. Прадед императора Николая II, Николай I, жестоко подавил Польское восстание 1830–1831 годов, пообещав разрушить Варшаву, если оно повторится. Но теперь, с началом Мировой войны, у российских властей совсем другая цель – завоевать сердца поляков.

Первый шаг – 16 августа новый Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (дядя Николая II, его самого вскоре будут называть в армии Николаем III) издает манифест, обещающий, во-первых, ликвидировать несправедливый раздел Польши, а во-вторых, предоставить единому Царству Польскому автономию, если все польские территории будут завоеваны Россией: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он под скипетром Русского Царя».

Этот манифест на многих производит очень хорошее впечатление – и среди поляков, и в российском обществе. Даже князь Кропоткин в Лондоне радуется, полагая, что это значит, что после войны Россию ждет федерализация.

Тем не менее война в Польше продвигается не слишком удачно, немцы

готовят наступление в сторону Варшавы. Обсуждается, стоит ли закрепить статус Польши, например, коронацией Николая II в Варшаве, чтобы проявить особое уважение к полякам, подобно тому как австрийский император Франц Иосиф в 1867 году второй раз короновался в Будапеште и переименовал свою страну в Австро-Венгрию.

Министр иностранных дел Сазонов, свояк и друг покойного Столыпина, считает, что нужно как можно скорее предоставить полякам самоуправление и право преподавать предметы в школах по-польски (кроме истории, географии и Закона Божьего).

«Ежели так, то не стоило и воевать в Польше, – говорит двоюродный брат царя великий князь Андрей. – Сколько крови пролили за эту войну и все на польских землях… Раз отвоевали, то не для того, чтоб отдавать или создавать рядом независимую страну». Так же думает большинство офицеров, и император говорит, что с манифестом поторопились.

Украинский вопрос

Намного удачнее идет наступление Юго-Западного фронта – в Галиции. Российские войска берут Галич, Львов, начинают осаду Перемышля. На захваченных территориях российские власти создают две новые губернии – Львовскую и Тернопольскую (потом к ним добавятся еще две – Черновицкая и Перемышльская). Управлять новыми территориями назначается галицийский генерал-губернатор Георгий Бобринский, праправнук императрицы Екатерины II, потомок ее внебрачного сына от фаворита Григория Орлова. «Я буду учреждать здесь русский язык, закон и строй», – заявляет он и начинает инкорпорировать новые губернии в состав России. Большая часть пророссийски настроенной местной интеллигенции была перед наступлением русских войск арестована и отправлена в концлагерь Талергоф, поэтому новым властям не на кого опираться.

Местными чиновниками назначаются люди, привезенные из других регионов России, а некоторые представители львовской элиты, подозреваемые в симпатиях к Австро-Венгрии и в шпионаже, отправляются в ссылку в отдаленные регионы России (например, львовского грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого отправляют в монастырь в Суздале). Вводятся российские законы, запрещающие евреям владеть землей, земли местных евреев экспроприируются, несколько тысяч из них депортируют по ту сторону линии фронта, в Австро-Венгрию.

По мере того как Россия отвоевывает у Австро-Венгрии украиноязычные территории, в российских СМИ поднимается украинский вопрос. Все начинается с того, что Константин Левицкий, депутат австрийского парламента от Львова, 1 октября публикует статью в немецкой газете *Berliner Tageblatt*, предлагая создать единое Украинское государство под властью австрийского императора, в которое вошли бы Галиция и Буковина (современная Западная Украина, в тот момент – часть Австро-Венгрии) и губернии Российской империи, жители которых говорят по-украински. «Московитская Россия должна быть оттеснена от Черного моря, и между Россией и Балканами в областях Украины должен быть против России продвинут засов», – пишет австрийский депутат Левицкий. В ответ Петр Струве, теперь популярный публицист-патриот, называет Левицкого наглым и невежественным, потому что тот считает Одессу, Николаев и Херсон украинскими городами, тогда как они построены на

земле, отвоеванной у Турции. «Если признавать существование украинской национальности, то исторические и реальные права её на названные русские города меньше даже, чем права Турции», – пишет Струве.

Концепция «единого украинского государства» и до Левицкого обсуждается во Львове и Вене уже многие десятилетия. Также большой вклад в ее развитие вносит профессор Львовского университета историк Михаил Грушевский – он пишет многотомную работу «История Украины-Руси», обосновывающую существование Украины как отдельной от России сущности. В декабре 1914 года Грушевского отправляют в ссылку – сначала в Симбирск, потом в Казань, а после того, как за него заступаются именитые ученые и писатели, в том числе Вернадский, место ссылки меняют на Москву.

Армянский вопрос

В тот день, когда Николай II стоял на балконе Зимнего дворца, а толпа перед ним на коленях пела гимн, Турция подписала секретный договор с Германией. Это сделали двое влиятельных лидеров младотурок – военный министр Энвер и глава МВД Талаат, султан узнал о договоре постфактум. По договору турецкая армия переходит под германское командование – Энвер жаждет реванша за поражение Османской империи в недавних Балканских войнах и потерю своих европейских территорий. В октябре 1914-го турецкий флот обстреливает Севастополь, Одессу, Новороссийск и Феодосию, младотурки объявляют джихад странам Антанты. Так Россия открывает еще один фронт – турецкий.

Ту же роль, что поляки на германском фронте и украинцы на австрийском, на турецком фронте выполняют армяне. Обе империи пытаются сделать все возможное, чтобы склонить армянское население, проживающее по обе стороны границы, на свою сторону. Российский наместник на Кавказе говорит об армянской автономии (обманывает – на самом деле таких планов нет), а турецкие власти пытаются убедить армянскую партию «Дашнакцутюн» организовать протурецкое восстание в российском Закавказье. Лидеры партии заявляют, что армяне России и Турции будут воевать каждый за свою страну.

Боевые действия между Турцией и Россией начинаются в декабре, и уже в январе российские войска одерживают победу, взяв город Саракамыш. С этого момента начинаются репрессии против армян Османской империи. Военный министр Энвер объявляет, что поражение стало следствием их предательства. Армянских солдат турецкой армии разоружают и казнят.

В феврале 1915 года по просьбе российского командования союзники – Англия и Франция – открывают в Турции второй фронт. Десант Антанты высаживается на берегу Мраморного моря, начинается битва при Галлиполи. В мае 1915 года турецкие власти примут решение депортировать 1,8 миллиона турецких подданных армянского происхождения. Это только начало: с 1915 до 1918 года общее число жертв геноцида армян составит, по разным оценкам, от 600 000 до 1,5 миллиона человек.

Новые герои

Изначально Николай II планирует сам возглавить армию, но его уговаривают не делать этого – мол, мобилизация российских войск будет долгой, а значит, на первых порах действия российской армии будут неудачными. Не стоит портить имидж императора первыми поражениями – Николай II может возглавить армию чуть позже, когда армия начнет побеждать.

В августе 1914 года Верховным главнокомандующим русской армией становится великий князь Николай Николаевич, дядя Николаша, как зовет его император. Ему 57 лет, и он считается самым опытным военачальником в семье Романовых. Во всех церквях империи приказано ежедневно молиться за здравие Верховного главнокомандующего, его портреты висят в каждом доме. О нем ходят легенды – будто бы он очень суров, бьет генералов за ошибки, любит приезжать на передовую и даже бывает в солдатских окопах. Популярность дяди Николаши раздражает и Николая II, который не любит, когда его «заслоняют», и ревнивую императрицу.

На фронте сразу появляются герои и антигерои. Одно из первых сражений войны заканчивается катастрофой – вторая армия генерала Самсонова, наступающая в Восточной Пруссии, попадает в окружение, генерал кончает жизнь самоубийством. Операцию по поискам его тела по просьбе вдовы начинает Александр Гучков (поиски продлятся долго – тело Самсонова, похороненное в лесу, найдут только в ноябре 1914 года).

Многие офицеры, а вслед за ними и журналисты, убеждены, что в гибели Самсонова виновата первая армия генерала Ренненкампфа – того самого, который руководил подавлением беспорядков в Сибири осенью 1905 года и уничтожал Красноярскую республику. Теперь все обсуждают немецкое происхождение Ренненкампфа. Многие в армии уверены, что Ренненкампф – предатель и нарочно не пришел Самсонову на помощь. Великий князь Андрей вспоминает, что генерал приказывал своим батареям не обстреливать участки на территории Германии, которые принадлежали его родственникам, и выдавал им «охранные грамоты», чтобы уберечь их поместья от разграбления. Император долго не верит рассказам, но его переубеждает двоюродный брат, великий князь Дмитрий. Тогда Ренненкампфа увольняют, против него начинается следствие.

Впрочем, как считает французский посол Морис Палеолог, Ренненкампф не виноват в гибели армии Самсонова – пожертвовать ею

было осознанное решение Ставки, на Западном фронте немецкая армия угрожала взять Париж, поэтому французское командование просило союзников любой ценой отвлечь немцев. Так Самсонов способствовал победе англо-французских войск на Марне и тем спас Париж.

Абсолютными героями в глазах прессы выглядят командиры, побеждающие в Галиции, – генерал Николай Иудович Иванов и генерал Михаил Алексеев. Этот тандем однажды уже отличился успешным подавлением Кронштадтского мятежа в 1905 году. Львов берет третья армия генерала Николая Рузского, а помогает ей в наступлении восьмая армия генерала Алексея Брусилова. Этих четырех военачальников превозносят в печати, они – триумфаторы осени 1914 года. И именно они станут главными героями всей войны, от них будет зависеть дальнейший ход событий в российской политике.

Правда, далеко не все считают Иванова, Алексеева, Рузского, Брусилова и верховного главнокомандующего Николая Николаевича гениальными стратегами. Другой великий князь, Николай Михайлович, приятель Толстого и известный историк, самый образованный член царской семьи, уверен, что победы осени 1914 года стали залогом скорого поражения. Военачальники совершенно не берегут солдат, наступают любой ценой, потери побеждающих российских войск (убитыми, ранеными и пленными) сопоставимы с потерями побежденных австро-венгерских. Все лучшие силы уже погибли, считает Николай Михайлович, дальше сражаться будут плохо обученные ополченцы, а значит, российскую армию ждет поражение уже весной 1915 года.

Могущественная Вырубова

Вскоре после начала войны многие женщины в царской семье переодеваются в платья сестер милосердия. Сестра императора Ольга уезжает на фронт. Императрица создает лазарет в Царском Селе, и сама, вместе с дочерьми и Вырубовой, работает там сестрой милосердия. Оперирует раненых в лазарете Вера Гедройц, самая известная в стране женщина-врач.

Аня Вырубова всюду ходит с Александрой и докладывает ей о каждом косом взгляде и неосторожном слове. Враги мерещатся везде. Замглавы МВД Джунковский предлагает императрице приехать в Москву инкогнито, без торжественного приема – Вырубова уверена, что это интриги. Пациенты-офицеры в лазарете привыкли к визитам императрицы и смотрят на нее без должного уважения – Вырубова советует пореже бывать в лазарете, чтобы их наказать.

2 января 1915 года Вырубова едет на поезде из Царского Села в Петроград. Поезд не доезжает шесть верст до Петрограда – и сходит с рельс. Вырубову, ехавшую в первом вагоне, находят под обломками, кладут на вырванную дверь вагона и относят в сторожку, где складывают раненых и умирающих. В своих воспоминаниях она подробно описывает, что с ней происходит дальше. Четыре часа она лежит на полу без помощи. Прибывший врач говорит: «Она умирает, не стоит ее трогать». Потом приезжает Вера Гедройц. Ее Вырубова подозревает в давней неприязни – и Гедройц тоже не оказывает никакой помощи, говорит: «Она умирает» – и выходит. Вырубовой начинают оказывать помощь, только когда на место приезжают ее родители. Ее отвозят в Царское Село, на перроне ждут императрица с дочерьми, все в слезах. Императрица садится в машину скорой помощи к подруге. «Я умираю», – шепчет ей Вырубова. Приходит император, доктор Гедройц предлагает всем попрощаться. И тут приезжает Распутин и объявляет, что Вырубова «жить будет, но останется калекой».

Так 30-летняя Вырубова становится еще одной дочерью императрицы, ведет себя как маленький капризный ребенок. Александра ходит к ней каждый день – и перестает появляться в лазарете. Наконец Вырубова чувствует себя по-настоящему важной – она даже позволяет себе кричать на Распутина, упрекая его, что он недостаточно хорошо молится за ее здоровье. Все остальные приближенные императрицы ненавидят ее больше и больше.

Вырубова выживет, но до конца жизни будет передвигаться в инвалидной коляске или на костылях.

Воспоминания в банке

25 февраля 1915 года в своем доме на Каменноостровском проспекте в Петрограде умирает граф Витте. В тот же день в дом приходит полиция и опечатывает все его документы. В столице ходят слухи, что бывший премьер написал воспоминания, но их не находят. Вскоре к вдове приходит адъютант императора и говорит, что Николай II хотел бы почитать мемуары Витте. Графиня Матильда Ивановна говорит, что не может их дать, поскольку они лежат за границей. После этого представители российского посольства приходят на виллу Витте в Биаррице и обыскивают ее – но и там ничего нет.

«Смерть графа Витте была для меня глубоким облегчением», – записывает император в своем дневнике в день похорон. Несмотря на то что после отставки бывшего премьера прошло уже почти 10 лет, в последние годы Витте был крайне активен, регулярно встречался с Распутиным и пытался вернуться в правительство. Витте хотел остановить войну. Царь всегда был категорически против – в первый день войны он поклялся, что не заключит мира, пока враг на российской территории.

Графиня Матильда Ивановна вскоре после похорон мужа отправляется за границу. Витте действительно писал воспоминания крайне осторожно – только за границей, и хранится рукопись в сейфе банка в Байонне на имя графини.

Впрочем, Николай II напрасно тревожится – воспоминания Витте будут опубликованы уже после смерти императора, в 1922–1924 годах. Они шокируют всех знакомых бывшего премьера: Витте доказывает собственную значимость и безупречность, не придерживаясь достоверных фактов и не щадя современников. Публикация воспоминаний Витте вдохновляет многих написать собственные, чтобы опровергнуть его.

Князь Андрей

Зимой бои на фронтах затихают, но разворачиваются интриги в штабах и при дворе. Их внимательно записывает молодой офицер, племянник верховного главнокомандующего, двоюродный брат императора, сын покойного Владимира и его жены Михень, любовник Матильды Кшесинской великий князь Андрей. Тот самый единственный член царской семьи, который присутствовал на суде над Гершуни, а позже уговорил императора лишить Дягилева поддержки.

В армии князь Андрей играет далеко не первую роль. Его можно было бы сравнить вовсе не с Болконским, а с Курагиным: заядлый игрок, даже во время войны он чаще бывает в ресторанах и игорных домах Варшавы, чем на фронте. Когда его представляют к награде, он признается, что ни разу не был в зоне боевых действий и ордена не заслужил.

По дневнику князя Андрея легко проследить, как меняется настрой офицеров зимой 1915 года. После гибели первых, наиболее боеспособных частей солдаты все чаще сдаются в плен, причем целыми подразделениями. «Каждый теперь боится за свою шкуру», – пишет князь Андрей. Офицеры обсуждают, что лучше: автоматически лишать пленных российского подданства или просто расстреливать?

Вчерашние победоносные военачальники теряют решительность – главнокомандующим Северным фронтом назначается триумфатор Львова генерал Рузский, он все время ссорится со своим бывшим начальником, главнокомандующим Южным фронтом Ивановым. Каждый доказывает, что у него ситуация тяжелая, поэтому лучше отступить, а у соседа ситуация располагает к наступлению.

Зимой 1915 года император спрашивает у князя Андрея: а правда ли, что генерал Рузский страдает пристрастием к морфию? Тот шокирован вопросом – вообще-то император известен своей деликатностью и старается избегать подобных резкостей. Впрочем, от Рузского и сам Андрей далеко не в восторге. Генерал не общается с солдатами, почти не выходит из своего кабинета, потому что часто болеет и боится простуды. Он очень религиозен и всюду возит с собой огромную икону. На фронте ходят слухи, что Рузского вот-вот уволят и заменят Куропаткиным, бывшим военным министром и антигероем русско-японской войны.

18 марта главнокомандующий Северо-Западным фронтом Рузский действительно отправлен в отставку по болезни, но на его место назначен

Михаил Алексеев. Андрей упрекает нового командира в неспособности чувствовать ситуацию и вдохновлять войска, творчески мыслить, а главное – в том, что тот всегда докладывает об успехах, как бы ни обстояли дела в реальности. Возможно, раздражение Андрея объясняется тем, что он мечтает о победах, а осторожный Алексеев отдает приказ об отступлении.

Шпионы и патроны

Главная причина неудач – исчерпан запас артиллерийских снарядов и патронов, российским войскам нечем воевать. Военное министерство не планировало долгосрочную войну, рассчитывая закончить ее за шесть месяцев. Все до одного в армии винят в этом военного министра Сухомлинова. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич и вовсе считает Сухомлинова предателем и шпионом. Он не допускает мысли, что плохая подготовка и проблемы с оснащением связаны с некомпетентностью и коррупцией. Верховный ищет злой умысел и саботаж – армии могут вредить только предатели, считает он. И не только он: шпиономанией объяты и Ставка, и Петроград.

Еще 17 декабря в Петроград из Швеции приехал офицер Яков Колаковский. Он сражался в армии Самсонова, попал в плен, был завербован немецкой разведкой и теперь явился с повинной. Колаковский рассказывает, что немцы предлагали ему за миллион рублей[113] убить великого князя Николая Николаевича, а также что за дополнительной информацией немцы рекомендовали ему обращаться к полковнику Мясоедову – тому самому, с которым за несколько лет до войны стрелялся Гучков.

В ночь с 19 на 20 февраля по подозрению в шпионаже арестовывают Мясоедова и еще 15 человек, включая его жену – близкую подругу Екатерины Сухомлиновой, жены военного министра. Это серьезный удар по репутации самого министра Сухомлинова.

Николай Николаевич хочет, чтобы Мясоедова немедленно судил военно-полевой суд. Но ему объясняют, что это невозможно – полевому суду можно предать только человека, пойманного на месте преступления, а Мясоедов арестован только по подозрению в шпионаже. Кроме того, по одному делу с ним проходят гражданские, значит, судить их будет гражданский суд. Великий князь не сомневается в том, что Мясоедов шпион: «С Мясоедовым надо кончать как можно скорее». Он предлагает юристам лазейку – в тот момент, когда гражданский суд признает вину Мясоедова доказанной, его можно будет предать военно-полевому суду, то есть немедленно повесить. Великий князь требует поторопиться, чтобы успеть до Страстной недели, когда по традиции смертные приговоры не приводятся в исполнение. Мясоедова казнят 20 марта. Единственным доказательством его вины служат показания Колаковского, все решает

директива Верховного: «Все равно повесить!»

Новость о казни Мясоедова вызывает большой резонанс. Все считают, что шпионаж Мясоедова доказан, и это подстегивает шпиономанию – предателей начинают искать повсюду. Александр Гучков вновь становится популярен как человек, первым разоблачивший шпиона задолго до войны.

В самый разгар дела Мясоедова, 9 марта, русские войска одерживают очередную победу – берут крепость Перемышль. Публика ликует, прославляет полководческий гений великого князя Николая Николаевича. Никто не подозревает, что это последний успех российской армии в 1915 году.

В начале апреля германские войска переходят в наступление на севере – и захватывают территории современных северо-восточной Польши, Литвы, части Латвии и западной Белоруссии. Одновременно австро-германские войска прорывают фронт в Галиции. В конце мая они забирают обратно недавно взятый русскими Перемышль, а в июне берут Львов. Начинается «великое отступление русской армии».

Императрицу – в монастырь, Распутина – повесить

13 мая лидеры младотурок издают закон о депортации, по которому большинство армян Османской империи выселяют из их домов. В этот же день газета «Голос Москвы» публикует статью с требованием депортировать всех проживающих в городе подданных Австро-Венгрии и Германии – всего две тысячи человек. Газета основана Гучковым, российским поклонником младотурок, и является официальным органом его партии октябристов. 5 мая командующим Московским военным округом назначен князь Феликс Юсупов-старший, а уже 23 мая он приказывает выслать из Москвы подданных воюющих с Россией государств.

Поражения на фронте вызывают волну антинемецких публикаций в печати: «Борьба с тайным влиянием немцев», «Немецкий шпионаж в России», «Немецкое засилье в музыке», «Московское купеческое общество в борьбе с немецким засильем» – это все заголовки «Голоса Москвы» Гучкова. «Немцы у нас живут и торгуют, действуя на психику народа всеми удушающими газами своей иезуитской природы. Довольно. Мы устали. Мы задыхаемся в этих ядовитых испарениях», – пишет все тот же «Голос Москвы» 24 апреля. А 26 мая газета проводит расследование, в котором выясняет, что немецкие предприниматели, которые по закону должны ликвидировать свой бизнес, переоформляют его на подставных лиц – и публикуют список таких фирм.

Антинемецкие настроения поддерживает и Верховный главнокомандующий. К примеру, когда крымский архиепископ призывает воздержаться от преследования людей с немецкими фамилиями, Николай Николаевич его одергивает – говорит, что это заявление «крайне несвоевременное». Кроме того, в Ставке принимается решение о депортации немцев из прифронтовой зоны – это касается в том числе коренных жителей Балтийских регионов; они должны быть принудительно выселены, причем все затраты на переселение переселенцы обязаны оплатить сами.

Антинемецкая пропаганда бьет даже по императрице. Александра – немка, родилась и до восьми лет жила в Германии. Ее родной брат, герцог Гессенский Эрнст Людвиг, служит в штабе кайзера. Вскоре обвинения перекидываются и на ее сестру Эллу, несмотря на ее безукоризненную

репутацию и большую популярность в Москве. Даже про нее начинают говорить, что она немка, шпионка и прячет своего брата Эрнста Людвига в Марфо-Мариинской обители.

Это приводит к мощному немецкому погрому в Москве. Начинается он с того, что 26 мая несколько женщин пытаются получить работу в благотворительной организации великой княгини Елизаветы Федоровны, но им отказывают. Они идут жаловаться – в считаные часы возле дома генерал-губернатора собирается антинемецкий митинг с тысячами сочувствующих. Генерал-губернатор не разгоняет его. Градоначальник Адрианов тоже не мешает, считая, что «толпа хорошая, веселая, патриотически настроенная». Так начинаются погромы и грабежи, которые длятся три дня. Толпы заходят в магазины, частные дома и квартиры, требуют у владельцев документы. Если фамилия похожа на немецкую – имущество громят. Убито пять человек, разорены сотни лавок (в том числе шоколадный магазин Эйнема в Верхних торговых рядах – нынешнем ГУМе). На третий день толпа собирается на Красной площади, звучат оскорбления в адрес императрицы и ее сестры, призывы сослать Александру в монастырь, Распутина повесить, заставить императора отречься и передать престол великому князю Николаю Николаевичу.

28 мая собирается Мосгордума, один из депутатов в ужасе рассказывает, что на улицах говорят, что правительство дало четыре дня на погромы, в ближайшее время ожидается «варфоломеевская ночь». Действительно, только на четвертый день для подавления беспорядков применяют войска. Убито 12 человек. Император и императрица получают подробный доклад о произошедшем. Раздражение императрицы усиливается. Ее возмущает антинемецкая истерия, но еще больше – популярность Верховного главно- командующего.

Все для победы

Неудачи на фронте заставляют общество быть активнее. Еще в марте председатель Думы Родзянко предлагает привлечь промышленников к снабжению армии. Верховный главнокомандующий – за и поручает военному министру Сухомлинову организовать совещание крупного бизнеса и командования Главного артиллерийского управления.

Павел Рябушинский всю зиму и весну проводит на фронте, где организует работу лазаретов. 15 мая он получает сообщение, что московские промышленники выдвигают его на должность главы Биржевого комитета. Рябушинский возвращается в Москву, и его газета «Утро России» впервые поднимает тему участия бизнеса в обороне. Впервые – потому что существующая цензура запрещает писать о проблемах в армии.

24 мая «Утро России» публикует статью «Все для победы!», которая призывает к мобилизации промышленности. А в статье «Объединение до конца!» говорится о необходимости создать «правительство национальной обороны» с привлечением «общественных элементов». С этого момента начинается одновременно новый этап в российской политике и новый этап в войне: крупный бизнес предлагает спасти армию, но вместе с этим хочет и политической власти. Раз государство не смогло самостоятельно организовать снабжение армии всем необходимым – это может сделать общество.

27 мая в Петрограде проходит Торгово-промышленный съезд, на котором Рябушинский предлагает мобилизовать частную промышленность, чтобы помочь армии – начать производство недостающих снарядов и ружей на частных заводах, за счет частного бизнеса. Для этого должны быть созданы военно-промышленные комитеты, в которые бы вошли и высшие офицеры, и представители бизнеса, чтобы оперативно координировать производство и поставку вооружения в армию. Речь Рябушинского производит очень сильное впечатление и на участников, и на журналистов. «Никогда до этого так резко и смело не формулировался вызов "третьего сословия" всем отживающим силам русской государственности», – пишут о речи «Биржевые ведомости».

На съезде присутствует Родзянко, он очень боится, что призывы предпринимателей покажутся властям слишком революционными – и министр Маклаков разгонит съезд, а руководителей арестует.

После выступления Рябушинского обсуждается создание

Центрального военно-промышленного комитета и сети региональных. На роль председателя Центрального военно-промышленного комитета выдвигают Гучкова, его заместителем становится Коновалов, а Рябушинский возглавляет московский комитет. Наконец, участники съезда требуют созыва Государственной думы. Предложение общественности поддерживает и великий князь Николай Николаевич.

Не только промышленники, но все общество включается в оборону. Раз государство не справилось, справятся волонтеры. 7 июня в Москве собираются Земский союз и Союз городов под председательством князя Георгия Львова. «Задача, стоящая перед Россией, во много раз превосходит способности нашей бюрократии, – говорит Львов. – Разрешение ее требует усилия всей страны в ее целом. После 10 месяцев войны – мы еще не мобилизованы. Вся Россия должна стать обширной военной организацией, громадным арсеналом для армии». Возмущение становится всеобщим. «Россия с данным правительством прилично одолеть немцев не может. Это – несомненно и бесповоротно», – пишет в дневнике Зинаида Гиппиус.

Эти предложения не нравятся императрице и Распутину. «Он находит, что ты должен приказать заводам выделывать снаряды, – пишет мужу императрица. – Просто дай распоряжение, чтобы тебе представили список заводов, и тогда укажи – какие. Лучше сделай это сам, а не через комиссии, которые неделями болтают и ни на что не могут решиться».

Однако решающее заседание правительства на эту тему проходит не в Петрограде, а в Ставке. Под давлением общества и Верховного главнокомандующего император увольняет Сухомлинова, а новым военным министром назначает генерала Алексея Поливанова, друга Гучкова и члена его кружка. Следом увольняют и других одиозных министров: главу МВД Маклакова, министра церкви Саблера и министра юстиции Щегловитова. Главный организатор этой перестановки – Александр Кривошеин, неформальный премьер-министр. С началом войны придуманный им «новый курс» под вопросом, но Кривошеину удается мобилизовать либеральных министров в правительстве на борьбу с консерваторами: они пишут императору письмо с требованием уволить либо одних, либо других. Их поддерживает даже Горемыкин. Император соглашается, принимает сторону Кривошеина и его единомышленников. Общество ждет еще и отставки премьер-министра Горемыкина, но его император не отдает. Горемыкин и так не слишком активен.

Новое правительство сформировано, заводы начинают работать, но катастрофа на фронте продолжается. «Пользуясь огромным преобладанием артиллерии и неисчерпаемыми запасами снарядов, немцы заставляют нас

отступать одним артиллерийским огнём, – отчитывается 16 июля на заседании правительства новый военный министр Поливанов. – Наши батареи вынуждены молчать даже во время серьёзных столкновений. Неприятель почти не несёт потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами».

Горемыкин не планировал созывать Госдуму до августа, но теперь она собирается уже 19 июля. Через неделю немецкие войска берут Варшаву. Дума требует начать расследование и выяснить, изменник Сухомлинов (как и его приятель Мясоедов) или просто коррупционер? Также обсуждается вопрос об отставке великого князя Сергея, главы Артиллерийского управления, которого тоже подозревают в коррупции: говорят, его любовница Матильда Кшесинская вмешивалась в распределение оборонных заказов и получала за это крупные взятки от заводов – производителей артиллерийских снарядов и техники.

9 августа российские войска оставляют Каунас (тогда – Ковно), 19 августа – Гродно, немецкие войска подходят вплотную к Риге. Великое отступление продолжается. Положение отчаянное, в Петрограде впервые начинают говорить о том, что императору и правительству стоит переехать в Москву.

Московская оргия

1 июня замглавы МВД Владимир Джунковский, бывший московский губернатор, приносит императору донесение, которое он не решался принести до подтверждения всех деталей. Поздним вечером 26 марта в московский ресторан «Яр» приехал Распутин с друзьями. Согласно полицейскому отчету, с ним были некие вдова Решетникова, журналист Соедов и «неустановленная молодая женщина». Все четверо были уже навеселе, заняли отдельный кабинет в ресторане, вызвали женский хор, танцевали и пели. Посетители «Яра» в тот вечер были заранее предупреждены о визите знаменитости – и хотели присоединиться к застолью. В итоге в кабинет набилось множество незнакомых людей. Пьяный Распутин хвастался, что рубашку ему сшила императрица (называя ее «мама», «Сашка», «старуха»). Потом, согласно полицейскому донесению, Распутин обнажил половые органы и так продолжал разговаривать с певичками из хора, затем танцевал в трансе, никого не замечая вокруг. Подробности «оргии в "Яре"» известны всей Москве, свидетели подтвердили их в беседах со следователем.

Расследование катализирует главную политическую интригу года: Распутин начинает обороняться, называет историю про «Яр» клеветой врагов царя. Он легко убеждает в этом императрицу, которая любого человека оценивает по одному критерию: насколько он хорошо относится к «Нашему Другу» (так она называет Распутина в письмах). Вера императора в Распутина не столь слепа. Поэтому проповеднику приходится убеждать царя в существовании страшного заговора, в котором они оба, Распутин и Николай II, – жертвы. Александра Федоровна убеждена, что окружена врагами, Распутин внимательно слушает ее, хвалит тех, кто ей нравится, ругает тех, кого она не любит. Вероятнее всего, именно в этих беседах и родилась идея, что враги готовят заговор против Николая II.

Больше всего Александре и Распутину не нравится Верховный главнокомандующий Николай Николаевич. В столице говорят, что отношения проповедника и Верховного главнокомандующего испортились, когда Распутин хотел приехать в Ставку и прислал Николаю Николаевичу телеграмму: «Приеду, утешу», а тот якобы ответил: «Приезжай. Повешу». На самом деле все намного сложнее. Великие князья Николаша и Петюша и их жены-черногорки знают Распутина давно. Они верят всем рассказам высшего духовенства. Распутин и Вырубова, в свою очередь,

пересказывают императрице слухи о Верховном: что черногорки хотят сделать его королем Галиции или Польши, что его называют в народе Николаем III. Это бьет точно в цель. Императрицу раздражает рост его политического влияния, создание военно-промышленных комитетов, заседания правительства у него в Ставке.

«Раз он враг Божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны», – убеждает императрица мужа. И напоминает, что именно Николай Николаевич вместе с Витте «виноваты в том, что Дума существует», – по их совету император подписал манифест 17 октября. «Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикуляцией. Меня его фальшивое положение временами бесит». Императрица, разумеется, уверена, что уж она-то страну понимает – благодаря рассказам Распутина.

Помимо Николаши у императрицы и Распутина есть собирательный образ врага – «московская клика». В нее входит великая княгиня Элла, которая ненавидит Распутина и постоянно пытается настроить против него сестру, а также замглавы МВД Джунковский, новый министр церкви Самарин и прочие знаменитые враждебные Распутину москвичи.

К июлю подозрения складываются в картину: Верховный главнокомандующий и его брат вместе с женами-черногорками возглавляют заговор. Они якобы хотят выслать императрицу в Москву, а сами переехать в Петроград. Два месяца спустя императрица сама будет рассказывать о раскрытом заговоре родственникам, в том числе тете Михень. «Дальше терпеть это было невозможно. Со всех сторон рвали у Ники власть. Урывали все, что было возможно, – будет рассказывать Аликс. – К счастью, мы вовремя об этом узнали». Немецкие погромы, преследования немецких баронов «метят выше» – это звенья того же заговора против императрицы.

Никаких доказательств заговора нет, есть только внутренняя убежденность Александры. В начале августа она и Распутин уговаривают Николая II отправить Верховного главнокомандующего в отставку и сослать наместником на Кавказ, а самому занять его место. 4 августа Распутин иконой благословляет императора – и тот идет рассказывать о своем решении военному министру Поливанову.

5 августа после ужина император со словами «Ну, молитесь за меня!» выходит в соседнюю комнату к министрам, чтобы сообщить о своем решении. Вырубова дает ему с собой икону. Совещание продолжается несколько часов. Императрица не выдерживает и идет с детьми в парк, чтобы через окно заглянуть в комнату.

Николай II возвращается веселый: «Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел! Выслушав все длинные скучные речи министров, я сказал приблизительно так: "Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня". Некоторые министры выглядели как в воду опущенные».

Почти все министры тщетно пытались отговорить императора. Мать Николая II просто убита этой новостью: «Злой дух Григория вернулся, А. хочет, чтобы Ники взял на себя Верховное командование вместо великого князя Николая Николаевича. Нужно быть безумным, чтобы желать этого». 12 августа она едет к сыну, чтобы переубедить, ведь если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина. Они говорят два часа, но Николай не отступает. «Это не Ники, не он. Он милый, честный, добрый. Это все она», – жалуется вдовствующая императрица племяннику, князю Андрею, после разговора с сыном. Сам князь Андрей считает, что все не так уж и плохо – приезд царя может придать войскам уверенности.

Начальником своего штаба император назначает генерала Михаила Алексеева – того самого «неспособного к творчеству». Фактически отныне именно Алексеев будет руководить всей российской армией, поскольку Николай II ничего в военном деле не понимает и совершенно им не интересуется.

«Общество вас ненавидит»

В августе заканчивается расследование по поводу оргии в ресторане «Яр». В Москву едет царский флигель-адъютант, который в очередной раз допрашивает свидетелей. То ли новый следователь формулирует вопросы иначе, то ли дает понять, что не стоит говорить дурно о Распутине. Так или иначе свидетели меняют свои показания, говорят, что все было чинно, о царской семье Распутин не упоминал, штанов не снимал. Джунковский уволен из МВД и отправлен на фронт. Уволен старый друг и адъютант императора Влади Орлов. Уволен и Феликс Юсупов-старший, который ненавидит Распутина, дружит с Николаем Николаевичем и видит повсюду происки «немецкой партии».

Одновременно происходит новый скандал: по дороге в родное село на пароходе «Товарпар» Распутин напивается, швыряет деньгами, приводит солдат в ресторан, заставляет их петь, угрожает другим пассажирам. Теперь никто не рискует доложить об этом императору.

«Безумие – изолировать себя и отправлять прочь действительно преданных друзей», – пишет в дневнике мать императора. В разговоре с великой княгиней Михень и ее сыном князем Андреем она рассказывает, что очень боится за сына, возле которого не осталось ни одного преданного человека, как во времена Павла I, который в последний год жизни стал удалять от себя верных людей и в итоге был убит ближайшим окружением. «Печальный конец нашего прадеда ей мерещится во всем своем ужасе», – пишет Михень.

Вся семья винит в происходящем Александру. Но если вдовствующая императрица ее ненавидит, то Михень даже сочувствует. По распространенным слухам, в приватном разговоре она из лучших побуждений говорит ей: «Общество вас ненавидит». Это становится концом отношений между ними.

Кабинет обороны

Как раз в этот момент Павел Рябушинский все активнее продвигает свою идею создать «кабинет обороны». 4 августа у него собираются Гучков, Коновалов, глава Земского союза князь Львов, московский голова Челноков. Рябушинский предлагает им сообща убедить императора назначить эффективное правительство, состоящее из представителей общественности. Согласно донесению полиции (среди участников совещания есть агент), Рябушинский говорит, что нельзя больше терпеть «бездарность и бездеятельность правящих классов» и «неспособность правительства организовать страну для победы», и призывает вступить на путь полного захвата исполнительной и законодательной власти. Автор полицейского донесения полагает, что в ближайшее время Мосгордума и Московский биржевой комитет официально потребуют смены правительства.

Рябушинский не скрывает своих взглядов: уже 13 августа «Утро России» публикует возможный состав будущего правительства, «кабинета обороны». Премьер-министром должен стать председатель Думы Родзянко, министром внутренних дел – Милюков, министром обороны – Гучков, министром промышленности и торговли – Коновалов, а министром путей сообщения – кадет Некрасов, глава масонского Верховного совета. Остальные ключевые посты планируется оставить членам нынешнего правительства: например, военным министром может остаться Поливанов, министром земледелия – Кривошеин.

В Думе продолжаются переговоры об объединении представителей «прогрессивных» фракций и о совместной борьбе за «думское» правительство (его еще будут называть «ответственным» или, более мягко, «кабинетом доверия»). Действующий министр земледелия Кривошеин поддерживает идею «правительства народного доверия» и предлагает императору компромисс: назначить новым премьером Поливанова и поручить ему сформировать кабинет.

Николай II отказывается. 19 августа Рябушинский от имени Московского биржевого комитета направляет царю телеграмму с просьбой включить в правительство «лиц, пользующихся широким общественным доверием» и предоставить им полную власть. На следующий день он даже едет в Петроград, ожидая, что император примет делегацию представителей общественности. От царя приходит ответ, что купцам не

надо вмешиваться не в свое дело: пусть заботятся о раненых и не лезут в политику.

23 августа «Утро России» публикует интервью с Гучковым. «Когда кормчий слаб духом, он может быть терпим при штиле, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук», – говорит он. А потом Гучков делает невероятный прогноз политического будущего России: «У нас идут по пути спасения с постоянным опозданием. Один умный октябрист сказал, что Кривошеина дадут только тогда, когда нужен будет Родзянко, Родзянко – когда нужен будет Гучков, Гучкова – когда потребуется Милюков, а Милюкова – когда придется призвать Керенского. У нас все будет, но все не вовремя».

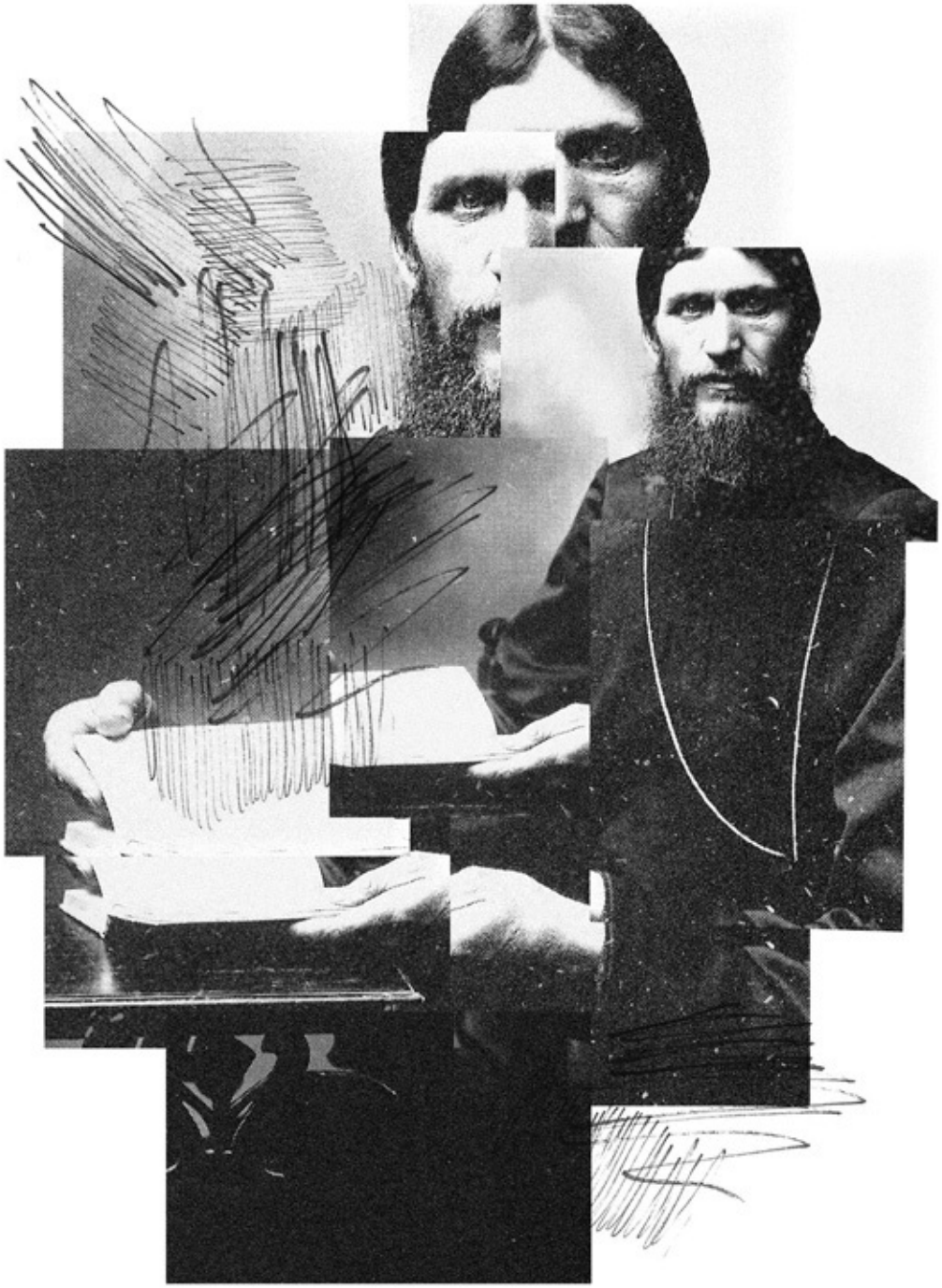
Наконец 25 августа в Думе договариваются о создании Прогрессивного блока, в который входят кадеты, октябристы, прогрессисты и даже часть националистов. Декларация о создании блока требует «немедленного призыва новых лиц, облеченных доверием страны, в Совет министров». В тот же день Рябушинский собирает купечество на экстренное заседание Московского военно-промышленного комитета: «Больше телеграмм посылать не будем, – говорит он. – Нам нечего бояться, нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо армии наши бегут перед неприятелем». Совещание поддерживает требование Прогрессивного блока, такую же резолюцию принимает старообрядческий съезд.

Московские купцы уже собрали на нужды Военно-промышленного комитета 4,5 миллиона рублей[114] (с учетом государственных вливаний), купили два завода, оборудовали их станками, заказанными в США и Швеции, проложили к ним железную дорогу. Осенью 1915 года заводы начинают выпускать снаряды. Всего за остаток года производство винтовок вырастает почти в два раза, пулеметов – в четыре раза, снарядов – более чем втрое.

В сентябре Гучков и Рябушинский избраны членами Государственного совета как представители промышленности. Но переговоры о создании нового правительства так и не возобновляются. Главный сторонник «кабинета обороны» среди действующих министров – Александр Кривошеин – подает в отставку. Он ошибался, считая, что сможет быть «фактическим премьером» при Горемыкине. В кресле премьера Горемыкин оказывается вовсе не беспомощным стариком, а бюрократическим монстром, которого невозможно сдвинуть с места. Не добившись формирования правительства народного доверия, Кривошеин уезжает на фронт работать в Красном Кресте.

3 сентября император издает указ о приостановке заседаний

Государственной думы на неопределенный срок. Накануне роспуска Думы депутат Александр Керенский звонит своей подруге Зинаиде Гиппиус. «Что же теперь будет?» – спрашивает она. «А будет… то, что начинается с а…», – отвечает депутат. Целиком сказать не может – телефон прослушивается. Конечно, он имеет в виду анархию.



Глава 11
В которой Григорий Распутин становится самым влиятельным коррупционером и самым ненавидимым пацифистом в России

Икона с колокольчиком

С отъездом Николая на фронт схема управления страной полностью меняется. Жена убеждает императора, что она и Распутин – единственные надежные его советчики. Тот факт, что с ней больше не общаются родственники ее мужа, Александра считает не несчастьем, а благом. У нее есть чудесная икона с колокольчиком (подаренная еще доктором Филиппом), которая предупреждает императрицу о злых людях и мешает им приближаться к ней. Именно поэтому, считает императрица, от нее шарахаются родственники императора – их отпугивает икона. «Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей», – пишет она мужу.

В столицу Александра не ездит, члены правительства сами приезжают к ней в Царское Село. Она очень этим гордится. Распутин называет ее новой Екатериной Великой, и это сравнение льстит Александре. «Ни у одной императрицы со времен Екатерины не было столько власти», – пишет она. В письмах к мужу она сетует на то, что такое положение ее якобы тяготит, – но Николай понимает, что жена на самом деле довольна сложившейся ситуацией. И благодарит ее за то, что она частично взяла на себя управление страной, пока он на фронте.

Почти во всех своих решениях царица руководствуется советами Распутина. И ни на минуту не сомневается в «Божьем человеке». Он, в свою очередь, не стесняется бравировать своим влиянием. Кадровая текучка увеличивается – Распутин то и дело советует сменить то одного, то другого министра. А императрица советует мужу «отдать себя больше под Его руководство», потому что «та страна, государь которой направляется Божьим человеком, не может погибнуть».

Распутин ежедневно принимает у себя десятки просителей, часто сам наведывается к крупным чиновникам, в том числе к министрам. Несколько раз в неделю встречается с Анной Вырубовой, ближайшей подругой императрицы. Как правило, он вызывает ее к себе домой, на Гороховую, но пару раз в неделю приезжает в ее знаменитый «маленький домик» в Царском Селе – неподалеку от дворца, в котором живет императорская семья. В такие дни в домик приходит и Александра.

По мелким кадровым вопросам императрица прислушивается к чутью и советам Вырубовой – она тоже хорошо умеет отличать «друзей» от «врагов».

Многие, хотя и не все, просьбы Распутина и императрицы Николай выполняет. Правда, часто с задержкой – царь не любит быстрых перемен, и Александре приходится настойчиво писать ему об одном и том же назначении или увольнении по три-четыре раза.

При этом слухи, которые ходят о Распутине, конечно, чудовищно преувеличивают его роль. Столичной интеллигенции он кажется просто дьяволом во плоти, который устраивает пьяные оргии в Царском Селе, пока наивный царь находится в Ставке. «Гриша правит, пьёт и фрейлин ебёт. И Федоровну, по привычке», – пишет 24 ноября 1915 года в дневнике Зинаида Гиппиус. Это, конечно, неправда. И императрица, и ее подруга Вырубова искренне считают Распутина святым – какой-либо сексуальный подтекст в их отношениях отсутствует.

Новогодний сюрприз

Почти все члены царского правительства в воспоминаниях пишут, что влияние Распутина на государственную политику очень сильно преувеличено, на самом деле они почти не чувствовали его вмешательства – за исключением разве что «единичных случаев». А единичные случаи такие: осенью 1915 года Распутин, например, подбирает нового министра внутренних дел, нового министра церкви и нового петербургского митрополита. После этого начинает искать нового премьер-министра.

Императрица, конечно, нежно относится к Ивану Горемыкину, но ему уже 76 лет, и все говорят, что глава правительства совершенно одряхлел. Возраст не смущает Александру, она по-прежнему убеждена в преданности премьера, но ей хочется найти человека пожестче, чтобы он взял в свои руки оппозицию и Государственную думу, навел бы порядок. Александра считает, что активизация гражданского общества – это недоработка старого премьера, у которого не хватает сил, чтобы закрутить гайки.

Апатичный глава правительства, которого уже не в первый раз увольняют, неизменно счастлив тому, что мука закончилась. В прошлый раз он радовался, уступая свое место Столыпину, теперь ему на смену приходит 68-летний Борис Штюрмер (который и в прошлый раз считался соперником Столыпина). Распутин рекомендует его именно как более твердого человека. «Он высоко ставит Григория, что очень важно», – пишет императрица мужу.

Борис Штюрмер (его фамилия переводится как «штурмовик») из обрусевших немцев и, возможно, поэтому с таким остервенением демонстрирует собственное православие. Зинаида Гиппиус вспоминает, что познакомилась с ним еще в 1903 году, когда он был ярославским губернатором, – тогда он «в церкви крестился двумя руками» и принимал у себя Иоанна Кронштадтского.

Перед назначением Штюрмер очень переживает из-за своей немецкой фамилии, хочет даже сменить ее, взяв фамилию матери Панин. В этом, конечно, есть невероятная ирония. Категорически против семейство Паниных, тем более что наследница этого богатейшего рода – графиня Софья Панина, падчерица Ивана Петрункевича и одна из самых ярких представительниц либеральной оппозиции. Императрица тоже против: «Это принесет ему более вреда, чем если он останется при своей

почтенной старой», – пишет она Николаю.

У Штюрмера очень любопытная карьера – он профессиональный придворный, бывший еще в правление Александра III церемониймейстером двора. Потом он служил новгородским и затем ярославским губернатором, был замглавы МВД при Плеве (тот его не любил и всячески третировал). Штюрмера не раз прочили на высшие должности – но все не складывалось. А потом он организовал поездку императорской семьи в Тверь во время празднования 300-летия дома Романовых, чем, наконец, обратил на себя внимание. «У него много свежих идей», – считает императрица.

Если старый Горемыкин со своими длинными седыми бакенбардами в обществе именуется «серым другом», то Штюрмера за его белую бороду начинают звать «дедом морозом» – тем более что его назначение становится фактически новогодним сюрпризом.

Распутин рассчитывает, что Штюрмер будет очень послушен. По сути, он уже выстроил собственный механизм давления на правительство: примерно раз в неделю он приезжает в Петропавловскую крепость, где у него происходят тайные совещания с премьер-министром Штюрмером и новым столичным митрополитом Питиримом. Однако уже вскоре (как рассказывает помощник Штюрмера, бывший агент тайной полиции Манасевич-Мануйлов) Распутину кажется, что премьер становится слишком самостоятельным. На совещании в крепости он устраивает ему выволочку: «Ты не смеешь идти против желания мамаши!» – кричит он. И остальным присутствующим объясняет, что «старикашка, должен ходить на веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана».

Убить Распутина

Штюрмер на Распутина не обижается – в отличие от другого его протеже, нового министра внутренних дел Алексея Хвостова по кличке Толстый (так называют его Распутин и императрица). Хвостову всего 43 года, и он очень амбициозен. Он был нижегородским губернатором и даже рассматривался как возможный преемник Столыпина. Хвостов вспоминает, что сам Распутин в 1910 году приезжал его «собеседовать», но вынес такой вердикт: «Видел. Молод. Горяч, подождать надо». После этого Хвостов избрался в Думу, стал лидером фракции правых – откуда по протекции Распутина и переехал в кресло главы МВД. Хвостов, конечно, сам хочет стать главой правительства, но над его премьерскими амбициями Распутин смеется: «Толстопузый много хочет», – говорит он.

Еще во время первого «собеседования» Хвостов предупреждал Распутина, что он «человек горячий» и поэтому не годится в министры: «Ведь если что не по мне, я в мешок и в воду» (то есть – обидчика убьет, а труп утопит). Очевидно, Хвостов не шутил – теперь он взбешен тем, как Распутин манипулирует властью и публично унижает членов правительства. Глава МВД вызывает своего заместителя, директора департамента полиции Степана Белецкого, отвечающего за охрану Распутина, и поручает ему убить проповедника.

По версии главы царской охраны (тогдашнего ФСО) генерала Спиридовича, замысел Хвостова мог быть таким: избавиться одновременно и от Распутина, и от Белецкого как от возможного конкурента. В случае успеха императрице он, по мнению Спиридовича, мог сказать, что его зам Белецкий спланировал все самостоятельно, а товарищам по Думе – что это он избавил страну от Распутина, и сделаться популярным премьером-министром.

Однако Белецкий, понимая опасность поручения, начинает тянуть время: он обещает Хвостову организовать убийство, но на самом деле ничего не делает. Несколько недель спустя, обнаружив, что Белецкий саботирует, Хвостов придумывает другой план – привлечь к убийству (чтобы потом свалить всю вину на него) заклятого врага Распутина, бывшего монаха Илиодора.

Сергей Труфанов (так зовут расстриженного монаха) теперь живет в Норвегии. Прежде чем убежать из России, он встретился с Горьким и поделился с ним своим планом – написать разоблачительную книгу о

Распутине. Горький в восторге: «Книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, она может принести многим людям несомненную пользу. Устроить ее за границей я берусь», – пишет он другу. И действительно, в 1915 году Труфанов пишет книгу под названием «Святой чёрт».

У бывшего Илиодора репутация главного врага Распутина – поэтому нужно, чтобы он и убил проповедника, считает глава МВД Хвостов. Он отправляет своего помощника в Осло (тогда этот город назывался Кристиания), где живет Илиодор. Илиодор не против, но план не срабатывает. На обратном пути, сразу после пересечения российской границы, хвостовского посланца задерживают по приказу замминистра Белецкого. После недолгого допроса в Петербурге он во всем сознается и передает Белецкому письма Илиодора министру Хвостову.

Тем временем МВД лишает Распутина охраны. Он чувствует что-то неладное – и каждый день устраивает скандалы Вырубовой. Та в слезах жалуется императрице, а Александра – мужу: «В своем теперешнем состоянии Он кричит на нее и ужасно раздражителен. Он боится уезжать, говоря, что Его убьют».

Белецкий предлагает своему начальнику Хвостову не убивать Распутина, а нейтрализовать его другим способом. Например, составить подробный доклад об образе жизни Распутина и передать его царю. Белецкий даже поручает своим сотрудникам написать этот доклад – целую ночь вся секретная полиция Петербурга не спит, сотрудники пишут отчет о поведении Распутина, снабжая его документами.

Хвостов благодарит заместителя, но отвозит императору совсем другой доклад – собственного сочинения. Это донос на Белецкого, будто бы он собирался убить Распутина. В наказание Хвостов предлагает императору назначить Белецкого иркутским губернатором. Замминистра узнает о своей ссылке в Иркутск из газет. «За что?» – не может понять он. Хвостов смеется ему в лицо.

Рождение шпиона

«Я человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно ехать ли с Гришкой в публичный дом или его под поезд сбросить, – хвастается министр внутренних дел в разговоре с начальником личной охраны императора Спиридовичем. – А знаете ли вы, генерал, – ведь Гришка-то немецкий шпион!» Спиридович шокирован: «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый, с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги». Но рассказать о своем впечатлении царю Спиридович не решается.

А царь, в свою очередь, не решается уволить министра внутренних дел Хвостова. 27 февраля 1916 года он приезжает в Царское Село на воскресную службу в Феодоровский собор. После первой недели Великого поста вся царская семья причащается, а Распутин ждет их в алтаре. После службы Распутина проводят во дворец, где он поздравляет царскую семью, пьет с ней чай и говорит, что Хвостов хотел его убить. Распутину все рассказал тот самый помощник главы МВД, который по его поручению ездил в Норвегию к Илиодору.

Николай успокаивает Григория и обещает уволить министра. А потом уезжает на фронт, так и не поговорив с Хвостовым. «Я в отчаянии, что мы через Гр<игория> рекомендовали тебе Хв<остова>, – пишет мужу императрица. – Мысль об этом не дает мне покоя, ты был против этого, а я сделала по их настоянию, хотя с самого начала сказала А<не>, что мне нравится его сильная энергия, но он слишком самоуверен и что мне это в нем антипатично. Им овладел сам дьявол, нельзя это иначе назвать».

Спустя два дня Хвостов приезжает с докладом к царю – но царь и виду не подает, что готовится его уволить. Спокойный Хвостов возвращается в Петроград, а через несколько недель узнает о своей отставке. Скандал с покушением на убийство Распутина завершается неожиданно. Бывший замминистра Белецкий рассказывает всю приключившуюся с ним историю знакомому журналисту, и тот немедленно публикует «интервью с сенатором Белецким» – даже не спросив его разрешения. Подобных разоблачений российское общество еще не видело. Белецкий подает в отставку с поста Иркутского генерал-губернатора. Штюрмер создает следственную комиссию, которая на самом деле ничего не расследует – нельзя же признать, что министр внутренних дел оказался убийцей.

Хвостов остается депутатом Госдумы. Он ходит на работу и рассказывает другим депутатам, что Распутин – немецкий шпион. Хвостов хотел его разоблачить, за это и поплатился – такова его версия.

Ярлык немецкого шпиона на удивление быстро приклеивается к Распутину. Еще вчера он был просто «хлыст» – а уже сегодня немецкий агент. Генерал Спиридович пытается проверить слова Хвостова – и выясняет, что это чистый блеф, никаких донесений о шпионаже у министра не было.

Но слухи продолжают распространяться. И Распутин, надо сказать, сам дает для них основания. Во-первых, Распутин – почти пацифист. Он с самого начала был против войны и все время повторяет, что война – зло, что по обе стороны линии фронта гибнут простые люди. То и дело он говорит императрице, чтобы она написала мужу, попросила его избегать бессмысленных жертв и беречь солдат.

Отношение к войне – краеугольный камень российского гражданского общества, вопрос, который ссорит семьи. Всех, кто не в восторге от войны, быстро записывают в «предатели» и «пораженцы». От этого страдает даже Зинаида Гиппиус – что и говорить о таком непопулярном персонаже, как Распутин.

Еще Распутин проповедует сострадание к меньшинствам. Он хлопочет о немецких военнопленных (это нравится императрице). Он покровительствует сектантам и раскольникам (почти как Толстой). Наконец, у Распутина обширные связи среди еврейских банкиров Петрограда – роль секретаря Распутина выполняет купец Арон Симанович, а один из любимых собутыльников «старца» – банкир Дмитрий Рубинштейн. Еврейских банкиров все в Петрограде подозревают в симпатиях к Германии и в связях с немцами.

Никто не считает Распутина проповедником гуманизма и толерантности. Его веротерпимость объясняют тем, что он сам «хлыст», внимание к евреям – тем, что он куплен еврейским капиталом (отчасти это верно, еврейские банкиры, действительно, всякий раз щедро благодарят Распутина за помощь, например, покупают ему соболью шубу). А забота о военнопленных, по мнению общества, прямо-таки явное доказательство шпионажа.

Весь Петроград обсуждает немецкое происхождение царицы и немецкую фамилию нового премьер-министра. Все это усугубляется полной непроницаемостью императорского двора. Александра не любит Петроград, не ездит туда, старается почти ни с кем не общаться, наказывая столичное общество своим пренебрежением. Она считает, что имеет на это

право: императрица не должна объясняться ни перед кем, кроме мужа и ближайших друзей. Петроградское общество считает иначе.

Вырубова аккуратно собирает столичные сплетни и пересказывает их Александре. «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что императрица спаивает государя, и все этому верят», – якобы рассказывает подруга сестре Вырубовой. Возникает замкнутый круг – чем больше в обществе ненавидят императрицу, тем сильнее она ненавидит общество.

Прощай, Стамбул

В начале января 1916 года заканчивается сражение при Галлиполи (или Дарданелльская операция), которое объединенные англо-французские войска вели почти год.

Цель Галлиполийского сражения была почти такой же, что ставил себе Петр I за 200 лет до этого, – прорубить окно между Европой и Россией. В начале XVIII века он полагал, что, разгромив Швецию и создав балтийский флот, он выполнил свою миссию. Но в XX веке все пришлось начинать сначала. Противники Антанты, Германия и Турция, заблокировали и Балтийское море, и Черное, единственным портом, через который Россия могла сообщаться с союзниками, оказался далекий Архангельск в Белом море.

Прорвать эту блокаду союзники пытаются разными способами. Россия закладывает новый порт – его назовут Мурманск – и начинает ускоренно строить туда железную дорогу. А британский морской министр Уинстон Черчилль разрабатывает Дарданелльскую операцию: взять под контроль проливы и тем самым прорубить окно в Россию.

За год непрерывных сражений при Галлиполи Британия теряет убитыми 34 000 человек, Франция – почти 10 000, Австралия – почти 9 000, а Новая Зеландия – почти 3 000. Для двух последних стран это самые серьезные военные потери во всей их истории. В декабре 1915 года Великобритания принимает решение эвакуировать войска из Турции – союзники признают поражение. Англичанам не удается взять под контроль средиземноморские проливы, открыть кратчайший морской путь в Россию и вывести Турцию из войны. Морской министр Уинстон Черчилль уходит в отставку.

Один из руководителей обороны Дарданелл – Мустафа Кемаль, будущий Ататюрк, после победы над Антантой он становится национальным героем, и с этого триумфа начинается его путь к посту первого президента Турецкой Республики.

На российское общество провал Дарданелльской операции производит не меньшее впечатление. Во-первых, для жителей Российской империи главным смыслом Первой мировой войны было именно овладение Константинополем и проливами – после поражения в Галлиполи многие в России испытали острый приступ разочарования в войне. «Со всех сторон я слышу одно: "Ну, теперь вопрос решен – нам никогда не видать

Константинополя… Из-за чего же дальше воевать?"» – записывает в своем дневнике французский посол Морис Палеолог в январе 1916 года, после эвакуации войск союзников из Турции.

Кроме этого, в Петрограде по-прежнему проводят параллели между Россией и Турцией, сравнивают ситуации в двух архаичных империях. Турция по-прежнему кажется положительным примером: молодые военные-националисты взяли власть в свои руки, ввели конституцию – и теперь побеждают.

Такие же аналогии приходят в голову и императрице. Для нее лидер русских «младотурок» Гучков – главный объект ненависти, враг номер один. Как раз в те дни, когда англичане завершают эвакуацию из Турции, Гучков начинает болеть – у него серьезное осложнение после гриппа. «Желаю ему отправиться на тот свет, ради блага твоего и всей России, – поэтому мое желание не греховно», – пишет императрица мужу 4 января.

В газетах печатают сводки о его здоровье, жена рассылает телеграммы друзьям, чтобы они приезжали прощаться. По телефону Гучкову звонит (пока еще) министр внутренних дел Хвостов: «Ну что, Александр Иванович скончался?» – спрашивает он. Оказывается, что трубку берет сам больной. На удивление многих, Александр Гучков поправляется.

Фактор здоровья

Болеет не только Гучков – у очень многих активных политиков как раз в 1916 году серьезные проблемы со здоровьем, которые мешают им действовать в полную силу. У Павла Рябушинского, например, в начале 1916 года обостряется туберкулез. По сообщению полиции, следящей за бизнесменом, «слабость и постоянное кровотечение из горла не позволяют ему выехать из Москвы» – вчерашний лидер купечества Рябушинский полностью прекращает политическую и общественную деятельность. Только в марте он сможет уехать в Крым, где пробудет почти до конца года.

Тяжело болен депутат Александр Керенский – у него туберкулез почки. Ему долго не могут поставить правильный диагноз, потом он уезжает лечиться в Финляндию, где ему удаляют почку, – в работе Думы Керенский не принимает участия семь месяцев.

Очевидные проблемы со здоровьем есть и у императорской четы – скорее всего, они оба перебарщивают с транквилизаторами (довольно несовершенными на тот момент). Царь так апатичен, как не был никогда прежде, – ходят слухи, что жена присылает ему порошки, изготовленные бурятским целителем доктором Петром Бадмаевым на основе гашиша. Императрица в конце года признается подруге, что «буквально пропитана вероналом» – это психотропное средство, первый барбитурат, который в начале XX века используют в качестве снотворного; он вызывает привыкание уже через 15 дней применения, обладает массой побочных явлений: постоянная слабость, разбитость и головная боль, вызываемые препаратом, даже имеют название «веронализм». Лекарство часто приводит к депрессии, кошмарным снам, а в случае отмены – к усилению раздражительности, приступам страха и судорогам.

В течение года тотальное нездоровье будет все больше влиять на российскую политику – к концу лета начнется прямо-таки массовое помешательство.

Переход в наступление

Гучков выживает, но императрица старается любой ценой избавиться от его друга, военного министра Алексея Поливанова. Она доказывает мужу, что он заговорщик, изменник, «младотурок», сторонник правительства, ответственного перед Думой, «которого все требуют, даже порядочные люди, не сознавая, что мы совершенно не подготовлены для этого (как и наш Друг говорит, что это было бы окончательной гибелью всего)», – пишет Александра Николаю.

В начале марта император уступает жене и увольняет Поливанова. Начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву императрица тоже не доверяет, подозревая и его в симпатиях к «младотуркам». По-настоящему верным человеком она считает «старика Иванова» (Николая Иудовича), командующего Юго-Западным фронтом, и просит взять его в штаб, чтобы он присматривал за Алексеевым.

Перевод генерала Иванова с поста командующего Юго-Западным фронтом в Ставку происходит драматично. Старого генерала вызывает к себе начальник штаба Алексеев и сообщает ему, что он отныне будет служить при императоре. Иванов начинает плакать, а потом спрашивает, за что его увольняют с поста командующего. Алексеев, смутившись, отвечает ему, что этот вопрос генералу стоило бы задать императрице Александре или Распутину. Иванов возмущен такой репликой – и при первой возможности передает Вырубовой – мол, генерал Алексеев неуважительно отзывается об императрице.

В результате этой зачистки армейской верхушки от «младотурок» командующим Юго-Западным фронтом, вместо Иванова, становится генерал Алексей Брусилов. По его словам, когда он приезжает принимать дела у Иванова, тот тоже плачет и уверяет, что армия наступать больше не может, максимум возможного – это удержание Галиции. Брусилов другого мнения, на следующий день он говорит императору, что армия в отличном состоянии и к 1 мая будет готова к наступлению. А если император не согласен, то Брусилов немедленно подаст в отставку. Николай II отвечает, что «ничего не имеет ни за, ни против» – а Брусилову надо 1 апреля все обсудить на военном совете с начальником штаба и другими главнокомандующими.

На военном совете инициатива Брусилова одобрена – хотя главнокомандующие Западным и Северным фронтами генералы Эверт и

Куропаткин говорят, что за успех наступления не ручаются.

Вскоре после этого император уезжает из Ставки в Одессу – якобы на смотр войск, но, по мнению Брусилова, просто развеяться. Ему очень скучно на фронте, он совершенно не принимает участия в работе – просто, прилагая немалые усилия, выслушивает доклады и устраняется от принятия каких-либо решений. При первой возможности пытается уехать из Ставки – либо в Царское Село, либо на смотр частей – «лишь бы убить время». Настоящий Верховный главнокомандующий – это генерал Михаил Алексеев.

Наступление Брусилова начинается 22 мая. Сразу после него должен выступить Западный фронт генерала Эверта. Но из-за плохой погоды Эверт просит отложить его наступление на 4 июня.

«Мой родной голубчик! Наш Друг шлет благословение всему православному воинству, – пишет императрица мужу 4 июня. – Он просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на севере, потому что, по Его словам, если наши успехи на юге будут продолжаться, то они сами станут на севере отступать. Если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостережение».

На следующий день царь ей отвечает: «Моя дорогая! Нежно благодарю за дорогое письмо… Несколько дней тому назад мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия немного южнее. – Но, прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу».

Действительно, 4 июня Эверт тоже не двигается – надо перегруппироваться. Брусилов очень злится на начальника штаба Алексеева: «Случилось то, чего я боялся, что я буду брошен без поддержки соседей и что, таким образом, мои успехи ограничатся лишь тактической победой и некоторым продвижением вперед, что на судьбу войны никакого влияния иметь не будет. Противник со всех сторон будет снимать свои войска и бросать их против меня, и очевидно, что в конце концов я буду принужден остановиться».

Алексеев сообщает, что решение Эверта уже утверждено царем и «изменить решения государя императора уже нельзя». Брусилов считает, что император тут ни при чем, «так как в военном деле его можно считать младенцем».

Наступление Брусилова начинается очень удачно. 25 мая его армии берут Луцк. Брусиловский прорыв вызывает невероятный подъем в обществе. Главнокомандующему сплошным потоком идут телеграммы с поздравлениями: пишут крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция. Его очень трогает поздравление от великого князя Николая

Николаевича – а поздравление императора, наоборот, кажется слишком формальным.

Еще больше предубеждение Брусилова против императрицы. Она принимает его во время визита в Ставку незадолго до начала наступления; встречает сухо и еще суше прощается, но тем не менее дарит икону святого Николая Чудотворца. Вскоре после встречи эмалевое изображение лика святого стирается – остается только серебряная пластинка. «Суеверные люди были поражены, – вспоминает Брусилов, – а нашлись и такие, которые заподозрили нежелание святого участвовать в этом лицемерном благословении».

Политический туризм

Даже в армии императрицу Александру подозревают в том, что она немецкая шпионка. Но еще больше ненавидят бывшего военного министра Сухомлинова. Год назад он был отправлен в отставку под давлением общественного мнения, более того, пресса его фактически уже приговорила, назвав главным виновником плохого снабжения армии. Теперь ситуация со снабжением исправлена, Военно-промышленные комитеты работают по всей стране, снарядов хватает – а Сухомлинова сажают в Петропавловскую крепость.

66-летнему генералу предъявлены обвинения в хищениях и мошенничестве, но в Думе говорят и о государственной измене. Не все верят в то, что Сухомлинов – предатель, но почти все торжествуют – налицо беспрецедентное достижение гражданского общества. Против нечистого на руку министра возбуждено уголовное дело, он будет отвечать по закону. Такого в истории России еще не было[115].

Заседания Государственной думы возобновляются – и сейчас она, кажется, переживает свой звездный час. Думский «прогрессивный блок» ощущает себя настоящей политической силой. Павел Милюков вспоминает, что его в этот период как только не называют: «лидер Думы», «лидер оппозиции», «лидер прогрессивного блока». Милюков чувствует, что власть уступает и вот-вот сторонники конституции возьмут верх.

6 апреля Милюков и его однопартийцы составляют новый список потенциальных членов будущего правительства народного доверия. До сих пор очевидным фаворитом на пост премьера считался председатель Думы Родзянко. Но Милюков не терпит его и делает все, чтобы изгнать Родзянко даже из проектируемого правительства. «Родзянко продолжал мнить себя вождем и спасителем России, – вспоминает Милюков. – Его надо было сдвинуть с этого места». В результате в апрельском списке в качестве кандидата на роль премьера появляется толстовец князь Львов – руководитель Земского союза.

16 апреля делегация Думы на целых два месяца отправляется в зарубежное турне. Депутаты хотят представиться будущим партнерам по переговорам. Возглавляет делегацию зампред Думы октябрист Александр Протопопов, в состав группы входят кадеты Милюков, Шингарев и еще с десяток парламентариев. В Британии они встречаются с королем Георгом V, членами парламента и литераторами Гербертом Уэллсом и Артуром

Конан Дойлом. После этого по программе Франция, Италия, Норвегия и Швеция. Парламентариев уважают, их слушают, замерев. Милюков и Протопопов на всех производят очень хорошее впечатление – благодаря прекрасному знанию языков, либеральным идеям и обещаниям не допустить сепаратного мира.

В конце мая становится известно, что в Балтийском море на немецкой мине подорвался крейсер «Хэмпшир», на котором в Россию плыл британский военный министр Горацио Китченер. Заранее о визите фельдмаршала не объявлялось – в Петрограде шепчутся, что кто-то из высших чинов сообщил немцам секретную информацию и погубил британского министра.

На обратном пути в Россию, в Стокгольме, Протопопов решает развлечься. «Нет ли в городе какого-нибудь интересного немца?» – спрашивает он, желая продолжить свой увлекательный политический туризм. Действительно, ему приводят немецкого предпринимателя по фамилии Варбург. Они выпивают, болтают о политической ситуации в мире, в Германии и России, о мире и войне. На следующий день Протопопов, вспоминая беседу, находит ее очень увлекательной и записывает тезисы в блокнот. Вернувшись в Петроград, он идет к Милюкову, чтобы рассказать, какая странная встреча была у него в Стокгольме. По записям в блокноте зачитывает идеи Варбурга: присоединение к Германии Литвы и Курляндии, пересмотр границ Лотарингии, возвращение колоний, восстановление Польши в двух частях: российской и австрийской, восстановление Бельгии – все это вполне можно трактовать как условия сепаратного мира. Милюков говорит, что это просто недоразумение, и дает Протопопову совет – никому про разговор с немцем не говорить. Протопопов делает все ровно наоборот – рассказывает всем, кому может. Еще месяц спустя случайный разговор в Стокгольме будут всерьез называть секретными переговорами Протопопова с немецким агентом – в том числе и сам Милюков.

20 июня, как раз в тот день, когда думская делегация возвращается из-за границы, премьер-министр Штюрмер объявляет о переносе сессии Думы – ближайшее заседание откладывается до 1 ноября.

Американское чудо

Еще в январе 1916 года Сергей Дягилев вместе со своей труппой садится на пароход в Бордо, чтобы отплыть на гастроли в Америку. Все безумно нервничают – особенно Дягилев, потому что он боится утонуть. Когда-то гадалка предсказала ему, что он «умрет на воде». Но не плыть невозможно, ситуация критическая – в Европе идет война, «Русский балет» не гастролирует уже полтора года, выступления в Америке – спасительная возможность выступать и зарабатывать.

Переговоры с американцами проходят непросто: они непременно хотят видеть Нижинского. Дягилев не встречался со своей бывшей главной звездой уже два с половиной года и совершенно не собирался это делать. Нижинский интернирован и сидит под арестом в Будапеште. Но ради американского турне Дягилев соглашается принять Нижинского обратно – ведь Метрополитен-опера платит «Русскому балету» 45 тысяч долларов[116] аванса. Они спасают Дягилева от банкротства – и на эти деньги он и вся труппа живут и репетируют весь 1915 год. К концу года деньги заканчиваются: Дягилев хоть и паникует, но едет. На пароходе он запирается в каюте, но отправляет слугу Василия молиться на палубу, чтобы отвести беду. Страхи Дягилева, кстати, совсем не беспочвенны: война продолжается и на море, пассажирские пароходы нередко становятся случайными мишенями немецких подводных лодок или подрываются на минах.

Но плавание проходит без происшествий. Дягилеву очень нравится Нью-Йорк, в одном из первых интервью он пространно восторгается Бродвеем. После первых выступлений в Нью-Йорке они отправляются в путешествие по американской глубинке: Чикаго, Милуоки, Атлантик-Сити, Канзас-Сити и так далее.

Гастроли сопровождаются постоянными скандалами (часть из которых подогревает сам Дягилев). То он увольняет свою ведущую балерину Ксению Маклецову и заменяет ее давно живущей в США Лидией Лопуховой; Маклецова пытается судиться и требует арестовать Дягилева. То консервативная американская публика возмущается откровенными эротическими сценами в «Шехеразаде» и «Послеполуденном отдыхе Фавна». При этом больше всего аудиторию шокирует не сексуальный подтекст танцев, а тот факт, что танцоры, загримированные под чернокожих, обнимают белых женщин. Под давлением публики спорные

сцены из обоих балетов приходится вырезать. Все время турне Дягилев продолжает добиваться освобождения Нижинского из-под ареста – хотя бы к финальному аккорду гастролей, выступлению в Метрополитен-опере. За танцора ходатайствуют госдепартамент США и посольство США в Вене. В марте переговоры заканчиваются успехом.

4 апреля Нижинский приезжает в Нью-Йорк. Они с Дягилевым видятся впервые через три года после расставания. И первая же встреча, разумеется, оборачивается скандалом. Нижинский не хочет выходить на сцену, пока не получит денег, которые Дягилев задолжал ему за все прошлые годы выступлений. Спор удается уладить: Дягилев платит Нижинскому 24 тысячи долларов[117], и уже 12 апреля Нижинский танцует свою коронную партию в «Петрушке» на сцене Метрополитен-оперы.

Выступления в Нью-Йорке продолжаются больше трех недель, они очень успешны, – и Дягилеву предлагают повторить тур осенью. Он, конечно, соглашается, но предлагает организовать новые гастроли Нижинскому, а сам вместе с труппой отправляется в Европу. На обратном пути Дягилев снова паникует, а его верный лакей Василий молится.

Незамеченная резня

Брусиловский прорыв вызывает в обществе невероятный восторг. После сплошных неудач 1915 года – снова всплеск оптимизма и патриотизма. Всеобщая любовь к Брусилову сочетается с раздражением в адрес генерала Куропаткина. Его имя и так ассоциируется исключительно с унизительным поражением в русско-японской войне, – теперь же его обвиняют еще и в том, что он, как обычно, выжидает и не приходит на помощь Брусилову.

Все остальные новости отступают на второй план. В том числе и восстание в Средней Азии – на территории современных Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана.

В июне премьер Штюрмер готовит приказ о призыве мужского населения Туркестана в возрасте с 19 до 43 лет в прифронтовые области на принудительные работы – предполагается, что 200 тысяч киргизов (тогда так называли все населяющие Среднюю Азию народности) должны рыть окопы. По российским законам инородцы (сословие, к которому относится все мусульманское население Средней Азии) не подлежат призыву на военную службу. Но новый приказ все меняет.

Приказ вызывает волну протестов: вывоз всех взрослых мужчин на войну фактически обрекает остающихся женщин, детей и стариков на голодную смерть. Проблема усугубляется тем, что указ публикуют в самом начале сезона сбора хлопка. Кроме того, мусульмане не хотят участвовать в войне против халифа – султана Османской империи. Последней каплей становятся злоупотребления мелких чиновников: поскольку у местных жителей нет документов, возраст определяют на глаз – а значит, за взятку могут любому дать меньше 19 или больше 43, а могут и наоборот.

Первые беспорядки начинаются в Худжанде (тогда этот таджикский город назывался Ходжент): это «бабий бунт» – местные женщины бросаются под ноги казакам, умоляя их не забирать всех мужчин и не обрекать их на голодную смерть. Восстание разрастается: сначала захватывает всю Самаркандскую область, потом переходит и на так называемое Семиречье – сейчас это юго-восток Казахстана и север Киргизии, территория вокруг Алматы и Бишкека. Там живет много русских – так что начинается фактически гражданская война: казахи и киргизы вырезают русских, русские уничтожают киргизов и казахов.

17 июля 1916 года во всей Средней Азии объявлено военное

положение – усмирять начавшееся восстание отправляют Куропаткина, всего через полгода после его назначения командующим Северо-Западным фронтом. Куропаткин неплохо знает этот регион, потому что служил в Туркестане еще до русско-японской войны. Он против призыва местных жителей на тыловые работы, но теперь его цель – подавить мятеж.

В любой другой момент восстание в Средней Азии имело бы грандиозный мировой резонанс – куда больший, чем Ленский расстрел или Кишиневский погром. Но сейчас его заслоняет собой Первая мировая. В ходе подавления было убито до 60 тысяч человек, точное число жертв неизвестно. Генерал Куропаткин предлагает ввести режим апартеида: сформировать отдельную русскоязычную область вокруг озера Иссык-Куль, а киргизов выселить из современного Бишкека и переселить южнее.

Вскоре туда едет Александр Керенский – проводить парламентское расследование по поручению Государственной думы. Керенский только что вернулся в строй после длительного лечения. Он семь месяцев не участвовал в работе Думы – и теперь рвется поехать в Среднюю Азию.

Керенский посещает только часть районов восстания (Джизак, Самарканд, Андижан, Коканд и Ташкент), однако собирает доказательства чудовищного преступления. Во-первых, депутат не обнаружил никаких признаков заранее подготовленного восстания, никакого привезенного оружия, – очевидно, что имела место просто вспышка стихийной ярости местных жителей, доведенных до отчаяния. По мнению Керенского, совершенно неубедительны и разговоры о «панисламистском» восстании или «немецких агентах».

В ходе восстания в разных районах было убито до 8 тысяч русских, и войска начали мстить. К примеру, 7 августа генерал-губернатор Туркестана приказал выгнать из своих домов жителей города Джизак, а потом уничтожить весь город – что и было сделано. Подобным образом изгнаны из своих домов десятки тысяч местных жителей: казахов, киргизов, таджиков, многие из которых были убиты. По словам Керенского, карательные отряды, подавляя восстание, сжигали населенные пункты целиком, «уничтожая население без различия пола и возраста».

«Очень трудно будет нам говорить теперь "о турецких зверствах в Армении"; очень трудно будет нам говорить "о немецких зверствах в Бельгии", когда того, что происходило в горах Семиречья, никогда, может быть, мир до сих пор не видел!» – говорит Керенский, выступая с докладом в Госдуме 13 декабря. Слева ему кричат: «Позор!», справа: «Ложь!»

Впрочем, самаркандский военный губернатор Нил Лыкошин с Керенским не согласен: «Только суровые и беспощадные меры, принятые

весьма быстро, и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положения», – говорит он в Думе.

Удивительно, что все остальное общество резни в Туркестане почти не замечает. Ее не упоминают император с императрицей, ее не обсуждает столичная интеллигенция, о ней почти не пишут газеты.

Польша и печать дьявола

В конце июня 1916 года министр иностранных дел Сергей Сазонов приезжает к императору в Ставку и привозит с собой готовый проект польской конституции. Он уверен, что его нужно подписать срочно – потому что большая часть Царства Польского и так оккупирована Германией. Единственная возможность России вызвать хоть какие-то симпатии поляков – это даровать Польше конституцию, чтобы поляки стремились вернуться обратно под власть русского императора, так как именно он был бы для них гарантом более свободного и достойного будущего. И то, что Польша в перспективе может стать независимой, Сазонова вообще не пугает – он считает, что включение Польши в состав России было исторической ошибкой, Царство Польское – это грыжа в организме Русского государства, освободившись от Польши, Россия только выиграет.

Чтобы повлиять на императора, он показывает проект начальнику штаба Алексееву, тот поддерживает идею Сазонова и даже вызывается защитить его перед царем. Николай II тоже очень благодушен. Сазонов, Алексеев и император втроем подробно разбирают проект пункт за пунктом. Николай II задает вопросы, показывающие его интерес к предмету доклада. В итоге, по словам Сазонова, он одобряет проект – и просит вынести его на обсуждение правительства. Сазонов выполняет просьбу императора, отдает документ Штюрмеру, а сам, в ожидании его обсуждения, отправляется в короткий отпуск в Финляндию.

Сазонов не догадывается, что в тот момент, когда он показывал императору проект польской конституции, он уже был обречен. Григорий Распутин считает, что министр иностранных дел «отмечен печатью дьявола», а императрица считает, что Сазонов «такой трус перед Европой и парламентарист, а это было бы гибелью России». Александра уверена, что Польше нельзя давать конституцию – ведь это наследство цесаревича Алексея, Николай II должен передать ему страну в том же состоянии, в каком получил от отца. «Всем, кто надоедает по поводу Польши», Распутин советует отвечать: «Я для сына все делаю, перед сыном буду чист».

Находясь в отпуске, Сазонов узнает, что совет министров отклонил проект конституции Польши, он сам уволен, а новым министром иностранных дел вместо него стал премьер Штюрмер. Год спустя Штюрмер будет описывать свое премьерство: «У меня не могло быть

программы, потому что у нас не так ведется, как в Европе. Может, я был недальновиден, но я служил старому режиму, а на новое я не считаю себя способным».

Две теории заговора

После первого успеха Брусиловский прорыв выдыхается. Главнокомандующий фронта продолжает бросать в наступление лучшие части – но линия фронта больше не двигается. Он ждет, что два фронта к северу от него тоже перейдут в наступление, но там никаких успехов тоже нет. Дело не только в нерешительности главнокомандующих: Западному и Северо-Западному фронтам противостоит германская армия, уже успевшая создать глубоко эшелонированную линию обороны. Прорвать ее – куда более сложная задача, чем для Брусилова прорвать оборону австрийцев. При этом штаб Верховного главнокомандования считает, что именно австрийский участок фронта – это слабое звено, поэтому перекидывает дополнительные части с севера в помощь Брусилову.

Удача Брусилова заканчивается. Армии Юго-Западного фронта наступают на Ковель, несут огромные потери – но немецкие и австрийские войска оказывают упорное сопротивление. Всего российские войска теряют убитыми, ранеными и пленными около полумиллиона человек. В «ковельской мясорубке» гибнет элита российской армии – гвардия. Виновным за это назначается ее командующий, генерал Безобразов, его отстраняют. Впрочем, Распутин критикует и самого Брусилова – он просит императрицу передать мужу, чтобы генерал Брусилов поберег солдат, и вообще армии не стоит продолжать наступление в Карпаты: «Потери будут слишком велики».

Хорошие новости с фронта заканчиваются. Еще в июле, на волне успеха Брусиловского прорыва, в войну на стороне Антанты вступила Румыния. Но готовность румынской армии оказывается очень слабой, в итоге уже в декабре она разбита.

Российское общество испытывает чудовищное разочарование. Брусилова превозносят как героя, зато Эверта обвиняют в трусости и даже в предательстве. Единственное объяснение, которое находит российское общество, – это происки «немецкой партии»: императрица, Штюрмер и Распутин не допустили победы Брусилова, не пустили остальные армии ему на помощь.

Впрочем, одна конспирологическая версия вскоре уравновешивается второй. Летом Вырубова едет отдыхать в Крым и там знакомится с гаханом – духовным лидером местной этнической группы караимов. Он производит на Вырубову сильное впечатление – в первую очередь тем, что

разделяет ее идеи. Гахан тоже уверен, что против императрицы плетется заговор, причем, по его мнению, главный заговорщик – британский посол. Анна так поражена, что даже приглашает его приехать из Крыма в Царское Село – поделиться своими выводами с императрицей. С подачи религиозного авторитета из Крыма версия о британском заговоре становится доминирующей в окружении императрицы. Так, к осени 1916 года российская элита делится на две неравные части: одна (депутаты Думы и сочувствующие) подозревает вторую (окружение императрицы и правительство) в том, что она участвует в немецком заговоре. А вторая группа подозревает первую в том, что она вовлечена в британский заговор. Императрица верит в эти теории – она даже требует от мужа, чтобы он написал кузену Георгу V и потребовал от него одернуть британского посла Джорджа Бьюкенена.

Есть ли настоящий заговор? Летом 1916 года российские масоны проводят свой ежегодный съезд – конвент. Председательствует депутат Думы кадет Николай Некрасов, участвуют Керенский, Карташев, представители Одессы, Киева, Екатеринбурга, Саратова, Риги – всего десять региональных подразделений.

Масонская организация к этому моменту уже сильно разрослась: в ложах состоят и столичные литераторы (например, Гиппиус с Мережковским), и московские купцы-старообрядцы (Коновалов и Рябушинский), и марксисты (например, лидер думской фракции социал-демократов Чхеидзе), и ссыльные украинцы (например, автор «Истории Украины-Руси» Грушевский). Процедура приема простая, в России в масоны берут даже женщин (невиданный для мирового масонства либерализм) – в итоге получается большой дискуссионный клуб с оттенком модного мистицизма.

На конвенте Некрасов выступает с основным докладом и рассказывает, что патриотические настроения в обществе падают. Делегаты из регионов говорят, что правительство неэффективно, с ним невозможно победить, для победы в войне нужна революция. Руководство (то есть кадеты) пытается сдерживать напор регионалов.

Впрочем, ничего особенного в этих разговорах нет – то же самое говорят и в гостиных, на кухнях и на улицах. Побеседовав, масоны расходятся.

Новый хозяин Черного моря

В июле в Севастополь приезжает новый главнокомандующий Черноморским флотом – адмирал Александр Колчак. Первым делом он отправляет корабли минировать Босфор, чтобы не допустить турецко-германский флот в Черное море. Его предшественник считал эту затею почти невыполнимой, однако Колчак справляется с задачей, причем довольно быстро, – в результате турецкие и немецкие корабли оказываются «закупорены» в Босфоре. После этого Колчак ставит себе еще более амбициозную задачу – подготовить захват черноморских проливов и Константинополя.

Идея «воздвигнуть крест на Святой Софии», которая уже многие десятилетия является навязчивой для части российского общества, Колчаку более чем близка. Он считает, что турецкая армия и без того вымотана Галлиполийской битвой и постоянными неудачами в Палестине, Египте и в Армении, так еще после Брусиловского прорыва несколько турецких корпусов отправлены на помощь австрийской армии в Галицию. В районе проливов остается всего три дивизии. Колчак настаивает, что операцию по захвату Константинополя надо осуществить до того, как испортится погода, то есть не позднее сентября, и просит у Алексеева выделить ему десантные войска.

Для захвата Стамбула, по мнению Колчака достаточно всего пяти дивизий, то есть в два раза меньше, чем предполагает Алексеев. В 1916 году в Стамбуле живет более 1,5 млн человек. Вопрос, что делать с ними, Колчак не обсуждает.

Николай II – давний сторонник идеи захвата проливов, но начальник штаба Алексеев убеждает его, что сил для немедленной высадки на Босфоре нет и торопиться не нужно. Промедление Алексеева очень раздражает Колчака – он (и все его окружение) считает, что Россия находится в шаге от реализации давней мечты. Поэтому Колчак решает сформировать собственный десантный отряд, силами которого он и возьмет столицу Османской империи. Император одобряет этот план. Правда, на подготовку и обучение этого отряда требуется три-четыре месяца, осенью и зимой осуществить операцию невозможно из-за штормов, поэтому Колчаку приходится перенести выполнение своего плана на весну 1917 года.

Из-за отмены операции у Колчака начинается депрессия. Ее

усугубляет трагедия, которая происходит в октябре. На броненосце «Императрица Мария» происходит самовозгорание пороха, отчего взрываются носовые бомбовые погреба; начинается пожар. Колчак сам отправляется на броненосец и лично руководит тушением пожара. Но, несмотря на все усилия, броненосец тонет. Адмирал Колчак последним покидает судно. Гибель «Императрицы Марии» становится для Колчака последней каплей. Он замыкается в себе, перестает есть, ни с кем не говорит, окружающие начинают бояться за его рассудок.

Сумасшедший министр

«Моя родная душка-женушка! Вчера я видел человека, который мне очень понравился, – Протопопов, – пишет император жене 20 июля. – Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного».

С этого знакомства начинается большая дружба. Вернувшийся из зарубежного турне Протопопов чувствует себя триумфатором. Он в центре внимания, хочет начать издавать новую газету, для которой писали бы «лучшие писатели – Милюков, Горький и Меньшиков», «его честолюбие бегает и прыгает»; он мечтает стать министром. И у него есть все шансы. Протопопов знает, что еще весной Родзянко рекомендовал императору его кандидатуру на пост министра торговли. Николай II тогда, конечно, не обратил внимания – он написал жене, что Родзянко «болтал всякую чепуху». Но Родзянко не догадывается, что у Протопопова есть и более влиятельные покровители. Дело в том, что зампред Думы не так давно перенес венерическую болезнь и лечился у знатока тибетской медицины Бадмаева. Целитель Бадмаев познакомил его с Распутиным, и теперь Распутин рекомендует его императрице.

Вскоре после возвращения из Европы Протопопов оказывается на приеме в Царском Селе. Александре обходительный депутат тоже очень нравится. Она считает, что ей представился уникальный шанс: и Дума будет довольна, и Распутин. Императрица начинает убеждать мужа сделать Протопопова главой МВД: «Он, по крайней мере, 4 года, как знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека».

16 сентября зампред Госдумы назначен и. о. министра внутренних дел. Для всех его коллег по Думе это полнейший сюрприз. Он никого не предупредил о предстоящем назначении. Тем не менее этому рады. Многие члены прогрессивного блока считают, что их мечта о правительстве, ответственном перед Думой, начинает сбываться. «Капитулируя перед обществом, власть сделала колоссальный, неожиданный скачок, – заявляет друг Рябушинского, московский предприниматель Коновалов. – Для власти эта капитуляция почти равносильна акту 17 октября». Он проводит совещание депутатов-членов «блока», все соглашаются, что это «колоссальная победа общественности, о которой несколько месяцев тому назад трудно было мечтать». Впрочем, восторги быстро утихают.

Очень возмущает общество одно из первых распоряжений

Протопопова: он приказывает сменить бывшему военному министру Сухомлинову тюрьму на домашний арест. Протопопова об этом просят императрица и Распутин, которые жалеют старика, сидящего в Петропавловской крепости.

Депутат Керенский возвращается из Средней Азии, а на обратном пути останавливается в Саратове, в своем избирательном округе, где проводит несколько встреч. Там он узнает о назначении Протопопова – и поначалу радуется: Протопопов его земляк, он тоже из Симбирска, у них хорошие отношения. Уже в Петрограде Керенский обнаруживает телеграмму, в которой сообщалось об аресте тех людей, с кем он встречался в Саратове. Он тут же идет к Протопопову.

Министр сразу обещает все уладить и всех отпустить. Они начинают беседовать. Керенский замечает на столе у Протопопова репродукцию картины Гвидо Рени «Иисус Христос в терновом венце» – перехватив его взгляд, глава МВД объясняет, что всегда советуется с этой картиной: «Когда нужно принять какое-то решение, Он указывает правильный путь». Протопопов переходит к изложению своего плана спасения России, а Керенский не может понять, что случилось, – он знал Протопопова как нормального человека: «Кто он – помешанный или шарлатан, ловко приспособившийся к затхлой атмосфере апартаментов царицы и "маленького домика" Анны Вырубовой?» – удивляется Керенский.

Слухи о том, что Протопопов сумасшедший, очень быстро распространяются в столице.

«Он на министерском кресле – этот символ и знак: все поздно, все невменяемы, – пишет в дневнике Зинаида Гиппиус. – Россия – очень большой сумасшедший дом. Если сразу войти в залу желтого дома, на какой-нибудь вечер безумцев, – вы, не зная, не поймете этого. Как будто и ничего. А они все безумцы. Есть трагически-помешанные, несчастные. Есть и тихие идиоты, со счастливым смехом на отвисших устах собирающие щепочки и, не торопясь, хохоча, поджигающие их серниками [спичками]. Протопопов из этих "тихих". Поджигательству его никто не мешает, ведь его власть. И дарована ему "свыше"».

Американский психопат

Осенью 1916 года Дягилев делит свою труппу на две части: одна остается в Испании, вместе с ним и Мясиным, а вторая, как и договаривались, едет в США – гастролировать под руководством Нижинского. Прежде Дягилев часто издевался над своей бывшей примой Анной Павловой, которая во время турне выступала и в цирках, и на ипподромах, говоря, что она девальвирует высокое искусство, танцуя на разогреве у «дрессированных собачек». Теперь то же самое предстоит делать Нижинскому – и Дягилев не протестует, наоборот, готов получать за это деньги.

Программа американских гастролей очень насыщенная – труппа должна выступить в 53 городах. В Нью-Йорке Нижинский ставит свой новый балет «Тиль Уленшпигель», но он проваливается. И дальше американское турне превращается в катастрофу.

Труппа измотана постоянными переездами. К концу декабря заканчиваются деньги. Добравшись до Лос-Анджелеса и Сан-Франциско, танцоры едва ли не голодают. Нижинский шлет телеграмму за телеграммой Дягилеву, просит его о помощи, умоляет, чтобы тот приехал. Но Дягилев все так же боится пароходов, поэтому сам не едет – отправляет Василия.

Василий ничем не может помочь. У Нижинского нервный срыв, он не может выступать. Никто этого пока не понимает, но танцор быстро сходит с ума – наступающий 1917-й будет последним годом его балетной карьеры. После этого он попадет в психиатрическую клинику, в которой проведет всю оставшуюся жизнь.

Выступления срываются, Метрополитен-опера несет огромные убытки, а с ней и вся корпорация Дягилева. Он пытается экономить на всем – даже на своем друге Стравинском, с которым они теперь ссорятся из-за каждой копейки, постоянно перебрасываясь телеграммами, полными взаимных упреков.

Но Дягилев по-прежнему планирует съездить в Россию и выступить там. Сразу, как только закончится война, – а он думает, что она закончится уже очень скоро.

Идите спать

Павел Милюков в конце лета снова уезжает в Европу. Их со Струве приглашают в Кембридж, где им должны присудить степень почетных профессоров, – а в столице все равно делать нечего, Дума открывается только в ноябре. Все время поездки Милюкову то и дело приходится отвечать на вопросы, не заключит ли Россия сепаратный мир и каково влияние Распутина. Он так увлекается рассуждениями на эту тему, что даже решает провести собственное журналистское расследование. Милюков, конечно, не профессионал – его расследование ограничивается чтением газет и несколькими разговорами. Но о проделанной работе он будет рассказывать так, будто бы совершил великое географическое открытие.

Все время путешествия Милюков собирает слухи. В Лондоне он встречается с престарелым послом графом Бенкендорфом (тот говорит, что британским дипломатам не нравится Штюрмер), в Лозанне общается с русскими дипломатами и эмигрантами (там ему преподносят массу сплетен о неких русских германофильских салонах – даже Милюкову они кажутся неправдоподобными). Потом Милюков собирает слухи в Париже, в Осло и в Стокгольме, а в сентябре возвращается в Петроград.

Возвращается он как раз к первой встрече депутатов Думы с бывшим коллегой Протопоповым. 19 октября председатель Думы Родзянко приглашает к себе в гости и руководителей фракций, и новоявленного министра. Глава МВД сразу поражает старых товарищей тем, что приходит в жандармском мундире. Ни один из предыдущих министров – со времен Плеве – не носил полицейской униформы. С самого начала Протопопов просит, чтобы их беседа была конфиденциальной, – Милюков отвечает, что время секретов прошло и он обязательно доложит о разговоре своей фракции.

«Что произошло, что Вы не хотите беседовать по-товарищески?» – удивляется Протопопов. Милюков начинает на него кричать: мол, Протопопов служит вместе со Штюрмером, которого вся страна считает предателем, преследует печать и вообще был назначен при участии Распутина. «Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и полюбил, – отвечает Протопопов, – но я не могу говорить об интимной стороне этого дела». Министр также говорит, что вовсе не переметнулся в лагерь власти, потому что всегда был монархистом и никогда не считал

себя членом «прогрессивного блока», и что никогда не допустит правительства, ответственного перед Думой. «Я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 копеек за урок, – восклицает он. – Я не имею ничего, кроме личной поддержки Государя, но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились!» Заканчивается разговор тем, что депутаты выпроваживают министра, бьющего себя кулаком в грудь и произносящего пафосные речи, словами: «Идите спать».

Уже на следующий день весь Петроград читает стенограмму встречи. Милюков утверждает, что это он восстановил разговор по памяти, – Протопопов же уверен, что Родзянко посадил за стеной стенографиста. Ни одна газета не рискует опубликовать текст, но работает самиздат. Стенограмму передают из рук в руки, сравнивая с лучшими образцами юмористической прозы.

Глупость или измена

Впрочем, Милюков, которого Протопопов считает одним из лучших писателей, может выступать не только в комическом амплуа. Ко дню открытия Думы он готовит разоблачительную речь – используя все материалы, которые он собрал в ходе своего последнего путешествия. Дума открывается 1 ноября – и на первом заседании Павел Милюков произносит, наверное, самую известную речь в истории российского парламента.

Он вроде не говорит ничего экстраординарного – все это давно уже обсуждается в столичных гостиных. Он констатирует, что в России очень сильны слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии, – более того, говорит Милюков, если бы немцы хотели организовать в России брожение и беспорядки, то они не могли бы придумать ничего лучше, чем то, что делает российское правительство. Потом он приводит примеры – в основном общеизвестные: случаи коррупции, мошенничества или просто ошибки властей. Вспомнив фразу военного министра Дмитрия Шуваева «Я, быть может, дурак, но я не изменник», Милюков задает публике риторический вопрос: все перечисленное им – глупость или измена?

Самый щекотливый момент речи – о Распутине и окружении императрицы Александры, которое определяет кадровую политику в государстве. Милюков не может об этом не сказать – но говорить об этом запрещено. И председательствующий обязан прервать его речь, как только услышит «оскорбление верховной власти». Поэтому Милюков идет на хитрость – он цитирует фрагмент из швейцарской газеты на немецком языке, написавшей про роль императрицы и ее «придворной партии». Родзянко предусмотрительно вышел из зала, председателем в этот момент является зампред Думы по фамилии Варун-Секрет – он не знает немецкого, поэтому не прерывает оратора.

Один из самых ярких эпизодов речи Милюкова не имеет к шпионажу никакого отношения: это история о том, что помощник Штюрмера, бывший полицейский осведомитель Манасевич-Мануйлов был сначала арестован за взятку, а потом выпущен – потому что, по его собственному признанию, поделился взяткой со Штюрмером.

Рефрен милюковской речи очень символичен. У него, конечно, есть свой ответ на вопрос «глупость или измена?». Он думает, что предатели существуют, что прогерманская партия работает, что члены правительства

не могут быть просто идиотами – должен быть какой-то злой умысел. Ну или просто какой-то замысел. К сожалению, теперь, сто лет спустя, точно известно, что правильный ответ на вопрос Милюкова – «глупость». Никто из разоблачаемых им чиновников не был шпионом. Они просто были бесчестными бездарностями.

Речь производит фурор – впервые то, о чем все шепчутся, сказано публично. Цензура запрещает ее публиковать – газеты выходят с пустыми местами на полосах. Однако текст речи Милюкова (иногда значительно приукрашенный) распространяется по всей стране: им зачитываются и в тылу, и в армии. По словам генерал-лейтенанта Деникина, многие офицеры, в том числе в высшем командовании, согласны с Милюковым – более того, его речь уже не прячут под сукном, а открыто обсуждают в офицерских собраниях.

Через неделю после речи даже Распутин и Протопопов начнут беспокоиться и говорить императрице, что старику Штюрмеру надо заболеть и уйти в трехнедельный отпуск – потому что он со своей немецкой фамилией «играет роль красного флага в этом доме умалишенных».

В брюках императора

Что происходит с императором в Ставке? Он живет в Могилеве с сыном, сын болеет, а Николай постоянно переписывается с родственниками. Все разрывают его на части. Жена и дочери живут в Царском Селе, в Киеве – мать, сестра Ольга и зять Сандро, остальные либо на фронте, либо в Петрограде, либо в Тифлисе.

Переписка императора и императрицы осенью 1916 года – это памятник безумной любви. Нет сомнения, что муж и жена очень друг друга любят и выбиваются из сил, чтобы друг другу помочь. Александра искренне полагает, что, советуясь с Распутиным по любому поводу и передавая Николаю его рекомендации, она выручает мужа. Советы Распутина иногда обращают внимание императора на проблемы, о существовании которых он даже не подозревает: старец просит не повышать цены на проезд в трамвае в Петербурге или жалуется на то, что очереди в булочных очень велики (и то и другое правда, только находящийся в Ставке император явно никак не может помочь).

В письмах Николай иронично называет себя «безвольный муженек», а Александра продолжает проявлять настойчивость. Она пишет, что у нее сильная воля, что она может надеть «невидимые брюки» и быть единственным настоящим мужчиной среди слабых министров, требует от мужа быть беспощадным к врагам – то есть к Думе: повесить Гучкова, а Поливанова, Львова и Милюкова – сослать в Сибирь.

Сестра императора Ольга давным-давно выпрашивает у брата разрешение на развод – она влюбилась в простого офицера и хочет выйти за него замуж. Николай II долго противился – и, наконец, осенью дает согласие. Ольга успевает обвенчаться, прежде чем императрица сообщает мужу: «Наш Друг очень недоволен браком Ольги. Он находит, что это было нехорошо по отношению к тебе и что это не принесет ей счастья. Ах, Господи, я тоже невыразимо жалею об этом её поступке (хотя понимаю её вполне естественное стремление к личному счастью)». Николай ничего не отвечает.

1 ноября, в тот день, когда Милюков выступает в Думе, в Ставку приезжает великий князь Николай Михайлович, либерал и знакомец Толстого. Он, не сговариваясь с лидером кадетов, произносит перед императором свою речь – тоже про императрицу и окружающие ее «темные силы». Он говорит, что о Распутине сплетничает вся страна, «так дальше

управлять Россией немыслимо». Более того, он предупреждает императора о том, что его жизнь под угрозой: «Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше – накануне эры покушений».

Император молчит – Николай Михайлович дает ему письмо, в котором развивает свои мысли. «Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно, – пишет великий князь. – Но что исходит из ее уст – есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды». Николай II, даже не распечатав письмо, отправляет его жене. Она пишет в ответ, что за такое надо ссылать в Сибирь, «так как это уже граничит с государственной изменой». И вообще: «Он и Николаша [бывший Верховный главнокомандующий Николай Николаевич] – величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин».

Через неделю, 6 ноября, в Ставку приезжают Николаша с братом Петюшей – первый раз с того момента, как великий князь был уволен с должности Верховного главнокомандующего. Александра сходит с ума от переживаний: «Помни, что ты должен быть холоден с этой подлой шайкой». А дядя устраивает племяннику скандал: «Как тебе не стыдно было поверить, что я хотел свергнуть тебя с престола. Ты меня всю жизнь знаешь, знаешь, как я всегда был предан тебе, я это воспринял от отца и предков. И ты меня мог заподозрить. Стыдно, Ники, мне за тебя». Император молчит и пожимает плечами. «Мне все было бы приятнее, если бы ты меня обругал, ударил, выгнал вон, нежели твое молчание. Неужели ты не видишь, что теряешь корону, – говорит дядя, уговаривая царя назначить правительство народного доверия, ответственное перед Думой. – Ты все медлишь. Смотри, чтоб не было поздно потом. Пока еще время есть, потом уже поздно будет».

Николай II молчит, но все же решает отправить Штюрмера в отставку. Он это делает фактически втайне от жены – ей пишет, что даст премьеру отпуск (как она и просила), и только за час до приезда Штюрмера в Ставку пишет жене, что старику, наверное, придется совсем уйти – «никто не имеет доверия к нему».

Пока письмо идет – дело сделано, премьер уволен. «Прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе», – пишет жене император. Но, это, конечно, утопия.

Императрица очень огорчена. Она начинает забрасывать мужа истеричными письмами: требует выслать Николая Михайловича, жалуется, что новый премьер ее недолюбливает и с ним «возникнут большие затруднения». Наконец, она требует, чтобы император ни в коем случае не

смел увольнять Протопопова – и вообще не предпринимал ничего, пока она сама не приедет к нему в Ставку.

Мечты о заговоре

7 ноября умирает австрийский император Франц Иосиф, человек, который правил своей страной 68 лет – то есть он уже был императором, когда родились и Николай II, и Александра, и почти все их родственники. Смерть «вечного императора» производит на царскую семью большое впечатление – с одной стороны, говорят, что она приблизит поражение Австро-Венгрии и конец войны. С другой – все это подстегивает разговоры о необходимости сменить императора и в России.

Идея «спасти Россию», избавив ее от Николая и Александры, не так уж и нова. Но в ноябре это становится главным трендом сезона – отречение императора и отправку императрицы в монастырь обсуждают едва ли не в каждой петербургской гостиной. Расходятся только в одном: если Николай II отречется в пользу сына, кто же станет регентом – его брат Михаил, дядя Николаша или, может быть, великий князь Дмитрий.

Самая влиятельная женщина Петрограда – великая княгиня Михень. Именно вокруг нее вращается весь столичный двор, поскольку обе императрицы в столице не живут (Александра почти не выезжает из Царского Села, а Мария Федоровна переехала в Киев). У великой княгини давние счеты к императрице. Во-первых, Михень так и не забыла, как ее старшего сына Кирилла выслали из страны за брак с принцессой, бросившей брата Александры. Во-вторых, Михень хотела женить своего сына Бориса на старшей дочери императора, Ольге. Императрица грубо отказала.

У Михень свои фавориты в гонке за царский престол – это ее сыновья: Кирилл, Борис и Андрей. Правда, с ними несколько проблем. Во-первых, ультраконсерваторы не признают их прав на корону – дело в том, что Михень только в 1908 году приняла православие (став Марией Павловной), а детей рожала, еще будучи лютеранкой. По мнению правых, никто из них не может стать русским царем. Во-вторых, у сыновей Михень плохая репутация (Борис – пьяница, Андрей – игрок, Кирилл, наплевав на запрет императора, женился на двоюродной сестре). Главное – они не пользуются авторитетом в армии. Кандидат правых – великий князь Дмитрий: он на сто процентов православный, хорошо проявил себя на фронте (он адъютант императора в Ставке), не портят его репутацию даже слухи о романе с Феликсом Юсуповым.

В ноябре Михень приходит к председателю Думы Михаилу Родзянко.

Она говорит, что императрица губит страну, создает угрозу и царю, и всей династии, что терпеть такое больше нельзя. Единственный вопрос: как ее устранить? Конечно, никто не хочет делать грязную работу, зато все друг друга подталкивают, открыто говоря, что обязательно присоединятся, если будет нужно.

На слухи о заговоре реагирует Протопопов. Вскоре после своего назначения он говорит главе Земского союза князю Львову, что запретит их съезд, потому что они, мол, хотят арестовать царя и заставить его присягнуть конституции.

Львов ничего подобного не планирует – но задумывается. В октябре он приезжает в Ставку, чтобы поговорить о политической ситуации с начальником штаба Алексеевым. Обсуждают разные возможные сценарии: например, императрицу можно было бы арестовать во время ее визита в Ставку. Император в этой ситуации пойдет на все – и, конечно, назначит Львова премьером.

После этого разговора оба очень переживают. Алексеев от волнений так сильно заболевает, что уже 3 ноября не может встать с постели. 8-го его отправляют из Ставки в Крым на лечение. 14 ноября в Ставку приезжает императрица.

В начале декабря в Москве собирается Земский съезд. Он запрещен, поэтому делегаты заседают дома у князя Львова. Один из них – армянский политик Александр Хатисов, глава городской думы Тбилиси (тогда – Тифлис). Львов говорит Хатисову, насколько было бы лучше, если бы императором был великий князь Николай Николаевич, а вовсе не Николай II. Бывший Верховный главнокомандующий и человек волевой и, кажется, убежден в необходимости диалога с обществом: именно он настоял на увольнении Сухомлинова и остальных одиозных министров, именно он убеждал царя подписать манифест 17 октября 1905 года. Правда, князь Львов совершенно не хочет производить государственный переворот сам – он мечтает о перевороте, который осуществил бы сам великий князь. Популярность Николая Николаевича так велика, что все пойдет как по маслу, уверен он.

Хатисов едет в Тбилиси – к великому князю. Тот внимательно выслушивает. Вообще-то он должен вызвать адъютанта и приказать арестовать заговорщика – но он никого не вызывает. Он говорит: приходите завтра, я должен подумать. Хатисов подходит на другой день, его ждут уже трое: великий князь с женой, черногоркой Станой и со своим начальником штаба генералом Янушкевичем. Хатисов излагает свой план еще раз: и видит, что великая княгиня очень поддерживает идею переворота.

Янушкевич сомневается: последует ли армия и за великим князем, не будет ли мятежа на фронте. Николай Николаевич благодарит Хатисова и прощается. Собирается подумать еще. Разговор окончен – в следующий раз они увидятся только в феврале 1917-го.

Младотурецкий сценарий

Пока Милюков путешествовал по Европе, его все время терзали вопросами: «Если не Николай II, то кто?», что же будет, если в России случится революция? Вернувшись на родину, Милюков решает обсудить эту тему с товарищами: действительно, кто? Многие его коллеги регулярно обсуждают эту тему на заседаниях масонских лож, но Милюков не масон, он ничего не знает. Он зовет Родзянко, самых видных кадетов, включая председателя масонского верховного совета Некрасова, из не членов Думы присутствуют Гучков и молодой миллионер Михаил Терещенко, наследник династии сахарозаводчиков (он тоже масон, его с собой приводит Некрасов).

Обсуждают вероятность уличного бунта, с которым нынешнее правительство справиться будет не способно, в этом случае произойдет одно из двух: либо власти сформируют правительство народного доверия, либо улица призовет к власти наиболее достойных. Гучков слушает эти рассуждения, а потом вдруг говорит, что правительство сформируют именно те силы, которые совершат революцию, а не какие-то посторонние. На этой мысли обсуждение и заканчивается – почти все приходят к выводу, что Гучков уже знает о каком-то заговоре, но отмалчивается.

После совещания Гучков снова заболевает, отправляется на лечение в Кисловодск, а когда возвращается, к нему сразу приходит Некрасов – хочет узнать о заговоре Гучкова.

Некрасов – главный российский масон, ему вообще очень нравится таинственность. Он говорит друзьям, что его мечта – стать политическим «серым кардиналом», которого «никто не знает», но который «все делает». Он инициирует разговоры о возможном заговоре и в масонских ложах. Лидер социал-демократической фракции в Думе Николай Чхеидзе вспоминает, что часть его коллег регулярно говорят о необходимости переворота, о том, что на переворот надо собирать деньги, а также готовить к нему общественное мнение – например, организовать лекции в регионах. Но поскольку русские масоны – это сеть дискуссионных клубов, а не секретная организация, Некрасову очень нужен Гучков.

Гучков рассказывает этому, в общем-то, малознакомому человеку, что никакого заговора пока нет – но они решают, что пора бы начать об этом думать. План, который придумывает Гучков, в точности копирует «младотурецкий переворот». Он хочет заставить императора отречься,

короновать другого, но сам не претендует на то, чтобы войти в правительство, – он монархист и хочет предоставить это право новому императору.

Подробности плана такие: в Ставке захватить императора сложно (нужно договариваться с высшим командованием), в Царском Селе опасно – возможно кровопролитие. Самое удобное – захватить его поезд по дороге с фронта в столицу. Никакого насилия применять нельзя – надо лишь оказать небольшое психологическое давление, чтобы император отрекся в пользу сына, назначив брата Михаила регентом. Поскольку маленький Алексей всем крайне симпатичен, это сразу вызовет рост лояльности к монархии в обществе. Дальше – все по закону, регенту достаточно будет прогнать Распутина и Протопопова и вернуть в правительство приличных людей – вроде реформатора Кривошеина или министра иностранных дел Сазонова.

По воспоминаниям Гучкова, никакого плана «Б» нет: если император откажется, то заговорщики не будут настаивать – они сдадутся, а значит, их арестуют и, видимо, повесят.

37-летний Некрасов привлекает к заговору своего «брата» по масонской ложе, 30-летнего Терещенко, и они начинают поиски подходящих военных частей, которые бы могли захватить императорский поезд по дороге из Могилева в Царское Село. Но никого так и не находят.

Стать героем

Свой план есть у другой пары молодых людей: 29-летнего Феликса Юсупова и его друга 25-летнего великого князя Дмитрия, потенциального претендента на трон. Они уже несколько месяцев размышляют об убийстве Распутина. Советуются с близкими и друзьями. 20 ноября Феликс, например, пишет своей жене Ирине, племяннице императора: «Дорогая моя душка, я ужасно занят разработкой планов уничтожения Р. Это теперь прямо необходимо, а то будет все кончено». Друзья считают, что Распутин готовится пролоббировать сепаратный мир с Германией еще до конца 1916 года.

Скорее всего, об их намерении знают многие, в том числе отец Ирины великий князь Сандро, друг детства императора, и сестра императрицы великая княгиня Элла. Поначалу Юсупов планирует, что его жена Ирина будет выполнять роль приманки – Распутин хочет познакомиться с царской племянницей, а значит, его нетрудно будет зазвать в гости. Но потом он решает не впутывать Ирину – на что она очень обижается.

У Феликса и Дмитрия совершенно разные мотивы. Оба, конечно, находятся под сильным впечатлением от разговоров, которые ведутся в их семьях. Великая княгиня Элла ненавидит Распутина и смертельно поссорилась из-за него с сестрой. У отца Юсупова, бывшего московского генерал-губернатора Феликса-старшего, предубеждения серьезнее, он увлечен конспирологией. Юсупов-старший уверен, что в России существует тайное немецкое лобби, которое управляет Распутиным и контролирует правительство. Он считает, что именно эти немцы добились его, Юсупова, отставки год назад. Феликс-младший разделяет убеждения отца. В их кругу верят, что Распутин – шпион и что по его донесению немцы утопили корабль, на котором плыл в Россию британский военный министр лорд Китченер.

Но это не все. Младший Юсупов болезненно привык быть в центре всеобщего внимания – и всегда добивался этого экстравагантными поступками. В 13 лет, гуляя с родителями по Всемирной выставке в Париже, Юсупов схватил пожарный шланг и начал поливать прохожих. Его забрали в полицию, родители заплатили штраф, дело замяли. В более зрелом возрасте, обучаясь в Оксфорде, он был звездой лондонских балов – его костюмы были самыми яркими и дорогими. Теперь он вырос, даже поступил в элитное военное училище – Пажеский корпус – и жаждет

подвига. Он хочет быть супергероем, спасителем Отечества. Амбиции Дмитрия, скорее всего, скромнее, судя по его письмам, он просто увлечен Феликсом и готов следовать за ним.

В конце ноября друзья находят себе неожиданного сообщника – это депутат Госдумы Владимир Пуришкевич, в прошлом один из лидеров Союза русского народа, который на деньги правительства расколол Союз и создал свою отдельную черносотенную организацию. 20 ноября Пуришкевич поражает всех – он выходит из фракции правых, присоединяется к оппозиции и произносит в Думе скандальную речь – против коррупции при дворе. Главный герой речи – императорский дворцовый комендант Воейков, который обнаружил в своем имении в селе Кувака источник минеральной воды. Он создал бренд «Кувака», а потом решил продать землю вместе с источником – и, чтобы она стоила дороже, построил за бюджетный счет к своему источнику железную дорогу.

Этот факт возмущает до глубины души даже монархиста Пуришкевича: «В тот момент, когда в Российской Империи дорога каждая пара рельсов, когда необходимо проведение железных дорог стратегического характера, чем вы объясните, что из имения Воейкова Кувака проведена стратегическая дорога, вероятно, в его собственный карман, для вывоза этой самой Куваки?»

Речь Пуришкевича производит не меньший эффект, чем речь Милюкова, – в тот же день ему звонит Феликс Юсупов. На первой же встрече Феликс рассказывает о плане убить Распутина. У друзей есть еще несколько помощников – например поручик Алексей Сухотин, пасынок дочери Льва Толстого Татьяны.

Операция намечена на 16 декабря. Юсупов заранее звонит проповеднику и зовет в дом своих родителей на Мойке – якобы знакомиться с Ириной. Распутин соглашается, только просит, чтобы Феликс заехал к нему домой, забрал его, а после вечером отвез обратно. При этом предлагает зайти в квартиру с черного хода, обещая предупредить дворника, что «один из его знакомых заедет за ним в двенадцать часов». Распутин планирует уехать из дома незамеченным, втайне даже от собственной охраны. «Мне странно и жутко думать, как легко он на все согласился, как будто сам помогал нам в нашей трудной задаче», – вспоминает Юсупов.

Феликс Юсупов удивительно хладнокровен. 16 декабря он целый день готовится к выпускным экзаменам на офицерских курсах в Пажеском корпусе. В перерыве он ненадолго заезжает посмотреть, как идет подготовка к ужину с Распутиным. Подвал Юсуповского дворца на Мойке

специально к этому случаю ремонтируют, чтобы придать жилой вид: клеят обои, натягивают ковры, вешают занавески. Юсупов сам расставляет мебель, вешает распятие из горного хрусталя и серебра, просит постелить шкуру белого медведя.

В 11 вечера 16 декабря приезжают великий князь Дмитрий и остальные заговорщики. По словам Юсупова, один из сообщников, доктор Станислав Лазоверт, начиняет шоколадные пирожные ядом – доза во много раз сильнее, чем необходимо для смертельного исхода. После убийства поручик Сухотин, изображая Распутина, должен надеть его шубу и шапку и доехать обратно к его дому на Гороховой. Пуришкевич должен сжечь одежду Распутина, а князь Дмитрий на своем автомобиле – отвезти труп на Петровский остров.

Легенда о распутной вдове

Распутин живет в Петербурге со старшей дочерью Матреной. Ей 18 лет, он забрал ее из родного села после того, как ее попытался изнасиловать сосед. Жена и младшие дети остались в Сибири. Осенью 1916 года он рассказывает дочери историю про своего отца, который был сельским старостой. Однажды к нему прибежала соседка и рассказала, что услышала звуки, доносившиеся из соседнего дома. В том доме жила вдова, Наталья Петровна Степанова. Судя по звукам, в ее доме занимались сексом.

Староста, недолго думая, собрал односельчан и вломился в дом вдовы. Там они обнаружили, что Степанова и правда пустила к себе на ночлег какого-то человека не из их села. Интимная жизнь вдовы всех возмутила – они выволокли ее из дома (на любовника не обратили никакого внимания, и он сбежал) и отвели к священнику. Тот придумал Наталье Петровне Степановой такое наказание: ее разденут догола, привяжут к лошади, все односельчане ее высекут, а потом изгонят из общины. Это наказание поразило молодого Григория Распутина – а больше всего то, что в нем участвовал его отец.

На этом история, которую рассказывает Распутин дочери, заканчивается. «Кто без греха, пусть бросит первый камень», – говорит он.

Окончание истории Матрена Распутина выяснит несколько месяцев спустя.

Когда крестьяне разошлись, Распутин догнал лошадь, которая уволокла вдову в лес. Ее тело превратилось в кровавое месиво. Он начал ее лечить, приносить ей еду. А спустя некоторое время, выпив, рассказал приятелям, что в лесу неподалеку живет Степанова, – и они все вместе решили ее изнасиловать.

Они уже нашли Степанову, но в последний момент Распутин одумался – и загородил ее собой. «Надо сказать, что вся жизнь отца протекала именно так», – считает Матрена.

Револьвер, дубинка, прорубь

Около полуночи 17 декабря 1916 года Распутин открывает Феликсу дверь. Он тщательно нарядился – по словам Юсупова, он никогда не видел его таким чистым и опрятным.

Распутин боится за свою жизнь – но говорит Феликсу, что отпустил всю свою охрану. По словам проповедника, он дал слово главе МВД Протопопову, что будет сидеть дома: «Убить, говорят, тебя хотят; злые люди-то все недоброе замышляют… А ну их! Все равно не удастся. Руки не доросли». В этот момент Юсупову становится «стыдно и гадко»: «Он – моя жертва; стоит передом мной, ничего не подозревая, но верит мне… Куда девалась его прозорливость, его чутье?» Но успокаивается – вспомнив «картины жизни Распутина».

По какой-то причине Распутин безгранично доверяет Юсупову. Великий князь Николай Михайлович позже предположит, что Распутин испытывает «влюбленность, плотскую страсть к Феликсу».

Они едут на Мойку. Там Распутин долго отказывается пить, ждет, пока выйдет Ирина Юсупова. Феликс говорит, что наверху его теща с гостями, жена спустится, как только гости уедут. Они продолжают разговаривать про подозрения Протопопова. «Милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю… Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется… Да что их мне боятся? Ничего со мной не сделают: заговорен я против злого умысла. Да ежели только тронут меня – плохо им всем придется».

Время тянется долго. Юсупов все время путает: нечаянно предлагает Распутину неотравленные пирожные, потом неотравленное вино. Потом исправляется – но, по его словам, яд не действует.

В полтретьего Феликс бежит наверх (Распутину говорит, что гости разъезжаются). Жалуется сообщникам, что яд не действует. Берет у Дмитрия револьвер и идет обратно.

Распутин, как вспоминает Юсупов, сидит на прежнем месте, тяжело дыша. Жалуется, что «голова отяжелела и в животе жжет», просит еще рюмочку – и предлагает ехать к цыганам. Тогда Юсупов обращается к Распутину: «Григорий Ефимович, вы бы лучше на распятие посмотрели да помолились перед ним», достает из-за спины револьвер и стреляет. Распутин «ревет диким звериным голосом и грузно падает на медвежью шкуру».

Дальше версия Юсупова становится еще более инфернальной: великий князь Дмитрий с остальными заговорщиками, как и задумано, уезжают, в доме остаются только Юсупов и Пуришкевич. Феликс еще раз осматривает тело, и в этот момент Распутин приходит в себя. Юсупов бежит к Пуришкевичу с криком «Скорее, револьвер, стреляйте, он жив». Хватает резиновую дубинку и бежит вниз. Навстречу, на четвереньках, «рыча и хрипя как раненый зверь», поднимается Распутин.

Юсупов уверен, что тот не выберется – потому что дверь заперта уехавшими. Но она, наоборот, оказывается открытой. Распутин выбегает на улицу и кричит: «Феликс, Феликс, все скажу царице». За ним уже бежит Пуришкевич, стреляет в него четыре раза. Дважды промахивается, дважды попадает. Потом догоняет и ударяет ногой в висок.

Эта версия Юсупова (частично подтвержденная воспоминаниями Пуришкевича) немного противоречит результатам вскрытия. Согласно протоколу, Распутин умер от трех выстрелов в упор – в живот, спину и лоб. Неясно, для чего Юсупов и Пуришкевич врут: возможно, они хотят взять всю вину на себя и скрыть участие великого князя Дмитрия, которого считают претендентом на царский престол.

Услышав выстрелы, ко дворцу бежит полицейский Власюк. Нетрезвый Пуришкевич в состоянии аффекта говорит ему, что они только что убили «Гришку Распутина, который губил нашу Родину, нашего царя, немцам нас продавал». «Если любишь твою Родину и твоего царя, ты должен молчать», – заканчивает депутат. Полицейский соглашается – но идет докладывать о происходящем начальству.

Юсупов уже стоит над Распутиным: его «непреодолимо влечет к этому окровавленному трупу». Он начинает избивать тело резиновой дубинкой. Пуришкевич не может его оттащить.

Потом приезжает великий князь Дмитрий, труп засовывают в машину, везут его на Петровский остров. Тело бросают с моста в прорубь, забыв привязать специально взятые с собой гири. Одна галоша сваливается, ее бросают следом – и промахиваются. В темноте никто этого не замечает.

Тем временем Феликс Юсупов приказывает слуге убить одну из дворовых собак и бросить в сугроб, где ночью лежал Распутин, – если придется еще раз объясняться с полицией. Чтобы сбить с толку полицейских собак, в сугроб льют камфору.

Императрица нарушает закон

Утром 17 декабря Анне Вырубовой звонит дочь Распутина Матрена. Она говорит, что отец уехал поздно ночью с Юсуповым и не вернулся. Императрица с утра дает аудиенцию петроградским дамам. В перерыве между приемами Вырубова рассказывает ей о звонке дочери Распутина и о своих переживаниях. Императрица сохраняет хладнокровие – и даже не прерывает аудиенции.

Вскоре Александре Федоровне звонит министр внутренних дел Протопопов. Он рассказывает, что полицейский, который дежурил ночью у дома Юсуповых, услышал ночью выстрелы, а пьяный депутат Пуришкевич сказал ему, что Распутин убит. А позже тот же полицейский видел автомобиль с выключенными фарами, отъехавший от дома.

Императрица и Вырубова не знают, что делать. Они молятся, плачут, но твердят друг другу, что не верят в смерть Распутина. Для императрицы это означало бы смерть сына – без молитв Распутина цесаревич, по мнению Александры, не сможет жить.

В десять утра, когда Феликс Юсупов просыпается, его уже ждет полицейский генерал. Он приехал узнать, был ли у него ночью Распутин. Юсупов все отрицает. Генерал рассказывает, что полицейский, с которым говорил ночью Пуришкевич, обо всем доложил начальству.

Юсупов изображает удивление и рассказывает ему свою версию: будто бы ночью к нему приезжали гости, сильно выпили, один из гостей, уезжая, убил собаку. А потом пьяный Пуришкевич, в разговоре с полицейским, сравнил собаку с Распутиным, пожалев, что убит не проповедник, а собака.

Феликсу в слезах звонит подруга Муня Головина, семь лет назад познакомившая его с Распутиным: «Что вы сделали с Григорием Ефимовичем?» Юсупов едет к Головиным – лица у всех заплаканные, Маша встречает его со словами: «Императрица и Аня уверены, что он убит этой ночью и что это сделано вами». Юсупов просит Машу позвонить в Царское Село и попросить императрицу принять его. Маша выполняет его просьбу – ей отвечают, что Александра Федоровна ждет князя Юсупова. Но Головина останавливает его: «Не ездите, я уверена, что с вами что-то случится. Там все в ужасном состоянии. На меня очень рассержены, говорят, что я предательница. Зачем я только вас послушала, не надо было мне туда звонить».

Александра Федоровна просит Протопопова продолжить

расследование, провести обыск в доме Юсуповых на Мойке и пишет мужу в Ставку: «Наш Друг исчез… Феликс утверждает, будто он не являлся в дом и никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то». Она просит мужа поскорее вернуться. Императрица очень боится за Вырубову – и решает не отпускать ее из Царского Села.

Николай II получает телеграмму жены во время военного совета с главнокомандующими фронтами. Он прерывает заседание и срочно уезжает в Царское Село. Позже генералы узнают причину, по которой уехал император, и будут делиться впечатлениями, будто бы на его лице не было заметно горя – наоборот, им показалось, что он испытал облегчение. Впрочем, те же генералы отмечают, что лицо Николая II никогда не выражает никаких эмоций.

Тем временем петербургский градоначальник объявляет Юсупову о предстоящем обыске – тот протестует, напоминая, что его жена – племянница императора, а значит, ее дом можно обыскивать только по личному указанию Николая II. Градоначальник соглашается – а Феликс торопится обратно, чтобы проверить, ничего ли не проглядели слуги, убирая в доме ночью. Обнаруживает бурые пятна на ковре и просит еще раз его почистить. Замечает пятна крови на улице, просит замазать их краской и забросать снегом. И уезжает обедать к великому князю Дмитрию.

Вечером Пуришкевич должен с санитарным поездом уехать на фронт, Феликс собирается в Крым, Дмитрий – на следующий день в Ставку. Феликс пишет письмо императрице (утверждает, что звал Распутина в гости, но встреча отменилась). Потом, по его словам, он заезжает к мужу своей тетки, председателю Думы Михаилу Родзянко, а после – к однокурснику по Оксфорду, офицеру английской разведки Освальду Рейнеру. Тот знал о подготовке убийства и очень волнуется. Юсупов успокаивает его, что не о чем беспокоиться.

Вечером Феликс вместе с братьями своей жены, племянниками императора, едет на вокзал – и обнаруживает, что он оцеплен полицией. По приказу императрицы ему запрещен выезд из Петрограда.

В пять часов вечера английский посол Бьюкенен звонит великому князю Николаю Михайловичу, старшему брату Сандро, рассказывает, что Распутин убит, а главные подозреваемые – сыновья Сандро, а также муж его дочери Феликс Юсупов.

Великий князь едет в яхт-клуб. Там и «бледный как смерть» великий князь Дмитрий, и новый премьер-министр (очередной брат покойного дворцового коменданта Дмитрия Трепова). Все обсуждают, правда ли убит

Распутин – или это выдумка. Дмитрий громко заявляет, что, по его информации, убит.

Все садятся играть в карты, а князь Дмитрий едет в Михайловский театр. Там его, известного ненавистника Распутина, встречают едва ли не овацией – он смущается и едет домой. Вечером он звонит в Царское Село императрице, но та отказывается с ним разговаривать.

Утром 18-го декабря полицейский приходит домой к Распутину и показывает его дочери испачканную кровью галошу, найденную около Петровского моста.

Феликс Юсупов собирает вещи и переезжает к великому князю Дмитрию, во дворец Белосельских-Белозерских. Дом великого князя неприкосновенен, а значит, арестовать Юсупова в нем не могут. Дмитрий очень удивлен – он думал, что Феликс уже на пути в Крым. В это время во дворце звонит телефон – из Царского Села сообщают, что великий князь Дмитрий по приказу императрицы помещен под домашний арест. Друзья страшно возмущены: по закону только император может арестовать великого князя. Дмитрий немедленно пишет телеграммы родственникам. Все как один негодуют: императрица превысила свои полномочия.

Несколько раз приезжает великий князь Николай Михайлович, он снабжает арестованных свежими слухами. Например, будто бы императрица требует военно-полевого суда, который приговорит Юсупова и князя Дмитрия к расстрелу. Но Протопопов уговаривает ее дождаться возвращения мужа.

Приносят телеграмму из Москвы, от Эллы, любимой тети Дмитрия: «Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного», – пишет основательница Марфо-Мариинской обители.

Копию перехваченной телеграммы немедленно приносят и императрице Александре. За несколько месяцев до этого они уже разругались – именно из-за Распутина – и Александра прогнала сестру из Царского Села. Теперь императрица рыдает – она уверена, что и сестра участвовала в заговоре.

Одинокий Новый год

19 декабря утром полиция находит в полынье шубу, а потом и примерзший ко льду труп Распутина. Его отвозят в Чесменскую богадельню. Труп оттаивает около суток, потом производится вскрытие. Оно показывает, что смерть наступила от выстрелов, следов яда не находят. Одновременно в ходе обыска в Юсуповском дворце находят большой кровавый след. Анализ устанавливает, что кровь человеческая, а не собачья.

Вечером в Царское Село приезжает император. Царица, по словам Вырубовой, поначалу не разрешает говорить 12-летнему царевичу Алексею о смерти Распутина. Узнав правду, мальчик плачет, а потом говорит отцу: «Неужели, папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!» Император молчит.

На следующее утро в Царское Село приезжает Протопопов. Он говорит, что убийство Распутина может быть началом новой волны терактов и теперь стоит позаботиться о безопасности императрицы. По его словам, под подозрением великие князья, Юсуповы и находящиеся с ними в родстве Родзянко, а также премьер-министр и министр юстиции, которые не помогают расследованию, а скорее мешают. Император благодарит его, увольняет министра юстиции, санкционирует домашний арест Дмитрия, просит привезти тело Распутина в Царское Село.

Юсупов и князь Дмитрий ощущают страх и гордость одновременно. С одной стороны, они отрицают, что убили Распутина, но родственники их поддерживают, поздравляют и рассказывают о колоссальном резонансе: будто бы на улицах люди целуются, как на Пасху, радуясь смерти «старца».

Но на третий день газетам запрещают писать о Распутине – и арестованные впадают в депрессию. Юсупов явно ожидал другого – он ждал, что убийство Распутина изменит мир, что все общество всколыхнется. Юсупов «опьянен своим участием и значимостью своей роли; видит для себя большое политическое будущее», вспоминает сестра Дмитрия, великая княжна Мария. Когда Юсупову говорят, что его хочет видеть премьер-министр Трепов, он испытывает огромное возбуждение – Феликс рассчитывает, что глава правительства решился открыто поддержать их. Но оказывается, что инициатором разговора был император, который попросил премьер-министра допросить Юсупова и узнать, кто именно убил Распутина.

22 декабря в Царское Село едет Сандро, тесть Юсупова. Великий князь говорит, что Феликс и Дмитрий не обыкновенные убийцы – они патриоты, вставшие, правда, на ложный путь, но вдохновленные желанием спасти Родину. «Ты очень хорошо говоришь, – с улыбкой отвечает император, – но ведь ты согласишься, что никто – будь он великий князь или простой мужик – не имеет права убивать».

Дмитрий тем временем пишет императору письмо, в котором обещает, что, если его отдадут под военный трибунал, он застрелится. На следующее утро его вызывают в Царское Село. Там ему объявляют, что он должен отправиться в Персию, а Феликса Юсупова высылают в его имение Ракитное, в Курской губернии. Им обоим запрещено переписываться или созваниваться с родственниками. Имя Пуришкевича или остальных участников убийства нигде не обсуждается – про них просто забывают.

Многие родственники приходят проводить Дмитрия. Вернувшись домой с вокзала, великий князь Николай Михайлович записывает в дневнике: «Они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, – полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной, и с Протопоповым». Он, в отличие от Дмитрия, уже не юноша, ему 56 лет. Великий князь хоть и мечтает убить (или, как он выражается «обезвредить») императрицу, не знает, кого после отъезда Пуришкевича привлечь в качестве исполнителя. «Я не из породы эстетов и, еще менее, убийц, надо выбраться на чистый воздух. Скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в этом возбуждении, я натворю и наговорю глупости», – резюмирует великий князь.

Накануне Нового года родственники все же собираются во дворце у Михень и подписывают коллективное письмо императору с просьбой смягчить наказание для Дмитрия – по их мнению, в Персии ему грозит гибель. «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне», – отвечает император. Затем трех великих князей, подписавших письмо, Николая Михайловича и сыновей Михень Кирилла и Андрея высылают из столицы.

Николай и Александра почти полностью перестают общаться с родственниками. Протопопов продолжает снабжать их новыми вскрытыми письмами, авторы которых сожалеют, что убийцы Распутина не довели дело до конца и не избавились от «Нее». Новый 1917 год они встречают в заточении и в одиночестве – с одной лишь Вырубовой, которую императрица больше не выпускает из Царского Села, потому что боится за ее жизнь. Основным источником информации извне теперь становится

Протопопов. Он, по мере сил, старается восполнить отсутствие Распутина – выписывает себе из-за границы экстрасенса Шарля Перена и просит его вызывать дух Распутина, чтобы с ним советоваться. Рассказывают, что у Протопопова в кабинете видели и двойника покойного проповедника. Императрице министр внутренних дел рассказывает, что Распутин является ему во сне: он стоит с распростертыми объятиями и благословляет Россию. Это ее успокаивает.

Занавес

Прямо перед новым годом император увольняет премьер-министра Трепова, ему на смену подобран совсем неожиданный персонаж. Это князь Николай Голицын, ему 66 лет, он вообще никому не известен в столице, у него почти нет опыта, и его единственное преимущество – в том, что императрица уверена в его преданности. Он возглавляет ее личный благотворительный комитет. Голицын умоляет императора не назначать его – тот настаивает. А еще он выдает новому премьеру бланк указа о роспуске Думы с непроставленной датой – чтобы Голицын мог распустить ее в любой момент, даже когда император в Ставке.

Голицын в ужасе. Он просит императора хотя бы уволить Протопопова, потому что работать с ним невозможно. Но император, конечно, отказывает. Протопопов – самый влиятельный член правительства, и он считает, что Думу надо распустить, потому что там сплошные революционеры. А пока заседание Думы откладывают до 14 февраля. Императрица ждет от Протопопова дальнейших решительных действий – и он приказывает арестовать членов так называемой рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете во главе с ее председателем меньшевиком Кузьмой Гвоздевым. Это самый громкий политический арест за несколько лет – министр внутренних дел хвастается в Царском Селе, что обезглавил революцию.

Дума собирается – и ее заседание начинается со скандала. Депутат Керенский произносит речь, которая превосходит все предыдущие по резкости. «Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно во что бы то ни стало?» – спрашивает он коллег. Прочитав его речь, императрица, как обычно, требует повесить «Кедринского» – фамилию депутата она не запоминает.

Главное слово этой зимы в Петрограде – хвосты. Так называют очереди, которые выстраиваются перед каждым магазином. Не хватает топлива, в столице перебои с подвозом продуктов. Дефицит продуктов – явление повсеместное: и в Петербурге, и в Москве, и в провинции. Пробуют даже ввести карточную систему на хлеб, сахар и мясо, но она плохо работает. Хвост – это не только способ достать продукты, это еще и главный источник информации. В очередях люди обмениваются слухами. А слухи циркулируют самые невероятные. Больше всего говорят про

наступление голода – это очень нервирует людей.

Очень многие в эти месяцы чувствуют, что все кончено, говорят об этом друзьям, пишут в дневниках. И это даже не революционеры, которые часто выдают желаемое за действительное, – нет, самые обычные люди, не испытывающие от этих мыслей никакой особой радости или подъема. О скором конце режима говорят и пишут даже самые верные монархисты.

Это ощущение есть в Царском Селе. «Скоро всех нас повесят на фонарях», – часто, при свидетелях, говорит адъютант императора адмирал Константин Нилов. А старая фрейлина Нарышкина рвется уехать из Царского Села хотя бы на месяц, на время Великого поста – потому что императрице она помочь никак не может, говорить им не о чем, и вообще Александра находится «под сатанинским влиянием».

Это ощущение есть в Москве. «Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти монархию? И право, не вижу средств», – пишет в конце января публицист-монархист Лев Тихомиров.

Это ощущение есть по всей стране. Жандармский офицер Павел Заварзин несколько месяцев едет на поезде на Дальний Восток и обратно: сначала из Петрограда до Владивостока, а потом обратно – до Архангельска. Он удивляется тому, как уверенно и спокойно всюду, в вагонах, на улицах говорят о неминуемой революции и скором отречении императора. Убийство Распутина все одобряют («Собаке – собачья смерть»), императорскую чету ненавидят («Не стоит о них и говорить! Они скоро уйдут») и мечтают о правительстве, ответственном перед Думой. Жандарм сначала в ужасе – оттого, что за это никого не наказывают. Но к середине пути понимает, что невозможно наказать всех: «Власть атрофирована и мы находимся на краю бездны».

22 февраля император решает вдруг уехать в Ставку. Зачем – неясно. Ему там особенно нечего делать. Он уехал с военного совета в конце декабря – и так и не возвращался туда с тех пор. Наступление намечено на весну – впрочем, император совсем не интересуется положением дел на фронте. Он просто вдруг не выдерживает атмосферы Царского Села – и решает сбежать. Срывается от жены и детей, оставляет больного Алексея – и через несколько дней будет с удовлетворением писать жене из Могилева, что «отдыхает головой».

На следующий день после его отъезда у детей начинается корь, следом заболевает Вырубова. Императрица переодевается в платье медсестры и начинает за всеми ухаживать. Дворец в Царском Селе превращается в лазарет.

В тот же день, 23 февраля, в Петрограде начинаются беспорядки. Из-за

отсутствия хлеба толпа горожан начинает митинговать. Общественный транспорт перестает ходить. Останавливаются заводы – бастует до 70 тысяч человек. «Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение», – пишет императрица мужу. 25 февраля полиция открывает огонь, есть убитые. Командующий столичным военным округом Хабалов по распоряжению императора запрещает какие-либо массовые собрания на улицах – но выходит еще больше народу. И жертв становится больше.

Прежде всякий раз после отъезда императора в Ставку Александра де-факто брала на себя управление государством и принимала министров с докладами. Но сейчас ситуация иная – она занимается больными, а государственные обязанности передает подружке, Лили Ден. 26 февраля она, например, вместо императрицы принимает чиновника из МВД, который приехал с докладом от Протопопова. Тот докладывает, что ситуация под контролем, министры решили принять энергичные меры и надеются, что уже завтра все будет спокойно.

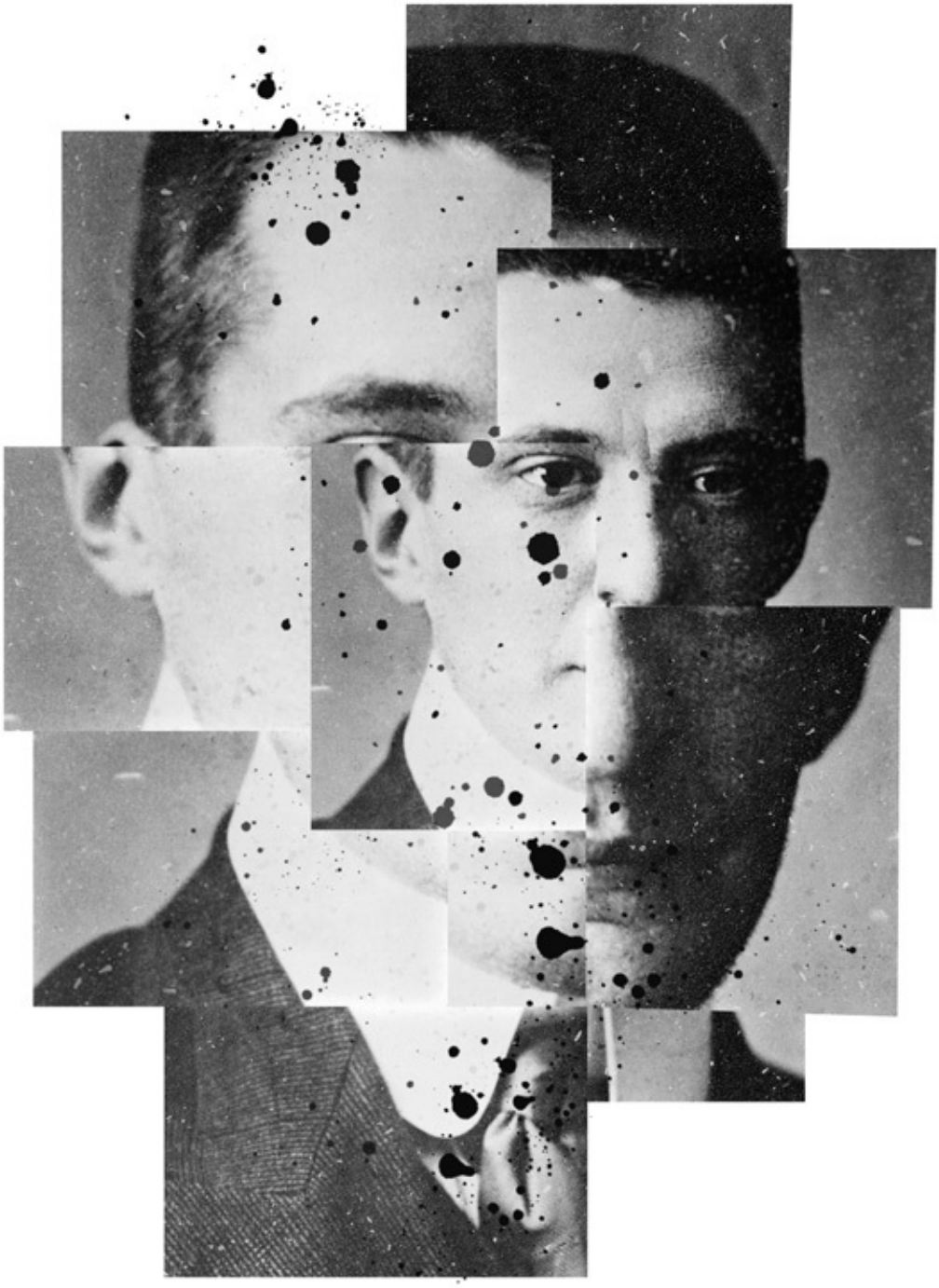
Впрочем, занятость не мешает императрице съездить на могилу Распутина, помолиться там и даже послать императору кусочек дерева с места его погребения. «…Мне кажется, все будет хорошо, – пишет она мужу, – солнце светит так ярко, и я ощущала такое спокойствие и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас».

25 февраля трамваи уже не ходят, и столичная элита пешком добирается в центр города. В Михайловском театре дают «Маскарад» по трагедии Лермонтова. Режиссер Всеволод Мейерхольд репетировал спектакль пять лет – это зрелищное шоу с грандиозными декорациями, которые сползают со сцены прямо в зрительный зал. Все билеты распроданы за несколько месяцев до премьеры. У подъезда театра – сплошные ряды черных автомобилей. Собралась «вся знать, вся огромная петроградская плутократия и бюрократия», как пишет газета «Театральная жизнь».

В городе стреляют, в день премьеры шальная пуля убивает зрителя прямо на пороге театра. По сути, пока столичная элита сидит в театре, в стране начинается революция, настоящей сценой становится сам Петроград.

Пресса привычно не оставляет от спектакля камня на камне. Газета «Театральная жизнь» пишет, что в театре «Вавилон бессмысленно нелепой роскоши», публика ахает: «Ах-ах-ах, как пышно, как богато!» – а в двух километрах «толпы людей кричат "хлеба", и какие-то протопоповские городовые поливают этих голодных людей из пулеметов».

В конце спектакля на сцену выходит церковный хор и начинает отпевание – а потом опускается занавес, напоминающий погребальный саван. Выглядит так, будто отпевают и хоронят зрительный зал.



Глава 12
В которой в России появляется второй лидер народного протеста, и зовут его – Александр Керенский

Утро новой жизни

В 8 часов утра 27 февраля члена Государственной думы Александра Керенского будит жена. Звонил его товарищ, депутат Некрасов, просил передать срочные новости: в Волынском полку восстание, Думу распускают, Керенского срочно ждут в Таврическом дворце. Керенский бросается к телефону узнавать подробности, потом в Думу, которая находится в пяти минутах от его дома.

Солдаты в казармах Волынского полка встали намного раньше Керенского. Построение было назначено на 7 утра, но они собрались в 6. Унтер-офицер Кирпичников предложил не слушаться офицеров и больше не стрелять в демонстрантов в городе, а когда придут офицеры – закричать «Ура!» и разоружить их. Солдаты охотно согласились.

Офицеры действительно заходят в казарму в 7 утра. На приветствие «Здорово, братцы!» солдаты отвечают: «Ура!» и «Уходи, пока цел» – и начинают греметь прикладами о землю. Офицер Лашкевич пытается крикнуть «Смирно!», чтобы зачитать приказ командующего столичным военным округом Хабалова и телеграмму императора. Его никто не слушает. Он выбегает – и тут же получает пулю в спину.

Волынский полк, теперь уже под командованием Кирпичникова, идет к казармам Преображенского и Литовского полков, и они присоединяются к восставшим. Потом в толпу солдат вливаются рабочие орудийного завода – и все вместе идут захватывать и поджигать административные здания. Примерно в этот момент и просыпается Александр Керенский.

Пока он идет в Думу, солдаты и рабочие захватывают Арсенал и поджигают окружной суд. О случившемся быстро узнают командиры соседних полков. Московский полк, все еще лояльный правительству, выводят на Литейный мост, чтобы остановить мятеж. Перестрелка заканчивается очень быстро: Московский полк убивает собственных офицеров и тоже присоединяется к восставшим.

Огромная толпа собирается на Невском, кое-где случаются потасовки между полицейскими и митингующими. Французский посол Морис Палеолог смотрит на происходящее из окна и не верит своим глазам: «Мост, обычно такой оживленный, пуст. Но почти тотчас же на том конце, который находится на правом берегу Невы, показывается беспорядочная толпа с красными знаменами, между тем как с другой стороны спешит полк солдат. Так и кажется, что сейчас произойдет столкновение. В

действительности обе массы сливаются в одну. Солдаты братаются с повстанцами».

Конец Думы

Когда Керенский заходит в зал заседаний, его окружают коллеги – они считают, что самый «левый» депутат, конечно, информирован лучше всех, и пытаются узнать у него подробности происходящего. Керенский говорит, что началась революция и долг депутатов, как представителей народа, «приветствовать восставших и вместе с ними решать общие задачи».

Депутаты сначала в панике, но «возбуждение столь велико, что вскоре от тревоги не осталось и следа», вспоминает Керенский. Все ждут, какой ответный удар нанесет власть – ведь всю неделю до этого по городу ходили слухи, что Протопопов собирается нарочно спровоцировать беспорядки, чтобы потом жестко подавить их и заключить сепаратный мир с Германией. Никакой логики в этом конспирологическом слухе нет, кроме того, что ненавистного Протопопова народ подозревает во всем сразу.

В 11 часов председатель Михаил Родзянко зачитывает указ императора: Дума распущена до апреля. Что делать дальше? Левые депутаты во главе с Керенским и Чхеидзе уговаривают коллег не подчиняться указу императора, продолжить заседание и взять на себя верховную власть, раз в столице революция.

Но никто не уверен на сто процентов, что это именно она. С минуты на минуту ждут правительственных пулеметов – все уверены, что Протопопов вот-вот подавит восстание. Родзянко и Милюков предлагают не расходиться, депутаты переходят из большого зала заседаний в небольшое полукруглое помещение позади президиума, где еще два часа продолжается неофициальное заседание.

Депутаты не решаются ослушаться приказа императора и придумывают компромисс под названием «Временный комитет Государственной думы». Что это, какие у него функции и полномочия – непонятно даже им самим. В него входят все самые видные думцы: Родзянко, Милюков, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Некрасов и представители всех партий, кроме правых. Правые в этот день в Таврический дворец не пришли – и про них забыли.

В двух шагах от Думы с балкона своей квартиры Гиппиус наблюдает за происходящим: «Все прилегающие к нам улицы запружены солдатами, очевидно, присоединившимися к движению», – записывает она в дневнике.

В Ставке все спокойно

Перед тем как перейти в полукруглый зал, председатель Родзянко, который вовсе не собирается становиться революционером, отправляет очередную паническую телеграмму царю, в которой точно описывает происходящее: распустив Думу, царь сам устранил последний оплот порядка, полки взбунтовались и, примкнув к толпе народа, направляются к министерству внутренних дел и Думе. Начинается гражданская война, пишет он.

Главная цель Родзянко – убедить царя отменить указ о роспуске Думы и назначить новое правительство: «Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо… Час, решающий судьбу вашу и Родины, настал».

Родзянко посылает телеграмму втайне от коллег – многие депутаты, например Керенский, считают, что уже и так поздно. Николай на телеграммы Родзянко реагирует, как обычно, пренебрежительно и говорит начальнику штаба Алексееву: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Император бесстрастен. Вдобавок в час дня военный министр Михаил Беляев докладывает ему, что волнения «твердо и энергично» подавляются и вот-вот в столице воцарится порядок.

К этому моменту восставшие солдаты переходят на Выборгскую сторону, захватывают печально известную тюрьму Кресты, к ним присоединяются новые полки.

Солдаты у ворот

В час дня, когда неофициальное заседание Думы еще продолжается, Таврический дворец окружают войска. Керенский бросается к окну. «Из окна я увидел солдат, – вспоминает он, – окруженные горожанами, они выстроились вдоль противоположной стороны улицы. Было очевидно, что они чувствовали себя стесненно в непривычной обстановке и выглядели растерянными, лишившись руководства офицеров». Керенский и Чхеидзе выбегают к солдатам, приветствуют их и просят зайти внутрь, разоружить охрану и взять Думу под свою защиту – на случай, если придут верные правительству войска Протопопова. Вместе они входят в караульное помещение, но оказывается, что разоружать некого, охрана в ужасе разбежалась.

Вернувшись в здание, Керенский обнаруживает толпу зевак, убежденных, что революция свершилась. Заметив депутата, они начинают забрасывать его вопросами. Что будет со старыми царскими чиновниками? Как их накажут? Керенский говорит, что главное – не допускать кровопролития, что самых опасных арестуют, но толпа «не должна брать в свои руки осуществление закона». Поздно вечером 27-го Комитет действительно попробует взять контроль над городом, рассылая своих комиссаров по министерствам.

Народ продолжает прибывать. В 3 часа в Думе царит возбуждение, граничащее с истерией: никто не понимает, что происходит, но все обсуждают постоянно поступающие слухи. Телефоны разрываются, новоприбывшие рассказывают ужасные истории о том, что творится на улицах. В 4 часа к Керенскому подходит человек и просит найти в Таврическом дворце помещение для только что созданного исполкома Совета рабочих депутатов.

Такой орган существовал в Петербурге весь 1905 год и был символом революционных событий; создание нового совета с таким же названием – символический жест. Родзянко выделяет ему зал номер 13. Исполком Совета рабочих депутатов собирают социалисты, преимущественно меньшевики. Председателем становится популярный депутат Госдумы Чхеидзе, а его заместителем – Керенский.

С этого момента в Таврическом дворце соседствуют и борются со старым режимом сразу два органа – Совет и Комитет, – не замечая, что он сам рассыпался без особых усилий извне.

Правительство в осаде

В момент, когда войска входят в Думу, члены правительства собираются дома у премьер-министра князя Голицына. Накануне вечером они единогласно выступали за роспуск Думы и максимально жесткие меры против демонстрантов, предлагая «безотлагательно установить диктатуру» авторитетного генерала. Со вчерашнего дня их настроение радикально переменилось: каждый из них с трудом добрался до дома премьера и увидел реальную обстановку в городе. Теперь министры говорят, что необходимо в первую очередь отправить в отставку Протопопова. Премьер возражает, что у них нет на это формального права, но глава МВД сам может «заболеть и уйти». Протопопов уходит, по словам Голицына, сконфуженный, со словами: «Мне теперь остается только застрелиться». Никто из министров с ним не прощается.

Все они волнуются за собственную безопасность, поэтому премьер Голицын предлагает немедленно переместиться из его квартиры в Мариинский дворец, где лучше охрана и меньше вероятность того, что ворвется разъяренная толпа. К 3 часам пополудни они уже там, однако безопасным это место уже не кажется – министры смотрят в окно, парализованные ужасом. Они сами отправляют императору телеграмму, в которой просят немедленно отправить их всех в отставку и назначить новое правительство народного доверия во главе с популярным в обществе человеком. Держаться за свои кресла с риском для жизни никто не хочет.

Французский посол Морис Палеолог заходит к главе МИД Покровскому и рассказывает ему, что город полыхает. «Я напоминаю, что в 1789 году, в 1830 году, в 1848 году три французские династии были свергнуты, потому что слишком поздно поняли смысл и силу направленного против них движения, – говорит посол. – Неужели же нет никого, кто мог бы открыть императору глаза на это положение?» «Император слеп!» – отвечает министр иностранных дел.

Правительственный павильон

В 4 часа дня 27-го числа в Таврический дворец приезжает Иван Щегловитов, бывший министр юстиции, теперь председатель Госсовета (верхней палаты парламента), чтобы обсудить положение дел с Родзянко. Председатель Думы пожимает ему руку, раскланивается и приглашает гостя в свой кабинет. В этот момент врывается Керенский с криком: «Нет, Щегловитов не гость!» Пока другие депутаты смотрят на него в изумлении, Керенский подбегает к председателю Госсовета, встает между ним и Родзянко и спрашивает: «Вы Иван Григорьевич Щегловитов?» Щегловитов кивает. «Прошу вас следовать за мной. Вы арестованы. Ваша безопасность гарантируется», – заявляет Керенский.

Родзянко и депутаты ошарашены, но не решаются спорить с Керенским, которого поддерживают восставшие солдаты. Он ведет Щегловитова в министерский павильон – ту часть Таврического дворца, которая всегда отводилась министрам, когда они приезжали выступать в Думе. Теперь эти комнаты становятся импровизированной тюрьмой.

В 7 часов вечера в Мариинский дворец к растерянным министрам приезжают два человека, на которых они возлагают последние надежды: брат царя великий князь Михаил и председатель Думы Михаил Родзянко (с ним также приехали Некрасов и еще два депутата). Они уединяются с премьером Голицыным. Чиновники предлагают великому князю взять на себя хоть какую-то ответственность и предпринять решительные действия: отправить правительство в отставку и потребовать от императора назначить новое правительство народного доверия. Михаил отказывается брать на себя власть, но соглашается поговорить с братом – хотя не уверен, что от разговора будет толк. У Михаила нет особенного влияния на императора – Николай, конечно, позволил ему вернуться на родину после изгнания, но политического влияния тот не приобрел. О том, чтобы его жена, графиня Брасова, была принята при дворе, Михаил не может и мечтать.

Младший брат царя едет в резиденцию к военному министру Беляеву, где есть спецсвязь с Могилевом, которая работает, даже когда во всем городе телефон уже выключен.

Как только Михаил уезжает, восставшие солдаты окружают Мариинский дворец, чтобы арестовать министров. Члены правительства бегут через черный ход, штурм дворца окончательно деморализует их, фактически правительство самораспускается.

Как раз в это время император отправляет премьер-министру телеграмму в ответ на просьбу об отставке: «Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми». Телеграмма уходит в пустоту: телеграф уже не работает, министры сбежали, в Мариинском дворце мародерствуют солдаты, вынося из него все ценное, даже иконы.

«У мятежников нет никакого плана»

К вечеру почти вся российская столица разгромлена. Полицейские участки и суды сожжены, многие административные здания захвачены. Эпицентром революции становится Таврический дворец – туда время от времени волнами стекаются восставшие, чтобы затем бежать дальше.

Еще утром взята знаменитая тюрьма Кресты, после полудня – Литовский замок, другая тюрьма, которая становится русской «Бастилией 1917 года», – ее сжигают дотла. Разгромлен дом министра двора графа Фредерикса и гостиница «Астория» (тогда – «Петроградская военная гостиница»).

По всему Петрограду грабят магазины, у владельцев отбирают автомобили. С 2 часов дня в городе пропадает связь, телеграммы не доставляются. «Есть признаки, что у мятежников нет никакого плана», – сдержанно рапортует начальнику офицер морского штаба Капнист.

Днем толпа врывается в Мариинский театр и едва не начинает громить его – кто-то принял вентиляционные трубы на крыше за пулеметы и решил, что на крыше театра засела полиция, которая собирается расстреливать народ. В отсутствие информации город наполняется слухами об убийствах. Говорят о таинственном черном автомобиле, который ездит по Петрограду и расстреливает полицейских. Реальность оказывается еще страшнее: на углу Знаменской и Бассейной толпа врывается в квартиру полицейского и, не застав его дома, зверски убивает его жену и двух маленьких детей. Другая толпа, ворвавшись в здание Жандармского управления, жестоко избивает и затем расстреливает 63-летнего начальника управления, генерал-лейтенанта Ивана Волкова (он отпустил всех сотрудников домой, а сам остался на посту).

Четыре полка и пулеметная команда

В Ставке все это время спокойно, главным образом из-за отсутствия адекватной информации. Только в 7 часов вечера приходит сообщение от военного министра Беляева о том, что мятеж подавить не удается, новые части переходят на сторону восставших, начались пожары; начальник столичного военного округа Хабалов не справился и требуются новые надежные войска. Еще через час сам Хабалов телеграфирует, что большинство частей изменили своему долгу и отказываются сражаться против мятежников.

Раз Хабалов не справился, надо его заменить другим человеком, который справится, – более верным и надежным, решает император. Он отправляет в Петроград нового командующего – генерала Николая Иудовича Иванова, а с ним два пехотных, два кавалерийских полка и пулеметную команду – чтобы утихомирить столицу. 66-летний Иванов – любимец императрицы, преданный «старик», как она его называет. Николай II уверен, что тот быстро подавит восстание. Иванов должен ехать в Петроград на следующий же день, 28 февраля.

У императрицы в Царском Селе совсем другое настроение. В 10 вечера звонит военный министр Беляев и просит немедленно увезти императрицу и детей из Царского Села – утром может быть уже поздно, в любой момент появится агрессивная толпа из Петрограда. Александра нервничает, хочет ехать к мужу. Однако, когда она телеграфирует в Ставку, Николай отвечает, чтобы она оставалась с детьми на месте, он сам приедет к ним завтра же.

В половине одиннадцатого в Ставке раздается звонок: начальнику штаба Алексееву звонит великий князь Михаил и настаивает на срочных действиях: уволить совет министров и назначить новое правительство во главе с популярным в народе князем Львовым. Также Михаил советует брату отложить свой приезд на несколько дней.

Начальник штаба обещает великому князю поговорить с императором. Михаил остается ждать в доме военного министра обратного звонка из Ставки. Удивительно, насколько ключевой фигурой в этот момент оказывается генерал-адъютант Михаил Алексеев: сын простого солдата, сначала ставший правой рукой императора, а теперь посредником между императором и членами его семьи. Алексеев сильно простужен, у него высокая температура, большую часть дня он лежит, поднимаясь только для того, чтобы поговорить с императором или Петроградом.

Великий князь Михаил ждет несколько часов. Наконец начальник штаба перезванивает. По всем пунктам ответ «нет». Император просил передать, что он не будет откладывать возвращение в Царское Село (поедет немедленно, в 2:30 ночи). Никаких перемен в правительстве не будет, пока он не вернется в Царское Село (и не посоветуется с женой). В столицу скоро выдвинется генерал Иванов, поэтому волноваться не о чем.

Закончив разговор в 3 часа ночи, великий князь Михаил выезжает из дома военного министра, чтобы поехать домой в Гатчину. Но вокзал уже захвачен восставшими, поэтому он разворачивается и едет в Зимний дворец.

Кто здесь власть

Ночью, когда большая часть непрошеных гостей покидают Таврический дворец, члены Временного комитета Думы собираются, чтобы обсудить, что делать дальше. Уже восстали почти все солдаты столичного гарнизона, но офицеров осталось совсем мало. Военные превратились в хаотическую массу, которая пугает депутатов. Решают создать «военную комиссию» во главе с депутатом Борисом Энгельгардтом, которой поручено как-то совладать с неуправляемыми солдатами. Комиссия почти ничего не может сделать, а сам Энгельгардт отказывается принимать какие бы то ни было решения до назначения нового военного министра.

Однако еще больше депутаты боятся возвращения старой власти. Они опасаются, что активизируется протопоповская полиция с ее мифическими пулеметами, а император вызовет с фронта войска на подавление революции. Лишившиеся командиров солдаты с этим не справятся и просто разбегутся.

По словам Керенского, дольше всех колеблется Родзянко – он не хочет брать на себя ответственность и объявлять о неповиновении императору. Депутаты уговаривают председателя, пугая Петроградским советом депутатов, который сидит по соседству, в тринадцатом зале: если, говорят они, Временный комитет не объявит себя верховной властью, тогда это сделает Петросовет. Родзянко наконец соглашается объявить Временный комитет главным органом власти до тех пор, пока не будет сформировано Временное правительство.

Что делать с остальной страной? Кто теперь власть на местах? В столице погром, правительство самораспустилось, от императора нет никаких сведений. Члены Временного комитета спорят до хрипоты. «Чем бы это ни кончилось, одно несомненно, что с этим мерзавцем у нас ничего не может быть общего» – так Милюков формулирует свое отношение к Николаю II.

Чтобы предотвратить появление в городе карательных царских войск, необходимо взять под контроль вокзалы. Теперь, когда охрана вокзалов разбежалась, комиссары Думы захватывают вокзалы без труда.

О том, что происходит за пределами столицы, члены Временного комитета ничего не знают. И наоборот: стране почти ничего не известно о событиях в Петрограде. Временный комитет отправляет депутата Александра Бубликова на Центральный железнодорожный телеграф. 42-

летний Бубликов, бывший железнодорожник, становится главным творцом революции по всей стране. Утром 28 февраля он передает по всем железнодорожным станциям страны сообщение от имени Родзянко: прежняя власть рухнула, и он призывает всех железнодорожников усилить транспортное сообщение, от которого зависит и ход войны, и жизнь в стране: «Обращаюсь к вам от имени отечества, от вас зависит теперь спасение родины, – она ждет от вас больше, чем исполнение долга, – она ждет подвига».

Телеграмма Бубликова оповестила о революции всю Россию и отрезала депутатам последний путь к отступлению.

Кто безобразит

В ночь на 28 февраля император поспешно собирается, садится в поезд и уезжает из Могилева. Он старается не препятствовать подходу войск, при помощи которых генерал Иванов должен усмирять восстание, к столице, поэтому едет в объезд через Смоленск, Лихославль и Бологое, предполагая, что кратчайшим путем – через Витебск – поедет генерал Иванов.

Однако обстоятельный генерал Иванов, которого послали усмирять Петроград, не торопится. Утром 28 февраля он звонит генералу Хабалову: «Какие части в порядке и какие безобразят?» – спрашивает он, очевидно, совершенно не представляя себе ситуацию в столице. Хабалов отвечает ему, что не контролирует почти ничего: все вокзалы во власти революционеров, телефон в городе не работает, министры арестованы, вся артиллерия города контролируется восставшими.

В 8 утра Хабалов сообщает Алексееву, что число верных правительству военных сократилось до 600 человек пехоты и 500 кавалерии, на всех 15 пулеметов и 80 патронов. Последним бастионом режима в столице остается Адмиралтейство, где и засел Хабалов, собирающийся обороняться до последнего.

В час дня Алексеев отправляет длинную телеграмму всем четверым главнокомандующим фронтами, которая заканчивается фразой: «На всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность родине и присяге в войсках действующих армий».

Тем временем поезд императора едет из Могилева в направлении Тверской губернии.

Утро после бури

Наутро после восстания почти все участники вчерашних событий испытывают похмелье. Накануне все были в эйфории, но теперь ей на смену приходит страх. Накануне Михаил Родзянко решился на бунт – объявил себя главой самозванного правительства. Накануне Александр Керенский начал арестовывать прежних чиновников. Накануне Александр Бубликов распространил по всей стране телеграмму о том, что власть перешла к Думе. Но накануне они были заражены энергией толпы – теперь же у них появилось время задуматься. Главный вопрос, который задают себе революционеры: когда вернется власть? Когда царские войска начнут штурм Петрограда?

Утром второго дня, 28 февраля, почти ничего не происходит. Погромы, бушевавшие ночью, на время прекращаются. Солдаты, накануне переставшие подчиняться офицерам, студенты, пришедшие митинговать в Таврический дворец, рабочие, громившие магазины, будто испугались собственного непослушания. Почти все сегодня остаются дома и ждут царских войск и жестокого наказания. Однако войска не материализуются.

К полудню Петроград оживает, снова начинаются погромы. Теперь жгут полицейские участки и полицейские архивы: бывшие агенты в ужасе от возможного разоблачения после революции и пытаются спасти свою репутацию. Днем толпа врывается в здание Департамента полиции, начинает громить помещения и уничтожать документы.

Новые власти даже не пытаются пресекать беспорядки. К вечеру арестованы почти все министры. К министру финансов Петру Барку вламывается отряд во главе с его бывшим уволенным лакеем. «Я просил у вас денег, а вы дали мне камень», – говорит он, арестовывая бывшего хозяина. Министра юстиции находят и берут под стражу в итальянском посольстве, командующего округом Хабалова – в Адмиралтействе. К еще не арестованному министру иностранных дел Покровскому успевают зайти французский и английский послы. «Вы только что прошли по городу, – спрашивает глава МИД, – осталось у вас впечатление, что император может еще спасти свою корону?» Палеолог отвечает, что все возможно – но императору надо «немедленно преклониться перед совершившимися фактами»: назначить министрами членов Временного комитета Думы и амнистировать мятежников. «Если бы он лично показался армии и народу, если бы он сам с паперти Казанского собора заявил, что для России

начинается новая эра, его бы приветствовали… Но завтра это было бы уже слишком поздно…»

В 11 вечера к Думе приходит господин в шубе и обращается к дежурному: «Прошу вас, проведите меня к членам Исполнительного комитета Государственной думы. Я – бывший министр внутренних дел Протопопов. Я тоже желаю блага нашей Родине и потому явился добровольно. Проведите меня к кому нужно». Протопопова отводят в министерский павильон – и это спасает ему жизнь.

Уже не царское село

Весь день 28 февраля Царское Село живет в страхе, хотя почти ничего не происходит. Утром состояние цесаревича Алексея ухудшается, у него температура 40, и императрица просит слуг подготовить все к переезду в Гатчину. Через полчаса ей сообщают, что все готово, – но она уже передумала. Приближенные, все как один, советуют ей скорее бежать; например, в Новгород, куда императрица ездила всего пару месяцев назад – и где ее принимали восторженно.

В 3 часа дня солдаты Царскосельского гарнизона выходят из казарм – идут освобождать заключенных из тюрьмы, потом – громить винные лавки. Царская охрана не покидает дворца – поэтому не в курсе, что происходит в городе. Императрица говорит, что все ее дети больны, она считает себя сестрой милосердия, а дворец – госпиталем, поэтому запрещает охране какие-либо боевые действия.

Вечером императрица звонит великому князю Павлу, отцу великого князя Дмитрия, только что сосланного в Персию за убийство Распутина. Павел и сам много лет провел в изгнании, и тоже по настоянию Александры. Но в Царском Селе у императрицы больше нет родственников, ей не к кому обратиться. Великий князь приезжает, и Александра устраивает ему скандал – говорит, что это семья виновата во всем происходящем. Павел отвечает, что «она не имеет права сомневаться в его преданности и сейчас не время вспоминать старые ссоры», главное – чтобы царь скорее вернулся. Она отвечает, что муж должен приехать в 8 утра, Павел обещает поехать встречать его на вокзал.

После этого великий князь возвращается домой, и жена, Ольга Палей (та самая женщина, из-за свадьбы с которой его выслали и лишили права воспитывать Дмитрия и Марию), пересказывает ему слух о том, что рабочие из Колпина якобы взбунтовались и идут громить Царское Село. Перепуганная семья великого князя уходит из дома прятаться, эту ночь они проводят у знакомых.

В Царском Селе (как и в столице) целый день передают невероятные истории: будто Протопопов сбежал и прячется у Вырубовой, будто толпы рабочих идут ко дворцу и вот-вот будет погром.

Вечером толпа восставших солдат приходит к Александровскому дворцу. Охрана, верная императрице, встает по периметру. Начинаются переговоры – поздним вечером сходятся на том, что надо отправить

парламентеров в Петроград, в Думу. Напряжение спадает.

В 10 вечера приходит телеграмма от императора: «Завтра утром надеюсь быть дома». Императрица немного успокаивается и решает выйти к войскам, которые охраняют дворец. Вместе с ней выходит единственная не заболевшая еще дочь, 17-летняя великая княжна Мария. Они обходят ряды и молча кивают военным.

Вся свита на ночь остается во дворце. Поздно ночью граф Апраксин решается попросить императрицу отослать больную Вырубову – потому что она, мол, приносит несчастье и может навлечь на всех обитателей дворца гнев толпы. «Я не предаю своих друзей», – в слезах отвечает императрица.

Остановить императора

В час дня 28 февраля генерал Иванов, новый военный диктатор, выезжает из Могилева в Петроград для усмирения восставших и наведения порядка в столице. Императорский поезд давно в пути, начальники станций уже получили от нового министра путей сообщения Бубликова телеграмму с требованием докладывать обо всех поездах, которые движутся в Петроград, а все поезда с военными или боеприпасами задерживать на станциях.

Уже на полдороге к столице, в Лихославле Тверской губернии, император узнает о телеграмме Бубликова. Начальник Северо-Западных железных дорог Федор Валуев решает игнорировать требование Бубликова и сделать все наоборот: садится в поезд, чтобы поехать навстречу императору и обеспечить его проезд. Толпа вытаскивает Валуева из поезда, едва не устраивает самосуд, но, вняв уговорам священника, его арестовывают, сажают в машину и везут в Думу. Однако по дороге машину обстреливают, поездка прерывается и Валуева все же ставят к стенке и убивают.

В Петрограде полная неразбериха. Помощник Бубликова, Юрий Ломоносов, вспоминает, как новые руководители железных дорог пытаются добиться от Думы инструкций, что делать с поездом царя: пропускать в Царское Село, разворачивать, задерживать, отправлять в Петроград. Депутаты не могут решиться и не дают никаких инструкций.

Тем временем решение развернуться принимает сам император. В Малой Вишере офицер железнодорожной охраны сообщает, что ехать дальше нельзя: следующая станция, Любань, находится в руках взбунтовавшихся солдат, и он сам чудом сбежал оттуда на дрезине. Начальник царского поезда будит императора, чтобы сообщить ему, что дорога перекрыта. Тогда Николай II решает развернуться и ехать в Псков.

Только к 9 часам утра 1 марта в столице Дума решается задержать императорский поезд в Бологом. Бубликов посылает телеграмму: пригнать два товарняка и заблокировать движение между станциями Дно и Бологое. Одновременно Бубликов посылает телеграмму в царский поезд: задержаться в Бологом и дождаться приезда Родзянко. Председатель Думы надеется убедить Николая II признать Временный комитет думы.

По Петрограду идут слухи, что император на самом деле развернул поезд, чтобы поехать в Москву – собираясь сделать ее своим бастионом,

чтобы там собрать верные ему полки и возглавить поход на Петроград. Эту легенду записывает в дневнике французский посол Палеолог, добавив к ней слова Николая: «Если революция восторжествует, я охотно откажусь от престола. Уеду в Ливадию; я обожаю цветы».

Приказ Бубликова никто не выполняет, и в 7 утра царский поезд беспрепятственно проходит через Бологое в сторону Дна. Туда же по другой дороге еще раньше приезжает генерал Иванов. В ожидании императора он со своими войсками решает навести порядок на станции тем же способом, которым двенадцать лет назад подавлял Кронштадтский мятеж: подходит к «безобразящим» солдатам и зычно орет: «На колени!»

Революционеры внезапно повинуются. Их разоружают, а особо буйных сажают в поезд Иванова. Один из них даже кусает генерала за руку. Тот, поколебавшись, все же сохраняет бедолаге жизнь. Всего арестовано 70 вооруженных солдат (некоторые пьяные), у них конфисковано оружие, которое перед этим они отобрали у офицеров. Усмирив солдат, Иванов продолжает движение в сторону Царского Села.

День победы

В 8 утра 1 марта дядя царя, великий князь Павел, пообещавший императрице встретить Николая II, едет на Царскосельский вокзал (сейчас – Витебский). Ни он, ни кто другой еще не знают, что поезд развернули в Малой Вишере и в эти минуты он едет в Псков. Не дождавшись племянника, великий князь уезжает. Вскоре на Царскосельский вокзал прибывают делегированные Временным комитетом депутаты Демидов и Степанов. Они выступают у городской ратуши перед военными, которые встречают их овацией. Власть в Царском Селе – главном бастионе прежнего режима – переходит к Временному комитету Думы.

В целом 1 марта становится днем психологического перелома. В Петрограде выходит газета «Известия комитета петроградских журналистов», которая сообщает, что «в Царскосельский дворец вошли солдаты», императорская семья находится в руках мятежных войск. Это неправда, которая тем не менее приносит ощущение необратимости революции. Если императорские войска не пришли, они уже не придут, решают жители Петрограда. Начинается волна присяг на верность новой власти.

По воспоминаниям Керенского, военные части одна за другой прибывают в Думу, заполняют Екатерининский зал. Родзянко обращается к ним с речью, призывая оказывать доверие новой власти и сохранять дисциплину, его речь тонет в шквале восторженных криков и аплодисментов. С ответным словом выступают командиры частей, снова под гвалт солдат, затем солдаты просят, чтобы перед ними выступил еще кто-нибудь – Милюков, Чхеидзе или сам Керенский. «Получив, наконец, возможность говорить свободно со свободными людьми, я испытывал чувство пьянящего восторга», – пишет будущий министр юстиции.

Апогеем парада присяг становится появление в Думе великого князя Кирилла, двоюродного брата царя и четвертого человека в очереди на российский престол. Он приезжает с красной ленточкой на груди, во главе собственного отряда, и передает себя во власть Государственной думы.

Красная ленточка – главный символ свершившейся революции: на одежде, на автомобилях, на лошадях появляются красные ленты, на домах – красные флаги.

Всюду в столице признаки того, что царская власть не вернется.

Разгромлен особняк Матильды Кшесинской. Посол Палеолог вспоминает, что встретил у Летнего сада одного из эфиопов, дежуривших обычно у двери в кабинет императора. «Милый негр» теперь одет в обычную одежду, в глазах его стоят слезы. Палеолог говорит ему что-то утешающее и жмет на прощание руку. «В этом падении целой политической и социальной системы он представляет для меня былую царскую пышность, живописный и великолепный церемониал, установленный некогда Елизаветой и Екатериной Великой, все обаяние, которое вызывали эти слова, отныне ничего не означающие: "русский Двор"», – вспоминает посол. Нет сомнений, что швейцар кажется послу куда цивилизованнее большинства российских граждан.

Новое правительство

Депутат Госдумы Василий Шульгин вспоминает, что из-за постоянного наплыва посетителей работа Родзянко и всего Комитета оказалась парализована: «Премьер, вместо того чтобы работать, каждую минуту должен бегать на улицу и кричать "ура", а члены правительства: одни – "берут крепости", другие – ездят по полкам, третьи – освобождают арестованных, четвертые – просто теряют голову, заталкиваемые лавиной людей, которые все требуют, просят, молят руководства…»

В две маленькие комнатки Таврического дворца, где ютится Комитет, время от времени приходит Керенский с очередной находкой. Он приносит текст секретных переговоров с иностранным державами, вынесенный из МИДа. Никто не знает, куда деть ценные документы: в комнате нет даже шкафа, в итоге бумаги прячут под скатертью стола. Вскоре Керенский приносит чемодан с деньгами: «Тут два миллиона рублей[118], – говорит он. – Из какого-то министерства притащили… Так больше нельзя… Надо скорее назначить комиссаров… где Михаил Владимирович?» – «На улице…» – «Кричит "ура"? Довольно кричать "ура". Надо делом заняться…»

Шульгин уговаривает Милюкова, «чтобы не управлять страной из-под стола», сформировать правительство. Милюков буквально на коленке начинает писать список: «Так, на кончике стола, в этом диком водовороте полусумасшедших людей, родился этот список из головы Милюкова, причем и голову эту пришлось сжимать обеими руками, чтобы она хоть что-нибудь могла сообразить, – вспоминает Шульгин. – Историки в будущем, да и сам Милюков, вероятно, изобразят это совершенно не так: изобразят как плод глубочайших соображений и результат "соотношения реальных сил". Я же рассказываю, как было».

Еще утром 1 марта в Петроград приезжает человек, которого здесь уже давно ждут. Его мало кто знает в лицо – но почти все слышали его имя. Этот гость из Москвы – князь Георгий Львов, глава Земского союза и главный кандидат на роль главы нового правительства. Он успевает как раз к формированию нового кабинета. Начинается долгое обсуждение списка, составленного Милюковым. Состав правительства никого не удивляет – он почти полностью совпадает с теми списками, которые еще год назад публиковала газета Рябушинского «Утро России». Теперь важно – договориться с исполкомом Петросовета, который заседает здесь же, в

Таврическом дворце, и обладает не меньшим влиянием на уличные массы, чем Временный комитет.

Два места в новом правительстве Милюков предлагает социалистам Керенскому и Чхеидзе. Последний, хоть и входит во Временный комитет, не принимает участия в его работе. Он возглавляет исполком Петросовета и вообще считает, что социалисты не должны участвовать в правительстве – ведь, согласно постулатам Маркса, движущей силой революции должна быть буржуазия, а марксисты должны спокойно ждать своего часа. Так что от предложенного поста министра труда Николай Чхеидзе отказывается. Но выдвигает несколько требований: Петросовет поддержит Временное правительство, если оно объявит всеобщую амнистию, гарантирует свободу слова, проведет выборы Учредительного собрания и пообещает, что не будет выводить и разоружать войска восставшего Петроградского гарнизона. Временное правительство соглашается со всеми пунктами.

Военным министром становится политик с самыми обширными связями в армии – Александр Гучков, а министром иностранных дел – Милюков. Но есть и странные фигуры, например, министром финансов становится 32-летний наследник сахарной империи, масон, коллекционер искусства и известный светский персонаж Михаил Терещенко.

Однако дележ министерских постов – это не самое важное событие, которое происходит в эти часы в Таврическом дворце.

Солдаты против офицеров

Некоторые военные части испытывают восторг от того, что власть перешла к Государственной думе, но другим и этого уже мало. Они хотят большего: например, вообще не подчиняться офицерам. Популярность Временного комитета постепенно падает – потому что он аккуратно пытается взять ситуацию под контроль. Днем 1 марта военная комиссия Временного комитета издает приказ, запрещающий солдатам отбирать оружие у офицеров. Через пару часов в Преображенском полку – том самом, который восстал одним из первых, – происходит новый бунт. Во время репетиции присяги солдаты вновь отобрали сабли у офицеров.

Петросовет – Петроградский совет рабочих депутатов – сначала мирно сосуществует с Временным комитетом, но постепенно его члены начинают испытывать к депутатам чувство, похожее на отношение солдат к офицерам. Петросовет становится мощным альтернативным центром силы и соперником Комитета. Члены Петросовета решают, что им нужны представители от солдат, – и он становится Советом рабочих и солдатских депутатов. И если в первые дни это была просто площадка для постоянного митинга, разговоры не стихали ни на минуту и ни к чему не приводили, то теперь у Петросовета появляется внятная цель – борьба против офицеров.

Солдатская секция заседает отдельно от всех – она не поместилась в тринадцатый зал к рабочим. Председательствует среди солдат адвокат Николай Соколов, вчерашний друг Керенского, тот самый, который недавно организовывал коллективное воззвание столичных юристов против дела Бейлиса. Солдаты, один радикальнее другого, по очереди выходят на трибуну, уходят под аплодисменты. Соколов успевает только стенографировать выступления.

Солдатские депутаты уверены, что к городу движутся гвардейцы во главе с генералом Ивановым, что офицеров надо разоружать, потому что они могут предать и перейти на сторону царя, что Временный комитет Думы пытается внедрить старые порядки, а этого допустить нельзя. Солдаты требуют передать власть от офицеров выборным солдатским комитетам, которые отныне должны контролировать оружие, требует ввести равные права «нижних чинов» с остальными гражданами.

Этот наспех написанный текст Соколов относит в редакцию новой газеты «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» – и называет написанное им воззвание «приказом». Наутро

«Приказ номер один», обращенный к солдатам столичного гарнизона, выйдет в газете и будет тиражироваться отдельными листовками. Петросовет будет распространять текст «приказа», в первую очередь думая о том, чтобы не допустить верные Николаю II войска в столицу и предотвратить подавление восстания генералом Ивановым. Но никто не обратит внимания на то, что «приказ» обращен только к Петроградскому гарнизону, всем солдатам Российской империи он даст один сигнал: теперь можно не подчиняться офицерам. Сила «приказа», опубликованного в газете, окажется огромной. Офицеры будут говорить, что этот приказ разрушает армию. Но члены Петросовета утверждают, что решение было принято осознанно, – в противном случае, опасались они, произошла бы контрреволюция и немедленная реставрация.

Членов Временного комитета «Приказ номер один» повергает в ужас: «Кто это написал? Это они, конечно, мерзавцы. Это прямо для немцев… Предатели… что теперь будет?» – кричит Родзянко. В этот момент предпринимать что-либо уже поздно – листы с текстом уже расклеены по всему городу.

По словам Василия Шульгина, обессиленные бессонными ночами члены Временного комитета будут уговаривать членов исполкома Петросовета спасти офицеров от расправы. «Неужели вы в самом деле думаете, что выборное офицерство – это хорошо?» – спрашивает сам Шульгин у председателя исполкома Чхеидзе.

«Он поднял на меня совершенно усталые глаза, – вспоминает Шульгин, – заворочал белками и шепотом же ответил, со своим кавказским акцентом, который придавал странную выразительность тому, что он сказал: "И вообще все пропало… чтобы спасти… чтобы спасти – надо чудо… Может быть, выборное офицерство будет чудо… Может, не будет… Надо пробовать, хуже не будет… Потому что я вам говорю: все пропало"».

Реформы генерала Алексеева

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Михаил Алексеев, который еще вчера контролировал императора, теперь мучается от невозможности связаться с ним. К Алексееву, лежащему с высокой температурой в Могилеве, стекается информация о ситуации в стране. «В Москве полная революция», – докладывает начальник Московского военного округа. Из Кронштадта сообщают, что командир порта убит, в городе анархия. Балтийский флот признал власть Временного комитета Государственной думы.

«Если мне предложат выбирать между Государем и Россией, я выберу Россию», – говорил в конце 1916 года генерал Брусилов, взбешенный тем, как бесславно закончилось его наступление, и готовый гипотетически выбирать между родиной и императором. К концу февраля 1917 года под этими словами готовы подписаться почти все офицеры. Главный приоритет для военных на фронте – победа. Ради нее они готовы на все, в том числе не подчиниться императору. Генерал Алексеев 1 марта уже понимает, что армии угрожает анархия, с которой победить Германию не удастся. Эти слова он раз за разом повторяет в телеграммах императору.

Днем 1 марта Николай II наконец прибывает в Дно, где назначена встреча с Родзянко. Однако тот опаздывает, поэтому Николай едет дальше, в Псков, в штаб Северного фронта. Алексеев подробно телеграфирует в Псков, описывая все ужасы, которые повлечет за собой бездействие, и просит императора назначить главой правительства «лицо, которому бы верила Россия». Вечером, когда Николай II прибывает в Псков, офицер штаба передает императору общую просьбу Алексеева и великого князя Сергея назначить главой нового правительства Родзянко.

Весь вечер командующий Северным фронтом генерал Рузский, с телеграммами Алексеева в руках, беседует с императором, убеждая согласиться на правительство народного доверия. Рузский пытается уговорить императора пойти на уступки Комитету и «сдаться на милость победителя». Однако тот по-прежнему ничего и слышать не хочет.

Генерал выходит из себя и прямо говорит, что Николай сам довел страну до такого положения, прежде всего приблизив к себе Распутина. Император и его ближайшее окружение шокированы такой дерзостью. Адмирал Нилов, пораженный разговором, запирается в своем купе на сутки. Он считает, что император должен разжаловать Рузского, арестовать

и расстрелять, поставив на его место лояльного человека, – и все наладится.

В половине одиннадцатого ночи 1 марта Алексеев присылает императору готовый текст манифеста о назначении Родзянко премьер-министром. Николай II говорит Рузскому, что согласен подписать его. Тут же из Пскова звонят в Таврический дворец, просят председателя Государственной думы срочно приехать к императору. В ответ из Петрограда сообщают, что Родзянко не приедет.

Однако императора гораздо больше тревожит не это, а то, что он не может попасть в Царское Село к своей семье. «Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!» – пишет он в дневнике.

Вечер 1 марта становится переломным не только для Петрограда, но и для императора с его окружением. До этого момента они были уверены, что у них есть в запасе крайняя мера – потопить революцию в крови. То, что солдаты откажутся стрелять по восставшим, никому не приходило в голову.

Либералы против социалистов

Председатель Думы действительно не может никуда приехать. Сейчас он чувствует себя еще менее уверенно, чем все предыдущие годы, когда каждый день он ждал, что царь распустит парламент. В момент, когда 27 февраля Керенский у него на глазах арестовал председателя Госсовета Ивана Щегловитова, Родзянко понимает, как шатко его собственное положение. Для адвоката Керенского бывший министр юстиции Щегловитов – личный враг, а для гофмейстера двора Родзянко – свой. Все происходящее в Петрограде для Родзянко, как и для многих других членов Государственной думы, кошмар и хаос. Они боятся толпы, которая сейчас громит чей-то особняк, а завтра может пойти к ним.

Символ этой угрозы, которую таит в себе революционный Петроград, – Петросовет. Этот никем не выбранный орган, заседающий в Таврическом дворце и привлекающий революционеров на свою сторону, представляется депутатам Думы просто бандой опасных самозванцев.

Чувства депутатов Думы к Петросовету совершенно взаимны. Вошедшие в него несистемные оппозиционеры считают, что царская Дума, выбираемая по куриям и квотам, – насмешка над демократией, марионеточная попытка имитировать парламент. По их мнению, в Думе никогда не было настоящих народных представителей, ведь чтобы быть избирателем, необходимо иметь собственность и пройти имущественный ценз. Это значит, что большая часть жителей восставшего Петрограда (солдаты, студенты, рабочие) может буквально сказать Думе: «Мы вас не выбирали».

Именно поэтому 1 марта члены Петросовета принимают решение не пускать Родзянко на встречу с царем, чтобы он не сговорился с Николаем II и не предал революцию. «Сегодня утром я должен был ехать в Ставку для свидания с государем императором, доложить его величеству, что, может быть, единственный исход – отречение, – жалуется Родзянко депутату Шульгину. – Но эти мерзавцы… заявили, что одного меня не пустят и что должен ехать со мной Чхеидзе и еще какие-то… Ну, слуга покорный – я с ними к государю не поеду… Чхеидзе должен был сопровождать батальон "революционных солдат". Что они там учинили бы?»

Шульгин вспоминает, как одно из выступлений Родзянко перед толпой в Таврическом дворце вдруг перебивают: «Вот председатель Государственной думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую

землю спасли… У господина Родзянко есть что спасать… не малый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губернии, да какой земли!.. Родзянкам и другим помещикам Государственной думы есть что спасать… Эти свои владения, княжеские, графские и баронские… они и называют русской землей… Ее и предлагают вам спасать, товарищи…»

У Родзянко сдают нервы: «Мерзавцы! Мы жизнь сыновей отдаем своих, а это хамье думает, что земли пожалеем. Да будет она проклята, эта земля, на что она мне, если России не будет? Сволочь подлая. Хоть рубашку снимите, но Россию спасите».

Следующая группа революционных матросов прямо в лицо говорит Родзянко, что его «как "буржуа" нужно немедленно расстрелять». Если еще вчера столицей владел ужас перед приходом царских войск, то теперь главное чувство – это взаимная ненависть между элитой и бедной частью общества.

Зинаида Гиппиус пишет, что ее дом за дни революции стал «штаб-квартирой для знакомых и полузнакомых (иногда вовсе незнакомых) людей, плетущихся пешком в Думу» – они с Мережковским и Философовым всех обогревают, поят чаем, кормят. Еще утром 1 марта она была оптимистична – но к вечеру это проходит. В гости (погреться) из Думы приходит писатель Разумник Иванов, который с «полным ужасом и отвращением» рассказывает, что Петросовет – это «пугачевщина».

Впрочем, многие так же искренне ненавидят Родзянко. «Этого сукина сына я бы задушил своими руками, дворянское отродье! Камергер! Царский лакей, возжелавший сесть на престол своего барина! – пишет крестьянский поэт Николай Клюев. – Он так же будет душить крестьян, как душил его барин… Тяжела шапка Мономаха, но еще тяжелее упустить эту шапку».

Ощущая угрозу и конкуренцию со стороны Петросовета, члены Временного комитета поздно вечером 1 марта собираются втайне от социалистов, чтобы договориться о будущей форме правления. Все в один голос говорят, что монархия должна быть сохранена, но без Николая II. «Чрезвычайно важно, чтобы Николай II не был свергнут насильственно, – говорит Александр Гучков. – Только его добровольное отречение в пользу сына или брата могло бы обеспечить без больших потрясений прочное установление нового порядка». Члены тайного собрания решают, что Гучкову и Шульгину – самым убежденным монархистам – стоит отправиться к императору и убедить его отречься от престола в пользу сына.

Самый важный телефонный разговор в истории России

В 3 часа в ночь с 1 на 2 марта главнокомандующий Северным фронтом генерал Николай Рузский звонит председателю думы Михаилу Родзянко и говорит, что очень опечален тем, что тот не приехал. Приехать было невозможно, объясняет Родзянко, потому что подступы к столице заблокированы: полки Иванова взбунтовались – прямо в Луге вышли из вагонов и заняли пути.

Рузский говорит, что Николай II решился назначить Родзянко главой правительства и уже подготовил соответствующий манифест. Родзянко просит передать манифест немедленно и добавляет: «Очевидно, что Его Величество и вы не отдаете отчета в том, что здесь происходит». Он говорит, что бездействие императора привело к анархии, остановить которую уже не получается: солдаты деморализованы и убивают офицеров, ненависть к императрице дошла до предела, во избежание кровопролития почти всех министров пришлось заключить в Петропавловскую крепость. «Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, – говорит Родзянко. – То, что предлагается вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром».

Это значит, народ требует отречения в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Родзянко объясняет, что народ твердо намерен довести войну с режимом до победного конца. Далее он прямо перечисляет все ошибки Николая II и императрицы, все кадровые решения, Распутина, постоянные репрессии и «розыски несуществующей тогда еще революции», наконец, генерала Иванова – то есть все, что «отвратило Его Величество от народа».

Рузский отвечает, что Иванову император уже послал телеграмму с требованием ничего не предпринимать, и зачитывает проект манифеста: «Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы», император признает необходимым сформировать правительство, ответственное перед народом, во главе с Михаилом Родзянко «из лиц, пользующихся доверием всей России».

Рузский говорит, что сделал все, что ему подсказывало сердце, и все, что мог, «чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы» – приближается весна, а, значит, скоро надо будет идти в наступление.

«Вы, Николай Владимирович, истерзали в конец мое и так растерзанное сердце, – говорит Родзянко. – По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая лежит на мне огромная работа, но повторяю вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было выпустить после моей первой телеграммы немедленно; время упущено, возврата нет… Молю Бога, чтобы он дал сил удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройства умов, мыслей и чувств, хотя боюсь, как бы не было еще хуже».

Сердце Родзянко, действительно, растерзано. Он мечтал о том, чтобы император назначил его главой правительства, в душе ему все еще этого хочется, но умом он понимает, что назад дороги нет, только что он присутствовал на совещании, где было решено добиваться отречения.

Рузский ошарашен словами Родзянко и не может повесить трубку: «Михаил Владимирович, еще несколько слов… Всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что, если анархия, о которой вы говорите, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти, – подумайте что будет тогда с родиной нашей».

Родзянко, кажется, не очень понимает слов Рузского: «Не забудьте, что переворот может быть добровольный и безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет – я этого не допущу».

Поговорив с Родзянко, вымотанный Рузский приказывает отправить стенограмму разговора в Ставку и ложится спать.

По словам Родзянко, генерал Иванов не смог доехать до Царского Села. Но это неправда.

Еще в поезде, подъезжая к Царскому Селу, Иванов узнает новость, которой он меньше всего ожидал: Царскосельский гарнизон взбунтовался. В половине первого ночи получает телеграмму от императора: «До моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать». Эту телеграмму он показывает императрице, когда они встречаются ночью. Взвинченная Александра Федоровна просит его уехать из города, чтобы избежать кровопролития и не подвергать опасности ее и детей.

Генерал Иванов отдает приказ своим частям выступить в Вырицу и рассылает командующим фронтами телеграммы с просьбой скорее отправить эшелоны с подкреплением. Он не знает, что эшелонов не будет и приказы об их отправке уже отменены. Утром 2 марта император прикажет

развернуть все войска, вызванные в помощь Иванову для подавления восстания, и отправить их обратно на фронт.

Керенский на грани нервного срыва

В ночь с 1 на 2 марта, когда Рузский разговаривает с Родзянко, а генерал Иванов – с императрицей, Александр Керенский чувствует, что у него скоро будет нервный срыв из-за чудовищного напряжения предыдущих дней.

Причина стресса очевидна: Керенский отчаянно пытается быть своим и для либералов из Временного комитета Госдумы, и для социалистов из исполкома Петросовета. Он входит и туда и туда – и упивается той исключительной ролью, которая ему выпала. Однако есть одна проблема, которую он не может преодолеть: его товарищи из Думы все дальше расходятся с его товарищами из Петросовета. И этой ночью он осознает, что больше не может сидеть на двух стульях, нужно выбирать.

Он не хочет оставаться за бортом Временного правительства, тем более что ему предлагают пост министра юстиции. Но Петросовет настаивает: товарищ по Думе Николай Чхеидзе отказался от министерского поста, не раздумывая. Керенский обязан поступить так же, чтобы не потерять авторитет в глазах рабочих и солдат, эсеров и меньшевиков. Эта дилемма сводит Керенского с ума. Так ничего не решив, он отправляется домой.

«Было странно идти по знакомым улицам без привычного сопровождения агентов секретной полиции, – вспоминает Керенский, – проходить мимо часовых и видеть дым и языки пламени, все еще вырывающиеся из здания жандармерии, где меня допрашивали в 1905 году».

Пролежав в постели два или три часа в полубессознательном состоянии, он внезапно придумывает выход – постараться усидеть на двух стульях, согласиться на пост в правительстве и отстоять это решение на заседании Петросовета. Он звонит Милюкову прямо среди ночи и сообщает радостную новость.

Утром Керенский идет в Думу. Он приходит к членам исполкома, они «встречают его с кислыми лицами». Керенский сообщает, что решил стать министром. Они начинают отговаривать, но он уже придумал, как преодолеть их сопротивление. Он выходит в соседнюю комнату, где вовсю идет заседание самого Петросовета, похожее на непрерывный митинг. Просит слова, залезает на стол (иначе его никто не увидит и не услышит). И произносит пламенную речь о том, что решился стать представителем

рабочих и солдат в новом правительстве, – и просит одобрить его выбор. Простые рабочие устраивают своему любимцу Керенскому овацию. Опытные революционеры из исполкома в бешенстве: Керенский обманул их, наплевав на решение бойкотировать Временное правительство либералов. Но сделать ничего не могут.

«Никаких этикетов»

В тот момент, когда Рузский и Родзянко ведут ночной телефонный разговор, царь спит. Первым с текстом стенограммы знакомится Алексеев в Могилеве. Он требует немедленно разбудить императора – «всякие этикеты должны быть отброшены» – и сообщить ему о словах Родзянко: «Выбора нет, отречение должно состояться». Алексеев верит мифу из «Известий комитета журналистов», что Царское Село в руках восставших и, если император не согласится, его детей могут убить, после чего начнется гражданская война и Россия погибнет под ударом Германии.

Однако Алексееву сообщают, что император только что уснул и встанет не раньше чем через полчаса. Тогда он берет инициативу в свои руки и к 3 часам собирает телеграммы от Эверта, Брусилова и даже великого князя Николая Николаевича – трех главнокомандующих фронтами на войне. Все они, включая дядю, умоляют императора отречься. Генералы преследуют одну цель – продолжить войну любой ценой. Для них страшнее всего анархия в армии. Они уверены, что после отречения ненавистного всем царя войну можно будет успешно продолжить – и победить. Некоторые из них поймут, что ошибались, уже на следующий день.

Выбор Керенского

Утром 2 марта Павел Милюков выступает в Екатерининском зале Таврического дворца перед рабочими, солдатами и толкущимися здесь же случайными прохожими. Он рассказывает, что ночью Временный комитет принял решение сформировать Временное правительство. 58-летний интеллигентный профессор с негромким голосом и старомосковским выговором – далеко не самый яркий оратор, никакого сравнения с молодым Керенским. Милюков не чувствует толпу и не умеет говорить то, что она хочет слышать. Он зачитывает по бумажке состав Временного правительства, а потом говорит, что Николай II больше не будет императором, его сменит его маленький сын, великий князь Михаил будет регентом, а в России будет установлена конституционная монархия. Это совсем не то, что хотят слышать собравшиеся, – речь Милюкова тонет в возгласах негодования.

«Кто вас выбрал?» – ядовито спрашивают из толпы. «Нас выбрала русская революция!» – патетически отвечает Милюков. Спешно собирается исполком Петросовета, товарищи допрашивают Керенского, почему он скрыл от них, что депутаты хотят сохранить монархию и сделать великого князя Михаила регентом? Для социалистов это означает полный откат к старым порядкам, они намерены установить республику и боятся сговора Думы со старой элитой.

Керенский пытается убедить товарищей, что он ничего не знает и, скорее всего, для беспокойства нет повода. Он, конечно, врет: ему известно все, что обсуждается во Временном комитете, а также то, что думские эмиссары Гучков и Шульгин собираются ехать в Псков добиваться отречения. Его недавние товарищи-социалисты видят, что Керенский с ними неискренен, и заявляют, что отправят собственную делегацию в Псков или в крайнем случае помешают думской.

Керенский уходит с четким пониманием, на чьей он стороне. Он ощущает себя членом нового правительства, для которого бунтари из Петросовета – явная угроза. Ему надо бороться с ними и приложить все усилия, чтобы к царю отправились Гучков и Шульгин, а представители социалистов остались бы в столице.

Первое отречение

Утром в Пскове император читает запись ночного разговора Рузского и Родзянко. Впервые ему предлагают отречься от престола. Эта мысль Николаю II вовсе не кажется неприемлемой.

Накануне он куда более болезненно воспринял предложение назначить правительство народного доверия: идея ограничить собственную власть всегда казалась Николаю преступной. С детства, от отца и от Победоносцева, он усвоил, что самодержец несет ответственность за всю Россию перед Богом. Принять конституцию означает нарушить клятву, данную во время коронации. Не имея возможности влиять на ситуацию в стране, он по-прежнему будет отвечать перед Богом. Он, а вовсе не члены правительства! Клятва перед Богом Николаю гораздо важнее и понятнее, чем идея конституционной монархии. Не менее догматично относится к самодержавию и его жена, для которой принятие конституции – это преступление против ее сына, попытка украсть у него то, что принадлежит ему по праву рождения. Парадоксально, но отречение от престола для Николая вовсе не так страшно. Оставляя трон, он снимает с себя ответственность, а значит, никакого преступления перед Богом не совершает.

В час дня, прогуливаясь по перрону Псковского вокзала, царь говорит Рузскому, что всерьез подумывает об отречении. Час спустя приходят телеграммы от командующих фронтами, которые уже собрал Алексеев. Рузский приносит их царю – они не оставляют сомнений. Николай II приказывает написать манифест, в котором он передает престол сыну, а регентом назначает своего брата Михаила. Этот манифест следует немедленно разослать в Петроград, председателю Думы Михаилу Родзянко, и в Могилев, начальнику штаба Михаилу Алексееву.

В 3 часа Рузский выходит от царя с подписанным текстом, но его останавливает царская свита. Дворцовый комендант Воейков, министр двора Фредерикс и остальные сопровождающие царя совершенно не готовы к такой новости. Они шокированы легкостью, с которой царь отрекся («Как можно отдать престол, как будто передаешь эскадрон?» – говорит один из генералов.) «Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? Первый – Николаша…» – объясняет царь Воейкову свой поступок.

Но Воейков просит генерала не отправлять телеграммы, а подождать.

Он знает, что из Петрограда едут эмиссары Думы Гучков и Шульгин. Комендант считает, что это шанс все отыграть назад – представители Думы наверняка будут сговорчивее, чем Рузский, и не станут требовать отречения.

Император тем временем размышляет, что будет делать дальше: до окончания войны уедет за границу, потом вернется, поселится в Крыму и будет воспитывать сына. Ему говорят, что такой возможности у него может не быть. Мысль о разлуке с сыном очень впечатляет его – и он обращается к семейному врачу Сергею Федорову: «Какова вероятность, что наследник выздоровеет?» – спрашивает Николай. Врач отвечает, что шансов нет, современной науке неизвестны случаи излечения от гемофилии. Тогда император начинает думать, что отречение в пользу сына – ошибка.

Второе отречение

Тем временем Гучков и Шульгин едут в Псков. Им то и дело приходится останавливаться на станциях и выступать перед собравшимися толпами. В какой-то момент депутатам сообщают, что по телефону с ними хочет поговорить генерал Иванов. К их удивлению, он начинает жаловаться: мол, ему было приказано усмирить бунт, он должен был подождать две дивизии, которые были сняты с фронта и направлялись в его распоряжение… Но потом два батальона, которые у него были, перестали повиноваться, и теперь Иванов хочет встретиться с депутатами, чтобы посоветоваться (они уклоняются от встречи).

Гучков и Шульгин добираются до Пскова к 10 часам вечера в тяжелейшем нервном переутомлении: после нескольких ночей без сна у Шульгина сильные головные боли. Тем не менее их сразу проводят к императору. Гучков максимально уважительно начинает рассказывать Николаю II о ситуации в столице. По его словам, никто восстание не планировал и не готовил, оно вспыхнуло стихийно и превратилось в анархию. Отправка войск с фронта обречена на неудачу. Единственная мера, которая может спасти положение, – это отречение в пользу цесаревича при регентстве великого князя Михаила.

Шульгин описывает происходящее в Таврическом дворце и попытки Думы поддерживать порядок, спасать арестованных от самосуда, и добавляет, что для борьбы с «левыми элементами» Думе нужна помощь. Когда Гучков говорит, что у царя есть 24 часа на размышление, тот отвечает, что уже принял решение отречься в пользу сына. Но теперь, понимая, что он не может согласиться на разлуку с сыном, передумал – и отречется в пользу брата.

Воцаряется тишина. Участники разговора берут паузу – чтобы подумать. Выходя из поезда, Гучков говорит толпе любопытствующих: «Не беспокойтесь, господа. Император согласился на большее, чем мы ожидали». Они с Шульгиным не надеялись, что их предприятие будет таким простым.

Уже потом все юристы скажут в один голос, что отречение в пользу брата, то есть за несовершеннолетнего сына, противоречит всем законам Российской империи, в первую очередь Акту о престолонаследии, подписанному императором Павлом I. Однако Гучкову и Шульгину не до этого.

Наконец около 11 часов вечера Николай подписывает манифесты. Когда он доходит до того, чтобы назначить нового премьер-министра, то почти безразлично спрашивает: «Кого вы думаете?» «Князя Львова…» – говорит Шульгин. «Ах, Львов? Хорошо – Львова…» – и подписывает бумаги. Верховным главнокомандующим опять назначается великий князь Николай Николаевич.

Новая юстиция

Тем временем в Петрограде новые власти пытаются начать новую политику. Министр юстиции Александр Керенский рассылает телеграммы прокурорам всей страны: освободить всех политических заключенных и передать им поздравления от имени нового правительства. Отдельно: немедленно освободить Бабушку Екатерину Брешко-Брешковскую и пятерых депутатов от социал-демократов, которых в 1915 году сослали в Сибирь.

Уже на следующий день Бабушка, которая живет в Ачинске, получит официальное уведомление об освобождении. «При вести о свержении старого режима все местные чиновники испарились, – вспоминает она. – Никто не кричал на нас. Некому было отдавать честь. Некого было бояться. На одной из станций я встретила высоченного человека, который поклонился мне и сказал приглушенным голосом:

– Это правда?

– Похоже на то. А кто вы такой? – спросила я по сибирскому обычаю.

– Я – жандарм, который вез вас в Минусинск.

– И что вы теперь собираетесь делать?

– Пойду воевать. Мы, жандармы, постоянно просили, чтобы нас отправили на фронт, но нам всегда отказывали.

Он был последним представителем царской бюрократии, которого я встретила. Они расползались прочь, как жалкие, побитые псы, чтобы переждать, пока утихнет буря», – пишет Брешко-Брешковская.

По мере того как заключенных старого режима отпускают, появляются узники новой власти. «Были освобождены все тюрьмы и Сибирь от политических преступников, пострадавших при помазанниках; предполагается заменить их новыми, более современными», – иронизирует в своем дневнике художник Казимир Малевич.

В течение дня под стражу берут самых одиозных представителей царского правительства: бывшего военного министра Сухомлинова, бывших премьеров Штюрмера и Горемыкина, бывшего министра внутренних дел Маклакова, а также Дубровина, главу Союза русского народа.

2 марта арестантов становится так много, а средств, чтобы защитить их от самосуда, – так мало, что Керенский решает перевести всех задержанных в Петропавловскую крепость. Для многих министров арест –

это спасение от смерти. Военный министр Беляев сам просит у Временного правительства защиты после того, как вооруженная толпа врывается в его квартиру и громит ее. Ему отвечают, что безопаснее всего будет в Петропавловской крепости. На следующий день Бубликову звонит бывший премьер-министр Трепов и прямо просит его арестовать. Тот хохочет в ответ – но посылает отряд, чтобы Трепова отвезли в крепость.

«Царь на Руси необходим»

Поздним вечером новое правительство, которое еще не закончило заседание в Таврическом дворце, получает известие от Гучкова и Шульгина. Керенский вспоминает, что первым тишину нарушает Родзянко, который говорит, что вступление на престол великого князя Михаила невозможно: он никогда не проявлял интереса к государственным делам, состоит в неравном браке, был выслан из страны на несколько лет и так далее. Это чисто дворцовые аргументы, точно так же думают многие члены царской семьи. Керенский собирается перебить его, сказав, что на этой стадии революции неприемлем любой новый царь. Но слово берет Милюков. Он начинает доказывать, что «царь на Руси необходим, Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем Думе следует утихомирить бушующую бурю».

На часах уже утро, и заседание прерывают. Керенский хочет воспользоваться паузой, чтобы предотвратить публикацию царского манифеста об отречении в пользу брата. Родзянко едет в дом военного министра, чтобы связаться с Алексеевым. Тот сообщает, что манифест уже начали распространять на фронте и многие части успели присягнуть императору Михаилу II. Родзянко просит немедленно прекратить этот процесс.

Алексеев интересуется, почему он не может обнародовать приказ императора. Родзянко начинает уклончиво объяснять, что с воцарением цесаревича столичная общественность еще помирилась бы, но воцарение великого князя Михаила абсолютно неприемлемо.

Этот разговор ошеломляет Алексеева. Он в ужасе от того, что поверил Родзянко и убедил царя отречься: «Я никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, что пошел за ними и что послал телеграмму об отречении императора главнокомандующим», – говорит он своему подчиненному.

Родзянко связывается с Рузским и также просит его не распространять пока манифест об отречении. «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел, – совсем уже врет глава Временного комитета, чтобы как-то аргументировать свою просьбу. – Только слышно было в толпе – "долой династию", "долой Романовых"». Ничего подобного за последние сутки, конечно, не было.

Михаил II

В 6 часов утра Родзянко возвращается обратно. Члены Временного правительства задумываются о том, чтобы связаться с великим князем Михаилом, который еще не знает, что за ночь он стал императором. Он по-прежнему живет в Петрограде – но уже не в Зимнем дворце, а в особняке у княгини Путятиной, на улице Миллионной.

Когда делегация членов правительства приезжает туда, чтобы встретиться с ним, великий князь встречает их словами: «А что, хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно! А?» – «Да, ваше высочество, очень спокойно править, соблюдая конституцию», – улыбается в ответ Милюков.

Родзянко и Львов излагают позицию большинства: великий князь, по их мнению, должен отказаться от престола. Потом слово берет Милюков и, к удивлению собравшихся, начинает длинную и цветистую речь, в которой убеждает великого князя занять трон. Он говорит, и говорит, и никак не может закончить, чем ужасно раздражает великого князя.

На самом деле Милюков просто рассчитывает, что с минуты на минуту должны появиться приехавшие из Пскова Гучков и Шульгин, которые поддержат его и, возможно, передадут великому князю личное послание от брата, после которого он не осмелится отречься. Но те никак не появляются – и Милюкову приходится тянуть время.

Дело в том, что эмиссаров Временного правительства на вокзале задержала толпа. Узнав, что они привезли манифест об отречении в пользу брата, разгневанные рабочие задерживают Гучкова и Шульгина и даже хотят отобрать акт отречения и уничтожить. Смена царя их совершенно не устраивает, они хотят ликвидации монархии. Скомканный оригинал акта в кармане выносит из здания вокзала помощник Бубликова Юрий Ломоносов. Впрочем, арест Гучкова и Шульгина длится недолго. За них вступаются те же рабочие: «Мы же сами их пригласили… Они доверились – и пришли к нам… А вы – что? "Двери на запор"? Угрожаете? Так я вам скажу, товарищи, что вы хуже старого режима…» – вспоминает Ломоносов.

Шульгин и Гучков появляются в доме на Миллионной улице к концу речи Милюкова и только успевают выразить ему поддержку, но сразу после этого берет слово Керенский: «Умоляю вас во имя России принести эту жертву!.. Потому что с другой стороны… я не вправе скрыть здесь, каким

опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол… Во всяком случае… я не ручаюсь за жизнь вашего высочества».

Михаил отлучается со Львовым и Родзянко в другую комнату. Вернувшись, он сообщает, что готов принять трон только по просьбе Учредительного собрания, когда его созовет Временное правительство. С этого момента Россия де-факто становится республикой.

В прихожей сидит вызванный специально профессор права Владимир Набоков, отец в будущем всемирно известного писателя, которого князь Львов просит составить акт отречения. Он долго думает, как подписать его манифест: великим князем Михаилом Александровичем или императором Михаилом. В итоге выбирают первое. Через полчаса по всему городу клеят плакаты: «Николай отрекся в пользу Михаила. Михаил отрекся в пользу народа».

«Бог знает, кто его надоумил подписать такую гадость», – записывает бывший император Николай про решение брата.

Россия без царя

Новость о том, что царя больше нет, вызывает восторг у вчерашних подданных: на Зимнем дворце поднят красный флаг, по всему Невскому проспекту снимают геральдических орлов, украшавших магазины и аптеки «Поставщиков Высочайшего Двора».

Помимо красных ленточек, которые прикалывают к груди бывшие подданные, а теперь граждане, второй символ перемен – семечки. Свободно гуляющие по улицам городов солдаты и рабочие беспрерывно грызут семечки. Городовых, следящих за порядком, больше нет, улицы не убираются, поэтому тротуар под ногами прохожих густо устлан шелухой.

Зинаида Гиппиус, которая еще вчера боялась Петросовета, сегодня ликует: она машет красной тряпкой проходящим под ее балконом демонстрациям и бросает митингующим красные ленты и цветы. Она и Философов в восторге от Керенского и связывают с ним все свои надежды: Керенский «оказался живым воплощением революционного и государственного пафоса. Обдумывать некогда. Надо действовать по интуиции. И каждый раз у него интуиция гениальна».

«Точно никогда никто в России не царствовал, – удивляется стремительной перемене художник Александр Бенуа. – Все принимают известие об его задержании, об его аресте как нечто давно ожиданное и естественное».

По словам Палеолога, вокруг царской семьи моментально образовалась абсолютная пустота: «Произошло всеобщее бегство придворных, всех этих высших офицеров и сановников, которые в ослепительной пышности церемоний и шествий выступали в качестве прирожденных стражей трона и присяжных защитников императорского величества». В ответ на это ему отвечают на одном званом обеде, что это не двор предал императора, а император предал и семью, и двор, и весь русский народ.

Впрочем, из общего правила есть единичные исключения. Сергей Зубатов, создатель первых российских профсоюзов и системы политического сыска, оклеветанный, репрессированный и находящийся в опале уже 14 лет, услышав от жены новость об отречении, выходит из комнаты и стреляется.

«В них сидит какой-то микроб»

Утром 3 марта дядя царя, великий князь Павел, приходит к императрице, которая по-прежнему одета в платье сестры милосердия и ухаживает за детьми.

17-летняя великая княжна Мария, последний здоровый ребенок, теперь тоже заболела и лежит в очень тяжелом состоянии, с температурой 40. Никто до великого князя еще не решился сообщить семье об отречении Николая II.

У Павла есть все основания ненавидеть Александру – 15 лет назад она жестче всех отреагировала на его тайную свадьбу, настаивала на его изгнании, противилась тому, чтобы его вторую жену пустили на родину и приняли при дворе. Именно императрица приказала арестовать его сына Дмитрия и настояла на его ссылке в Персию, которую все считали равносильной смертной казни. Однако великий князь, так пострадавший от нрава императрицы, оказывается единственным родственником, навестившим ее в дни революции.

«Великий князь тихо вошел к ней и припал долгим поцелуем к ее руке, будучи не в силах произнести ни слова. Сердце его готово было разорваться», – вспоминает его жена, Ольга Палей, которую императрица так и не приняла. – "Милая Алиса, – сказал наконец князь, – я хотел быть рядом с тобой в такую тяжелую для тебя минуту…"»

Императрица поначалу не верит известию. После разговора с великим князем Александра прибегает в свой кабинет – Лили Ден приходится схватить ее, чтобы она не упала. Опираясь на письменный стол, Александра повторяет: «Abdiqué»[119]. «Мой бедный дорогой страдает совсем один… Боже, как он должен страдать!» – рыдает она.

После этого с каждым днем положение усложняется. От императора нет никаких вестей, телеграммы Александры мужу с просьбой приехать как можно скорее возвращаются с телеграфа с надписью синим карандашом: «Местопребывание адресата неизвестно».

Лили Ден советует императрице сжечь дневники и письма, чтобы они не достались революционерам. В течение следующих трех дней они жгут все, что царица бережно хранила годами. Не понимая, где ее муж, Александра пишет письма, комкает и отдает еще не сбежавшим из Царского Села придворным, которых посылает разыскать его.

«Дума и революционеры – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут

друг другу головы, – это спасло бы положение, – пишет она в одном из писем. – Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает. Какое яркое солнце сегодня, только бы ты был здесь! Одно плохо, что даже Экипаж покинул нас сегодня вечером – они совершенно ничего не понимают, в них сидит какой-то микроб». Революция по-прежнему кажется Александре чем-то противоестественным, даже сверхъестественным.

Прощание императора

Подписав отречение, Николай возвращается в Ставку. Это вызывает очень нервную реакцию в Петрограде – там боятся, что бывший император попытается собрать вокруг себя верные ему войска и начать контрреволюцию. Однако мысли Николая далеко – он отправляет телеграмму матери, императрице Марии Федоровне, которая живет в Киеве, с просьбой приехать к нему в Могилев.

На второй день он вызывает Алексеева и говорит ему, что передумал и хочет отречься в пользу сына. Он протягивает начальнику штаба соответствующую телеграмму, адресованную Временному правительству. Алексеев вежливо, но твердо отказывается ее отправлять, объясняя, что они оба будут выглядеть смешно. Николай II некоторое время мнется в нерешительности, а потом просит Алексеева все же отправить телеграмму и уходит.

Вместо телеграммы Алексеев передает в Петроград пожелание императора, чтобы ему разрешили вернуться в Царское Село, дождаться там выздоровления детей, затем доехать до Мурманска и уплыть в Англию. Правительство принимает все три пункта.

Английский посол Бьюкенен сообщает Милюкову, что король Георг V согласен предоставить своему двоюродному брату и его семье убежище, при условии что их содержание возьмет на себя российское Временное правительство.

Министр юстиции Керенский приезжает в Москву – выступая перед толпой, он отвечает на вопрос, что будет с Николаем Романовым: «До сих пор русская революция протекала бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Маратом русской революции я никогда не буду. В самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Но в Петросовете идут другие разговоры. Присутствующие там большевики (в первую очередь Вячеслав Молотов, будущий сталинский министр иностранных дел) требуют немедленно арестовать царскую семью. Временное правительство тянет с решением, но 7 марта сдается и санкционирует арест царской семьи. Это первый приказ, который приходится подготовить новому управляющему делами Временного правительства Владимиру Набокову.

В Могилеве император общается не с окружающими его офицерами, а

с матерью и другом детства Сандро, которые специально приехали из Киева поддержать его в трудную минуту. Вечером 7 марта из Петрограда приезжают комиссары во главе с Бубликовым – арестовывать Николая. Бывший император произносит речь перед войсками: «Кто думает теперь о мире, кто желает его, – тот изменник отечества. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу великую родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу». Начальник штаба Алексеев, как и многие другие, плачет, кто-то падает в обморок.

В тот же вечер новый командующий Петроградским гарнизоном генерал Лавр Корнилов приезжает в Царское Село, чтобы сообщить императрице, что она арестована.

Военная развязка

Отречение царя приветствуют все сословия российского общества, включая дворянство и духовенство. «Свершилась воля Божия, – сообщается в официальном заявлении церкви. – Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства». («Жалкое послание Синода. Покоряйтеся, мол, чада, ибо "всякая власть от Бога"…» – иронизирует Зинаида Гиппиус.)

Только среди офицеров заметно недовольство, и то немного. Генерал Деникин вспоминает, что ему известны лишь два случая, когда представители высшего офицерства предлагают себя и свои войска в распоряжение императора. Граф Федор Келлер и Хан Гусейн Нахичеванский отправляют Николаю II телеграммы, в которых просят воспользоваться их частями и направить их в Петроград для подавления революции. Император их услугами не пользуется. Впрочем, не факт, что их солдаты проявили бы такую же лояльность старому режиму.

Граф Келлер отказывается присягать Временному правительству, и уговорить его одуматься приезжает Густав Маннергейм, будущий первый президент независимой Финляндии, а в тот момент генерал царской армии. Келлер уходит в отставку.

Хан Нахичеванский – единственный, кто пытается организовать сопротивление Временному правительству. Вместе с князем Юсуповым-старшим, отцом убийцы Распутина, они собираются в Харькове, где ждут великого князя Николая Николаевича, назначенного Верховным главнокомандующим. Тот едет из Тифлиса в Ставку как раз через Харьков. Юсупов и Нахичеванский встречают его на вокзале и просят остаться в Харькове, чтобы возглавить борьбу против Временного правительства. Великий князь долго советуется со своим братом Петюшей, генералом Янушкевичем и остальными приближенными, но в итоге решает продолжить движение в Ставку.

Он прибывает в Могилев 10 марта и даже приносит присягу Верховного главнокомандующего – но это последнее, что он успевает сделать. Сразу после этого он получает телеграмму от премьер-министра Львова, который просит немедленно подать в отставку ради спокойствия в обществе. Публика Петрограда, особенно члены Петросовета, возмущены тем, что главнокомандующим назначен Романов. И хотя на фронте великий

князь по-прежнему пользуется огромным авторитетом, поразмыслив, он выполняет просьбу премьер-министра и передает свой пост генералу Алексееву. После чего уезжает в Крым.

Толстовская власть

На одном из первых заседаний Временного правительства министр юстиции Керенский выступает с короткой речью: он предлагает отменить смертную казнь. Василий Шульгин, который не является членом правительства, но приглашен на заседание как гость, задает вопрос: «Александр Федорович, предлагая отмену смертной казни, Вы имеете в виду вообще всех? Вы понимаете, о чем я говорю?»

Шульгин, конечно, имеет в виду семью Романовых. «Понимаю и отвечаю: да, всех», – говорит Керенский. Смертную казнь отменяют единогласно.

В условиях войны и революции, когда человеческая жизнь почти ничего не стоит, это – знаковое решение. Неподалеку от столицы продолжается восстание Балтийского флота: бунтуют Кронштадт, Хельсинки и Таллин. Десятки офицеров убиты, в том числе командующий Балтийским флотом адмирал Адриан Непенин, первым из царских военачальников признавший Временное правительство. Ему всадили нож в спину, когда он шел на встречу с комиссарами, прибывшими из Петрограда.

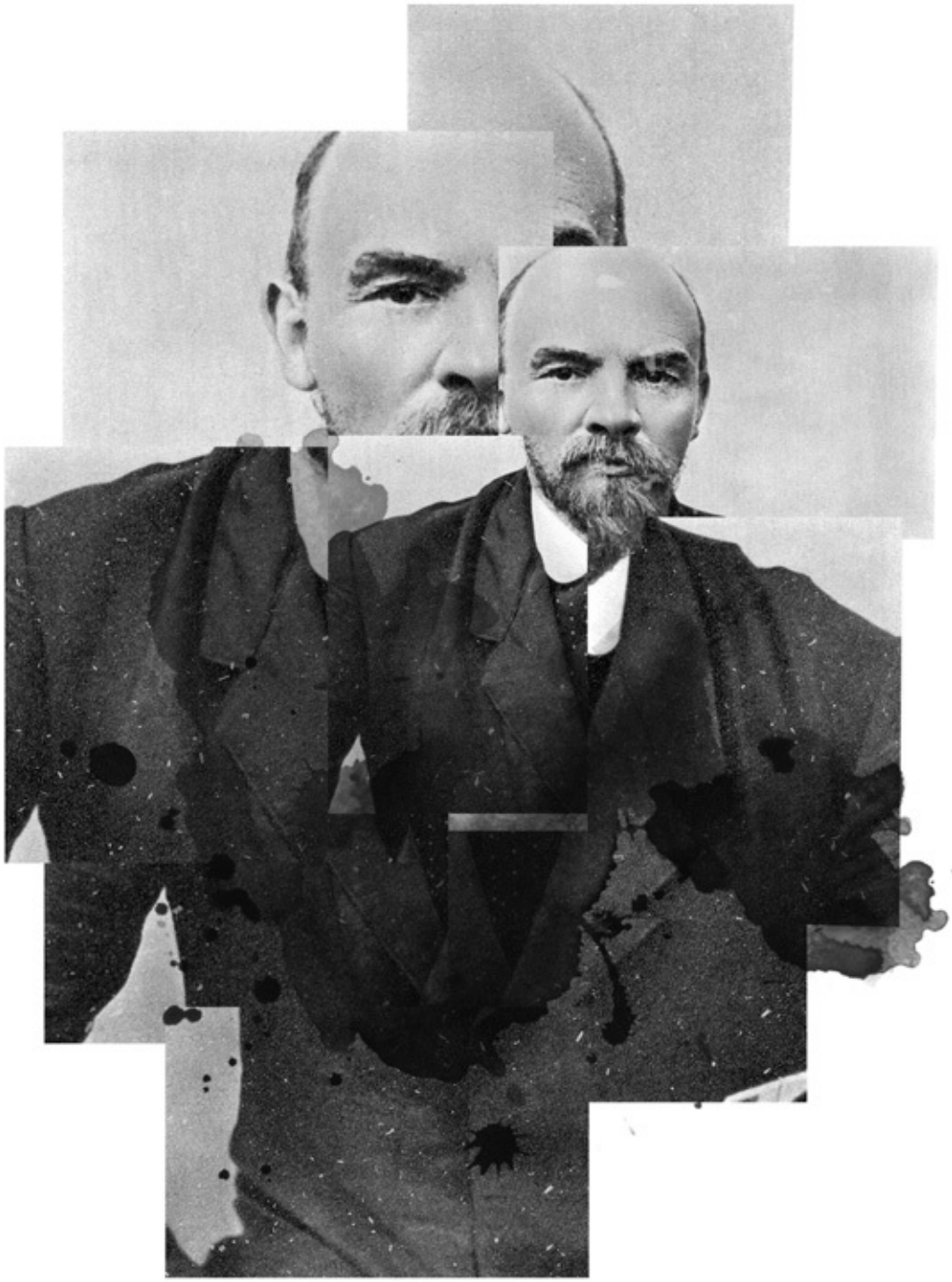
Непротивление злу насилием – это естественный принцип нового правительства, которое возглавляет толстовец князь Львов. «Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет, – телеграфирует премьер-министр в регионы через несколько дней после начала работы. – В местах выберут. Такие вопросы должны решаться не из центра, а самим населением».

«Слушая Львова, я впервые осознал, что его великая сила проистекала из веры в простого человека, она напоминала веру Кутузова в простого солдата, – вспоминает Керенский. – Нам действительно не оставалось ничего другого, кроме веры в народ, терпения и отнюдь не героического понимания того, что назад у нас дороги нет».

17 марта Временное правительство объявляет программу беспрецедентных и самых радикальных реформ, которые еще вчера невозможно было представить: гарантия свободы печати и собраний, общая амнистия, немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, формирование отрядов народной милиции взамен полиции, которую Временное правительство решает распустить.

Так Россия первой в мире запрещает смертную казнь и одной из

первых – дает избирательное право женщинам[120]. Ни в Великобритании, ни во Франции, ни в США ничего подобного в этот момент нет. Из отсталой в правовом смысле империи Россия в один момент превращается в страну с самым гуманным и демократическим законодательством в мире.



Глава 13
В которой Ираклий Церетели пытается превратить Россию в парламентскую демократию, а Владимир Ленин мешает ему это сделать

Выбраться из Швейцарии

«Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции», – говорит группе молодых швейцарских марксистов 46-летний эмигрант из России. На дворе начало января 1917 года, до революции в России остается чуть больше месяца.

Этот человек живет за границей уже почти 11 лет. Обычно он подписывается псевдонимом Николай Ленин. Он лидер большевиков, за последние 17 лет сменил множество имен, был Ильиным, Петровым, Фреем. Он по-прежнему фанатично уверен, что его работа не напрасна и мировая революция рано или поздно случится. Правда, Владимир Ульянов (это его настоящее имя) морально подготовил себя к тому, что так и не станет свидетелем этого триумфа.

Политические эмигранты, много лет живущие во Франции, Германии, Швейцарии, совершенно оторваны от происходящего на родине, они уже давно не понимают, о чем говорят и о чем думают дома. Русская эмиграция превратилась в секту, даже в несколько небольших, враждующих между собой сект. Они в душе ненавидят всех, кто остался в России, и называют их предателями или соглашателями. Почти все политэмигранты считают, что только они – истинные носители идей русской революции, только они настоящие, а все остальные – подделка. Впрочем, это мессианство служит естественной психологической защитой, способом убедить себя в том, что бедная и унылая жизнь в скучной европейской глубинке – это высокая жертва. Ленин успешней других проделал этот самогипноз.

После полутора десятилетий в Швейцарии он уже не ощущает себя российским политиком, его постоянные противники по дискуссии – это швейцарские или немецкие марксисты. О событиях в России Ульянов знает мало и не очень интересуется ими. Его главные собеседники, с которыми он состоит в постоянной переписке, – Григорий Зиновьев и Инесса Арманд, они тоже живут в Швейцарии. 2 марта революционные события в России уже заканчиваются – царь отрекся, Временное правительство сформировано, – а Ульянов по-прежнему ничего не знает. Они с женой, Надеждой Крупской, обедают, когда к ним забегает сосед-поляк,

спрашивает, слышали ли они новости о революции в России. Они бегут на улицу к стенду с вывешенными газетами. В тот же день Ульянов пишет в Берн Зиновьеву, чтобы тот срочно приехал в Цюрих.

Революция в России преображает Ульянова. Он лихорадочно пытается анализировать политическую ситуацию, но все время ошибается: то пишет, что царь сбежал и готовит контрреволюцию, то, что революция – результат заговора англичан и французов. Еще не разобравшись в ситуации, он инструктирует подругу Александру Коллонтай, которой из Норвегии намного проще попасть в Петроград: «Никакой поддержки Временному правительству!»

Проблема русских социалистов, живущих в Швейцарии, в том, что оттуда невозможно выбраться: кругом воюющие страны. Эмигранты совершают невиданный поступок: собираются вместе, чтобы обсудить, как пробраться в Россию. Тон задает Юлий Мартов, ведь именно его товарищи по партии, меньшевики, руководят Петросоветом. Ульянов на эти совещания не ходит, но посылает туда Зиновьева.

Мартов предлагает ехать через Германию или Англию, причем второй путь сложнее, ведь большинство русских эмигрантов – пацифисты, что по законам военного времени преступление. Пару месяцев назад во Франции именно за антивоенные высказывания арестовали Льва Троцкого и выслали в Испанию, потом – в США.

Спокойно проехать морем через Англию (на пароходе до Швеции, а оттуда – поездом в Россию) могут только публично поддержавшие войну революционеры. Например, старый лидер марксистов Плеханов, который в одном из последних интервью призывал русских девушек не выходить замуж, пока их женихи-солдаты не вернутся с победой. Мартов и его товарищи смеются над «квасным патриотизмом» 60-летнего Плеханова. Смеются и завидуют, потому что сами попасть в Россию не могут.

Но и маршрут через Германию вызывает у товарищей Мартова большие сомнения. Впрочем, у главного меньшевика есть план: он рассчитывает на помощь влиятельных товарищей из России, в том числе Чхеидзе, меньшевика и председателя исполкома Петросовета. Мартов хочет, чтобы новое российское правительство обменяло немецких военнопленных, которые находятся на территории России, на группу революционеров, которые фактически сидят в плену в нейтральной Швейцарии. Мартов, конечно, опасается, что в суматохе новой жизни взявшие власть однопартийцы могли забыть своих товарищей-эмигрантов, но все же забрасывает их письмами. А также пишет Горькому, Короленко и другим известным знакомым с просьбой помочь приехать на родину.

Ульянов же понимает, что, в отличие от Мартова, у него высокопоставленных друзей на родине нет. В Петросовете есть, конечно, пара большевиков – но они не имеют вообще никакого влияния и помочь своему лидеру не могут.

Надежда Крупская вспоминает, что ее муж теряет сон. Он все время выдумывает какие-то планы побега из Швейцарии. Первый вариант – улететь на аэроплане – без документов практически невозможен. Второй – добыть (для себя и Зиновьева) паспорта шведов и проехать по ним. Правда, они с Зиновьевым не знают ни слова по-шведски, поэтому нужны паспорта глухонемых шведов. Ульянов не шутит – он даже посылает живущему в Стокгольме товарищу Якубу Ганецкому свою фотографию, чтоб тот нашел похожего глухонемого шведа. Крупская шутит над мужем: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед».

Еще Ульянов просит однопартийца Вячеслава Карпинского отдать ему свой паспорт и спрятаться в санатории в Альпах, но Карпинский отказывается. Наконец, четвертый план – это проезд через Германию. Ленин посылает другого товарища, Карла Радека, встретиться с немецким послом в Швейцарии. Радек передает послу условия Ленина: германское правительство пропускает всех желающих ехать, не спрашивая их фамилий. Проезжающие пользуются экстерриториальностью, никто по дороге не имеет права вступать с ними в переговоры. «Извините, кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию, – недоумевает посол. – Это мы имеем право ставить условия». Тем не менее он передает требования большевиков в Берлин.

Одновременно переговоры с немецким послом в Дании на ту же тему начинает Александр Парвус – бывший товарищ Троцкого по Петросовету 1905 года, друг большевиков, а одновременно – делец-авантюрист с обширными связями в Германии.

Вернуться из Сибири

Большая часть каторжников, сосланных царскими властями в Сибирь, узнает о революции в России не раньше, чем швейцарские эмигранты. В тот же день, 2 марта, когда Ленин с Крупской жадно читают газеты на стенде у озера, новость о революции доходит до Иркутска, столицы Восточной Сибири. На улицы высыпают толпы людей с красными флагами, начинаются митинги, произносятся речи. Атмосфера «живо напоминает день 18 октября 1905 года в Петербурге, – вспоминает один из ссыльных, – то же опьянение, та же неуверенность, та же смутная тревога. Но есть и существенное различие: на этот раз "войска с народом"».

Узнав о революции, 36-летний бывший депутат Госдумы Герасим Махарадзе бежит на вокзал – он торопится в село Усолье, чтобы рассказать о произошедшем своему другу Ираклию Церетели, самому известному политзаключенному в России. Они оба, Церетели и Махарадзе, были депутатами Второй думы от грузинского города Кутаиси, оба в 1907 году были обвинены Столыпиным в попытке государственного переворота, оба сосланы в Восточную Сибирь, за 6000 километров от Грузии.

Махарадзе быстро находит Церетели, на следующий день они вместе въезжают в город как победители. Иркутск – давняя столица русской ссылки. Здесь жили высланные в начале XIX века декабристы, высшие офицеры, мечтавшие превратить Россию в конституционную монархию. В начале XX века тут живут российские социал-демократы, мечтающие сделать Россию демократической республикой. До сих пор они, в том числе Церетели, собирались здесь нелегально, чтобы обсудить последние новости. 3 марта они собираются, чтобы создать Иркутский совет рабочих депутатов – новую революционную власть. Ираклий Церетели и другой ссыльный, эсер Абрам Гоц, родной брат покойного идеолога партии Михаила Гоца, выступают перед солдатами, их приветствуют криками «Да здравствует свободная Россия!» и «Да здравствуют свободные солдаты!».

Уже на следующий день Церетели приходится вмешаться в конфликт между иркутскими солдатами и офицерами. «Мы – сила», – говорят солдаты, отказываясь подчиняться офицерам. «Вы сила, – отвечает им ссыльный депутат, – поскольку вы выполняете волю народа. Но в тот момент, когда вы вздумаете свои желания ставить выше его воли, вы превратитесь в ничтожную кучку бунтовщиков». Его твердость производит на солдат впечатление, конфликт улажен.

Церетели проводит в Иркутске неделю, пока ситуация окончательно не стабилизируется. 10 марта он вместе с другими ссыльными садится в поезд, который отправляется в Петроград. Украшенный флагами и плакатами, «поезд членов Второй думы» идет со всеми остановками – почти на всех станциях пассажиры выступают перед местным населением.

Сам Церетели не выступает, он болеет и потому не выходит из купе, читает газеты и обдумывает план. Главное – договориться об объединении всех прежних оппозиционеров, оставить в прошлом все споры, чтобы вместе строить новую российскую демократию. Для этого, говорит Церетели соседям по купе, ему надо лично встретиться с Лениным – «объяснить ему пагубность для российской революции максималистских опытов и сговориться с ним о совместных действиях».

В это же время из Красноярска выезжает другая живая легенда, Бабушка Брешко-Брешковская. Ее больше всего поражает, что чиновники словно испарились – по всей стране их нет; но при этом всюду полнейший порядок: «люди пребывают в благоговейном настроении, будучи уверены, что на землю наконец пришла справедливость». Она, впрочем, в отличие от бывших депутатов, в Петроград совсем не торопится. Легендарную каторжанку везут целый месяц, как новую королеву, по всем крупнейшим городам от Красноярска до Петрограда, и тысячи людей выходят на встречу с Бабушкой русской революции.

Министерство искусств

В Петрограде тем временем многие ощущают, что появились невиданные раньше возможности, что сейчас нужно действовать – потому что есть шанс сделать то, о чем мечталось всю жизнь.

Утром 4 марта в доме художника Александра Бенуа раздается телефонный звонок. Это его коллега, Кузьма Петров-Водкин, зовет срочно идти к Горькому – там собираются представители творческой интеллигенции, чтобы выбрать своего кандидата в «министры искусств». По словам Петрова-Водкина, очевидный кандидат – Дягилев. Бенуа начинает обзванивать других друзей – они тоже полны энтузиазма. Художник Константин Сомов говорит, что, ввиду фактического упразднения министерства Двора, «необходимо предупредить другие партии и захватить власть!»

После обеда все собираются у Горького – народу очень много, маленькая гостиная забита под завязку. Бенуа вспоминает, что заседание получается бестолковое: Горький несколько раз повторяет, что «сами художники должны теперь взять в свои руки охрану музеев», его жена Мария Андреева взывает к Шаляпину (чтобы он «спас русский театр»), «гулко и грубо бранится громадный хулиган Маяковский в солдатской форме». В итоге выбирают делегатов (Бенуа, Горького, Шаляпина, Рериха и еще нескольких художников), которые на следующий день должны идти в Думу.

На обратном пути от Горького домой Бенуа поражается порядку в городе: «Довольно много патрулей вокруг горящих костров. Нигде никаких криков или ругани. Пьяных вовсе нет. Все носит какой-то неправдоподобный характер, точно сон. И вот опять спрашиваешь: неужто и впрямь русский народ так мудр и зрел?»

На следующий день звездная делегация идет в Думу – и обнаруживает там огромную толпу, через которую они чудом пробираются благодаря пропуску Горького. Проведя в переполненных приемных полдня, они при помощи каких-то служащих получают на руки постановление председателя Совета министров о создании специальной милиции для охраны памятников и музеев, которое «остается только подсунуть ему для подписи». Одновременно выясняется, что Временное правительство переехало в здание министерства внутренних дел. И всю делегацию везут туда – теперь «пропуском» становится Шаляпин, которого все узнают и с

которым все хотят познакомиться. Сначала к группе подходит молодой министр финансов Терещенко («Держит себя не как демократический министр, а как милостивый принц, – записывает Бенуа, – однако говорит совершенно осипшим голосом»). Оказывается, что у Терещенко тоже есть мечта – создать отдельное министерство искусства во главе с Дягилевым: «Надо его непременно выписать, выписывайте его скорее, Александр Николаевич!» – говорит он Бенуа.

Наконец делегация знакомится с главной звездой Временного правительства – Керенским, которого Бенуа сначала принимает за «чрезмерно усердствующего писаришку». Керенский отводит делегатов в соседнюю комнату и рассказывает, что он, министр юстиции, уже успел посетить Зимний дворец и Царское Село, выставил охрану и убедился, что Зимний совершенно не подходит для того, чтобы в нем заседало Учредительное собрание.

«Совершенно ясно, что этот человек уже много ночей совсем не спал, – вспоминает Бенуа. – После только что нами отведанной бездари и просто российской вялости Керенский производит необычайно возбуждающее впечатление, и определенно ощущается талант, сила воли и какая-то "бдительность". О да! Это прирожденный диктатор!»

Вскоре выясняется, что премьер-министр Львов все же подписал постановление о создании милиции по охране дворцов, но Керенский, который уже опередил эту милицию и обо всем позаботился, просто прячет постановление в карман. Он благодарит делегацию за поддержку, говорит, что ему очень важно опираться на таких авторитетных в области искусства людей, – и вдруг, не простившись, убегает из комнаты по срочному делу.

На следующий день в газетах выходит сообщение о создании Комиссии по вопросам искусства, в которую входят Горький, Бенуа, Петров-Водкин, Рерих, Шаляпин и другие знаменитости. Против «диктатуры» звезд немедленно выступают молодые художники и поэты. Они требуют проведения съезда деятелей искусств – он собирается в Михайловском театре 12 марта, председательствует профессор Владимир Набоков-старший. Больше всех бушуют театральный режиссер Всеволод Мейерхольд и молодой поэт Владимир Маяковский.

«Когда страна борется за демократический принцип, "цвет русского искусства" в обход вотума общего собрания идет к министру и остается на местах», – разоблачает коллег Мейерхольд. Маяковский требует созвать «Учредительный собор» деятелей искусств, а никакого «министерства искусств» не создавать.

Бенуа и Набоков уходят со съезда в смущении. Но все же Бенуа звонит

Елене Дягилевой, мачехе Сергея, чтобы выяснить его актуальный адрес – и срочно вызвать его «вернуться в Россию для общей работы» (вероятно, и для ее возглавления). Мачеха уверена, что Сергей, конечно, согласится, ведь перед ним раскрываются огромные возможности. Сам Бенуа говорит, что ему страшно за Дягилева: «Как бы снова не испить ему горькой чаши нашей бестолковщины и всяческих интриг!»

Да здравствует дубинушка

В марте 1917 года в Риме начинается новый сезон дягилевских «Русских балетов». Когда Игорь Стравинский приезжает из Швейцарии, вся команда уже в сборе: балетмейстер Леонид Мясин репетирует, Лев Бакст и Пабло Пикассо заканчивают работу над декорациями. В римской программе «Жар-птица» и «Фейерверк». Прежде перед всеми спектаклями оркестр исполнял русский гимн – но теперь Сергею Дягилеву приходит в голову, что «Боже, Царя храни!» уже неуместно. И он в отсутствие нового гимна решает, что оркестр должен сыграть «Эй, дубинушка, ухнем» – таков в представлении Дягилева гимн русской революции. Он требует от Стравинского, чтобы тот срочно написал оркестровку, – и тот дирижирует «Дубинушкой» на всех последующих выступлениях.

Получив телеграмму Бенуа, Дягилев раздумывает недолго – и отвечает отказом. Он заканчивает работу над новой грандиозной постановкой – балетом «Парад». Музыку к нему пишет Эрик Сати, а декорации делает Пикассо. Предыдущие сезоны были у Дягилева не слишком удачными – а от этой постановки он ожидает прорыва.

«Я слишком долго работал за границей и не хочу возвращаться в Россию – так вспоминает слова Дягилева ненавидящая его жена Вацлава Нижинского Ромола. – Меня могут спросить там, что мне нужно в этой стране, скажут, что я хочу воспользоваться преимуществами свободы, за которую людям приходилось бороться, что я усталый, старорежимный. Я не выжил бы в новой России и предпочитаю оставаться в Европе». Спустя некоторое время Бенуа согласится с другом: «Лучше пусть Сережа останется за пределами, в более благодатных странах, куда нам, пожалуй, придется эмигрировать, когда все здесь закиснет в маразме».

В России между тем тоже мучаются из-за отсутствия гимна – в театрах и на всех торжественных мероприятиях, как правило, играют «Марсельезу» – гимн Франции, который считается гимном революции вообще.

Русские композиторы рвутся написать новый гимн – его, не сговариваясь, сочиняют Александр Гречанинов, Александр Глазунов и Сергей Прокофьев. Гречанинов просит поэта Константина Бальмонта написать слова. И тот пишет такие стихи:

Да здравствует Россия, свободная страна!

Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!

Говорят, что свои версии текста пытаются написать Зинаида Гиппиус и Валерий Брюсов.

У новой страны пока нет никакой символики и никаких ритуалов. Первым из них должны стать торжественные похороны жертв революции – «празднество свободы». Петросовет всерьез обсуждает вопрос о том, что они должны быть похоронены на Дворцовой площади – более того, братская могила должна быть увенчана грандиозным монументом.

Члены Комиссии по делам искусств в ужасе. «Как бы стотысячная толпа, которую привлечет погребальное шествие, под влиянием каких-либо шалых демагогов не ринулась бы на самый дворец и заодно на Эрмитаж», – переживает Бенуа. Он просит Горького сходить в Петросовет и, употребив все свое влияние, предложить, например, площадь перед Казанским собором – то самое место, где так часто происходили столкновения с полицией при прежнем режиме. Петросовет настаивает на Дворцовой площади, ее даже начинают раскапывать.

Однако мешают мерзлая земля и трубы – в итоге решено провести торжественные похороны жертв революции на Марсовом поле. 23 марта по этому поводу устраивается грандиозное шествие, в котором участвует почти миллион человек («Два миллиона, – считает Гиппиус, – и никакой Ходынки не случилось»). То, что траурный митинг проходит без инцидентов, отмечают даже скептики, такие как французский посол Палеолог: «Бесчисленные толпы, которые медленно двигаются, эскортируя красные гробы, представляют зрелище необыкновенно величественное. И, еще усиливая трагический эффект, ежеминутно в крепости грохочет пушка. Искусство инсценировки врожденно у русских».

Без попов

Нерелигиозные похороны – большое потрясение для многих жителей столицы.

«Ни одного священника, ни одной иконы, ни одной молитвы, ни одного креста. Одна только песня: Рабочая Марсельеза, – поражается французский посол. – Вчера еще религия управляла всей публичной и частной жизнью; она постоянно врывалась в нее со своими великолепными церемониями. Всего несколько дней тому назад эти тысячи крестьян, солдат, рабочих, не могли пройти мимо малейшей иконы на улице без того, чтобы не остановиться, не снять фуражки и не осенить груди широким крестным знамением. А какой контраст сегодня!»

Отсутствие священников на церемонии обсуждает вся столица несколько дней. Конечно, это главная тема и на кухне Мережковских. Создательница собственной новой церкви Зинаида Гиппиус спрашивает у гостей: «Как же так, схоронили, со святыми упокой, вечной памяти даже не спели, зарыли – готово?»

«Почему вы так думаете, Зинаида Николаевна? – отвечает ей щупленький солдат Ваня Румянцев. – От каждого полка был хор, и спели все, и помолились как лучше не надо, по-товарищески. Попов не было, так на что их? Теперь эта сторона взяла, так они готовы идти, даже стремились. А другая бы взяла, они этих самых жертв на виселицу пошли бы провожать. Нет уж, не надо…» И Гиппиус немедленно с ним соглашается, вспоминая, что русская православная церковь запрещала молиться о Толстом, а Распутина отпевал сам петроградский митрополит.

Церковь действительно старается продемонстрировать лояльность новой власти. «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни, – объявляет Синод на третий день после отречения Николая II. – Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства».

Временное правительство усиленно разрабатывает новые ритуалы – особенно старается Керенский: «Больше красивых жестов», – требует он. Бенуа эта формулировка немного смущает, но он соглашается, что так надо. Очередной красивый жест новой власти – торжественный концерт в честь революции в Мариинском театре.

Члены Временного правительства и исполкома Петросовета сидят в

партере, а в центре всеобщего внимания – императорская ложа. В ней – «человек тридцать: старые мужчины, несколько старых дам, лица серьезные, худые, странно выразительные, незабываемые, удивленно озирающие публику. Это герои и героини терроризма, которые еще двадцать дней тому назад жили в ссылке в Сибири, в заключении, в Шлиссельбурге или в Петропавловской крепости», в том числе легендарные террористки из «Народной воли» Вера Засулич и Вера Фигнер.

«Я с ужасом думаю о всех физических страданиях и нравственных мучениях, перенесенных в молчании, погребенных забвением, которые представляет эта группа. Какой эпилог для "Записок" Кропоткина, для "Записок из Мертвого дома" Достоевского!» – умиляется французский посол.

Со сцены выступает министр юстиции Керенский, публика в восторге. Потом на сцену выходит 65-летняя Вера Фигнер. В 1881 году Вера Фигнер была одной из немногих участников «Народной воли», которым удалось избежать ареста после убийства Александра II. Два года спустя ее схватили, приговорили к смертной казни, которую потом заменили пожизненной каторгой. Но в 1906-м отпустили на лечение за границу, где она создала первую в истории России правозащитную организацию – Комитет помощи политкаторжанам (он, конечно, функционирует не в России, а в Париже). И вот теперь она на сцене Мариинского театра выступает от имени «бесчисленной армии всех тех, кто безвестно пожертвовал жизнью для настоящего торжества Революции, кто анонимно погиб в тюрьмах и на каторге в Сибири». «Шепот симпатии и благоговения проносится по залу; какая-то безмолвная овация», – вспоминает Палеолог. После ее речи играет похоронный марш, весь зал рыдает.

«Церетели не каждый день приезжает»

18 марта в Петросовете большой переполох – завтра должен прибыть «поезд Второй думы», в котором возвращаются из Сибири легендарные революционеры, лидеры эсеров и социал-демократов. Самый известный из них – Церетели. Депутаты готовят встречу: почетный караул из солдат и матросов на перроне, оркестр, официальная делегация от Петросовета. Некоторые сомневаются: может, не надо целый полк, ведь будет давка. «Ну, знаете, Церетели не каждый день приезжает!» – отвечает меньшевик Моисей Урицкий. Меньше чем через год Урицкий станет большевиком, будет отвечать за разгон Учредительного собрания и преследовать Церетели как глава Петроградского ЧК – карательного органа по борьбе с врагами нового режима.

Встреча проходит максимально торжественно. Впоследствии по ее образцу будут встречать и других «великих революционеров». Прибывших героев несут на руках на встречу с официальными лицами, затем тоже на руках несут на улицу, где те произносят речи перед рабочими, везут в Таврический дворец – там революционеры снова произносят речи.

Для Церетели возвращение в Таврический дворец – это символический момент. Здесь десять лет назад он выслушал обвинение в заговоре, после которого вместе с другими социал-демократами отправился в Сибирь. И вместо разогнанной Второй думы была избрана следующая, столыпинская, в которую вошли и Гучков, и Милюков, и Родзянко – сегодняшние триумфаторы, представители новой власти. Церетели произносит речь: он прощает своих прежних врагов (то есть кадетов и октябристов) и готов работать вместе с ними ради российской демократии.

«Мы больше, чем кто бы то ни был другой, знаем цену буржуазии. На наших костях, на склепе социал-демократов II Государственной думы, была возведена третьеиюньская IV Дума», – говорит он, и ему, мученику, зал, конечно, верит. Церетели убежден, что власть должна принадлежать Временному правительству, что необходима строгая дисциплина в рядах пролетариата, он фактически объявляет своей целью обуздать Петросовет и положить конец революционному хаосу. Церетели объясняет эту задачу именно с позиций марксиста: «не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата», эти «светлые идеалы будут осуществлены совместными усилиями всемирного пролетариата», а пока российский рабочий класс «рука об руку с прогрессивной буржуазией» должен

построить новое демократическое государство и «отстоять свободу от темных сил».

Наконец Церетели берет на себя смелость объявить о том, что «великий раскол» в рядах российских социал-демократов окончен: «Здесь перед вами не члены отдельных фракций, на которые когда-то делилась наша партия. Это было в годы мрачной реакции… тогда мы из-за мелочных разногласий восставали друг на друга в братоубийственной войне. Не такое время теперь. Перед вами представители социал-демократической фракции, объединившей большевиков и меньшевиков как единое целое».

В этот момент идеологи двух течений, Ленин и Мартов, тоже пытаются объединиться, чтобы вернуться в Россию. Они пока не знают, что многим своим товарищам уже не очень-то нужны.

В партии большевиков в этот момент тоже происходит переворот – вместе с другими ссыльными возвращаются из Сибири известные революционеры Лев Розенфельд и Иосиф Джугашвили. Их принимают в исполком Петросовета, и они немедленно рейдерски захватывают партийную газету «Правда», оттеснив всю прежнюю редакцию. Они подписываются псевдонимами Каменев и Сталин (у большевиков в моде брутальные, подчеркнуто рабочие псевдонимы: Сталин, Каменев, Молотов, Ломов).

Большевик Джугашвили, по словам одного из коллег, «производит впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно». Инициатор новой линии – Каменев, который отказывается от ленинской непримиримости и выступает в духе Церетели: в настоящий момент рабочим по пути с буржуазией и надо позаботиться об устойчивости новой демократии. Каменеву нетрудно договориться с Церетели – они знают друг друга со школы, Второй Тифлисской гимназии.

На первых ролях в Петросовете много грузин. В 1917 году это никого не смущает, сами грузины говорят, что являются патриотами России и не будут поднимать вопрос об автономии Грузии до созыва Учредительного собрания.

В духе всеобщего примирения высказывается и легендарная Бабушка, совершающая триумфальное турне по стране. Сначала она доезжает до Москвы, где ее встречает царский экипаж. На вокзале в Петрограде Брешко-Брешковскую ждет сам Керенский, ее везут в Думу, в Петросовет, всюду произносят торжественные речи. Керенский селит 73-летнюю Бабушку в своей квартире.

Бенуа, правда, считает, что торжества в честь каторжников через край: «На всем этом лег отпечаток густого пересола, так что эта самая "бабушка"

теперь испорчена навсегда». Бенуа имеет в виду, что из скромной бессребреницы, бродившей по деревням, Брешко-Брешковская превратится в живой музейный экспонат, который будут возить и оберегать. Возможно, так бы и произошло, если бы у Временного правительства и Керенского лично хватало бы времени и сил на пропаганду. Но до этого у новых властей руки не доходят – Бабушка просто живет на квартире у Керенского, абсолютно им очарованная, и превозносит его во всех публичных выступлениях.

«Кто наш спаситель? Керенский!»

Александра Керенского обожает не только старушка Брешко-Брешковская: начинается настоящее помешательство, в него влюблены, кажется, все женщины России, им восхищаются все мужчины, все поголовно считают его единоличным спасителем отечества. Удивительно, как в стране без телевидения и радио меньше чем за месяц с момента отречения царя разносится слух о супергерое – молодом министре юстиции.

Керенский будто летает – он успевает все, он бывает везде. В Петрограде говорят, что он единственный человек в новом правительстве, который постоянно работает. Иностранные журналисты поражены тем, что Керенский назначает интервью на 7 утра и, кажется, вообще не спит. Он выглядит чрезвычайно утомленным, что, однако, не мешает ему заражать своей энергией других.

«Мне очень захотелось быть в ближайшем контакте с ним. И ему я бы мог быть полезен», – записывает в дневнике после первой встречи с Керенским Александр Бенуа. «Какой единодушный восторг вызвало его появление, – вспоминает публичное выступление Керенского Екатерина Пешкова. – И такая радость и счастье его слушать и сознавать, что в наши дни есть такой человек». «Кто наш спаситель? Керенский!» – скандируют на кухне дочери Бенуа вместе с прислугой.

Популярность Керенского выходит далеко за пределы столицы. «Я прямо боготворю Керенского, вождя нашей революции… Милый, чудный Керенский!» – пишет в дневнике учительница музыки из Одессы Елена Лакиер. «Есть только один человек, который может спасти страну», – констатирует британский военный атташе Альфред Нокс, который не ждет от революции ничего хорошего.

Вечно язвительная Зинаида Гиппиус относится к новым властям придирчиво. Но 12 марта в гости прибегает старый друг Керенский – он просит Мережковского написать короткую брошюру о декабристах, которая будет опубликована тиражом миллион экземпляров. Керенский объясняет, что такая книжка очень нужна, чтобы погасить ненависть солдат к офицерам, – показать, что русская революция начиналась именно с восстания дворян-офицеров в 1825 году.

Гиппиус слушает Керенского и вспоминает, как всего лишь за два года до этого на заседании Религиозно-философского общества разглядывала в

зеркальце лицо Керенского и висящий рядом портрет Николая II – и нашла их удивительно похожими: «До сих пор они остались у меня в зрительной памяти – рядом… Крамольник – и царь. Пьеро – и "charmeur". СР под наблюдением охранки – и Его Величество Император Божьей милостью. Сколько месяцев прошло? Крамольник – министр, царь под арестом, под охраной этого же крамольника».

Керенский убегает от Мережковских так же стремительно, как прибежал, со словами «я у вас инкогнито». «Керенский – сейчас единственный… там, где быть надлежит: с русской революцией, – записывает в дневнике Гиппиус. – Единственный. Один. Но это страшно, что один. Он гениальный интуит, однако не "всеобъемлющая" личность: одному же вообще никому сейчас быть нельзя. Или будут многие и все больше – или и Керенский сковырнется».

Через два месяца Мережковский окончит книгу «Первенцы свободы» и посвятит ее «продолжателю дела декабристов – А. Ф. Керенскому».

Двоевластие

Керенский – действительно самый активный и самый популярный политик новой страны, но далеко не всесильный. Самое популярное слово в России весны 1917 года – «двоевластие». О нем пишут в газетах, дневниках и воспоминаниях почти все. Дело в том, что с начала Февральской революции одновременно функционируют и Временное правительство, и Советы (Петросовет, Моссовет и сотни других по всей стране). Они не борются друг с другом, однако сам факт их сосуществования смущает и путает общество.

Новая система российской власти, возникшая после отречения императора, может быть понятна человеку XXI века, который хорошо знаком с разделением власти на законодательную и исполнительную. Однако российскому обывателю начала XX века, привыкшему к жесткой вертикали и единоначалию, существование двух центров кажется непривычным и опасным. Он еще не знает, что такое система сдержек и противовесов, как она устроена. Государственная дума, работающая уже 12 лет, никогда не имела возможности влиять на политические решения, не говоря уже о том, чтобы формировать правительство.

Петросовет, возникший стихийно, вовсе не претендует на то, чтобы считаться органом верховной государственной власти (Лозунг «Вся власть Советам» выдвинет намного позже враг существующей системы Ленин). Председатель исполкома Петросовета Чхеидзе в одном из своих выступлений признается, что только один раз Петросовет позволил себе вторгнуться в сферу ответственности исполнительной власти: в первые дни революции, опасаясь, что посещавший Ставку император убежит и возглавит контрреволюцию, члены Совета пытались отправить солдат, чтобы его арестовать. Однако потом все же уступили эту функцию представителям Временного правительства.

По словам Чхеидзе, рабочие осуществляют только гражданский контроль за деятельностью правительства. По сути, Советы выполняют функцию парламентского контроля. Большинство в этом квазипарламенте принадлежит левой социалистической оппозиции – при более правом, либеральном, правительстве. И это действительно никак не противоречит марксистской теории, по которой на этом этапе власть и должна быть буржуазной.

Демократичность такой системы, конечно, под большим вопросом –

Советы выбраны трудовыми коллективами предприятий и военными частями, а далеко не всем населением. Впрочем, прежние выборные органы – Дума и земства – тоже были далеки от истинно демократического устройства, ведь имущественный ценз ущемлял в правах крестьян и рабочих и отсекал солдат. Показательно даже то, что Петросовет заседает как раз в Таврическом дворце – здании распущенной императором и так и не собравшейся Государственной думы.

Система сдержек и противовесов между Петросоветом и Временным правительством впервые начинает работать с появлением в Петрограде Церетели. Он пока не занимает никакой публичной должности, но становится идеологом и «духовным лидером» Петросовета.

Вокруг Церетели складывается неофициальный орган власти, который недоброжелатели будут называть «звездной палатой» – это группа единомышленников, эсеров и меньшевиков, обладающих максимальным весом в исполкоме Петросовета. Каждое утро они собираются на завтрак в доме депутата Скобелева, где также живет не имеющий собственной квартиры Церетели. Сюда приходят председатель исполкома Николай Чхеидзе, Абрам Гоц, один из лидеров меньшевиков Федор Дан и еще несколько человек. На этих утренних летучках Церетели и инструктирует товарищей.

Причина абсолютного влияния Церетели в том, что все остальные политики растеряны и только у него есть четкий план. И, по словам коллеги Владимира Войтинского, чем сложнее была политическая обстановка, чем больше другие колебались, тем больше Церетели был уверен в своей правоте. По силе веры в свой план Церетели можно сравнить только с одним его современником – Лениным.

Неэффективный менеджер

То, что Временное правительство так неуютно чувствует себя рядом с Петросоветом, неудивительно. В нем нет лидера и не хватает менеджмента: суперпопулярный Керенский – скорее одиночка, чем командный игрок, а формальный лидер князь Львов не хочет тянуть одеяло на себя. Он не торопится наладить работу в регионах. Новый глава МВД увольняет всех прежних губернаторов, заменив их главами губернских земств, то есть властью наделяются не назначенные, а выбранные чиновники. Впрочем, как правило, это местные дворяне, которые пользуются уважением в своем кругу, но не знают, как разговаривать с народом, и боятся его.

При этом правительство никак не регулирует самозарождающиеся органы местного самоуправления – бесконечные комитеты и советы. По мнению князя Львова, эти объединения готовят народ к реформам, а жизнь постепенно все расставит по местам.

Поначалу это и правда не является проблемой. Как вспоминает лидер эсеров Виктор Чернов, «народный энтузиазм, вызванный падением старого режима, был так велик, что его наследники буквально захлебывались от потока приветственных телеграмм, выражавших сочувствие, поддержку и безграничную надежду».

Но уже через месяц на местах появляются недовольные. Члены Временного правительства узнают об этом не сразу из-за нехватки обратной связи. И очень удивляются, что в рабочих районах их считают властью буржуазии.

Серьезной проблемой с самого начала становится охрана правопорядка. «Толстовское» Временное правительство князя Львова не очень понимает, как быть с полицией. В самом начале марта вместо царской полиции (участки разгромила толпа, рядовых членов распустили, руководство отправили за решетку) в Петрограде появляется милиция – тоже стихийное объединение солдат и студентов. И только в апреле Временное правительство издает указ, узаконивающий это явление. При этом в большинстве российских регионов никакой милиции так и не возникает.

Бабочки под колесами автомобиля

Бывший император и его семья живут в Царском Селе под арестом уже две недели. Николай развлекается тем, что чистит снег и колет лед в пруду, солдаты, охраняющие дворец, издевательски говорят ему: «Эй, полковник, сюда нельзя» – и толкают прикладами ружей. Но в целом эти дни проходят спокойно – все внимание родителей приковано к детям, которые только начинают поправляться. Все, кроме великой княжны Марии, которая 28 февраля с матерью выходила приветствовать верных солдат, – она заболела последней и тяжелее всех, у нее начинается воспаление легких.

21 марта затишье во дворце нарушает приезд министра юстиции Керенского. Сначала он идет к Анне Вырубовой:

– Вы госпожа Анна Вырубова?

– Да, – едва слышно отвечает она.

– Немедленно одевайтесь и следуйте за мной.

Вырубова молчит.

– А какого беса вы валяетесь в постели? – спрашивает Керенский.

– Потому что я больна, – начинает хныкать как ребенок Вырубова.

– Вот оно что, – Керенский поворачивается к сопровождающему его офицеру. – Может, нам лучше не трогать ее. Я поговорю с докторами. А пока изолируйте госпожу Вырубову. Поставьте перед дверью часовых. Никто не должен входить или выходить из этой спальни без моего разрешения.

После этого он стремительно идет в сторону покоев Николая и Александры.

«Я Керенский. Вероятно, Вам известно мое имя? – говорит он, уединившись с ними, они молчат. – Вы, должно быть, слышали обо мне? Я, право, не знаю, почему мы стоим. Давайте присядем – так будет гораздо удобнее!» Бывшая императрица демонстративно игнорирует все вопросы министра, поэтому вскоре он просит ее удалиться и оставить их наедине с Николаем. Александра выбегает из комнаты, к ней с криком «Мама, что случилось?» бросаются старшие дочери Ольга и Татьяна.

«Керенский настоял на том, чтобы Я оставила его наедине с Государем, – отвечает Александра. – Вероятно, меня арестуют».

Однако Керенский забирает только обеих подруг императрицы – Аню Вырубову и Лили Ден, по подозрению в участии в политических заговорах. Он делает это во многом под влиянием прессы, которая каждый день

публикует новые фантастические подробности из жизни царской семьи. Такие публикации не секрет и для самой Вырубовой – утром в день ареста, например, она читает в газете разоблачительную статью про то, как она вместе с доктором Бадмаевым будто бы «отравляет Государя и Наследника».

Всю дорогу до Петрограда Вырубова рыдает. Уже в столице любопытство берет верх, она впервые видит революционную столицу, толпы солдат, длинные очереди у лавок, а на домах – «грязные красные тряпки». «Вот видите, Лили. После революции стало ничуть не лучше», – говорит она подруге.

«Ни одного городового, – пишет Ден, – закон и порядок перестали существовать, зато на углах улиц собирались группы странного вида личностей. Эти слонявшиеся без дела люди определенно были евреями… Ничего удивительного в том, что Петроград приобрел местечковый вид».

В камере предварительного заключения Ден первым делом отбирает у Вырубовой все письма. Печи в доме нет, поэтому она разрывает письма на мелкие клочки и спускает в уборную, чтобы тюремщики не нашли в них ничего «компрометирующего».

Солдаты и офицеры, арестовавшие подруг императрицы, очень удивляются тому, что знаменитая Вырубова – вовсе не развращенная светская красотка, а инвалид на костылях, и выглядит она значительно старше своих 32 лет.

«Нужно отдать им должное, солдаты очень бережно обращались с этой бабочкой, угодившей под колеса автомобиля», – иронично отмечает Ден.

После первой ночи пути подруг расходятся: Вырубову отвозят в Трубецкой бастион Петропавловской крепости – одну из самых страшных тюрем, где до революции сидели политзаключенные. Ден, проведя еще несколько дней в министерстве юстиции, попадает на прием к Керенскому и требует отпустить ее. Во-первых, она никогда не занималась политикой, во-вторых, у нее дома болеет семилетний ребенок. Керенский отпускает ее.

Поэт в тюрьме

26 марта в Петроград с фронта приезжает Александр Блок. Ему 36 лет, он ровесник Керенского и уже несколько лет один из самых знаменитых поэтов России. Последние месяцы он провел в болотах Белоруссии на службе штабным служащим.

В столицу он попадает как раз в тот день, когда на Марсовом поле хоронят жертв революции. Блок бродит по улицам, где нет полицейских, смотрит на «веселых подобревших людей», на нечищеные мостовые. Ему кажется, что произошло чудо и, следовательно, будут другие чудеса: «Ничего не страшно, боятся здесь только кухарки. Ходишь по городу, как во сне».

Он заходит к Мережковским, которые его ласково принимают и подробно рассказывают все последние новости о революции, – и их рассказ снова убеждает его в сверхъестественности произошедшего.

Буквально в первый день знакомый приглашает Блока на работу – секретарем создаваемой следственной комиссии, которая должна допросить всех арестованных первых лиц старого режима и разобраться в их преступлениях. Блока эта близость к истории очень притягивает. «Это значит сидеть в Зимнем дворце и быть в курсе всех дел», – объясняет он матери. И, конечно, соглашается.

В Петропавловскую крепость тем временем свозят тех, кого новая власть подозревает в преступлениях: помимо Вырубовой, здесь глава Союза русского народа Дубровин, дворцовый комендант, бывший владелец Куваки Воейков, военный министр Сухомлинов с женой, экс-премьеры Штюрмер и Горемыкин, экс-глава МВД Протопопов. В считаные дни после революции арестованы почти все бывшие министры, высокопоставленные сотрудники политической полиции и другие одиозные фигуры прежнего режима.

Их содержат в ужасных условиях. Когда Вырубову приводят в ее камеру, солдаты забирают тюфяк с кровати и лишнюю подушку, с нее срывают золотую цепочку, на которой висит крест, отнимают образки и золотые кольца. «Крест и несколько образков упали мне на колени. От боли я вскрикнула; тогда один из солдат ударил меня кулаком, и, плюнув мне в лицо, они ушли, захлопнув за собой железную дверь», – так описывает Вырубова свои первые минуты в камере.

Начальник тюрьмы представляется ей – это Андрей Кузьмин, бывший

прапорщик, который после русско-японской войны в течение двух недель был «президентом Красноярской республики». Вырубова не знает его прошлого, но в курсе, что он «каторжник, пробывший на каторге в Сибири 15 лет». «Я старалась прощать ему, понимая, что он на мне вымещал обиды прежних лет; но как было тяжко выносить жестокость в этот первый вечер!» – вспоминает Вырубова.

Дальше становится только хуже. От сырости у Вырубовой начинается плеврит, поднимается температура, она неделями не может встать. На полу посреди ее камеры – огромная лужа, иногда она в бреду падает с койки в эту лужу и просыпается насквозь мокрая. Тюремный доктор, по воспоминаниям Вырубовой, измывается над заключенными.

«Я буквально голодала. Два раза в день приносили полмиски какой-то бурды, вроде супа, в который солдаты часто плевали, клали стекло. Часто от него воняло тухлой рыбой, так что я затыкала нос, проглатывая немного, чтобы только не умереть от голода; остальное же выливала в клозет… Жизнь наша была медленной смертной казнью».

В камеры заключенных время от времени заходят следователи, в том числе и секретарь следственной комиссии Александр Блок. Утонченный романтик, «лунный поэт», как называет его подруга Зинаида Гиппиус, Блок не испытывает никакого сострадания к заключенным. «Эта блаженная потаскушка и дура сидела со своими костылями на кровати, – пишет Блок матери про Вырубову. – Ей 32 года, она могла бы быть даже красивой, но есть в ней что-то ужасное…»

Почти все заключенные вызывают у Блока омерзение: «ничтожное довольно существо» (это о Воейкове); «мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачок» (о князе Андроникове); «жалкая больная обезьяна» (о жандарме Собещанском); «поганые глаза у Дубровина». Словом, Блок – настоящий революционный следователь: «Мадам Сухомлинову я бы повесил, хотя смертная казнь и отменена. Это его [бывшего военного министра Сухомлинова] авантюристка-жена окончательно погубила его репутацию, и за ее взятки он страдает», – пишет поэт матери.

От сырости в камерах все заключенные вскоре начинают болеть. Воейков пишет, что он пухнет с голоду. Так продолжается, пока врачом следственной комиссии не становится Иван Манухин, довольно известный столичный врач, лечивший от туберкулеза Горького, а также сосед и близкий друг Мережковских. Манухин настаивает на том, чтобы заключенных начали нормально кормить, требует не помещать их в карцер. «Такого сурового режима по отношению к подследственным заключенным

не было ни до революции, ни даже в первые месяцы после Октября», – вспоминает Манухин. В воспоминаниях Вырубова называет этого врача своим спасителем.

Страшный социалист в концлагере

В это время на другом конце света, в Нью-Йорке, бывший заключенный Петропавловской крепости собирается домой. Узнав о революции в России, Троцкий бежит в российское консульство, где уже успели снять портрет Николая II, оформляет документы и вскоре на норвежском пароходе отправляется на родину. Однако почти сразу в канадском Галифаксе английские полицейские учиняют ему пристрастный допрос как «страшному социалисту». 3 апреля его вместе со всей семьей ссаживают с парохода до выяснения обстоятельств, подвергая такому унизительному обыску, какого он не помнит даже в Петропавловской крепости.

Троцкий не знает, что как раз в это время британский посол в Петрограде Бьюкенен приходит к министру иностранных дел Милюкову и спрашивает, что делать с задержанным в Канаде ссыльным. Бывший лидер кадетов хорошо знает, что Троцкий – социалист и пацифист, а для Милюкова все пацифисты – враги и предатели, поэтому он просит Бьюкенена подержать Троцкого у себя. Только через две недели под давлением Керенского и коллег Милюков просит британцев освободить задержанного.

Пока Троцкий сидит в концлагере, в войне случается переломное событие: в нее на стороне Антанты включаются США. Многим кажется, что это решит исход войны.

«Ничего безнравственного»

В Цюрихе еще не знают о том, что приключилось с Троцким, поэтому Юлий Мартов размышляет, не вернуться ли ему в Россию «путем Троцкого»: Испания – Гавана – Америка и оттуда во Владивосток. «Но это путешествие возьмет не менее двух месяцев, а что будет к тому времени?» – размышляет Мартов.

Мартов не готов ехать через враждебную Германию без согласия российского правительства – он все еще надеется, что его единомышленник Чхеидзе договорится об обмене эмигрантов на пленных.

Но друг-враг Мартова Ленин не колеблется – он хочет ехать, ничего не дожидаясь. «Если завести в Питере канитель об обмене, Милюков сорвет все предприятие», – говорит Ленин. «Приехать в Россию в качестве подарка, подброшенного Германией русской революции, – это невозможно», – отвечает Мартов.

Тем временем переговоры Парвуса с немцами приносят плоды. Германия дает согласие на проезд революционеров «охотно, даже слишком охотно» – переживает марксист Анатолий Луначарский. МИД и генштаб Германии приходят к выводу, что отправить революционеров-пацифистов в Россию – очень полезное дело; политическое решение принято – дальше дело за бюрократическим выполнением задачи.

Ленин хочет ехать немедленно, Крупская пытается отговорить мужа: в Германии им грозит арест, в России – обвинения в измене отечеству. Ульянов пытается обеспечить себе алиби и приказывает собрать подписи швейцарских и французских социалистов под письмом в поддержку его проезда через Германию.

9 апреля, в полдень, Ленин и Зиновьев составляют список отъезжающих для предъявления властям. Согласно договоренностям, они не обязаны предъявлять паспорта. Ленин пытается добавить в список как можно больше небольшевиков, чтобы обвинение в связях с Германией пало не только на его партию. Получается не очень: только четверо из тридцати человек не принадлежат к партии Ленина. В полтретьего все они идут на вокзал, где их ждет толпа разъяренных соотечественников. «Немецкие шпионы!» – кричат они. Очевидно, из зависти, ведь только Ленину хватило решимости ехать через Германию.

Вагон, очерченный мелом

Поезд трогается. Ленин с женой Надеждой Крупской и любовницей Инессой Арманд, Зиновьев с двумя женами, бывшей и нынешней, и еще двадцать четыре человека отправляются на родину. Первая остановка – Шаффхаузен, город, где пятнадцать лет назад была основана первая российская либеральная партия Союз освобождения. Теперь ее члены находятся у власти в России, а отсюда выезжает новая группа оппозиционеров, которые надолго положат конец либерализму в стране.

Пересечение границы оказывается очень нервным. Всех пассажиров выводят из вагона, ведут в зал таможни – женщин отдельно, мужчин отдельно. Они уверены, что их сейчас арестуют, причем Ленина – первого. Чтобы защитить своего лидера, они обступают его со всех сторон, прикрывая своими телами от немецких пограничников. Но через полчаса ожидания эмигрантов отпускают.

По условиям Германии, пассажиры ни с кем не должны общаться, избегать малейшего контакта с немцами, чтобы по прибытии на родину эмигрантов не обвинили в предательстве в пользу Германии. Роль единственного посредника выполняет организатор поездки, швейцарский социалист Фридрих Платтен.

Этот пломбированный вагон с первого дня будет обрастать легендами. На самом деле он не запломбирован до конца: в нем есть открытая дверь, но Платтен проводит на полу линию мелом: считается, что ее не может пересечь никто, кроме него, – ни русские, ни немцы. Эта меловая черта и служит границей между большевиками и Германией, как линия из гоголевской повести «Вий», которой герой пытался оградить себя от нечисти.

В вагоне Ленин с первых минут пути строит свое государство, поездку можно считать маленькой репетицией его будущей государственной политики. Перенервничав на границе, пассажиры начинают курить в вагоне. Спустя час задыхающийся от дыма Ленин запрещает курить где бы то ни было, кроме туалета. В единственный туалет выстраивается очередь, и Ленин вводит карточки на пользование, которые выдает лично.

В дороге выясняется, что русские эмигранты не потрудились получить шведские визы, хотя планируют из Германии морем добраться до Швеции и дальше поездом в Петроград. Визы для них приходится добывать правительству Германии. О проблеме знает даже император Вильгельм,

который предлагает вручить Ленину пачку немецких агитационных листовок, чтобы раздать в России.

В Берлине поезд останавливается на два дня – пассажиров высаживают, ничего не объясняя. Эмигранты в ужасе. «Как думаете, сколько нам осталось жить?» – как бы шутя спрашивает попутчиков Ленин. Однако их снова сажают в поезд, довозят до порта Засниц и паромом отправляют в Швецию.

Броневик в лучах прожектора

Передохнув в Стокгольме, большевики на поезде отправляются в Петроград. Но и теперь Ленин очень боится, что их арестуют – уже на родине. На станции Белоостров его впервые встречают товарищи: сестра Мария, подруга Александра Коллонтай и Лев Каменев (которого он немедленно отчитывает за слишком умеренный тон «Правды»).

Но все же первый вопрос, который задает Ленин знакомым: не арестуют ли его? Они улыбаются в ответ. Рабочие, которые встречают Ленина на станции Белоостров, устраивают ему овацию, по сложившемуся уже ритуалу берут на руки, несут в зал ожидания. Ленин ничего не понимает, ему кажется, что его сейчас растерзают, никакой речи он не произносит, ограничиваясь парой лозунгов.

За время, которое остается до Петрограда, у Ленина есть возможность успокоиться и обдумать собственное появление на перроне – дубль первый сорван, но главный выход впереди.

В советской литературе встреча Ленина толпами народа на Финляндском вокзале 3 апреля будет описываться как нечто уникальное. На самом деле это очередное событие из цикла «великий революционер вернулся домой»: так встречали Церетели, Бабушку, Плеханова, Засулич, Фигнер, так будут (уже после Ленина) встречать лидеров эсеров Чернова и Савинкова, анархиста Кропоткина, лидера меньшевиков Мартова.

Впрочем, есть нюансы: у большевиков тесные отношения с гарнизоном Петропавловской крепости, что через реку от Финляндского вокзала, и солдаты предлагают осветить прожекторами вокзальную площадь, когда Ленин будет выступать. Именно эти прожектора станут главной сценической находкой встречи Ленина и войдут в советскую мифологию.

Почетный караул под звуки «Марсельезы» отдает Ленину честь, ему вручают огромный букет цветов, ведут в царский павильон к делегации Петросовета. Глава Петросовета меньшевик Чхеидзе произносит приветственную речь, больше похожую на предупреждение. Он строго призывает Ленина идти на компромисс с товарищами из других партий и помочь сплотить все политические силы для укрепления зарождающейся демократии. Но Ленин, лидер самых радикальных марксистов и известный enfant terrible революции, как будто не слышит. «Товарищи, солдаты, матросы и рабочие! – кричит он. – Грабительская империалистическая

война является началом гражданской войны во всей Европе… Солнце мировой социалистической революции уже взошло. В Германии зреет для этого почва. Теперь день за днем мы будем наблюдать крушение европейского империализма… Да здравствует всемирная социалистическая революция!»

Ленина выносят на запруженную площадь, освещенную прожекторами. Его приезд приходится на понедельник после Пасхи. И хотя религиозные праздники после революции не так популярны, как прежде, но настроение у всех праздничное. Еще вчера известного лишь в узких кругах журналиста-теоретика из Цюриха сегодня встречают как героя революции. К тому же он выкрикивает странные лозунги, которые очень нравятся толпе. Одно дело радоваться победе собственной революции, совсем другое – ощущать себя творцами перемен во всем мире.

Ленина поднимают на руки, ставят на броневик, его лозунги тонут в шуме толпы. Но что происходит с самим Лениным в этот момент? Еще месяц назад он называл себя стариком, который не достигнет своей мечты. Еще три дня назад смертельно боялся, что его расстреляют немецкие солдаты. Еще час назад был уверен, что его арестуют на перроне. Он, авторитарный лидер крохотной секты, вдруг оказывается суперзвездой. Он стоит в лучах прожекторов, ему рукоплещет гигантская площадь. Вряд ли когда-нибудь Ленин рассчитывал на такой триумф (пока совершенно незаслуженный), но встреча на вокзале придает ему уверенности. Ленина снимают с броневика и везут в особняк Матильды Кшесинской, который теперь служит штабом большевиков.

Жизнь бывших

Эйфория после Февральской революции продолжается в Петрограде несколько месяцев. Однако есть множество людей, которые в ужасе от происходящего. Это не только члены старого правительства, оказавшиеся в тюрьме, но и вся бывшая элита, высший свет Петрограда. Символ этой части общества – балерина Матильда Кшесинская, самая влиятельная актриса страны.

Кшесинская убегает из своего особняка вместе с сыном Вовой и прячется в квартире у артиста императорских театров Юрия Юрьева, который играет главную роль в «Маскараде» Мейерхольда. К нему несколько раз в эти дни раз заходят солдаты и матросы, но они, конечно, не знают Кшесинскую в лицо и потому не трогают ее. По городу ходят слухи, что Матильду убили. Когда обстановка становится более спокойной, балерина встречается с Керенским и просит вернуть ей дом, потом с той же просьбой пишет в Петросовет, но безрезультатно.

Жизнь царской семьи также навсегда меняется. Помимо Николая и Александры под домашний арест сразу после революции попадает Михень, а также два ее сына, великие князья Андрей и Борис, – они все находятся в Кисловодске; их арест – инициатива местных властей. Никаких обвинений им не предъявляют. Старший сын Михень, Кирилл, первым из царской семьи присягнувший Временному правительству, остается в Петрограде. Он дает интервью «Петроградской газете», в которой всячески открещивается от прежних властей.

Никому из Романовых не удается сохранить прежний образ жизни. Несостоявшийся император Михаил по-прежнему живет в Гатчине. Однажды, в ответ на просьбу выделить ему поезд, чтобы добраться из Петрограда до резиденции, в министерстве путей сообщения ему отвечают, что гражданин Романов может купить билет в кассе как все. Даже маленькая княжна Мария, двоюродная сестра царя, работавшая медсестрой в военном госпитале в Пскове, вынуждена уволиться и уехать в Царское Село – начальство говорит, что для нее это место больше небезопасно.

Князь Гавриил в дневнике жалуется, что у него на время революции реквизировали автомобиль – а когда вернули, он был весь в грязи, в крови и кишел вшами.

Великий князь Дмитрий Павлович, сосланный за убийство Распутина в Персию, решает не возвращаться на родину. «Что мне там делать?

Вернуться и спокойно, сложа руки, смотреть на тот хаос, который происходит, и подвергаться разным обидным инсинуациям только за то, что я ношу фамилию Романова, – я не смогу», – пишет он отцу и уезжает еще дальше – в Тегеран.

Другой убийца Распутина, Феликс Юсупов, наоборот, возвращается из ссылки в Петроград сразу после отречения.

Казнь на майдане

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, попрощавшись с сыном в Могилеве, возвращается обратно в Киев, куда она переехала еще год назад. Она в шоковом состоянии. Зять, великий князь Сандро, пытается уговорить 69-летнюю императрицу скорее уехать из Киева в его крымское имение, но Мария Федоровна отказывается, она предпочитает, чтобы ее «арестовали и бросили в тюрьму».

Впрочем, революция в Киеве проходит бескровно. Самое заметное происшествие – символическая казнь на Думской площади (сейчас Майдан Незалежности). Здесь стоит памятник Петру Столыпину, убитому шестью годами раньше в Киевском оперном театре. 16 марта на площади проводят церемониальный суд над Столыпиным (как символом старого режима), его приговаривают к повешению. На площади устанавливают подобие виселицы, при помощи которой статую стаскивают с постамента.

События в Киеве развиваются по сценарию, схожему с петроградским: создана Центральная рада (Совет по-украински), которая, как и Петросовет, состоит из эсеров и социал-демократов. Председателем Рады выбирают Михаила Грушевского, написавшего многотомную «Историю Украины-Руси» – то есть ставшего первым идеологом Украины как страны, отдельной от России. Выбирают заочно, поскольку историк находится в ссылке в Москве.

Когда вернувшегося 15 марта Грушевского встречают на Софийской площади с почетным караулом и оркестром, он произносит программную речь, в которой призывает украинцев строить «независимую судьбу украинского народа» и прославляет «свободную, автономную Украину» в составе «Федеративной Республики Российской». В Петрограде к самоопределению Украины относятся лояльно: в марте Временное правительство разрешает в Киевском учебном округе преподавание на украинском языке, с оговоркой, что если в заведении меньшинство учащихся окажется великороссами, то для них должно быть введено преподавание на русском языке, и, наоборот, для украиноговорящего меньшинства должно быть преподавание на украинском.

В Киеве проходят регулярные митинги, которые очень беспокоят живущих здесь членов царской семьи. Великий князь Сандро вспоминает манифестацию с такими лозунгами: «Мы требуем возвращения наших мужей и сыновей с фронта!», «Долой правительство капиталистов!», «Нам

нужен мир, а не проливы!», «Мы требуем самостоятельной Украины!».

В конце марта Временное правительство принимает, наконец, решение выслать Марию Федоровну вместе с дочерьми Ксенией и Ольгой, а также зятя Сандро из Киева в Крым. Это решение спасет всем им жизнь.

Уже в апреле в Крыму к вдовствующей императрице и ее дочерям приходят комиссары с обыском. Они появляются в 5:30 утра, когда все спят, обыск длится пять часов, у Марии Федоровны конфискуют все бумаги. Особенно она переживает из-за утраты писем покойного мужа и Библии на датском языке, которую ей подарила мать.

Императрица с дочерьми живет в поместье Ай-Тодор, принадлежащем Сандро, а неподалеку, в имении Дюльбер, живут отправленный в отставку верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, его брат Петр и их жены-черногорки.

Узники Царского Села

Царская семья, живущая взаперти в Царском Селе, даже не подозревает, какие копья ломаются вокруг ее будущего в Петрограде, и не только. Газеты продолжают публиковать разоблачения: журналисты как будто отыгрываются за все предыдущие годы – после 1906-го можно было писать практически обо всем, кроме царской семьи. Теперь же можно шутить и писать скабрезности (многие тексты выходят далеко за рамки приличий) про Николая II и, конечно, про Александру и Распутина.

1 апреля в газетах публикуют последние телеграммы Александры мужу, в которых она призывает его быть жестким. «Императрица возмущена и, кажется, испугана. Возбуждение против нее растет», – вспоминает придворная дама Елизавета Нарышкина.

Из регионов в столицу приходят письма, в которых представители местных властей требуют суда над Романовыми. «Курагинское общее собрание протестует против выезда Николая Романова с супругой в Англию без суда ввиду доказанности измены Отечеству, – говорится в одном из них. – Больше конституционные гарантии для бывшего царя, нарушившего конституцию, недействительны. Призываем поддержать требование предать Николая с супругой беспристрастному Керенскому суду».

Выезд царской семьи в Англию еще месяц назад казался делом решенным. Однако этого внезапно пугается сам король Георг V. Двоюродный брат Николая II по матери и двоюродный брат Александры по отцу, британский монарх тем не менее обеспокоен внутриполитической ситуацией больше, чем родственным моральным долгом. Английская пресса внимательно следит за событиями в России и перепечатывает заметки из русских газет. Георг V опасается, что появление Романовых спровоцирует беспорядки, испортит его репутацию и нарушит шаткую стабильность британской монархии.

5 апреля личный секретарь короля лорд Стэмфордхэм пишет министру иностранных дел Артуру Бальфуру письмо с просьбой отозвать приглашение Николаю и Александре. Он пишет, что против приезда опального русского монарха и его семьи выступают не только аристократы в клубах, но и лейбористы в палате общин, и простой народ. «Король с самого начала считал, что присутствие императорской семьи (и особенно императрицы) в этой стране вызовет самые разные сложности, – пишет он, – и я уверен, что вы понимаете, насколько затруднительной эта

ситуация будет для нашей королевской семьи».

Правительство не сопротивляется. «Возможно, нам придется предложить Испанию или юг Франции, как более подходящие места проживания для царя, чем Англия», – отвечает лорд Бальфур.

Царская семья всего этого не знает, ее единственное связующее звено с внешним миром – министр юстиции Керенский, который время от времени навещает Романовых в Царском Селе. Во время очередного визита он сообщает им об ужесточении режима: под давлением Петросовета он вынужден изолировать императора от императрицы, а детей оставить с отцом, к которому, как он считает, они больше привыкли.

«Это будет для нее смертью, – говорит Керенскому 79-летняя фрейлина Нарышкина, которая в числе немногих придворных осталась с царской семьей. – Нельзя себе представить более нежную мать, чем она. Если дети болеют, как, например, сейчас, Императрица не покидает их ни днем, ни ночью. Ее дети – это ее жизнь!» Керенский соглашается. Впрочем, разлука Николая и Александры продлится недолго. Через несколько дней ограничение будет снято.

Довольно скоро даже царская семья проникается симпатией к Керенскому. Нарышкина сожалеет, что Николай II, будучи императором, не окружил себя такими людьми, как Керенский: «Если бы государь мог отделаться от своего культа самодержавия, столько же мистического, как и политического, и окружить себя силами страны, вместо кучки негодяев, которым он доверяет, – как все было бы иначе!» С очевидной симпатией о Керенском отзывается и сам Николай.

Дневник бывшего императора за весну 1917 года выглядит как записки скучающего дачника. Он гуляет, катается на велосипеде и на байдарке, пилит деревья, собирает пазлы с детьми и читает им «Графа Монте-Кристо» и «Записки о Шерлоке Холмсе», сам читает Мережковского. Единственное переживание Николая связано с невозможностью переписываться с матерью – только по ней он скучает. Однажды за обедом он начинает рассуждать о том, что счастлив оттого, что ему больше не надо заниматься государственными делами – потому что чтение докладов министров «только сушило мозг».

Николай не знает, что Георг V отказался его принимать, – он вообще ничего не знает о своем будущем. Как не знает, долго ли ему придется жить в Царском Селе – или все же семье позволят переехать в Крым, где живут остальные родственники.

Конец карьеры Ленина

Приехав с Финляндского вокзала в особняк Кшесинской, Ленин сначала выступает с балкона, а потом произносит программную речь для своих единомышленников. Его выступление всех шокирует примерно как речь пришельца, только что упавшего на Землю с Марса. Ленин как всегда харизматичен, слушатели не могут не поддаться обаянию – но то, что он говорит, переходит все границы. Для всех его слушателей крушение монархии, случившаяся революция – это безусловное благо, движение в правильном направлении. Ленин же утверждает обратное – в самой революции и в новом демократическом правительстве нет ничего хорошего. Нужно воспользоваться тем, что режим стал слабее, уничтожить его и забрать власть. Защита отечества, говорит Ленин, означает защиту одной банды капиталистов от другой. Империалистическая война (против Германии) должна превратиться в гражданскую (против собственных капиталистов). Оборонительную войну нужно прекратить, землю и банки национализировать, имущество помещиков и аристократов конфисковать – и народы остальных стран сразу присоединятся к русской революции. Именно в этот вечер он предлагает переименовать партию, назвав ее коммунистической.

«Я чувствовал себя так, как будто меня били по голове цепами, – вспоминает член исполкома Петросовета Николай Суханов. – Было ясно одно: мне, человеку свободному, с Лениным не по пути».

На следующий день в Таврическом дворце проходит заседание Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов – новый российский квазипарламент теперь включает делегатов со всей страны. Ленин, едва выспавшись, едет туда. Сначала он выступает перед небольшой аудиторией большевиков, но потом его зовут в большой зал, и он бежит туда. Его речь войдет в историю как «апрельские тезисы» – совершенно возмутительные с точки зрения всего собрания. Он предлагает устроить конец света: прекратить войну, даже оборонительную, уничтожить государство, в том числе армию (заменив ее «вооруженными народными массами»), чиновничество, полицию, банки; свергнуть Временное правительство, передав власть Советам. Последний пункт присутствующим должен, по идее, понравиться, но после всего сказанного все смотрят на Ленина как на опасного сумасшедшего. Ленин пытается быть максимально резким и жестким, чтобы не допустить объединения

большевиков и меньшевиков. Потому что в этом случае он превратится в рядового партийного деятеля в огромной партии под руководством Церетели.

Начинается скандал. На трибуну выходит Церетели и выступает довольно ласково и примирительно. Цитируя Маркса, он говорит, что одиночки могут ошибаться, но классы не ошибаются. И его, Церетели, не пугают заблуждения Ленина, поэтому он готов протянуть ему руку. После истеричной речи Ленина уверенный тон Церетели – полная победа. Ленин раздраженно выбегает из зала в сопровождении многих, но далеко не всех однопартийцев. Часть большевиков принимает сторону конструктивного Церетели, а не своего лидера.

«Пусть себе живет без революции, а мы, оставшиеся здесь, будем продолжать идти по дороге революции», – говорит вслед Ленину председательствующий Николай Чхеидзе.

«Ленин вчера совершенно провалился в Совете, – с радостью рассказывает Милюков послу Палеологу. – Он защищал тезисы пацифизма с такой резкостью, с такой бесцеремонностью, с такой бестактностью, что вынужден был замолчать и уйти освистанным… Уже он теперь не оправится». «Дай бог», – отвечает Палеолог.

Провал Ленина становится еще более очевиден, когда через день давний товарищ Церетели, большевик Лев Каменев, публично критикует апрельские тезисы на страницах «Правды», подчеркивая, что мнение Ленина – это его личное заблуждение, а не позиция партии.

Дальше происходит то, что Крупская называет «травлей». Все газеты цитируют его «пораженческие» тезисы, припоминают, что Ленин со товарищи вернулся в Россию с согласия германского императора, называют его немецким шпионом. Командир отряда матросов признается журналистам, что стыдится того, что встречал изменника Ленина на Финляндском вокзале. Под окнами штаба большевиков собирается митинг. Ленин выходит на балкон объясниться, но снова терпит поражение и прячется в здании. Кажется, это конец его политического взлета, продлившегося лишь сутки.

Без аннексий и контрибуций

Война – это действительно самый острый вопрос и главный фактор поляризации общества. Никто не спорит с тем, что ее нужно продолжать, но во Временном правительстве нет единого мнения, чем она должна закончиться. Министр иностранных дел Павел Милюков и военный министр Александр Гучков свято уверены, что нужно исполнить мистическую мечту русских имперцев и взять Константинополь. Однако эта мысль близка не всем: например, Керенский уверен, что война должна быть только оборонительной – до освобождения российской территории от немецкой оккупации. Он против любых новых завоеваний – аннексий и контрибуций. Это выражение у всех на устах, «аннексии и контрибуции» обсуждают в трамваях, кинотеатрах и казармах.

Церетели, а значит, почти все депутаты-социалисты разделяют мнение Керенского. Никаких дальнейших завоеваний, никаких сражений за возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии или обеспечения Британии новых колоний – словом, никаких секретных договоренностей царского правительства новая демократическая власть выполнять не должна, уверены социалисты.

В своих интервью зарубежным СМИ Керенский (формально не отвечающий за международные отношения) говорит, что проливы Босфор и Дарданеллы должны получить международный статус, Польша, Финляндия и Армения – право на самоопределение, при этом последняя должна получить независимость от Турции и стать отдельным государством на Кавказе. Милюкова, как министра иностранных дел, такие несогласованные комментарии раздражают и напряжение между ним и Керенским растет.

В середине марта Петросовет принимает воззвание «К народам мира» – внешнеполитическую доктрину нового российского государства. В нем говорится, что русская революция не отступит перед завоевателями и не позволит раздавить себя внешней военной силой, но его главная мысль: «ни аннексий, ни контрибуций, свободное самоопределение народов». Поскольку российское демократическое государство всерьез считает себя самым прогрессивным в мире, оно хочет подать пример всем. Однако в мире подобные ценности станут мейнстримом только после Второй мировой войны: идеи воззвания «К народам мира» почти не отличаются от основных принципов Хельсинкской декларации, подписанной в 1975 году.

Во Временном правительстве назревает раскол: на стороне Керенского и Петросовета большинство – семеро из двенадцати министров, включая премьер-министра Львова, министра финансов Терещенко и министра промышленности Коновалов. Против – Гучков и кадеты во главе с министром иностранных дел Милюковым. Милюков говорит французскому послу Палеологу, что будет стоять на своем, а если правительство откажется от обязательств перед союзниками и от борьбы за Константинополь, он немедленно подаст в отставку.

«Есть, пить, гулять»

Любимая дочь Льва Толстого, Александра, весной 1917-го работает медсестрой на фронте. Она описывает споры солдат:

– На кой нам черт эта революция! Вместо царя Львовы там или Керенские. Все равно сидеть в окопах, во вшах, в грязи! – рыдает контуженный солдат в лазарете, размазывая слезы по лицу грязным кулаком.

– Довольно с немцами воевали, вали, ребята, в тыл воевать с буржуями, у помещиков землю, у фабрикантов фабрики отбирать, – говорит фельдшер в перевязочном.

– Сволочь вы все, трусы, родину немцу продаете. Долг солдата за Расею до победного конца стоять. – отвечает на это взводный.

«Фельдшер в перевязочном», конечно, агитатор большевиков, и он кажется убедительным многим солдатам.

Точно такие же сомнения разрывают Петроград. Только в советской историографии все современники поголовно считают Первую мировую войну «империалистической». На самом деле для многих жителей Российской империи это самая настоящая Отечественная война. Сегодня мир стал абсолютной ценностью, но в начале XX века такими ценностями были война и чувство долга. Отказ от войны считают позором не только офицеры, но и большинство интеллигенции. Еще недавно выступавшая против войны Зинаида Гиппиус теперь возмущена тем, как «тупо-невежественны», «цинически-наивны» дезертиры: «Совесть их еще не просыпалась, ни проблеска сознания нет, одни инстинкты: есть, пить, гулять», – пишет она. При этом Гиппиус хочет скорее закончить войну, но непременно с достоинством, и это «единое возможное искупление прошлого, сохранение будущего и средство опомниться».

Поэтесса надеется, что ее друг Керенский сможет быть достаточно жестким руководителем, но сомневается, хватит ли ему сил.

Люди из самых разных политических лагерей считают победу в войне своей главной целью. В том числе близкий друг Гиппиус, бывший террорист Борис Савинков. Савинков приезжает из Франции морем вместе с товарищем по партии, эсером Виктором Черновым. Их пути немедленно расходятся: Чернов присоединяется к исполкому Петросовета (и к «звездной палате» Церетели), становится одним из ключевых его руководителей. А Савинков, к удивлению многих, отправляется на фронт в

качестве комиссара Временного правительства агитировать за «войну до победного конца».

«Мы больше не в состоянии»

У Гиппиус есть враг-антипод, которого она давно ненавидит, символизирующий для нее все самое низменное и подлое. Это Максим Горький. «Слаб, малосознателен, жалок» – она не жалеет для Горького эпитетов.

Квартиру Мережковских на Шпалерной и квартиру Горького на Кронверкском проспекте можно считать полюсами Петрограда. Гиппиус и ее мужчины живут около Таврического дворца, их дом служит штабом либералам, здесь регулярно бывают министры. Горький и Андреева живут на Петроградской стороне, неподалеку от дома Кшесинской и Петропавловской крепости. Их гости и единомышленники – это социалисты, члены исполкома Петросовета.

Впрочем, Горький, как и Гиппиус, все время сомневается и страдает. «Несколько десятков миллионов людей, здоровых и наиболее трудоспособных, оторваны от великого дела жизни – от развития производительных сил земли – и посланы убивать друг друга», – пишет Горький. Он в ужасе от всплеска насилия в стране после революции и надеется, что «этот взрыв душевной гадости, эта гнойная буря» служат признаком оздоровления организма и продлятся недолго. Горький проповедует почти в толстовском духе, призывая к ненасилию, с тем лишь отличием, что он верит не в Бога, а в просвещение: «Политика и религия разъединяют людей; ничто не выпрямляет душу человека так мягко и быстро, как влияние искусства, науки».

13 марта Александр Бенуа, друг Горького, приходит в гости к французскому послу Палеологу. «Война не может дольше продолжаться, – говорит Бенуа, француз по происхождению. – Конечно, я знаю, честь России связана ее союзами. Но необходимость – закон истории. Никто не обязан исполнять невозможное».

В ответ посол читает художнику лекцию о современной геополитике. Что Франция и Англия достаточно богаты, чтобы продолжать войну до победы, а главное, для них на кону стоит «господство над морями, немецкие колонии, Месопотамия и Салоники». К тому же теперь в игру вступила Америка. Россия, оставив войну, потеряет по меньшей мере Курляндию, Литву, Польшу, Галицию и Бессарабию, «не говоря уже о вашем престиже на Востоке и о ваших планах на Константинополь». По словам Палеолога, это вопрос не только чести и благосостояния России, но

и ее «национальной жизни».

Растерянный Бенуа со слезами говорит, что возразить на это нечего, но «между тем мы не в состоянии дольше продолжать войну. Право же, мы больше не в состоянии».

И он не преувеличивает. В начале апреля немецкие войска внезапно прорывают линию российской обороны в районе реки Стоход на Западной Украине. Это особенно болезненный удар. Ровно за год до этого именно здесь начался Брусиловский прорыв, тогда в результате «стоходской мясорубки» российская армия потеряла 30 000 человек, причем лучших элитных частей императорской гвардии – победа далась очень дорого. Теперь, год спустя, российская армия терпит поражение в том же самом месте, потеряв убитыми и пленными 25 000. Это первое и единственное сражение за все время, прошедшее после революции, – и оно демонстрирует, что армия воевать не готова.

Армия больна

Новый военный министр Гучков пытается поднять боевой дух и дисциплину в армии. Для этого он создает комиссию, в которую входят члены Петросовета и офицеры, руководителем Гучков назначает своего давнего друга Алексея Поливанова – бывшего военного министра. К ужасу Гучкова, комиссия вскоре разрабатывает «Декларацию прав солдата», уравнивающую их с гражданскими в праве вступать в политические партии, гарантирующую им тайну переписки и право носить штатское вне службы. Генералы уверены, что декларация убьет дисциплину, а Поливанов разводит руками и говорит, что не мог препятствовать.

Гучков отказывается подписать декларацию. Он болен, поэтому командующие фронтами собираются на совещание у него дома. Однако ничего решить не удается. «Я не могу обсуждать вопроса, как развалить ту армию, которой я командую», – говорит главнокомандующий Алексеев о «Декларации прав солдата», на этом обсуждение заканчивается.

Здесь же присутствует адмирал Колчак, командующий Черноморским флотом. Он выглядит белой вороной среди угрюмых генералов. Ему удается сохранить порядок у себя в Севастополе, и вообще он приехал, чтобы обсудить свою старую идею захвата Константинополя. Ситуация на Босфоре, говорит он, очень благоприятна – силы турок ничтожны. Алексеев отвечает, что в армии нет боеспособных частей для оккупации турецкой столицы. «Армия больна, болезнь пока ширится и углубляется в ней», – говорит Алексеев и предлагает подождать до июня, когда предполагается начать наступление.

Нота Милюкова

В середине апреля конфликт между Керенским и Милюковым из-за отношения к войне достигает апогея. Керенский (не советуясь с Милюковым) говорит газетам, что правительство планирует обратиться к союзникам и уточнить свои новые цели в войне. А Милюков на следующий день опровергает это, уверяя, что ничего подобного не планируется. Ходят слухи, что глава МИД вот-вот будет отправлен в отставку – и его место займет Георгий Плеханов, который, кстати, тоже уверен, что России жизненно необходимо оккупировать Константинополь.

Под давлением Петросовета и коллег-министров Милюков публикует-таки официальное обращение к союзникам, в котором сформулированы новые принципы России: отказ от идеи захватить Константинополь, готовность к миру без аннексий и контрибуций. Но в последний момент у Милюкова сдают нервы и он добавляет к посланию небольшое предисловие, в котором говорится, что в России существует «народное стремление» довести войну до победного конца, получить «санкции и гарантии», которые сделали бы новые войны невозможными, а также «выполнить обязательства России перед союзниками».

Нота подписана 18 апреля – в тот день, когда во всем мире, то есть по новому стилю, отмечается день трудящихся, 1 мая, – по решению Петросовета и в российской столице в этот день проходит многотысячная майская демонстрация.

Князь Львов присылает текст ноты в Петросовет. Церетели вспоминает, что он распечатывает пакет, читает текст, который «ошеломляет всех присутствующих своим содержанием». «Милюков – злой дух революции», – шепчет Чхеидзе.

Уже на следующий день нота Милюкова опубликована. Возмущению нет предела. «Революционная русская демократия будет еще лить свою и чужую кровь не только за восстановление Бельгии и Сербии, но и за захват Англией – африканских колоний, Палестины и Багдада, Францией – левого берега Рейна, Италией – Далмации и Албании: ибо все знают, что таковы "союзные обязательства"», – негодует левый публицист Разумник Иванов. Петросовет в ярости – Милюков просто обманул всех, будто понадеявшись, что его уловку никто не заметит. Все обвиняют Керенского в том, что он знал, каков будет текст ноты Милюкова, и одобрил его.

Когда утром 20 апреля князь Львов встречается с Церетели для

срочных переговоров, поступает известие, что солдаты нескольких полков идут к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать Временное правительство. Это неожиданность даже для исполкома Петросовета – все злятся на Милюкова, но никто и не планирует вооруженное восстание.

Оказывается, что это привет от Ленина. Нота Милюкова возвращает его, вчера еще политический труп, к жизни. Он и агитаторы-большевики всегда говорили, что Временное правительство – «буржуазное», «империалистическое» и ведет войну в интересах иностранных капиталистов, а не собственного народа. Сообщение Милюкова наконец-то подтверждает их правоту!

По совпадению, Временное правительство спасает от ареста Гучков. Из-за его болезни министры переносят заседание в его квартиру на Мойке. К возбужденным солдатам и матросам из Мариинского дворца никто не выходит, но через некоторое время к ним приезжают члены исполкома Петросовета, чтобы разъяснить ситуацию и убедить демонстрантов, что нота Милюкова – не повод свергать правительство. Полки расходятся.

Тем же вечером исполком Петросовета и Временное правительство собираются в Мариинском дворце, чтобы обсудить план. Князь Львов говорит, что совершенно не цепляется за власть и готов передать ее исполкому Петросовета – если его лидеры уверены, что лучше справятся с ситуацией. Но социалисты не хотят формировать правительство, понимая, что им будет намного труднее консолидировать общество: например, найти общий язык с офицерством или с крупным бизнесом. Они не требуют отставки всего правительства – достаточно ухода Милюкова. Лидер эсеров Виктор Чернов даже предлагает просто перевести Милюкова на должность министра просвещения.

Гучков произносит перед присутствующими душераздирающую речь, в которой рассказывает о том, что, убежденный монархист, он был вынужден выбирать между царем и родиной, так как был уверен, что именно слабый император мешает одержать долгожданную победу в войне. И он, и многие офицеры нарушили свои клятвы и присоединились к революции, чтобы спасти родину. Но спустя месяц оказывается, что жертва была напрасна, – победа в войне теперь еще дальше. Главная ценность – это честь, которая прямо зависит от победы. Экономика, безопасность, уровень жизни для Гучкова вторичны, а позор от поражения вынести нельзя. Эту позицию разделяют с Гучковым десятки других политиков.

Заседание заканчивается, никакое решение не принято. К Мариинскому дворцу приходит новая демонстрация – теперь в поддержку Милюкова и Гучкова, за войну до победного конца. Милюков с балкона

произносит речь, когда он говорит, что за криками «долой Милюкова» слышно «долой Россию», толпа ликует и аплодирует.

Параллельно в других частях города продолжаются демонстрации так называемой красной гвардии, то есть вооруженных рабочих, под лозунгами «Долой Милюкова!», «Долой войну!». Около Казанского собора две толпы встречаются – начинается серьезная потасовка, и, поскольку многие вооружены, драка быстро переходит в перестрелку, в которой погибает пятеро человек.

21 апреля правительство заседает в Мариинском до позднего вечера. Милюков, а также Родзянко и начальник Петроградского военного округа генерал Корнилов до вечера выступают с балкона, пытаясь успокоить толпу. В городе все активнее говорят о том, что вот-вот начнется бойня; якобы Корнилов ведет в Петроград верные правительству войска из Царского Села.

Главный вопрос дня в правительстве: как следует усмирять толпу? Гучков говорит, что в его распоряжении есть несколько тысяч вполне надежных солдат. Он не хочет их пускать на подавление волнений, но, если начнется вооруженное нападение на правительство, они дадут отпор. «Александр Иванович, я вас предупреждаю, что первая пролитая кровь – и я ухожу в отставку», – отвечает ему министр промышленности (и близкий друг юности) Александр Коновалов. С Коноваловым соглашаются почти все министры: любое применение оружия лишит Временное правительство доверия и отбросит на путь насильственной царской политики.

Тем же вечером исполком Петросовета запрещает на три дня любые демонстрации, а военным – покидать казармы без согласия Советов. Это касается и частей, которые приходили «арестовывать Временное правительство», и частей Корнилова. Беспорядки в одночасье прекращаются.

Диктатор, коалиция и собака Баскервилей

Так Петросовет показывает, что контролирует ситуацию и может легко успокоить волнения, а исполнительная власть обнаруживает свою беспомощность. Генерал Корнилов уходит в отставку. Князь Львов как истинный демократ говорит, что, если Петросовет пользуется столь высоким авторитетом, его нужно пригласить в правительство.

Эту же идею продвигает Керенский. Ему порядком надоели постоянные упреки и претензии со стороны членов Петросовета. Но все не так просто. Церетели не хочет входить в правительство: он считает, что его место – в Петросовете. Исполком отклоняет предложение.

Правительственный кризис усугубляется с каждым днем. Милюков уезжает на фронт, и очередное заседание превращается в демонстрацию против него. Гучков выслушивает оскорбления в адрес коллеги и покидает зал, а затем отправляет Львову письмо с просьбой об отставке. «Ввиду тех условий, которые я не в силах изменить и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России, я по совести не могу далее нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины», – пишет Гучков. А чтобы отрезать пути к отступлению, копию письма министр отправляет в газету.

Временному правительству только два месяца, но его авторитет уже подорван. В день отставки Гучкова бывший император Николай, изолированный в своем дворце в Царском Селе, впервые после отречения упоминает в дневнике какой-либо политический вопрос. «Вчера узнали об уходе ген. Корнилова с должности главнокомандующего Петроградским военным округом, а сегодня вечером об отставке Гучкова». По мнению Николая, всему виной Советы. «Что готовит провидение бедной России? Да будет воля Божья над нами». После этого короткого отступления он возвращается к описанию семейных дел – в тот день он читает детям вслух «Собаку Баскервилей».

Керенский тем временем продолжает переговоры о сотрудничестве с Петросоветом, отставка Гучкова очень ему на руку. Князь Львов параллельно уговаривает Церетели, и все это дает свои плоды: исполком голосует и решение принимается 44 голосами против 19.

Милюков уходит в отставку (позже он скажет, что «его ушли»), МИД возглавляет 32-летний Михаил Терещенко, которого, впрочем, сам

Милюков считает очень компетентным в международных вопросах. Но главное, теперь начинаются изматывающие переговоры с Петросоветом о том, кто какие должности займет. Церетели не хочет входить в правительство: это противоречит его убеждениям, к тому же он де-факто руководит Петросоветом и не может бросить эту работу, но остальные отказываются идти в правительство без него.

В какой-то момент члены старого Временного правительства отчаиваются – министр путей сообщения Некрасов предлагает вообще всем уйти в отставку, передав власть и. о. военного министра генералу Маниковскому. Однако в итоге социалистам и либералам удается договориться. Церетели, по словам Милюкова, «приносит себя в жертву», чтобы избежать гражданской войны, – и соглашается на второстепенный пост министра почты и телеграфа, который позволит ему продолжить работу в Петросовете. Лидер эсеров Чернов становится министром земледелия, чтобы проводить свою аграрную реформу. Вопрос, кого назначить на место Гучкова, князь Львов задает главнокомандующему Алексееву. Тот, опросив генералов, отвечает, что первый кандидат – Керенский. В итоге Керенский перемещается на позицию военного министра. Всего социалисты (меньшевики и эсеры, включая вступившего в партию Керенского) получают шесть мест. Так появляется максимально легитимное правительство, представляющее все политические силы, кроме большевиков. Политический кризис разрешился стремительным и мирным способом.

Нет такой партии

Временное правительство медлит с созывом Учредительного собрания, которое должно написать конституцию новой России и положить начало новому государству. Помимо прочего, это еще и очень сложная юридическая задача – нужно с нуля придумать систему всеобщих выборов в огромной стране. Кадеты говорят, что надо подождать, пока закончатся активные бои на фронте. Церетели стремится обеспечить другой источник легитимности правящей коалиции, и 3 июня в Петрограде собирается Первый съезд Советов рабочих и солдатских депутатов – парламент русской революции, включающий представителей сотен Советов со всей России. Перед съездом выступает Церетели, который заявляет, что до этого момента высшим революционным представительным органом власти в стране де-факто являлся Петросовет, теперь же он слагает свои полномочия – и передает их съезду. Съезду предстоит выбрать собственный исполком, а также оценить действия своих предшественников, которые теперь вошли в состав Временного правительства: вынести им вотум доверия или недоверия.

В зале сидит Ленин, и, по сути, речь Церетели – это спор с Лениным. Он по пунктам отвечает на все нападки большевистской агитации. И зал сопровождает аплодисментами поддержки каждый его тезис.

На требование Ленина о прекращении войны Церетели отвечает, что сепаратный мир невозможен, потому что нельзя закончить войну в одностороннем порядке. Отвечая на упрек в неспособности решить насущные проблемы, он говорит, что сделать это за два месяца никому не под силу. Ключевой тезис в речи Церетели касается объединения «всех живых сил»: власть должна предоставлять полную свободу не только своим сторонникам, но и своим противникам.

При этом власть должна быть достаточно сильной, чтобы «противостоять тем, кто решается на эксперименты, опасные для судеб революции, на эксперименты открытого выступления против власти, отпадения от России, на эксперименты, сеющие гражданскую войну».

«В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет», – говорит Церетели. «Есть», – выкрикивает с места Ленин. «В России до сих пор не было ни одной партии, которая заявляла бы претензии на захват власти немедленно, – уточняет

Церетели. – Но были такие заявления со стороны безответственных групп справа и слева».

Фактически он называет Ленина маргиналом-контрреволюционером. И зал аплодирует. На следующий день Ленин тоже будет выступать – и зал будет хохотать, когда тот заявит, что большевики в любую минуту готовы взять власть.

Предложения Церетели получают большинство голосов, предложения Ленина отвергнуты. Съезд Советов выносит вотум доверия Временному правительству, Петросовету и стратегии Церетели. Казалось бы, демократия прошла первое испытание.

Парад в Париже

В апреле труппа Дягилева переезжает из Рима в Париж. Ее участники слышат о происходящем в России лишь урывками, но тоже испытывают революционный подъем. И затевают свою революцию – в балете и искусстве.

Дягилев немало претерпел от царской семьи и имеет основания радоваться ее падению, однако его основные противники последних лет – капиталисты, французские и американские, организаторы гастролей, предприниматели от шоу-бизнеса, которые то и дело переманивают у него звезд, срывают его планы и развращают аудиторию низкокачественными представлениями. Дягилев хочет возглавить собственную революцию против них, против массовой культуры. В сообщники 45-летний Дягилев берет молодежь: его новому художнику-сценографу Пабло Пикассо 36 лет, сценаристу Жану Кокто 28, а любовнику Дягилева балетмейстеру Леониду Мясину и вовсе 20.

Кокто хочет сделать балет с элементами цирка, Пикассо – впустить кубизм в жизнь через декорации и костюмы. Больше всего Дягилеву нравится идея Пикассо изобразить французского и американского менеджеров в виде прямоугольных рекламных щитов, показывающих вульгарность дельцов и самого шоу-бизнеса. Создавая декорации Америки, Пикассо рисует коллаж: небоскреб, мозаика лиц и кричащая рекламная надпись «Парад» – она и становится названием спектакля.

«Парад» – сатира на массовое искусство и грандиозное смешение разных новых жанров. «Мы действительно использовали некоторые элементы современного шоу-бизнеса – рэгтайм, джаз, кинематограф, рекламу, приемы цирка и мюзик-холла, но мы выбирали лишь наиболее яркие черты», – вспоминает Мясин. К музыке Кокто добавляет посторонние звуки: стук пишущей машинки, звон молочных бутылок. Даже 50-летний композитор-новатор Эрик Сати очень недоволен.

Прежде чем дать премьеру «Парада» в Париже, дягилевская труппа ставит уже привычную для себя «Жар-птицу» Стравинского. В финале балета на сцене обычно появляется Иван-царевич в короне. Но в этот раз Дягилев решает, что в соответствии с новыми политическими реалиями корона неуместна, и на царевича надевают красный колпак, а в руку дают красный флаг. Дягилеву искренне кажется, что в республиканской Франции подобный салют русской революции будет воспринят с энтузиазмом. Но

Дягилев не следит за новостями.

Русская революция была популярна в Париже недолго. Французская общественность надеялась, что революция не помешает России активно участвовать в войне. На начало апреля намечено наступление Антанты на Западном фронте. План операции разработал французский главнокомандующий Робер Нивель – и он требовал от своего российского коллеги Михаила Алексеева, чтобы российские войска одновременно с французскими перешли в наступление. Алексеев отказался наотрез. Чудовищный эпизод у реки Стоход был единственным сражением российской армии весной 1917 года и продемонстрировал ее неподготовленность. Поэтому немцы перебрасывают максимум сил на Западный фронт и дают неожиданно жесткий отпор Нивелю: за месяц наступления французы теряют 190 000 человек, англичане – 160 000, немцы – тоже около 160 000 человек.

«Предательство» русских и чудовищные потери на фронте – главная тема французских газет. В этом контексте красный флаг в руках Ивана-царевича патриотичная парижская публика воспринимает как насмешку. Дягилев пытается объясниться и говорит в интервью, что красный флаг – это лишь символ борьбы за свободу. От этого рецензии становятся еще жестче, а партнеры по бизнесу угрожают разрывом контракта, что сорвет премьеру «Парада». Дягилев поспешно убирает флаг со сцены и снова надевает на царевича корону.

Впрочем, настоящий скандал впереди. Премьера «Парада» состоится 18 мая в самый неподходящий момент: наступление Нивеля провалилось, патриотичных парижан оскорбило бы что угодно, но на сцене – настоящий вызов. Кубистские декорации и костюмы Пикассо публика уже терпит с трудом, но танцующая на сцене лошадь с кубистической мордой становится последней каплей. Публика кричит, оскорбляя Пикассо, Дягилева, называя всех их немцами и доходит до лозунга «Смерть русским!». 26-летний журналист Илья Эренбург, который дружит с создателями балета и пришел на премьеру, вспоминает, что зрители, сидящие в партере, бросаются к сцене и начинают колотить кулаками, требуя опустить занавес.

Впрочем, для парижской богемы «Парад» – безусловный успех. Клод Дебюсси разыскивает Дягилева, чтобы поздравить его с триумфом, но «легче дозвониться до Господа Бога», – отмечает композитор.

Главноуговаривающий

Керенский, став военным министром, делает то, что отказывался сделать Гучков, – подписывает «Декларацию прав солдата». Он вовсе не считает, что с войной надо покончить, напротив, он хочет показать, что именно под его командованием Россия может победить, более того, спасти Францию и Западный фронт от разгрома. По словам Керенского, план немецкого командования – «посредством мирной пропаганды и братания парализовать русский фронт, сконцентрировать всю мощь германской армии на Западном фронте и к концу лета, до прибытия американских войск, нанести там сокрушительный удар». Чтобы сорвать этот план, нужно взять инициативу в свои руки и возобновить боевые действия.

14 мая Керенский публикует приказ о наступлении – патетическую прокламацию, обращенную к солдатам: «Во имя спасения свободной России вы пойдете туда, куда поведут вас вожди и правительство…» После этого Керенский начинает гастролировать по стране в новой роли. Вместо темно-коричневой куртки, которую он носил, будучи министром юстиции, он надевает светлый френч военного типа, больная рука висит на черной перевязи – Керенский смотрится как раненый герой.

Он объезжает армии, уверенный в своей харизме. И она его не подводит: даже недоброжелатели признают, что агитация Керенского проходит триумфально. «Всюду его носили на руках, осыпали цветами, – вспоминает член исполкома Петросовета Николай Суханов. – Всюду происходили сцены еще невиданного энтузиазма, от описаний которых веяло легендами героических эпох. К ногам Керенского, зовущего на смерть, сыпались Георгиевские кресты; женщины снимали с себя драгоценности».

Керенского сравнивают одновременно с Наполеоном и Жанной Д'Арк. Он прямо под огнем «летает по фронту то на автомобиле, то на аэроплане, то бегом», ругается с провокаторами, целуется с героями, сам перевязывает раны. Скептики-офицеры называют его «главноуговаривающим», но Керенского это не оскорбляет. «Я понимал, что они хотят знать лишь одно – почему они все еще торчат в окопах, – вспоминает Керенский. – Миллионы солдат задавали себе лишь один вопрос: "Почему я должен сегодня умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?"» Перед этими измученными людьми Керенский выступает с такой речью: «Конечно, легко призывать измученных людей бросить оружие и

возвратиться домой, где только что началась новая жизнь. Но я зову вас на бой, на героический подвиг – я зову вас не на праздник, а на смерть, я призываю вас пожертвовать жизнью ради спасения Родины!»

«Вы нас убеждаете, что мы должны воевать с немцами, чтобы крестьяне могли заиметь землю. Но какой крестьянам смысл ее получать, ведь если меня убьют, я же земли не получу?» – спрашивает Керенского солдат, который «дрожит с ног до головы».

«Немедленно отошлите этого парня обратно в деревню, – отвечает Керенский. – Пусть его односельчане знают, что русской армии трусы не нужны».

По воспоминаниям Керенского, этот прием работает отлично: солдат за пару дней меняется до неузнаваемости, становясь образцом дисциплинированности.

План наступления русской армии был утвержден еще до революции Николаем II. Основной удар должен наносить Юго-Западный фронт под командованием генерала Брусилова – как и год назад. Керенский объезжает его войска и ближе знакомится с самим Брусиловым, который настолько ему нравится, что, вернувшись в столицу, он советует Львову заменить Брусиловым верховного главнокомандующего Алексеева.

Начала наступления, 18 июня, Керенский дожидается на фронте. После первого удачного наступления столичные журналисты превозносят Керенского и успехи армии до небес. Через 20 дней заняты Калуш и Галич, тысячи австрийцев взяты в плен, фронт прорван на 30 километров. Самые боеспособные части несут огромные потери – почти 40 000 человек убито и ранено. С одной стороны, это немного, если сравнить с потерями в ходе Брусиловского прорыва (где погибло в десять раз больше) и тем более с потерями Франции на Западном фронте. Но погибшие солдаты принадлежат к отборным, чуть ли не единственным мотивированным частям во всей русской армии. Едва продвинувшись, наступление начинает буксовать.

«Ни бунта, ни покорности»

В начале июля Керенский, который почти неотлучно находится на фронте, едет в тыл – в Киев, чтобы провести переговоры с Украинской Центральной радой. Между Киевом и Петербургом к этому моменту назревает серьезная проблема. Еще в мае Центральная рада разрабатывает план создания украинской автономии. Согласно ему, Временное правительство должно назначить «особого комиссара» по делам Украины (аналогично министру по делам Финляндии); украинские солдаты должны быть обособлены в отдельные подразделения, должна быть создана отдельная система образования на украинском языке. 16 мая украинская делегация во главе с Владимиром Винниченко, заместителем главы Центральной рады Грушевского, отправляется в Петроград. Винниченко не принимает никто из министров, переговоры с юридическим департаментом правительства ничем не заканчиваются. Украинской делегации отказывают в решении до созыва Учредительного собрания.

В Петрограде нет консенсуса об идеальном устройстве России. Кадеты уверены, что страна должна быть неделимой, лидер эсеров Чернов, наоборот, предлагает превратить страну в «Соединенные Штаты Восточной Европы, Сибири и Туркестана». Так или иначе, Временное правительство «прячется за Учредительное собрание», предпочитая ничего не решать.

Тогда Киев начинает более решительные действия. В начале июня, в самый разгар мобилизации, вопреки запрету Керенского, в Киеве проходит Всеукраинский военный съезд, на котором требуют создания отдельной украинской армии. Одновременно Центральная рада публикует Первый универсал – программный документ новой Украины, без пяти минут конституцию, написанную Винниченко по принципу «ни бунта, ни покорности». Согласно Универсалу, Украина остается в составе Российского государства, но со своим всеукраинским народным сеймом, налогами и исполнительной властью – генеральным секретариатом во главе с Винниченко.

28 июня в Киев приезжает очень серьезная делегация Временного правительства: Церетели и министр иностранных дел Михаил Терещенко (кстати, киевлянин), военный министр Керенский. Переговоры проходят успешно и снимают многие проблемы, Временное правительство соглашается с тем, что Украина должна получить автономию, но только после решения российского Учредительного собрания. Центральная рада

берет на себя обязательство не провозглашать автономию самовольно, а генеральный секретариат во главе с Винниченко признается органом Временного правительства.

Переговорщики уезжают из Киева с чувством выполненного долга. Однако недовольных результатами тоже немало. Издатель газеты «Киевлянин» депутат Государственной думы Василий Шульгин – категорический противник украинизации. «Мы дважды русские, потому что мы из Киева – матери городов русских, потому что Москва и Петроград – колонии Киева, а не наоборот», – рассуждает Шульгин. Вскоре он собирает больше 50 000 подписей против признания независимости Киева.

1 июля Керенский, Терещенко и Церетели возвращаются в Петроград. Еще до их приезда становится очевидно, что договоренность с Украиной может похоронить Временное правительство. Кадеты выступают категорически против уступок, которые они называют «развалом России». Кадетские министры выдвигают ультиматум – они уйдут из правительства, если соглашение с Украиной будет утверждено.

Конец либеральной мечты

Российских либералов – кадетов – действительно лихорадит. Еще четыре месяца назад они были российской оппозицией и основной силой «прогрессивного блока» в Думе, они сделали революцию или как минимум вместе с другими членами Временного комитета подобрали власть, которая выпала из рук Николая II. Лидер кадетов Павел Милюков писал на коленке список первого Временного правительства и первый зачитывал его солдатам в фойе Таврического дворца.

Однако за четыре месяца ситуация изменилась настолько, что кадеты в ней выглядят консерваторами: многие из них предпочли бы конституционную монархию республике, а если республика неизбежна, то они хотели бы, чтобы она основывалась на прежних порядках.

После революции вчерашние главные оппозиционеры оказываются слишком умеренными, чтобы быть популярными. В конце июня в Москве проходят выборы в Городскую думу, которые воспринимаются как праймериз перед выборами Учредительного собрания. Москва всегда была оплотом либералов и кадетов, в отличие от Петрограда, где политические настроения улицы определяет стотысячный гарнизон.

Почти весь июнь в Москве идет предвыборная кампания – «как в Европе», говорят жители. Семь партий, агитационными плакатами обклеены все заборы, листовки разбрасывают с аэропланов. Самый удачный номер в бюллетене у кадетов – № 1. Предвыборную кампанию кадеты ведут вяло, да и их зажиточный электорат пассивнее, чем у левых партий. «Кадеты потеряли много мест от своей лености и от любви к уюту, к природе, к винту, к ботвинье, – пишет избиратель Никита Окунев, – засели на своих дачах и благодушествовали, а эсеры на дачи не ездят и вообще не дремлют».

Убедительную победу одерживают эсеры – они получают 116 мест из 200 (57,98 % голосов). Удивительный результат для Москвы, ведь эсеры – партия крестьянская, их лидер Виктор Чернов – министр земледелия, а главный лозунг – «Земля и воля». Впрочем, Керенский тоже считается эсером, поэтому эти голоса можно считать поддержкой Временному правительству. Второе место в Москве занимают либералы – у кадетов 34 места (16,85 % голосов). Оставшиеся мандаты делят между собой меньшевики и большевики, у которых по 11 %.

Кадеты – единственная партия, которая не придерживается левых

убеждений. Но главный спор касается вовсе не экономических убеждений, а международной политики. Либералы начала XX века – имперцы. Они хотят, чтобы Россия была свободной и демократической, но осталась империей. Они против самоопределения регионов, осуждают предательство Финляндии и возмущены поведением Украины.

Совещание кадетской партии о будущем Украины становится одним из самых драматичных в истории российского либерализма на тот момент. Кадет Николай Некрасов, министр путей сообщения, признается товарищам по партии, что ездил в Киев по просьбе Церетели, полностью согласен с выработанным договором и в нем нельзя поменять ни слова. И сразу уходит с совещания. Остальные считают его перебежчиком и предателем. «Я думаю, что мы, кадеты, не годимся для политики. Мы слишком честные люди», – говорит министр финансов Андрей Шингарев. С ним все соглашаются, так как, по логике кадетов, уступки Центральной раде, автономия Украины – это позор, бесчестье.

На следующий день Временное правительство большинством голосов ратифицирует соглашение с Центральной радой. Четыре министра-кадета объявляют о своей отставке, а пятый, Некрасов, – о выходе из партии. Керенский уезжает на фронт. Он не догадывается, что уход либералов из правительства едва не станет началом новой революции.

Глава 14
В которой Лев Троцкий и Лев Каменев не хотят большевистского переворота, потому что считают, что он совершенно не нужен

Звезда цирка

Лев Троцкий приезжает в Петроград одним из последних – освободившись из канадского концлагеря, он добирается до России, когда после революции прошло уже два месяца. Троцкий идет на заседание Петросовета – органа, который он возглавлял 12 лет назад, во время революции 1905 года. Тогда Троцкому было 26 лет, теперь 38 – и, по сути, ему в Петросовете места нет. Его, конечно, как ветерана, включают в исполком «с правом совещательного голоса», но повлиять на политику исполкома он не может: все роли распределены, Петросоветом руководит Церетели, Троцкий опоздал.

Чтобы как-то найти себе применение, он идет в цирк. Цирк «Модерн», находящийся неподалеку от особняка Кшесинской, любимое место петроградцев, которые никак не могут перестать митинговать. Здесь круглосуточно выступают. Именно здесь Троцкий, так долго живший за границей в отрыве от публики, ежедневно тренирует свои ораторские навыки. На митинги в цирк ходят типичные диванные политики того времени – интернета и телевидения в 1917 году еще нет, – поэтому они удовлетворяют свою жажду зрелищ, глядя на то, как ругаются третьесортные ораторы, оказавшиеся за бортом новых органов власти, но желающие высказаться. Троцкий эту публику покоряет.

Он критикует Керенского и наступление на фронте, говорит, что министры считают солдат глиной, из которой можно сделать что угодно, что Керенский бегает по фронту и паясничает, вместо того чтобы дать ответы на вопросы солдат. Сам Троцкий дает очень простые ответы: войну прекратить, отобрать землю у помещиков, добиться полной свободы. Он вскоре становится главной звездой цирка – никто из его политических противников не осмеливается переступить порог этого бастиона Троцкого. Зато когда он приходит в Петросовет, ему кричат: «Здесь вам не цирк "Модерн"!»

Первое столкновение между Троцким и Церетели происходит еще в мае. Петросовет пытается прекратить затянувшийся мятеж в Кронштадте – еще во время Февральской революции матросы посадили в тюрьму своих офицеров и до сих пор отказываются их выпускать. На переговоры в вечно бунтующий Кронштадт едет Церетели. Проведший восемь лет в тюрьмах, он в ужасе от увиденного и спрашивает у матросов, как они вообще могут держать живых людей в таких условиях. Церетели называет Кронштадт

очагом бунта, позорящим революцию и готовящим ее гибель. Представители матросов защищаются – они считают положение в Кронштадте вполне законным «углублением» революции и не могут понять, чего хочет от них Церетели. Зато со всей своей страстью в защиту Кронштадта выступает Троцкий.

Популярность большевиков и их союзников (например, группы «межрайонцев», к которой принадлежит Троцкий) среди солдат и матросов растет. Их называют «пацифистами», хотя большевики выступают не за мир, а за то, чтобы «империалистическую войну» превратить в гражданскую «против буржуев». В их листовках говорится, что революция не принесла улучшений экономики, потому что правительство контролируется «банкирами» и «спекулянтами». Терпеть дальше нельзя, все должны выйти из казарм на улицу и свергнуть министров-капиталистов, передав всю власть Советам.

10 июня терпению Церетели приходит конец. Он лично выстроил хрупкую коалицию всех политических сил и теперь требует от коллег разоружить большевиков. Троцкий в ответ просто троллит Церетели: зачем уделять так много внимания такой маленькой группе, как большевики? Церетели отвечает, что большевики действительно небольшая группа, почти не представленная в Петросовете, но она – единственное слабое звено, которое борется против революции: «То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это – заговор. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять».

Поднимается буря – большинство присутствующих, включая эсеров и меньшевиков, не согласны. «Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер, не ограничивайтесь речью, арестуйте меня и судите!» – кричит большевик Каменев. Предложение Церетели не проходит – принимается проект устного осуждения поведения большевиков. «Церетели остался среди своих в меньшинстве. А между тем он был по-своему прав», – напишет спустя много лет его главный противник в тот день Лев Троцкий.

Слабое звено

2 июля Троцкий вместе со своим товарищем искусствоведом Луначарским выступает на митинге-концерте в Первом пулеметном полку. Шоу Троцкого превращается в мощную антиправительственную манифестацию, хотя сам он считает, что ничего особенного не происходит: «Настроение было очень приподнятое. Клеймили Керенского, клялись в верности революции».

Под впечатлением от «цирковых» выступлений Троцкого, а также беспрерывно агитирующих против нынешнего режима анархистов-коммунистов Первый пулеметный полк тем же вечером отправляется свергать Временное правительство под лозунгом «Первая пуля – Керенскому». Сам военный министр в этот момент как раз выезжает на фронт, где продолжается объявленное им наступление.

Первый пулеметный полк – странное формирование: в начале года в нем было около 20 000 солдат, по численности он почти равен дивизии. До революции в него собирали солдат, чтобы отправить на фронт; после революции пулеметчики остались в столице «сторожить революцию». Треть их дезертировала, прочие остались в казармах и активно участвуют в политической жизни. С началом июньского наступления Керенский пытается отправить полк на фронт – но солдаты не подчиняются.

Утром 3 июля возбужденные солдаты Первого пулеметного полка собирают новый митинг. Приходит новость, что «пятеро министров-капиталистов» ушли в отставку (на самом деле из-за Украины уволились четверо кадетов). Солдаты понимают, что их любимый лозунг «Долой десять министров-капиталистов» наполовину исполнился, и это подстегивает их еще сильнее.

В Кронштадт и другие казармы города из Первого пулеметного полка отправляют гонцов, чтобы сообщить, что идут свергать власть. Одна колонна идет к Мариинскому дворцу, где сидит Временное правительство, другая – к Таврическому, где заседает Петросовет, чтобы отобрать власть у первого и передать второму. «Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Долой Керенского и с ним наступление!» – написано на их транспарантах. Именно военный министр, самый популярный политик, становится мишенью большевиков. Его называют «маленьким Наполеоном», который пожертвовал полумиллионом жизней в последнем наступлении.

Толпа приходит к Мариинскому дворцу, но он снова пуст, на этот раз министры заседают на квартире у премьера Львова. И поскольку плана у шествия нет, часть толпы отправляется грабить магазины.

По дороге солдаты останавливают автомобили, высаживают пассажиров и отбирают у них машины. Угоняют машину даже у самого Церетели. Горожане неожиданно ощущают, что революция повторяется: снова законы не действуют, солдаты берут власть в свои руки. Уже тепло, по городу разъезжают открытые автомобили с солдатами. Некоторые пулеметчики для эффектности ложатся на крылья машин. «Когда же кончится это безобразие?» – бормочет, гуляя по Летнему саду, великий князь Николай Михайлович, теперь просто гражданин Романов, двоюродный брат царя и некогда самый либеральный из его родственников.

Солдаты приходят к особняку Кшесинской. На балкон выходит растерянный Лев Каменев (он митинг накануне прогулял, поэтому воинственность полка для него – сюрприз) и пытается уговорить пулеметчиков вернуться в казармы, но его не слушают. Тогда Каменев бежит совещаться с товарищами – все в замешательстве. Ленина нет в столице, он заболел и еще 29 июня вместе с сестрой уехал на дачу в Финляндию. Руководство большевиков голосует против вооруженного восстания, Троцкий тоже говорит, что свергать правительство рано. Каменев и Зиновьев пишут статью в ближайший номер «Правды», в котором призывают воздержаться от выступления.

В Таврическом идет очередное долгое заседание исполкома. Выступает Церетели, лидер Петросовета и одновременно министр почт и телеграфов во Временном правительстве, когда в Таврический приходит новость, что сюда движутся полки, которые выступают против Временного правительства и требуют отдать власть Советам. Неожиданно прибегает большевик Сталин и говорит Церетели и Чхеидзе, что большевики тут ни при чем, что они против демонстрации. Ему, конечно, не верят.

«Теперь все ясно, – говорит Чхеидзе своему другу Церетели. – Мирным людям незачем заносить в протокол заявления об их мирных намерениях. Похоже, нам придется иметь дело с так называемым стихийным выступлением, к которому большевики примкнут, заявив, что нельзя оставлять массы без руководства».

Положение Церетели необычно – фактически в столице происходит революция, которая требует, чтобы он взял власть в свои руки, но он решительно отказывается, потому что сама идея диктатуры ему противна, он хочет демократии и готов бороться с восстанием. Он марксист, а значит, убежден, что правительство должно состоять из представителей буржуазии

и участие в нем рабочего класса на данном этапе – это вынужденная необходимость, противоречащая учению Маркса. Более того, таково решение Съезда Советов, и Петросовет не имеет права его нарушать.

Петросовет снова издает приказ, запрещающий солдатам покидать казармы, однако на этот раз никто не подчиняется: в 8 часов вечера 3 июля солдаты из разных концов города собираются у Таврического дворца. Это совершенно неорганизованная толпа, у которой нет приказов или целей, поэтому она просто ждет.

В особняке Кшесинской продолжается паническое обсуждение. На балкон успокоить солдат выходят разные ораторы. Успокоить не удается, значит, нужно присоединиться и возглавить, считает Троцкий. Статью с призывом к порядку, которую написали Зиновьев и Каменев, снимают из печати – наутро «Правда» выйдет с пустым местом на первой полосе.

Вместо статьи типография печатает листовку, написанную редактором «Правды» Иосифом Сталиным, в которой говорится: «Временное правительство потерпело крах… нужна новая власть… Такой властью может быть только Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

К полуночи все улицы вокруг Таврического дворца заняты вооруженными солдатами. В 2 часа ночи к ним присоединяются 30 000 рабочих Путиловского завода. Окруженные толпой члены исполкома Петросовета впервые понимают, что они ничего не могут сделать с нарастающей стихией.

Утром 4 июля напряжение продолжает нарастать: из Кронштадта в Петроград отправляются военные корабли. Ленин садится на поезд, чтобы скорее вернуться в столицу. От Финляндского вокзала совсем недалеко до особняка Кшесинской, около полудня он уже на балконе перед разгоряченной толпой. Ленин явно не в ударе: с одной стороны, он еще болен, с другой – как и его товарищи, совсем не уверен в успехе этого восстания. «Проявляйте стойкость, выдержку и бдительность», – растерянно говорит он. Солдаты разочарованы.

Ленин очень нервничает – он считает, что время для восстания выбрано неудачно: только что началось наступление, Керенский популярен в армии, Временное правительство может в любую минуту перебросить полки с фронта и подавить мятеж. Зиновьев вспоминает, как они с Лениным и Троцким совещаются в тот день возле буфета в Таврическом дворце. «Нет, сейчас брать власть нельзя, потому что фронтовики еще не наши, – говорит Ленин. – Сейчас обманутый либералами фронтовик придет и перережет питерских рабочих».

К толпе в пасть

4 июля центр города во власти кронштадтских матросов, жители прячутся. То и дело возникают перестрелки: матросы беспорядочно палят по окнам домов на Невском, оставляя десятки убитых.

На одной из машин, захваченных солдатами, по городу едет большевик Зиновьев. Кронштадтцы шутят, что «буржуи пытаются сбежать в Финляндию» – на улицах огромный поток в сторону Финляндского вокзала. Восставшие решают захватить Финляндский вокзал, чтобы не дать «буржуям» улизнуть.

Они приходят к Таврическому и требуют позвать министра юстиции Павла Переверзева (социалиста), чтобы тот немедленно освободил кронштадтского матроса по фамилии Железняков, которого арестовали неделей раньше. Тогда власти накрыли сквот анархистов на бывшей даче покойного московского губернатора Петра Дурново. Министра юстиции в Петросовете нет, матросы злятся, начинают ломать ворота Таврического дворца, врываются внутрь.

«Вот один из тех, кто стреляет в народ!» – кричит какой-то матрос, увидев во дворе лидера партии эсеров, министра земледелия Виктора Чернова. Его волокут на улицу, Чернов кричит, что он не Переверзев, что министры-капиталисты ушли в отставку. Он вскакивает на бочку, чтобы оттуда обратиться к толпе, объясняет, что он автор земельной реформы… Его стаскивают вниз и кричат, чтобы немедленно раздал землю. Лидер самой старой и самой многочисленной партии в России в минуте от того, чтобы его растерзали так же, как во время Февральской революции линчевали царских генералов и городовых. Но Чернову везет – его тащат в машину, под арест. Один из рабочих трясет кулаком перед лицом Чернова и орет: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают!» Одежда министра изорвана, сам он страшно напуган.

В зале заседания исполкома узнают о случившемся через несколько минут. Чхеидзе кричит на Каменева, потом на Мартова, требуя, чтобы они немедленно освободили министра земледелия. Пока те мешкают, толпа становится все агрессивнее, и тогда к ней выбегает Троцкий. Опытный укротитель обезумевших народных масс, он вычисляет заводилу – и бросается на него, чтобы обнять.

«Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю, – орет он. – Дай мне руку,

товарищ! Дай руку, брат мой!» Брат пытается избежать рукопожатия Троцкого. Матросы, конечно, знают Троцкого – он много раз выступал в Кронштадте и призывал их быть беспощадными к врагам. Теперь он их успокаивает, и толпе это не нравится.

Тогда он вдруг запрыгивает на кузов автомобиля с криком: «Товарищи кронштадтцы, краса и гордость русской революции! Я убежден, что никто не омрачит нашего сегодняшнего праздника, нашего торжественного смотра сил революции, ненужными арестами. Кто тут за насилие, пусть поднимет руку!»

Этой фразой ему удается смутить толпу, после чего он быстро хватает Чернова за плечо и с криком «Товарищ Чернов, вы свободны!» уводит его, смертельно бледного, в Таврический дворец.

Анатомия протеста

Министра юстиции Павла Переверзева матросы так и не находят. Любопытно, что до революции он, адвокат, защищал в суде большевиков, которых судили по требованию Столыпина. Теперь он сам готовится обвинить их в измене: у него есть документы, с которыми можно попробовать доказать, что Ленин и его компания – немецкие шпионы.

В основе обвинения лежат показания некоего прапорщика Ермоленко, который еще в конце апреля сдался в Могилеве контрразведке и признался, что работал на Германию. Рассказав собственную шпионскую историю, прапорщик перечислил, какие еще немецкие шпионы помимо него действуют в России. Среди разоблаченных на первом месте оказался Ленин. Согласно документам, предъявленным Ермоленко, Ленин получал деньги от немецкой разведки через своего шведского представителя Якуба Ганецкого, а также Александра Парвуса – того самого, который в 1905 году после ареста Троцкого недолго возглавлял Петросовет и так долго убеждал немцев пропустить революционеров-эмигрантов в Россию.

У этих улик Переверзева есть один недостаток – они фальшивые. Обвинение шито белыми нитками: мелкий прапорщик с фронта не может иметь документов, разоблачающих всю немецкую шпионскую сеть. Переверзев это знает (возможно даже, документы были изготовлены по его приказу), но готов на все, чтобы избавиться от врагов, угрожающих стабильности правительства. 3 июля министр юстиции приказывает пустить документы в народ – его люди приглашают в Генеральный штаб представителей разных полков Петроградского гарнизона, чтобы те продемонстрировали солдатам доказательство предательства большевиков.

Одновременно Переверзев рассылает «бумаги Ермоленко» в газеты. Но первый и совсем неожиданный скандал происходит, когда министр юстиции рассказывает о проделанной операции на заседании правительства. Премьер-министр князь Львов возмущен. Обвинения против большевиков – очевидная фальшивка, кричит он, нельзя использовать ложь даже в борьбе против оппонентов, это подорвет авторитет правительства.

Львов требует срочно отозвать статьи из газет и сам начинает обзванивать редакции. Газеты, вняв авторитету премьер-министра, снимают публикации. Все, кроме одной. Газета «Живое слово» наотрез отказывается упускать такую сенсацию. Статья «Ленин, Ганецкий и Ко –

немецкие шпионы» уже написана, сверстана и выйдет на следующее утро [121].

Брать или не брать

Вечером 4 июля Таврический дворец по-прежнему осажден вооруженными матросами и солдатами. На улицах стреляют. Демонстранты то и дело врываются в зал с криками. Нервы у присутствующих натянуты до предела.

Церетели объясняет, что Петросовет не может согласиться с требованиями солдат. Меньше месяца назад прошел съезд Советов, который поддержал коалиционное Временное правительство, если сейчас под давлением восставших исполком выступит против правительства, вся страна воспримет это как уступку насилию меньшинства. Церетели предлагает компромисс: созвать новый съезд там, где на него не будет давить многотысячный бунтующий гарнизон, – в Москве. И все спокойно обсудить.

Не согласны те, кто приехал в Петроград последними, кто не застал Февральскую революцию и добрался уже к шапочному разбору: Мартов, Луначарский и, конечно, Троцкий. «Здесь говорили, что выступающие – меньшинство в стране. Но это меньшинство проявляет большую активность и поддерживает нас. Большинство же пассивно», – говорит тихий интеллигент Мартов, призывая не отказываться от власти, которую предлагают матросы.

Пока исполком обсуждает, начинается сильный летний ливень – и прогоняет почти всех митингующих. Кто-то бежит в казармы, кто-то – в особняк Кшесинской, кто-то – в Петропавловскую крепость. У Таврического на опустевшей улице стоят несколько брошенных броневиков под проливным дождем.

Глубокой ночью члены исполкома продолжают дискуссию, когда слышат топот солдатских сапог в коридоре. В зале переполох. Но оказывается, что это подоспели полки, верные Временному правительству. Большинство голосует за резолюцию в поддержку Временного правительства, и в тот же день Временное правительство принимает решение провести выборы в Учредительное собрание 17 сентября и до этого разработать для него проект земельной реформы.

К Церетели подходит Сталин, которого большевики отправили на переговоры в Петросовет, рассчитывая, что грузин с грузином договорятся. Большевики знают, говорит Сталин, что правительство собирается послать войска в особняк Кшесинской – там находятся вооруженные отряды

большевиков, и если будет сделана попытка захватить дом, то неизбежно произойдет кровопролитие.

«Никакого кровопролития в доме Кшесинской не произойдет», – отвечает Церетели. «Значит, правительство решило не посылать военные отряды в дом Кшесинской?» – спрашивает Сталин. «Нет, правительство решило послать эти отряды, но кровопролития не будет, так как большевики увидят всю бесцельность и невозможность сопротивления». Сталин уходит. Во всех своих последующих речах и книгах он всегда будет называть Церетели вдохновителем репрессий против большевиков. Вопреки словам Сталина, в период между февралем и октябрем 1917 года не было никаких репрессий против большевиков, зато чуть ли не все старые большевики – участники революции были репрессированы Сталиным в 1930-е годы.

Конец большевикам

Рано утром 5 июля из газеты «Живое слово» большевики узнают про обвинение в шпионаже. Они называют это вторым «делом Дрейфуса», по аналогии с процессом против французского офицера, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии в 1890-е годы.

«Теперь они перестреляют нас по одному. Сейчас их время», – говорит Ленин Троцкому, который думает о том же. Лидеры большевиков спешно покидают типографию «Правды» – за несколько минут до того, как туда заходят правительственные войска, которые затем берут и дом Кшесинской.

Ленин боится за свою жизнь и даже пишет Каменеву с просьбой: «если его укокошат», опубликовать статью «Марксизм о государстве», оставленную в Стокгольме. И отправляет Зиновьева в Петросовет попросить защиты у коллег-социалистов.

«Товарищи, совершилась величайшая гнусность, – кричит Зиновьев, вбежав в зал заседания. – Чудовищное клеветническое сообщение появилось в печати и уже оказывает свое действие на наиболее отсталые и темные слои народных масс». Интересно, что это дословно то же обвинение в популизме, которое выдвигается против самих большевиков, когда те призывают солдат бежать с фронта отбирать землю у помещиков, а фабрики у «буржуев». Зиновьев требует от исполкома срочно реабилитировать Ленина. Встает старый народник Чайковский и говорит, что «дыма без огня-де не бывает». Чхеидзе ледяным тоном отвечает Зиновьеву, что меры будут приняты.

Последние повстанцы – кронштадтские матросы и солдаты Первого пулеметного полка – удерживают Петропавловскую крепость, но утром 5 июля их оттуда выбивают, разоружают и отпускают. Никаких массовых расстрелов большевиков не происходит – спустя много лет в своих воспоминаниях Троцкий будет называть это ошибкой Временного правительства: «К счастью, нашим врагам не хватало еще ни такой последовательности, ни такой решимости», – напишет он. Церетели даже в эмиграции будет считать, что он и его товарищи поступили правильно, поскольку они хотели демократии и не собирались развязывать террор.

Князь Мышкин

Военный министр Керенский все время восстания находится на фронте. Только вечером 4 июля он получает телеграмму от Львова с просьбой срочно приехать в столицу. Он немедленно отправляется обратно и шлет гневные телеграммы с требованием арестовать всех большевиков. По дороге случается катастрофа: в поезд Керенского на полной скорости врезается локомотив. Министр не ранен, но испытывает сильный шок и не сомневается, что это покушение, хотя никаких доказательств тому нет.

На последней станции перед Петроградом его встречает министр иностранных дел Терещенко, который специально выехал навстречу, чтобы рассказать о происходящем в столице. Восстание стало большим ударом для премьер-министра князя Львова, и тот собирается уйти в отставку, сдав дела Керенскому.

В Петроград военный министр приезжает в крайнем раздражении – и первым делом увольняет командующего столичным военным округом Петра Половцева – того самого, благодаря которому большевистский мятеж был усмирен. Керенский обвиняет его в недостаточной активности при подавлении восстания и «невыполнение приказов» Керенского. Половцев пытается объяснить, что большевики не арестованы, потому что за них заступается Петросовет, а Временное правительство не рискует санкционировать арест против воли исполкома.

В штабе Петроградского военного округа новость об увольнении Половцева вызывает переполох – офицеры рвутся убить Керенского, совершить переворот и объявить Половцева диктатором. Уволенный командующий их успокаивает.

С Юго-Западного фронта приходит телеграмма, что немцы перешли в наступление и прорвали оборону. С этой телеграммой в руках Керенский входит в зал, где заседает Временное правительство и представители Петросовета. «Думаю, вы больше не возражаете против арестов?» – размахивая телеграммой, кричит он, уверенный, что немецкое наступление и восстание большевиков – это части единого плана.

Премьер-министра Георгия Львова Керенский застает в тяжелой депрессии. Толстовец Львов всегда защищал интересы народа. Лозунг «Долой министров-капиталистов», проклятия в адрес Временного правительства убивают премьера. Кого он представляет, если народ против него?

«Я не сразу узнал Георгия Евгеньевича. Передо мною сидел старик с белой как лунь головой, опустившийся, с медленными, редкими движениями, – описывает секретарь Львова своего начальника в день отставки. – Не улыбаясь, он медленно подал мне руку и сказал: "мне ничего не оставалось делать. Для того, чтобы спасти положение, надо было бы разогнать советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать. А Керенский это может"».

Впрочем, уходя в отставку, премьер-министр пишет письмо, в котором объясняет, что главная причина его отставки – это конфликт с лидером эсеров министром земледелия Виктором Черновым, который хочет поделить землю, не дожидаясь того, как Учредительное собрание утвердит план земельной реформы. Львов считает, что это незаконно и неправильно. Больше того, Львов обвиняет Чернова, что тот своими действиями оправдывает незаконные самозахваты земли крестьянами (Чернов и правда считает это «меньшим злом», чем держать крестьян в напряжении).

Князь Георгий Львов – уникальная фигура в российской истории. Первый руководитель Российской республики, по сути русский Джордж Вашингтон, остался совершенно неизвестным публике – и остается неизвестным до сих пор. Первый американский президент, по воспоминаниям коллег, заняв свой пост, стал крайне важным и чопорным, заявляя, что отныне все, что он делает, – это прецедент. Князь Львов мог бы вести себя так же. Но он пытался максимально не быть императором, быть полной противоположностью всем предыдущим руководителям страны. Это ему удалось, причем не только с предыдущими, но и со всеми последующими лидерами России. Друг Льва Толстого, князь Львов оказался князем Мышкиным русской политики. Единственным стопроцентно порядочным и оттого мимолетным руководителем России, человеком, который не терпел насилия, вовсе не стремился к власти и не стал за нее держаться.

Оставив свой пост, Львов уезжает в Оптину пустынь – монастырь, куда несколько раз приезжал Толстой, причем в последний раз – перед самой смертью.

Бегство с поля боя

Немецкое контрнаступление наносит мощный психологический удар по армии и по всей стране. Газеты пишут, что 607-й полк дезертировал. Позже Керенский будет утверждать, что первые публикации в газетах были ложью и они окончательно деморализовали армию.

Борис Савинков телеграфирует с Юго-Западного фронта, что большинство частей стремительно разлагаются, о дисциплине нет уже и речи, на сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов. О том, как массово бежит пехота, вскоре будут рассказывать страшные легенды: дезертиры расстреливают всех, кто пытается им помешать, убивают офицеров, грабят местных жителей. За несколько дней так называемого Тарнопольского позора российская армия теряет не просто все территории, которые были заняты прошлогодним Брусиловским прорывом, но намного больше.

Керенский в неудаче своего наступления винит прессу – и приказывает восстановить военную цензуру. Генерал Корнилов, новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом, телеграфирует в Петроград, что только смертная казнь спасет «многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов». Его телеграмму перепечатывают все газеты. Не дожидаясь одобрения Временного правительства, он приказывает вылавливать дезертиров и вешать на перекрестках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением их преступлений.

В Разлив

Поражения на фронте вызывают в Петрограде шок и истерию. Главными виновниками катастрофы считаются Ленин и большевики – это они по заказу немцев разложили армию и убедили ее отступить, пишут все газеты. После первой статьи в «Живом слове» все газеты пишут о предательстве Ленина как о доказанном факте. «Благодаря им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д. – в эти проклятые черные дни – 5–6 июля – Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал», – пишет Владимир Бурцев, Шерлок Холмс русской революции, разоблачитель агентов и провокаторов. Для него нет сомнений: Ленин – предатель.

Первым арестовывают Каменева, потом командира кронштадтских моряков Раскольникова. Ленин и Зиновьев скрываются. Бегство Ленина пресса однозначно трактует как еще одно доказательство вины. «Ленин отправился в Германию, где в настоящий момент и находится. Бежал Ленин, трусливый шпион, заметающий след своего побега после провала, бежал фальшивомонетчик революции, бежал разгаданный и разоблаченный», – пишут «Биржевые ведомости».

Даже многие большевики не понимают, почему лидер партии прячется, вместо того чтобы сдаться и устроить из суда громкое шоу – новое дело Дрейфуса. Но Ленин, как обычно, плюет на мнение товарищей. Он не за границей: в парике, без усов и с фальшивым паспортом он едет за город, к озеру Разлив. Вместе с верным Зиновьевым они селятся на чердаке в доме рабочего, потом Ленин перебирается в шалаш у озера. Там, под кустом, лидер большевиков сооружает себе «кабинет» для работы, в который не пускает даже Зиновьева. Он жадно читает газеты и радуется новостям, придумывает план нового вооруженного восстания против Временного правительства, с учетом предыдущего неудачного опыта.

Троцкий (формально еще не большевик) – на свободе, но даже в буфете исполнительного комитета все смотрят на него как на прокаженного. Он все равно туда ходит – в буфете раздают чай и бутерброды с черным хлебом и сыром или красной икрой. Затем Троцкий замечает, что в разгар травли большевиков ему дают стакан чаю погорячее и бутерброд получше: персонал Смольного, курьеры, караульные – симпатизируют большевикам.

Троцкий пишет открытое письмо в поддержку большевиков, заявляет, что намерен выступать в их защиту в суде. 10 июля его арестовывают и

отправляют в Кресты. Следом туда же сажают его единомышленника Луначарского. Пока Троцкий и Луначарский в тюрьме, их заочно принимают в партию большевиков и даже – вместе с Лениным – заочно выбирают почетными председателями очередного партийного съезда.

13 речей в день

После июльского восстания многие в Петрограде считают, что с большевиками покончено навсегда. Но обвинения в связях с немцами расползаются дальше, следующая жертва патриотической прессы – лидер эсеров Виктор Чернов.

Эсеры – самая старая и крупная партия, обладающая наибольшим влиянием на крестьян. Но теперь у них проблема с лидерами: легендарные руководители Михаил Гоц и Григорий Гершуни не дожили до революции. В своих воспоминаниях Чернов (пишущий о себе в третьем лице) жалуется, что ему не хватает их харизмы и опыта. У него нет ни решительности, ни широты взглядов покойных лидеров, но лучшего лидера у эсеров нет. Чернова любят крестьяне и говорят, что он один может произносить по 13 речей в день.

Эсеры выигрывают все местные выборы, но в правительственной коалиции явно лидирует Церетели. Бывший глава Боевой организации эсеров Борис Савинков и бывший глава фракции трудовиков в Думе Александр Керенский теперь стараются дистанцироваться от партии и от Чернова, каждый из них слишком популярен сам по себе.

Чернов хочет осуществить главную мечту российского крестьянства, дать им «землю и волю». Верный ученик Бабушки, министр земледелия считает, что снять напряжение среди крестьян можно только быстрым переделом земли. При этом Временное правительство повторяет, что земельную реформу должно разработать Учредительное собрание, а если начать раздавать крестьянам землю, все солдаты с фронта дезертируют, чтобы успеть к переделу. Чернов уверяет, что за свою землю они, наоборот, будут воевать с удвоенной силой. Он вводит мораторий на все земельные сделки – Чернов ставит на общину, а не на индивидуальных собственников.

В прессе Чернова называют пораженцем, агентом, пишут, что он берет деньги у немцев. Лидер эсеров даже на время уходит в отставку, чтобы посвятить все свое время доказательству собственной невиновности. Но партия продолжает его отстаивать – эсеры выдвигают условие Керенскому: они поддержат новое правительство, только если туда снова войдет Чернов.

Твердая рука

Пока наступление Керенского успешно развивалось, казалось, что вся армия обожает нового военного министра. Когда начинается отступление, между генералами и Керенским обнаруживается серьезное противоречие, которое обнажается на совещании всех командующих в Могилеве 16 июля.

Керенский приезжает из Петрограда вместе с Борисом Савинковым, правительственным комиссаром на фронте. Приехав, Керенский отказывается выходить из поезда, потому что его встречает всего лишь адъютант Брусилова, а не сам Верховный главнокомандующий. Керенский ждет в вагоне, когда приедет Брусилов, и это не требование протокола, а просто его прихоть.

Из-за опоздания Керенского совещание начинается на полтора часа позже. Генерал Деникин, которого Керенский давно раздражает, обвиняет его в развале армии, разрушении дисциплины и подрыве авторитета офицеров. Керенский поражен – он выслушивает обвинения, обхватив голову руками, но благодарит Деникина за «смелое, искреннее слово».

Затем Брусилов говорит, что для спасения армии нужно отменить «Декларацию прав солдата», лишить военных права митинговать и участвовать в политике, ликвидировать солдатские комитеты. Керенский внимательно его слушает, но, вернувшись в Петроград, тут же увольняет. Брусилов очень удивлен и оскорблен – о чем немедленно рассказывает журналистам.

Новым Верховным главнокомандующим Керенский назначает Лавра Корнилова, единственного крупного военачальника, который отсутствовал на скандальном совещании в Могилеве. Корнилов еще недавно командовал столичным военным округом – и запомнился своим конфликтом с Петросоветом. Теперь же он прославился тем, что начал вешать дезертиров и тем самым ввел смертную казнь в армии.

Назначение Корнилова – это идея Савинкова, бывшего террориста, который стал большим поклонником бывшего царского генерала Корнилова, когда работал комиссаром правительства на Юго-Западном фронте. В Корнилове Савинкову нравится «отношение к вопросу о смертной казни, понимание причин Тарнопольского разгрома, твердость в борьбе с большевизмом». Керенскому же нравится то, что Корнилов – единственный генерал, который считает, что институт комиссаров полезен.

Впрочем, в ответ на телеграмму о назначении Корнилов перечисляет

условия, при которых примет пост, в том числе полную свободу действий и «ответственность только перед собственной совестью и всем народом». Керенский начинает сомневаться, стоит ли ему назначать Корнилова, – но, в общем, уже поздно, о назначении героя радостно трубит пресса.

Правительство, ответственное перед Керенским

Керенский тоже старается звучать намного решительнее, чем раньше: «Главной задачей настоящего времени является концентрация и единство власти, – говорит он в интервью после возвращения с фронта. – Правительство спасет Россию и скует ее единство кровью и железом, если доводов разума, чести и совести окажется недостаточно».

Однако ведет себя он все более странно, хотя почти никто пока не замечает в нем признаки нервного истощения. Он по-прежнему считается самым эффективным руководителем и самым популярным политиком. С уходом Львова становится неясно, кто и как должен сформировать новое правительство. Бывший премьер «завещал» кресло Керенскому, но должность не передается по наследству, а никаких институтов и законов передачи власти пока не существует. Начинаются бесконечные переговоры между Петросоветом и членами правительства. Керенский не участвует, демонстрируя, что он выше кабинетных дрязг, спасает родину.

Министром внутренних дел вместо Львова становится Церетели. Он де-факто руководит правительством, пока Керенский на фронте, и он не хочет, чтобы тот возглавил правительство, потому что не верит в его организаторские способности. При этом сам Церетели за власть не борется. Журналисты ждут конфликта между Керенским и Церетели за пост премьера, но те публикуют совместное заявление, что у них нет противоречий и они готовы работать сообща.

Поскольку переговоры никак не заканчиваются, военный министр начинает давить на коллег в духе Бориса Годунова: он демонстративно отказывается от власти, уезжает отдыхать в Финляндию, оставив исполняющим обязанности военного министра Савинкова, и пишет вице-премьеру Некрасову письмо с просьбой об отставке.

В Петрограде переполох. Некрасов собирает в Малахитовом зале Зимнего дворца совещание с участием Петросовета, Временного комитета Думы, лидеров партий (всех, кроме большевиков). Все отказываются брать власть: Милюков предлагает Церетели, чтобы Советы сами сформировали правительство (совсем недавно под таким лозунгом выступал только Ленин), а Церетели считает, что у власти должна стоять буржуазия, и настаивает на участии кадетов в кабинете, ответственном перед Советами. В итоге компромисс найден: Керенскому дано право назначить новый кабинет по своему усмотрению, Церетели против такого расклада и в

правительство не входит. «Керенский принес в жертву Церетели – видимо, не без тайного удовольствия; более умеренный, чем Чернов, Церетели был опасным соперником Керенского», – вспоминает Чернов. Сам лидер эсеров в правительство возвращается, так как доказательств его связей с немцами не найдено. Изначально Керенский хочет назначить министром земледелия Бабушку, а еще взять в правительство Плеханова. Но уступает давлению Петросовета.

Новые министры отчитываются исключительно перед Керенским – странная полумонархическая система. Почти все знаковые фигуры остаются на своих местах, формально Керенский помимо премьерства сохраняет пост военного министра, но де-факто военным министерством управляет теперь Савинков.

Новое правительство окончательно переезжает в Зимний дворец из Мариинского, Керенский селится здесь вместе со своим «талисманом» – Бабушкой Брешко-Брешковской. Его все больше подозревают в диктаторских и даже в императорских наклонностях. Сплетничают, что подпись Керенского (А. К.) очень похожа на «Александр IV», а еще, что каждый раз, когда Керенский покидает город, над Зимним опускают красный флаг – как в былые дни императорский штандарт.

Финская обида

В Финляндии, пока там отдыхал Керенский, происходили драматические события: эта часть Российской империи решила добиться автономии, причем еще решительнее, чем Украина. Поводом стало июльское восстание в Петрограде. В пик безвластия в столице финские социал-демократы (единомышленники большевиков) предложили сейму объявить себя верховной властью, реализовать лозунг «Вся власть Советам» на местном уровне.

Финский сейм принимает решение, что отныне все внутренние вопросы решаются независимо от России. Казалось бы, ситуация для российского правительства крайне непростая: устойчивого правительства нет, катастрофа на фронте в Западной Украине, Верховного главнокомандующего увольняют, премьер-министр делает вид, что уходит, – тут не до Финляндии. Но Временное правительство решает именно с Финляндией проявить решительность даже большую, чем с Центральной радой. Финский сейм распущен, его здание занимают российские войска, назначаются новые выборы сейма.

У финнов такая реакция России вызывает крайнее возмущение. С этого момента Финляндия, как и в царские времена, станет самым оппозиционным из регионов России. Владимиру Ульянову не придется долго сидеть в шалаше у озера Разлив – вскоре он переберется в Хельсинки (тогда – Гельсингфорс), где его будет укрывать сам начальник городской милиции. Именно в его квартире Ленин продолжит разрабатывать план восстания. Такой будет месть Финляндии за отобранную автономию.

В Тобольск

11 июля в Царское Село приезжает Керенский. Бывший император рад ему: в дни июльского восстания он с большой тревогой следил за новостями и радовался успешному восстановлению порядка, равно как и восстановлению смертной казни на фронте.

Этот приезд Керенского затмевает для царской семьи все новости предыдущих дней – премьер-министр сообщает, что решено позволить узникам Александровского дворца уехать на юг «ввиду близости Царского Села к неспокойной столице». Вся семья в течение нескольких дней находится в возбужденном состоянии. «Странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!» – пишет Николай (в этот день император читает дочерям фантастический триллер Конан Дойла «Отравленный пояс»). Через две недели царской семье сообщают, что ехать придется вовсе не в Крым. Пока неясно, куда, но советуют взять теплую одежду и говорят о трех или четырех днях пути на восток – в Сибирь. В этот вечер Николай читает детям «Этюд в багровых тонах» Конан Дойла.

31 июля – последний день в Царском Селе. Керенский с собой привозит великого князя Михаила, чтобы братья попрощались, но только в его присутствии и только 15 минут. Отъезд назначен на поздний вечер – вся семья одевается и выходит на улицу к полуночи, но машина приходит только под утро. Все страшно нервничают – но, наконец, сев в поезд, успокаиваются. Николай любуется восходом солнца над Петроградом, где царская семья делает пересадку. На вокзале они узнают наконец, какова цель их путешествия – Тобольск.

Александра Федоровна всю дорогу ужасно волнуется: они приближаются к родине Распутина, и для нее это мистический знак. До Тюмени едут на поезде, в нем жарко, «глупо и скучно», жалуется Николай.

В Тюмени пересаживаются на теплоход и 5 августа проплывают мимо Покровского, родного села Распутина. Вся семья стоит на палубе и молится. На следующий день теплоход приходит в Тобольск, но выясняется, что дом, в котором должны жить Романовы, совсем не готов. Они шутят «насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение» – и еще неделю живут на пароходе.

Как раз в эти дни Временное правительство публикует постановление о выборах в Учредительное собрание, которые должны пройти на основе всеобщего равного прямого и тайного голосования. Избирательных прав

лишены душевнобольные, глухонемые, заключенные. И все члены дома Романовых.

Правосудие и милосердие

Никакого следствия по делу царской семьи не ведется, никто не допрашивает их родственников. Зато продолжаются репрессии их приближенных. Еще в начале лета тюремный врач Иван Манухин замечает, что солдаты, охраняющие Петропавловскую крепость, перестают слушаться следователей и готовы устроить самосуд. Он решает спасти заключенных, как минимум вывезти их в другие тюрьмы, не столь большевистские. По мнению Манухина, больше всех солдаты ненавидят Вырубову и она может стать первой жертвой.

Доктор устанавливает, что Вырубова – девственница, значит, слухи о ее связи с Распутиным – вымысел. И хотя ее обвинения связаны с государственной политикой, а не с личной жизнью, этот факт впечатляет следственную комиссию: 12 июня Вырубову перевозят в арестный дом, учреждение с более мягким режимом, а 24 июля и вовсе отпускают за отсутствием состава преступления.

Другой пациент Манухина – 69-летний бывший премьер Борис Штюрмер тяжело болен, у него уремия. Врач настаивает на его освобождении, но такое политическое решение Керенский принять не решается, и Штюрмера переводят в тюрьму «полегче» – Кресты. 5 сентября он умрет там от осложнений болезни.

Отдых окончен

Гиппиус, Мережковский и Философов еще весной уезжают в Кисловодск и следят за политической борьбой издалека. Зинаида изредка переписывается с Савинковым, который жалуется ей, что рассорился со всеми эсерами, партия бойкотирует его за патриотизм, но он «с Керенским всей душой…» Гиппиус еще очарована Керенским и Савинковым, хотя не жалеет желчи для всех остальных звезд революционеров: Церетели – «порядочный, но мямля», меньшевики в целом «только умели "страдать" от "власти" и всю жизнь ее ненавидели», Некрасов «очень хитрый и без стержня», Терещенко «фигура никакая и купчик-модерн».

В середине лета на Гиппиус накатывает разочарование. Все еще отдыхая в Кисловодске, она узнает, что ее давний друг Керенский сформировал правительство. Никогда еще среди министров не было так много близких ей людей: Керенский, Савинков, ее бывший любовник Антон Карташев в качестве министра вероисповеданий. Но Гиппиус совсем не рада, пишет, что правительство мертворожденное, «от него веет случайностью и противоречиями».

Зинаида и ее мужчины возвращаются в Петроград 8 августа. Все полны пессимизма. Гиппиус нравится идея смертной казни для дезертиров, но она возмущена тем, что ее восстановили «слабо, неуверенно, точно крадучись».

Едва они приезжают домой с вокзала, к ним в гости приходит Савинков. Он говорит, что территориальные потери неизбежны, немцы вот-вот займут Ригу на севере и Молдавию на юге, «впереди полный экономический и политический развал». Он излагает свою программу действий «твердой власти»: ввести военное положение по всей России, повсеместную смертную казнь, ликвидировать Советы, начать беспощадную борьбу с большевиками, ввести военное управление на железных дорогах. Этот план Савинков уже демонстрировал новому Верховному главнокомандующему Корнилову, осталось уговорить Керенского.

Гиппиус горячо одобряет все идеи друга. Этот план означает установление диктатуры триумвирата «Керенский – Савинков – Корнилов», в котором Савинков, по его собственным словам, служит первому, а не последнему.

Чтобы уговорить Керенского на эти решительные меры, в Петроград

приезжает и сам Корнилов – однако ничего не складывается: Керенский не доверяет ни Корнилову, ни Савинкову и сопротивляется идее Савинкова ввести военное положение по всей стране. Савинков пытается давить и ставит Керенского перед выбором: если не будет решительных мер, он подает в отставку.

«Вы – Ленин, только с другой стороны! – кричит в ответ Керенский. – Вы – террорист! Ну что ж, приходите, убивайте меня. Вы выходите из правительства, ну что ж! Теперь вам открывается широкое поле независимой политической деятельности». Все время разговора Керенский нервно чертит карандашом на листке буквы «К», «С», «К». В конце разговора премьер резко заявляет, что Савинков напрасно возлагает надежды на «триумвират»: есть только одно «К», и оно останется, а другого «К» и «С» – не будет. И принимает отставку коллеги.

После этого разговора Савинков идет к Гиппиус, которая подкрепляет его решительность. Она окончательно разочаровалась в Керенском: его будто подменили, говорит она, «он неузнаваем и невменяем», он хотел видеть в Савинкове только преданного слугу, а теперь испугался конкуренции. Савинков уходит домой, но поздно ночью снова звонит Гиппиус и говорит, что Керенский, похоже, передумал и просит Савинкова забрать заявление.

Родина. Враг. Мрак

Керенский, конечно, не может утвердить план Корнилова – Савинкова не только из-за недоверия (к слову, взаимного: на встречу с премьером в Зимний Корнилов приходил в окружении вооруженных охранников-туркмен). Важнее то, что этот план совершенно противоречит его убеждениям. Он предполагает казни не только мятежников, но и агитаторов, а такого не было даже при Столыпине с его «галстуками». Керенский – адвокат, который всю жизнь защищал борцов с режимом. Однако прямо отказать Корнилову он не решается и обещает подумать.

Скандал с Савинковым происходит как раз накануне важнейшего Государственного совещания в Москве, которое нужно Керенскому, чтобы придать правительству легитимности и убедить общество в необходимости более жестких мер. Как раз накануне московского совещания Керенский переносит дату выборов в Учредительное собрание – с сентября на ноябрь. Однако пропагандистское шоу Керенского невольно крадет Корнилов, именно он становится главным героем Москвы.

Корнилов в тот момент довольно популярен, особенно в Москве: московский крупный бизнес, купечество, давно присматривается к Корнилову как к человеку, способному навести порядок. Старые генералы раньше не очень его жаловали, Михаил Алексеев говорил, что у него «львиное сердце, а голова овечья», Брусилов называл его начальником лихого партизанского отряда, но накануне Государственного совещания все разговоры только о Корнилове.

За день до приезда всех участников в Москве проходит совещание консервативных кругов: тут и купцы во главе с Павлом Рябушинским, и оба недавних Верховных главнокомандующих, Алексеев и Брусилов, и Михаил Родзянко, и кадеты во главе с Милюковым. Главный итог их встречи – поддержать Корнилова как человека, который может навести в стране порядок и разогнать Советы.

Корнилов только приезжает на вокзал, а его уже встречают как хозяина, дамы забрасывают его цветами, кадет Родичев произносит прочувствованную речь. Корнилов едет молиться к Иверской иконе (с этого посещение Москвы всегда начинал царь), потом крупнейшие финансисты отчитываются Верховному главнокомандующему о финансовом положении России; потом ему докладывают о международном положении; потом «представляется» Пуришкевич, потом «был принят» Милюков.

Во второй день Корнилов выступает в Большом театре (первый – это бенефис Керенского, который говорит полтора часа и вновь повторяет свое обещание навести порядок «железом и кровью»). Когда Верховный главнокомандующий появляется на сцене, половина зала устраивает ему овацию, а солдаты даже отказываются встать. Керенский просит зал проявить уважение к «первому солдату революции».

Речь Корнилова становится вызовом Керенскому и сидящим в зале членам Петросовета. Он говорит, что в наследие от старого режима свободная Россия получила боеспособную и готовую к самопожертвованию армию. Но новые законы превратили ее в «безумную толпу, дорожащую исключительно своей жизнью». Мир, говорит он, невозможен, и даже если он будет заключен, эта толпа разгромит беспорядочным потоком свою же страну. Наконец, он сообщает залу, что вместе с Савинковым предложил Керенскому план реформ и не сомневается, что план будет принят безотлагательно.

Закончив речь, Корнилов покидает театр и уезжает в Ставку. Его выступление производит огромное впечатление на слушателей. Полгода спустя Марина Цветаева напишет о нем стихотворение:

…Сын казака, казак…
Так начиналась – речь.
– Родина. – Враг. – Мрак.
Всем головами лечь.
Бейте, попы, в набат.
– Нечего есть. – Честь.
– Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня…

Потом Керенский опять выступает, обещает быть жестким, «забросить далеко ключи от сердца, любящего людей» и думать только о государстве. «Мы душу свою убьем, но государство спасем», – говорит он, рассуждая о восстановлении смертной казни в тылу. То есть и Керенский, и Корнилов говорят одно и то же, просто разным тоном. Зрители не понимают, есть или нет конфликт между премьером и Верховным главнокомандующим?

В последний день московского Государственного совещания открывается Поместный собор Русской православной церкви – впервые с XVII века. Это символический акт, отделение церкви от государства. На

открытии присутствуют и Керенский, и «министр церкви» Карташев.

Но главной темой в газетах 15 августа становится не закрытие политического совещания и не открытие церковного – а одна из крупнейших техногенных катастроф в истории России на тот момент. В Казани сторож оружейного завода неудачно бросает окурок – и начинается пожар. Загораются склады с пулеметами, снарядами, цистерны с нефтью. В городе паника – едва ли не вся Казань бежит, чтобы спастись от взрывающихся боеприпасов. В пожаре погибает 21 человек, уничтожен почти весь запас пулеметов, необходимый армии. Газеты уверяют, что поджог – дело рук немецких агентов. Трагедия усугубляется всплеском мародерства, причем, по данным прессы, особенно бесчинствуют солдаты.

«Горцам все равно кого резать»

Пожар в Казани еще продолжается, когда немецкие войска берут Ригу, останавливаясь в 500 км от российской столицы. Корнилов принимает решение создать отдельный Петроградский фронт, который будет подчинен непосредственно Ставке, однако сам город по-прежнему останется под контролем Временного правительства.

Накануне московского совещания Корнилов отправляет войска в сторону столицы: кавалерийский корпус под командованием генерала Александра Крымова и так называемую Дикую дивизию, состоящую из выходцев с Северного Кавказа. Все в штабе понимают, что войска идут для того, чтобы иметь возможность взять под контроль Петроград. «Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать», – говорит Корнилов начальнику своего штаба Александру Лукомскому, добавляя, что он вовсе не против Временного правительства: «Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться».

Керенский по-прежнему не решается ввести военное положение и принять пакет «корниловских» мер – он говорит Савинкову, что власть правительства совершенно подорвана, в Ставке контрреволюционные настроения и Савинков должен поехать туда, чтобы исправить положение. В ответ тот напоминает, как оскорбителен был их последний разговор: «Забыть этого еще не могу. Вы разве забыли?» «Да, я забыл. Я, кажется, все забыл, – странно улыбается премьер. – Я… больной человек. Нет, не то. Я умер, меня уже нет. На этом совещании я умер…»

Савинков встречается с Корниловым 24 августа в Ставке, они обсуждают план: Керенский подписывает все репрессивные законы, а Корнилов вводит в столицу войска, чтобы пресечь протесты. Верховный главнокомандующий признается Савинкову в неприязни к премьеру-министру, которого он считает слабохарактерным. Правительство, по мнению Корнилова, будет лучше работать без него. Стало быть, направляющиеся в столицу войска должны защитить город не только от немцев и большевиков, но и от Керенского.

Савинков начинает переубеждать Корнилова: «Я знаю Керенского, люблю и уважаю его, – говорит Савинков. – Керенский человек большой и благородной души, искренний и честный, но Вы правы в одном, – разумеется, не сильный». Корнилов в итоге соглашается сотрудничать с

Керенским.

После этого Савинков просит Корнилова не назначать командующим операцией в Петрограде генерала Крымова и не направлять в столицу Дикую дивизию – потому что «горцам все равно кого резать». Корнилов соглашается, но обманывает Савинкова. Крымов уже назначен, его корпус и Дикая дивизия продолжают движение в сторону Петрограда.

«Крымов известен своей решительностью, и Савинков просто боится, что он повесит лишних 20–30 человек», – говорит Верховный главнокомандующий начальнику своего штаба. Он уверен, что Савинков ему еще спасибо скажет за такой выбор.

Президент или наркоман

В день, когда Савинков уезжает в Ставку, его друзья Гиппиус, Мережковский и Философов пишут письмо Керенскому. Они призывают его скорее принимать решительные меры («властвовать»), а если он не может, передать власть «более способным», вроде Савинкова, а самому остаться «символом».

В тот же день в Зимний дворец к Керенскому приходит бывший член Временного правительства Владимир Львов (он однофамилец Георгия Львова, бывшего председателя Временного правительства), всего месяц назад уволенный с должности министра вероисповеданий. Еще недавно он называл Керенского смертельным врагом, а сегодня приходит, чтобы предупредить об опасности. Львов говорит, что популярность Керенского упала, но туманно намекает, что есть «некоторые круги», которые могут его поддержать. Керенский соглашается вступить в переговоры с «некоторыми кругами».

Получив письмо, он идет объясниться с Мережковскими. Застает дома только Философова. «Так принимайте же меры! Громите их! – советует ему Философов. – Помните, что вы всенародный президент республики, что вы избранник демократии, а не социалистических партий». После короткого разговора Керенский убегает так же стремительно, как и прибежал. «Впечатление морфиномана, который может понимать, оживляться только после вспрыскивания, – вспоминает Философов. – Нет даже уверенности, что он слышал, запомнил наш разговор».

Тем временем Владимир Львов начинает свою челночную дипломатию. 25 августа он приходит к Корнилову якобы с «поручением от Керенского» и говорит, что Керенский хоть сейчас готов уйти в отставку, но продолжит работу, если Корнилов его поддержит. И просит Корнилова изложить свои требования. Тот говорит, что после взятия Риги, казанского пожара и беспорядков по всей стране спасти страну может только диктатура, причем неважно, кто будет диктатором: Керенский, он сам, Корнилов, генерал Алексеев или кто-то еще. По словам Корнилова, вводить диктатуру надо срочно: с 28 августа по 2 сентября в Петрограде готовится большевистский переворот. Львов отвечает, что, вполне возможно, Корнилову будет предложено стать диктатором.

Весь день в штабе главнокомандующего обсуждают состав правительства, в итоге Корнилов предлагает создать Совет народной

обороны, который бы он возглавил, а еще в него вошли бы Керенский, Савинков, Алексеев, Колчак и правительственный комиссар в Ставке Филоненко. Еще Корнилов думает привлечь в правительство Плеханова и бывшего премьера князя Георгия Львова. Наконец, он вызывает в Ставку для переговоров председателя Думы Родзянко и министра иностранных дел Терещенко. Переговоры с Владимиром Львовым заканчиваются, Корнилов доволен, ему и в голову не приходит, что он имеет дело с самозванцем.

Корнилов пишет Савинкову, что войска подойдут к Петрограду 28 августа и уже в этот день можно объявить военное положение в столице, ввести полный пакет репрессивных мер, включая смертную казнь. Это приведет к немедленному началу демонстраций протеста – и как раз тут и появится конный корпус генерала Крымова, который эти беспорядки подавит и «развесит на фонарях членов Совета рабочих депутатов».

Наконец, Корнилов говорит Львову, что Керенскому и Савинкову стоит приехать в Ставку, потому что гарантировать их безопасность во время уличных боев в Петрограде невозможно. На этом Львов откланивается. Последняя фраза Корнилова производит на него прямо противоположное впечатление – ему вдруг кажется, что Корнилов хочет намеренно заманить Керенского в Ставку, чтобы повесить. Более того, Львов вспоминает, что про план убить Керенского ему откровенно рассказывает один из офицеров в штабе Корнилова.

Испорченный телефон Владимира Львова

Львов мчится в Петроград потрясенным. Он не ожидал, что его посредничество приведет к таким колоссальным открытиям – теперь его распирает от важности сведений, которые ему предстоит передать Керенскому.

Тем временем Савинков приходит к Керенскому с текстом репрессивных мер, которые должно утвердить правительство. Он не рассказывает Керенскому ни о том, что Корнилов возмущался его «слабоволием», ни о конструкциях новой власти, которые они обсуждали. Однако, когда Керенский снова начинает сомневаться, у Савинкова сдают нервы и он резко заявляет, что нерешительность Керенского преступна, а его слабоволие губит Россию. Тот обещает принять «пакет Корнилова» вечером на заседании правительства.

Керенский, конечно, в ужасе: репрессивные законы противоречат его убеждениям, ведь он не профессиональный убийца, как Савинков, и не героический авантюрист, как Корнилов. Он не Гапон, ему никогда не могло прийти в голову мечтать «сменить династию Романовых династией Керенских» – хоть он и живет в Зимнем дворце. Он адвокат, который всю свою жизнь говорил о гуманистических ценностях, демократии и свободе. Весь последний месяц Керенский произносит речи о том, что наведет порядок «железом и кровью», но это скорее самовнушение. Слабоволием его брутальные коллеги называют нежелание быть убийцей, проливать кровь и «развешивать на фонарях» людей. Пока Керенский сомневается, к нему приезжает Владимир Львов в крайне возбужденном состоянии и сообщает, что он от Корнилова и что Керенскому следует уйти в отставку, передать всю военную и гражданскую власть Верховному главнокомандующему, а также вместе с Савинковым отправиться в Ставку – из соображений безопасности.

Керенский шокирован. Он считал, что его посредник в переговорах с Корниловым – Савинков. И со слов Савинкова все выглядело иначе: речь никогда не шла об отставке Керенского, именно он должен был вводить чрезвычайные меры, а вовсе не Корнилов. Тем более не было требования выехать в Ставку. Слова трясущегося Львова Керенский воспринимает как ультиматум, который передал ему Верховный главнокомандующий.

«Мне казалось, что или он сумасшедший, или что-то случилось очень серьезное!» – вспоминает Керенский этот разговор. Видя неадекватность

Львова, он просит его сформулировать ультиматум на бумаге – чтобы точно передать его членам правительства. Львов берет у Керенского карандаш и лист и пишет:

1) Объявить г. Петроград на военном положении.

2) Передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего.

3) Отставка всех министров и передача временного управления министерств их заместителям до образования нового кабинета Верховным главнокомандующим.

Петроград. Август 26, 1917 г.

В. Львов

Как только Львов начинает писать, у Керенского исчезают последние сомнения. Заговор генералов, о котором его предупреждали, чрезмерная популярность Корнилова, его странное поведение – пазл складывается в ясную картину предательства. Ему ясно теперь, что все против него.

«Ну что же, вы поедете в Ставку?» – спрашивает Львов. «Конечно, нет, неужели Вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова?» – огрызается Керенский.

Львов, которого Керенский считает посланником Корнилова, соглашается с премьером и говорит, что в Ставку действительно ехать не надо, его там ненавидят и хотят убить.

Роковой чат

Отпустив Львова, Керенский приходит в военное министерство, чтобы поговорить с Корниловым по прямой телеграфной связи. Они не очень хорошо знакомы, разговаривали меньше десяти раз, теперь же главное выяснение отношений между ними происходит и вовсе вслепую. В течение нескольких часов они обмениваются телеграммами: по сути это телеграфный чат. Чат, который изменит мир. Керенский сообщает, что «у аппарата» он находится вместе со Львовым (хотя того нет в комнате). Корнилов здоровается с обоими и говорит, что «события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок». Керенский представляется Львовым и просит подтвердить, что он и правда действует по поручению Корнилова. Тот подтверждает свою просьбу приехать в Могилев.

Керенский отвечает, что сегодня это невозможно, и спрашивает, нужен ли Савинков. Корнилов говорит, что ждет обоих, и просит выехать не позднее 27 августа.

Керенский уточняет: «Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?» Корнилов говорит, что в любом случае надо ехать в Ставку. «До свидания, скоро увидимся», – ласково прощается Керенский.

Этот расплывчатый разговор Керенский считает доказательством заговора. Он бежит в Зимний дворец, на ступеньках встречает Владимира Львова, берет его с собой и в кабинете просит еще раз пересказать всю историю с начала. Все время разговора за ширмой стоит чиновник министерства внутренних дел – и когда Львов заканчивает, Керенский отодвигает ширму и объявляет Львову, что тот арестован. Его отводят в соседнюю комнату.

Керенского уже давно ждут в правительстве – это то самое заседание, на котором должны рассматривать репрессивный «пакет Корнилова». Керенский опаздывает, но прежде отправляет Корнилову телеграмму, в которой сообщает, что тот уволен, и только после этого идет на заседание.

Он требует у министров предоставить ему диктаторские полномочия. Почти все соглашаются – кроме кадетов, которые, впрочем, объявляют о своей готовности уйти в отставку. Министры расходятся с рассветом, но уже в 11 утра по требованию Керенского собираются вновь, хотя сам он не появляется. Вечером они уходят по домам, так ничего и не поняв.

Еще сутки продолжается обсуждение в Петрограде: можно ли спасти положение, можно ли заставить Керенского и Корнилова договориться? Корнилов получает телеграмму Керенского под утро – и сразу отвечает, что и не подумает подчиняться. Савинков уговаривает Керенского не публиковать в газетах новость об отставке Верховного главнокомандующего, а Корнилова упрашивает приехать в Петроград и объясниться с Керенским. И все уговаривают Керенского, что произошло «недоразумение», «Львов напутал».

Корнилов отказывается приезжать, но объясняет Савинкову, что он имел в виду и почему нельзя верить Львову. При этом он приказывает верным ему войскам, корпусу генерала Крымова и Дикой дивизии, продолжать движение на Петроград. Это не секрет и для окружения Керенского. «Покамест вы разговариваете по проводу, ингуши подходят к Петрограду», – в ужасе говорит Савинкову заместитель Керенского Некрасов.

Переговоры Савинкова и Корнилова прерываются, когда управляющий военным министерством узнает, что Керенский приказал опубликовать официальное заявление правительства об измене генерала Корнилова. Телеграмма Керенского рассылается по радио – во все войсковые части.

Узнав об этом, Милюков экстренно – уже в типографии – снимает написанную им в поддержку Корнилова первополосную статью в кадетской газете «Речь». До вечера он был уверен, что Керенский и Корнилов договорятся. Утром «Речь» выходит с белой первой полосой – как во времена царской цензуры. После официального заявления Керенского о кризисе узнают члены Петросовета – и кидаются в Смольный. Большевик Луначарский бежит совершенно счастливый: для него это «гроза, которая расчистит невыносимо душную атмосферу» и реванш за июльские репрессии его партии. Лидер Петросовета Церетели крайне подавлен: «Теперь на вашей большевистской улице праздник, – говорит он Луначарскому. – Теперь вы подниметесь опять…»

Всю ночь с 27 на 28 августа Савинков, назначенный генерал-губернатором Петрограда, министр иностранных дел Терещенко и бывший Верховный главнокомандующий генерал Алексеев пытаются придумать, что делать утром, когда выйдут газеты с заявлением Керенского об измене Верховного главнокомандующего. Савинков спрашивает Керенского, «понимает ли он, что армия после удара, нанесённого ей, погибнет?» Керенский отвечает, что она, наоборот, ринется в бой, «воодушевленная победой над контрреволюцией», – и победит!

Августовский путч

Утром 28 августа вся страна узнает из газет, что в стране путч, Верховный главнокомандующий взбунтовался против правительства. В семь утра Корнилов распространяет воззвание, в котором требует не подчиняться Керенскому: «Свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины». Корнилов обвиняет Временное правительство в содействии немцам, утверждая, что под давлением большевиков в Советах правительство «убивает армию и потрясает страну внутри».

Вся армия встает на сторону Корнилова. Командующий Северным фронтом Владислав Клембовский, которого Керенский пытается назначить новым Верховным главнокомандующим, отказывается и поддерживает Корнилова, как и командующий Юго-Западным фронтом Антон Деникин, и командующий Западным фронтом Петр Балуев.

В Могилеве оценивают силы, перевес оказывается на стороне восставших: весь командный состав и подавляющее большинство офицерского корпуса, казачество, большинство военных училищ, лучшие строевые части – все поддержат Корнилова, рапортует начальнику полковник Трубецкой. Тем более корпус генерала Крымова и Дикая дивизия уже почти в Петрограде. Временное правительство близко к панике: вот-вот на улицах столицы начнется полномасштабная гражданская война.

Штабом сопротивления наступающим войскам становится Петросовет, который после июльского восстания перестал проявлять активность. Получив известие о путче, Петросовет оживает. Особенно возбуждены большевики. Они понимают, что, если войска Корнилова войдут в город, первым делом повесят именно арестованных Керенским большевиков.

Неформальный лидер защитников города – Лев Каменев (он единственный из руководителей партии находится на свободе; Ленин и Зиновьев в бегах, Троцкий – в тюрьме). По предложению Каменева немедленно создается Военно-революционный комитет (ВРК) по борьбе с путчем, в который входят по три представителя от большевиков, меньшевиков и эсеров. Они начинают разрабатывать план по сопротивлению Корнилову. Членам Петросовета и большевикам ясно, что войска идут на Петроград, чтобы «вешать их на фонарях».

Этот комитет делает все, чтобы не пропустить войска Крымова в

город. Максимально подробные разъяснения телеграфируют в солдатские комитеты по всей стране. Перекрывается железнодорожная линия, по которой в Петроград движутся эшелоны Крымова: разобраны рельсы, свалены бревна. Навстречу корниловским войскам отправляют опытных агитаторов, в том числе представителей собравшегося в столице съезда мусульманских народностей во главе с внуком имама Шамиля. Они должны уговорить Дикую дивизию не идти на Петроград. ВРК начинает вооружать рабочих.

Большинство петроградцев настроены решительно против реставрации режима, но также есть многие, кто за. Очень показательная сцена происходит в типографии газеты «Новое время», принадлежавшей знаменитому Алексею Суворину, а сейчас управляемой его сыном. Это конформистское издание, рупор власти до революции, и его сотрудники скорее рады приближению корниловских войск. Но в той же типографии печатают и ультрадемократическую газету «Новая жизнь» Горького.

28 августа радостные «суворинцы» смеются над «горьковцами» – мол, скоро вернутся прежние порядки, газету вашу закроют. Друг Горького, карикатурист «Новой жизни» Зиновий Гржебин, в унынии – он уверен, что реванш неизбежен. Но его коллега, политический журналист «Новой жизни» (и член исполкома Петросовета) Николай Суханов, успокаивает друга: «Никаким корниловым не видеть Петербурга как своих ушей. А в суворинской типографии теперь, пожалуй, будет действительно просторнее. Только закрыта будет не "Новая жизнь", а "Новое время". Отлично! Мы теперь выберем для себя любые машины…» Гржебин не верит.

Конец путча

Пока члены Петросовета предпринимают усилия для защиты столицы, министры сидят в Зимнем дворце и обсуждают, что же делать дальше. Они предлагают Керенскому уйти в отставку и сформировать новое правительство во главе с генералом Алексеевым, бывшим царским начальником штаба. Керенский вызывает Алексеева, но предлагает ему вовсе не пост премьера, а пост Верховного главнокомандующего – вместо Корнилова. Однако Алексеев никогда не был лидером, всю свою карьеру он был вторым лицом в армии, и теперь они тоже договариваются, что Керенский займет пост Верховного главнокомандующего, а Алексеев при нем станет начальником штаба – как еще недавно при Николае II.

К вечеру становится известно, что войска Корнилова останавливаются: части, которые он считал надежными, резко меняют мнение. Они были готовы идти на столицу, пока считали, что спасают ее от восстания большевиков, но, когда они узнают, что Корнилов объявлен изменником, их энтузиазм пропадает. Агитаторы Петросовета оказываются эффективными – часть армии генерала Крымова рассыпается на подъезде к Петрограду в городе Луга. Интересное совпадение, ровно за полгода до этого в этом же месте рассыпалось наступление на Петроград генерала Иванова.

Генерал Крымов едет в Петроград один, чтобы разобраться в ситуации. Сначала он встречается с Алексеевым, потом с Керенским. Выйдя от Керенского, он пишет письмо Корнилову и стреляется. Командующий Юго-Западным фронтом Деникин в тот же день арестован своими же собственными солдатами – представителям Временного правительства придется приложить немало усилий, чтобы вывезти его и предотвратить суд на месте. Командующий Западным фронтом Балуев заявит, что его неправильно поняли, и перейдет на сторону Временного правительства. Командующий Северным фронтом Клембовский будет снят с должности. И только казачий атаман Каледин сможет продолжить борьбу – он объявит, что собирает свои войска на территории области Войска Донского.

1 сентября новый глава штаба Алексеев едет в Ставку, арестовывает Корнилова и приближенных к нему офицеров и сажает в специально созданную по этому поводу тюрьму в монастыре города Быхова с двойным периметром охраны. Снаружи их охраняют солдаты Временного правительства, а внутри – верные Корнилову бойцы-туркмены из так

называемого текинского отряда.

7 сентября Алексеев уходит в отставку под давлением Петросовета, который считает его «черносотенным генералом» и сторонником прежнего режима. Впрочем, после поражения путча[122] Керенский увольняет многих приближенных. Он со скандалом увольняет Савинкова, узнав от него самого подробности его переговоров с Корниловым. Даже своего верного заместителя Некрасова Керенский подозревает в измене и ссылает его из правительства, назначив генерал-губернатором Финляндии.

«Новое время» закрывают, как и предсказывал Суханов, за симпатии к Корнилову. Однако на следующий день закрывают и «Новую жизнь» Горького – за вызывающую критику правительства, войны и союзников.

Корниловский мятеж становится самым знаковым событием 1917 года в России. Трудно себе представить большее нагромождение абсурда, который приведет к резкому росту популярности большевиков и закончится Октябрьской революцией. Характерно, что никто из его участников никогда не признает своих ошибок, каждый (с обеих сторон) будет до конца жизни верить в подлый заговор, жертвой которого он стал.

Печальный Пьеро революции

«Все менее надежд теперь возлагают на недавнего полубога – Керенского», – пишет в дневнике Александр Бенуа, который еще в марте так мечтал быть ему полезен. Авторитет Керенского подорван, те, кто боготворил его, разочарованы.

«Керенский в эти минуты был жалок» – так описывает министр вероисповеданий Карташев заседание правительства в разговоре с Гиппиус. «Он визжал свое, не слушая, и, вероятно, даже физически не слыша никаких слов, к нему обращенных», – добавляет от себя Гиппиус. Она, как и многие другие, считает Керенского агрессором, Корнилова жертвой и совершенно не верит в мятеж. Поэт Константин Бальмонт пишет о Керенском манерные, наполненные желчью стихи «Кем ты был? Что ты стал? Погляди на себя». Популярный певец Александр Вертинский, часто выступающий в образе Пьеро, вспоминает, что их сравнивают, называя Керенского «Печальным Пьеро российской революции» за истеричность, патетику и склонность к театральным жестам.

То, что происходит с Керенским, похоже то ли на биполярное расстройство, то ли на синдром выгорания: месяцы подряд про него говорили, что это единственный человек, который работает в правительстве, и что он почти не спит. В марте Гиппиус переживала, что Керенский надорвется, – и к августу это случилось.

Теперь во время публичных выступлений он похож на наркомана (говорят, он действительно нюхает кокаин). Но главное, эйфория сменяется у него затяжной депрессией, когда он теряет интерес к работе. А потом хвастается перед коллегами, что постоянно ставит автографы на своих портретах, считая это признаком популярности.

Молодые художники-футуристы, называющие себя «правительством Земного шара», выдумывают перфомансы, которые высмеивают Керенского (правда, не осуществляют их). «Председатель Земного шара» Велимир Хлебников называет главнокомандующего «главнонасекомствующим» и предлагает сделать чучело Керенского, торжественно отнести его на Марсово поле к братской могиле жертв революции – и там высечь. «Так, чтобы стоны секомого слышали павшие в феврале с его именем на устах». Еще «правители Земного шара» планируют дать Керенскому пощечину «от имени всей России», однако ограничиваются тем, что посылают в Зимний дворец шуточные

телеграммы, адресуемые «Керенской Александре Федоровне» – Хлебников считает крайне символичным совпадение имен нынешнего премьера и бывшей императрицы.

Александр Бенуа пересказывает распространенную сплетню, будто бы премьер, поселившись в Зимнем дворце в бывших покоях Александра III, «целыми днями там распевает оперные арии, принимает всякий сброд и все менее интересуется делами». В шутку Керенского теперь называют Александром IV. Оперные арии и императорская кровать – это, скорее всего, преувеличение – слух сродни безумным оргиям с участием Распутина, Вырубовой и императрицы. Но, как и в прошлый раз, этим слухам верят.

Владимир Львов, самозваный посредник в переговорах между Керенским и Корниловым, проведя короткое время в Петропавловской крепости, выходит и начинает с жаром подтверждать все слухи о Керенском, которые слышит. Он рассказывает, что 26 августа, будучи арестованным в Зимнем дворце, был заперт в спальне вдовствующей императрицы Марии Федоровны и не мог уснуть всю ночь, потому что за стеной, в спальне Александра III, расхаживал и громко пел Керенский. Наконец, самый безумный слух – будто бы после революции Керенский развелся с женой (что правда), чтобы жениться на одной из царских дочерей (вымысел).

Новый Петросовет

Корниловский мятеж полностью меняет расстановку сил в Петрограде. Большевики сыграли решающую роль в защите столицы и разложении корниловских войск. Члены Петросовета просят Керенского выпустить сотни большевиков, которые оказались после июльского восстания в тюрьмах. Большевики кричат, что теперь нужно арестовать всех кадетов, ведь они одобряли Корнилова. Однако этого не происходит, лишь в Крыму по инициативе Симферопольского совета рабочих депутатов арестовывают миллионера Павла Рябушинского по подозрению в симпатии к Корнилову. Его освобождают только после вмешательства Керенского.

Популярность большевиков после победы над Корниловым настолько возрастает, что происходит почти невозможное. В Смольном 1 сентября собирается заседание всего Петросовета, многочисленного, шумного, почти никогда не способного принять никакого решения. Большевики предлагают резолюцию, состоящую из их традиционных популистских лозунгов: предложить воюющим народам всеобщий демократический мир, отменить смертную казнь на фронте, отменить частную собственность на помещичьи земли, передать власть в руки пролетариата и революционного крестьянства и т. д. И вдруг Петросовет принимает ее большинством голосов.

Это событие проходит почти незамеченным, потому что Керенский в этот же день формирует свое очередное правительство (директорию из пяти человек) и, не дожидаясь Учредительного собрания, объявляет Россию республикой.

На следующий день, 2 сентября, под залог 3000 рублей[123] из Крестов освобождают Троцкого – Временное правительство считает, что он не опасен. 4 сентября Керенский приказывает распустить Военно-революционный комитет, созданный для обороны столицы от Корнилова, соответствующее объявление публикуют «Известия» – официальный орган Петросовета. Впрочем, уже на следующий день «Известия» публикуют объявление об очередных заседаниях комитета, словно его и не распускали. Подчиняться приказу Керенского комитет и не думает.

К 9 сентября члены исполкома, узкий круг руководителей Петросовета, вдруг понимают, что они уже не контролируют происходящее. Та самая «звездная палата» Церетели (он сам, а также Чхеидзе, Чернов, Дан, Скобелев, Гоц) решают одернуть Петросовет любимым методом

Керенского – и объявляют о своей отставке. Они не согласны с большевистской резолюцией, принятой 1 сентября. На самом деле Церетели и компания не хотят уходить в отставку, напротив, они намерены бороться с большевиками за влияние и вернуть своих сторонников, очарованных тезисами Троцкого и его сторонников.

Троцкий нападает на исполком все жарче: «Сейчас между Даном и Чхеидзе сидит призрак Керенского, – кричит он. – Помните, что, одобряя линию поведения президиума, вы будете одобрять линию Керенского!» В итоге голосование на очередном заседании Петросовета оказывается шоком для лидеров эсеров и меньшевиков: на их стороне 400 голосов, 500 голосов – за большевиков.

Это куда большее политическое землетрясение, чем бесконечные обновления составов Временного правительства. Исполком Петросовета за все время, прошедшее после революции, не менялся ни разу. Де-факто он играл роль настоящего парламента – и именно он был залогом стабильности во время всех потрясений, будь то апрельское возмущение нотой Милюкова, июльское восстание или неразбериха между Керенским и Корниловым в августе. Теперь этот умеренный исполком Петросовета уходит в отставку.

«Мы покидаем эту трибуну, – говорит уходя Церетели, – с сознанием того, что в течение шести месяцев мы с честью держали знамя революции. Теперь знамя в ваших руках. Мы можем только надеяться на то, что вы сможете продержать его хотя бы половину этого срока!»

Спустя неделю Петросовет избирает новый исполком и нового председателя – им становится Лев Троцкий. Новый большевистский Петросовет ведет себя уже совсем иначе, чем прежний. В том числе продолжает вооружать рабочих, хотя никакие корниловские войска на город больше не идут и обороняться больше не надо.

Неделю спустя триумф большевиков происходит и в Москве: местный Совет принимает ту же большевистскую резолюцию, прежнее руководство уходит в отставку, новым главой Московского совета становится большевик Виктор Ногин.

После июльского восстания большевики казались маргинальной политической силой. Казалось, что с ними покончено и они уже никогда не вернутся. Корниловский путч приводит их к вершине популярности – они фактически приходят к власти в Москве и Петрограде демократическим путем (правда, помимо Советов, в которых преобладают большевики, в обеих столицах есть свежеизбранные городские думы – в них большинство принадлежит эсерам). А ведь генералы были искренне убеждены, что

ситуацию можно поменять, повесив несколько человек на фонарях.

Склизь и девальвация

Начинается осень, и вместе с ней на смену эйфории приходит депрессия. На фронте и в тылу, на кухнях и на митингах, в газетах и в листовках говорят только о том, что Россия погибла. В Петрограде ужасная погода. «На улице тьма, почти одинаковая и днем, и ночью. Склизь, – пишет Гиппиус. – Уехать бы завтра на дачу. Там сияющие золотом березы и призрак покоя».

Газеты рассказывают об ужасах, предшествовавших взятию Риги немцами: город был разграблен уходящими российскими солдатами – «товарищами» (это слово становится эвфемизмом вооруженных дебоширов). Пресса утверждает, что убивали и насиловали не пришедшие немцы, а уходящие свои. По всей стране беспорядки: погромы в Астрахани, Ташкенте, Киеве и Харькове, солдатские бунты в Чернигове, Иркутске, Гомеле, Одессе, крестьянские восстания в Харьковской, Черниговской и Саратовской губерниях. По данным нового военного министра Верховского, в стране насчитывается два миллиона дезертиров.

После трагедии в Казани начинается эпидемия поджогов – кто-то считает, что хозяева жгут свою собственность, чтобы получить страховку, другие уверены – это легкий способ поквитаться с давними противниками при всеобщей безнаказанности. Газеты пишут, что все это происки немецких агентов-провокаторов.

У Временного правительства нет никакой экономической политики, в его новом составе нет даже министра финансов. В сентябре принимается решение запустить печатный станок – начинают печатать новые казначейские знаки по 20 и 40 рублей[124]. Они не заменяют прежние царские деньги, а как бы дополняют их. Эти бумажки, «керенки», печатаются бесконтрольно – за несколько месяцев денежная масса увеличивается в разы.

Производительность труда, наоборот, в разы падает: рабочие больше митингуют, чем работают. Условия жизни после революции только ухудшились, особенно из-за инфляции. Весь год правительство пытается реформировать трудовые отношения, но боится радикальных мер до Учредительного собрания и не может достичь компромисса с купцами-олигархами, которые заявляют, что удовлетворение всех требований социалистов во время войны (например, повсеместные повышения зарплат) приведет к остановке промышленности.

Лидер московских предпринимателей Павел Рябушинский еще на съезде промышленников в августе 1917 года говорит, что жизнь жестоко покарает тех, кто нарушает экономические законы. «К сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились» – эта его фраза становится крылатой, левые газеты цитируют ее как доказательство цинизма бизнесмена.

Осенью на многих предприятиях страны происходят даже не забастовки, а самозахваты: рабочие арестовывают администрации заводов. Самая неуправляемая ситуация на Донбассе. «Шахтеры совсем обезумели», – телеграфируют владельцы шахт в Петроград.

25 сентября трое послов стран-союзниц (Британии, Франции, Италии) сообщают Керенскому, что они прекращают какие-либо поставки в Россию до тех пор, пока она не гарантирует боеспособность своей армии. Тогда же начинают бастовать железные дороги, фактически надвигается экономический коллапс. Предстоящая зима обещает обернуться голодом и еще более страшными потрясениями, по сравнению с «хлебными бунтами» 1917 года.

Назад в Грузию

Бесконечные политические дебаты всем надоели, но продолжаются: по инициативе Керенского в Александринском театре собирается «Демократическое совещание». Эти разговоры не приводят ни к каким переменам, выборы в Учредительное собрание так и не проведены, вместо реального органа власти собираются дискуссионные клубы без каких-либо полномочий, целей и ответственности. Именно в эти дни в прессе впервые появляется неологизм «дерьмократы», который станет популярен в России 80 лет спустя.

Демократическое совещание заседает две недели и избирает из своих рядов предпарламент – просто большинству участников надоедает каждый день ходить в Александринский театр, и они делегируют 15 % своего состава продолжать дискуссию.

Когда происходят выборы делегатов, большевики объявляют, что от них в Александринский театр делегируются Ленин и Зиновьев. Скорее всего, это проверка – ведь оба лидера до сих пор в розыске. И действительно, Керенский объявляет, что Ленин должен быть арестован немедленно, как только он появится в театре.

Церетели верит, что предпарламент может спасти Россию от большевиков: вместе с кадетом Владимиром Набоковым они пишут проект конституции. Набоков вспоминает, что Церетели в эти дни все время говорит об угрозе прихода к власти большевиков. «Конечно, – говорит он, – они продержатся не более двух-трех недель, но подумайте только, какие будут разрушения! Этого надо избежать во что бы то ни стало».

Однако в начале октября Церетели внезапно бросает все и уезжает из столицы в Грузию – повидать семью, которую он не видел десять лет.

Провинциальный стратег

Владимир Ильин, он же Ф. Ф. Ивановский, Владимир Ульянов или Николай Ленин, живет в Финляндии. Местные власти его оберегают, но он не находит себе места. Новости ему не нравятся, он считает, что большевики должны быть активнее, брать власть, готовить новое восстание. Он постоянно пишет в Петроград Троцкому и остальным товарищам, обвиняя их в бездействии, требует бойкотировать «предпарламент».

В точности повторяется ситуация начала марта – все самые важные события происходят в столице, а Ленин заперт далеко в глуши. Только на этот раз его не пускают обратно не границы, а страх. Он в розыске, ЦК партии решил, что Ленина надо беречь и возвращаться ему опасно. Ленин в бешенстве, возмущен решением ЦК, последними словами проклинает товарищей, особенно Троцкого – но ехать не решается.

Партией большевиков руководят два Льва, Каменев и Троцкий, оказавшиеся весьма эффективными менеджерами. Усилиями Каменева большевики возглавили борьбу петроградских рабочих против корниловского путча. Благодаря красноречию Троцкого большевикам удалось взять под свой контроль Петросовет. Впереди – созванный большевиками Второй съезд Советов, который сделает влияние большевиков еще более прочным. Никакого вооруженного восстания не нужно, уверен Каменев и многие другие, оно только все погубит.

Под влиянием писем Ленина Троцкий объявляет, что большевики покидают предпарламент. Но Ленину этого мало: он боится, что момент будет упущен. В одной газете он прочитал, что англичане могут заключить сепаратный мир с немцами, в другой – что Керенский нарочно планирует сдать Петроград немцам, чтобы те расправились с революционерами. Это значит – надо действовать.

В конце сентября Ленин не выдерживает и срывается из Хельсинки в Выборг, что вдвое ближе к Петрограду, но еще Финляндия. Туда к нему приезжает старый друг Александр Шотман и рассказывает о тяжелом экономическом кризисе. Никто не знает, как из него выйти, и среди большевиков нет специалистов, способных управлять государством в такой момент, говорит он.

«Абсолютная чепуха! – кричит Ленин. – Любой рабочий может стать министром, поучившись этому ремеслу несколько дней. Никаких особых

способностей тут не требуется. Не надо даже вникать в механизм работы государственной машины. Эту функцию будут выполнять специалисты, которым придется на нас поработать!»

«Мы напечатаем новые купюры на типографских станках, на тех, что печатают газеты, – говорит Ленин. – Через несколько дней у нас будут миллионы новеньких банкнот. И вообще, это дело специалистов. Не стоит даже это обсуждать».

По его плану, нужно взять власть и выпустить декреты, которые расположат к большевикам народ: объявить мир, чтобы на их сторону перешла армия, отобрать земли у помещиков, чтобы завоевать крестьян, фабрики отдать рабочим. «И кто тогда захочет пойти против нас?» – улыбается Ленин. Шотман уезжает в Петроград, Ленин остается в тихом провинциальном Выборге писать инструкции.

Сдать Петроград немцам

Петроград будоражат слухи о том, что в город вот-вот войдут немецкие войска. Газеты пишут, что император Вильгельм посетил Ригу, сходил в православный собор и поставил там свечку за здравие императора Николая II. Солдаты шутят, что скоро «Василий Федорович» (прозвище кайзера Вильгельма) будет ставить свечки и в питерских храмах.

Угроза сдачи города немцам становится любимым риторическим приемом Троцкого. Во всех своих речах он теперь называет Керенского главой «правительства национальной измены», замыслившего вместе с немцами контрреволюционный переворот. Он знает, что подобных планов у Керенского нет, это лишь осознанная и эффектная клевета.

Любопытно, что в сентябре и октябре 1917 года большевики обвиняют Временное правительство во всем, что спустя несколько месяцев сделают сами: в намерении сорвать Учредительное собрание, стремлении восстановить смертную казнь, в желании перенести столицу из Петрограда в Москву. Они говорят, что экономическая политика Керенского ведет к голоду и разрухе.

Разговоры о надвигающемся перевороте у всех на устах. Большевики еще не начали планировать свой переворот, а Петроград обсуждает, когда он случится. Борис Савинков беседует в гостиной Гиппиус с недавним министром вероисповеданий Карташевым. Савинков планирует издавать казачью газету, хочет собрать вокруг себя казаков, чтобы продолжить борьбу с большевиками. Карташев говорит, что надо создавать «правый» политический блок, который объединил бы и кадетов, бывших монархистов, и промышленников, и офицеров. Гиппиус размышляет о том, какой нужно написать резкий и краткий манифест – против большевиков от молчаливой интеллигенции: «Ввиду преступного слабоволия правительства… – начинает она и сразу передумывает: – Это опять только слова. Ни черта не выйдет». Общественное мнение жаждет твердой руки, диктатуры, которая наведет порядок. «Все грезят о штыке», – признает Гиппиус.

Троцкий вместо Распутина

Еще до корниловского путча газеты начали писать о контрреволюционном перевороте и реставрации монархии. В начале августа, реагируя на эти слухи, Временное правительство приказало заключить под домашний арест великих князей Михаила (брата царя) и Павла (дядю).

Жена великого князя Павла, Ольга Палей, вспоминает, что арестовывать их приехал Андрей Кузьмин (все тот же бывший красноярский президент, теперь помощник Керенского). Однако самые сильные эмоции в семье возникают, когда они видят ордер на арест – на нем стоит подпись: «Генерал-губернатор Петрограда Борис Савинков». «Это проклятое существо», которое 12 лет назад убило старшего брата Павла, великого князя Сергея, теперь принялось за него самого, возмущается Ольга Палей.

А Михаил воспринимает арест намного спокойнее – он даже болтает с Кузьминым о жизни и записывает в дневнике, что тот «производит очень хорошее впечатление, – идейный, скромный и умный».

Через месяц домашний арест снимают. В сентябре в дом великого князя Павла приходит молодой офицер. Он говорит, что его послал начальник, полковник Игорь Сикорский, знаменитый авиаконструктор и изобретатель самолета «Илья Муромец». Он предлагает семье план побега: ночью он приземлится на одну из лужаек Царскосельского парка, посадит великого князя и его семью на борт и через четыре часа они будут в Стокгольме.

«Милый друг, я тронут до глубины сердца, но то, что вы только что предложили мне, похоже на фантазии Жюля Верна!» – отвечает великий князь. Собраться незаметно не получится, не стоит даже и пытаться.

Анна Вырубова, бывшая подруга императрицы, спокойно живет в Петрограде – пока вдруг, 25 августа, не обнаруживает в газете сообщение, что ее вместе с еще несколькими людьми высылают из страны как особо опасную контрреволюционерку. Но они не доезжают до Хельсинки. На одной из станций вагон «с контрреволюционерами» отцепляют, всех его пассажиров отправляют в тюрьму. Каким-то чудом матросы не убивают арестованных по дороге.

В крепость Свеаборг Вырубову и остальных везут на яхте «Полярная звезда», которая раньше принадлежала царской семье, – Вырубова не раз

каталась на ней в былые годы. «Нельзя было узнать в заплеванной, загаженной и накуренной каюте чудную столовую Их Величеств. За теми же столами сидело человек сто "правителей" – грязных, озверелых матросов», – вспоминает она.

Вырубова сидит в тюрьме месяц, пока ее матери не удается поймать в коридоре Петросовета Троцкого. Он приказывает отпустить «узницу Керенского». 3 октября Вырубову привозят в Петроград, везут в Смольный, где ее встречают Каменев с женой Ольгой, родной сестрой Троцкого. Они даже кормят ее ужином, после чего Каменев говорит, что он лично отпускает ее на все четыре стороны. После этого газеты начинают писать, что Вырубова связана с Троцким и Каменевыми, будто она стала большевичкой и заседает в Смольном, – примерно то же, что и раньше, только теперь «вместо Распутина повторяется имя Троцкого», удивляется Вырубова.

Жребий брошен

Ленин дописывает статью «Удержат ли большевики государственную власть?» и 6 октября тайно приезжает в Петроград. О том, что большевики планируют вооруженное восстание, знают уже даже дети. Военно-революционный комитет приказывает столичному гарнизону не выполнять никаких приказов, которые не утверждены им. Троцкий открыто вносит на рассмотрение Петросовета резолюцию с призывом к захвату власти рабочими и солдатами. Его, очевидно, несет, он не принадлежит себе, как Гапон накануне 9 января двенадцать лет назад.

К восстанию готовятся как к Варфоломеевской ночи: ждут, что в квартиры будут врываться вооруженные солдаты и матросы. Создаются «домовые комитеты» для дежурств по ночам, чтобы предупредить соседей в случае опасности.

10 октября большевики собираются на квартире меньшевика Суханова, причем в отсутствие хозяина. Приходят 12 из 24 членов ЦК, в том числе Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин, а также гладко выбритый человек в парике и массивных роговых очках. Это товарищ Иванов, он же Ленин.

На этом заседании обнаруживается раскол среди большевиков. Глава фракции большевиков в Петросовете Каменев категорически против восстания, его поддерживает Зиновьев, правая рука Ленина. Лидер партии с ненавистью называет их предателями. Медлить нельзя, Керенский готовится сдать город немцам, планирует вторую корниловщину, говорит Ленин. Остальные большевики живут в Петрограде и знают цену газетным спекуляциям, но все же не спорят – они верят в чутье Ленина. Троцкий упоен тем, как власть сама идет к нему в руки, он не может себя сдерживать. В итоге только два человека голосуют против восстания и десять – за.

Троцкий планирует восстание на 25 октября, когда в Петрограде начнется Второй съезд Советов. План прост и даже демократичен: съезд вынесет вотум недоверия Временному правительству и сформирует новое. Если Первый съезд в июне проходил под руководством Церетели и признал власть Временного правительства, то новым съездом будут уже руководить новые лидеры Петросовета – Троцкий и Каменев. Тогда Ленин перебивал Церетели, говорившего, что нет партии, которая могла бы взять власть, – теперь и перебивать не придется.

Троцкий считает, что съезд легитимизирует переворот, но Ленину не терпится, он не понимает зачем ждать, зачем нужен повод. «Мы уже назначили восстание на 25 октября», – отвечает ему Троцкий. Ленин обзывает его «фетишистом 25 октября», но ничего поделать с решением главы Петросовета не может.

Каменев по-прежнему считает предстоящее восстание ошибкой, ведь власть и так перейдет к большевикам исключительно демократическим путем: сначала они возьмут в свои руки съезд Советов, а потом смогут выиграть выборы в Учредительное собрание, до которых остается всего две недели. Вместе с Зиновьевым они решают продолжить публичную дискуссию с Лениным и Троцким уже на газетных страницах. И отправляют статью Горькому – в «Новую жизнь». «Действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет, – пишут Каменев и Зиновьев, – так как этого настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом».

Ленин видит статью в «Новой жизни» и приходит в бешенство, но он, конечно, не может выгнать Каменева и Зиновьева из партии, этого не поймут ни остальные большевики, ни тем более рабочие, обожающие Каменева.

Ленин и его больной зуб

Ленин опасается, что Керенский успеет спохватиться и обезвредить большевиков, как это случилось в июле. Он торопится ударить, пока Временное правительство слабо. Действительно, в ночь с 23 на 24 октября на заседании Временного правительства Керенский говорит, что ждать больше нельзя, нужно немедленно арестовать всех членов Военно-революционного комитета. Премьер знает о планах большевиков и понимает, насколько опасен съезд Советов. Но министры сомневаются и предлагают более мягкую меру: запретить большевистские газеты.

Ночью правительственные войска приходят в типографию, где печатают большевистские газеты «Солдат» и «Рабочий путь» (новое название запрещенной «Правды»), закрывают ее и забирают весь свежий тираж. Этот удар играет на руку сторонникам Ленина – они видят, что надо срочно активизироваться, иначе в оставшиеся до съезда три дня всех большевиков пересажают. Ленин, скрывающийся на конспиративной квартире, не получает утром свежий номер «Рабочего пути» и пугается, что Керенский начал репрессии. Однако уже в 10 утра в типографию «Рабочего пути» приходят солдаты, поддерживающие большевиков, и прогоняют правительственных юнкеров.

В Смольном – штабе Петросовета – непрерывно заседает большевистский штаб. Наблюдающий за ним американский журналист Джон Рид вспоминает, что большевики почти не спят и не едят: Троцкий и Каменев выступают перед рабочими и солдатами по шесть, восемь, а то и по двенадцать часов в день. Решено, что все члены ЦК большевиков должны находиться в Смольном неотлучно. Караулы на входе усилены, вокруг установлены пулеметы, верные большевикам полки вызывают к Смольному. Балтфлот высылает военные корабли в столицу. Есть опасения, что власти перережут большевикам связь, – чтобы это предотвратить, группы солдат отправляются на почту и телеграф.

Солдаты и рабочие явно торопят события, спрашивают, когда большевики арестуют Временное правительство. Троцкий отвечает, что ничего подобного не будет, если только Керенский не откажется повиноваться решениям съезда. Тем временем Ленин не находит себе места. Он пишет очередное гневное письмо в Смольный: «Положение донельзя критическое. Яснее ясного, что промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на

волоске… Надо во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. Нельзя ждать!! Можно потерять все!!» Это письмо он отдает квартирной хозяйке – чтобы она отнесла его Троцкому и другим большевикам.

Она уходит около четырех часов дня. Ленин страшно нервничает и к восьми вечера понимает, что больше не может сидеть на месте. «Ушёл туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил», – пишет он записку хозяйке и выходит на улицу. Узнать его невозможно – мало того, что он без привычных усов и бороды, так он еще и замотал лицо платком – как будто у него болит зуб.

Споры близоруких

Керенский еще утром 24 октября приезжает на заседание предпарламента. Выступает ярко и убедительно, говорит, что ждать нельзя, требует санкционировать арест большевиков. Дебаты продолжаются до позднего вечера. В защиту большевиков выступает Мартов: «Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции». Ему кричат из зала: «Министр иностранных дел будущего кабинета большевиков!». «Я близорук и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел будущего кабинета Корнилова», – отвечает Мартов.

Ближе к ночи глава предпарламента эсер Николай Авксентьев стыдливо говорит Керенскому, что большинство проголосовало за то, чтобы осудить военную мобилизацию большевиков, потребовать от правительства начать мирные переговоры и передать всю землю в руки земельных комитетов. Керенский кричит, что это вызов Временному правительству, оно в подобных подсказках не нуждается и будет действовать самостоятельно. И убегает совещаться с министрами.

Весь день продолжается подготовка к выступлению большевиков – к Зимнему дворцу стягиваются войска, потенциально верные Временному правительству: воспитанники военных училищ (юнкера) и женские батальоны. На солдат столичного гарнизона правительство положиться не может. Бойцы Самокатного батальона, которые раньше охраняли Зимний дворец, заявляют, что более не желают служить правительству, и уходят из казарм на стихийный митинг.

Впрочем, с женщинами и юношами тоже не все гладко. К Зимнему дворцу привозят 1-й Петроградский женский батальон. Когда женщинам сообщают, что их вызвали для защиты дворца, а не «парада», как говорили раньше, большая часть требует вернуть их обратно в казармы. Всего к вечеру вокруг Зимнего дворца собрано 200 женщин, примерно две тысячи учащихся школы прапорщиков и чуть больше сотни офицеров.

Вечером командующий столичным военным округом приказывает развести все мосты – но выполнить этот приказ не удается. Женский батальон боится подойти к Троицкому мосту, потому что его прикрывают пушки Петропавловской крепости – а ее гарнизон, как обычно, за большевиков.

Отряд юнкеров приходит, чтобы сменить караул у здания Центрального телеграфа, но прежняя охрана не хочет уходить. Она

перешла на сторону большевиков и прогоняет юнкеров. Ночью солдаты захватывают стоящий рядом с телеграфом почтамт.

Восстание еще не началось, ни одного выстрела не сделано, Троцкий продолжает в Смольном уговаривать товарищей не спешить. Но власть Временного правительства уже незаметно рассыпалась – куда более тихо и бескровно, чем в начале Февральской революции.

Силы на исходе

Ленин тем временем пробирается к Смольному. В биографиях напишут позже, что его путь полон опасностей, повсюду якобы свирепые юнкера, готовые его расстрелять. Это очевидная постправда – в столице нет такого количества верных правительству юнкеров, да и лидера большевиков в гриме узнать невозможно. Только на входе во дворец у него возникает проблема: нет пропуска. Но ему все же удается пробраться внутрь в толпе рабочих.

Ленин в Смольном первый раз в жизни. Он бродит по комнатам, пытаясь отыскать знакомых, и случайно попадает на заседание меньшевиков, которые, приняв его за голодного рабочего, предлагают ему бутерброд с колбасой.

По-настоящему голоден в этот момент Троцкий. Он вспоминает, как после бесконечного заседания садится на диван, просит у Каменева папиросу, затягивается и падает в обморок. Очнувшись, видит над собой испуганное лицо Каменева. «Может быть, достать какого-нибудь лекарства?» – спрашивает Каменев. «Гораздо лучше было бы достать какой-нибудь пищи, – отвечает Троцкий, – стараюсь припомнить, когда я в последний раз ел, и не могу. Во всяком случае это было не вчера».

Временное правительство заседает до двух часов ночи, после чего в Зимнем остается один Керенский. Он еще пытается вызвать казаков для защиты дворца, но они отказываются.

Также ночью в Смольном проходит заседание ЦК большевиков. Ленин воодушевлен, говорит, что восстание происходит очень удачно, предлагает сформировать новое правительство только из большевиков. Однако единственное решение, которое принимают присутствующие, – это лечь спать здесь же, на полу в кабинете Троцкого.

Отъезд под американским флагом

Утром 25 октября солдаты продолжают постепенно захватывать основные объекты города без боя. Большевики подходят к телефонной станции, которую охраняют юнкера. Они считаются: большевиков около 70, юнкеров около 40. «Вас больше», – говорят юнкера и уходят. Зайдя на телефонную станцию, солдаты первым делом отключают связь Зимнему дворцу. Следом солдаты захватывают здания с редакциями крупных СМИ: «Русской воли», которой руководит писатель Леонид Андреев, и «Биржевых ведомостей», которые никем не охраняются.

Тем же утром Ленин пишет воззвание «К гражданам России», в котором говорится, что Временное правительство низложено, государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета. Это сильное преувеличение, солдаты столичного гарнизона просто ходят по городу и ставят охрану у ключевых учреждений. Они спокойно берут под свой контроль госбанк, выпускают большевиков из Крестов.

Керенский очень боится, что большевики придут за ним раньше, чем до города дойдет подкрепление. В 9 утра он идет в свой кабинет в Зимнем и начинает жечь документы. Вскоре командующий столичным военным округом полковник Георгий Полковников докладывает, что положение безнадежное: в распоряжении Временного правительства солдат нет. Керенский поручает вице-премьеру Александру Коновалову собрать министров, а сам бежит в штаб, где узнает, что новых войск и правда нет: командиры юнкеров и женского батальона считают, что их сил недостаточно для обороны Зимнего дворца, однако они пока остаются в ожидании обещанного подкрепления из казаков и войск с фронта.

Тогда Керенский говорит Полковникову, что собирается выехать из города – навстречу войскам, которые направляются в Петроград с Северного фронта. Полковников ищет для Керенского машину – но это оказывается непросто. В гараже дворца машин нет. Тогда машину ищут по посольствам: итальянцы отказываются отдать свой автомобиль, зато соглашаются американцы. Секретарь американского посольства Уайтхаус приезжает в Зимний, чтобы предоставить для сопровождения премьер-министра машину с американским флагом. Керенский просит его передать остальным послам, чтобы они ни в коем случае не признавали большевистского правительства, так как он вернется самое позднее через пять дней с подкреплением.

В 11 утра две машины, в которых сидят Керенский и его адъютанты, помощник главнокомандующего округом, бывший «красноярский президент» Кузьмин и несколько офицеров, выезжают из ворот штаба, делают круг по Дворцовой площади и уезжают. Через час члены Временного правительства собираются в Зимнем дворце на очередное совещание и с удивлением обнаруживают, что Керенский исчез.

13 обреченных

25 октября в Зимнем дворце начинается последнее и самое удивительное заседание Временного правительства. Его участники с самого начала знают, что им не на что надеяться. Охрана Зимнего дворца не скрывает от них, что не справится со штурмом. Они понимают, что их лидер убежал. Они знают, что за ними не стоят народные массы. Однако они упрямо продолжают сидеть и ждать.

Сначала их десять. Потом приходят еще трое. Кто эти люди? Четверо миллионеров, два адвоката, два профессора-экономиста, врач, ученый-богослов, морской офицер, инженер и рабочий. Всем им от 31 до 54 лет. Предприниматели Коновалов, Третьяков и Смирнов – известные бизнесмены, те самые «молодые капиталисты», которые вместе с Павлом Рябушинским добивались от власти свобод и реформ. Министр юстиции Павел Малянтович – известный адвокат, защищал Троцкого в 1906 году, и он же выиграл дело Марии Андреевой против Зинаиды Морозовой, тем самым отсудив у вдовы Саввы Морозова 100 тысяч[125] рублей на нужды большевиков. Министр труда, 35-летний рабочий Кузьма Гвоздев, в январе 1917-го был арестован по приказу Протопопова – с этого ареста и началась Февральская революция. Теперь он сам оказался членом свергаемого правительства.

Открывает заседание вице-премьер Александр Коновалов, который рассказывает коллегам, что случилось за ночь и куда делся Керенский. Морской министр Дмитрий Вердеревский говорит, что он не понимает, для чего это заседание собрано, и что министры собираются делать дальше, у них нет реальной силы, поэтому продолжать заседание бессмысленно. Ему отвечает врач Николай Кишкин, старый кадет, один из основателей либеральной партии: «Мы не Петроградское Временное правительство, а Всероссийское Временное правительство. Если у нас в Петрограде нет силы, на которую мы могли бы опереться, это еще не значит, что во всей России ее нет». Вице-премьер Коновалов предлагает оставаться в Зимнем дворце вплоть до ареста. Это предложение принимается без возражений.

Министры голосуют за то, чтобы назначить доктора Кишкина ответственным за оборону города. Но что он может сделать? Он может только уволить прежнего командующего округом полковника Полковникова. Единственная надежда на казаков, которые не станут поддерживать большевиков, значит, это единственная военная сила в

столице, которая гипотетически могла бы защитить Временное правительство. Но ни Коновалову, ни Кишкину не удается уговорить их.

На помощь министрам приходит Петр Рутенберг, недавно назначенный Керенским вице-губернатором столицы – знаменитый эсер, друг и убийца Гапона. Он вспоминает, что его товарищ Савинков в последнее время много общается с казаками, и предлагает привлечь Савинкова. Тот обещает помочь – и тоже отправляется уговаривать казаков.

Днем министры узнают, что по городу уже расклеены плакаты с составом нового правительства, сформированного большевиками: премьер-министр Ленин, министр иностранных дел Троцкий. Затем узнают, что большевики разогнали предпарламент.

В Зимний приходит Набоков, заместитель председателя предпарламента. Настроение у всех крайне подавленное. К нему подходит Сергей Третьяков, московский миллионер, внук одного из основателей Третьяковской галереи. Он очень зол на Керенского, который их предал. Говорит, что положение безнадежное. Но в разговор вмешивается министр иностранных дел Терещенко – он считает, что верные правительству войска идут, надо продержаться 48 часов.

Набоков уходит из Зимнего, никем не замеченный. Так же могли бы разойтись и остальные министры, но они упорно сидят. В половине седьмого они идут обедать в столовую Керенского. Подают суп, рыбу и артишоки. Сразу после обеда приходит ультиматум от большевиков – министрам дается 20 минут на то, чтобы сдаться. После этого крейсер «Аврора», который уже подходит к Зимнему, начнет стрелять.

В Зимнем трезвонят телефоны – чтобы спокойно обсудить ситуацию, министры уходят в комнату, где аппаратов нет. И единогласно решают на ультиматум не отвечать, оставаться в Зимнем дворце и сопротивляться.

Пьют чай. Штурм никак не начинается: часы бьют восемь, девять. «Что грозит дворцу, если "Аврора" откроет огонь? – пытается уговорить коллег сдаться морской министр Вердеревский. – Он будет обращен в кучу развалин. У нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец». Но министры не слушают.

Эти люди даже не держатся за власть – они понимают, что никакой власти в их руках уже давно нет. В аналогичной ситуации в феврале царское правительство давно разбежалось, хотя многие его члены считали себя избранниками помазанника Божьего. Зачем теперь эти министры рискуют своей жизнью и жизнями защищающих их женщин и юных курсантов?

Обыватель просыпается

В 15:00 в Смольном Лев Троцкий поднимается на трибуну и объявляет, что Временное правительство больше не существует. «Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно. Власть Временного правительства, возглавлявшегося Керенским, была мертва и ожидала удара метлы истории, которая должна была ее смести».

На этой фразе в зал заходит Ленин, и Троцкий уступает ему место. Ленин произносит первую речь триумфатора, перечисляя первые шаги нового правительства: создать полностью новый госаппарат, немедленно закончить войну, уничтожить собственность помещиков. «Вы предвосхищаете волю Съезда Советов», – кричат ему из зала.

Съезд Советов должен открыться ночью. Ленин требует штурмовать Зимний и арестовать Временное правительство до того. Он мечется по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку. «Владимир Ильич ругался… Кричал… Он готов был нас расстрелять», – вспоминает один из членов Военно-революционного комитета Николай Подвойский.

Троцкий говорит, что «обыватель мирно спал и не знал, что с этого времени одна власть сменяется другой», – и он совершенно прав: большинство жителей Петрограда к этому моменту ни о чем не подозревают. По городу расклеены листовки, в которых говорится, что старое правительство низложено, но подтверждений тому нет, кроме стоящей в центре города «Авроры».

Около десяти часов вечера оперный певец Федор Шаляпин стоит на сцене. Он одет в пурпурную мантию, в его руках скипетр, на голове корона. Он играет испанского короля Филиппа. Он осматривает своих подданных – и вдруг слышит пушечный выстрел. Потом еще один. Актеры на сцене пугаются и начинают аккуратно отступать за кулисы. Публика в зале тоже нервничает. Через минуту за кулисы прибегают люди и сообщают, что снаряды летят не в сторону театра и опасаться нечего: «Это, видите ли, крейсер "Аврора" обстреливает Зимний дворец, в котором заседает Временное правительство…»

Художник Александр Бенуа сидит дома – у него сжимается сердце. «Неужели наступили последние минуты существования Зимнего? – беспокоится он. – А ведь рядом Эрмитаж со всеми главнейшими сокровищами Русского государства, со всем тем, что мне лично дороже

всего на свете!»

Зинаида Гиппиус стоит на балконе и смотрит на «сверкающие на небе вспышки, как частые молнии». Она удивляется поведению министров: «Не сдаются. Но – они почти голые: там лишь юнкера и женский батальон. Больше никого. Керенский уехал раным-рано, на частном автомобиле. Улизнул-таки! А эти сидят, неповинные ни в чем, кроме своей пешечности и покорства, под тяжелым обстрелом. Если еще живы».

Развязка

Примерно в 9:30 вечера, 25 октября, Керенский приезжает в Псков и спрашивает, идут ли войска в сторону столицы. Керенский – Верховный главнокомандующий – отдал соответствующий приказ еще утром. Но сейчас он узнает, что главнокомандующий Северным фронтом Владимир Черемисов этот приказ отменил, потому что это бессмысленно, солдаты не станут воевать «за Кишкина». Войска не тронулись. Керенский в Пскове сидит в квартире своего шурина, генерала Владимира Барановского, и, по словам последнего, «испытывает муки ада от безнадежности».

В 9:45 «Аврора» дает первый залп по дворцу. Защитники Зимнего начинают сдаваться: сначала три сотни казаков, присоединившихся к Временному правительству, потом полурота женского батальона. Внутри дворца остаются только курсанты военных училищ.

В 10:40 в Смольном открывается Съезд Советов. Из 670 участников съезда около 300 большевиков. «Настроение собравшихся праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то, что еще идет бой вокруг Зимнего дворца», – радуется искусствовед Луначарский. Он, правда, оговаривается, что паники нет только среди большевиков, их противники же «объяты паникой, злобные, смущенные, нервные». Один из меньшевиков подбегает к искусствоведу и кричит: «"Аврора" бомбардирует Зимний дворец! Слышите, товарищ Луначарский, ваши пушки разбивают дворец Растрелли!» На самом деле «Аврора» стреляет по Зимнему холостыми, зато дворец обстреливают из Петропавловской крепости и из орудий, установленных у арки Главного штаба. Среди юнкеров есть раненые, доктор Кишкин делает им перевязки. В одном из залов возгорание – министры бегут его тушить.

«Мы здесь, в Зимнем дворце, совершенно брошены и оставлены, – говорит министр земледелия Семен Маслов. – Нас посылала во Временное правительство демократия, мы не хотели туда идти, но мы пошли. А теперь, когда наступила беда, когда нас расстреливают, мы не встречаем ни от кого поддержки. Конечно, мы умрем здесь, но последним моим словом будет презрение и проклятие той демократии, которая сумела нас послать, но которая не сумела нас защитить».

Лидер меньшевиков Юлий Мартов в Смольном требует немедленно прекратить обстрел Зимнего дворца и начать переговоры. «Восстание народных масс не нуждается в оправдании, – улыбается в ответ Троцкий. –

То, что произошло, это восстание, а не заговор. Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю, с кем мы должны заключить соглашение?»

«Тогда мы уходим», – кричит Мартов.

И они уходят, почти все меньшевики и правые эсеры. На съезде остаются большевики и их союзники. Троцкий кричит им вслед, что это бессильная преступная попытка сорвать настоящую демократию рабочих и солдатских масс.

Примерно в полвторого ночи в Зимний дворец заходит отряд большевиков во главе с Владимиром Антоновым-Овсеенко, одним из трех новых военных министров в правительстве большевиков. Солдаты долго не могут найти, где сидит Временное правительство, и по дороге громят бывший кабинет Николая II, который был оставлен в нетронутом виде для создания музея.

«В комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату», – вспоминает министр юстиции Малянтович.

«Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно, – описывает Антонов-Овсеенко. – "Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!" – заявляю им я. – "Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития", – сказал Коновалов».

Их выводят из Зимнего дворца и ведут пешком через Троицкий мост в Петропавловскую крепость. По дороге толпа окружает конвой и требует отрубить членам Временного правительства головы и выбросить в воду. Тем не менее к 4 утра их доводят до Петропавловской крепости и через час разводят по камерам.

В Смольном в три часа ночи к трибуне подбегает Каменев и зачитывает телеграмму: Зимний дворец взят. Съезд ликует и утверждает решение о создании нового революционного правительства во главе с Лениным.

«Знаете, – говорит Ленин Троцкому, – сразу после преследований и подполья к власти… – Ленин пытается подобрать слово и не может вспомнить, как это будет по-русски, – es schwindelt[126]». И показывает жестом, что голова у него идет кругом. Они с Троцким смотрят друг на друга и чуть смеются.

Эпилог

Октябрьская революция только в учебниках истории выглядит как рубеж, после которого страна изменилась сразу и навсегда. Большинство людей не заметит серьезных перемен ни 26 октября, ни в последующие дни. Петроградская городская дума не признает правительство большевиков и сформирует Комитет спасения родины и революции – замену Временному правительству и альтернативу большевистскому Совнаркому.

Никто не поверит, что большевикам под силу удержать власть. Меньшевики и эсеры потому и ушли со съезда Советов, что считали свой демарш худшим наказанием для большевиков, которые без них неминуемо рухнут. «Большевики могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее, – цитирует американский журналист Джон Рид одного из меньшевиков. – У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше всего дать им попробовать: на этом они сорвутся». Однако 29 октября большевики разгонят Комитет спасения родины и революции и закрепятся в Петрограде.

Свою популярность большевики завоевали благодаря трем громким обещаниям. Первое из них – закончить войну. Действительно, уже 26 октября съезд Советов примет «Декрет о мире» с призывом к воюющим сторонам заключить мир без аннексий и контрибуций. Однако война не закончится. 9 декабря Троцкий отправится в Брест-Литовск на переговоры с Германией, но откажется принять условия немецкой стороны. Германия перейдет в наступление и захватит новые территории, в результате 3 марта 1918 года Брестский мир будет подписан на куда более тяжелых условиях: Германия аннексирует около миллиона квадратных километров российской территории, Россия выплатит контрибуцию в размере 6 миллиардов марок (2,75 миллиарда рублей)[127]. Но и это будет не конец. Война начнется вновь, миллиарда – Гражданская.

Второе обещание большевиков: «земля – крестьянам». Однако фактически они сделают обратное: 27 октября съезд Советов примет декрет, отменяющий право частной собственности на землю. На тот момент пятая часть земли в России уже принадлежит крестьянам, теперь государство ее отнимет и будет выдавать им в пользование. Но и это не все: меньше чем через полгода, весной 1918-го, начнется «продовольственная диктатура», комитеты бедноты будут отбирать у крестьян «излишки», то

есть почти все, что они производят.

Третье, и главное, обещание – передать фабрики рабочим – также не будет исполнено. Все предприятия власть национализирует, о том, чтобы контролировать работу предприятий или получать часть прибыли, рабочие не смогут и мечтать.

Больше полугода после Февральской революции все ждали созыва Учредительного собрания, которое определило бы облик нового Российского государства. Придя к власти, большевики сразу теряют к нему интерес, презрительно называют его «учредилка».

Тем не менее долгожданные выборы в Учредительное собрание состоятся через пять дней после свержения Временного правительства – 30 октября. Через месяц, еще до объявления результатов, правительство большевиков уволит Центризбирком – комиссию по выборам в Учредительное собрание. Новым ее председателем будет назначен большевик Моисей Урицкий.

28 октября Ленин подпишет декрет о запрете партии кадетов как «партии врагов народа», согласно ему все ее лидеры должны быть отданы под революционный трибунал. Кадеты Андрей Шингарев и Федор Кокошкин, бывшие члены Временного правительства, избранные в Учредительное собрание, будут арестованы в тот же день. Они переживут Учредительное собрание лишь на сутки – будут убиты матросами в тюремной больнице в начале января.

Согласно официальным результатам выборов, большевики победят в Петрограде и Москве, но в целом по стране будут лидировать эсеры. 5 января Учредительное собрание соберется в Таврическом дворце. В этот же день солдаты Петроградского гарнизона расстреляют демонстрацию сторонников Учредительного собрания, погибнут десятки людей. На следующий день депутаты вернутся в Таврический дворец и обнаружат, что он закрыт.

Зимой 1918 года правительство большевиков переедет в Москву, подальше от линии фронта и ненадежного, опасного для любой власти Петроградского гарнизона.

По всей стране, в том числе в Петрограде, зимой 1918 года начнется голод. Вопросы политики уступят место вопросам выживания: как спасти себя и своих близких? Оставаться дома и ждать? Бежать на Дон к казакам, где собираются противники большевиков? Попытаться пробраться за границу? За первую зиму из Петрограда – от голода и холода – убежит около миллиона человек.

Впрочем, выбор будет не у всех. В марте 1918-го Зиновьев и Урицкий

прикажут выслать из Петрограда оставшихся членов семьи Романовых. Летом 1918 года Свердлов и Ленин примут решение убить членов царской семьи, сосланных на Урал. Первым убьют брата императора великого князя Михаила – его (вместе с личным секретарем, англичанином Джонсоном) похитят в Перми, отвезут в лес и расстреляют. Через месяц в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома расстреляют Николая II, Александру, их пятерых детей и четверых слуг. На следующий день в 150 км от Екатеринбурга, в городе Алапаевске, живьем сбросят в угольную шахту восьмерых, в том числе сестру императрицы Эллу и нескольких князей императорской крови. В шахте они мучительно умрут от ран.

30 августа в Москве член партии эсеров Фанни Каплан в отместку за разгон Учредительного собрания трижды выстрелит в Ленина и тяжело ранит его. В этот же день в Петрограде будет убит Моисей Урицкий, бывший руководитель Центризбиркома, а теперь глава городской Чрезвычайной комиссии. В ответ советское правительство примет решение начать «красный террор»: «За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов», – напишет петроградская «Красная газета».

5 сентября в Москве, в Петровском парке, произойдет первая публичная казнь: расстреляют чиновников царского режима и видных членов Союза русского народа: в том числе бывших министров Николая Маклакова, Алексея Хвостова, Ивана Щегловитова, замминистра Степана Белецкого.

Газеты опубликуют список заложников, которые будут расстреляны, если убьют еще хоть одного советского работника: список откроют имена четверых великих князей, в том числе либерала Николая Михайловича. За него попытается ходатайствовать Горький, ведь великий князь – известный историк. «Революция не нуждается в историках», – по легенде, ответит Ленин. В конце января 1919 года четверо великих князей будут расстреляны в Петропавловской крепости. Юлий Мартов, узнав об их смерти, напишет статью «Стыдно!».

Тем членам царской семьи, которые к этому моменту будут находиться в Крыму, удастся спастись: британский король Георг V пришлет линкор «Мальборо» за своей тетей, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, и остальными родственниками (сестрами покойного императора Ольгой и Ксенией, его зятем Сандро, бывшим Верховным главнокомандующим Николаем Николаевичем, «черными женщинами»-черногорками и семьей Юсуповых). Корабль отвезет их в Британию.

В этот момент уже будут существовать две России: одна, «красная», со

столицей в Москве, вторая, «белая», со столицей в Омске. Именно это «Российское государство», которым руководит сначала Временное правительство во главе с эсером Авксентьевым, потом – совершивший переворот адмирал Колчак, де-факто признано мировым сообществом – а вовсе не правительство большевиков.

Гражданская война продлится почти шесть лет и закончится победой большевиков. Всего за эти годы погибнет больше 10 миллионов человек – это в пять раз больше, чем потери России в Первой мировой войне, которую обещали прекратить большевики. Из 10 миллионов два с половиной будут убиты непосредственно в сражениях, еще два миллиона станут жертвами красного и белого террора, шесть миллионов умрут от голода и эпидемий. Около двух миллионов человек эмигрируют. Значительная часть страны будет разрушена: особенно сильно пострадают угольные предприятия на территории современной Донецкой области и нефтяные месторождения в Баку.

В феврале 1919 года в Сергиевом Посаде от голода умрет публицист Василий Розанов. В 1920 году в больнице Бутырской тюрьмы умрет Дмитрий Шипов, самый умеренный лидер российской оппозиции, бывший глава московского земства. Его обвинят в антибольшевистской деятельности и участии в тайной организации Национальный центр. В апреле 1921 года по приговору ВЧК будет расстрелян основатель Союза русского народа Александр Дубровин. Юлий Мартов сначала будет бороться за реформирование советской власти изнутри, но в 1920 году уедет в Берлин и умрет там от туберкулеза.

Творческая интеллигенция по-разному отнесется к победе большевиков. Например, Александр Блок приветствует Октябрьскую революцию. Многие из друзей перестанут с ним общаться. В 1919 году Блок встретится в трамвае с Зинаидой Гиппиус. «Подадите ли вы мне руку?» – спросит он. «Лично – да. Общественно – между нами взорваны мосты», – ответит она.

Многие будут мечтать выехать из Петрограда – но это будет запрещено. Мережковским повезет – они договорятся, чтобы их отправили в Красную армию читать солдатам лекции по истории Древнего Египта. Но вместо чтения лекций Гиппиус, Мережковский и Философов проберутся в Польшу. Там троебратство навсегда распадется: Философов останется в Варшаве с Савинковым, чтобы бороться против большевиков, а Мережковские уедут в Париж.

Блок попросит разрешения на выезд из страны. За него будут хлопотать Горький, Луначарский и даже Каменев. Ленин несколько раз

откажет. В августе 1921 года Блок умрет от сердечной болезни, так и не узнав, что разрешение на выезд получено.

Сам Горький станет одним из главных критиков большевиков, но за прежние заслуги ему позволят уехать лечиться в Берлин. Мария Андреева, теперь уже бывшая гражданская жена, вместе с любовником – агентом НКВД поедет с Горьким в качестве шпионки, приставленной советским правительством. Они будут контролировать все траты Горького, следить за новыми публикациями и докладывать о его действиях в Москву. Только в 1924 году он избавится от их контроля и переберется в Италию.

В 1922 году у Ленина случится два инсульта, после которых он потеряет способность участвовать в управлении страной. Вопреки его завещанию, в котором он называет Троцкого «самым способным человеком» в партии, власть окажется в руках Иосифа Сталина. Ленин проведет последние годы в подмосковном имении Горки – ради него оттуда выселят прежнюю хозяйку, вдову Саввы Морозова Зинаиду. Партийное руководство выберет для Ленина именно ее усадьбу, потому что там установлен телефон.

Ленин умрет в январе 1924-го. Зинаида Морозова переживет его на 33 года. Все ее имущество будет национализировано. Поначалу она окажется в полной нищете, но затем МХАТ начнет выплачивать ей небольшую пенсию – за заслуги ее покойного мужа перед театром. До 1924 года Зинаида будет жить в Москве, потом уедет в село Ильинское Ярославской области.

Павел Рябушинский, как и почти вся его семья, эмигрирует во Францию. Он умрет от туберкулеза в 1924 году. В 1925 году в Париже умрет первый глава российского Временного правительства князь Георгий Львов – все последние годы он будет помогать российским эмигрантам наладить жизнь в изгнании.

В 1928 году Горький по просьбе Сталина вернется из Италии в Москву – пока только в гости. Он остановится в квартире своей первой и единственной законной жены, Екатерины Пешковой, на тот момент возглавляющей единственную в СССР правозащитную организацию «Помполит». В 1932 году Горький переедет в Россию насовсем – советские власти выделят ему особняк, принадлежавший до революции младшему брату Павла Рябушинского Степану. Горький будет всецело поддерживать Сталина и его политику, умрет в 1936 году.

Друг Горького, оперный певец Федор Шаляпин, в 1922 году уедет на гастроли в США и больше не вернется. В 1927 году его лишат звания народного артиста СССР и права возвращаться на родину. Он умрет в 1938

году в Париже.

Сергей Дягилев так ни разу и не приедет на гастроли в Россию – и вообще ни разу не ступит на российскую землю. Он умрет в Венеции (то есть, как и предсказала гадалка, на воде) в 1929 году. Спустя 42 года рядом с ним будет похоронен его друг композитор Игорь Стравинский, который большую часть своей жизни проведет в США.

Многие прежние оппозиционеры не смирятся с властью большевиков. Бабушка русской революции Екатерина Брешко-Брешковская, которая большую часть жизни провела в ссылке, в 1918 году, в возрасте 74 лет, уедет в Японию, а потом в США. Она будет продолжать свою политическую борьбу до самой смерти – и умрет в Праге в 1934 году, в 90 лет.

Виктор Чернов проживет в Париже до 1941 года, а после начала войны переберется в США, где будет писать мемуары. Умрет в Нью-Йорке в 1952 году.

Ираклий Церетели и Николай Чхеидзе вместе с другими социалистами-грузинами попытаются создать независимую грузинскую республику, но после успешного наступления большевиков эмигрируют. Чхеидзе покончит с собой в Париже в 1921 году. Церетели переживет Сталина и умрет в 1959 году в США.

Бывший монах Илиодор, теперь мирянин Сергей Труфанов, в 1918 году вернется в Царицын и объявит себя «патриархом Илиодором». В 1922 году он уедет в США, станет баптистом и будет работать швейцаром в гостинице. Умрет в Нью-Йорке в 1952 году.

Отношения российских эмигрантов друг с другом будут очень сложными. Между либеральными монархистами и черносотенцами начнется настоящая война: последние будут обвинять первых в том, что произошла революция. В 1921 году в Берлине изобьют Гучкова. Год спустя черносотенцы устроят стрельбу на выступлении Милюкова – месть за то, что он оскорбил императрицу в своей думской речи «Глупость или измена?». Он сам не пострадает, но погибнет Владимир Набоков-старший, еще девять человек будут ранены.

Сам Гучков умрет в 1936 году от рака желудка. Перед смертью он будет крайне озабочен неминуемой, по его мнению, войной между СССР и гитлеровской Германией.

Большинство членов российской императорской семьи останутся во Франции. Сын Михень, великий князь Кирилл, в 1924 году объявит себя императором в изгнании, но его не признают ни вдовствующая императрица Мария Федоровна, ни великий князь Николай Николаевич, ни

великий князь Дмитрий.

Николай Николаевич умрет в Антибе в 1929 году. Великий князь Дмитрий умрет в Швейцарии в 1942-м, а Феликс Юсупов – в Париже в 1964 году. В 1940-е годы дочь Феликса, Ирина, познакомится и даже подружится с дочерью Распутина Матреной.

Главной долгожительницей среди героев этой книги окажется Матильда Кшесинская. В 1921 году она наконец выйдет замуж за великого князя Андрея, станет именоваться светлейшей княгиней Красинской-Романовской, переживет мужа на 15 лет и умрет в 1971 году в возрасте 99 лет в Париже.

Анна Вырубова в 1920 году чудом сбежит из-под ареста благодаря разгильдяйству конвоировавшего ее красноармейца. Она будет долго прятаться в Петрограде, а потом вместе с матерью переберется в Финляндию. Она доживет до 80 лет – умрет в 1964 году, за несколько месяцев до того, как Брежнев сменит Хрущева во главе СССР.

Большая часть оставшихся в Советской России и выживших в Гражданскую войну представителей дворянства и интеллигенции как-то устроят свою жизнь: найдут работу в советских институтах и ведомствах. В 1920-е многим будет казаться, что все потрясения позади. Их мирное существование продлится около десяти лет – до начала большого сталинского террора 1930-х.

Бывший глава масонского «Верховного совета», вице-премьер Временного правительства Некрасов сменит фамилию на Голгофский, будет работать в советских министерствах, преподавать в университете, но в 1930 году будет арестован и отправлен на Беломорканал. Однако и там он добьется успехов: будет работать в конструкторском бюро и даже получит орден Трудового Красного Знамени за досрочную сдачу канала. Его расстреляют в 1940-м.

Кроме него еще семь бывших министров Временного правительства будут расстреляны в годы большого террора, остальные проведут в тюрьме значительную часть жизни в СССР. Владимир Львов, виновник «корниловского путча», умрет в тюрьме в Томске в 1930 году.

Борис Савинков, к ужасу своего друга Философова, согласится сотрудничать с большевиками и в 1924 году нелегально вернется в Россию – попадется в ловушку ОГПУ, будет арестован, приговорен к расстрелу и покончит с собой в здании на Лубянке. Дмитрий Философов умрет в одиночестве в Варшаве в 1940-м.

Когда в конце 1920-х в России начнутся репрессии против «старых большевиков» – противников Сталина, многие воспримут это как

внутренние разборки «пауков в банке». Сначала после смерти Ленина Зиновьев, Каменев и Сталин объединятся против Троцкого, чтобы помешать ему стать преемником Ленина. Потом Сталин начнет борьбу с оппозицией. Каменева, например, он отправит послом в Италию.

В 1927 году Зиновьев и Троцкий попытаются организовать митинги оппозиции против Сталина, посвященные десятилетию революции, но толпы сторонников Сталина будут разгонять их с криками «Долой жидов-оппозиционеров».

В 1929 году Троцкий будет выслан из СССР, в 1940-м агенты НКВД убьют его в Мексике. В 1936-м осудят, а потом расстреляют Льва Каменева и Григория Зиновьева, за ними – несколько сотен человек из высшего руководства страны. Большой сталинский террор будет полной неожиданностью для всех, кого он уничтожит.

*** * ***

Для многих уехавших испытанием станет Вторая мировая война. Великий князь Сандро, друг детства Николая II, будет хвалить Сталина за то, что тот воссоздал Российскую империю. Одобрит действия Сталина и Милюков – живя во Франции, он будет поддерживать войну против Финляндии: «Мне жаль финнов, но я за Выборгскую губернию». А Струве будет сетовать, что Николай II был слишком мягок – надо было физически уничтожить всех революционеров, включая его самого, скажет бывший марксист и бывший либерал. Павел Милюков умрет в 1943-м, Петр Струве – в 1944-м.

Мережковский в Париже в 1941 году выступит на немецком радио с антибольшевистской речью (ее никто не услышит, но она быстро обрастет легендами), его обвинят в симпатиях к фашистам. Мережковский и Гиппиус останутся в полной изоляции среди русских эмигрантов. Он умрет в декабре 1941-го, она – в сентябре 1945-го. Каждому из них будет в момент смерти по 76 лет.

Александр Керенский меньше года не доживет до 90-летнего юбилея. Он будет жить в Британии, Франции, Австралии, США. В 1968 году он попытается съездить в СССР, попросит разрешения у Брежнева, заявит, что не сожалеет о произошедшем и считает Октябрьскую революцию и все последующие события закономерными. Но его возвращение не состоится – помешает «Пражская весна», советскому руководству станет не до Керенского.

До 95 лет доживет любимая дочь Льва Толстого Саша, та самая, что получила по завещанию отца авторские права на его произведения. В 1920-е годы в СССР она будет заниматься правозащитной деятельностью, несколько раз будет арестована ЧК и в 1929 году эмигрирует. Умрет в США в 1979 году.

Империя, созданная большевиками, умрет в 1991 году. С точки зрения истории те, кто предрекали большевикам скорый конец, окажутся почти правы: 70 лет для истории – это мгновение.

*** * ***

Русская революция оказалась явлением планетарного масштаба. Сдвиг литосферных плит, тектонический разлом, из-за которого огромная высокоразвитая цивилизация провалилась в ад. В Москве, нынешней столице России, от дореволюционного периода сохранилось примерно столько же, сколько в нынешней столице Италии – от Древнего Рима или в Мексике – от империи майя.

Эта катастрофа имела не природное происхождение, она была произведена людьми. Думаю, что будет не слишком большим преувеличением назвать ее самой масштабной рукотворной катастрофой в истории.

Колоссальная разница в уровне достатка и образования делали страну крайне нестабильной, как нестабильна любая система, основанная на сегрегации. Рано или поздно благополучное меньшинство всегда оказывается не в состоянии сдерживать давление неблагополучного большинства.

Царская семья, двор, члены правительства, черная сотня – тысячи человек не могли отказаться от своей веры в средневековый догмат о божественном происхождении царской власти. Их архаичная убежденность не позволяла России меняться, до последнего все эти люди сопротивлялись политическому развитию страны. Они раз за разом отметали все умеренные эволюционные сценарии.

Самый трагический сценарий был далеко не единственным. Идея, что такова судьба российского народа, его карма, – и теперь очень популярна в России. Надеюсь, что эта книга заставит в ней усомниться. Ничто не известно заранее, ничто на сто процентов не предопределено. Двигателем истории является ошибка. Герои этой книги все время строят планы, делают прогнозы, действуют исходя из того, что всякий раз кажется им

точным расчетом. И почти всегда это оказывается заблуждением. Но проходит время – и все эти заблуждения забываются. И сами герои, и изучающие их историки начинают верить в то, что план был с самого начала. В то, что все произошедшее – вовсе не случайность, а плод чьего-то замысла.

Пока я писал эту книгу, меня неизменно поражали воспоминания участников событий. Сотни героев написали подробнейшие мемуары о том, что произошло, – и большая часть воспоминаний была написана после обеих революций 1917 года. Авторы мемуаров уже знают, чем закончилась их история, и почти все они не поменяли своих точек зрения. Каждый уверен в своей правоте. Мало кто винит себя в том, что его история закончилась трагедией. Они все вместе потопили свою Атлантиду, но каждый считает, что виноват не он, а все остальные. Жандарм считает, что был прав, когда давил, – и жалеет только о том, что недодавил. Революционер уверен, что был прав, когда взрывал, и переживает, что мало взорвал. Каждый считает, что спасал, – но, увы, не спас.

*** * ***

1917 год – это родовая травма российского общества. Даже сто лет спустя средний класс неосознанно ждет, что события могут повториться. Начало XXI века не похоже на начало XX века: российское общество несравнимо более образованно и благополучно, чем сто лет назад. Тем не менее психологическая травма так просто не проходит. Опыт Гражданской войны и последующего террора заставляет новые поколения россиян вновь и вновь задавать себе вопросы: не пора ли уезжать? Не будет ли потом слишком поздно?

Как и сто лет назад, сегодня многие разделяют ценности черной сотни, другие – оправдывают репрессии и «красный террор». Для них отъезд несогласных – это избавление от балласта, которое пойдет стране на пользу. И сейчас разные части российского общества продолжают воевать и друг с другом, и со своими историческими предшественниками.

Для страны в целом – это трагедия. Вымывание интеллектуальной и деловой элиты ослабляет ее. Примирения с историей в России не произошло, травмы не вылечены, комплексы не изжиты. Сама по себе российская история – это болезнь, которая на каждом шагу дает о себе знать. Мы больны своей историей. Я не хочу умереть от этой болезни.

Источники

Глава 1. Толстой

1. *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1963.

2. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1990.

3. Великий князь Константин Константинович Романов. (К. Р.). Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.

4. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.

5. *Гапон Г.* История моей жизни. Л., 1926.

6. *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

7. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017

8. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

9. *Горький М.* Письма в двадцати четырех томах. М., 1998 – наст. время.

10. *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. М. – Л., 1937.

11. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906–1907 годы. М., 2015.

12. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 годы. М., 2015.

13. Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915 годы. М., 2013.

14. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 1. 1894–1904. М., 2011.

15. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

16. Письма Победоносцева Александру III. М., 1924–1926.

17. *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993.

18. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М. – Л., 1928–1958.

19. *Толстая С. А.* Моя жизнь. М., 2014.

20. *Шаляпин Ф. И.* Страницы из моей жизни // Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. Литературное наследство. Письма. М., 1976.

Глава 2. Витте

1. *Богданович А.* Три последних самодержца. М. 1990.
2. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.
3. *Великий князь Александр Михайлович*. Воспоминания. М., 2015.
4. *Гиппиус З. Н*. Дневники (1914–1917). М., 2017.
5. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.
6. *Грабарь И. Э.* Моя жизнь. М. – Л., 1937.
7. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя в 2-х томах. М., 2011.
8. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 1. 1894–1904. М., 2011.
9. *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.
10. *Ламздорф В. Н.* Дневник. Том 1 (1886-1890). М., 1926
11. *Ламздорф В. Н.* Дневник. Том 2 (1891-1892). М., 1934.
12. *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте. М. – Пг., 1923.
13. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел. СПб., 1897–1905.
15. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. М., 1954.
16. *Суворин А. С.* Дневник. М., 2015.
17. *Тихомиров Л.* Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторический вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 3. С. 435.
18. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М. – Л., 1928–1958.

Глава 3. Гоц и Гершуни

1. *Брешко-Брешковская Е.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.
2. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том 1. Книга 2. 1920–1925. М., 1990.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.
4. *Вишняк М. В.* Современные записки. Bloomington, 1957.
5. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
6. *Гапон Г*. История моей жизни. Л., 1926.
7. ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 1–5. Записка надворного советника С. В. Зубатова директору Департамента полиции А. А. Лопухину об

обстоятельствах его увольнения со службы.

8. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 528. ЛЛ. 43, 45, 54; Д. 215. Л. 8.

9. ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 43. Л. 28.

10. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.

11. *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Л., 1928.

12. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

13. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

14. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 1. 1894–1904. М., 2011.

15. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

16. *Зензинов В. М.* Из жизни революционера. Париж, 1919.

17. *Карабчевский Н. П.* Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб., 1902.

18. *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.

19. Короленко В. Г. Дом № 13-ый. М., 1903.

20. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

21. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907. М., 1996.

22. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.

23. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Второго (экстренного) съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.

24. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925.

25. Письма Азефа. 1893–1917. / Сост. Павлов Д. Б. М., 1994.

26. *Рафаилов М.* О критике и догме, теории и практике. М., 1906.

27. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.

28. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

29. *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.

30. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

31. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин; Петербург; Москва, 1922.

32. *Чернов В. М.* Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения. С дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями. Berlin, 1910. С. 142–173.

33. *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

Глава 4. Струве и Милюков

1. *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1963.

2. *Белоконский И. П.* Земское движение. М., 1914.

3. *Бердяев Н. А* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990.

4. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.

5. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

6. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

7. *Дан Ф. И.* Письма (1899–1946). Amsterdam, 1985.

8. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 1. 1894–1904. М., 2011.

9. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

10. Из архива Ю. О. Мартова. Переписка. Вып. 1. 1896–1904. М., 2015.

11. *Карабчевский Н. П.* Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб., 1902.

12. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. Прага, 1929.

13. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Минск, 2004.

14. *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.

15. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

16. *Маклаков, В. А.* Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. Кн. XI. С. 135–143.

17. *Мартов Ю. О., Потресов А. Н.* Письма. 1989–1913. М., 2007.

18. *Мартов Л.* Записки социал-демократа. Берлин, 1922.

19. *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955.

20. *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.

21. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925

22. *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. М., 1993.

23. Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924.

24. *Плеханов Г. В.* Сочинения в 24 томах. Т. 9. М., 1925.

25. Программа Союза Освобождения // Либеральное движение в России. 1902–1905. М., 2001.

26. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

27. Социал-демократическое движение в России. Материалы / Под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. М.; Л., 1928.

28. *Спиридович А. И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922. *Струве П. Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Париж. 1950. № 9.

29. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 1. М., 1954.

30. *Струве П. Б.* На разныя темы (1893–1901). Сборник статей. СПб., 1902.

31. *Струве П. Б.* Открытое письмо Николаю II (1895)

32. *Струве П. Б.* Patriotica. Политика. Культура. Религия. Социализм. М., 1997.

33. *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М., 2007.

34. *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

35. *Шаховской Д. И.* Автобиография. «Русские ведомости. 1863–1913». Сб. ст. М., 1913, ч. 2.

36. *Шаховской Д. И.* Союз освобождения // Либеральное движение в России. 1902–1905. М., 2001.

Глава 5. Александра и Мария

1. *Богданович А.* Три последних самодержца. М. 1990.

2. *Великая княгиня Мария Павловна.* Мемуары. М., 2004.

3. *Великий князь Александр Михайлович*. Воспоминания. М., 2015.

4. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.

5. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.

6. *Гиппиус З.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

7. *Гиппиус З.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

8. *Гурко В. И.* Царь и Царица. Париж, 1927.

9. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991. Дневники императрицы Марии Федоровны. М., 2005.

10. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 1. 1894–1904. М., 2011.

11. *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. Л., 1990.

12. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

13. *Колышко И. И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009.

14. *Мосолов А. А.* При дворе императора. Рига, 1938.

15. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

16. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в восьми томах. Том 1.

М., 1954.

17. *Суворин А. С.* Дневник. М., 2015.

18. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

19. *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

Глава 6. Гапон

1. *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1963.

2. Архив А. М. Горького. Т. IV. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954.

3. Архив Партии социалистов-революционеров (Международный институт общественной истории, Амстердам). 5–443.

4. *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

5. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.

6. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 1423 «Представление прокурора Житомирского окружного суда прокурора Киевской судебной палаты от 12-го мая 1904 г.». Л. 1–2.

7. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 215. Л.8

8. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 528. ЛЛ. 43, 45, 54.

9. ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 43. Л. 28.

10. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.

11. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

12. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

13. *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

14. *Горький М.* Полное собрание сочинений в 25-ти томах. М., 1968.

15. Давиденко С. В., Савинова Е. Н. Воспоминания З. Г. Морозовой-Рейнбот // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999.

16. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991.

17. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 1. 1905–1913. М., 2013. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

18. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

19. Казанские максималисты // Биржевые ведомости. № 11905. 7 сентября 1910.

20. *Кобозев П. А.* Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге // Красная

Летопись. № 5, 1922.

21. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903–1919). Минск, 2004.

22. К истории разоблачения Азефа // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 106. *Серебров Л.* Время и люди: Воспоминания (1898–1905). М., 1960

23. *Красин Л. Б.* Дела давно минувших дней: Воспоминания. М., 1934. *Морозов С.* Дед умер молодым. Документальная повесть. М., 1966.

24. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

25. *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907.

26. *Мосолов А. А.* При дворе императора. Рига, 1938.

27. *Олсуфьев Д. Л.* Революция: Из воспоминаний о девятисотых годах и об моем товарище Савве Морозове, ум. 1905 г. // Возрождение. 1931. 31 июля (№ 2250).

28. *Поссе В. А.* Воспоминания. 1905–1917 гг. М., 1923.

29. Резолюции Совета партии С.-Р. 1906. С. 4.

30. *Рутенберг П. М.* Убийство Гапона. Л. – М., 1990.

31. *Савинков Б. В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008.

32. Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990.

33. Фонд Бориса Николаевского. Коробка 12. Папка 1. СС. 7–8. (*Гершуни Г.* «Об экспроприациях»)

Глава 7. Дубровин и Горький

1. 1905 год на Кушнеревке. М., 1925.

2. Биржевые ведомости. № 13538.

3. *Богданович А.* Три последних самодержца. М. 1990.

4. *Брешко-Брешковская Е.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.

5. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том 1. Книга 2. 1920–1925. М., 1990.

6. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1928.

7. Былое. 1919. № 14.

8. *Васильев-Южин М. И.* Московский Совет Рабочих депутатов в 1905 г. и подготовка им Вооруженного восстания: По личным воспоминаниям. М., 1925.

9. *Великий князь Александр Михайлович.* Воспоминания. М., 2015.
10. *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3-х томах. М., 1960.
11. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
12. *Вишняк М. В.* Современные записки. Bloomington, 1957.
13. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914-1917). М., 2008.
14. Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский Торгово-промышленный Съезд в Москве 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918.
15. Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде. Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.
16. Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. СПб., 1908.
17. ГАРФ. Картотека Московского охранного отделения. Агентурная записка от 15.04.1912 агента «Блондинка».
18. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1912 г. Д. 130. Ч. 42. ЛЛ. 53 об.; 67–67 об.
19. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1915 г. Д. 108. Т. 42. Л. 16 об.
20. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1912 г. Д. 27. Ч. 46. Л. 31–32 об.
21. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1915 г. Д. 343 зс. Т.1. ЛЛ. 107–109, 161–161 об., 166, 188–189, 208–211, 239; Т. 3. Л. 25–29.
22. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 307а. Л. 36–37.
23. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 343 зс. Ч. 47. ЛЛ. 14, 29–34.
24. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20.
25. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 802. Переписка Дубровина с Е. А. Полубояриновой
26. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1.. Д. 806. Переписка Дубровина с Е. А. Шабельской-Борк
27. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 45 об.
28. ГАРФ. Ф. 4047. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 29. Л. 1.
29. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.
30. ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 101. Л. 11-11 об.
31. ГАРФ. Ф. 63. Агентурный отдел. Оп. 47. 1913 г. Д. 408. Л. 46.
32. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 130. Ч. 42. Л. 2.
33. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 42. Ч. 9. Т. 2. ЛЛ. 18–19.
34. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1912 г. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 24, 26, 32.
35. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 424. Оп. 1. Д. 31. Л. 129.

36. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.
37. *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Л., 1928.
38. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.
39. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.
40. Голос Москвы. 27 мая (9 июня) 1915 г. № 120. С. 4.
41. *Горчилин А. И.* 1905 г. на Казанке. Воспоминания подпольщика, 2 изд., М., 1934.
42. *Горький А. М.* Письма к Пешковой. Т. 5. 1895–1906.
43. *Горький А. М.* Письма к Пешковой. Т. 9. 1906–1932.
44. *Горький М.* Письма в двадцати четырех томах. М., 1998 – наст. время.
45. *Горький М.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28.
46. Горький: Воспоминания о Горьком. Л., 1928.
47. Декабрь 1905 года на Красной Пресне. Сборник статей и воспоминаний. М.; Пг., 1925.
48. Декабрь 1905 года на Красной Пресне: сборник статей и воспоминаний. М.; Пг., 1925.
49. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1922.
50. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2.
51. Дневник Л. А. Тихомирова // Красный архив. 1930. ТТ. 38–42
52. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 1. 1905–1913. М., 2013.
53. *Дубровин А. И.* Необходимое разъяснение // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910
54. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.
55. *Зензинов В. М.* Из жизни революционера. Париж, 1919.
56. *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
57. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату об изменении положения о выборах в Государственную Думу. 11 декабря 1905 г. // Государственная дума и России в документах и материалах. М., 1957.
58. История Москвы. М., 1955. Т. 5.
59. История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга. СПб., 1905.
60. *Кирпичников С. Д.* Союз союзов. СПб., 1906.
61. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903-1919). Минск, 2004.
62. *Крыжановский С. Е.* Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.

63. *Ленин В. И., Горький А. М.* Письма, статьи, воспоминания. 3-е изд., доп. М., 1969.

64. Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1–2. М., 1958.

65. *Луначарский А.* Силуэты. М., 1965.

66. М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1981.

67. *Рафаилов М.* О критике и догме, теории и практике. М., 1906.

68. *Милюков П. Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955.

69. *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907.

70. Мобилизация промышленности в России и союзных ей государствах // Морской сборник. 1915. № 8. С. 269–270.

71. Московские печатники в 1905 году. М., 1925.

72. Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г. М., 1940.

73. На баррикадах Москвы. М., 1975.

74. На баррикадах: из воспоминаний участников декабрьского вооруженного восстания в Москве М., 1955.

75. *Никифоров П.* Муравьи революции. М.: 1958.

76. *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918. СПб., 2015.

77. Новое время. 1 января 1906; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 14085. С. 5.

78. Отчет ЦК Союза 17 Октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

79. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л., 1924–1927

80. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907. М., 1996.

81. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Второго (экстренного) съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.

82. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.

83. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Париж, 1908.

84. *Пешкова Е. П.* Отрывки из воспоминаний о Горьком // А. М. Горький нижегородских лет. Горький, 1978. С. 123–131.

85. Письма Азефа. 1893–1917. // Сост. Павлов Д. Б. М., 1994.

86. Положение о выборах в Государственную Думу. 3 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XVII. СПб., 1908.

87. Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров

(июнь 1917 – март 1918) с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. №№ 7–10.

88. Речь Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде 3 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 196–201.

89. Речь. 3 марта 1912; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 145 (3168).

90. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.

91. Русские ведомости, 28 января, 20 и 21 февраля 1905; 23 декабря 1916.

92. Русское знамя. 1905, №№ 1, 3, 7, 43, 74.

93. *Рутенберг П. М.* Убийство Гапона. Л. – М., 1990.

94. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.

95. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

96. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

97. *Сверчков Д. Ф.* Г. С. Носарь-Хрусталев: Опыт политической биографии. Л., 1925.

98. Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990.

99. Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920.

100. *Троцкий Л. Д.* Собрание сочинений. М. – Л., 1924–1927.

101. Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. Пг., 1915.

102. Утро России. 16 сентября 1907; 2 декабря 1909; 16 мая 1910; 18 мая 1910; 6 апреля 1912; 19 мая 1912; 24 и 30 мая 1915; 25 июля 1915; 20 августа 1915; 23 августа 1915; 25 августа 1915; 26 августа 1915; 3 сентября 1915; 2 марта 1917; 19 июля 1917; 9, 11, 22 августа 1917; 26 сентября 1917.

103. *Фельдман К.* Потемкинское восстание (14–25 июня 1905 г.). Воспоминания участника. Л., 1927.

104. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

105. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 336 об. – 337.

106. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

107. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 602. Л. 18–21, 38, 86–87.

108. ЦГИА Москвы. Ф. 3. Оп. 43. Д. 4671. ЛЛ. 25–25 об., 42, 44–44 об.

109. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

110. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин;

Петербург; Москва, 1922.

111. *Чернов В. М.* Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения. С дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями. Berlin, 1910. С. 142–173.

112. *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

113. *Четвериков С. И.* Невозвратное прошлое. М., 2001.

114. Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал четвертого заседания, состоявшегося 8 мая 1912 г. СПб., 1912.

115. *Шульгин В. В.* Дни: записки. Белград, 1925.

Глава 8. Столыпин и Трепов

1. Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

2. *Архангельский В. Г.* Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник под ред. И. А. Якушева. Прага, 1927.

3. *Бок М.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. М., 2007.

4. *Бородин Н. А.* Государственная Дума в цифрах. Спб., 1906.

5. *Брешко-Брешковская Е.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.

6. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том 1. Книга 2. 1920–1925. М., 1990.

7. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1928.

8. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

9. *Вишняк М. В.* Современные записки. Bloomington, 1957.

10. *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Книга воспоминаний. М., 1999.

11. *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923–1924.

12. Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский Торгово-промышленный Съезд в Москве 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918.

13. Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде. Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.

14. Выборы в I–IV Государственные думы Рос. имп. Воспоминания, материалы, документы. 2008.

15. Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. СПб., 1908.

16. ГАРФ. Картотека Московского охранного отделения. Агентурная записка от 15.04.1912 агента «Блондинка».

17. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1912 г. Д. 130. Ч. 42. ЛЛ. 53 об.; 67–67 об.

18. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1915 г. Д. 108. Т. 42. Л. 16 об.

19. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1912 г. Д. 27. Ч. 46. Л. 31–32 об.

20. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1915 г. Д. 343 зс. Т.1. ЛЛ. 107–109, 161–161 об., 166, 188–189, 208–211, 239; Т. 3. Л. 25–29.

21. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 307а. Л. 36–37.

22. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 343 зс. Ч. 47. ЛЛ. 14, 29–34.

23. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20.

24. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 802. Переписка Дубровина с Е. А. Полубояриновой.

25. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 806. Переписка Дубровина с Е. А. Шабельской-Борк.

26. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 862. Л. 45 об.

27. ГАРФ. Ф. 4047. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 29. Л. 1.

28. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.

29. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 215. Л.8

30. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 528. ЛЛ. 43, 45, 54.

31. ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 101. Л. 11–11 об.

32. ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 43. Л. 28.

33. ГАРФ. Ф. 63. Агентурный отдел. Оп. 47. 1913 г. Д. 408. Л. 46.

34. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 130. Ч. 42. Л. 2.

35. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 42. Ч. 9. Т. 2. ЛЛ. 18–19.

36. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1912 г. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 24, 26, 32.

37. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 424. Оп. 1. Д. 31. Л. 129.

38. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.

39. *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Л., 1928.

40. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

41. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

42. Голос Москвы. 27 мая (9 июня) 1915 г. № 120. С. 4.

43. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника.

М., 2000.

44. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1922.

45. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2.

46. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 1. 1905–1913. М., 2013.

47. *Дубровин А. И.* Необходимое разъяснение // Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910.

48. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.

49. *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930.

50. Запись рассказа П. А. Столыпина об аудиенции у Николая II // П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006.

51. *Зензинов В. М.* Из жизни революционера. Париж, 1919.

52. Известия. 2 мая 1917.

53. Именной Высочайший указ правительствующему Сенату об изменении положения о выборах в Государственную Думу. 11 декабря 1905 г. // Государственная дума и России в документах и материалах. М., 1957.

54. История Москвы. М., 1955. Т. 5.

55. К истории разоблачения Азефа // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 106

56. *Каминка А. И.* Вторая Государственная дума. СПб., 1907.

57. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903-1919). Минск, 2004.

58. *Корево Н. Н.* Общее уложение Финляндии 1734 года и дополнительные к нему узаконения с приложениями и указателями. СПб., 1912.

59. *Кроль М. А.* Как прошли выборы в Государственную Думу. СПб., 1906.

60. Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.

61. *Курлов П. Г.* Гибель Императорской России. М., 1992.

62. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

63. *Рафаилов М.* О критике и догме, теории и практике. М., 1906.

64. Манифест об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме, 1917.

65. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

66. *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907.

67. Мобилизация промышленности в России и союзных ей государствах // Морской сборник. 1915. № 8. С. 269–270.

68. *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918. СПб., 2015.

69. Новое время. 1 января 1906; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 14085. С. 5.

70. *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.

71. Отчет ЦК Союза 17 Октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

72. П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008.

73. *П. А. Столыпин*. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2011

74. *П. А. Столыпин:* Переписка. М., 2007.

75. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л., 1924–1927.

76. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907. М., 1996.

77. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Второго (экстренного) съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.

78. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.

79. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Париж, 1908.

80. Письма Азефа. 1893–1917. // Сост. Павлов Д. Б. М., 1994.

81. Положение о выборах в Государственную Думу. 3 июня 1907 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XVII. СПб., 1908.

82. *Потресов А. Н.* Речи Церетели // Посмертный сборник произведений А. Н. Потресова. Париж, 1937.

83. Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 – март 1918) с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. №№ 7–10.

84. Речь Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде 3 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 196–201.

85. Речь. 3 марта 1912; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 145 (3168).

86. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.

87. Русские ведомости, 28 января, 20 и 21 февраля 1905; 23 декабря 1916.

88. Русское знамя. 1905, № 1, 3, 7, 43, 74.

89. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.

90. *Савинков Б. В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008.

91. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

92. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 года, с мотивами по журналу Высочайше учрежденного Особого совещания для рассмотрения проекта Высочайшего предложения Земским чинам Финляндии о новом Сеймовом Уставе. СПб., 1913.

93. Собрание Постановлений Великого княжества Финляндского. 1906, № 26.

94. Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920.

95. *Спиридович А. И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922.

96. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия… Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. М., 1991.

97. *Столыпин П.* Нам нужна великая Россия. М., 2013.

98. *Суханов Н. Н.* Записки о революции, М., 1991.

99. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 90 томах. М. – Л., 1928–1958.

100. Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. Пг., 1915.

101. Утро России. 16 сентября 1907; 2 декабря 1909; 16 мая 1910; 18 мая 1910; 6 апреля 1912; 19 мая 1912; 24 и 30 мая 1915; 25 июля 1915; 20 августа 1915; 23 августа 1915; 25 августа 1915; 26 августа 1915; 3 сентября 1915; 2 марта 1917; 19 июля 1917; 9, 11, 22 августа 1917; 26 сентября 1917.

102. *Фельдман К.* Потемкинское восстание (14–25 июня 1905 г.). Воспоминания участника. Л., 1927.

103. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

104. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 336 об. – 337.

105. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

106. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 602. Л. 18–21, 38, 86–87.

107. ЦГИА Москвы. Ф. 3. Оп. 43. Д. 4671. ЛЛ. 25–25 об., 42, 44–44 об.

108. *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. В 2-х тт. Париж, 1963.

109. *Церетели И. Г.* Речи, выступления, доклады, статьи. 1907–1946 //

Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. В 2-х частях. Часть 2. М., 2010.

110. *Церетели И. Г.* Речи. Париж; Тифлис, 1917–18. Т. 1–2.

111. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

112. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин; Петербург; Москва, 1922.

113. *Чернов В. М.* Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения. С дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями. Berlin, 1910. С. 142–173.

114. *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

115. *Четвериков С. И.* Невозвратное прошлое. М., 2001.

116. Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал четвертого заседания, состоявшегося 8 мая 1912 г. СПб., 1912.

Глава 9. Дягилев и Илиодор

1. Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

2. *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1960.

3. Архив Партии социалистов-революционеров (Международный институт общественной истории, Амстердам). 5–443.

4. *Ататюрк К.* Избранные речи и выступления. М., 1966.

5. *Ататюрк К.* Путь новой Турции. М., 1929–1934.

6. *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1990.

7. *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. М., 1997.

8. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. под ред. Б. Б. Граве. М. – Л., 1928.

9. *Бурцев В. Л.* В погоне за провокаторами. М., 1989.

10. *Бурцев В. Л.* Моя последняя встреча с Азефом. Из неопубл. материалов В. Л. Бурцева // Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. № 48 (133). С. 1–6.

11. *Бурцев В. Л.* Разговор между Кельном и Берлином // Общее дело. 1909. № 1. С. 4.

12. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009.

13. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2015.

14. Воспоминания президента Турецкой Республики // Красная новь, 1927.

15. Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский Торгово-промышленный Съезд в Москве 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918.

16. Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде. Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.

17. ГАРФ. Картотека Московского охранного отделения. Агентурная записка от 15.04.1912 агента «Блондинка».

18. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1912 г. Д. 130. Ч. 42. ЛЛ. 53 об.; 67–67 об.

19. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1915 г. Д. 108. Т. 42. Л. 16 об.

20. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1912 г. Д. 27. Ч. 46. Л. 31–32 об.

21. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1915 г. Д. 343 зс. Т.1. ЛЛ. 107–109, 161–161 об., 166, 188–189, 208–211, 239; Т. 3. Л. 25–29.

22. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 307а. Л. 36–37.

23. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 343 зс. Ч. 47. ЛЛ. 14, 29–34.

24. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20.

25. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 101. Письмо князю Ф. Ф. Юсупову от анонима после отречения Николая II, 1917.

26. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 102. Письма разных лиц к кн Ф. Ф. Юсупову, 1914–1967.

27. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 13. Письмо Ф. Ф. Юсупова матери Зинаиде Юсуповой, 25 окт 1917.

28. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 16. Письма княгини И. А. Юсуповой к матери великой княгине Ксении Александровне, письмо Ф. Ф. Юсупова, 1914.

29. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 17. Письма И. А. Юсуповой к матери великой княгине Ксении Александровне, 1917.

30. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 18. Письма И. А. Юсуповой к бабушке вдовствующей императрице Марии Федоровне, 1914–1928.

31. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 42. Письмо Ф. Ф. Юсупова к княжне И. А. Юсуповой, 7 ноября 1912.

32. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 43. Письма Ф. Ф. Юсупова к жене И. А. Юсуповой, июнь 1914.

33. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 44. Письма кн Ф. Ф. Юсупова к жене кн И. А. Юсуповой, 1915.

34. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 76. Письмо великого князя Александра Михайловича князю Ф. Ф. Юсупову (с пометами Ал. Мих), 8 января 1917.

35. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 77. Письма капитана С. Зенчикова к князю Ф. Ф. Юсупову, 20 и 20 февраля 1917.

36. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 78. Письма княжны Ирины Александровны к жениху князю Ф. Ф. Юсупову, 1913.

37. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 79. Письмо А. М. Путятина к Ф. Ф. Юсупову, 1917.

38. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 80. Письмо Анны Родзянко к Ф. Ф. Юсупову, 20 февраля 1917.

39. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 81. Письмо З. Н. Юсуповой к сыну кн Ф. Ф. Юсупову

40. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 82. Письма И. А. Юсуповой к Ф. Ф. Юсупову, 1913.

41. ГАРФ. Ф. 4047. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 29. Л. 1.

42. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.

43. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 215. Л.8

44. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 528. ЛЛ. 43, 45, 54.

45. ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 101. Л. 11–11 об.

46. ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 43. Л. 28.

47. ГАРФ. Ф. 63. Агентурный отдел. Оп. 47. 1913 г. Д. 408. Л. 46.

48. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 130. Ч. 42. Л. 2.

49. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 42. Ч. 9. Т. 2. ЛЛ. 18–19.

50. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1912 г. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 24, 26, 32.

51. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 424. Оп. 1. Д. 31. Л. 129.

52. *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

53. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

54. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

55. Голос Москвы. 27 мая (9 июня) 1915 г. № 120. С. 4.

56. Государственная Дума. Созыв 3-й. Сессия 2-я. Стенограф. отчеты. Спб., 1909. Ч.2. Ст. 1367–68; 38–39; 1383.

57. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. М., 2000.

58. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999.

59. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1922.

60. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918.

Часть 1. 1905–1913. М., 2013.

61. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.

62. Запись рассказа П. А. Столыпина об аудиенции у Николая II // П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006.

63. Знамя труда, 26 декабря 1908, № 14.

64. История Москвы. М., 1955. Т. 5.

65. К истории разоблачения Азефа // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 106.

66. Казанские максималисты // Биржевые ведомости. № 11905. 7 сентября 1910.

67. *Кобозев П. А.* Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге // Красная Летопись. № 5, 1922.

68. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого (1903-1919). Минск, 2004.

69. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979.

70. *Курлов П. Г.* Гибель Императорской России. М., 1992.

71. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

72. Мемуары Али Фетхи. 1980.

73. *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. Париж, 1907.

74. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

75. Мобилизация промышленности в России и союзных ей государствах // Морской сборник. 1915. № 8. С. 269–270.

76. *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. 1990.

77. Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л. – М., 1925.

78. Новое время. 1 января 1906; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 14085. С. 5.

79. Отчет ЦК Союза 17 Октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

80. П. А. Столыпин глазами современников. М., 2008.

81. П. А. Столыпин и Государственная дума // Новое время. 6 сентября 1911.

82. П. А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2011

83. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Париж, 1908.

84. Переписка Н. В. Султанова с князем Ф. Ф. Юсуповым и княгиней З. Н. Юсуповой // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 352–358.

85. Письма из архива Юсуповых // Юсупов Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 217–254.

86. Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. М., 2011.

87. П. А. Столыпин: Переписка. М., 2007.

88. Провокатор: Воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л., 1929.

89. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2646. ЛЛ. 6–125. Переписка Зинаиды Юсуповой с императрицей Александрой Федоровной.

90. *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М., 1999.

91. Речи и выступления К. Ататюрка. Институт турецкой революции. 1945–1959.

92. Речь Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде 3 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 196–201.

93. Речь. 3 марта 1912; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 145 (3168).

94. Русские ведомости, 28 января, 20 и 21 февраля 1905; 23 декабря 1916.

95. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.

96. *Савинков Б. В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008.

97. Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920.

98. *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.

99. *Спиридович А. И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. Париж, 1922.

100. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия… Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. М., 1991.

101. *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. М., 2013.

102. *Струве П. Б.* Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10.

103. *Тихомиров Л. А.* У могилы Петра Аркадьевича Столыпина // Русский мир: научно-популярный и просветительский альманах. 2001. № 3. С. 197.

104. Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. Пг., 1915.

105. Утро России. 16 сентября 1907; 2 декабря 1909; 16 мая 1910; 18 мая 1910; 6 апреля 1912; 19 мая 1912; 24 и 30 мая 1915; 25 июля 1915; 20 августа 1915; 23 августа 1915; 25 августа 1915; 26 августа 1915; 3 сентября 1915; 2 марта 1917; 19 июля 1917; 9, 11, 22 августа 1917; 26 сентября 1917.

106. Фонд Бориса Николаевского. Коробка 12. Папка 1. СС. 7–8. (Гершуни Г. «Об экспроприациях»).

107. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

108. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 336 об. – 337.

109. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

110. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 602. Л. 18–21, 38, 86–87.

111. ЦГИА Москвы. Ф. 3. Оп. 43. Д. 4671. ЛЛ. 25–25 об., 42, 44–44 об.

112. *Четвериков С. И.* Невозвратное прошлое. М., 2001.

113. Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал четвертого заседания, состоявшегося 8 мая 1912 г. СПб., 1912. С. 28–30.

Глава 10. Рябушинский и Гучков

1. *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1960.

2. *Ататюрк К.* Избранные речи и выступления. М., 1966.

3. *Ататюрк К.* Путь новой Турции. М., 1929–1934.

4. *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. В 2-х томах. М., 2017.

5. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1918. М., 2003.

6. *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. М., 1997.

7. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1928.

8. *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М., 1990.

9. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

10. *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

11. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2015.

12. Великий князь Константин Константинович Романов. (К. Р.). Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.

13. *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

14. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914-1917). М., 2008.

15. Воспоминания президента Турецкой Республики // Красная новь, 1927.

16. Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский Торгово-промышленный Съезд в Москве 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918.

17. Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде. Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.

18. ГАРФ. Картотека Московского охранного отделения. Агентурная записка от 15.04.1912 агента «Блондинка».

19. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1912 г. Д. 130. Ч. 42. ЛЛ. 53 об.; 67–67 об.

20. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1915 г. Д. 108. Т. 42. Л. 16 об.

21. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1912 г. Д. 27. Ч. 46. Л. 31–32 об.

22. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1915 г. Д. 343 зс. Т.1. ЛЛ. 107–109, 161–161 об., 166, 188–189, 208–211, 239; Т. 3. Л. 25–29.

23. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 307а. Л. 36–37.

24. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 343 зс. Ч. 47. ЛЛ. 14, 29–34.

25. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20.

26. ГАРФ. Ф. 4047. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 29. Л. 1.

27. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.

28. ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 101. Л. 11-11 об.

29. ГАРФ. Ф. 63. Агентурный отдел. Оп. 47. 1913 г. Д. 408. Л. 46.

30. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 130. Ч. 42. Л. 2.

31. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 42. Ч. 9. Т. 2. ЛЛ. 18–19

32. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1912 г. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 24, 26, 32.

33. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 424. Оп. 1. Д. 31. Л. 129.

34. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914-1917). М., 2017.

35. *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929.

36. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

37. Главное управление землеустройством и земледелием. Итоги работы за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914.

38. Голос Москвы. 27 мая (9 июня) 1915 г. № 120. С. 4.

39. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. – Стб. 796

40. Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999.

41. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991.

42. Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 годы. М., 2013.

43. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 годы. М., 2015.

44. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906–1907 годы. М., 2015.

45. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 1. 1905–1913. М., 2013.

46. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 2. 1914–1918. М., 2013.

47. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.

48. История Москвы. М., 1955. Т. 5.

49. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

50. Мемуары Али Фетхи. 1980

51. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

52. Мобилизация промышленности в России и союзных ей государствах // Морской сборник. 1915. № 8. С. 269–270.

53. *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007.

54. *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. 1990.

55. Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л. – М., 1925.

56. Новое время. 1 января 1906; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 14085. С. 5.

57. Объяснительная записка к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г. Пг., 1914.

58. Отчет ЦК Союза 17 Октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

59. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

60. Переписка Николая и Александры, 1914–1917. М., 2013.

61. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924.

62. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 457. Л. 35.

63. РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1929а. ЛЛ. 174–184.

64. Речи и выступления К. Ататюрка. Институт турецкой революции. 1945–1959.

65. Речь Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном

съезде 3 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 196–201.

66. Речь. 3 марта 1912; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 145 (3168).

67. Речь. 31 января 1914.

68. Русские ведомости, 28 января, 20 и 21 февраля 1905 г.; 23 декабря 1916.

69. Русское слово. 10, 19 сентября 1913.

70. Русское слово. 21 февраля 1913.

71. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.

72. *Савинков Б. В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008.

73. Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920.

74. *Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962.

75. *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.

76. Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. Пг., 1915.

77. Утро России. 16 сентября 1907; 2 декабря 1909; 16 мая 1910; 18 мая 1910; 6 апреля 1912; 19 мая 1912; 24 и 30 мая 1915; 25 июля 1915; 20 августа 1915; 23 августа 1915; 25 августа 1915; 26 августа 1915; 3 сентября 1915; 2 марта 1917; 19 июля 1917; 9, 11, 22 августа 1917; 26 сентября 1917.

78. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

79. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 336 об. – 337.

80. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

81. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 602. Л. 18–21, 38, 86–87.

82. ЦГИА Москвы. Ф. 3. Оп. 43. Д. 4671. ЛЛ. 25–25 об., 42, 44–44 об.

83. *Четвериков С. И.* Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин, 1922.

84. *Четвериков С. И.* Невозвратное прошлое. М., 2001.

85. Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал четвертого заседания, состоявшегося 8 мая 1912 г. СПб., 1912. С. 28–30.

Глава 11. Распутин

1. *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов

Российской империи. В 2-х томах. М., 2017.

2. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1918. М., 2003.

3. *Богданович А.* Три последних самодержца. М. 1990.

4. *Брусилов А. А.* Воспоминания. М., 1963.

5. *Бубнов А. Д.* В царской ставке. М., 2008.

6. Буржуазия накануне Февральской революции. Сб. док. под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1928.

7. Былое. 1917. № 1. С. 76.

8. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

9. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009.

10. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2015.

11. *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

12. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914-1917). М., 2008.

13. Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34).

14. Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Я. В. Лесная. М., 1937.

15. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. Академия наук Казахской ССР., М., 1960.

16. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 30

17. Восстание 1916 года в Туркестане. Сб. док. и матер. М., 2016.

18. Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский Торгово-промышленный Съезд в Москве 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918.

19. Второй Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде. Приветственные телеграммы и резолюции. Пг., 1916.

20. ГАРФ. Картотека Московского охранного отделения. Агентурная записка от 15.04.1912 агента «Блондинка».

21. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1912 г. Д. 130. Ч. 42. ЛЛ. 53 об.; 67–67 об.

22. ГАРФ. Ф. 102 (ДП 4 д-во). 1915 г. Д. 108. Т. 42. Л. 16 об.

23. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1912 г. Д. 27. Ч. 46. Л. 31–32 об.

24. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1915 г. Д. 343 зс. Т.1. ЛЛ. 107–109, 161–161 об., 166, 188–189, 208–211, 239; Т. 3. Л. 25–29.

25. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 307а. Л. 36–37.

26. ГАРФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1917 г. Д. 343 зс. Ч. 47. ЛЛ. 14, 29–34.

27. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 245. 1915. Д. 307а. Л. 20.

28. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 35. Дело Особого отдела Департамента Полиции об убийстве Распутина.

29. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 751. Дело перваго департамента Министерства Юстиции. Третье Уголовное отделение. Об убийстве Г. Распутина.

30. ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 567. Доклады и агентурные сведения МВД, Петроградского охранного отделения об убийстве Распутина.

31. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 101. Письмо князю Ф. Ф. Юсупову от анонима после отречения Николая II, 1917.

32. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 102. Письма разных лиц к кн Ф. Ф. Юсупову, 1914–1967.

33. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 13. Письмо Ф. Ф. Юсупова матери Зинаиде Юсуповой, 25 окт 1917.

34. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 16. Письма княгини И. А. Юсуповой к матери великой княгине Ксении Александровне, письмо Ф. Ф. Юсупова, 1914.

35. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 17. Письма И. А. Юсуповой к матери великой княгине Ксении Александровне, 1917.

36. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 18. Письма И. А. Юсуповой к бабушке вдовствующей императрице Марии Федоровне, 1914–1928.

37. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 42. Письмо Ф. Ф. Юсупова к княжне И. А. Юсуповой, 7 нояб 1912.

38. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 43. Письма Ф. Ф. Юсупова к жене И. А. Юсуповой, июнь 1914.

39. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 44. Письма кн Ф. Ф. Юсупова к жене кн И. А. Юсуповой, 1915.

40. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 76. Письмо великого князя Александра Михайловича князю Ф. Ф. Юсупову (с пометами Ал. Мих), 8 янв 1917.

41. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 77. Письма капитана С. Зенчикова к князю Ф. Ф. Юсупову, 20 и 20 февраля 1917.

42. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 78. Письма княжны Ирины Александровны к жениху князю Ф. Ф. Юсупову, 1913.

43. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 79. Письмо А. М. Путятина к Ф. Ф. Юсупову, 1917.

44. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 80. Письмо Анны Родзянко к Ф. Ф. Юсупову, 20 февраля 1917.

45. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 81. Письмо З. Н. Юсуповой к сыну Ф. Ф. Юсупову.

46. ГАРФ. Ф. 1841. Оп. 3. Д. 82. Письма И. А. Юсуповой к Ф. Ф. Юсупову, 1913.
47. ГАРФ. Ф. 4047. Оп. 1. Д. 22. Л. 3; Д. 29. Л. 1.
48. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 3.
49. ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 101. Л. 11-11 об.
50. ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 150. Переписка по делу об убийстве Распутина.
51. ГАРФ. Ф. 63. Агентурный отдел. Оп. 47. 1913 г. Д. 408. Л. 46.
52. ГАРФ. Ф. 670 Оп. 1. Д. 410. Письма Степанова вел. кн. Николаю Михайловичу о ведении следствия по убийству Распутина.
53. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 130. Ч. 42. Л. 2.
54. ГАРФ. Ф. ДП IV. 1912 г. Д. 42. Ч. 9. Т. 2. ЛЛ. 18–19.
55. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1912 г. Д. 27. Ч. 46. ЛЛ. 24, 26, 32.
56. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 18–20 об.; Д. 660. Л. 1.
57. ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 424. Оп. 1. Д. 31. Л. 129.
58. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991.
59. *Гессен И. В.* Архив русской революции. Т. 8. Берлин, 1923.
60. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.
61. *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929.
62. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.
63. Главное управление землеустройством и земледелием. Итоги работы за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914.
64. Голос Москвы. 27 мая (9 июня) 1915 г. № 120. С. 4.
65. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. – Стб. 796
66. *Ден Ю. А.* Подлинная Царица. М., 1998.
67. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1922.
68. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991.
69. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 2. 1914–1918. М., 2013.
70. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915 год. М., 1975.
71. *Завадский С. В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991.
72. История Москвы. М., 1955. Т. 5.
73. К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М. – Л.). 1926. № 3 (16).
74. *Маклаков В. А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям

Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. 1928. № 34.

75. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

76. Мобилизация промышленности в России и союзных ей государствах // Морской сборник. 1915. № 8. С. 269–270.

77. Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Л. – М., 1925.

78. Новое время. 1 января 1906; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 14085. С. 5.

79. Отчет ЦК Союза 17 Октября о его деятельности с 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914.

80. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л., 1924–1927.

81. *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

82. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

83. Переписка Н. В. Султанова с князем Ф. Ф. Юсуповым и княгиней З. Н. Юсуповой // Русская усадьба. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 352–358.

84. Переписка Николая и Александры, 1914–1917. М., 2013.

85. Письма из архива Юсуповых // Юсупов Ф. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 217–254.

86. Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. М., 2011.

87. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924.

88. *Пуришкевич В. М.* Дневник «Как я убил Распутина». М., 1990.

89. *Пуришкевич В. М.* Дневник // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 4.

90. *Пуришкевич В. М.* Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924.

91. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2646. ЛЛ. 6–125. Переписка Зинаиды Юсуповой с императрицей Александрой Федоровной.

92. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 1.

93. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 457. Л. 35.

94. РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1929а. ЛЛ. 174–184.

95. Речь Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде 3 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 196–201.

96. Речь. 3 марта 1912; 29 мая (11 июня) 1915 г. № 145 (3168).

97. Речь. 31 января 1914.

98. *Родзянко М. В.* Крушение империи. Записки председателя Русской Государственной думы. М., 1992.

99. Русские ведомости, 28 января, 20 и 21 февраля 1905; 23 декабря 1916.

100. Русское слово. 10, 19 сентября 1913.

101. Русское слово. 21 февраля 1913.

102. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010.

103. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Минск, 2002.

104. Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. Ноябрь 1920.

105. *Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962.

106. *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.

107. *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923

108. Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25–27 июля 1915 г. Пг., 1915.

109. Утро России. 16 сентября 1907; 2 декабря 1909; 16 мая 1910; 18 мая 1910; 6 апреля 1912; 19 мая 1912; 24 и 30 мая 1915; 25 июля 1915; 20 августа 1915; 23 августа 1915; 25 августа 1915; 26 августа 1915; 3 сентября 1915; 2 марта 1917; 19 июля 1917; 9, 11, 22 августа 1917; 26 сентября 1917.

110. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

111. ЦГИА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 19. Л. 336 об. – 337.

112. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 573. Л. 2.

113. ЦГИА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 602. Л. 18–21, 38, 86–87.

114. ЦГИА Москвы. Ф. 3. Оп. 43. Д. 4671. ЛЛ. 25–25 об., 42, 44–44 об.

115. Четвериков С. И. Невозвратное прошлое. М., 2001.

116. Шестой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал четвертого заседания, состоявшегося 8 мая 1912 г. СПб., 1912. С. 28–30.

117. *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. М., 1997.

118. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары, в двух книгах. До изгнания. 1887–1919. В изгнании. М., 1998.

119. *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. М., 2001.

Глава 12. Керенский

1. *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. В 2-х томах. М., 2017.

2. Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006.

3. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1918. М., 2003.

4. *Бубликов А. А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918.

5. *Бьюкенен Дж*. Мемуары дипломата. М., 1991.

6. Великие дни российской революции. Пг., 1917.

7. *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

8. *Врангель Н. Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.

9. Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934.

10. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка // Русское прошлое. 1991. № 1.

11. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

12. *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929.

13. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

14. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.

15. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918. М., 2012.

16. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 2. 1914–1918. М., 2013.

17. Допрос графа В. Б. Фредерикса 2 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. М. – Л., 1926. С. 38

18. *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922.

19. *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 2014.

20. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

21. Княгиня Ольга Палей. Воспоминания о России. М., 2005.

22. *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // «Русское прошлое». 1991. № 1.

23. Красный архив. 1927. Т. 2 (21).

24. Красный архив. 1927. Т. 21.

25. Красный архив. 1930. ТТ. 41–42.

26. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

27. *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм, Берлин. 1921.

28. *Львов Г. Е.* Воспоминания. М., 2002.

29. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

30. ОР ГПБ, Ф. 814. Оп. 1. Д. 1. Дневник Дмитрия Философова.

31. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.

32. *Пажетных К. И.* Волынцы в февральские дни. Воспоминания. Рукописный фонд ИГВ, № 488.

33. *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

34. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.

35. Переписка Николая и Александры, 1914–1917. М., 2013.

36. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 г. Под ред. Гальпериной Б. Д., Старцева В. И. СПб., 1993.

37. *Покровский Н. Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015.

38. Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 – март 1918) с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. №№ 7–10.

39. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962.

40. *Чернов В. М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М., 2007.

41. *Шляпников А. Г.* Февральские дни в Петербурге. Харьков, 1925.

42. *Шульгин В. В.* Дни: записки. Белград, 1925.

Глава 13. Церетели и Ленин

1. *Архангельский В. Г.* Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник под ред. И. А. Якушева. Прага, 1927.

2. Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006.

3. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1918. М., 2003.

4. *Брешко-Брешковская Е.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.

5. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том 1. Книга 2. 1920–1925. М., 1990.

6. *Бубнов А. Д.* В царской ставке. М., 2008.

7. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

8. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

9. *Вишняк М. В.* Современные записки. Bloomington, 1957.

10. *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.

11. *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Книга воспоминаний. М., 1999.

12. *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923–1924.

13. *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Л., 1928.

14. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914-1917). М., 2017.

15. *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929.

16. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

17. *Ден Ю. А.* Подлинная Царица. М., 1998.

18. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991.

19. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918. М., 2012.

20. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 2. 1914–1918. М., 2013.

21. *Зензинов В. М.* Из жизни революционера. Париж, 1919.

22. Известия. 2 мая 1917.

23. *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 2014.

24. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

25. *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // «Русское прошлое». 1991. № 1.

26. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979.

27. *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1989.

28. *Кшесинская М. Ф.* Воспоминания. М., 1992.

29. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений в 55-ти томах. М., 1985.

30. *Львов Г. Е.* Воспоминания. М., 2002.

31. *Рафаилов М.* О критике и догме, теории и практике. М., 1906.

32. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

33. *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М.,

2014.

34. *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

35. *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.

36. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907. М., 1996.

37. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Второго (экстренного) съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.

38. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.

39. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Париж, 1908.

40. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 г. Под ред. Гальпериной Б. Д., Старцева В. И. СПб., 1993.

41. Письма Азефа. 1893–1917. / Сост. Павлов Д. Б. М., 1994.

42. *Потресов А. Н.* Речи Церетели // Посмертный сборник произведений А. Н. Потресова. Париж, 1937.

43. Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 – март 1918) с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. №№ 7–10.

44. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.

45. *Савинков Б. В.* Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 – июнь 1915. М., 2008.

46. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

47. *Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962.

48. *Суханов Н. Н.* Записки о революции, М., 1991.

49. *Толстая А. Л.* Дочь. Лондон, 1979.

50. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.

51. *Урусов Л. В.* Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов. Тула, 2014.

52. *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. В 2-х тт. Париж, 1963.

53. *Церетели И. Г.* Речи, выступления, доклады, статьи. 1907–1946 // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. В 2-х частях. Часть 2. М., 2010.

54. *Церетели И. Г.* Речи. Париж; Тифлис, 1917–18. Т. 1–2.

55. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

56. *Чернов В. М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М., 2007.

57. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин; Петербург; Москва, 1922.

58. *Чернов В. М.* Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения. С дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями. Berlin, 1910. С. 142–173.

59. *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

Глава 14. Троцкий и Каменев

1. *Архангельский В. Г.* Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник под ред. И. А. Якушева. Прага, 1927.

2. Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006.

3. *Бенуа А. Н.* Мой дневник. 1916–1918. М., 2003.

4. *Брешко-Брешковская Е.* Из моих воспоминаний. СПб., 1906.

5. *Брешко-Брешковская Е.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Том 1. Книга 2. 1920–1925. М., 1990.

6. *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

7. *Вишняк М. В.* Современные записки. Bloomington, 1957.

8. *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. Книга воспоминаний. М., 1999.

9. *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923–1924.

10. *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Л., 1928.

11. *Гиппиус З. Н.* Дневники (1914–1917). М., 2017.

12. *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929.

13. *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15-ти томах. М., 2016.

14. Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Часть 2. 1914–1918. М., 2013.

15. *Зензинов В. М.* Из жизни революционера. Париж, 1919.

16. Известия. 2 мая 1917.

17. *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 2014.

18. *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время

войны и революции 1915–1922 гг. // «Русское прошлое». 1991. № 1.

19. *Лукомский А. С.* Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Берлин, 1922.

20. *Рафаилов М.* О критике и догме, теории и практике. М., 1906.

21. *Милюков П. Н.* Воспоминания. 1859–1917. М., 1990.

22. *Никитин Б. В.* Роковые годы. М., 2007.

23. *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014.

24. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907. М., 1996.

25. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Второго (экстренного) съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1907.

26. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первого съезда Партии социалистов-революционеров. СПб., 1906.

27. Партия социалистов-революционеров. Протоколы Первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Париж, 1908.

28. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 г. Под ред. Гальпериной Б. Д., Старцева В. И. СПб., 1993.

29. Письма Азефа. 1893–1917. / Сост. Павлов Д. Б. М., 1994.

30. *Потресов А. Н.* Речи Церетели // Посмертный сборник произведений А. Н. Потресова. Париж, 1937.

31. Правда. 30 января 1924.

32. Протоколы заседаний ЦК Партии социалистов-революционеров (июнь 1917 – март 1918) с комментариями В. М. Чернова // Вопросы истории. 2000. № 7–10.

33. *Русанов Н. С.* В эмиграции. М., 1929.

34. *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 1991.

35. *Суханов Н. Н.* Записки о революции, М., 1991.

36. *Троцкий Л. Д.* Собрание сочинений. М. – Л., 1924–1927.

37. *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. В 2-х тт. Париж, 1963.

38. *Церетели И. Г.* Речи, выступления, доклады, статьи. 1907–1946 // Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути. Избранное. В 2-х частях. Часть 2. М., 2010.

39. *Церетели И. Г.* Речи. Париж; Тифлис, 1917–18. Т. 1–2.

40. *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров.

Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.

41. *Чернов В. М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М., 2007.

42. *Чернов В. М.* Записки социалиста-революционера. Берлин; Петербург; Москва, 1922.

43. *Чернов В. М.* Личные воспоминания о Г. Гапоне // За кулисами охранного отделения. С дневником провокатора, письмами охранников, тайными инструкциями. Berlin, 1910. С. 142–173.

44. *Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

---

notes

Сноски

1

С формальной точки зрения в «Определении» Синода слово «отлучение» не употреблялось. Однако все современники Толстого восприняли решение церкви именно так.

2

Крайне распространенное явление – российские чиновники и в XXI веке уверены, что они знают, чего именно хочет народ, и могут говорить от его имени. Этой уверенности им добавляют соцопросы – например, используемые в администрации президента так называемые закрытые опросы ФСО.

3

Участие мировой общественности в судьбе российских борцов с режимом станет долгой традицией. Освободить или смягчить приговор заключенным западные политические и культурные деятели будут просить и в советские, и в постсоветские годы. Один из последних примеров – дело Pussy Riot.

4

Слова Победоносцева поразительно точно совпадают с российской телевизионной пропагандой начала XXI века, утверждающей, что демократии не существует, западные страны ее только имитируют: во всем мире выборы подтасовывают, политиков и суды коррумпируют, полиция жестоко подавляет демонстрации и никаких демократических ценностей не существует. В это верят многие россияне и, весьма вероятно, большинство российских чиновников.

5

Спустя сто лет Русская православная церковь тоже абсолютно несамостоятельна: несмотря на формальное отделение церкви от государства, она, по сути, функционирует как государственное ведомство, подконтрольное администрации президента.

6

Удивительный контраст с началом XXI века – через сто с лишним лет после описанных событий побои и пытки в российских тюрьмах никого не шокируют. Они не воспринимаются как средневековая дикость, власти не пытаются с ними бороться, попытки единичных представителей гражданского общества что-то изменить в российской карательной системе пока безуспешны. В обществе существует негласный консенсус, что жестокое обращение с арестованными и заключенными – это норма и неизбежное зло.

7

Примерно равно 11 865 000 рублей (на 2017 год).

8

Примерно равно нескольким сотням миллиардов рублей (на 2017 год).

9

Примерно равно 1 582 000 000 рублей (на 2017 год).

10

Бурный рост в Западной Европе и Америке привел к пузырю, который лопнул, породив денежный кризис. Кредитные ставки быстро выросли, поток капиталов высох, заемщики не могли обслуживать подорожавшие кредиты, кредиторы требовали возврата. Железнодорожные компании в Америке и Европе начали разоряться. Финансовый кризис быстро перекинулся на промышленность, а конвертируемость рубля и открытость экономики России с одной стороны и ее отставание от западных стран привели к еще более глубокому кризису в стране. Во многом кризис этот напоминает события 2008–2009 годов.

11

Дело Мамонтова чем-то напоминает первый процесс Михаила Ходорковского и дело ЮКОСа 2003 года. В обоих случаях участники рынка очень удивлены судебным преследованием: оно противоречит устоявшимся правилам игры. Подобные махинации совершали все, почему же наказан только Мамонтов (Ходорковский), недоумевают его коллеги. В обоих случаях пристрастный судебный процесс привел к банкротству бизнеса, хотя изначально были все шансы его спасти.

12

Примерно равно 3 955 000 000 рублей (на 2017 год).

13

Примерно равно 7 910 000 рублей и 11 865 000 рублей (на 2017 год).

14

Примерно равно 395 500 000 рублей (на 2017 год).

15

Примерно равно 7 910 000 000 рублей и 35 595 000 000 рублей (на 2017 год).

16

Тактика Зубатова спустя сто лет станет основным приемом борьбы с политической оппозицией в России. В начале XXI века реальным оппозиционным партиям не удается получить регистрацию в министерстве юстиции, поэтому они остаются нелегальными – их называют «несистемной оппозицией». Зато регистрацию получают их дублеры, партии-спойлеры, созданные администрацией президента и контролируемые ею. Их называют «системной оппозицией», хотя на самом деле они оппозицией не являются, а лишь создают видимость ее существования.

17

Примерно равно 39 550 рублям (на 2017 год).

Подобная убежденность наблюдается среди российских чиновников и сейчас. Более того, многие из них искренне не могут поверить в то, что оппоненты режима действуют, исходя из собственных убеждений; они полагают, что любой протест, даже стихийный, – это результат подкупа, а любая критика – чей-то заказ.

19

Организованные митинги общественности, которая должна публично демонстрировать свою лояльность, в начале XXI века являются важнейшей частью государственной пропаганды. Участников подобных верноподданических митингов свозят автобусами, часто из соседних городов.

20

Примерно равно 158 200 рублям (на 2017 год).

21

Примерно равно 79 100 рублям (на 2017 год).

22

Примерно равно 454 825 рублям (на 2017 год).

23

Примерно равно 4 746 000 рублей (на 2017 год).

24

Сто лет спустя теории заговора уже не высмеиваются и не опровергаются официозными журналистами. В начале XXI века конспирология в России становится важнейшим элементом государственной пропаганды – вера в заговор против русского народа объединяет и государственных чиновников, и лояльных журналистов, и значительную часть аудитории.

25

Примерно равно 395 500 рублям (на 2017 год).

26

Предвзятость и стереотипы и в начале XXI века сильны в мировых СМИ: когда освещаются российские события, картина получается гораздо более черно-белой, примитивной и конспирологической, чем в реальности.

27

Открытые письма и статьи с призывами закрыть, запретить, возбудить уголовное дело и так далее в начале XXI века тоже являются популярным методом борьбы с деятелями культуры оппозиционного толка. Нет сомнений, что все эти статьи-доносы вовсе не инициируются сверху – они появляются по доброй воле их авторов, искренне считающих себя обязанными стоять на страже морали, нравственности, интересов народа и государства. Подобные частные инициативы регулярно превращаются в организованную травлю.

28

Петр Струве на несколько десятилетий станет одним из главных российских либералов и политической мишенью для всех, кто с ними не согласен. Примерно так же через сто лет за все ошибки российского либерализма будет отвечать тоже рыжеволосый Анатолий Чубайс.

29

Примерно равно 237 300 рублям (на 2017 год).

30

Примерно равно 4 462 822 рублям (на 2017 год).

31

В начале XXI века министерство иностранных дел также играет второстепенную роль в том, что касается внешнеполитических переговоров: все ключевые решения принимаются администрацией президента и Советом безопасности. Российским дипломатам остается только выполнять принятые решения, повлиять на ситуацию они не в состоянии.

32

Примерно равно 1 582 000 рублей (на 2017 год).

33

Примерно равно 316 400 рублям (на 2017 год).

34

Спустя сто лет эта практика в России стала еще более распространенной. В начале XXI века совещания главных редакторов крупнейших СМИ проходят в Кремле каждую неделю – как правило, по пятницам. На этих совещаниях главные редактора получают подробные инструкции, как именно они должны освещать даже не слишком значительные события.

35

Примерно равно 6328 рублям (на 2017 год).

36

Примерно равно 2 373 000 000 рублей (на 2017 год).

37

Примерно равно 395 500 000 рублей (на 2017 год).

38

Коррупция в высших сферах и в начале XXI века является темой, провоцирующей наибольшую протестную активность. Правда, это никак не связано с военными действиями, которые ведет Россия. В 2017 году главный военный прокурор Сергей Фридинский подготовил доклад о проверке действий Минобороны в рамках военной операции в Сирии. Результаты этой проверки никогда не были опубликованы и даже не возбудили внимания общественности, а прокурор Фридинский, вместо того чтобы выступить с этим докладом перед Советом Федерации, срочно подал в отставку.

39

Реакция на назначение князя Мирского и его курс на «доверие к обществу» чем-то напоминают реакцию на президентство Дмитрия Медведева, провозгласившего, что «свобода лучше, чем несвобода». Консервативной части чиновничества Медведев и его риторика казались чужеродными и вредными, а прогрессивной части общества – слишком слабыми и непоследовательными.

40

Это очень типичная сцена – сто лет спустя организаторы почти всех крупных протестных акций в России постоянно будут раскалываться на непримиримых (сторонников более решительных, наступательных действий) и умеренных (сторонников выжидания и переговоров с властями). Тех, кто готов идти на обострение, будут традиционно сравнивать с Георгием Гапоном – хотя Гапон изначально придерживался совсем другой тактики.

41

Почти дословное совпадение с формулировкой Алексея Навального «партия жуликов и воров», которая объединила российскую протестующую общественность в 2011 году.

42

Типичная для начала XXI века ситуация. Например, зимой 2011–2012 годов, после митинга за честные выборы на Болотной площади, многие высшие госчиновники не смогут поверить в стихийный характер протестов – они всерьез будут обсуждать между собой, что имела место тщательно спланированная операция, организованная при участии сотрудников администрации президента (например, Владислава Суркова).

43

Примерно равно 79 100 000 рублей (на 2017 год).

44

Создание псевдообщественных организаций, имитирующих гражданскую активность, а на самом деле нужных лишь для демонстративного одобрения действия властей, – важнейшая черта российской политической системы начала XXI века. Одна из первых таких структур – Общественная палата, созданная в 2005 году. Она должна имитировать дискуссию по важнейшим вопросам, волнующим гражданское общество, но под пристальным надзором администрации президента. Особенно популярными такие фиктивные общественные организации и движения стали в тот период, когда за внутреннюю политику в России стал отвечать Вячеслав Володин. Впрочем, и после его перехода в Думу прием не потерял своей популярности. Так, 12 июня 2017 года, в день, когда в центре Москвы проходила акция против коррупции, многие участники которой были школьниками, Владимир Путин принял в Кремле «правильных» школьников, вручил им паспорта и сфотографировался с ними в своем кабинете.

45

Любая протестная активность в России начала XXI века также сталкивается с обвинениями в том, что у нее есть «заморские покровители» и она осуществляется на деньги Госдепа США. Часто с подобными обвинениями выступают и представители Русской православной церкви. Активно обвиняют оппозиционеров в том, что они работают по заказу Запада, патриарх Кирилл и наместник Сретенского монастыря Тихон Шевкунов.

46

Примерно равно 14 238 000 000 рублей (на 2017 год).

47

Событие почти немыслимое для России XXI века. После дела ЮКОСа представители российского крупного бизнеса никогда не выступают с какими-либо политическими заявлениями, особенно публичными, а объединение крупных предпринимателей, РСПП, является образцом лояльности.

48

Примерно равно 39 550 000 рублей (на 2017 год).

49

Российские несистемные оппозиционные партии и в начале XXI века пытались договориться об объединении усилий, однако не смогли этого сделать из-за личных амбиций их лидеров – а затем почти все сошли с политической арены. Став маргинальными политическими группировками, они потеряли остатки популярности.

50

Примерно равно 7 910 000 рублей (на 2017 год).

51

Примерно равно 47 460 000 рублей (на 2017 год).

52

Идея России как осажденной крепости крайне популярна и в XXI веке. Она овладевала умами политической элиты как минимум дважды – через 100 и 110 лет после Цусимской трагедии. В 2004 и в 2014 годах, после двух революций на Украине, российские высшие госчиновники увлекались теорией, что Россия находится в кольце врагов, которые планируют произвести революцию при помощи засланных агентов влияния (то есть оппозиционных активистов). Всплески популярности этих теорий заговора оба раза оказывались непродолжительными – опасения по поводу всемирного антироссийского заговора быстро развеивались, однако предубеждение против оппозиционеров сохранялось.

53

По иронии судьбы именно там впоследствии будут похоронены все родственники Ленина, а в начале 1990-х будет обсуждаться вопрос о переносе тела самого Ленина на это кладбище.

54

Спустя сто лет лозунг «Россия для русских» все еще популярен, хотя сейчас его выдвигают не сторонники официальной государственной идеологии, а маргиналы-националисты. Впрочем, с приверженцами официальной национальной идеи их по-прежнему объединяет восприятие России как великой империи.

55

Российские власти в XXI веке пытались встать во главе реформ. Во время первого срока Владимира Путина главной целью правительства были объявлены экономические реформы (не затрагивающие политическую сферу), которые, однако, прекратились, как только цены на нефть пошли вверх. Второй раз курс на реформы и либерализацию общественной жизни провозгласил президент Дмитрий Медведев. Часть реформ так и не была начата, а остальные были отменены или даже отверстаны назад, как только Медведев покинул президентский пост.

56

Отношения деятелей культуры с государством и в XXI веке являются очень сложными: те из них, кто получает бюджетное финансирование, как правило, вынуждены публично выступать в поддержку государственной политики, подписывать открытые письма с осуждением противников режима и иными унизительными способами демонстрировать лояльность.

57

В XXI веке функции, которые в начале XX века выполняло министерство внутренних дел, перешли к администрации президента.

58

Чернов рассуждает в духе большинства политологов XXI века (как российских, так и иностранных) – во всем, что делает российская власть, он видит невероятно хитрый и даже коварный план, просчитанный на много ходов вперед, с целью заманить всех врагов режима в ловушку и уничтожить их.

59

Примерно равно 40 рублям (на 2017 год).

60

Примерно равно 791 рублю (на 2017 год).

61

Примерно равно 1582 рублям (на 2017 год).

62

Примерно равно 3955 рублям (на 2017 год).

63

Примерно равно 23 730 000 рублей (на 2017 год).

64

Примерно равно 395 500 рублям (на 2017 год).

65

Примерно равно 23 730 000 рублей (на 2017 год).

66

Атаки против правительства, но не против главы государства – очень типичная черта российской политики начала XXI века. Даже лояльные власти журналисты и члены партии «Единая Россия», не говоря уже о марионеточных оппозиционерах, умудряются регулярно нападать на правительство (например, во главе с Дмитрием Медведевым) – но фигура президента Владимира Путина всегда для них священна и выше любой критики.

67

Примерно равно 197 750 000 000 рублей (на 2017 год).

68

Примерно равно 7 910 000 000 рублей (на 2017 год).

69

Воззвание Горького можно сравнить с позицией разве что самых радикальных российских оппозиционеров начала XXI века, например бывшего чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова. В 2010-х представители российского гражданского общества в основном придерживаются значительно более умеренных взглядов. Многие оппозиционно настроенные граждане даже выступают за отмену санкций против России.

70

Примерно равно 2 373 000 рублей (на 2017 год).

71

Примерно равно 39 550 000 рублей (на 2017 год).

72

Примерно равно 19 775 000 рублей (на 2017 год).

73

Примерно равно 18 193 000 рублей (на 2017 год).

74

Примерно равно 3 955 000 рублей (на 2017 год).

75

В *The New York Times* скорее всего ошиблись: в 1906 году 1 500 000 долларов – это примерно 2 917 500 рублей (что примерно равно 2 307 742 500 современным рублям), а страховой полис Саввы Морозова был на 100 тысяч.

76

Примерно равно 79 100 000 рублей (на 2017 год).

77

Метод Горемыкина будет очень близок российским госчиновникам и спустя сто лет. Многие высокопоставленные сотрудники правительства и администрации президента будут прилагать огромные усилия, чтобы не нажить себе врагов – а с этой целью лучше вообще ничего не делать. В период премьерства Михаила Фрадкова (2004–2007 годы) этот принцип часто формулировался так: «За плохую работу не увольняют, увольняют только за нелояльность». В период премьерства Дмитрия Медведева такой логикой тоже руководствовалось большинство чиновников.

78

В начале XXI века российская власть научилась намного эффективнее собирать послушное большинство в Государственной думе. В 2000 году для формирования этого большинства, правда, пришлось распределять среди новоизбранных депутатов квартиры и другие материальные блага. Но затем прибегать к таким экстренным мерам уже не было необходимости – начиная с 2003 года на всех выборах побеждала партия власти. Бороться за лояльность депутатов, обеспечивая их жильем, власти стало не нужно.

79

Председателю Государственной думы РФ четвертого и пятого созывов Борису Грызлову приписывается фраза «Дума – не место для дискуссий». Впрочем, согласно официально стенограмме, в 2003 году он сказал несколько иначе: «Государственная дума – это не та площадка, где надо проводить политические баталии».

80

Примерно равно 39 550 000 рублей (на 2017 год).

81

Примерно равно 11 865 000 рублей (на 2017 год).

82

Примерно равно 1 582 000 рублей (на 2017 год).

83

Примерно равно 237 300 рублям (на 2017 год).

84

Деятельность боевых дружин Союза русского народа удивительным образом напоминает «дело БОРНа» – «Боевой организации русских националистов». В начале XXI века активисты БОРНа убили судью Эдуарда Чувашова, адвоката Станислава Маркелова, журналистку Анастасию Бабурову и нескольких лидеров антифашистских движений. Во время судебного процесса обвиняемые утверждали, что БОРН напрямую курируется и финансируется администрацией президента.

85

Примерно равно сотням миллионов рублей (на 2017 год).

86

Примерно в 100 км от Акатуйской каторжной тюрьмы (ныне несуществующей), в которой в 1905–1906 годах сидел Григорий Гершуни, находится современная Краснокаменская колония, где ровно через сто лет отбывал свой первый тюремный срок Михаил Ходорковский (2005–2006).

87

Примерно равно 791 000 рублей (на 2017 год).

88

Примерно равно 1582 рублям (на 2017 год).

89

Примерно равно 2 373 000 рублей (на 2017 год).

90

В начале XXI века представители власти тоже будут часто считать себя оскорбленными, и эти случаи будут использоваться для борьбы с политическими оппонентами. Причем чаще всего оскорбляться представители власти будут не за себя, а, например, за верующих или ветеранов Великой Отечественной войны. Наконец, статья 282 Уголовного кодекса будет предусматривать наказание за «унижение достоинства социальной группы» (например, «представители власти»).

91

Примерно равно 19 775 000 рублей (на 2017 год).

92

Чиновника Крыжановского можно считать первопроходцем в деле организации российских выборов – в России начала XXI века все будет устроено примерно так же. Администрация президента будет жестко контролировать весь процесс, заранее определяя желаемый итог голосования. Для достижения нужного результата выборов чиновники XXI века не будут останавливаться ни перед чем. По сравнению с результатами, которых будут добиваться Владислав Сурков или Вячеслав Володин, достижения Крыжановского, сочетавшего умеренный подкуп и легкую подтасовку, кажутся довольно скромными.

93

Примерно равно 11 865 000 рублей (на 2017 год).

94

Примерно равно 3 955 000 рублей (на 2017 год).

95

В начале XXI века российская культурная общественность тоже будет задаваться вопросом, прилично ли деятелям искусства получать деньги из госбюджета. Большинство ответят для себя на этот вопрос положительно – как и Дягилев, они будут считать, что другого источника финансирования, помимо государства, не найти, зато долг государства – финансировать культуру.

96

Примерно равно 29 267 000 рублей (на 2017 год).

97

Примерно равно 791 000 рублей (на 2017 год).

98

Примерно равно 2 373 000 рублей (на 2017 год).

99

В начале XXI века религиозные фундаменталисты тоже неожиданно обрели политическое влияние. В 2012 году Госдума приняла закон об оскорблении чувств верующих (формулировка полностью соответствует дореволюционной). Затем все больший резонанс стали приобретать инициативы активистов, не так давно казавшихся маргиналами, связанные с ограничением прав гомосексуалистов, вмешательством государства в личную жизнь граждан, а также проверкой художественных произведений на предмет соблюдения норм морали.

100

Примерно равно 47 460 000 рублей (на 2017 год).

101

Примерно равно 2 373 000 000 рублей (на 2017 год).

102

Примерно равно 25 169 620 рублям (на 2017 год).

103

В начале XXI века в российской прессе будут появляться точно такие же расследования: однако на этот раз в доведении школьников до самоубийств обвинят загадочные «группы смерти», существующие в социальных сетях. Борьба с «эпидемией» школьных суицидов приведет к серии инициатив, направленных на ограничение свободы интернета.

104

В начале XXI века вопросом, как поступить – остаться в России и подвергнуть себя опасности быть незаконно осужденным или скрыться от суда за границей, будут задаваться практически все активные критики власти. Статьи «дерзостное неуважение к власти» в XXI веке уже не существует, однако многие политически активные граждане оказываются на скамье подсудимых по другим статьям – как правило, экономическим.

105

В начале XXI века представители крупного бизнеса будут еще более аккуратны в отношении властей. После того как Михаил Ходорковский прочитал доклад о коррупции на заседании РСПП в присутствии Владимира Путина (и за этим последовало дело ЮКОСа), никто из так называемых олигархов больше не рисковал открыто критиковать представителей власти. Наоборот, представители крупного бизнеса не раз говорили публично, что, если государство потребует, они готовы отдать ему всю свою собственность.

106

Примерно равно 395 500 000 000 рублей (на 2017 год).

107

Примерно равно 3 164 000 000 рублей (на 2017 год).

108

Примерно равно 15 820 000 000 рублей (на 2017 год).

109

«Новый курс» Кривошеина не очень похож на «Новый курс» Франклина Рузвельта, который появится в США только через 20 лет. Идеей Рузвельта станет использовать государственный бюджет для строительства инфраструктуры. Кривошеин же выступает за более полное сельскохозяйственное использование пустующих и неэффективных земель. Предложение напоминает освоение целины в СССР при Хрущеве в 1960-е годы.

110

Расхождения между Коковцовым и Кривошеиным очень напоминают ту дилемму, перед которой Россия окажется ровно через сто лет, в «тучные нулевые» XXI века. Министр финансов Алексей Кудрин, как и его предшественник, будет сторонником создания стабфонда, тогда как многие его оппоненты будут настаивать на том, чтобы сверхдоходы, которые получает бюджет от нефти, вкладывались бы в инфраструктуру и модернизацию российской экономики. Это противостояние закончится примерно так же, как и в XX веке, – «тучные» годы закончатся, а реформы так и не будут проведены.

111

Примерно равно 3 955 000 рублей (на 2017 год).

112

Примерно равно 5 537 000 000 рублей (на 2017 год).

113

Примерно равно 791 000 000 рублей (на 2017 год).

114

Примерно равно 3 559 500 000 рублей (на 2017 год).

115

Поразительно, но сто лет спустя самый крупный коррупционный скандал в российском руководстве будет тоже связан с министром обороны – Анатолием Сердюковым. Его история отчасти повторит неприятности Сухомлинова, которого обвиняли в коррупции, в том числе из-за расточительности и пристрастия к роскоши его гражданской жены Екатерины. В начале XXI века символом коррупции в министерстве обороны станет Евгения Васильева, которую пресса будет называть любовницей Анатолия Сердюкова. Впрочем, в отличие от Сухомлинова, Сердюков не будет арестован и никогда не станет обвиняемым по делу о коррупции в военном ведомстве: он будет проходить свидетелем по делу, а Евгения Васильева проведет за решеткой три месяца.

116

Примерно равно 69 232 275 рублям (на 2017 год).

117

Примерно равно 36 923 880 рублям (на 2017 год).

118

Примерно равно 1 582 000 000 рублей (на 2017 год).

119

Отрекся (*франц.*).

120

К 1917 году избирательные права имеют только гражданки Австралии, Новой Зеландии, Дании и Норвегии; на одной части Российской империи (в Финляндии) женское избирательное право существовало с 1906 года.

121

Обвинения против большевиков, запущенные властями через прессу, очень напоминают преследования российской оппозиции в начале XXI века. В 2011 и 2012 годах на телеканале НТВ выйдут фильмы «Анатомия протеста» и «Анатомия протеста – 2», в основу которых ляжет видеозапись, сделанная скрытой камерой, возможно, российскими спецслужбами. Видео якобы докажут тот факт, что грузинские спецслужбы финансируют российскую оппозицию. На основании фильма «Анатомия протеста – 2» будет возбуждено уголовное дело, трое активистов «Левого фронта» будут приговорены к тюремному заключению.

122

Параллели между корниловским мятежом 1917-го и августовским путчем 1991-го очевидны. Оба выступления имели одну цель – реванш и реставрация прежних порядков. В обоих случаях путчи были инициированы искренними сторонниками империи, пережившей катастрофу. Лидируют среди путчистов военные и представители старой элиты. Власть (Горбачев, Керенский) играет пассивную, даже двусмысленную роль: у наблюдателей неоднократно возникали сомнения, не было ли сговора между главой государства и путчистами. Часть культурной интеллигенции была на стороне путчистов, большинство населения столиц активно выступило против. Именно активные действия гражданского общества (а не власти) привели к неудаче путча. В итоге путч привел к прямо противоположным результатам, чем хотели заговорщики: они лишь ускорили коллапс прежнего режима. Даже умеренные переходные формы стали невозможны, радикальные противники прежней империи одержали верх. Государство, которое пытались спасти путчисты, в обоих случаях распалось на куски, хотя до путча был шанс сохранить его территориальную целостность.

123

Примерно равно 2 373 000 рублей (на 2017 год).

124

Примерно равно 15 820 и 31 640 рублям (на 2017 год).

125

Примерно равно 79 100 000 рублей (на 2017 год).

126

Это опьяняет (*нем.*).

127

Примерно равно 2 175 250 000 000 рублей (на 2017 год).